

Свт. Димитрий Ростовский

ЖИТИЯ СВЯТЫХ

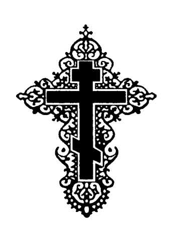
VIII

АПРЕЛЬ

Святитель Димитрий, митрополит Ростовский.

XVIII в.

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ,

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ

ИЗЛОЖЕННЫЯ ПО РУКОВОДСТВУ

ЧЕТЬИХЪ-МИНЕЙ св. ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО

КНИГА ВОСЬМАЯ

АПРЕЛЬ

«Ковчег»
Москва
2010

Разрешено к печати
Издательским Советом
Русской Православной Церкви

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. Книга восьмая. Апрель. — М.: «Ковчег», 2010. — 480 с., ил.

Данное издание представляет собой новый набор дореволюционного текста, напечатанного в Московской синодальной типографии в 1904–1911 гг., в современном правописании с заново подобранными иллюстрациями. Цитаты из Священного Писания приведены, за исключением некоторых, на русском языке (Синодальный перевод). Приложен список старинных мер длины и денежных единиц.

ISBN 5-98317-157-7

Подписано в печать 16.03.10. Формат 70×100¹/¹⁶.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 30 п. л. Усл. печ. л. 38,7.
Гарнитура «Newton». Тираж 3000 экз. Заказ № 1482.

Издательство «Ковчег».
Москва, ул. Б. Ордынка, 7

Оптовая и розничная книжная торговля
Тел.: (495) 689-11-00
Санкт-Петербург: (812) 336-21-98

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов
в ОАО «Дом печати – ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
http://www.gipp.kirov.ru
e-mail: pto@gipp.kirov.ru

МИНЕИ-ЧЕТЬИ

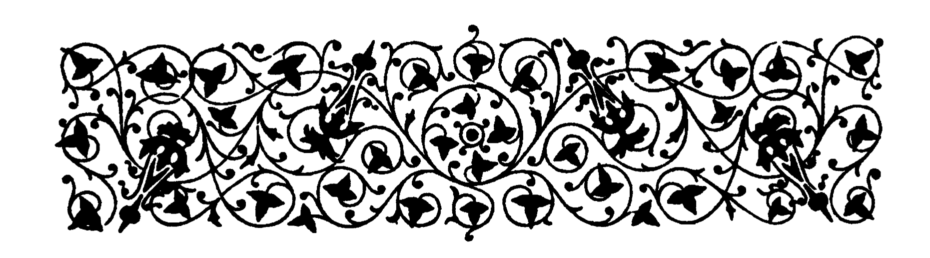
НА

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

КНИГА ВОСЬМАЯ

Молитва
(из предисловия к Житиям святых)

Скажи ми безвестная и тайная премудрости Твоея́, на Тя бо уповаю, Боже, да Ты ми просветиши ум и мысль светом разума Твоего не то́кмо чести́ написанная, но и творити я, да не в грех себе учения и жития святых прочитаю, но в обновление и просвещение и в спасение души моей и в провожение в вечную жизнь.

День первый

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОЙ МАТЕРИ НАШЕЙ
МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ

Блюсти царскую тайну хорошо, а открывать и проповедовать дела Божии славно (см.: Тов. 12, 7), — так сказал Архангел Рафаил Товиту, когда совершилось дивное исцеление его слепоты. Действительно, не хранить царской тайны страшно и гибельно, а умалчивать о преславных делах Божиих — большая потеря для души. И я, — говорит святой Софроний[1], написавший житие преподобной Марии Египетской, — боюсь молчанием утаить Божественные дела и, вспоминая о грозящем несчастии рабу (см.: Мф. 25, 18, 25), закопавшему в землю данный от Бога талант, не могу не рассказать святой повести, дошедшей до меня. И да никто не подумает, — продолжает святой Софроний, — что я осмелился писать неправду, когда у кого явится сомнение в этом дивном событии: не подобает мне лгать на святое.

---

[1] *Святой Софроний*, патриарх Иерусалимский, жил в VII веке. Святой Софроний был светильником не только для Палестинской, но и для всей Восточной Церкви. Именно за свою святость Софроний и был избран во Иерусалимского патриарха (в 634 г.). Он управлял Церковью десять лет, ревностно защищая православное учение от еретиков-монофелитов. Ныне известные сочинения святого Софрония содержат в себе иные — догматическое учение, другие — писаны для назидания в благочестии, то в виде слов и повестей, то в виде песней. Святой Иоанн Дамаскин с похвалою отзывался о Софрониевом описании жития святой Марии Египетской. Не менее важны и другие сочинения святого Софрония, как то: объяснение на литургию, стихиры в предпразднство Рождества Христова, стихиры на водоосвящение в день Богоявления с молитвою и друг. — Память святого Софрония празднуется Церковью 11 марта.

Если же найдутся такие люди, которые, прочитав это писание и пораженные преславным событием, не поверят, то к ним да будет милостив Господь, потому что они, размышляя о немощи человеческого существа, считают невозможными те чудесные дела, которые совершаются со святыми людьми. Однако надо уже начать рассказ о славном событии, происшедшем в нашем роде.

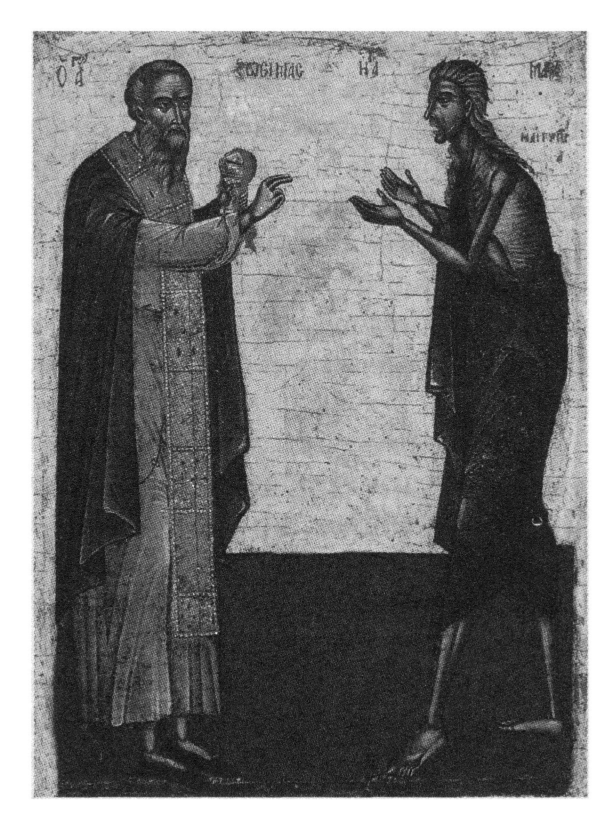
В одном из палестинских монастырей жил старец, украшенный благочестием жизни и разумностью речи, и с ранней юности доблестно подвизавшийся в иноческом подвиге. Имя старцу было Зосима. (Пусть никто не думает, что это Зосима еретик, хотя у них и одно имя: один заслужил худую славу и был чужд церкви, другой — праведный и был прославлен.) Зосима прошел все степени постнических подвигов и соблюдал все правила, преподанные величайшими иноками. Исполняя все это, он никогда не переставал поучаться Божественными словами: и ложась, и вставая, и за работой, и вкушая пищу (если только можно назвать пищей то, что он вкушал в очень малом количестве), он неумолчно и постоянно исполнял одно дело — он пел Божественные песнопения и искал поучений в Божественных книгах. Еще в младенчестве он был отдан в монастырь, где доблестно подвизался в постничестве до пятидесяти трех лет. Но потом его стала смущать мысль, что он достиг полного совершенства и более не нуждается ни в каких наставлениях.

«Есть ли, — думал он, — на земле инок, могущий меня наставить и показать пример такого постничества, какого я еще не прошел? Найдется ли в пустыне человек, превзошедший меня?»

Когда старец так размышлял, к нему явился Ангел и сказал:

«Зосима! Ты усердно подвизался, насколько это в силах человека, и доблестно прошел постнический подвиг. Однако нет человека, который мог бы сказать о себе, что он достиг совершенства. Есть подвиги, неведомые тебе, и труднее пройденных тобою. Чтобы познать, сколько иных путей ведут ко спасению, покинь страну свою, как славнейший из патриархов Авраам (см.: Быт. 12, 1), и иди в монастырь, лежащий при реке Иордане».

Следуя такому наставлению, Зосима вышел из монастыря, в котором подвизался с младенчества, отправился к Иордану и достиг того монастыря, куда его направил голос Божий.

Прпп. Зосима и Мария Египетская

Толкнув рукою монастырские врата, Зосима нашел инока-привратника и сказал ему про себя. Тот известил игумена, который приказал позвать пришедшего старца к себе. Зосима пришел к игумену и исполнил обычный иноческий поклон и молитву.

— Откуда ты, брат, — спросил его игумен, — и для чего пришел к нам, нищим старцам?

Зосима отвечал:

— Откуда я пришел, об этом нет нужды говорить; пришел же я, отец, ища себе душевной пользы, так как слышал о вас много великого и достохвального, могущего привести душу к Богу.

— Брат, — сказал ему на это игумен, — один Бог может исцелить немощи душевные; да наставит он и тебя и нас путям Своим на пользу души, а человек исправлять человека не может, если он постоянно не вникает в себя и неусыпно, с Божией помощью, не совершает подвигов. Но так как любовь Христова побудила тебя посетить нас, убогих старцев, то оставайся с нами, если для этого пришел. Пастырь добрый, отдавший душу свою для нашего спасения, да ниспошлет на всех нас благодать Святого Духа.

После таких слов Зосима поклонился игумену, просил его молитв и благословения и остался в монастыре. Здесь он видел старцев, сиявших добрыми делами и благочестием, с пламенным сердцем служивших Господу непрестанным пением, всенощной молитвой, постоянным трудом. На устах их всегда были псалмы, никогда не слышно было праздного слова, ничего не знали они о приобретении

временных благ и о житейских заботах. Одно у них было постоянное стремление — это умертвить свою плоть. Главная и постоянная пища их была слово Божие, а тело они питали хлебом и водою, насколько каждому позволяла любовь к Богу. Видя это, Зосима поучался и готовился к предстоящему подвигу.

Прошло много времени, наступили дни святого Великого поста, монастырские ворота были заперты и открывались только в том случае, если кого посылали по делам монастыря. Пустынная была та местность; миряне не только не приходили, но даже не знали об этой обители.

Был в монастыре том обычай, ради коего Бог привел туда Зосиму. В первую неделю Великого поста за литургией все причащались Пречистого Тела и Крови Господней и вкушали немного постной пищи; потом все собирались в церкви, и после прилежной, коленопреклоненной молитвы старцы прощались друг с другом; и каждый с поклоном просил у игумена благословения на предлежащий подвиг путешествующим. После этого открывались монастырские ворота, и с пением псалма *Господь — свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь крепость жизни моей: кого мне страшиться?* (Пс. 26, 1) иноки выходили в пустыню и переходили через реку Иордан. В монастыре оставались только один или двое старцев, не для охраны имущества — украсть там было нечего, — но чтобы не оставить церковь без богослужения. Каждый брал с собою немного пищи, сколько мог и хотел по своим телесным потребностям: один — немного хлеба, другой — смоквы, кто — финики или моченую в воде пшеницу. Некоторые ничего с собой не брали, кроме рубища на своем теле, и питались, когда принуждал их к тому голод, растущими в пустыне травами.

Перешедши через Иордан, все расходились далеко в разные стороны и не знали друг о друге, как кто постится и подвизается. Если кто видел, что другой идет к нему навстречу, то уходил в другую сторону и продолжал свою жизнь в одиночестве в постоянной молитве, вкушая в определенное время очень мало пищи. Так иноки проводили весь Великий пост и возвращались в монастырь за неделю до Воскресения Христова, когда церковь с ваиями[1] торжественно празд-

---

[1] *Ваия* — ветви пальмовые (Ин. 12, 13; Мк. 11, 8). *Неделя ваий* — иначе цветоносная, или цветная, — Вербное воскресенье.

нует праздник Ваий. Придя в монастырь, никто из братии не спрашивал друг друга, как он провел время в пустыне и чем занимался, имея свидетелем одну только свою совесть. Таков был монастырский устав Прииорданского монастыря.

Зосима, по обычаю того монастыря, также перешел через Иордан, взяв с собой ради немощи телесной немного пищи и ту одежду, которую носил постоянно. Блуждая по пустыне, он совершал свой молитвенный подвиг и по возможности воздерживался от пищи. Спал он мало; где застанет его ночь, там уснет немного, сидя на земле, а рано утром пробуждается и продолжает свой подвиг. Ему все больше и больше хотелось пройти в глубь пустыни и там найти одного из подвижников, который мог бы его наставить.

После двадцати дней пути он однажды приостановился и, обратившись на восток, стал петь шестой час[1], исполняя обычные молитвы: во время своего подвига он, приостанавливаясь, пел каждый час и молился. Когда он так пел, то увидал с правой стороны как будто тень человеческого тела. Испугавшись и думая, что это бесовское наваждение, он стал креститься. Когда страх прошел и молитва была окончена, он обернулся к югу и увидел человека нагого, опаленного до́черна солнцем, с белыми, как шерсть волосами, спускавшимися только до шеи. Зосима побежал в ту сторону с большою радостью: в последние дни он не видал не только человека, но и животного. Когда этот человек издали увидал, что Зосима приближается к нему, то поспешно побежал в глубь пустыни. Но Зосима как будто забыл и свою старость, и утомление от пути и бросился догонять беглеца. Тот поспешно удалялся, но Зосима бежал быстрее, и когда нагнал его настолько, что можно им было услышать друг друга, то возопил со слезами:

— Зачем ты, раб Бога истинного, ради Коего поселился в пустыне, убегаешь от меня, грешного старца? Подожди меня, недостойного и немощного, надежды ради воздаяния за твой подвиг! Остановись, помолись за меня и ради Господа Бога, Который никем не гнушается, преподай мне благословение.

---

[1] *Часы* — так называются молитвословия, состоящие из трех псалмов, нескольких стихов и молитв, приноровленных к каждой четверти дня и к особенным обстоятельствам страданий Спасителя. — На шестом часе вспоминаются шествие Спасителя на распятие, самое распятие и крестные страдания.

Так восклицал Зосима со слезами. Между тем они достигли ложбины, как бы русла высохшей реки. Беглец устремился на другую сторону, а Зосима, утомленный и не имевший сил бежать дальше, усилил слезные мольбы свои и остановился. Тогда бежавший от Зосимы наконец остановился и сказал так:

— Авва[1] Зосима! Прости меня ради Бога, что не могу предстать перед тобой: женщина я, как видишь, нагая, ничем не прикрытая в своей наготе. Но если ты хочешь преподать мне, грешной, свою молитву и благословение, то брось мне что-нибудь из своей одежды прикрыться, и тогда я обращусь к тебе за молитвой.

Страх и ужас объял Зосиму, когда он услышал свое имя из уст той, которая никогда его не видала и о нем ничего не слышала.

«Если бы она не была прозорливой, — подумал он, — то не назвала бы меня по имени».

Быстро исполнил он ее желание, снял с себя ветхую, разорванную одежду и, отворотившись, бросил ей. Взяв одежду, она препоясалась и, насколько было возможно, прикрыла свою наготу. Потом она обратилась к Зосиме с такими словами:

— Зачем ты, авва Зосима, пожелал увидеть меня, грешную жену? Хочешь что-либо услышать или научиться от меня и потому не поленился на трудный путь?

Но Зосима бросился на землю и просил у нее благословения. Она также склонилась на землю, и так оба лежали, прося друг у друга благословения; слышно было только одно слово «благослови!». После долгого времени она сказала старцу:

— Авва Зосима! Ты должен благословить и сотворить молитву, потому что ты облечен саном иерея и уже много лет предстоишь святому алтарю, совершая Божественные таинства.

Эти слова повергли старца еще в больший страх. Обливаясь слезами, он сказал ей, с трудом переводя дыхание от трепета:

— О духовная матерь! Ты приблизилась к Богу, умертвив телесные немощи. Божий дар на тебе проявляется больше, чем на других: ты никогда не видала меня, но называешь меня по имени и знаешь мой сан иерея. Поэтому лучше ты меня благослови ради Бога и преподай свою святую молитву.

---

[1] *Авва* — отец, наставник.

Тронутая настойчивостью старца, она благословила его с такими словами:

— Благословен Бог, хотящий спасения душам человеческим!

Зосима ответствовал «аминь», и оба поднялись с земли. Тогда она спросила старца:

— Человек Божий! Зачем ты пожелал посетить меня нагую, не украшенную никакими добродетелями? Но благодать Святого Духа привела тебя, чтобы, когда нужно, сообщить мне и о земной жизни. Скажи же мне, отец, как теперь живут христиане, царь и святые церкви?

— Вашими святыми молитвами, — отвечал Зосима, — Бог даровал церкви прочный мир[1]. Но склонись к мольбам недостойного старца и помолись Господу за весь мир и за меня грешного, чтобы мое скитание по пустыне не прошло бесплодным.

— Скорее тебе, авва Зосима, — сказала она, — как имеющему священный сан, подобает помолиться за меня и за всех; ибо ты к этому и предназначен. Но из долга послушания я исполню твою волю.

С этими словами она обратилась на восток; возведши очи кверху и подняв руки, она начала молиться, но так тихо, что Зосима не слышал и не понимал слов молитвы. В трепете, молча стоял он, поникнув головой.

«Призываю Бога во свидетели, — рассказывал он, — что через некоторое время я приподнял глаза и увидал ее поднявшеюся на локоть[2] от земли; так она стояла на воздухе и молилась». Увидев это, Зосима затрепетал от страха, со слезами повергнулся на землю и только произносил:

— Господи, помилуй!

Но тут его смутила мысль, не дух ли это и не привидение ли, как бы молящееся Богу. Но святая, подняв старца с земли, сказала:

— Зачем, Зосима, тебя смущает мысль о привидении, зачем думаешь, что я дух, совершающий молитву? Умоляю тебя, блаженный отец, уверься, что я жена грешница, очищенная только святым кре-

---

[1] Это было в начале VI века, когда уже прекратились гонения и утихли ереси, и Церковь христианская пользовалась миром и спокойствием.

[2] *Локоть*, или *лакоть*, — мера длины от локтя до конца среднего пальца, равная десяти с половиной вершкам.

щением; нет, я не дух, а земля, прах и пепел, я плоть, не помышляющая быть духом.

С этими словами она осенила крестным знамением свое чело, очи, уста, грудь и продолжала:

— Да избавит нас Бог от лукавого и от сетей его, потому что велика брань[1] его на нас.

Слыша такие слова, старец припал к ногам ее и со слезами воскликнул:

— Именем Господа нашего Иисуса Христа, Бога истинного, рожденного от Девы, ради Коего ты, нагая, так умертвила свою плоть, заклинаю тебя, не скрывай от меня, но все расскажи о твоей жизни, и я прославлю величие Божие. Ради Бога, скажи все не для похвальбы, а чтобы дать наставление мне грешному и недостойному. Я верю в Бога моего, для Коего ты живешь, что я направился в эту пустыню именно для того, чтобы Бог прославил твои дела: путям Божиим мы не в силах противостоять. Если бы Богу не было угодно, чтобы ты и твои подвиги сделались известны, Он не открыл бы тебя мне и меня не укрепил бы на такой далекий путь по пустыне.

Много убеждал Зосима ее и другими словами, а она, подняв его, сказала:

— Прости меня, святой отец, я стыжусь рассказать о позорной жизни моей. Но ты видел мое нагое тело, так я обнажу и душу мою, и ты узнаешь, сколько в ней стыда и позора. Я откроюсь тебе, не хвалясь, как ты говорил: о чем хвалиться мне, избранному сосуду диавольскому! Но если начну рассказ о своей жизни, ты убежишь от меня, как от змеи; твой слух не выдержит повести о моем беспутстве. Однако я расскажу, ничего не умолчав; только прошу тебя, когда узнаешь жизнь мою, не забывай молиться за меня, чтобы мне получить какую-либо милость в день судный.

Старец с неудержимыми слезами просил ее поведать о своей жизни, и она так начала рассказывать о себе:

«Я, святой отец, родилась в Египте, но будучи двенадцати лет от роду, когда были живы еще мои родители, я отвергла их любовь и отправилась в Александрию[2]. Как я потеряла свою девическую чистоту

---

[1] *Брань* — нападение, козни.

[2] *Александрия* — знаменитый город, основанный Александром Македонским на берегу Средиземного моря, при устье реки Нила. Александрия после Рима была

и стала неудержимо, ненасытно предаваться любодеянию, — об этом без стыда я не могу даже помыслить, не только пространно рассказывать; скажу только кратко, чтобы ты узнал о неудержимой моей похоти. Семнадцать лет, и даже больше, я совершала блуд со всеми, не ради подарка или платы, так как ничего ни от кого я не хотела брать, но я так рассудила, что даром больше будут приходить ко мне и удовлетворять мою похоть. Не думай, что я была богата и оттого не брала, — нет, я жила в нищете, часто голодная пряла охлопья, но всегда была одержима желанием еще более погрязнуть в тине блуда: я видела жизнь в постоянном бесчестии. Однажды, во время жатвы, я увидела, что много мужей — и египтян, и ливийцев[1] идут к морю. Я спросила одного встречного, куда спешат эти люди? Тот ответил, что они идут в Иерусалим на предстоящий в скором времени праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста. На мой вопрос, возьмут ли они и меня с собой, он сказал, что если у меня есть деньги и пища, то никто не будет препятствовать. Я сказала ему: „Нет, брат, у меня ни денег, ни пищи, но все-таки я пойду и сяду с ними в один корабль, а они меня пропитают: я отдам им свое тело за плату“. — Я хотела пойти для того, чтобы, — прости меня, мой отец, — около меня было много людей, готовых к похоти. Говорила тебе я, отец Зосима, чтобы ты не принуждал меня рассказывать про мой позор. Бог свидетель, я боюсь, что своими словами я оскверняю самый воздух».

Орошая землю слезами, Зосима воскликнул:

— Говори, мать моя, говори! Продолжай свою поучительную повесть!

«Встретившийся юноша, — продолжала она, — услышав мою бесстыдную речь, засмеялся и отошел прочь. А я, бросив случившуюся при мне пряслицу, поспешила к морю. Оглядев путешественников, я заметила среди них человек десять или больше, стоявших на берегу; они были молоды и, казалось, подходили к моему вожделению. Другие уже вошли в корабль.

первым городом в мире и служила центром торговли, промышленности и особенно языческой образованности, а в первые века христианства — рассадником христианского просвещения. В настоящее время Александрия принадлежит к числу укрепленнейших портовых городов и важнейших торговых пунктов при Средиземном море.

[1] *Ливийцы* — жители Ливии, провинции в Северной Африке.

Бесстыдно, по обыкновению, я подбежала к стоявшим и сказала: „Возьмите и меня с собою, я вам буду угождать". Они засмеялись на эти и подобные слова, и видя мое бесстыдство, взяли с собой на корабль, и мы отплыли. Как тебе, человек Божий, сказать, что было дальше? Какой язык, какой слух вынесет рассказ о позорных делах, совершенных мною на корабле во время пути: я увлекала на грех даже против воли, и не было постыдных дел, каким бы я не научала. Поверь, отец, я ужасаюсь, как море перенесло такой разврат, как не разверзлась земля и не погрузила меня живою в ад после совращения столь многих людей! Но я думаю, что Бог ожидал моего покаяния, не желая смерти грешника, но с долготерпением ожидая обращения.

С такими чувствами прибыла я в Иерусалим и все дни до праздника поступала по-прежнему, и даже хуже. Я не только не довольствовалась юношами, бывшими со мной на корабле, но еще собирала на блуд местных жителей и странников. Наконец, наступил праздник Воздвижения Честного Креста, и я, как и прежде, пошла совращать юношей. Увидев, что рано утром все, один за другом, идут в церковь, отправилась и я, вошла со всеми в притвор и, когда наступил час святого Воздвижения Честного Креста Господня, попыталась с народом проникнуть в церковь. Как я ни старалась протесниться, но народ меня отстранял. Наконец, с большим трудом приблизилась к дверям церкви и я, окаянная. Но все невозбранно входили в церковь, а меня не допускала какая-то Божественная сила. Я снова попыталась войти, и снова была отстранена, осталась одна в притворе. Думая, что это происходит от моей женской слабости, я вмешалась в новую толпу, но старание мое оказалось тщетным; моя грешная нога уже касалась порога, всех невозбранно церковь принимала, меня одну окаянную она не допускала; как будто нарочно приставленная, многочисленная, воинская стража, неведомая сила задерживала меня — и вот я опять оказалась в притворе. Так тричетыре раза я напрягала силы, но не имела успеха. От изнеможения я не могла более вмешиваться в толпу входящих, все тело мое болело от тесноты и давки. Отчаявшись, я со стыдом отступила и встала в углу притвора. Очнувшись, я подумала, какая вина не дозволяет мне видеть животворящее древо Креста Господня. Свет спасительного разума, правда Божия, освещающая душевные очи, кос-

нулась сердца моего и указала, что мерзость дел моих возбраняет мне войти в церковь. Тогда я стала горько плакать, с рыданиями бить себя в грудь и вздыхать от глубины сердца.

Так я плакала, стоя в притворе. Подняв глаза, я увидала на стене икону Пресвятой Богородицы и, обратив к ней телесные и душевные очи, воскликнула:

— О Владычица, Дева, рождшая Бога плотию! Я знаю, глубоко знаю, что нет чести Тебе и хвалы, когда я, нечистая и скверная, взираю на Твой лик Приснодевы, чистой телом и душой. Праведно, если Твоя девственная чистота погнушается и возненавидит меня блудницу. Но я слышала, что рожденный Тобою Бог для того и воплотился, чтобы призвать грешников к покаянию. Приди же ко мне, оставленной всеми, на помощь! Повели, чтобы мне не возбранен был вход в церковь, дай мне узреть Честное древо, на котором плотию был распят рожденный Тобой, проливший святую кровь Свою за избавление грешников и за мое. Повели, Владычица, чтобы и для меня, недостойной, открылись двери церкви для поклонения Божественному Кресту! Будь моей верной поручительницей перед Сыном Твоим, что я более не оскверню своего тела нечистотою блуда, но, воззрев на Крестное древо, отрекусь от мира и его соблазнов и пойду туда, куда поведешь меня Ты, поручительница моего спасения.

Так я сказала. Подбодренная верою и убежденная в милосердии Богородицы, я, как будто по чьему-то побуждению, двинулась с того места, где молилась, и смешалась с толпой входящих в церковь. Теперь никто меня не отталкивал и не мешал дойти до дверей церкви. Страх и ужас напал на меня, я вся трепетала. Достигнув дверей, прежде для меня затворенных, я без труда вошла внутрь святой церкви и сподобилась видеть животворящее древо, постигла тайны Божии, поняла, что Бог не отринет кающегося. Падши на землю, я поклонилась Честному Кресту и облобызала его с трепетом. Потом я вышла из церкви к образу моей поручительницы — Богородицы и, преклонив колена перед Ее святой иконой, так молилась:

— О присноблаженная Дева, Владычица Богородица, не погнушавшись моей молитвы, Ты на мне показала Свое великое человеколюбие. Я видела славу Господню, блудная и недостойная зреть ее! Слава Богу, ради Тебя принимающему покаяние грешных! Вот все,

что я грешная могу помыслить и сказать словами. Теперь, Владычица, пора исполнить то, что я обещалась, призывая Тебя поручительницей: наставь меня, как будет Твоя воля, и научи, как довершить спасение на пути покаяния.

После этих слов я услышала, как будто издалека, голос:

— Если перейдешь через Иордан, то найдешь себе полное успокоение.

Выслушав эти слова с верою, что они обращены ко мне, я со слезами воскликнула, взирая на икону[1] Богородицы:

— Владычица, Владычица Богородица, не оставь меня!

С этими словами я вышла из церковного притвора и быстро пошла вперед.

На дороге кто-то дал мне три монеты со словами:

— Возьми это, мать.

Я приняла монеты, купила три хлеба и спросила продавца, где путь к Иордану. Узнав, какие ворота ведут в ту сторону, я быстро пошла, проливая слезы. Так я провела весь день в пути, спрашивая дорогу у встречных, и к третьему часу того дня, когда сподобилась узреть святой Крест Христов, уже на закате солнца, я дошла до церкви святого Иоанна Крестителя у реки Иордана. Помолившись в церкви, я сошла к Иордану и омыла себе водой этой святой реки руки и лицо. Возвратившись в церковь, я причастилась Пречистых и Животворящих Тайн Христовых. Потом я съела половину одного хлеба, выпила воды из Иордана и уснула на земле. Рано утром, нашедши небольшую лодку, я переправилась на другой берег и снова обратилась к своей руководительнице-Богородице с молитвой, как ей будет благоугодно наставить меня. Так я удалилась в пустыню, где и скитаюсь до этого дня, ожидая спасения, какое подаст мне Бог от душевных и телесных страданий».

Зосима спросил:

— Сколько же лет, госпожа, прошло, как ты водворилась в этой пустыни?

— Я думаю, — отвечала она, — протекло сорок семь лет, как я оставила святой город.

---

[1] Эта икона, по сказанию русских летописей, впоследствии перенесена была в Константинопольский храм Софии.

— Что же, — спросил Зосима, — ты находишь себе на пищу?

— Перешедши Иордан, — сказала святая, — я имела два с половиной хлеба; они понемногу высохли, как бы окаменели, и их я вкушала понемногу несколько лет.

— Как ты могла благополучно прожить столько времени, и никакой соблазн не смутил тебя?

— Я боюсь отвечать на твой вопрос, отец Зосима: когда я буду вспоминать о тех бедах, какие я претерпела от мучивших меня мыслей, я боюсь, что они снова овладеют мною.

— Ничего, госпожа, — сказал Зосима, — не опускай в своем рассказе, я потому и спросил тебя, чтобы знать все подробности твоей жизни.

Тогда она сказала:

— Поверь мне, отец Зосима, что семнадцать лет прожила я в этой пустыне, борясь со своими безумными страстями, как с лютыми зверями. Когда я принималась за пищу, я мечтала о мясе и вине, какие ела в Египте; мне хотелось выпить любимого мною вина. Будучи в миру, много пила я вина, а здесь не имела и воды; я изнывала от жажды и страшно мучилась. Иногда у меня являлось очень смущавшее меня желание петь блудные песни, к которым я привыкла. Тогда я проливала слезы, била себя в грудь и вспоминала обеты, данные мною при удалении в пустыню. Тогда я мысленно становилась перед иконою поручительницы моей, Пречистой Богородицы, и с плачем умоляла отогнать от меня мысли, смущавшие мою душу. Долго я так плакала, крепко ударяя себя в грудь, и, наконец, как бы свет разливался вокруг меня, и я успокаивалась от волнений. Как признаться мне, отец, в блудных вожделениях, овладевавших мною? Прости, отец. Огонь страсти загорался во мне и опалял меня, понуждая к похоти. Когда на меня находил такой соблазн, то я повергалась на землю и обливалась слезами, представляя себе, что перед мною стоит Сама моя Поручительница, осуждает мое преступление и грозит за него тяжелыми мучениями. Поверженная на землю, я не вставала день и ночь, пока тот свет не озарял меня и не отгонял смущавшие меня мысли. Тогда я возводила очи к поручительнице своей, горячо прося помощи моим страданиям в пустыне — и действительно, Она мне давала помощь и руководство в покаянии. Так про-

вела я семнадцать лет в постоянных мучениях. А после, и до этого времени, Богородица — во всем моя помощница и руководительница.

Тогда Зосима спросил:

— Не было ли тебе нужды в пище и в одежде?

Святая отвечала:

— Окончив хлебы, через семнадцать лет, я питалась растениями; одежда, какая была на мне при переходе через Иордан, истлела от ветхости, и я много страдала, изнемогая летом от зноя, трясясь зимой от холода; так что много раз я, как бездыханная, падала на землю и так долго лежала, претерпевая многочисленные телесные и душевные невзгоды. Но с того времени и до сегодня, сила Божия во всем преобразила мою грешную душу и мое смиренное тело, и я только вспоминаю о прежних лишениях, находя для себя неистощимую пищу в надежде на спасение: питаюсь и покрываюсь я всесильным словом Божиим, ибо те, кто не имеет крова, облеклись в камни, поскольку совлекли с себя одеяние греха (ср.: слав. Иов. 24, 8; Евр. 11, 38).

Услыхав, что святая вспоминает слова Священного Писания из Моисея, пророков и Псалтири, Зосима спросил, не изучала ли она псалмы и другие книги.

— Не думай, — отвечала она с улыбкой, — что я со времени моего перехода через Иордан видела какого-либо человека, кроме тебя: даже зверя и животного я не видала ни одного. И по книгам я никогда не училась, не слышала никогда из чьих-либо уст чтения или пения, но слово Божие везде и всегда просвещает разум и проникает даже до меня, неизвестной миру. Но заклинаю тебя воплощением слова Божия: молись за меня, блудницу.

Так она сказала. Старец бросился к ее ногам со слезами и воскликнул:

— Благословен Бог, творящий великие и страшные, дивные и славные дела, коим нет числа! Благословен Бог, показавший мне, как Он награждает боящихся Его! Воистину, Ты, Господи, не оставляешь стремящихся к Тебе!

Святая не допустила старца поклониться ей и сказала:

— Заклинаю тебя, святой отец, Иисусом Христом, Богом Спасителем нашим, никому не рассказывай, что ты слышал от меня, пока

Бог не возьмет меня от земли, а теперь иди с миром; через год ты снова увидишь меня, если нас сохранит благодать Божия. Но сделай ради Бога то, о чем тебя я попрошу: постом на будущий год не переходи через Иордан, как вы обыкновенно делаете в монастыре.

Подивился Зосима, что она говорит и о монастырском уставе, и ничего не мог промолвить, как только:

— Слава Богу, награждающему любящих Его!

— Так ты, святой отец, — продолжала она, — останься в монастыре, как я говорю тебе, потому что тебе невозможно будет уйти, если и захочешь; во святой и Великий четверг, в день Тайной Христовой вечери, возьми в святой подобающий этому сосуд животворящего Тела и Крови, принеси к мирскому селению на том берегу Иордана и подожди меня, чтобы мне причаститься животворящих Даров: ведь с тех пор, как я причастилась перед переходом через Иордан в церкви Иоанна Предтечи, до этого дня я не вкусила святых Даров. Теперь я к сему стремлюсь всем сердцем, и ты не оставь моей мольбы, но непременно принеси мне животворящие и Божественные Тайны в тот час, когда Господь Своих учеников сделал участниками Своей Божественной вечери. Иоанну, игумену монастыря, где ты живешь, скажи: смотри за собой и своей братией, во многом надо вам исправиться, — но скажи это не теперь, а когда Бог наставит тебя.

После этих слов она снова попросила старца молиться за нее и удалилась в глубь пустыни. Зосима, поклонившись до земли и поцеловав во славу Божию место, где стояли ее стопы, пошел в обратный путь, хваля и благословляя Христа, Бога нашего.

Пройдя пустыню, он достиг монастыря в тот день, когда обыкновенно возвращались жившие там братья. О том, что видел, он умолчал, не смея рассказать, но в душе молил Бога дать ему еще случай увидеть дорогое лицо подвижницы. Со скорбью он думал, как долго тянется год, и хотел, чтобы это время промелькнуло как один день.

Когда наступила первая неделя Великого поста, то все братия, по обычаю и уставу монастырскому, помолившись, с пением, вышли в пустыню. Только Зосима, страдавший тяжелым недугом, принужден был остаться в обители. Тогда вспомнил он слова святой: «Тебе невозможно будет уйти, если и захочешь!» Скоро оправившись от болезни, Зосима остался в монастыре. Когда же возвратились братия и приблизился день Тайной вечери, старец сделал все, указанное ему:

положил в малую чашу Пречистого Тела и Крови Христа Бога нашего, и потóм взяв в корзинку несколько сушеных смокв и фиников и немного вымоченной в воде пшеницы, поздним вечером вышел из обители и сел на берегу Иордана, ожидая прихода преподобной. Святая долго не приходила, но Зосима, не смыкая глаз, неустанно всматривался по направлению к пустыне, ожидая увидать то, чего так сильно желал. «Может быть, — думал старец, — я недостоин, чтобы она пришла ко мне, или она уже приходила раньше и, не нашедши меня, возвратилась обратно». От таких мыслей он прослезился, вздохнул и, возведши очи к небу, стал молиться: «Не лиши, Владыко, снова узреть то лицо, которое сподобил меня увидеть! Не дай мне уйти отсюда не успокоенным, под бременем грехов, обличающих меня!»

Тут ему на ум пришла другая мысль: «Если она и подойдет к Иордану, а лодки нет, как она переправится и придет ко мне, недостойному? Увы мне, грешному, увы! Кто лишил меня счастья видеть ее?»

Так думал старец, а преподобная уже подошла к реке. Увидев ее, Зосима с радостью встал и возблагодарил Бога. Его еще мучила мысль, что она не может перейти Иордан, когда он увидел, что святая, озаряемая блеском луны, перекрестила крестным знамением реку, спустилась с берега на воду и пошла к нему по воде, как по твердой земле. Видя это, удивленный Зосима хотел ей поклониться, но святая, еще шествуя по воде, воспротивилась этому и воскликнула: «Что ты делаешь? Ведь ты священник и несешь Божественные Тайны!»

Старец послушался ее слов, а святая, вышедши на берег, попросила у него благословения. Объятый ужасом от дивного видения, он воскликнул: «Воистину Бог исполняет Свое обещание уподобить Себе спасающихся по мере сил своих! Слава Тебе, Христу Богу нашему, показавшему мне через рабу Свою, как я еще далек от совершенства!»

Потом святая попросила прочитать Символ веры и молитву Господню. По окончании молитвы, она причастилась Пречистых и Животворящих Христовых Тайн и по обычаю иноческому поцеловала старца, после чего вздохнула и со слезами воскликнула:

— *Ныне отпущаеши* рабу Твою, *Владыко, по глаголу Твоему с миром, яко видеста очи мои спасение Твое* (слав. Лк. 2, 29–30).

Потом, обратясь к Зосиме, святая сказала:

— Умоляю тебя, отче, не откажи исполнить еще одно мое желание: теперь иди в свой монастырь, а на следующий год приходи к тому же ручью, где ты прежде беседовал со мной; приходи ради Бога, и снова увидишь меня: так хочет Бог.

— Если бы было можно, — отвечал ей святой старец, — я хотел бы всегда следовать за тобой и видеть твое светлое лицо. Но прошу тебя, исполни мое, старца, желание: вкуси немного пищи, принесенной мною.

Тут он показал, что принес в корзине. Святая притронулась концами пальцев к пшенице, взяла три зерна и, поднесши их к устам, сказала:

— Этого довольно: благодать пищи духовной, сохраняющей душу неоскверненной, насытит меня. Снова прошу тебя, святой отец, молись за меня Господу, поминая мое окаянство.

Старец поклонился ей до земли и просил ее молитв за церковь, за царей и за него самого. После этой слезной просьбы он простился с нею с рыданиями, не смея дальше удерживать ее. Если бы и хотел, он не имел силы остановить ее. Святая снова осенила крестным знамением Иордан и, как прежде, перешла как посуху через реку. А старец возвратился в обитель, волнуемый и радостью, и страхом; он укорял себя в том, что не узнал имени преподобной, но надеялся узнать это в будущем году.

Прошел еще год. Зосима опять пошел в пустыню, исполняя монастырский обычай, и направился к тому месту, где имел дивное видение. Он прошел всю пустыню, по некоторым признакам узнал искомое место и стал внимательно вглядываться по сторонам, как опытный охотник, ищущий богатой добычи. Однако он не увидал никого, кто бы приближался к нему. Обливаясь слезами, он возвел очи к небу и стал молиться: «Господи, покажи мне Свое сокровище, никем не похищаемое, скрытое Тобою в пустыне, покажи мне святую праведницу, этого Ангела во плоти, с коей недостоин сравниться весь мир!»

Произнося такую молитву, старец достиг места, где протекал ручей, и, став на берегу, увидал к востоку преподобную, лежащую мертвой; руки у нее были сложены, как подобает у лежащих во гробу, лицо обращено на восток. Быстро он приблизился к ней и, припав

к ногам ее, благоговейно облобызал и оросил их своими слезами. Долго он плакал; потом, прочитав положенные на погребение псалмы и молитвы, он стал думать, можно ли погребать тело преподобной, будет ли ей это угодно. Тут он увидел у головы блаженной такую надпись, начертанную на земле: «Погреби, авва Зосима, на этом месте тело смиренной Марии, отдай прах праху. Моли Бога за меня, скончавшуюся в месяце, по-египетски фармуфии, по-римски апреле, в первый день, в ночь спасительных Страстей Христовых, по причащении Божественных Тайн»[1].

Прочитав надпись, старец прежде всего подумал, кто мог это начертать: святая, как она сама говорила, не умела писать. Но он очень был обрадован, что узнал имя преподобной. Кроме того, он узнал, что святая, причастившись на берегу Иордана, в один час достигла места своей кончины, куда он прошел после двадцати дней трудного пути, и тотчас предала душу Богу.

«Теперь, — подумал Зосима, — надо исполнить повеление святой, но как мне, окаянному, выкопать яму без всякого орудия в руках?»

Тут он увидел около себя брошенный в пустыне сук дерева, взял его и начал копать. Однако сухая земля не поддавалась усилиям старца, он обливался потом, но не мог ничего сделать. Горько вздохнул он из глубины души. Внезапно, подняв глаза, он увидел огромного льва, стоявшего у тела преподобной и лизавшего ее ноги. Ужаснулся старец при виде зверя, тем более, что он вспомнил слова святой, что она никогда не видела зверей. Он ознаменовал себя крестным знамением в уверенности, что сила почившей святой охранит его. Лев стал тихо приближаться к старцу, ласково, как бы с любовью, глядя на него. Тогда Зосима сказал зверю: «Великая подвижница повелела мне погребсти ее тело, но я стар и не могу выкопать могилы; нет у меня и орудия для копания, а обитель далеко, не могу скоро принести его оттуда. Выкопай же ты когтями своими могилу, и я погребу тело преподобной».

Лев как будто понял эти слова и передними лапами выкопал яму, достаточную для погребения. Старец снова омочил слезами ноги преподобной, прося ее молитв за весь мир, и покрыл ее тело землей. Святая была почти нагая — старая, изорванная одежда, которую ей бросил Зосима при первой встрече, едва прикрывала ее тело. Потом

[1] Преподобная Мария скончалась в 522 году.

оба удалились: лев, тихий, как ягненок, в глубь пустыни, а Зосима — в свою обитель, благословляя и прославляя Христа, Бога нашего.

Пришедши в монастырь, он, ничего не скрывая, что видел и слышал, рассказал всем инокам о преподобной Марии. Все удивлялись величию Божию и решили со страхом, верою и любовью почитать память преподобной и праздновать день ее преставления.

Игумен Иоанн, как о том передавала еще преподобная Мария авве Зосиме, нашел некоторые неисправности в монастыре и устранил их с Божиею помощью. А святой Зосима после долгой, почти во сто лет, жизни окончил свое земное существование и перешел к вечной жизни, к Богу[1]. Рассказ его о преподобной Марии иноки того монастыря устно передавали на общее поучение один другому, но письменно не излагали о подвигах святой.

«А я, — прибавляет святой Софроний, — услышав рассказ, записал его. Не знаю, может быть, кто-либо другой, лучше осведомленный, уже написал житие преподобной, но и я, насколько мог, записал все, излагая одну истину. Бог, творящий дивные чудеса и щедро одаряющий обращающихся к Нему с верою, да наградит ищущих себе наставления в этой повести, слушающих, читающих и поусердствовавших записать ее, и да подаст им участь блаженной Марии вместе со всеми, когда-либо угодившими Богу своими благочестивыми мыслями и трудами».

Воздадим же и мы славу Богу, Царю вечному, и да подаст Он нам Свою милость в день судный ради Иисуса Христа, Господа нашего, Коему подобает всякая слава, честь, держава и поклонение со Отцем и Пресвятым и Животворящим Духом ныне, и всегда, и во все веки. Аминь[2].

---

[1] Преподобный Зосима преставился в первой половине VI века. Память его празднуется 4 апреля.

[2] Святая Православная Церковь установила в Великий пост воспоминать житие преподобной Марии Египетской. В четверг пятой седмицы Великого поста, на утрене, читается весь покаянный *Великий* канон святого Андрея Критского и восемнадцать тропарей этого канона обращены к преподобной Марии *(Мариино стояние).*

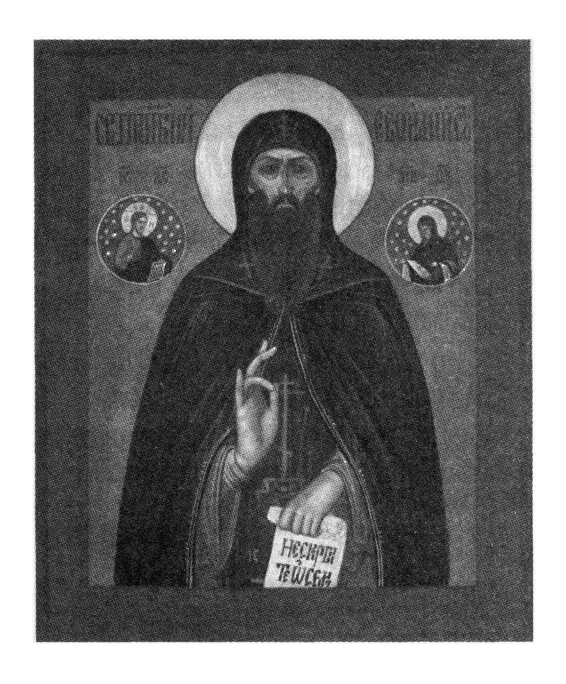
Вместе с Великим каноном для ободрения духовно-труждающихся Церковь постановила произносить житие преподобной Марии Египетской, указывая в ней образец истинного покаяния и пример ее назидая верующих, «целомудренны паки быти творит, и к Богу воздвижет, и не низпадати, ниже отчаятися, если иногда

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ЕВФИМИЯ СУЗДАЛЬСКОГО

Преподобный Евфимий родился от благочестивых родителей. Местом его рождения и воспитания был Нижний Новгород. Когда он пришел в возраст, то родители отдали его в научение Божественных Писаний, и блаженный отрок вместе со сверстниками своими изучал их с большим прилежанием, причем совершенно чуждался детских игр. Имея склонность к молчанию и повинуясь во всем своим родителям, он часто посещал храмы Божии, где любил стоять, уединившись в темное место, чтобы никто не мог развлекать его беседами о тленных предметах мира сего и чтобы ему можно было с полным вниманием слушать пение и чтение церковное. Однажды он пришел в святой храм и услышал в Евангелии слова: *Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною* и прочее (Лк. 9, 23 и след.). Услышав эти слова, блаженный Евфимий решил отречься от благ мира сего и ушел в находившийся вблизи Нижнего Новгорода печерский монастырь Вознесения Господня[1], где от настоятеля этого монастыря, по имени Дионисия, и принял иноческое пострижение. Поступив в монастырь, Евфимий стал предаваться великим подвигам. При постоянном пении псалмов Давида день он обычно проводил в трудах, усердно исполняя различные монастырские работы, а ночью удалялся в пещеру и там со слезами возносил Богу всенощные моления. Эти подвиги блаженный инок совершал, повинуясь во всем наставнику своему, преподобному Дионисию. В дальнейшей жизни своей он дошел до такой степени подвижничества, что иногда всю ночь проводил без сна в молитве и

некими прегрешеньми уловлены будем». Повествование о преподобной Марии Египетской показывает образец истинного покаяния и неизреченного человеколюбия Божия к искренно хотящим обратиться от прегрешений своих. (Синаксарь в четверток 5-й седмицы Великого поста.)

[1] *Печерский Вознесенский монастырь* был основан в окрестностях Нижнего Новгорода около 1330 года другом преподобного Сергия Радонежского святым Дионисием, который ископал себе в пяти верстах от города на берегу реки Волги пещеру и подвизался в ней, а потом был архимандритом своей обители и впоследствии архиепископом Суздальским. Скончался в сане митрополита Киевского в 1384 году. Память его — 26 июня.

подвергал себя такому подвигу часто. При этом он был настолько воздержан в пище, что употреблял ее в таком количестве, какое необходимо было для того, чтобы не изнемочь от голода, и не пил ничего другого, кроме воды, да и то только тогда, когда чувствовал сильную жажду. После этого наставником его ему было назначено послушание служить при пекарне. Здесь он еще более увеличил свои подвиги, так как постоянно носил воду и рубил дрова. Вскоре ему велено было служить в самой пекарне. Работая здесь, преподобный всегда приводил себе на память вечные мучения от неугасимого огня и язвительного червя. Часто, смотря на огонь, он говорил самому себе: «Терпи, Евфимий, чтобы чрез этот огонь ты мог избежать огня вечного».

Видя такие подвиги и терпение преподобного Евфимия, все смотрели на него не как на человека, а как на живущего среди них Ангела Божия.

В то время суздальским и нижегородским княжеством владел великий князь Борис Константинович[1]. Он обратился к настоятелю Печерской обители, преподобному Дионисию, с просьбой прислать к нему в Суздаль блаженного Евфимия в строители монастыря, который он задумал устроить. Блаженный Дионисий с радостью дал обещание великому князю исполнить его просьбу, и, спустя немного времени, преподобный Евфимий, приняв напут-

---

[1] Неизвестно, почему Борис Константинович назван здесь великим князем. Суздальские князья домогались, правда, великокняжеского престола после смерти Симеона Гордого, в 1353 году, но потерпели в этом неудачу, и только после кончины Иоанна II Кроткого, в 1359 году, великое княжение получил Суздальский князь Димитрий Константинович. Впрочем, последний был великим князем только несколько лет. В 1363 году он вынужден был уступить великокняжеский престол сыну Иоанна Кроткого, Димитрию Иоанновичу Донскому.

ственную молитву и благословение от наставника своего, отправился в путь. Когда он пришел к городу Гороховцу, то близ него, на расстоянии около восьми верст, построил церковь во имя святого отца Василия, архиепископа Кесарии Каппадокийской, и устроил при ней общежительную пустынь[1], после чего пришел в Суздаль к великому князю Борису Константиновичу. Князь весьма обрадовался прибытию преподобного и, проведши с ним некоторое время в беседе, отправился вместе с ним к епископу Суздальскому Иоанну[2]. Прибыв к епископу, великий князь открыл ему свое намерение, рассказал по порядку о жизни блаженного Дионисия — о том, как Господь удостоил его дара пророчества, и о том, как он благословил его устроить обитель, рассказал также и о преподобном Евфимии. После этого князь стал просить епископа идти с ним, чтобы отыскать место для устройства обители, и епископ отправился с великим князем, а вместе с ними пошел и преподобный Евфимий. Вскоре они нашли место вблизи города на горе, у реки, называемой Каменницей, на берегу которой был расположен и город Суздаль, и это место им понравилось. Тогда они сотворили молитву, воздав Богу благодарение.

После этого на это место собралось множество народа, правители всех княжеских владений, бояре, князья и сановники его двора, духовенство, монашествующая братия, а также мужи и жены разного возраста. В присутствии такого многолюдного собрания епископ Иоанн благословил и освятил место для обители и после особой молитвы водрузил крест на том месте, где надлежало быть престолу первого храма. Тогда князь повелел приготовлять камни и все, необходимое для построения храма. И когда повеление князя было исполнено, он сам первый, взяв заступ, стал своими руками копать ров, и его примеру последовали правители страны и бояре.

После этого была совершена служба на основание храма, и храм был заложен в честь Преображения Господа нашего Иисуса Христа, а затем стали возводить стены здания. Преподобный Евфимий, испросив у епископа благословение, взял топор и собственноручно обтесал у северной двери алтаря вблизи святого жертвенника три камня и устроил себе гроб, где впоследствии и было положено честное тело его.

---

[1] Пустынь эта всегда была приписною к Спасо-Евфимиеву монастырю.

[2] *Епископ Иоанн* причислен к лику святых. Память празднуется 15 октября.

Храм был окончен постройкою в 1352 году[1] и в том же году был освящен. Епископ Иоанн возвел блаженного Евфимия в сан архимандрита и вручил его водительству христианское стадо словесных овец Христовых, а князь дал ему большое количество золота и серебра для устроения обители. С этого времени преподобный Евфимий со слезами сокрушения стал предаваться великим подвигам. Днем он усердно трудился по устройству обители, а ночью возносил Богу непрестанные усердные молитвы, и таким образом устроил монастырь и в нем келии для будущей братии. Кроме уже бывшего храма он соорудил еще другой храм во имя преподобного отца Иоанна Лествичника и пристроил к нему каменную трапезу, где бы иноки в зимние дни могли собираться для молитвы и принятия пищи. Когда к преподобному собралось в обитель около трехсот человек братии и они не могли поместиться в трапезе, то он повелел построить новый храм во имя святителя Николая, Мирликийского чудотворца, названный больничным, и при нем соорудить большую деревянную трапезу для того, чтобы в нее собирались те из братии, которые не могли поместиться с другими в каменной трапезе. После этого им были устроены по мере нужды и другие необходимые для обители постройки.

Таким образом трудами и молитвами преподобного Евфимия при содействии благодати Божией и устроена была вполне удовлетворявшая всем монастырским нуждам его обитель. И он начал руководить вверенным ему стадом твердо и богоугодно. Он установил правило, чтобы все иноки безропотно пребывали в послушании, в искренней любви друг к другу, целомудрии и нестяжательности, чтобы никто из них не имел ничего своего, но чтобы все у них было общее, а если узнавал, что кто-либо из братии имеет собственность, на того налагал эпитимию. Он не допускал разговоров братии между собою в церкви, а также всегда требовал от них хранить молчание во время трапезы. После трапезы он велел всем расходиться по своим келиям, молча, не вступая при этом ни в какие разговоры друг с другом, и не разрешал посещать чужих келий за исключением какой-либо крайней нужды. Кроме того, он постановил, как общее правило, чтобы никто из иноков отнюдь не имел своих мудрований, но каждый го-

---

[1] Этот год считается и годом основания монастыря, получившего потом название Спасо-Евфимиева. Он замечателен тем, что из суздальских монастырей в нем первом введено было общежитие.

тов был исполнить всякое послушание. А братия с своей стороны во всем повиновались ему, как Ангелу Божию.

Для духовных бесед преподобный Евфимий совершал путешествия к преподобному Сергию, Радонежскому чудотворцу, в его обитель, так как они были современниками[1]. После таких бесед они с любовью давали друг другу благословение, а потом преподобный Евфимий снова возвращался в свой монастырь.

В таких подвигах блаженный Евфимий прожил всю жизнь свою. Он никогда не изменял своему молитвенному правилу и, соединяя пост с милостынею, принимая странников и давая пищу тем, кто не имел ее, к прежним подвигам своим прибавлял новые подвиги. Он был одеждою для нагих и утешением для скорбящих, так как помогал всем бедным, избавлял от бед впавших в несчастия, исцелял молитвою больных, за должников платил долги, сам их всем прощал и одним словом своим избавлял от насилия неправедных судей тех, кого постигали бедствия. Бедность в одежде он так любил, что казался как бы ничего не имущим. Он всегда носил одну только одежду, сшитую из жестких овечьих шкур, и зимою страдал от холода, а летом вследствие тяжести одежды мучился от жара.

Так, всякими скорбными и узкими путями преподобный Евфимий совершал свое жизненное шествие и стал ощущать телесные немощи только тогда, когда достиг уже глубокой старости. Почувствовав приближение кончины, он созвал к себе всех иноков обители. Когда они увидели, что их игумен очень слаб и что близко время его отшествия ко Господу, то все стали скорбеть о разлуке с ним и говорили:

— Отец! Ты оставляешь нас сиротами, и когда тебя не будет с нами, то опустеет обитель наша.

Но преподобный, утешая их, отвечал им на это:

— Не скорбите о разлуке со мною и знайте, что если я приобрету дерзновение молитвы к Богу и дело мое будет угодно Ему, то обитель наша не только не опустеет, но после кончины моей число иноков в ней еще более умножится, если и вы будете иметь любовь друг к другу.

---

[1] В церковных песнопениях преподобный Евфимий называется «спостником и собеседником» преподобному Сергию. Минея за апрель месяц 1625 год.

Говорил преподобный и многое другое в утешение братии. После этого, когда уже стало наступать время его отшествия ко Господу, все иноки, приходя к нему, со слезами целовали его и просили у него последнего благословения. И, как чадолюбивый отец, преподобный всем дал свое благословение, всех простил и сам у всех испросил себе прощения. Когда наступил, наконец, час разлучения души его с телом, он причастился святых Тайн и в первый день месяца апреля предал святую душу свою в руки Господа, после пятидесятидвухлетнего управления обителью[1]. Святое тело его иноки похоронили в вышеупомянутом гробу, который в начале построения первого монастырского храма преподобный устроил себе своими собственными руками. Блаженный Евфимий и до этого дня совершает многие чудеса и подает исцеления тем, кто с верою приходит к честному гробу его[2].

В тот же день **память преподобного отца нашего Макария исповедника**, за почитание святых икон претерпевшего заключение в темницу и истязания и скончавшегося в Афусии близ Царьграда, около 830 года.

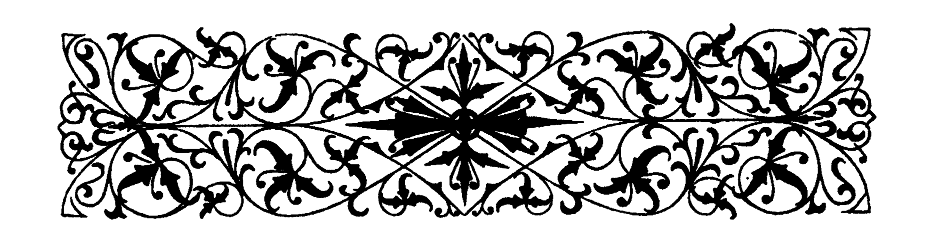
В тот же день **память святых мучеников Геронтия и Василида**, от меча скончавшихся.

В тот же день **память праведного Ахаза**.

В тот же день убиение **святого мученика Аврамия Болгарского**, в 1299 году.

[1] Преподобный Евфимий скончался 1 апреля 1405 года, около девяноста лет от роду.

[2] Через столетие после кончины преподобного, в 1507 году, 7 июня, при копании рва для построения нового храма вместо сгоревшего в 1491 году Преображенского храма обретены были мощи его и оказались нетленными: «лицо было светлое и ризы, как вчера одетые».

День второй

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
АМФИАНА и ЕДЕСИЯ

Святые мученики Амфиан и Едесий были братьями по плоти и происходили из греческого языческого семейства. Родиной их был город Патара в Ликии[1]. Отсюда они были посланы родителями своими в город Берит[2] для изучения языческих наук. Здесь Амфиан и Едесий проводили в целомудрии дни юности своей, добродетельною жизнию своею удивляя всех своих сверстников. Будучи чужды всяких легкомысленных поступков, святые Амфиан и Едесий имели, по Писанию, седину — мудрость, и возраст старости — беспорочную жизнь (см.: Прем. 4, 9), за что и были награждены благодатью Божиею, ибо сердца их осиял свет разумения истины: сознав суету идолопоклонства, они восхотели возможно совершеннее познать путь благочестия христианского для того, чтобы быть рабами Господа нашего Иисуса Христа.

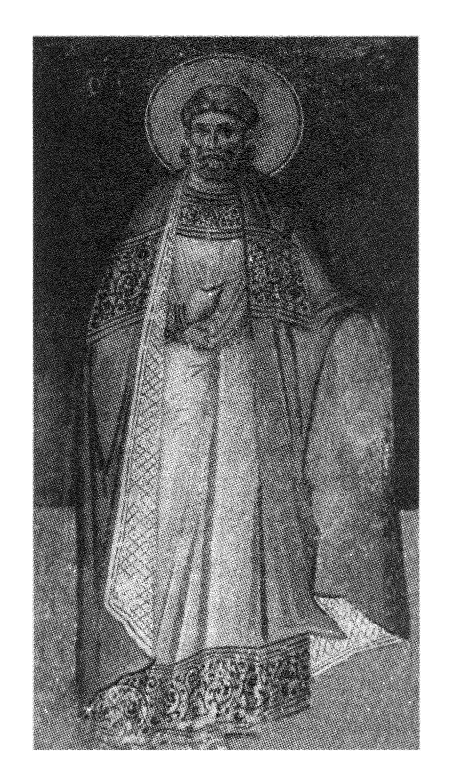
Когда Амфиан и Едесий возвратились из Берита в свой родной город, то нашли отца своего возведенным в сан начальника города и по-прежнему проводящим нечестивую жизнь языческую вместе со всеми родственниками своими. Не желая жить посреди нечестивцев и грешников, святые Амфиан и Едесий тайно оставили дом своих родителей и, руководимые Духом Божиим, пришли в палестинский

---

[1] *Ликия* — малоазийская область.

[2] *Берит* — финикийский город, славившийся в древности как рассадник просвещения и образованности. Ныне Берит с именем *Бейрута* составляет главный город азиатско-турецкого вилайета Сирии, являясь важным торговым центром.

город Кесарию[1]. Здесь они встретили благочестивого пресвитера христианского, по имени Памфила, принявшего потом венец мученический за Христа. Быв научены этим святым пресвитером тайнам веры христианской, святые Амфиан и Едесий были просвещены тем же пресвитером святым крещением. После этого святые постоянно пребывали вместе с блаженным Памфилом, славословя и восхваляя Бога и занимаясь изучением священных книг и закона Господня.

Св. Амфиан Патарский

В это время императором был Максимиан[2], принявший в свое управление восточную половину Римской империи от дяди своего Максимиана Галерия[3]. Император этот жестоко преследовал христиан, так как был преисполнен языческого нечестия и ненавидел Бога истинного. Он был более жесток, нежели все, предшествовавшие ему, римские императоры-язычники. Христиане в царствование Максимина пришли в великое замешательство, так как всех, исповедующих имя Христово, нечестивый гонитель предавал смерти. Многие из них, стремясь избавиться от мучений и смерти, спасались от яростных гонителей бегством, оставляя свои дома и города, и скрывались где-либо в потайных местах.

---

[1] *Кесария Палестинская* — город, находившийся в Палестине, на берегу Средиземного моря. В древности Кесария была резиденцией римских прокураторов и центром общественно-политической жизни страны. В истории христианской Церкви Кесария Палестинская замечательна тем, что здесь впервые был открыт язычникам доступ в Церковь Христову апостолом Петром, крестившим сотника Корнилия (Деян. 10). Здесь же происходил последний суд над апостолом Павлом, после которого он был отправлен в Рим (Деян. 25–27). В Палестине была еще другая Кесария, которая, в отличие от упомянутой, называлась *Филипповой*. Она находилась у истоков Иордана.

[2] Император *Максимиан Дака* царствовал с 305 по 313 год.

[3] Император *Максимиан Галерий* управлял Римской империей с 305 по 311 год.

Немало, впрочем, было и таких христиан, которые открыто предавали себя в руки мучителей своих и с мужеством переносили свой страдальческий подвиг. К числу последних принадлежал и мужественный Амфиан, хотя и юноша телесным возрастом своим (так как ему не было еще и двадцати лет), но столетний старец своим разумом и мужеством.

В то время, когда, по распоряжению нечестивого императора-язычника, нарочито посланные люди, придя в Кесарию, начали призывать каждого из граждан города того к языческим храмам для принесения там жертв идолам, мужественный Амфиан, пребывавший с христианами в одном укрытом месте, тайно от всех ушел из того места и направился к идольскому храму, в котором в то время игемон Урван приносил жертву идолам. Безбоязненно подойдя к нему, святой Амфиан взял его за правую руку, в которой он держал жертву, и начал во всеуслышание дерзновенно увещевать его оставить свое заблуждение и не поклоняться бесам и идолам, созданным руками человеческими. Этот дерзновенный поступок мужественного Амфиана утвердил многих христиан еще крепче в вере христианской; но язычников, и в особенности самого игемона, привел в великую ярость. Тотчас же святой Амфиан был взят воинами игемона, как овца волками, и принял от них бесчисленные удары по устам, лицу и всему телу, будучи брошен на землю и попираем ногами; затем святой был отведен в темницу и закован в цепи.

На другой день утром святой Амфиан был выведен на суд пред игемона, который убеждал его принести жертву идолам. Но святой Амфиан оставался непоколебимым в исповедании веры Христовой. После этого святой мученик Христов был предан тяжким мукам: воины повесили его на дереве и начали острыми железными орудиями терзать все его тело и бить железными прутами по лицу, шее и бокам. Лицо и все тело святого мученика было настолько истерзаны мучителями, что даже его знакомые не узнавали его; все ребра его были переломаны. Но и среди этих тяжких страданий святой мученик Христов не переставал громким голосом исповедовать Иисуса Христа, как бы не слыша, не чувствуя мук и страданий своих.

Между тем мучители усугубили свои страдания: они обвязали ноги святого льном, пропитанным маслом, и зажгли этот лен. Стра-

далец воспылал, тая как воск. Но и этою мукою не был устрашен святой мученик; наоборот, исполняясь все большего и большего дерзновения, он еще более громко начал прославлять Иисуса Христа, обличая и укоряя в то же время нечестие и безбожие язычников. Затем святой мученик снова был заключен в темницу.

После этого, на третий день по заключении в темницу святого Амфиана, мучители снова начали испытывать твердость веры мученика новыми муками. Но так как святой и на этот раз остался непреклонным в исповедании веры Христовой, то игемон приказал предать его смерти, ввергнув его во глубину морскую. Воины привязали камень к телу мученика и, отвезя его довольно далеко от берега, бросили его в море. Тотчас же море взбушевалось, земля потряслась, город тот заколебался, и все бывшие там язычники исполнились великого страха и ужаса. Потом волны морские изнесли на землю из глубины морской тело святого мученика.

Так 2 апреля 306 года окончились страдания святого мученика Амфиана.

Вслед за тем были взяты на мучение многие другие христиане и в числе их — брат Амфиана, Едесий. При этом одни из христиан подвергались многоразличным мукам и страданиям, другие же были посланы язычниками в Палестину для работы на медных рудниках; к числу этих последних принадлежал и святой Едесий.

Спустя год святой Едесий был отведен из Палестины в египетский город Александрию. Увидя здесь однажды языческого князя Иероклея, восседавшим на судилище и чрезмерно ярившимся на христиан (он отдавал целомудренных дев и жен христианских на поругание язычникам), святой Едесий исполнился мужества и дерзновения; устремившись к тому князю, святой Едесий в присутствии всех ударил его по лицу, затем поверг на землю, продолжая бить, укоряя его в то же время во всеуслышание за его неправедный суд. Тотчас же святой Едесий был схвачен воинами, бывшими здесь, и предан на мучение подобно своему брату святому Амфиану. После продолжительных мук святой Едесий был предан одинаковой с братом смерти, быв утоплен в море (было это около 310 года). Таким образом и святой Едесий принял святой венец мученический вместе с Амфианом, быв награжден им от Христа, Спаса нашего, Которому воссылается слава со Отцом и Святым Духом, вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ТИТА ЧУДОТВОРЦА

Блаженный отец наш Тит, с юных лет возлюбивший Христа и возненавидевший мир, подвизался в киновии[1]. Приняв на себя образ иноческий, он с великим терпением проходил здесь скорбный и тернистый путь жития иноческого. За свою великую добродетель смирения и послушания, в которой преподобный Тит превосходил всех братий той киновии, он был возведен в сан пресвитера, — пастыря словесных овец.

Преподобный Тит был преисполнен великой любви к своим ближним. Сохраняя себя чистым и душевно, и телесно с самого юного возраста, святой Тит являлся как бы Ангелом Божиим на земле. За свою добродетельную жизнь преподобный Тит был удостоен от Бога дара чудотворения. Сияя добродетелями иноческого жития, святой Тит был в то же время непоколебимым столпом православия, так как ревностно защищал святую Церковь от нападков на нее еретиков-иконоборцев[2]. Пожив достаточно и указав своим последователям достойный подражания образец жития постнического, преподобный Тит с миром отошел ко Господу[3].

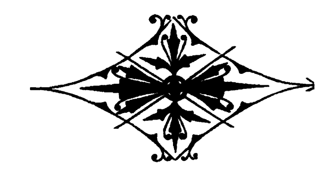
---

[1] *Киновиею* (κοινόβιον от κοινός — общий и βίος — жизнь) называются общежительные монастыри, в которых братия пользуются полным содержанием от монастыря, но взамен того не имеют своей собственности, предоставляя свой труд и его результаты на общую потребу монастыря.

[2] Иконоборческая ересь возникла в VIII веке и была основана Константином, епископом Наколийским, во Фригии. Неразумно смешивая иконопочитание с идолопоклонством, иконоборцы настойчивым и жестоким преследованием иконопочитания хотели уничтожить его в Православной Церкви. Самыми ревностными защитниками иконоборства были императоры Лев Исаврянин (с 717 по 741 год) и Константин Копроним (с 741 по 775 год). Эта ересь была осуждена на VII Вселенском соборе, бывшем в 787 году в Никее.

[3] Кончина преподобного Тита последовала в IX веке.

В тот же день совершается **память святого мученика Поликарпа**, пострадавшего в Александрии[1] при императоре Максимиане. Святой Поликарп обличил игемона Александрии за несправедливое пролитие им неповинной крови христианской, за что и был предан многоразличным мукам. Но так как святой Поликарп оставался твердым и мужественным исповедником имени Христова и посреди мучений, то, по приказанию игемона, он был усечен мечом[2].

[1] *Александрия* — город в Египте, славившийся в древности своею торговлею и образованностью.

[2] Кончина святого мученика последовала в начале IV века.

День третий

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
НИКИТЫ ИСПОВЕДНИКА

Преподобный Никита происходил из Кесарии Вифинской[1] от благочестивых родителей. Отец его, по имени Филарет, лишившись супруги, отошедшей к Господу в восьмой день по рождении отрока Никиты, постригся в иночество; отрок же был воспитан матерью отца, еще находившеюся тогда в живых. Достигнув сознательного возраста и получив книжное обучение, преподобный Никита отдал себя на служение Богу. Сначала он проходил в церкви пономарское служение[2], упражняясь в чтении Божественных книг, потом он удалился к некоему отшельнику Стефану, мужу добродетельному; получив от него достаточное наставление, преподобный Никита, по его совету, отправился затем в монастырь мидикийский, основанный преподобным Никифором, который был и игуменом в нем. Последний охотно принял Никиту, провидя в нем благодать Божию, и постриг его в иноческий чин. Здесь преподобный Никита подвигами поста, смирения, послушания и вообще своею добродетельною жизнью вскоре превзошел всех иноков. Не прошло семи

---

[1] *Вифиния* — северо-западная область Малой Азии, лежащая по берегам Черного моря, Босфора и Константинопольского пролива. Мидикийская обитель находилась недалеко от города Пруса, который стоял близ горы Олимпа; мидикийская обитель основана святым Никифором, присутствовавшим на VII Вселенском соборе (787 г.) в качестве ее игумена. Кесария Вифинская находилась между реками Риндаком и Апамеею.

[2] *Пономари*, или иначе *парамонари*, — то же, что наши причетники.

лет со дня поселения его в монастыре, как, по убеждению настоятеля, принял он сан пресвитера, в который и был посвящен святейшим Тарасием, патриархом Цареградским. Тогда преподобный Никифор, в виду своей дряхлости, вручил преподобному Никите, несмотря на его нежелание, управление монастырем вместе со старшинством. И правил преподобный Никита монастырем ко благу вместо отца своего Никифора, бдительно пася словесное стадо и умножая его примером своей добродетельной жизни: многие, слышав о его богоугодном житии, отвергались мира, приходили в обитель, ища наставлений преподобного Никиты на путь спасения, и оставались в ней. Благодатью Христовою, в течение немногих лет, число братий увеличилось до ста.

Здесь был и блаженный Афанасий, дивный муж, воистину достойный почитания. Невозможно в кратких словах описать его добродетель и великую любовь к Богу, которую показал он при отречении от мира. Было в нем чему подивиться и самим Ангелам. Презирая для Бога этот мир и его похоти, блаженный Афанасий ушел тайно из дома родительского в один монастырь, желая начать иноческие подвиги; но отец его, узнав о том, с яростью поспешил в этот монастырь, взял сына, которого весьма любил, снял с него монастырское одеяние, присвоенное послушникам, и облек в светлые драгоценные одежды, а затем насильно отвел домой.

— Отче, — сказал ему отрок, — неужели этими дорогими одеждами ты думаешь заставить меня переменить мое намерение, когда мне весь мир ненавистен? *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* (Мф. 16, 26).

Отец затворил его в отдельной горнице и всячески старался поселить в его душе любовь к миру. Но он, любовью к Богу побеждая любовь сыновнюю и пристрастие к суетному миру, совлек с себя мирские одежды, в которые был одет, и разорвал их на мелкие части. Увидев это, отец облек его в другие, еще более ценные, ибо был

богат, знатен и славен. Отрок поступил и с новыми одеждами, как с первыми. Такой поступок блаженного Афанасия привел отца его в великую ярость, он немилосердно бил Афанасия нагого — и раны во множестве покрыли тело его; плечи и хребет от жестоких ударов начали гноиться, так что врачам пришлось лечить его и обрезывать сгнившие части тела. Отрок же говорил:

— Если даже на куски раздробит меня отец мой, все же не отлучит меня от любви Божией (ср.: Рим. 8, 35) и не отвратит от намерения моего.

Тогда отец умилился и после долгого плача сказал Афанасию:

— Иди, чадо мое, в путь добрый, избранный тобою, и да будет тебе Христос помощником и избавителем от всякой сети вражией.

Афанасий возвратился в прежний монастырь, принял на себя полный иноческий чин и настолько смирился, что в нем нельзя было заметить ни мирского слова, ни обычая, ни пристрастия к приобретению каких-либо предметов. Кроткий и смиренный нрав, тихое и ласковое слово, самое ветхое рубище для прикрытия тела отличали Афанасия; безмерной суровостью было проникнуто житие того, кто получил изнеженное мирское воспитание, как сын богатых родителей. Столь добродетельного мужа, проведшего много лет в трудах иноческих, привлекла в мидикийский монастырь любовь к преподобному отцу нашему Никите и слава его ангелоподобного жития; и для обоих преподобных, Никифора и Никиты, блаженный Афанасий был желанным собеседником и сожителем. По прошествии некоторого времени Афанасий принял в монастыре, по просьбе их, должность эконома. Точно одна душа и один разум в двух телах, управляли монастырем блаженный Афанасий с преподобным Никитой, наставляя братий словом и примером на всякую добродетель, — на совершенное угождение Богу: они насаждали в братии любовь, поучали смирению, были бдительными стражами их чистоты, душевной и телесной, подкрепляли немощных и малодушных, стоящих утверждали, а падающих восстанавливали разнообразными наставлениями и увещаниями, а когда один из них бывал, по-видимому, суровым наставником, другой являлся увещателем самым кротким и милостивым. Оба были любимы всеми, и братия принимали слово их, как исходящее из уст Божиих.

Но не до конца жила вместе двоица столь добродетельных наставников. Прошло несколько лет, и преподобный Афанасий 26 октября преставился ко Господу, причем обратился к братии с таким последним словом:

— По кончине моей вы вполне удостоверитесь, обрету ли я, хотя сколько-нибудь, благодати у Бога.

Когда преподобный Афанасий был погребен, то на гробе его, от самых его персей, вырос, по повелению Божию, кипарис, листья которого совершенно исцеляли всякие недуги. Потом и преподобный Никифор, создатель и первый игумен мидикийского монастыря, после многих трудов и болезней телесных, отошел ко Господу 4 мая. Так осиротел преподобный Никита, лишившись духовного своего отца, святого Никифора, и любимого друга, преподобного Афанасия; немало скорбел он по обоим, ибо весьма любил их. Утешением в скорби служило ему твердое упование, что усопшие получили благодать и блаженную жизнь у Владыки Христа, Которому угодили добрым служением от юности.

По преставлении блаженного отца Никифора вся братия просили преподобного Никиту принять сан и именоваться игуменом: ибо, пока был в живых преподобный Никифор, святой Никита не принимал наименования и сана игуменского, хотя и управлял вполне монастырем вместо отца своего святого Никифора, немощного от старости в течение уже многих лет. По усиленным просьбам братии и особенно по убеждениям многих отцов других монастырей, он принял этот сан и получил благословение святейшего патриарха Цареградского Никифора, бывшего преемником Тарасия[1]. К прежним трудам преподобный Никита присоединил новые, когда с помощью Божией стал править монастырем как игумен, заботясь о спасении вверенных ему душ. Прославляя угодника Своего, Бог даровал ему благодать исцелять недуги и изгонять бесов. Ознаменовав крестом одного отрока, немого от рождения, преподобный Никита возвратил ему дар слова; инока, помутившегося рассудком, исцелил помазанием святого елея; одного из вновь принятых, бесноватого, молитвою избавил от бесовского мучительства, беса же, обернувшегося змеем, отогнал; другого, также бесноватого, освободил от духа лука-

[1] *Святой Тарасий* был патриархом с 784 по 806 год, святой Никифор — с 806 по 815 год.

вого — и многих страдавших лихорадкой, горячкой и иными различными болезнями чудесно исцелил пребывавшею в нем благодатью Христовою. Так жил он, угождая Богу, и достиг старости; пред концом же жизни своей явил себя доблестным исповедников и претерпел страдание за почитание святых икон.

В те времена еще не прекратилась ересь иконоборства. Осужденная святыми отцами VII Вселенского собора[1], она как бы обновилась, получив опять помощь от царской власти, от которой и началась. Первым из греческих царей-иконоборцев был Лев, третий из носивших это имя, прозванием *Исаврянин*; от него ересь иконоборческая получила силу и умножилась, как вредная болезнь. Он первый издал повеление — отвергать иконы, и, пользуясь своею царскою властью, многих побудил к неправому мудрованию; изгнав правоверного патриарха, святого Германа, он возвел на престол единомысленного себе еретика Анастасия[2]. По смерти этого злочестивого царя вступил на престол сын его, Константин Копроним[3], еще сильнейший гонитель Церкви Божией: он не только отвергал святые иконы, но и святых угодников Божиих запретил именовать святыми, и мощи их вменял в ничто.

Скажем кратко: этот царь являлся христианином только по внешности, а в душе был вполне неверным жидовином. Пречистую Матерь Божию, высшую всякого создания, защиту и прибежище всего мира, он, окаянный, дерзал хулить, отвергая Ее пресвятое имя и Ее честные иконы; о ходатайстве же Ее к Богу, которым весь мир существует, он запретил и вспоминать. На укорение Богоматери он показывал мешок, полный золотых монет, и спрашивал предстоящих:

— Драгоценен ли этот мешок?

Предстоящие отвечали:

— Настолько драгоценен, насколько содержится в нем золота.

Высыпав из мешка золото, Копроним снова спрашивал:

---

[1] *VII Вселенский собор* был созван в 787 году в Никее императрицей Ириной, вдовой Льва IV. Собор, состоявший из 367 отцов, под председательством святого Тарасия, осудил иконоборство и восстановил иконопочитание.

[2] *Лев III Исаврянин* — с 716 по 741 год, святой Герман — 730 год, Анастасий — 753 год. Затем до восстановления иконопочитания на константинопольском престоле сменились десять патриархов, из которых 5 были иконоборцы.

[3] *Константин V Копроним* царствовал с 741 по 775 год.

— Ценен ли мешок теперь, без золота?

Ему отвечали:

— Какая же от него польза, когда в нем нет монет? Пустой мешок ничего не стоит.

Тогда Копроним говорил:

— Так и Мария: пока имела во чреве своем Христа, дотоле и была достойна почитания, а родив Его, лишилась этого почитания, и ничем не отличается от прочих жен.

О сквернейшие уста и язык нечестивейший! Какую хулу дерзал он возносить на честнейшую всех небесных сил и святейшую всех святых Матерь Создателя! Разве царица, родив царского сына, уже недостойна царских почестей? Разве мать царя только до тех пор почитается, пока носит царя в утробе? Горе окаянному хулителю, который ничем не отличался от хулителей жидов богомерзких! И не только хулитель был сам таков, но и других льстивыми обещаниями и грозными запрещениями побуждал к таковому же нечестивому хулению, непокорных же и противящихся ему подвергал различным мукам, моря узами и продолжительным голодом, ужасными ранами терзая тело, усекая мечом, сожигая огнем, потопляя в глубине морской, — словом, всевозможными способами причинял нестерпимые муки и горькую смерть верным и истинным рабам Христовым. За это и сам страшною смертью изверг окаянную свою душу и при издыхании испустил горестный вопль:

— Заживо предан я огню неугасимому!

И тот, кто прежде хулил Пречистую Матерь Божию, теперь повелел почитать Ее песнопениями — но, вполне отвергнутый Божиим милосердием, уже не обрел себе отрады.

Когда погиб (со срамом) этот мучитель, вступил на престол сын его Лев, четвертый из носивших это имя, также еретик-иконоборец, подобный своему отцу, но и он вскоре умер. После него приняла царство жена его Ирина[1] с малолетним сыном Константином. Она возвратила святой Церкви мир, созвав VII Вселенский собор для осуждения иконоборческой ереси. Исполнилась радости вся Церковь Христова, приняв вместе с иконами первоначальное благолепие свое и увидев на престолах православных царей и архиереев.

[1] *Лев IV* царствовал с 775 по 789 год, *Ирина* — с 797 по 802 год.

После Ирины царствовал Никифор, затем Михаил, оба православные. Потом вступил на престол Лев, по прозванию *Армянин*[1], пятый из носивших это имя. Подражая прежнему соименному с ним нечестивому Льву Исаврянину, он, подобно ему, воздвиг гонение на православных и святых, обновляя и восстановляя таким образом уже осужденную иконоборную ересь. Он искал себе помощников единомысленных злоучителей, и нашел нескольких вельмож, из которых самыми приверженными иконоборной ереси были двое — Иоанн, прозванием *Спекта*, и Евтихиан; из лиц священнического сана он привлек на свою сторону Иоанна, прозванием *Грамматика*, нового Тертулла[2], сосуд избранный диаволом, и некоего Антония Силея; из иноческого чина — Леонтия и Зосиму, который некоторое время спустя был уличен в распутстве, наказан отсечением носа и постыдно умер, оставив по себе худую славу. С ними царь утверждался в зловерии, а они своими советами поощряли его на брань, которую он уже начал воздвигать против Церкви.

Собрав отовсюду из страны своей в Царьград архиереев и прочее духовенство, Лев призвал в свою палату святейшего патриарха Никифора со всем Освященным собором, желая, чтобы пред его лицом и в присутствии всех вельмож они имели прения с вышеназванными единомышленниками царя и, пока еще тайными, еретиками. Сначала царь сам повел беседу с православными; притворяясь православным, он взял с груди икону распятия Христова, которую имел на себе, лицемерно склонил пред ней голову и сказал святым отцам:

— Я со своей стороны ни в чем не отличаюсь от вас, ибо почитаю святую икону, как сами видите; но появились другие, которые учат иначе и говорят, что их путь правый. Пусть они явятся здесь пред вами, и путем вопросов и ответов да откроется правильное учение об иконах. Если они в споре окажутся более справедливыми, убедив очевидными доводами, что их мнение согласно с истиной, то вам до́лжно не только не противиться доброму делу, но даже способствовать ему;

---

[1] *Никифор I* царствовал с 802 по 811 год, Михаил I — с 811 по 813 год, Лев V Армянин — с 813 по 820 год.

[2] *Ритор* (преподаватель красноречия). *Тертулл* поддерживал пред римским правителем Феликсом обвинение, возбужденное иудеями против апостола Павла, и в речи своей позаботился прежде всего польстить Феликсу — якобы радетелю о нуждах иудеев (Деян. 24).

если же они будут вами побеждены и обличены в заблуждении, то пусть перестанут рассеивать пагубное учение. И тогда, как раньше, пусть останется прежнее учение об иконах. А я буду слушателем и судьею вашего обоюдного прения; ибо если мне подобает судить о меньших вещах, то насколько более должен я заботиться об управлении церковном? Выслушаю вас, должен выслушать и другую сторону, — и на чьей стороне будет, по моему убеждению, правда, той и последую.

Но святейший патриарх и с ним все архиереи отнюдь на это не соглашались; они не желали не только иметь прение с зломудренными еретиками, но даже и видеть их, не соглашаясь, чтобы те явились пред их лицо.

— Эта ересь уже рассмотрена и осуждена с проклятием святыми отцами VII Вселенского собора; нет нужды ее более рассматривать, и восстанавливать в Церкви то, что вполне ею отвергнуто.

Видя, однако, что царь весьма склонен к зловерию и помогает еретикам, святые отцы говорили с ним смело. Святой Емилиан, епископ Кизический[1], сказал:

— Царь! Если вопрос, для которого ты призвал нас, — рассмотрение о правой вере, — вопрос церковный, то подобает обсуждать его, по обычаю, в святой церкви, а не в царской палате.

Царь возразил:

— Но и я сын церкви и выслушаю вас как посредник и примиритель, чтобы, сообразив доводы обеих сторон, узнать самую истину.

На это отвечал ему святой Михаил, епископ Синадский:

— Если ты посредник и примиритель, то почему делаешь не то, что подобает посреднику и примирителю? Собираешь противящихся учению Церкви, держишь в своей палате, даешь им смелость безбоязненно всех поучать, чтобы держались злочестивых догматов! А православные, страшась твоих грозных запрещений, даже в углах не смеют говорить что-либо в защиту православия. Это знак не посредничества и примирения, а гонения и мучительства.

— Я с своей стороны, — отвечал царь, — рассуждаю, как сказал, одинаково с вами; но так как до меня дошло, что есть сомнение относительно почитания икон, то мне подобает это не замалчивать, но стараться узнать истину. Какая же причина тому, что вы не хотите

[1] *Кизик* — город, находившийся на одном из островов Пропонтиды, основанный за пять веков до Рождества Христова милетцами.

беседовать с противниками вашими? Очевидно, та, что вы невежды и не имеете тех свидетельств из Божественного Писания, которыми могли бы защищать ваше мудрование.

Тогда святой Феофилакт, епископ Никомидийский, сказал:

— Христос, икону Которого ты имеешь сейчас пред глазами, свидетель, что мы имеем бесчисленные доказательства нашей православной веры, утверждающие благочестивое почитание святых икон; но никто не слушает нас, и трудно нам иметь какой-либо успех в борьбе с державною рукою, с силою налагающею на нас запрещение.

Потом к царю обратился святой Петр, епископ Никейский:

— Как приглашаешь ты нас иметь прение с теми, кому помогаешь и с которыми вместе сам нападаешь на нас? Или неизвестно тебе, что если бы даже манихеев[1] ты ввел сюда и захотел бы им помогать, то и они под твоей защитой легко одержали бы над нами верх.

Еще более смелую речь произнес святой Евфимий, епископ Сардийский.

— Слушай, царь! Уже более восьмисот лет, как Христос Господь наш, сошедший на землю, всюду в церквах изображается иконописанием и почитается в Своем образе. Кто же настолько горделив, что дерзнет изменить или отменить предание, столько лет хранимое в церквах и чрез святых апостолов, мучеников и боговдохновенных отцов дошедшее до нашего времени? Апостол говорит: *Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим* (2 Сол. 2, 15). И еще: *если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема* (Гал. 1, 8). Поэтому и был собран, в благочестивое царствование Ирины и Константина, Вселенский собор против первых еретиков-иконоборцев, и Сам Сын Божий перстом Своим отметил тот собор; кто дерзнет что-либо из постановлений того собора нарушить или уничтожить, да будет проклят.

Хотя слова эти и возбудили в царе страшный гнев, однако он слушал терпеливо, лицемерно притворяясь кротким. Дерзнул безбо-

---

[1] *Манихеи* учили, что в мире существуют два царства — добра и зла, находящиеся в постоянной борьбе друг с другом, а в человеке — две души, добрая и злая, что Христос не имел тела и страдал только видимо; допускали переселение душ.

язненно говорить и святой Феодор, ревностный церковный учитель, игумен Студийского монастыря:

— Царь! Не разрушай устроенного ко благу чина церковного. Говорит святой апостол Павел: поставил в церкви *одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых* (Еф. 4, 11–12), царей же не прибавил сюда апостол. Тебе, царь, поручено править мирскими делами, государством и воинскими силами, о них и заботься, а церковное управление, по учению апостольскому, оставь пастырям и учителям. Если же не сделаешь так, то знай, что если бы даже Ангел с неба принес учение, противное нашей правой вере, то мы не послушаем его, а тем более тебя, бренного человека.

Тогда царь весьма разгневался и, сочтя слова святых отцов за хулу и оскорбление себе, обнаружил внутреннюю ярость, которую доселе скрывал под притворною кротостью. С бесчестием и оскорблениями удалив из палаты весь Освященный собор, он несправедливо сверг затем с престола праведного пастыря — святейшего патриарха Никифора, также поступил и с прочими православными архиереями, и всех разослал на заточение в различные страны и места, равно и преподобного Феодора Студита. На патриарший цареградский престол возвел он одного из советников своих, мирянина Феодота, прозванием *Касситера*, верою еретика, человека греховной жизни, который как бы для исцеления недуга своего (он говорил, что болен желудком), а на самом деле ради греха держал у себя некую рабыню, занимавшуюся врачебным искусством. Также и на других престолах царь посадил, по изгнании православных, своих зловерных лжеепископов и выбросил святые иконы из святых церквей. И началось вновь на православных такое же гонение за почитание икон, какое было раньше при Льве Исаврянине и сыне его Копрониме.

Царь-еретик Лев Армянин, и единомысленный ему лжепатриарх Феодот созвали в Царьграде свое беззаконное сборище и, сами находясь под клятвой, прокляли православных, божественных и благословенных святых отцов, несогласных же с этим неправедным сборищем предавали разным мукам и смерти. Когда еретическое сборище окончилось, царь призвал к себе игуменов из главнейших монастырей, и в числе их божественного отца нашего Никиту, о котором мы повествуем. Сначала льстивыми речами он склонял их к

своему зловерию, а потом, видя, что они не покоряются его воле, заключил их в различные темницы, каждого отдельно, и думал: как дальше с ними поступить?

И находился преподобный Никита много дней в смрадной темнице. Уже самое это смрадное темничное заключение было для святого немалым мучением; кроме того, каждый день приходили к нему разные люди бесчинные и бесстыдные нравом и словом, недостойные даже имени человеческого. Хульными и срамными словами они бесчестили и укоряли святого старца и причиняли ему великие обиды. Эти люди нарочно были подосланы еретиками; среди них самым злым был один, по имени Николай: он особенно печалил преподобного, оскорбляя его безумными и сквернословными речами, пока ему не явился во сне давно умерший отец его, сказав: «Оставь раба Божия». С того времени Николай перестал суесловить, и не только сам не докучал святому, но и другим не позволял докучать. Много дней провел преподобный в темничных страданиях; потом царь повелел отвести его на заточение в страну восточную, в город Масалеон. Была лютая зима, и много бед перенес старец в своих худых одеждах от мороза, снега и ветра. Притом и приставник, ведший его в изгнание, оказался жестоким, лишенным всякого сострадания, человеком: он изнурял старца во время путешествия, заставляя его спешить, чтобы в короткий срок пройти очень долгий путь.

Так же поступил царь, и с прочими честны́ми игуменами, каждого отдельно послав в изгнание. Потом, размыслив в себе, что, держа в заточении тех, кто выше всякой скорби, он не только не достигнет успеха, но даже побудит их еще с большим усердием держаться своего учения, — царь, непостоянный умом, переменил свое намерение. Едва пять дней прожил преподобный Никита в Масалеоне изгнанником, как царь повелел его, а также и прочих игуменов, немедленно возвратить в Византию. Обратный путь был совершен еще скорее первоначального, так что святой от быстрого путешествия и от великой стужи едва остался жив. Когда все игумены были приведены в Византию, царь повелел оставить их под присмотром, пока не решит, каким способом привлечь их к единомыслию с собою. Прошла зима, святая великая Четыредесятница и пресветлый праздник Святой Пасхи; тогда царь отдал узников вышеупомянутому Иоанну Грамматику, точно диавольскими устами учившему красноречию, чтобы он мучил их, как хочет. Затворив в различных темницах каждого отдельно, он мучил их

не меньше, чем язычники святых. Темницы были тесны, мрачны, смрадны и причиняли тяжкие страдания заключенным, не имевшим никаких удобств, даже постелей. Через малое оконце подавали им, как псам, нечистый и гнилой хлеб, лишь по восьми золотников на день, чтобы только не умерли они от голода, и мутную, зловонную воду. Содержа отцов в такой нужде, мучитель Иоанн думал победить их или принудить к согласию с собою, или уморить. Еще к большей печали преподобного Никиты, злобный Иоанн захватил его бывшего ученика, только что достигшего юных лет, именем Феоктиста; он также заключил его в тяжкой темнице, мучил голодом и жаждой. Еретики, видя, что отцы готовы скорее умереть, чем отступить от своего правоверия, измыслили против них такую хитрость. Они сказали:

— Ничего иного мы от вас не требуем, кроме того, чтобы вы приобщились только один раз в церкви с патриархом Феодотом святых Таин; более ничего делать не будете, и пойдете свободно каждый в свой монастырь, с своей верою и мудрованием.

Введенные в заблуждение этим лукавством еретиков, отцы до некоторой степени склонились на их желание. Потом, убедившись в обмане, они вполне раскаялись и возвратились на благой путь. После того как каждого из них выпустили из особого темничного затвора и заключения, они пришли к преподобному отцу Никите и начали убеждать и молить его, чтобы он согласился вступить в общение с Феодотом и вышел из темницы. Святой Никита не соглашался оставить темничное заключение, переносимое им для Христа, и отнюдь не желал исполнять просьбу отцов; но отцы настояли, говоря:

— Невозможно нам выйти отсюда, а тебя оставить здесь: небольшого дела от нас требуют — только причаститься вместе с Феодотом; вера наша в нас останется. По рассуждению, в настоящих тяжелых обстоятельствах лучше разрешить себе малое, чем погубить все.

Так они долго и докучливо настаивали и принуждали Никиту; преподобный, не из желания избежать страданий и не из боязни мук, но по прилежным мольбам отцов и почитая седины их, склонился помимо воли своей к их увещаниям и вышел. Ему предстояли жизнь и смерть; и хотя он охотнее избрал бы смерть за Православие, чем жизнь, однако не ослушался в то время честнóй дружины, правая вера и добродетельная жизнь которой были ему известны.

Все вместе пошли к лжепатриарху; тот, чтобы удобнее уловить их к общению с собою, повел их в некое молитвенное место, нарочно

украшенное иконами, чтобы отцы, при виде святых икон, заключили о правоверии патриарха. Там Феодот служил литургию; они приняли причащение из рук его и слышали из уст его такие слова: «Кто не почитает иконы Христовы, анафема да будет». Патриарх сказал та́к не потому, что сам почитал икону Спасителя, но из лицемерия — пред отцами, чтобы они не сомневались иметь с ним общение. Потом, когда все разошлись по своим монастырям, преподобный Никита начал сердечно скорбеть, что имел общение с лжепатриархом Феодотом, лицемерным обманщиком: малое уклонение от правого пути святой вменял себе во всецелое заблуждение. Он задумал удалиться в иную страну и там каяться в своем прегрешении. Сев на корабль, он поплыл к острову, называемому Проконнис (на Мраморном море, ныне Мармара). Но потом он рассудил в себе: где было прегрешение, там должно быть и покаяние, — и вернулся в Византию.

Открыто ходя по городу, преподобный Никита безбоязненно учил людей держаться правых догматов, установленных святыми отцами VII Вселенского собора. Царь узнал об этом, призвал святого к себе и спросил:

— Зачем ты не ушел в свой монастырь, как прочие игумены? Почему ты один остался самовольно, не повинуясь, как я слышу, нашему повелению? Или власть нашу ты вменяешь в ничто? Исполни повеление наше и иди в свой монастырь; если не пойдешь, я велю мучить тебя.

Святой кротко отвечал:

— Царь! В монастырь мой я не пойду, веры моей не оставлю, держусь и буду держаться моего исповедания; его держатся отцы мои, святые православные епископы, и без вины терпят от тебя изгнание, узы и многие беды, защищая Православную Церковь, в которой мы пребываем и утешаемся надеждой славы Божией. Знай же достоверно обо мне, что не из боязни смерти и не из любви к временной жизни я сделал то, чего не следовало делать, но ради послушания повиновался старцам и против желания: лишь исполняя их волю, вошел в общение с лжепатриархом Феодотом, о чем ныне жалею и в чем раскаиваюсь. Будь вполне уверен, что отныне нет у меня никакого общения с вами: держусь предания святых отцов, которое принял сначала. Делай со мной что хочешь и не надейся слышать от меня что-либо иное.

Царь, видя твердость его убеждения, отдал его некоему Захарии, начальнику царских палат, называемых *Мангана*, чтобы тот держал

его под стражей до решения. Захария был муж добрый и благочестивый; он не только не причинял старцу никакого огорчения, но даже оказывал ему много почета. Потом царь послал преподобного Никиту в заточение на остров святой мученицы Гликерии: этот небольшой остров назывался именем святой мученицы потому, что там лежали святые мощи ее и были созданы во имя ее великая церковь и монастырь, порученный еретичествующими властями некоему евнуху Анфиму. Этот человек отнюдь не отличался добротой, — был волхв, святотатец, способный на зло, неприязненный, лукавый, гордый и немилосердый; тамошние жители за лютость и злой нрав называли его Каиафой. Подобные люди назначались тогда для управления монастырями, чтобы, при поддержке мирской власти, все изменять по своему произволу. Анфим принял присланного к нему святого и, пользуясь властью, данной ему приславшими, усердно мучил его. Заключив угодника Божия в самую тесную темницу, он подвергал его беспрерывным мучениям, не позволяя ему даже выглянуть из темницы; сам носил ключ от нее и скудную пищу приказал подавать ему через очень узкое отверстие. Вожди еретиков много обещали этому Анфиму, если он принудит преподобного Никиту к единомыслию с ними, и окаянный из-за этого особенно досаждал святому, надеясь принуждением склонить его к еретическому мудрованию; но преподобный переносил причиняемое ему за благочестие зло с любовью; Бог же явил в нем чудесную благодать Свою и показал, что это муж праведный, святой и чудотворный помощник людям в бедах. Вышеупомянутый Захария, когда он по народным делам был послан царем во Фракийские страны, попался в руки варваров, которые отвели его в плен. Об этом узнал святой Михаил, епископ Синадский, также содержавшийся в темнице за православие, он послал сказать преподобному Никите:

— Наш общий друг Захария связан и уведен в варварскую страну; прошу тебя, умоли о нем Бога, ибо ты это можешь.

Получив такую весть, святой глубоко опечалился и весь этот день не вкушал пищи, вечером же взял свечу у служащего ему брата Филиппа, зажег и всю ночь стоял на молитве, умоляя о плененном Захарии милосердого Бога, да освободит его из рук варварских. И было ему извещение от Бога, что вскоре Захария выйдет на свободу. Утром пришел Филипп, увидел, что отец светел лицом и радостен духом, и сказал ему:

— Отче! Вчера я оставил тебя весьма печальным и скорбным, а теперь вижу радостным. Прошу тебя, поведай мне причину этого перехода твоего от печали к радости.

Святой ответил:

— Я радуюсь, что мы вскоре увидим здесь друга нашего Захарию.

Так и было. Прошло немного дней; царь греческий заключил мир с варварами, и с обеих сторон начали размениваться пленниками, Посылая пленников на обмен, царь не имел в виду Захарии, ибо уже узнал, что он держится догматов VII Вселенского собора, помогает православным; поэтому он оставил его в руках варваров, да погибнет там. Когда варвары отпустили многих греческих пленников, Захария же остался, предводитель варваров сказал ему:

— Хочешь ли идти на родину?

— И очень хотел бы, — отвечал Захария, — но царю нашему не угодно было избавить меня от этого плена.

Предводитель сказал:

— Я тебя освобождаю; иди согласно своему желанию.

Видя, что предводитель варваров так неожиданно милостив к нему, Захария познал, что Сам Бог устрояет это по молитвам святых отцов, которым некогда он оказывал добро. Исполнившись смелости, он сказал предводителю:

— Если угодно тебе отпустить меня на свободу, то даруй мне и другого пленника, единоименного мне и соотечественника, который вместе со мной был в узах.

Предводитель отвечал:

— Возьми и его, и идите оба с миром на родину.

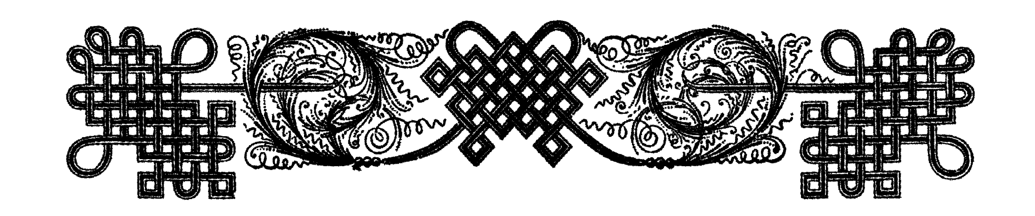
Так был освобожден Захария. Прибыв с другом своим на остров к преподобному отцу Никите, он благодарил его за святые молитвы, ради которых Бог избавил их от варварского плена. Еще и другое преславное чудо сотворил этот святой отец: своею усердною молитвою к Богу избавил от потопления и вывел на сушу невредимыми трех братьев, которые, плавая по морю в одной ладье, среди ночи были внезапно застигнуты волнением. Так, находясь сам в узах пленником и бедствуя, он чудесно избавлял других от уз и бед.

Преподобный страдал в темнице шесть лет, до самой погибели богопротивного царя Льва Армянина. Когда последний был неожиданно убит своими воинами, и вступил на престол Михаил из Аммории, прозванием *Травлий*, или *Валвос*, стали выпускать святых отцов

из уз и заточений на свободу; тогда был освобожден и преподобный отец Никита, игумен Мидикийского монастыря, без пролития крови мученик, мужественный исповедник православия, непобедимый воин Христов. Он не пошел в свой монастырь, а поселился в одном уединенном месте недалеко к северу от Византии, желая жить безмолвно. Там он после продолжительных страданий своих жил недолгое время, но многим оказал чудесные благодеяния силою многоцелебной благодати. Пред кончиной своей, после всех перенесенных в изгнании многоболезненных страданий, заболел он уже в последний раз, причастился Божественных Таин в субботу, а в воскресение на рассвете преставился ко Господу 3 апреля 824 года.

О святой кончине его тотчас стало известно в столице и окрестностях. Вскоре из города и отовсюду собралось множество народа обоего пола и обоего чина, духовного и мирского, братия из Мидикийского и прочих монастырей, пришли и два епископа, святой Феофил Ефесский и святой Иосиф Фессалонитский; опрятав по обычаю честно́е тело святого отца, они положили его в раку, отнесли на корабль и отвезли в мидикийский монастырь. Блаженный Павел, епископ Плусиадский, с множеством иноков и мирян встретили тело на берегу, подняли на плечи и понесли в монастырь. На пути совершались дивные чудеса: недужные получали исцеление и одержимые избавлялись от духов лукавых; одна женщина, долго страдавшая кровотечением, лишь коснулась святых мощей преподобного, тотчас получила исцеление. При соборном пении псалмов и подобающих песней, положили преподобного по левой стороне паперти, в гробнице прежде почившего святого отца Никифора, первого игумена той обители. И после погребения также совершались многие чудеса и подавались исцеления приходящим с верою, во славу Христа Бога нашего, во святых Своих прославляемого, Ему же со Отцом и Святым Духом да будет от всех честь и слава, и поклонение, ныне и всегда, и во веки веков, аминь.

В тот же день **память преподобного Иллирика** чудотворца и **святых мучеников: Елпидифора, Дия, Вифония и Галика**.

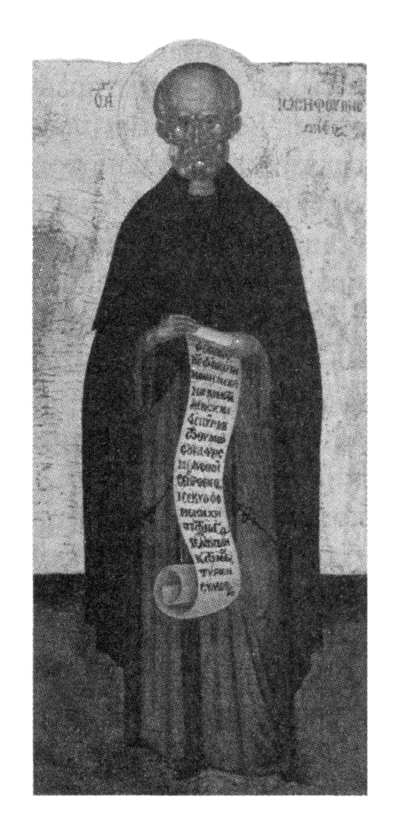
День четвертый

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО **ИОСИФА**, песнописца и творца канонов

Отечеством святого Иосифа была Сицилия[1]. Родители его, Плотин и Агафия, были люди благочестивые и добродетельные; за их богоугодную жизнь Господь и даровал им такого сына, который, как выдающийся творец канонов, украсил церковь для ее блага священными песнопениями. Отрок был воспитан в добром книжном научении и благонравии, и уже в его детских обычаях можно было видеть указание на то, что, став мужем, он достигнет совершенства в добродетелях: он был кроток, тих, смирен, уклонялся от отроческих игр; с детства полюбив пост и воздержание, не искал вкусных яств, питаясь лишь хлебом и водою, да и то вечером; Божественное Писание изучал весьма успешно. Так возрастал Иосиф телом и духом, когда произошло нашествие варваров на сицилийскую страну, и родители его были вынуждены бежать из отечества своего в иные страны. Сначала Иосиф отправился с ними в Пелопоннес, но потом, оставив родителей, удалился в Фессалонику, столицу Македонии; здесь он поступил в монастырь, постригся в иноческий чин и учился трудам постническим, прилежно проходя все виды подвижнической монашеской жизни и добродетелей; и стал он мужем совершенным и иноком опытным. Земля, покрытая кожею, служила ему постелью, ветхое ру-

---

[1] *Сицилия* — один из больших островов Средиземного моря, на юг от Апеннинского полуострова, отделяющийся от него Мессинским проливом.

бище — одеждою; пощение его было велико, пища — небольшой кусок хлеба и немного воды, стояние — всенощное, коленопреклонение — непрестанное; в устах всегда пение, а в руках работа. Прилежно читал он божественные книги, исполнялся премудрости и разума духовного, и, как Ангел Божий, сиял среди братий примером чистого и святого жития. Невозможно рассказать подробно о его добрых делах и многих подвигах.

Так благоугодно трудился он для Бога больше других. По настояниям игумена и братии, принял он сан священства, быв рукоположен в пресвитера епископом Фессалоникским. Будучи пресвитером, он еще усилил свои подвиги и труды, и часто совершал Божественную литургию, со слезами молился о себе и о всем мире. Пришел в монастырь тот преподобный Григорий Декаполит[1]; увидев преподобного Иосифа, он очень полюбил его как мужа святого и приобрел себе в нем друга и сожителя. Прошло несколько времени, и Григорий, отправляясь в Византию для укрепления верных, смущаемых еретиками, просил игумена и братию отпустить с ним ему в помощь Иосифа: ибо не хотел разлучаться с ним. Но и братия с игуменом не хотели лишиться такого сожителя, истинного раба Божия. Однако, уважая просьбу великого старца и внимая нуждам церкви, волнуемой бурей еретической, они отпустили блаженного Иосифа с святым Григорием Декаполитом в Византию.

Прибыв туда, Иосиф и Григорий поселились при церкви святых мучеников Сергия и Вакха и, соревнуя друг другу, повели жизнь суровую и изнурительную, — особенно блаженный Иосиф, подражавший старейшему подвижнику, великому отцу Григорию; взяв его себе в образец, он решил в сердце своем непрестанно совершенствоваться в добродетели. Оба трудились, прилежно поучая благочести-

[1] Память его — 20 ноября.

вых соблюдать себя от вредной ереси, не смущаться и не сомневаться в догматах правой веры и быть твердыми в исповедании истины. В то время нечестивый царь Лев Армянин возобновил уже осужденную[1] иконоборческую ересь и воздвиг великое гонение на Церковь; он извлекал из храмов Божиих святые иконы, бесчестно попирая их ногами; единомысленных с ним еретиков он ставил на престолы православных пастырей, которых свергал и при этом мучил и губил различными способами некоторых из них.

Тогда святой Григорий с святым Иосифом, облекшись в броню веры (ср.: Еф. 6, 14), начали обходить городские улицы, площади и дома верных, с советом, увещанием и мольбою не прельщаться еретическим лукавством. И были слова их подобны росе утренней, когда она оживляет цветы и траву полевую, вянущую от дневного зноя: они оживляли сердца человеческие, малодушествующие, сомневающиеся и как бы увядающие от зноя еретических учений. Потом многие иночествующие обратились с просьбой к преподобному Григорию, чтобы он блаженного Иосифа, как искусного в слове и способного по своей телесной крепости предпринять труд долгого пути, послал в древний Рим, к православному папе Леону III[2] и ко всем тамошним православным, возвестить о гонении, воздвигнутом в Царьграде на святую Церковь. Они рассчитывали, что православные окажут из Рима помощь гонимым, опровергнут неправые догматы и заградят хульные уста еретиков. Преподобный Григорий в беседе с блаженным Иосифом подавал ему такие советы:

— Чадо, настало ныне время явить сердечную любовь твою к Богу и ревность к благочестию; иди в древний Рим и возвести главе тамошних христиан и всем православным на Западе, какую беду на святую Восточную Церковь навел злочестивый царь и по имени зверь, как оскорбил и попрал икону Христову и Пречистой Его Матери, отнял у Церкви украшение ее, изгнал неповинных добрых пастырей, а лжепастырям наемникам и хищным волкам вручил стадо Христово, и теперь овцы расхищаются и разгоняются. Возвести, как изо дня в день яростная буря, поднятая державным, волнует Церковь Христову, и лютый Лев, пришедший из Армении, изрыгает угрозы и поглощает многих своим еретическим лукавством. Возве-

[1] На VII Вселенском соборе.

[2] *Леон (Лев) III* — † 816 год.

сти, убеди и упроси, да обнажат православные меч слова Божия и противостанут гонящим нас.

Так и подобное этому говорил святой Григорий. Блаженный Иосиф, от юности вполне привыкший к послушанию, не возражал нимало; смиренно преклонив голову, он испросил у Григория отеческих молитв и благословение для путешествия, вошел в корабль и поплыл в Рим.

Но иное было угодно непостижимым судьбам Божиим. Все на пользу устрояет Бог, и нередко посредством таких обстоятельств, которые кажутся нам неблагоприятными и жестокими, творить дивные и преславные дела к прославлению Своего святого имени. Так, по устроению Божию, оказалось препятствие и к путешествию Иосифа в Рим. Единомысленники царя Льва Армянина, слуги и помощники мучительства их, узнав, что многие, гонимые иконоборством, уходят из столицы в иные страны, начали устраивать тайно по путям водным и сухопутным разбойнические засады, чтобы схватывать беглецов и возвращать их в руки иконоборцев. Не осталось тайным для них и то, что преподобный Иосиф посылается православными монахами на Запад, в Рим; они подговорили морских разбойников напасть на него, и преподобный попал в руки врагов. Они разбили корабль, захватили также всех спутников преподобного Иосифа и отвезли их в Крит, к иконоборцам, где преподобный, обремененный тяжкими оковами, был ввержен в темницу. Здесь день и ночь утешал он боговдохновенными речами сотоварищей своих по заключению, которых немало страдало вместе с ним за правую веру: сам радуясь в узах о Господе, он говорил другим:

— Что может быть сладостнее и радостнее тех уз, которыми мы обременены за любовь ко Христу и святой иконе Его? Если и причиняет нам некоторую скорбь кратковременное заключение, то за это страдание до́лжно нам благодарить Бога, ставя себе светлым примером святого Павла, который неизреченно радовался, что сподобился за Имя Иисуса Христа страдать в оковах, и ценил их, точно дорогие камни и золотые украшения. Более того, мы *к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его. Он не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его. Будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но предавал то Судии Праведному* (1 Пет. 2, 21–23), по сло-

вам верховного апостола святого Петра. Правда, телесные страдания причиняют некоторую скорбь, но нельзя назвать носителем Христова ига того, кто не пойдет вслед Ему и не будет переносить, хотя частью, тех страданий, которые Он перенес за нас. Будучи всесильным Богом, Он мог и иным каким-либо образом спасти человека, однако благоволил, чтобы от труда и страдания родилась та сила добродетели, которая была бы в состоянии открыть издавна затворенные врата небесные. И не показал Он нам иного пути к спасению, кроме пути труда и скорби. Зачем же смущаться нам, истощая здоровье наше в страданиях за святую икону Спасителя и Пречистой Его Матери? Противясь злочестивому повелению царя, мы получим Божию благодать и благовременную помощь.

Такими и подобными речами утешал и укреплял преподобный Иосиф соузников своих, заключенных с ним в темнице за почитание икон. Пришлось разделить их заключение и некоему православному епископу, также за почитание святых икон взятому на страдание. Он, чувствуя бессилие перенесть темничные лишения, по-человечески смущался мыслями: из желания освободиться от уз и страданий начал уже склоняться к иконоборной ереси и, подобно кораблю при сильном волнении, недалек был от потопления. С какими только увещаниями не обращался к нему преподобный Иосиф, когда уразумел смущение его! Каких только слез не пролил, с мольбою увещевая его без колебания умереть за икону Христову, как за Самого Христа! И боговдохновенные речи его не остались напрасными: епископ исполнился такой твердости, что даже в лютейших муках не отвергся благочестия своего и в мужественном величии души претерпел все до конца. Выведенный на пытку, при виде мучителей и орудий мучения, он нимало не обнаружил страха, но сам снял с себя одежды и отдал себя на истязание, желая тысячу раз умереть — если бы было возможно — за Христа Бога, во плоти изображаемого иконописанием. Повешенный нагим на месте мучений, весь пронзенный стрелами, пораженный наконец в голову большими камнями, епископ предал дух свой Господу. Узнав о мученической кончине епископа, блаженный Иосиф весьма порадовался непоколебимому мужеству его и возблагодарил Христа, утвердившего на таковой подвиг избранного воина Своего, который, хотя и обнаружил вначале некоторую слабость, но потом вполне исправился и

победил врага. Подобным образом святой Иосиф и иных избавил от гибели душевной и направил ко Христу, непрестанно поучая всех спасительному пути; самого же его Бог спасал от смерти, сохраняя его жизнь на пользу весьма многих.

Преподобный Иосиф провел в темнице шесть лет; и вот злочестивого царя Льва Армянина постигла лютая кончина: в ночь накануне праздника Рождества Христова он был убит своими воинами в церкви, за утреней. В тот же самый час преподобный Иосиф в критской темнице был извещен о погибели мучителя и чудесно освобожден от уз явившимся ему святителем Николаем. Всю эту ночь святой Иосиф проводил без сна, беспрерывно воспевая праздничные песнопения и молясь; перед рассветом яркое сияние озарило темницу, и предстал пред ним облеченный в святительские одежды, святолепный и честный муж, с седыми волосами, светлым лицом, и сказал ему:

— Из Мир Ликийских пришел я к тебе, посланный Богом, дабы немедля принести тебе радостную весть: враг, смутивший Церковь и рассеявший овец Христовых, лишился и царства, и жизни, призванный на суд Божий. Ныне до́лжно тебе возвратиться в Константинополь и утвердить многих обитающею в тебе благодатью Духа Святого.

Затем святитель дал ему свиток и сказал:

— Прими этот свиток и съешь его.

В свитке же было написано: *Ускори, щедрый, и потщися, яко милостив на помощь нашу, яко можеши хотяй*. Иосиф взял этот свиток, прочитал и, съев, радостно сказал: *Как сладки гортани моей слова Твои! лучше меда устам моим* (Пс. 118, 103).

Тогда повелел явившийся ему воспеть те же слова. Радостно воспел их святой Иосиф, и тотчас вериги и оковы его ослабели и спали с шеи, рук и ног его, и услышал он слова явившегося ему святителя:

— Встань и следуй за мной.

Он встал; двери темницы сами собою отворились, и он вышел, без ведома темничной стражи. И увидел он себя носимым по воздуху некою невидимою силою. В непродолжительном времени он оказался близ Константинополя, на большой дороге, ведущей в город, и прославил Бога за такое преславное чудо.

Войдя в город, Иосиф не нашел уже в живых любимого им отца Григория Декаполита — он отошел ко Господу, — а видел лишь ученика его, блаженного Иоанна, и вместе с ним у гроба Григория много скорбел, что не сподобился застать в живых святого отца. Спустя немного времени и Иоанн отошел ко Господу, и был погребен близ святого Григория. Потом преподобный Иосиф переселился на иное место, уединенное и безмолвное, находившееся за городом, недалеко от церкви святого Иоанна Златоустого. Поселившись здесь, он создал церковь во имя святителя Христова Николая, перенес в нее мощи обоих отцов, Григория и Иоанна, устроил монастырь и собрал братию. Сюда к преподобному Иосифу постоянно стекалось слушать его боговдохновенное учение много людей — духовных и мирских, ибо благодать Духа Святого подобно реке текла из уст его сладостными речами. Будучи однажды в Фессалии, преподобный Иосиф получил от одного известного ему добродетельного мужа значительную часть мощей святого апостола Варфоломея[1]. Он принес ее в свою обитель и, создав особую церковь во имя святого апостола Варфоломея, с честью положил в ней часть святых мощей его. Питая великую любовь и веру к святому апостолу, он часто сподоблялся видеть его в сновидениях. Он желал украсить праздник святого апостола хвалебными песнопениями, но не решался, сомневаясь, будет ли угодно это дело святому апостолу, и усердно молил Бога и апостола Божия открыть ему это и даровать премудрость свыше для создания достойных святого Варфоломея, хвалебных стихов. С постом и слезами молился преподобный Иосиф сорок дней, и когда приблизился день памяти апостола, в навечерие празднества увидел он, что в алтаре явился святой Варфоломей, облеченный в белые ризы, открыл алтарную завесу, призывая его к себе. Когда же преподобный Иосиф подошел ближе, святой апостол взял с престола святое Евангелие, положил его на грудь Иосифу со словами:

— Да благословит тебя десница всесильного Бога, и да изольются на язык твой воды небесной премудрости: сердце твое да будет храмом Духа Святого, и песнопения твои да усладят вселенную.

Так сказал святой апостол Варфоломей и стал невидим, а преподобный Иосиф, ощутив в себе благодать премудрости, исполнился радости неизреченной и благодарения. С того времени начал он пи-

[1] Память его — 11 июня.

сать церковные гимны и каноны, которыми украсил праздник не только святого апостола Варфоломея, но и многих святых, по преимуществу же почтил он многими канонами Пречистую Богоматерь и святителя Николая. Обильно украсил он святую Церковь песнопениями и получил наименование *песнописца*.

По воцарении Феофила[1], снова восстала на Церковь буря иконоборства, снова многие подверглись гонению и мучению. Тогда и преподобный отец наш Иосиф песнописец, за безбоязненное и открытое обличение ереси, был изгнан в Херсон, где в узах и страданиях оставался до смерти Феофила. Царица Феодора с сыном Михаилом, принявшая правление по смерти Феофила и с Святейшим патриархом Мефодием восстановившая Православие[2], возвратила Иосифа в Царьград. Святой Игнатий[3], принявший престол по преставлении святого Мефодия, сделал преподобного Иосифа сосудохранителем великой Божией Константинопольской церкви. За добродетельную жизнь и за исходившие из уст его премудрые и душеспасительные речи, многих обращавшие на путь спасения, преподобный Иосиф был весьма любим святейшим патриархом и всем духовным и мирским чином. Прошло несколько лет, и преподобный Иосиф за обличение беззакония снова потерпел изгнание от Варды, брата царицы, первого, после царя, властелина. Не боясь Бога и не стыдясь людей, Варда тяжко нарушил законы Церкви, удалив от себя законную супругу свою без вины с ее стороны и взяв себе в жены родственницу свою. Преподобный Иосиф открыто обличал его, как некогда святой Иоанн Предтеча Ирода, и за это Варда преследовал его и причинял ему зло. Той же участи подвергся и святейший патриарх Игнатий, потерпев от беззаконного Варды изгнание и многие беды. Когда же Варда был убит слугами царя (и погиб с шумом), а за ним и царь Михаил лишился жизни также от своих приближенных и Василий Македонянин[4] принял царство тогда святой Игнатий и преподобный Иосиф были возвращены в Царьград, и Игнатий снова принял престол свой, а Иосиф — прежнюю долж-

---

[1] С 829 по 842 год.

[2] Иконопочитание восстановлено в 840 году. *Святой Мефодий* † 846 год, память его — 14 июня.

[3] *Святой Игнатий* † 877 год, память его — 23 октября.

[4] *Василий Македонянин* царствовал с 867 по 886 год.

ность сосудохранителя. Не только святейший Игнатий, но и преемник его, патриарх Фотий[1], любили и почитали святого Иосифа песнописца. Фотий вручил преподобному все церковное управление, называл его человеком Божиим, Ангелом во плоти и отцом отцов, и повелел всему клиру своему иметь преподобного Иосифа отцом духовным, открывать ему совесть и исповедовать прегрешения. Обладая прозорливостью, преподобный провидел утаиваемые грехи, но не обличал грешника, а наставлял его увещательными речами до тех пор, пока исповедующийся, умилившись, не открывал тайного беззакония: ибо силен был Иосиф в боговдохновенных речах и легко мог обращать грешных к покаянию.

Прожив много лет и достигши глубокой старости, Иосиф впал в немощи телесные от многих трудов, в которых подвизался с юности — от поста, гонений за правду, от уз и темницы, от забот о церковном устроении, об украшении песнопениями праздников и памятей святых и от великих попечений о спасении душ человеческих. Перед отшествием из мира, в конце святой Четыредесятницы, впал он в болезнь и в сновидении получил от Бога извещение о своем скором преставлении. В святой Великий пяток вольных страстей Христовых он переписал все вверенные ему церковные вещи и дела и отослал к святейшему патриарху Фотию. Потом, готовясь к исходу, начал молиться Богу, говоря так:

— Благодарю Тебя, Господи Боже мой, что сенью крыл Твоих Ты сохранял меня во все дни жизни моей! И ныне соблюди до конца дух мой и даруй мне без вреда избежать князя тьмы и страхов воздушных, да не послужат к радости врага моего прегрешения жизни моей, по неведению мною совершенные. Слово Отчее, сохрани стадо Твое и защити до конца века все созданное десницей Твоей. Возлюбленным сынам Церкви Твоей будь помощником; святой Церкви, невесте Твоей, даруй мир вечный и тишину невозмущаемую; царское священие[2] просвещай Твоими дарами; гордого велиара[3] покори под ноги защитников православной веры, все вредные для души ереси отврати от Церкви. Душе же моей даруй мирное и кроткое разлуче-

[1] *Фотий* первый раз занимал престол с 857 по 867 год; вторично — с 877 по 886 год.

[2] Так называются в первом Послании святого апостола Петра (2, 9) христиане.

[3] С еврейского — *непотребный*, название диавола (2 Кор. 6, 15).

ние с телом. Если и недостоин я принадлежать к числу святых угодников Твоих, в которых обитал Дух Святой, — ибо сознаю себя грешным пред Тобою, — то Ты, бесконечно благий, не взирай на грехи мои, но сотвори меня достойным участи сынов Твоих.

Сотворив молитву и причастившись Божественных Таин, преподобный Иосиф благословил всех бывших при нем, воздел к небу руки свои и с светлым и радостным лицом предал Богу свою святую душу.

Тотчас отовсюду стеклось множество иноков и мирян; многие из них плакали, называя почившего, одни — отцом, другие — воспитателем, иные — благодетелем, иные — утешителем, другие — учителем, наставником и вождем к спасению. С прославлением проводили ко гробу и с почестями погребли его: но еще честнее и славнее была провождена бессмертными духами святая душа его в небесные обители. Это сподобился видеть очами один любимый им друг, муж праведный и богоугодный, находившийся в значительном расстоянии от места кончины преподобного. В тот час, когда возлюбленная Богом душа Иосифа, разлучившись с телом, возносилась к небу, упомянутый муж слышал голос свыше, говоривший ему:

— Выйди из храмины и увидишь дивные Тайны Божии.

Он вышел и, взглянув вверх, увидел раскрывшийся свод небесный и лики святых, выходившие оттуда: сначала лик апостольский, потом мученический, пророческий и святительский. Дивился и ужасался тот муж чудесному видению и недоумевал о значении его. И снова услышал он голос: «Смотри и внимай, и узнаешь значение всего тобою видимого». И тотчас увидел он четырех юношей светлее всех, и посреди их — Деву неизреченной чистоты и славы: то была Пречистая и Преблагословенная Дева Мария, Матерь Христа Бога нашего. Шествуя, повелевала Она воинствам святых мужей принять ту святую душу, которая прославила в песнопениях их деяния и память и подражала житию их. И все с неизреченной радостью встречали и с усердием и любовью принимали некое достойное почитания лицо, возводимое к небу. Созерцатель этого, упомянутый муж, мысленно спрашивал себя:

— Кого же воинства небожителей сподобляют столь великой чести?

И слышал громкие голоса Ангелов, возводивших душу святую: «Это Иосиф песнописец, украшение всей Церкви, сподобившийся

благодати Духа Святого, подражавший житию апостолов и мучеников и описавший дела их, за что ныне от тех же святых принимает почесть и похвалу». Так душа преподобного Иосифа песнописца была введена с торжеством в небесные обители. Это преславное видение исполнило мужа очевидца великой радостью, а также и великим сожалением, что не сподобился он затем видеть ту славу, с которою благословенная душа вошла внутрь горних обителей, предстала и поклонилась пресветлейшему свету триединого Бога.

Есть и другое известие о провождении преподобного Иосифа на небо. Была в Царьграде церковь святого мученика Феодора *фанерота*, что значит *объявителя* (открывателя), так как притекающим с молитвою открывал он об украденных, утаенных или погибших вещах. Бежал от одного человека раб очень полезный ему, и тот человек в печали пришел в церковь святого Феодора фанерота, отслужил молебен и молил мученика Христова показать ему раба его. Три дня и три ночи пробыл он в церкви и, не получив откровения, в скорби хотел удалиться. За утреней, когда читалось в церкви душеполезное слово, он немного задремал во время чтения и увидел явившегося ему святого Феодора, который сказал:

— Что скорбишь, человек? Разлучался от тела Иосиф, творец священных гимнов, и мы были при нем. Он преставился в эту ночь, и мы все, почтенные от него канонами и песнопениями, провождали душу его к небу и поставили пред Лицо Божие. Вот почему я замедлил явиться тебе. Теперь же я здесь и прошение твое исполняю: иди на такое-то место, — и назвал имя места, — там найдешь раба твоего, которого ищешь.

Оба эти извещения убеждают нас, какую великую славу получил преподобный Иосиф за труды свои от Бога и какую почесть и похвалу от святых Божиих. Предстоя ныне в небесных селениях престолу Божию, он воспевает ангельские песни, прославляя и восхваляя Отца и Сына и Святого Духа, триединого Бога, вовеки, аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ ФЕРВУФЫ

После мученической кончины персидского епископа святого Симеона[1], которую он претерпел от руки царя Сапора[2], остались в живых две его сестры: одна — девица, по имени Фервуфа, а другая — вдова и, кроме того, — одна рабыня.

Святая дева Фервуфа была еще очень молода и отличалась необыкновенною красотою. Услышав о красоте ее, царица персидская, жена Сапора, приказала привести ее к себе. Итак, по прошествии года со времени убиения святого епископа Симеона, царские слуги привели святую деву Фервуфу вместе с сестрой ее и рабыней к царице. Увидав своими собственными глазами чудную красоту Фервуфы, царица обратилась к ней с такими словами:

— При твоей красоте, дева, тебе следует быть госпожой над многими людьми!

Святая же Фервуфа ответила ей:

— Я имею Жениха — Христа, за Которого претерпел страдание брат мой; о другом женихе я не могу даже и помыслить!

Ни о чем более не расспрашивая Фервуфу, царица приказала ей вместе с сестрою и рабынею ее остаться пока в ее царском дворце.

---

[1] *Святой Симеон Варсавий* (то есть сын красильщика) — с 325 года епископ Селевкийский и Ктезифонтский — замучен в 341 году или 344 году в Великую пятницу 19-го числа месяца Вармуда, соответствовавшего нашему 14 апреля. Память его празднуется 17 апреля. *Селевкия* лежала к западу от Антиохии, ближе к Средиземному морю. Она была основана Селевком Никатором за 300 лет до Рождества Христова. Селевкия и Ктезифон суть один город, разделенный рекою Тигром.

[2] *Сапор II* был персидским царем с 309 по 381 год. Христианство в Персии существовало и в более ранний период. Император Константин Великий вскоре после своего обращения писал в пользу христиан Сапору. Но за успехом новой религии с завистью и тревогою следили волхвы и, когда между Сапором и Констанцием началась война, они донесли царю, что обращенцы были преданы римским интересам. Вследствие этого Сапор начал гонение, подвергая христиан особенно отяготительным налогам. Затем был схвачен и их глава Симеон, епископ Селевкийский и Ктезифонский, и приведен к царю, который потребовал от него признания национальной религии. Когда же он отказался от этого, царь приговорил его к тюремному заключению, а затем к смертной казни. Гонение еще более усилилось в последние годы царствования Сапора.

На следующий день утром царица внезапно заболела. Для того, чтобы вылечить ее, во дворец к ней явились персидские волхвы[1]. Один из этих волхвов, увидав в палатах царицы прекраснейшую Фервуфу, был поражен красотою ее; вскоре после того, уйдя от царицы, волхв тот послал к святой деве сказать следующее:

— Если ты пожелаешь быть моею женой, то я попрошу царицу отпустить тебя на свободу, и ты будешь обладать большими богатствами.

Святая же Фервуфа ответила ему:

— Будучи христианкой, я не могу сочетаться браком с язычником.

Волхв, плененный красотою Фервуфы, таким ответом был весьма пристыжен и приведен в гнев. Явившись к царю Сапору, он сказал ему:

— Болезнь царицы не случайная: ей дана какая-нибудь отрава. В палатах царицы пребывают две сестры-христианки, брат которых — христианский епископ Симеон — был убит по твоему повелению. Несомненно, что проживающие во дворце сестры убитого епископа, по злобе на тебя, поднесли отраву твоей царице.

Царь тотчас же приказал привести сестер на допрос.

Когда все три женщины — святая Фервуфа, сестра ее и рабыня были введены в царскую палату, то, по приказанию царя, к ним вышел для допроса начальник волхвов Мавптис вместе с двумя другими сановниками. Когда пришли и воссели на своих местах трое этих судей, пред ними поставили для допроса упомянутых трех женщин. Как только названные судьи заметили необычайную красоту святой Фервуфы, то все они возгорелись к ней похотью, скрывая в то же время друг от друга свои дурные домыслы. После того судьи спросили приведенных женщин:

— Для чего вы отравили царицу, властительницу вселенной? За этот поступок вы достойны смерти!

— Зачем, — отвечала святая Фервуфа от лица всех женщин, — сатана вложил в ваше сердце такую несправедливую мысль и ради чего вы хотите несправедливо обесславить нас? Если вы жаждете на-

[1] Под волхвами в древности разумелись люди мудрые, обладавшие знанием тайных сил природы, движения светил небесных, священных письмен, толкователи снов и предсказатели будущего.

шей крови, то нет никого, кто бы воспретил вам пить ее. Если вы желаете нас умертвить, то ведь ничто не препятствует этому: ведь вы ежедневно оскверняете в этом руки ваши. Как христиане, мы умираем за Христа — Бога нашего, не отрекаясь от Него, потому что Он есть жизнь наша; как предписано нам поклоняться и служить Единому Богу, так мы и будем поступать. В наших книгах написано также и то, что волхв и чародей не должны жить, но должны умереть от руки своих же соплеменников (см.: Исх. 22, 18; Лев. 20, 6). Каким же образом могли бы мы приготовлять отраву для кого бы то ни было, зная, что такой поступок есть нисколько не меньшее преступление, как если бы кто отрекся от Бога нашего, потому что за оба эти греха одинаково предстоит смертная казнь

В то время как святая Фервуфа говорила это, судьи с удовольствием слушали ее, дивясь красоте и мудрости ее, и чувствовали себя бессильными возразить что-либо на ее слова. Каждый из них размышлял сам в себе: «Я упрошу царя, чтобы он освободил этих женщин от смерти, и возьму эту девицу себе в жены». И только едва Мавптис нашелся сказать:

— Если вам закон и запрещает чародействовать, то тем не менее вы могли сделать это из мести за смерть брата вашего.

Святая Фервуфа ответила на это:

— Правда, наш брат пострадал от вас; но если бы мы в возмездие за его смерть пожелали вам смерти, то мы погубили бы жизнь свою пред своим Богом; если вы, пылая яростью, и убили нашего брата, тем не менее он жив и радуется со Христом в небесном Царстве Его; в сравнении же с этим Царством ваше — ничто!

Когда святая изрекла эти слова, князья повелели отвести всех женщин в темницу.

Ранним утром на следующий день начальник волхвов Мавптис тайно послал слугу своего в темницу к святой Фервуфе, поручив ему сказать следующее:

— Вот, я готов упросить царя, чтобы ты и те, кто с тобою, остались живыми, только согласись быть моею женою.

Святая же дева дерзновенно отвечала на это:

— Враг Бога и всякой правды! Закрой уста свои и не осмеливайся более говорить мне такие нечестивые речи! Я не могу более слушать их! Вовеки не будет того, чего желаешь ты! Один раз навсегда я со-

четалась с Господом моим Иисусом Христом, ради Которого сохраняю мое девство и ради Которого стараюсь соблюсти в чистоте мою веру. Он один, свободный от греха, силен освободить меня из ваших нечестивых рук и может избавить меня от тех козней, которые вы мне устраиваете. Я не боюсь смерти и не страшусь крови. Тот путь, по которому вы хотите повести меня, доведет меня до возлюбленного брата моего, святого епископа Симеона. Там я и найду утешение в моих печалях и скорбях, которые особенно сильно испытываю после его смерти.

Таким образом святая невеста Христова Фервуфа дерзновенно отогнала от себя посланного к ней Мавптисом человека, и самого Мавптиса заставила устыдиться. Подобным же образом поступила святая Фервуфа и с двумя прочими судьями, плененными ее красотою. Каждый из них также тайно посылал к ней в темницу своих послов, соблазняя святую Фервуфу на вступление в брак с собою; но все не имели успеха и были посрамлены святою.

После того как все трое судей заметили друг у друга страсть к святой деве, то, видя всю неуспешность своих попыток завладеть ею, они решили во что бы то ни стало погубить эту святую деву, а также и тех женщин, которые были с нею. С этой целью они пошли к царю и донесли ему, что эти три женщины-христианки — волшебницы и чародейки, а потому — достойны смерти. Царь сказал, что если они хотят остаться в живых, то должны поклониться солнцу.

Будучи снова представлены на суд тем же трем упомянутым выше судьям, святые мученицы, выслушав царское приказание — поклониться солнцу, отвечали:

— Мы поклоняемся Богу, Творцу неба и земли; солнцу же, — творению нашего Бога, мы не можем воздавать тех почестей, какие воздаем Богу. Никакие ваши угрозы не заставят нас отказаться от любви к Господу и Богу нашему Иисусу Христу.

В то время как святые жены произносили эти слова, Мавптис и двое других судей, бывших с ним, громким голосом возопили:

— Пусть погибнут с лица земли эти три женщины, которые дали отраву царице и причинили ей жестокую болезнь!

Немедленно затем вышел от царя смертный приговор святым мученицам, по которому три женщины-христианки должны были

умереть такою смертью, какую захотят изобрести для них персидские волхвы. Эти же нечестивые волхвы сказали:

— Если эти женщины не будут рассечены пополам и если царица не пройдет сквозь рассеченных половин их тел, то она не может выздороветь.

Когда, затем, были ведены святые мученицы для рассечения пополам, Мавптис снова послал к святой деве Фервуфе своего слугу, который сказал ей от его имени:

— Если ты пожелаешь меня послушаться, то ты не умрешь; также не умрут и те женщины, которые находятся с тобою.

— Для чего ты, нечестивый, — укоряла гневным и громким голосом Мавптиса святая дева, — говоришь то, чего я не могу слушать. Я окончательно желаю умереть за Христа, Бога моего, дабы получить от Него жизнь вечную. Неужели я возлюблю жизнь временную для того, чтобы умереть для жизни вечной?

После этого нечестивые мучители вывели святых мучениц за город и здесь приготовили для каждой по два воткнутых в землю столба.

Затем святую деву Фервуфу привязали к одному из столбов за шею, а к другому за ноги. Таким же образом привязали к остальным столбам и прочих святых мучениц. После же всего перепилили пополам большою плотничьею пилою святых мучениц. Таким образом святые мученицы, невесты Христовы, предали чистые души свои в руки бессмертного Жениха своего.

Мучители же, водрузив шесть больших столбов — по три на каждой стороне дороги, повесили на них распиленные части тел святых мучениц. Эти последние были как бы прекраснейшим, висящим на древах, покрытым кровью плодом. Явилось зрелище, полное ужаса и достойное слез. Затем по той же самой дороге была пронесена между повешенными телами святых мучениц нечестивая царица персидская, за которой шло великое множество народа. После всего этого честны́е тела святых мучениц были брошены в ров.

Так святая мученица Фервуфа вместе с своею сестрою и рабынею окончила 4 апреля[1] свои страдания за Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

---

[1] Кончина святых мучениц последовала около 341–343 годов.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ЗОСИМЫ

Преподобный отец наш Зосима с детства почувствовал желание служить Богу. Будучи еще в юном возрасте, он ушел в монастырь и принял иноческое пострижение в Тире[1], в стране Палестинской. Доблестно пожив в иноческом житии, он стал опытным иноком и удостоился многих откровений от Бога. Проводя время в молитве, он со слезами постоянно занимался ручным трудом. И пришло ему однажды на мысль, найдется ли среди пустынножителей муж, который бы подвигами своими был выше его. Тогда явился ему некто неизвестный и сказал:

— Зосима! Достиг ты, как человек, высокой степени подвижничества, но никто из людей не может быть совершенным, а чтобы ты узнал, как много существует различных способов спасения, выйди из места, где ты подвизаешься теперь, и иди в монастырь, который находится близ Иордана.

Зосима сделал так, как повелено было ему, и отправился в указанный монастырь[2]. В этом монастыре существовал обычай, по которому в Великий пост все иноки уходили из монастыря в пустыню на молитву, оставляя в монастыре одного только привратника, а затем в Великий четверг снова сходились в монастырь для святого Причащения. Когда наступило время, ушел в пустыню вместе с другими иноками и Зосима. Здесь он увидел святую Марию[3] и погнался за нею, но она сказала ему:

— Зосима! Если ты желаешь видеть меня, то дай мне одежду твою.

Зосима исполнил просьбу Марии, и она, надев на себя одежду, рассказала ему по порядку о себе все, что она делала от юности

---

[1] *Тир* — город, расположенный близ северо-восточных берегов Мертвого моря на юго-западном склоне Галаадской горной цепи в левобережной Палестине, известной в древности под именем Переи, или Заиорданской страны.

[2] Это был Иорданский монастырь святого Иоанна Предтечи, разоренный до 1651 года и пришедший в ветхость еще в 723 году.

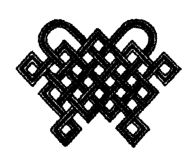
[3] Здесь разумеется *преподобная Мария Египетская*. Память ее празднуется Церковью 1 апреля.

своей, — как она сперва проводила жизнь в блудодеянии и как затем пришла в пустыню. После этого она просила Зосиму в следующем году прийти на Иордан со святыми Дарами. Когда прошел год, Зосима пришел с Телом и Кровью Христовою. Тут он увидел, как преподобная пришла к нему чрез Иордан, как посуху, и причастил ее. На третий год он снова пришел в пустыню и нашел преподобную Марию уже мертвою[1]. От старости он не имел сил похоронить ее и, увидев льва, сказал ему:

— Зверь! Похорони преподобную Марию, ибо я стар и не могу копать.

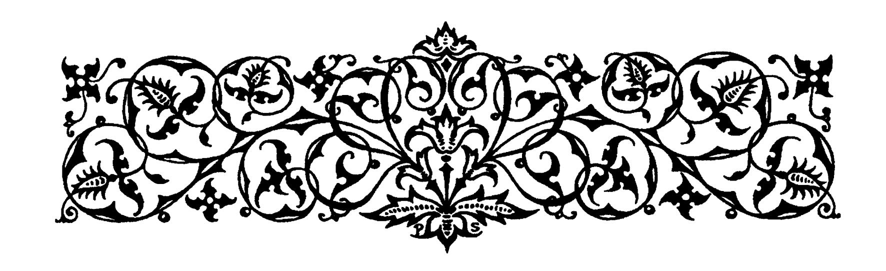
Тотчас же лев вырыл яму, и Зосима похоронил честно́е тело преподобной Марии. Возвратившись в монастырь, он рассказал игумену Иоанну и всей братии о преподобной Марии и о том, как прославил ее Господь. После этого честной отец наш Зосима подвизался еще в молитве, слезах и различных подвигах и скончался в глубокой старости[2]. Иноки монастыря с честью похоронили его.

В тот же день **память преподобного Георгия Безмолвника**.

[1] Преподобная скончалась в ночь на Великую пятницу 1 апреля 522 года.

[2] Преподобный Зосима скончался в 523 году почти ста лет от роду.

День пятый

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
АГАФОПОДА и ФЕОДУЛА

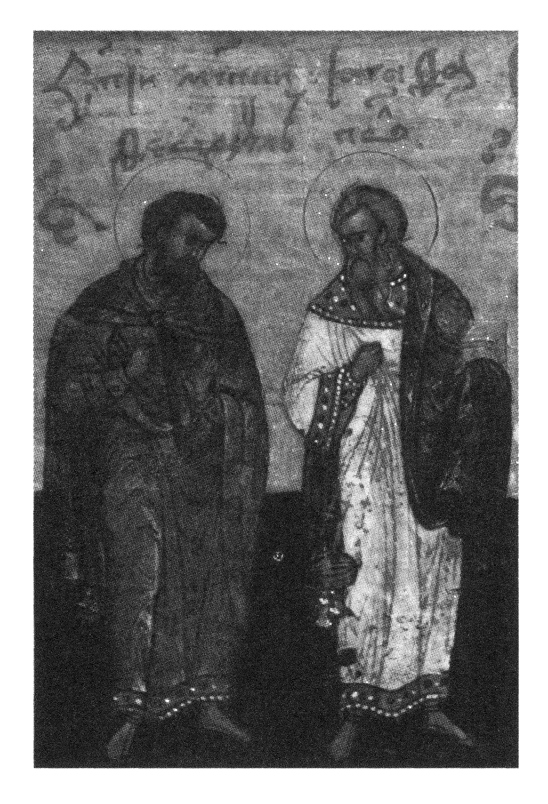
В царствование нечестивых римских императоров Диоклетиана и Максимиана[1] в Фессалоникии[2] проживали двое богоугодных служителей Церкви Божией, Агафопод и Феодул. Агафопод был саном диакон, имел уже преклонный возраст и проводил жизнь целомудренную. Феодул же был чтецом. Сын благочестивых родителей-христиан, он был молод и красив лицом и проводил жизнь беспорочную. У Феодула были три брата по плоти: Капитон, Митродор и Философргий, проводившие такую же благочестивую жизнь, как и он сам.

Блаженный Феодул еще раньше своего страдальческого подвига восприял от Бога залог имевшего дароваться ему венца мучениче-

---

[1] *Диоклетиан*, с именем которого связывается представление о последнем жестоком гонении язычников на христиан, вступил на римский престол в 284 году и царствовал до 305 года. В 285 году он, сознавая трудность управления одному обширною империею, выбрал себе соправителем одного из своих полководцев, храброго Максимиана (Геркула), вручив ему с титулом Августа западную половину империи. В 292 году он избрал еще двух помощников в управлении с титулом кесарей: Констанция Хлора — для Британии, Галлии и Испании и Галерия — для Иллирии. Диоклетиан перенес свой двор из Рима в Никомидию (этот город находился на азиатском берегу Пропонтиды — Мраморного моря), вследствие чего старый Рим постепенно терял свое значение. Преимущественно по влиянию кесаря Галерия Диоклетиан издал четыре эдикта, или указа, против христиан и был одним из самых жесточайших их гонителей.

[2] *Фессалоники*, или *Солунь*, — родина просветителей славян святых Кирилла и Мефодия — город в Македонии, при Эгейском море.

ского. Почивая однажды ночью, Феодул в сонном видении намеревался получить от некоего почтенного человека в свою руку некую вещь. Пробудившись от сна, Феодул действительно нашел в своей руке весьма красивый, неизвестно из чего сделанный, перстень с печатью, имеющею изображение святого креста. Это было знамением страданий святого Феодула за Христа, Бога нашего, пострадавшего ради нас на кресте. Святой юноша Феодул исцелял впоследствии этим перстнем всякие болезни между людьми. Кого бы ни встречал он из больных, имея при себе этот перстень, — немедленно страждущего оставляла болезнь, и он становился здоровым, так что даже многие эллины, видя это, обращались ко Христу.

Когда вышеупомянутые языческие цари воздвигли гонение на христиан, то повсюду разослали свои приказы: принуждать всех людей к поклонению делу рук человеческих — идолам, а не к поклонению Единому Богу, Создателю всех[1]. Такого рода царский приказ пришел и в Фессалоникию, где были выставлены напоказ всем орудия мучений, уготовленные для не повинующихся царскому повелению[2]. Многие из верующих бежали отсюда, стараясь скрыться, кто где мог; другие мужественно отдавали себя на мучения и, наконец, третьи, будучи малодушными и слабыми, убоявшись мучений и

[1] В 394 году был издан Диоклетианом четвертый эдикт, которым все христиане осуждались на пытки и мучения с целью принудить их к отречению от христианства и принесению жертв идолам.

[2] Современник этого гонения Евсевий, епископ Кесарийский, в своей «Церковной истории» рассказывает подробно о всех ужасах, сопровождавших преследование христиан в разных областях и городах империи.

смерти, переходили на сторону язычников и вкушали вместе с последними идольские жертвы, предпочитая, таким образом, настоящую суетную жизнь жизни бессмертной. Но они, избегая кратковременных мучений, приуготовляли тем самым себе вечную смерть и погибель. Таковым радовался диавол, но великодушными и мужественными воинами Христовыми он всегда бывал побеждаем и посрамляем, как, например, этими двумя святыми Агафоподом и Феодулом. Эти последние во время наступившего лютого гонения не убежали, не скрылись, но непрестанно пребывали в дому Божием, день и ночь молясь Богу о святой Его Церкви, подвергшейся таким бедствиям, и день и ночь ожидая начала своих страданий.

Действительно, когда о святых узнали языческие воины, они тотчас схватили их и бросили в темницу. В то время начальником Фессалоникии был Фавстин. Воссев на своем судейском месте, он приказал привести к себе на допрос исповедников Христовых — Агафопода и Феодула. Как бы позванные на пиршество, с радостью отправились они, держась руками друг за друга и мужественно восклицая:

— Мы — христиане!

Когда святые предстали пред судилищем мучителя, то он, желая прежде всего уловить своими обольщениями младшего, приказал всем удалиться, а Агафопода отвести в другое место. Затем, подозвав к себе поближе Феодула, он ласково сказал ему:

— Смирись, юноша, умоляю тебя, отвергни свое новое лжеучение христианское и приступи к выполнению законов и обычаев, установленных древностью, если не хочешь в мучениях окончить жизнь свою.

Святой же Феодул отвечал ему:

— Я давно уже оставил заблуждение и обман и боюсь за тебя, так преданного суете, дабы ты не подвергнулся смерти вечной.

Судия не обиделся на эти слова святого, но снова всячески стал соблазнять приступить к принесению жертв идолам, обещая ему подарки и почести. Находившийся здесь поблизости жрец Зевса[1], по имени Ксенос, сказал святому:

---

[1] Именем *Зевса* (сын Кроноса и Реи) назывался у древних греков бог неба. У него было много прозваний, которые или произошли от названий различных местностей, где воздавалось ему почитание, или служили для выражения какого-либо из многообразных свойств этого божества.

— Если почести и подарки не убеждают тебя к принесению жертвы, то пусть мучения убедят тебя повиноваться царским повелениям!

— Ужасы мучений ни в каком случае не смогут запугать меня, — отвечал мученик жрецу, — и никогда не склонят к исполнению вашей воли.

На слова говорившего, затем Фавстина о том, что жизнь почетная лучше мучительной смерти, святой Феодул отвечал:

— Действительно, я сознаю, что жизнь лучше смерти, и потому-то я и решил в уме своем презреть эту земную и кратковременную жизнь, дабы мне соделаться участником в бессмертной жизни и вечных небесных благах. Итак, замучь меня ранами и огнем и ты увидишь, что мучимое тело мое подвержено тлению и гибели, разумная же душа моя, будучи нетленною, после мучений тотчас же освободится от уз тела и будет веселиться в жизни бесконечной.

— Умоляю тебя, — продолжал судия, — сообщи мне, Кто же даст тебе те великие блага, из любви к Коему ты решил презирать ныне мучения и самую смерть?

— Бог, — отвечал святой Феодул, — все определивший законами природы, и Его Сын, Христос, Слово Отца (ср.: Ин. 1, 1 и след.), крестом Которого назнаменован я с самого моего младенчества; я не оставлю этого знамения до конца жизни своей и скорее соглашусь лишиться через мучения своего тела, нежели отрекусь от этого знамения Христова. Я — верный слуга моего Владыки, и ты не победишь меня ни огнем, ни железом!

Игемон Фавстин, изумившись таковому мужеству и смелости святого юноши Феодула, повелел отвести его подальше от себя в отдельное место. Затем, позвав к себе святого Агафопода, он сказал ему:

— Поклонись богам нашим! Вот и Феодул, находившийся также в обмане, ныне дал обещание поклониться им и принести вместе с нами жертву.

Уразумев хитрость и обман игемона, святой Агафопод сказал ему:

— И я с радостью принесу жертву истинному Богу и Его Сыну Иисусу Христу, ибо и Феодул обещался Этому, а не иному какому богу принести благоприятную жертву.

Фавстин же возразил ему:

— Нет, Феодул обещал принести свою жертву не этому Богу, а двенадцати богам[1], содержавшим всю вселенную.

Святой же Агафопод с улыбкою отвечал ему:

— Для чего ты называешь богами то, что сделано мастером из тленного материала? Могут ли быть богами те, которые сделаны руками людей, поклоняющихся своему творению, как будто существам лучшим и совершеннейшим? Боги ли те, которые не могут оказать сопротивления желающим ниспровергнуть и разбить их и не могут ничем защитить себя, — которые глазами не видят, ногами не ходят и не имеют в себе ни одного какого бы то ни было чувства? — Боги ли те, про которых эллины говорят, что они имеют живую душу и предаются разного рода омерзительнейшим блудодеяниям; а ныне мастера, делавшие их статуи, продают их за одну серебряную монету или за четыре мелких медных монеты? После всего этого могу ли я честь, подобающую всесильному Богу, воздавать недостойным и мерзким богам вашим? Могу ли я воспевать хвалы и песнопения пред глухими идолами вашими?

Когда святой говорил такие речи, окружавшие его начальники языческие убоялись того, как бы не утвердились в вере словами Агафопода и все прочие, приведенные для допроса, христиане. Поэтому они приказали немедленно увести Агафопода вместе с Феодулом в темницу.

В то время, когда вели святых в темницу, за ними следовала огромная толпа народа. Одни из толпы, сожалея юность святого Феодула, старались многими льстивыми речами поколебать его веру во Христа. Другие, взирая на почтенные седины Агафопода, говорили, обратившись к нему:

— Агафопод! Неужели и у тебя детский ум, и ты не понимаешь того, что полезно для твоей жизни!

Но святые шли, ничего не отвечая на все обращенные к ним слова.

---

[1] Двенадцать высших, или главнейших, богов, по представлению греков, обитали в воздушном пространстве, между землей и небом, а резиденция их была в великолепных палатах на вершине горы Олимпа. Оттого эти боги называются также Олимпийскими богами. Это были боги: Зевс, Гера, Посейдон, Деметра, Аполлон, Артемида, Гефест, Паллада-Афина, Арей, Афродита, Гермес и Гестия.

Когда они дошли до темницы, то со смирением помолились здесь Богу и присоединились к числу содержавшихся здесь за различные преступления узникам.

В полночь святые были укрепляемы божественными видениями и были бодры духом, с радостью восхваляя Иисуса Христа. После этого, чисто вымыв водою свое лицо и руки и преклонив к земле свои колена и головы, они вознесли следующую согласную молитву к Богу, взывая как бы едиными устами:

— Боже! Творец и Промыслитель всего, сотворивший видимый мир сей, учредивший непрестанное течение светил небесных для того, чтобы находящееся между ними солнце все просвещало в течение дня и способствовало произрастанию плодов земных, а луна сиянием своим рассеивала бы темноту ночи. — Боже! Ты, даровавший земле способность производить животных, глубине морской рыб и указавшим птицам место в воздухе; — Боже! Ты, повелевший морю служить дарами своими созданному Тобою человеку. Ты, повелевший птицам оглашать воздух своим пением, Ты, повелевший земле произрастать в изобилии различные плоды для потребностей человека, дабы она устами людей воссылала Тебе благодарение и хвалу — Тебе, владыке всего мира. Боже! Ты не восхотел, дабы окончательно погиб беззаконный и отступивший от заповедей Твоих и предавшийся всякому греху род наш; Ты не попустил диаволу совершенно ослепить и увлечь за собою в вечную погибель разумную тварь, но предав забвению грехи людей, Ты, единственно по милосердию Своему, с небес ниспослал к людям Единородного Твоего сына, дабы Он, приняв на Себя естество человеческое, соединил Свое бессмертие с нашею смертной природой и дабы, всегда сопребывая с Тобой, Твое Слово, чрез Которое все произошло, снова возвратило заблудившихся в неправдах на пути истины. Ты с Сыном и Духом Твоим святым, промышляя о вселенной преславными Твоими чудесами, привел людей бывших ранее нечестивыми, к своей святой вере. Ты, Сын Божий со Отцом и Духом святым, победив законы естества и смерти, воскресил словом Своим Лазаря Четверодневного (см.: Ин. 11, 1–44). Ты, возложенным на глаза брением просветил слепого от рождения человека (см.: Ин. 9, 1–38), подобно тому, как даровал скорое исцеление прикоснувшейся к Твоей одежде кровоточивой женщине (см.: Мф. 9, 20–22), как соде-

лал здоровым расслабленного, повелев ему нести постель свою (см.: Мф. 9, 2–8). Итак, и ныне Ты, о Боже, окажи милосердие нам, укрепи нас силою Твоею свыше, дабы мы, мужественно претерпев, при Твоей помощи, все мучения, каким подвергнут нас нечестивые, возмогли достигнуть Царства небесного.

В то время как святые молились такими словами, содержавшиеся вместе с ними в темнице соузники их, заключенные сюда за убийства или прелюбодеяния, преодолев в себе страх телесной смерти, поспешно припали к ногам святых, испрашивая у них прощения в грехах своих и спасения их души от вечной смерти. Находившийся же в это время вне темницы народ, разломав темничные двери, вошел внутрь темницы и с умилением внимал словам, которые говорили рабы Божии. Это заметил ревностный слуга диавола, фессалонийский главный судья Евпсихий, который поспешно побежал к военачальнику и сказал ему, что если сейчас же не будут казнены два содержимые в темнице христианина, то многие из народа оставят служение идолам. Военачальник воспылал гневом и немедленно послал воинов привести к нему юношу со старцем. И рабы Христовы были немедленно представлены пред неправедным судиею. Взглянув на святого Феодула, военачальник спросил его:

— Разве ты не знаешь, что ты должен исполнять приказания царей, обладающих вселенною?

— То, что повелевает Владыка неба и земли, — отвечал ему святой Феодул, — поистине справедливо и достойно внимательного выслушивания и немедленного исполнения. Что же повелевают временные цари ваши, то из их повелений должно исполнять лишь те, которые окажутся справедливыми и не противными Творцу небесному, повеления же несправедливые ни в каком случае не следует исполнять.

После этого военачальник Фавстин спросил святого:

— Скажи мне, кто сотворил небо?

Святой Феодул отвечал:

— Его сотворил Бог Вседержитель и Сын Божий, Иисус Христос, Который есть Отчее Слово.

— Не Тот ли, — спросил Фавстин, — Которого распяли иудеи, предав жесточайшим мукам?

— Да, это Тот, Которого распяли иудеи, — отвечал мученик. — Он добровольно соизволил пострадать за нас, потом силою Своего

Божества воскрес из мертвых и был виден возносящимся, как победитель смерти, на небо, откуда снова придет для обличения и суда над неверующими.

— Почему же ты не желаешь, — снова спросил его Фавстин, — принести жертвы нашим богам?

— Не лучше ли, — отвечал святой, — приносить жертву Тому, Которым сотворены делатели идолов, чем приносить ее этим идолам. Поистине Создатель лучше создания!

Тогда военачальник Фавстин приказал совлечь с святого юноши Феодула одежды и обнажить его для мучений. В то же время глашатай громко выкрикивал:

— Принеси жертву богам и будешь освобожден!

Но мученик говорил мучителю:

— Ты отнимаешь от тела моего одежды, но вовек не сможешь отнять веры, которую я имею к Богу моему.

В то время как святой говорил столь дерзновенно, презирал мучения и многократно порицал мучителей, военачальник приказал, чтобы пред глазами Феодула приносили жертву идолам те, которые первоначально были христианами, но, будучи побеждены мучениями, поклонились идолам. Взирая на это зрелище, святой Феодул болел сердцем за побежденных язычниками и отпавших от истины и сказал военачальнику:

— Немощных вы победили, а крепких воинов Христовых ни в каком случае не сможете победить, если даже изобретете и еще большие мучения! Знай же, военачальник, что приготовленные тобою нам ныне мучения ничтожны и достойны смеха. Изобрети более жесточайшие, дабы ты познал, какова наша вера и любовь к Богу.

После этого военачальник приказал Феодулу принести на судилище христианские книги. Но святой отвечал ему на это:

— Если бы я знал, что ты, познав суету идолопоклонения, отвергнешь его и пожелаешь утвердиться в истинном благочестии, то я принес бы тебе пророческие и апостольские книги. Но так как я замечаю, что ты помышляешь лукавое, то по этой причине не передам Божиего дара в твои руки.

— Если ты тотчас же не исполнишь моего повеления, — отвечал Фавстин, — то я не пощажу тебя, разорву на части твое тело и выброшу его на съедение зверям.

— Вот, мое тело отдается для мучений, — продолжал святой, — делай с ним, что хочешь; замучь меня наиболее жестоким способом, но все же я не отдам святых книг для поругания нечестивым!

Желая затем запугать мученика, военачальник приказал вести его на место усекновения мечом, предполагая, что при виде близкой смерти святой побоится и подчинится его воле.

И вот, когда святой был приведен к предназначенному для усекновения месту и увидал поднятый на себя обнаженный меч, он воззвал к Богу следующими словами:

— Слава Тебе, Боже, Отче Господа моего, изволившего пострадать за нас! Вот по благодати Его и я иду к Тебе, с радостью умирая за Тебя!

Сказав это, он склонил голову свою под меч, но усечен не был. Военачальник, заметив, что святой Феодул желает как бы торжественного венца для себя, приготовясь к усекновению мечом, приказал вернуть его невредимым, а сам в это время производил допрос святому Агафоподу. Он спросил его:

— Какой образ жизни твоей?

— Тот же, — отвечал святой, — как и у Феодула.

— Что общего у тебя с Феодулом, — спросил военачальник, — не соединяет ли вас родство?

— Мы не родственники по плоти между собою, — отвечал святой Агафопод, — но мы соединены верою и убеждениями и поскольку различаемся родством, постольку соединяемся духом.

Тогда военачальник сказал:

— Я замечаю, что вы оба поспешаете к одному и тому же мучению — это обнаруживают речи твои, — сказал на эти слова святого военачальник.

Святой Агафопод ответил на это:

— Если мы путем одинакового мучения освободимся от настоящей жизни, то мы сподобимся и одинакового воздаяния у Бога нашего!

— Не стыдно ли тебе, — сказал Фавстин, — уже старцу, — обольщаться как юноше и добровольно предаваться явной гибели?

— Я нисколько не обольщаюсь, — отвечал святой Агафопод, — и не терплю ущерба от надежды на Христа моего; наоборот, если я стар годами, то тем большее должен оказывать усердие в служении

Богу своему; и я восхваляю Феодула, столь мужественно в юношеском возрасте стоящего за почитание Единого истинного Бога нашего.

Взглянув в это мгновение на Феодула, военачальник Фавстин сказал, обратясь к нему:

— Юноша! Не обольщайся речами этого старика, — безрассудно не предавай себя смерти. Он ведь уже старик: неудивительно поэтому, что он желает смерти; ты же, будучи молодым и еще столь юным, ради чего желаешь понапрасну лишиться этой сладкой жизни?

Святой Феодул отвечал ему:

— Ты не предполагай, что я более слаб, чем старец, и не могу перенести одинаковых с ним мучений. Я хотя и юноша летами, тем не менее, я одинаково с старцем признаю Единого Бога Творца всего существующего и вместе со старцем готов пострадать за Него.

После того как святые окончили речь свою, они, по повелению мучителя, были связаны и снова отведены в темницу. Между тем святые славили Бога, при помощи Которого победили диавола. Их знакомые, собравшись к ним, с плачем окружили их.

— Зачем вы здесь собрались, — спрашивал их святой Феодул, — и о чем вы плачете.

— О вашем несчастии плачем, — отвечали они.

— Для чего вы, — отвечал улыбаясь святой, — вместо того, чтобы плакать о ваших собственных бедствиях, плачете о бедствиях наших, которые ведут нас к лучшему.

В то время когда святой говорил это, в темницу пришел посланный военачальником воин, который, связав обоих святых железными цепями, заключил их во внутреннее отделение темницы и запер их здесь, дабы никто не приходил к ним.

Между тем святые мученики с наступлением позднего вечера помолились Богу, дабы Он до конца укрепил их в их подвиге, и опочили. Промышляющий же о преподобных Своих Господь наш Иисус Христос послал им во сне одинаковое видение (так как они пребывали единодушными и единомышленными) по поводу имевшей постигнуть их кончины. Это видение было следующее: святым казалось, будто они оба вошли в один и тот же наполненный многими людьми корабль и очутились с кораблем посредине моря; корабль качался из стороны в сторону, так как море волновалось сильною

бурей; сокрушаемый и разбиваемый волнами корабль погружался уже в воду, причем одни из бывших с ними на корабле людей утопали, другие — плавали, третьи приближались к камням и гибли. Себя же самих, между тем, святые видели управлением кормчего избавляемыми от потопления одетыми в светлые одежды и приставшими к какой-то высокой горе, по которой они восходили до неба. Пробудившись от сна, святые пересказали друг другу видение и удивлялись, что у них обоих оно было одинаковое. Из этого они уразумели, что им обоим будет дарована одна благодать от Христа, а именно, — что они спасительно перейдут море мученичества, в котором потонули многие, и взыдут для получения вечного воздаяния на небеса. После этого видения надежда и упование святых укрепились еще более, и они, в горячей благодарности своему доброму Кормчию — Богу, пали ниц и воскликнули: «Кто когда ожидал таковаго благодеяния, каковое Ты, о Боже, даровал нам ради вочеловечившегося Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа?! Кто настолько неразумен, чтобы, созерцая Твои великие благодеяния к роду человеческому, предпочел добродетель суетной жизни? Кто настолько же поспешен на добрые дела, как Сын Твой, Который открыл нам в видении об имеющей излиться на нас Своей благодати, а также показал нам венцы, которыми мы будем увенчаны, и укрепил нас через это на предстоящий нам подвиг!»

Когда они до утра таким образом молились и воссылали благодарение к Богу, с наступлением дня вошел к ним темничный страж, сообщивший им, что Феодула и Агафопода призывает к себе военачальник. Оградившись крестным знамением, в цепях они вышли из темницы и последовали за воинами. Множество собравшихся там их знакомых подняли о них плач, сознавая, что им предстоит уже смерть. Святой же Феодул со светлым лицом обратился к плачущим и сказал:

— Если вы плачете по любви к нам, то вам надлежит лучше радоваться за нас, что мы претерпеваем подвиг за почитание истинного Бога. Если же вы плачете от диавольской зависти, то о себе более плачьте, чем о нас, потому что вы совратились с пути праведного и устремляетесь к погибели.

Когда после этого святые в третий раз были представлены к допросу и были снова допрашиваемы военачальником Фавстином, то они не отвечали уже ничего, кроме слов:

— Мы — христиане и за Христово имя готовы претерпеть всякого рода страдания.

Тогда военачальник с удрученным грустью лицом издал относительно их смертный приговор, гласивший:

— Феодул и Агафопод, не пожелавшие принести жертвы богам, да будут потоплены в море.

После этого воины повели их к морю; связав им руки назад и повесив им на шею тяжелые камни, воины посадили их на корабль. В это время на берегу моря собралось особенно много друзей, соседей и знакомых святых мучеников, из которых одни ввиду имеющей постигнуть святых кончины рыдали, другие же ублажали мужественных Христовых воинов похвалами за то, что они победили диавола и с радостью умирали за благочестие.

Между тем военачальник, сожалея о святых, послал к ним нарочного посла Фульвия, сказав, что, если они принесут богам лишь курение фимиама, то будут освобождены от смерти. Но святые не переставали призывать Христа и отвергать суетных богов языческих. Наконец, после долгих увещаний нечестивые, видя, что рабы Христовы ни в каком случае не склонятся к поклонению идолам, приготовились бросить в море святого Агафопода. Последний, устремив взор свой к небу, громким голосом воззвал:

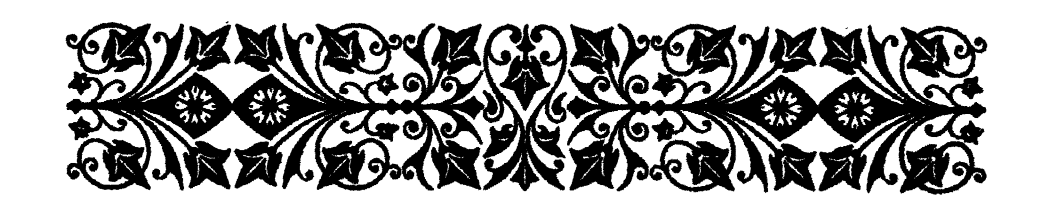
— Смотрите! Этим вторичным крещением омываются все наши прегрешения, и мы отходим чистыми ко Христу Иисусу!

С этими словами святой был свержен в море, а вслед за ним был брошен в море и святой Феодул.

Так окончили свой страдальческий подвиг святые мученики и от руки Господа получили венец победы. Море, приняв в себя тела святых, в тот же час выбросило их без цепей и камней на берег. Родственники и знакомые, взяв тела святых мучеников, с честью похоронили их.

По прошествии некоторого времени святой Феодул явился им с пресветлым лицом, в белой одежде и повелел раздать нищим, сиротам и вдовам все свое имущество.

Святые мученики скончались 5 апреля (ок. 303–305 гг.), прославляя на небесах Отца и Сына и Святого Духа, Единого Бога, в Троице прославляемого. Аминь.

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
МАРКА АФИНСКОГО

Однажды авва[1] Серапион рассказал следующее.

Во время моего пребывания во внутренней египетской пустыне[2] я отправился как-то к великому старцу Иоанну и, получив от него благословение, сел отдохнуть, устав от дороги. Задремав, я имел видение во сне: мне представилось двое каких-то отшельников, пришедших к старцу и получивших от него благословение. Между собою они говорили:

— Вот, авва Серапион; примем от него благословение.

Авва Иоанн на это заметил им:

— Он только что сегодня пришел из пустыни и весьма устал: дайте ему немного отдохнуть.

Отшельники же сказали относительно меня старцу:

— Вот сколько уже времени подвизается Серапион в пустыне, а не идет к отцу Марку, подвизающемуся на горе Фраческой, находящейся в Эфиопии[3]. Этому Марку нет равного между всеми пустынниками и постниками. Он имеет сто тридцать лет от роду, и прошло уже девяносто пять лет с тех пор, как он начал подвизаться в пустыне. Во все это время он не видал ни одного человека. Незадолго пред этим были у него некоторые из святых, сопричастных свету

---

[1] *Авва* — отец, настоятель обители.

[2] *Внутренняя*, или *скитская пустыня*, — на сутки пути далее пустыни келий, в Египте, в Ливии. Это была дикая песчаная пустыня, где изредка только встречались ключи с водой; сюда не было и проторенной дороги — путь направляли сюда по течению звезд.

[3] *Гора Фраческая* — в Ливии, в нынешней Тукра. *Эфиопия* — страна к югу от Египта — Нубия и Абиссиния.

жизни вечной, которые и обещали принять его к себе.

В то время как они говорили эти слова отцу Иоанну, я пробудился от дремоты и, не увидев никого у старца, сообщил ему о своем видении.

— Это видение, — сказал мне старец, — есть некое божественное; но где же находится Фракийская гора?

— Помолись за меня, отче! — сказал я старцу.

По совершении молитвы, я простился со старцем и пошел в Александрию[1], которая отстояла отсюда на расстоянии двадцати дней пути; я же прошел этот путь в течение пяти дней, почти не отдыхая ни днем, ни ночью, опаляемый зноем солнечным, сжигавшим даже пыль на земле.

Войдя в Александрию, я спросил одного купца: далеко ли еще идти до Фраческой горы, находящейся в Эфиопии? Купец отвечал мне:

— Да, отче, еще очень далеко до этого места. Двадцать дней надо идти до пределов эфиоплян, народа хеттейского[2]; гора же, про которую ты спрашиваешь, отстоит еще дальше отсюда.

Я снова спросил его:

— Сколько приблизительно нужно захватить на путь этот пищи и питья, — ибо я желаю отправиться туда?

— Если твое путешествие, — отвечал купец, — будет совершаться по морю, то ты недолго пробудешь в дороге; но если ты отправишься сухим путем, то будешь находиться в дороге тридцать дней.

---

[1] *Александрия* — знаменитый в древности город, стоящий при устье Нила, в Египте, и основанный Александром Македонским (336–323 гг. до Рождества Христова), бывший в свое время центром всемирной образованности и торговли.

[2] *Хеттеи* — потомки Хета, сына Ханаана (сына Ноя), жили в горах (Чис. 13, 30), в южной части Палестины, около Хеврона (Быт. 23) и около Вефиля (Суд. 1, 26).

Выслушав это, я взял воды в тыкву и немного фиников и, возложив упование на Бога, отправился в путь, и шел по пустыне этой в течение двадцати дней. Во время пути я никого не встретил, ни зверя, ни птицы. Ибо пустыня эта почти совершенно не имеет растений, потому что там не бывает никогда ни дождя, ни росы, почему в этой пустыне не находится ничего съедобного. После двадцати дней путешествия у меня вышла вода, которую я имел в тыкве, вышли также и финики, я сильно утомился и не мог идти далее, но не мог и возвратиться обратно, и лег от усталости на землю. И вот мне явились те два отшельника, которых я впервые узрел в видении у великого старца Иоанна. Став предо мною, они сказали мне:

— Встань и иди с нами!

Поднявшись на ноги, я увидал одного из них приникшим к земле, обратившимся ко мне и спрашивающим:

— Желаешь ли ты подкрепиться?

— Как ты соизволишь, отец, — сказал я.

Вслед за тем он показал мне корень одного от пустынных растений и сказал:

— Вкуси от этого корня и силою Господнею продолжай путешествие!

Я немного поел, и немедленно почувствовал подкрепление своим силам и возрадовался душою. Я почувствовал себя настолько бодрым, что мне показалось, будто я вовсе не уставал. Затем они показали мне тропинку, по которой я должен был идти к святому Марку, и отошли от меня.

Продолжая путь, я подходил к высокой горе, которая, казалось, достигала до неба. На ней совершенно ничего не было, кроме пыли и камней. Когда я подошел к горе, то на краю ее я увидал море. Поднимаясь на гору, я шел в течение семи дней.

Когда наступила седьмая ночь, я увидел сходящего с неба к святому Марку Ангела Божия, говорившего ему:

— Блажен ты, авва Марк, и благо будет тебе! Вот мы привели к тебе отца Серапиона, которого хотела видеть душа твоя, так как ты не пожелал, кроме него, видеть никого другого из людей!

Когда окончилось видение мое, я пошел безбоязненно и шел до тех пор, пока не достиг пещеры, в которой проживал святой Марк. Когда я приблизился к дверям пещеры, услышал святого, поющего

псалмы Давида и произносящего: *Ибо пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний* (Пс. 89, 5), и дальше из того же псалма. Затем от преизбытка охватившей его духовной радости святой стал такими словами говорить сам с собою:

— Блаженна душа твоя, Марк, что при помощи Божией ты не загрязнил себя нечистотами мира этого, что ум твой не пленился скверными помыслами! Блаженно тело твое, так как оно не погрязло в похотях и страстях греховных! Блаженны очи твои, которых диавол не мог соблазнить созерцанием чужой красоты! Блаженны уши твои, потому что они не услышали голоса женского в этом суетном мире! Блаженны ноздри твои, потому что они не обоняли смрада греховного! Блаженны руки твои, потому что они не прикасались ни к каким, принадлежащим людям, вещам. Блаженны ноги твои, не вступавшие на дорогу, ведущую к смерти, и не устремлявшиеся ко греху! Твоя душа преисполнилась духовной жизни и ангельской радости!

И снова затем он стал говорить, обращаясь к душе своей: *Благослови, душа моя, Господа, и вся внутренность моя — святое имя Его. Благослови, душа моя, Господа, и не забывай всех благодеяний Его* (Пс. 102, 1–2). Зачем скорбишь ты, душа моя? Не бойся! Ты не будешь задержана в темницах ада, бесы ни в каком случае не смогут оклеветать тебя. По благодати Божией в тебе нет какого-либо особенного греховного порока: *Ангел Господень ополчается вокруг боящихся Его и избавляет их* (Пс. 33, 8) Господь. Блажен раб, исполнивший волю своего господина.

Изрекши это и многое другое из Божественного Писания для утешения своей души и для утверждения несомненной надежды своей на Бога, преподобный Марк вышел к дверям пещеры своей и, заплакав от умиления, воззвал ко мне, говоря:

— О, как велик подвиг моего духовного сына Серапиона, который предпринял труд увидать мое обиталище!

Затем, благословив, он обнял меня своими руками и, целуя, сказал мне:

— Девяносто пять лет я пребывал в этой пустыни и не видал человека. Ныне же я вижу лицо твое, которое желал видеть в течение многих лет. Ты не поленился предпринять такой труд, дабы прийти ко мне. Поэтому Господь мой, Иисус Христос, вознаградит тебя в день, когда будет судить тайные помышления людей.

Сказав это, преподобный Марк повелел мне сесть.

Я стал расспрашивать преподобного о достохвальной его жизни. И он рассказал мне следующее:

— Я, как сказал, имею пребывание в этой пещере в течение девяноста пяти лет. В течение этого времени я не видал не только человека, но даже и зверя или птицы, не вкушал хлеба, испеченного руками людей, не одевался одеждою. В течение тридцати лет испытывал я ужасную нужду и скорбь от голода, жажды, наготы, а более всего — от диавольских искушений. Мучимый голодом, я вкушал тогда земную пыль, и, томимый жаждою, я пил воду морскую. Бесы тысячекратно клялись между собою потопить меня в море и, схватив меня, с побоями влекли меня в низменные места этой горы. Но я снова восходил на вершину горы. Они же снова увлекали меня отсюда до тех пор, пока кожа не сошла с тела моего. Волоча меня и побивая, они неистово кричали:

— Уйди с нашей земли! От начала мира никто из людей не приходил сюда — ты же как осмелился прийти сюда?

После тридцатилетнего такового страдания, после таковой алчбы, жажды, наготы, возмущений со стороны бесов на мне излилась благодать Божия и Его милосердие. По Его же промышлению переменилась моя естественная плоть; на теле моем выросли волосы; в нужное время ко мне приносится пища и посещают меня Ангелы Господни. Я видел как бы подобие Царства небесного и обителей блаженства, обещанного душам святых, уготованного для людей, творящих добро. Я видел подобие божественного рая и древа познания, от которого вкусили наши праотцы. Видел я и появление в раю Илии[1] и Еноха[2] и нет ничего такого, чтобы не показал мне Господь из того, что я просил у Него.

— Я спросил его, — рассказывает Серапион, — сообщи мне, отче, о том, каким образом и почему ты пришел сюда?

---

[1] *Илия* — израильский пророк, происходивший из города Фесвы в Галааде за Иорданом и действовавший во дни нечестивого царя Ахава (жившего за 9 веков до Рождества Христова), которого он дерзновенно обличал за его нечестивую жизнь. За свою строго подвижническую жизнь Илия был взят живым на небо (4 Цар. 2, 11).

[2] *Енох* — сын Иареда, отец Мафусаила, седьмой патриарх от Адама, за святость жизни своей взятый живым на небо (см.: Быт. 5, 24).

И святой такими словами начал свое повествование:

— Родился я в Афинах[1], где и изучал философские науки. По смерти же моих родителей, я сказал сам себе: «Как родители мои умерли, точно так и я умру. Итак, лучше я добровольно отрекусь от мира этого раньше, чем случится мне быть восхищенным от него». И немедленно, сняв с себя одежды, я встал на доску и отправился на ней плавать по морю. Носимый волнами, по Божественному промышлению, пристал я к горе этой.

Когда мы таким образом вели беседу между собою, — продолжает Серапион, — то наступил день, и я увидал преподобного Марка, обросшего волосами, наподобие зверя, и ужаснулся, так как его нельзя было признать за человека ни по чему, кроме как по голосу и исходящим из уст его словам. Заметив мое смущение, святой Марк сказал мне:

— Не пугайся при взгляде на тело мое, потому что взятая от тленной земли плоть тленна.

Потом он спросил меня:

— По прежнему ли обычаю стоит мир в законе Христовом?

— Ныне, — отвечал я ему, — по благодати Христовой, даже лучше прежних времен.

— Продолжаются ли, — снова спросил он, — доныне идолослужение и гонения на христиан?

— Помощью святых молитв твоих, — отвечал я, — гонение прекратилось и идолослужения нет.

Услышав это, старец возрадовался великой радостью. Потом он снова спросил меня:

— Есть ли ныне среди мира некоторые святые творящие чудеса, как сказал Господь в Евангелии Своем: *если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас* (Мф. 17, 20)?

В то время как святой произносил эти слова, гора сдвинулась со своего места приблизительно на пять тысяч локтей[2] и приблизилась

---

[1] *Афины* — столица древнегреческого государства, славившаяся в древности своею образованностью и торговлею. Здесь находились знаменитые философские училища, где получили образование некоторые из отцов и учителей Церкви.

[2] *Локоть* — употребительная в древности мера длины, равнявшаяся расстоянию от локтя до конца среднего пальца (около 10 вершков).

к морю. Святой Марк, приподнявшись и заметив, что гора двигается, сказал, обратясь к ней:

— Я тебе не приказывал сдвинуться с места, но я беседовал с братом; поэтому ты встань на место свое!

Когда только он сказал это, гора действительно стала на своем месте. Увидав это, я упал ниц от страха. Святой между тем, взяв меня за руку и поставив на ноги, сказал мне:

— Разве ты не видывал таких чудес в течение дней жизни твоей?

— Нет, отче, — отвечал я.

Тогда святой, вздохнув, горько заплакал и сказал:

— Горе земле, потому что христиане на ней таковыми только по имени нарицаются, а на деле не таковы!

И снова произнес он:

— Благословен Бог, приведший меня на это святое место, дабы я не умер в моем отечестве и не был погребен в земле, оскверненной многими грехами!

Весь тот день провели мы, — повествует Серапион, — в пении псалмов и духовной беседе, а с наступлением вечера преподобный сказал мне:

— Брат Серапион! Не время ли нам после молитвы с благодарностью вкусить от трапезы?

На эти слова я не ответил ему ничего. После этого он, подняв руки к небу, стал произносить следующий псалом: *Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться* (Пс. 22, 1).

Окончив пение этого псалма, он, обратившись к пещере, сказал:

— Брат, предложи трапезу.

Потом он снова сказал мне:

— Пойдем вкусим трапезы, которую Бог послал нам.

Я изумлялся сам в себе, — недоумевая, кому это приказывал святой Марк приготовить трапезу, потому что в течение целого дня я никого из людей не видал у него в пещере.

Когда мы вошли в пещеру, я увидал два стоящих стола, на которых были положены два мягких и белых хлеба, сияющих наподобие снега. Были там также прекрасные для глаза овощи, две печеные рыбы, очищенные плоды маслины, финики, соль и полная кружка воды, более сладкой, нежели мед. Когда мы сели, святой Марк сказал мне:

— Чадо Серапион, благослови!

— Прости меня, отче, — отвечал я.

Тогда святой произнес:

— Господи, благослови!

И я заметил около трапезы простертую с неба руку, осенившую крестом предложенное. По окончании трапезы Марк сказал:

— Брат, возьми это отсюда!

И тотчас трапеза была взята невидимой рукой. Я удивлялся всему происшедшему: и невидимому слуге (ибо ставшему Ангелом во плоти, преподобному Марку, по повелению Божию, служил бесплотный Ангел Господень), и тому, что во всю мою жизнь я никогда не вкушал столь вкусной пищи и никогда не пил столь сладкой воды, какая была на той трапезе. На мое недоумение святой сказал мне:

— Брат Серапион! Видел ли ты, сколько благодеяний посылает Бог рабам Своим? Во все дни мне посылалось от Бога по одному хлебу и по одной рыбе, а ныне ради тебя Он удвоил трапезу — послал нам два хлеба и две рыбы. Таковой-то трапезой питает меня Господь Бог в течение всего времени за первые мои злострадания. Как я сказал тебе в начале беседы, тридцать лет пребывая на этом месте, я не нашел ни одного корня растения, которым бы мог питаться. Испытывая же голод и жажду, в силу крайней необходимости, я вкушал пыль и пил горькую морскую воду и ходил нагим и босым. От мороза и страшного зноя отпали пальцы на ногах моих; солнце сжигало мою плоть, и я лежал ниц на земле как мертвец. Между тем бесы воздвигали против меня, как против оставленного Богом, борьбу свою. Но я, с помощью Божиею, все это претерпевал из-за любви к Господу. По окончании же тридцатилетних моих страданий, по повелению Божию, стали расти на мне волосы до тех пор, пока покрыли меня совершенно, как одежда. И вот, с тех пор и до настоящего времени бесы не могут приближаться ко мне; голод и жажда не овладевают мною; ни зной, ни мороз не беспокоят меня. При всем том я никогда ничем не болел. Но ныне оканчивается предел моей жизни, и тебя Бог послал сюда для того, чтобы ты похоронил святыми твоими руками мое смиренное тело.

Затем, по прошествии некоторого промежутка времени, святой снова сказал мне:

— Брат Серапион! Побудь настоящую ночь по случаю моей близкой кончины в бодрствовании.

После этого мы оба стали на молитву, воспевая псалмы Давидовы. В то же время святой сказал мне:

— Брат Серапион! После отшествия моего тело мое положи в этой пещере, завали двери пещеры камнем и удались из пещеры этой.

Я поклонился тогда преподобному и со слезами стал просить у него прощения и говорил ему:

— Умоли, отче, Бога, дабы Он взял и меня с тобою, дабы и мне отправиться туда, куда ты идешь.

Отвечая на эти слова мои, святой сказал мне:

— Не плачь в день моего веселья, но еще более веселись. Тебе необходимо возвратиться в свое место. Приведший же тебя сюда Господь за твой труд и богоугождение да дарует тебе спасение. При этом узнай, что возвращение твое отсюда совершится не по той дороге, по которой ты сюда пришел, но ты дойдешь до своего места другим — необычным путем.

Немного помолчав, преподобный Марк затем сказал:

— Брат Серапион! Важен для меня настоящий день: важнее всех дней жизни моей. Сегодня освобождается душа моя от плотских страданий и идет успокоиться в обителях небесных. Сегодня почиет от многих трудов и болезней тело мое; сегодня примет меня Бог к Себе.

В то время как святой произносил эти слова, пещера его наполнилась светом, который был светлее света солнца, и гора та наполнилась благоуханием ароматов.

Взяв при этом меня за руку, — продолжает Серапион, — преподобный Марк начал говорить мне так:

«Пусть пещера, в которой пребывал я телом моим, трудясь для Бога во время жизни моей, пребудет до всеобщего воскресения и здесь будет находиться умершее тело мое, которое явилось обиталищем болезней, трудов и лишений. Ты же, Господи, освободи душу мою от тела! Ради Тебя я переносил голод, жажду, наготу, мороз и зной и всяческие иные бедствия. Владыко! Ты Сам одень меня одеждою славы в страшный день Твоего пришествия! Усните, наконец, глаза мои, не вздремнувшие никогда во время ночных молитв моих! Успокойтесь, ноги мои, потрудившиеся во время всенощных стоя-

ний! Я удаляюсь от жизни временной, и всем, остающимся на земле, желаю спастись. Спаситесь, постники, ради Господа скитающиеся в горах и пещерах! Спаситесь, подвижники, переносящие всякие лишения ради достижения Царства небесного! Спаситесь, узники Христовы, заточенные, изгнанные за правду, неимущие ни в чем утешения, кроме Единого Бога! Спаситесь, монастыри, день и ночь трудящиеся для Бога! Спаситесь, святые церкви, — служащие очищением для грешников! Спаситесь, священники Господни, посредники между людьми и Богом! Спаситесь, чада Царствия Христова, усыновленные Христу чрез святое крещение! Спаситесь, христолюбцы, принимающие странников как Самого Христа! Спаситесь, достойные помилования, милостивые! Спаситесь, богатые, богатеющие для Господа, и проводящие жизнь в делах богоугодных! Спаситесь, сделавшиеся нищими для Господа! Спаситесь, благоверные цари и князья, совершающие суд по правде и милости! Спаситесь, смиренномудрствующие постники и трудолюбивые подвижники! Спаситесь все, любящие ради Христа друг друга! Да будет спасена вся земля и все, в мире и любви Христовой живущие на ней!»

Затем, — рассказывает Серапион, — после произнесения этого, преподобный Марк, обратившись ко мне, поцеловал меня, говоря: «Спасись и ты, брат Серапион! Заклинаю тебя Господом нашим Иисусом Христом Сыном Божиим, дабы ты ничего не брал от моего смиренного тела, даже ни одного волоса. Пускай не касается его и никакое одеяние, но пускай при погребении будут с моим телом лишь волоса, которыми облек меня Бог. Равно также ты не оставайся здесь».

В то время как святой произносил эти слова, а я рыдал, послышался голос с неба, говоривший: «Принесите Мне из пустыни избранный сосуд Мой; принесите Мне исполнителя правды, совершеннейшего христианина и верного раба! Гряди, Марк, гряди! Покойся во свете радости и жизни духовной!»

Затем святой Марк сказал мне:

— Брат, преклоним колена!

И мы преклонили колена.

После того я услышал ангельский голос, говоривший к преподобному:

— Простри руки твои!

Услышав этот голос, — говорит Серапион, — я немедленно встал и, взглянув, увидал душу святого уже освободившеюся от оков плоти, — она была покрыта ангельскими руками бело-светлою одеждою и возносилась ими на небеса[1]. Я созерцал воздушный путь к небу и отверзшиеся небеса. Причем я видел стоящие на этом пути полчища бесов и слышал обращенный к бесам ангельский голос:

— Сыны тьмы, бегите и скройтесь от лица света правды!

Святая душа Марка была задержана на воздухе около одного часа. Затем послышался с неба голос, говоривший Ангелам:

— Возьмите и принесите сюда того, кто посрамил бесов.

Когда душа преподобного прошла без всякого для себя вреда чрез бесовские полчища и приближалась уже к отверстому небу, я увидел как бы подобие простертой с неба правой руки, принимавшей непорочную душу. Затем это видение сокрылось от глаз моих, — рассказывает Серапион, — и более я ничего не видел.

Было около шести часов ночи; приготовив к погребению честнóе тело святого, я пробыл на молитве в течение всей ночи. С наступлением же дня я воспел со слезами радости обычные песнопения над телом, облобызал его и положил его в пещере, причем закрыл камнем двери пещеры. Затем, после продолжительной молитвы, я сошел с горы, хваля Бога и призывая святого руководить мною на моем обратном пути из этой непроходимой и страшной пустыни. Когда затем, после заката солнца, я сел отдохнуть, внезапно предо мною появились те два отшельника, которые являлись ко мне раньше, и сказали мне:

— Ты, брат Серапион, похоронил тело блаженного подвижника, которого поистине недостоин весь мир. Итак, встав, продолжай путешествие твое ночью, ибо днем тяжело, по случаю страшного зноя, совершать путешествие.

Тогда я, встав, пошел за явившимся мне и шел за ними до раннего утра. Когда же стал приближаться день, они сказали мне:

— Иди с миром, брат Серапион, в свое место и возблагодари Господа Бога.

Когда же я отошел от них на небольшое расстояние, то заметил, что уже подхожу к дверям церкви, находящейся в монастыре вели-

[1] Кончина святого Марка последовала около 400 года.

кого старца Иоанна. Будучи весьма удивлен этим, я громко прославил Бога и припомнил сказанные мне преподобным Марком слова о том, что возвращение мое от него будет не по той дороге, по которой я пришел к нему. И я уверовал, что по молитвам святого я был перенесен невидимо. Я возблагодарил преблагого Бога нашего, Который устроил все во благо мне, недостойному, по молитвам и просьбам верного раба Своего, преподобного отца нашего Марка.

Услышав мой голос, ко мне поспешно вышел из монастыря авва Иоанн и, приветствовав меня, сказал:

— К нам благополучно, по милости Божией, возвратился авва Серапион.

Затем мы пошли в церковь, и я рассказал старцу и ученикам его обо всем случившемся со мною, и все мы прославили Бога. Старец сказал после этого мне:

— Поистине, брат, вот он, святой Марк, был совершеннейшим христианином; мы же только по имени называем себя христианами, а на деле далеко отстоим от истинного христианства. Человеколюбивый же и милостивый Бог наш, приняв в вечные обители Своего небесного Царства святого угодника Марка, — да сохранит нас и всю святую Свою соборную и апостольскую Церковь от всех козней диавольских, и да будет Он всегда с нами, смиренными Его рабами, и наставит нас на исполнение святой Его воли Божественной, дабы нам идти по следам святых Его великих угодников, преподобных отцов наших, — чтобы и нам в страшный день суда с отцом нашим Марком получить милость по молитвам Пречистой Владычицы нашей Богородицы и всех святых, угодивших Господу нашему, Иисусу Христу, Которому подобает слава, честь и поклонение со Отцом и с пресвятым, благим и животворящим Духом ныне и в бесконечные веки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ПУПЛИЯ

Преподобный Пуплий в сане иноческом подвизался в Египте[1] в царствование императора Юлиана Отступника[2]. Когда этот нечестивый император приготовился идти войною на персов, то послал по направлению к востоку диавола, как бы лазутчиком, повелев ему разведать относительно пути, по которому должно было идти войско Юлиана. Отправившись, диавол дошел до того места, где подвизался преподобный Пуплий, но здесь остановился и пробыл десять дней, не будучи в состоянии сдвинуться с места; причиною же этого было то, что преподобный Пуплий, узнав духом о прибытии в его страну диавола, стал на молитву, причем молился, подняв руки кверху, днем и ночью, не отдыхая, до тех пор, пока диавол не удалился обратно из страны той[3]. Таким образом, диавол, ничего не узнав, возвратился к Юлиану. Юлиан же спросил его:

— Почему ты пробыл так долго в пути?

Диавол отвечал ему:

— Хотя я пробыл и долго в пути, но пришел к тебе, ничего не разведав и ничего не узнав; я ждал в течение десяти дней окончания монахом Пуплием его молитвы, чтобы я мог пройти то место, где пребывал этот монах, но ничего не дождавшись, возвратился обратно.

Тогда нечестивый император Юлиан, разгневавшись, сказал диаволу:

— Когда я возвращусь с войны, то отомщу тому монаху.

Но Юлиан не успел исполнить своего беззаконного замысла, потому что вскоре же после того, как сказал слова эти, был умерщвлен невидимой силой Божией.

---

[1] *Египет* был обычным местом обитания многих подвижников. Обители иноков находились как в Нижнем, так и в Среднем Египте. Особенно славилась в Египте пустыня Нитрийская, находившаяся в Нижнем Египте и лежавшая в глубь страны, за рекою Нилом.

[2] Император римский *Юлиан Отступник* царствовал с 361 по 363 год.

[3] Точно таким образом молился Моисей во время битвы израильтян с амаликитянами (Исх. 17, 8–13).

После этого один из военачальников Юлиана, продав все имущество свое и раздав вырученные деньги нищим, пришел к преподобному Пуплию и, приняв пострижение в монашество, стал подвизаться вместе с ним. Монах этот весьма преуспевал в добродетелях, проводя жизнь строго подвижническую.

Преподобный же Пуплий подвизался еще довольно продолжительное время после этого и, наконец, угодив Богу добродетельною жизнью своею, отошел от жизни этой в вечные обители небесные[1].

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ПЛАТОНА ИСПОВЕДНИКА

Преподобный Платон был сыном славных и вместе с тем благочестивых родителей — христиан, носивших имена Сергия и Евфимии. С самых юных лет преподобного родители воспитывали его в благочестии и учили добродетелям христианским, но, не успев довести до конца дело воспитания отрока, скончались, отойдя в вечность от этой преходящей жизни к жизни нескончаемой.

Оставшись сиротою, преподобный был взят в дом родственников своих, проживая у которых показал большие успехи в науках, преуспевая вместе с тем и в добродетелях христианских.

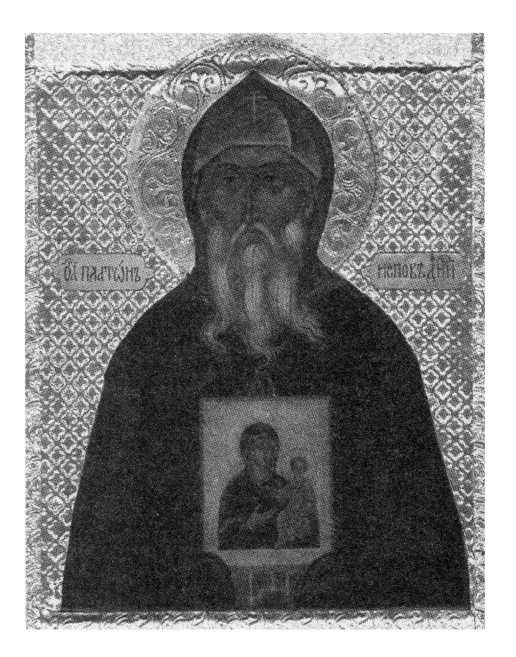
Достигнув зрелого возраста, преподобный оставил дом родственников своих и начал своим трудом зарабатывать себе необходимые средства для существования. Преподобный был настолько трудолюбив и вместе с тем воздержан, что приобрел скоро трудами рук своих большое состояние.

Однако сердце преподобного было чуждо привязанности к благам мира сего. Поэтому он, раздав нищим все свое состояние и отпустив рабов своих на свободу, удалился на гору Олимп[2], где и принял пострижение в монашество в одном из здешних монастырей.

---

[1] Кончина святого Пуплия последовала в IV веке.

[2] *Олимп* — гора в малоазийской области Мизии, на границе между Фригией и Вифинией. Здесь находился весьма славившийся подвижничеством своих насельников монастырь, именовавшийся монастырем «в Символах», где и подвизался преподобный Платон.

Проживая в монастыре, преподобный проводил весьма строгую подвижническую жизнь, причем свободное от молитвы время употреблял на переписывание книг составление полезных сборников из писаний отцов Церкви. По смерти настоятеля того монастыря, Феоктиста, преподобный Платон единогласно был избран игуменом монастыря. Это случилось на тридцать пятом году жизни святого[1]. В сане игумена преподобный стал подвизаться еще с бóльшей ревностью, показывая своим примером всем братиям того монастыря образ жизни истинно-христианской.

В то время патриархом Константинопольским был святой Тарасий[2]. Услышав о подвигах преподобного Платона, он предложил ему взять на себя управление митрополией Никомидийской[3]. Но преподобный, стремясь к уединенной жизни подвижнической, по своему смирению отказался от управления митрополией и удалился в одно уединенное место, называвшееся Сакудион[4], где он впоследствии основал монастырь.

По случаю иконоборческих смут, царствовавшая тогда императрица Ирина[5] вместе со святейшим патриархом Тарасием созвала в

---

[1] Это было в 770 году.

[2] *Святой Тарасий* был патриархом с 784 по 806 год. Память его празднуется 25 февраля.

[3] *Никомидия* — город в малоазийской области Вифинии, расположенный в северо-восточном углу залива, образуемого Мраморным морем. Никомидия была построена в 264 году до Рождества Христова вифинским царем Никомедом I, от которого и получила свое название. Никомидия была любимым местопребыванием римских императоров и полководцев, когда они совершали походы на Восток. В настоящее время на месте древней Никомидии находится местечко *Исмид*.

[4] Это место находилось невдалеке от горы Олимп.

[5] *Святая Ирина*, супруга императора Льва Хозара, управляла после его смерти государством за малолетством сына своего Константина (VI) Порфирородного

Никее[1] VII Вселенский собор[2], на котором было осуждено нечестивое учение еретиков-иконоборцев и вместе с тем было восстановлено и подтверждено почитание святых икон и поклонение им. Собравшихся на собор отцов было более трехсот; в числе их был и преподобный Платон. Как человек начитанный и сведущий в Писаниях Божественных, он был весьма полезен на соборе, так как мужественно защищал учение Православия и дерзновенно обличал учение еретиков.

Когда заседания собора окончились, преподобный Платон удалился на место подвигов своих, в Сакудион. Местность эта была сколько красива, столько же и удобна для подвигов уединения. Находясь на горе, она была окружена со всех сторон красивыми высокими деревьями, единственный доступ сюда открывала небольшая, едва видневшаяся в чаще леса, тропинка.

Вместе с Платоном здесь подвизался его племянник Феодор[3]. Вскоре ими была построена здесь церковь во имя святого Иоанна Богослова.

Между тем молва о подвигах святого распространялась все более и более и к нему начали приходить многие люди, ища у него наставления и руководства в жизни христианской. Когда число учеников преподобного стало возрастать, он устроил на том месте монастырь[4], причем обязанность настоятеля преподобный исполнял сам.

Своею подвижническою жизнью преподобный Платон предлагал всем братиям добрый пример для соревнования. Особенно усердно подражал преподобному его племянник, блаженный Фео-

---

с 780 по 790 год и потом самостоятельно с 797 по 802 год. Память ее празднуется 7 августа.

[1] В церковной истории Никея известна как место двух Вселенских соборов: первого, бывшего в 325 году и собранного для обличения ереси александрийского пресвитера Ария (отрицавшего равенство Сына Божия с Богом Отцом) и Седьмого, о котором здесь идет речь. *Никея* — в древности богатый и цветущий город малоазийской области Вифинии. В настоящее время на месте древней Никеи находится очень бедное и малонаселенное местечко *Исник*.

[2] Собор был создан в 787 году.

[3] Это был знаменитый *Феодор Студит*, прославившийся как мужественный защитник иконопочитания и дерзновенный обличитель ереси иконоборческой (см. житие его 11 ноября).

[4] Обитель эта была основана преподобным Платоном в 782 году.

дор, проводивший дни и ночи в непрестанных подвигах молитвы и богомыслия.

Видя столь добродетельную жизнь Феодора, преподобный Платон весьма радовался за него. Решив отличить блаженного Феодора священным саном, преподобный отправился с ним в Византию к святейшему патриарху Тарасию, который и рукоположил Феодора в сан пресвитера, впрочем, не столько по его доброй воле, сколько из его послушания, ибо блаженный, считая себя недостойным такого сана, не хотел принимать его и говорил, что сан этот выше его сил. Но будучи не в состоянии противоречить воле отца своего духовного, а также воле патриаршей, он повиновался и принял священство. Когда преподобный Феодор возвратился в монастырь свой в новом сане — священническом, то продолжал подвизаться здесь еще с бóльшим усердием и ревностью.

По прошествии нескольких лет преподобный Платон, став немощным, вследствие многих трудов своих и преклонного возраста, решил сложить с себя начальствование над монастырем и пожелал, чтобы власть игумена после него принял блаженный Феодор. Он часто говорил ему об этом, умоляя освободить его от тяжкого для него бремени начальствование над монастырем. Но блаженный Феодор всякий раз отказывался от настоятельства над монастырем, соглашаясь лучше сам жить под начальством других, нежели начальствовать над кем-либо, и полагая, что для спасения душевного легче и полезнее получать наставления от других, нежели самому наставлять кого-либо.

Преподобный Платон, видя, что ему трудно препобедить смирение блаженного Феодора, решил сделать следующее: он слег в постель, как бы больной, — так как и в действительности он был слаб, — и, созвав всех братий, сказал им о себе, что он чувствует приближение своей кончины, а затем спросил их:

— Кого хотите вы иметь после меня настоятелем? Кто наиболее способен на это, по вашему мнению?

Преподобный знал, что братия пожелают иметь своим настоятелем именно Феодора, так как его все любили и уважали за его великие добродетели. Так и случилось. Все единодушно отвечали на предложенный вопрос:

— После тебя да будет над нами игуменом Феодор!

Тогда преподобный Платон передал свою власть блаженному Феодору, так как последний не мог противиться желанию всех братий. Приняв на себя сан настоятеля, блаженный Феодор вместе с тем усугубил свои подвиги, являясь образцом для всех и поучая всех жизни добродетельной не только словом, но и делом.

В то время царь Константин, сын благочестивой царицы Ирины, пришел в возраст, устранил от царского престола свою мать, приняв в свои руки управление государством[1], будучи молод и развращен, он предавался разного рода грехам. Так он задумал изгнать от себя свою супругу Марию, для чего силою постриг ее в монашество, вместо же нее он взял себе другую жену, по имени Феодотию, приходившуюся родственницею его отцу[2]. Святейший патриарх Тарасий не одобрял этого беззаконного поступка царя и не хотел благословить его брак. Но один пресвитер, по имени Иосиф, бывший экономом Церкви Константинопольской[3], нарушил Божественные законы и, ослушавшись патриарха, согласился совершить над царем таинство брака.

Услышав об этом, блаженный Феодор, а вместе с ним и преподобный Платон, весьма восскорбели душою. Воспламенившись ревностью о законе Божием, Феодор вместе со святым Платоном отправил ко всем инокам послание, в котором сообщал о царском беззаконии и увещевал всех считать царя отлученным от Церкви Христовой, как разорителя закона Божия.

Слух об этой ревности и смелости блаженных Феодора и Платона распространился повсюду, так что о том узнал и сам облича-

---

[1] Это было в 790 году, когда Константину исполнилось двадцать лет.

[2] Первой супругой императора Константина VI Порфирородного была Мария — внучка святого Филарета Милостивого (память его — 1 декабря), княжна из малоазийского города Амнии. Константин вступил с нею в супружество по воле своей матери. Второй брак императора с Феодотиею, бывшей до этого времени придворною дамою, был заключен в 795 году.

[3] Должность *эконома* Церкви Константинопольской была одною из самых важных должностей при Константинопольском патриархе: эконом управлял не только домашним хозяйством патриарха (эконом от Οἰκονομέω — управляю домом) и заведовал его казною, но принимал участие и в решении вопросов по управлению самой патриархией.

емый ими царь. Сильно разгневавшись на святых мужей, он приказал преподобного Феодора после жестоких мучений сослать на заточение в Солунь[1], Платона же заключить в темницу.

После смерти нечестивого императора преподобный Платон был освобожден из темницы, святой же Феодор был возвращен из заточения.

Между тем святой Феодор, по причине постоянных набегов агарян[2], опустошавших и захватывавших в свои руки различные области Византийской империи, покинул Сакудион, не желая подвергать жизнь братий обители опасности, и пришел вместе с братиею в Константинополь, где принял управление знаменитым Студийским монастырем[3].

Преподобный Платон, имевший некогда сан игумена, теперь как смиренный инок пришел к блаженному Феодору и стал подвизаться в его монастыре. При этом преподобный Платон смирял себя до того, что добровольно надел на свои ноги цепи, предаваясь непрестанно подвигам поста и молитвы.

Вскоре после этого византийский престол незаконно занял император Никифор[4], своею властью возвративший в Церковь вышеупомянутого пресвитера Иосифа, отлученного от Церкви патриархом Тарасием за его беззаконный поступок. Когда после этого свя-

---

[1] *Солунь*, или *Фессалоники*, — весьма значительный в древности город Македонии, лежавший на берегу солунского, или фермейского залива, при Эгейском море (Архипелаге). В истории Русской Церкви город этот известен как место родины святых первоучителей славян — Кирилла и Мефодия (память их празднуется 11 мая). В настоящее время город этот называется Салоники и может быть отнесен к числу первых торговых городов (после Константинополя) Европейской Турции.

[2] *Агаряне* — мусульмане-арабы, называвшиеся так по имени Агари, наложницы Авраама, матери Измаила, от которого и произошло племя арабов. Пользуясь постоянными смутами и междоусобиями при Византийском дворе, агаряне делали в то время опустошительные набеги на пределы Византийской империи.

[3] *Преподобный Феодор Студит* был поставлен игуменом Студийского монастыря в 798 году. — Студийский монастырь получил свое название от имени своего основателя — римского патриция (лицо высшего сословия, соответствовавшего нашему дворянству) Студия. Студий выстроил в Константинополе большую и красивую церковь во имя святого Иоанна Предтечи и устроил при ней монастырь, пригласив сюда иноков константинопольской обители «Неусыпающих» (основанной в V веке). Так было положено начало существования Студийского монастыря.

[4] Император *Никифор I* царствовал с 802 по 811 год.

той Феодор вместе с братиею обличил царя, поступившего противно церковным правилам, то царь весьма разгневался на него и на всех братий обители Студийской и отправил всех их вместе с достоблаженным старцем Платоном в ссылку на один из находившихся около города островов[1].

Пробыв четыре года в заточении, преподобный Платон уже в глубокой старости возвратился в Константинополь, где и поселился опять в обители Студийской.

Много и усердно подвизаясь в той обители, преподобный Платон прожил здесь еще три года и, наконец, отошел ко Господу, дабы вместе с прочими святыми предстать престолу Его и прославлять Его на небесах вечно[2]. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОЙ ФЕОДОРЫ СОЛУНСКОЙ

Преподобная Феодора происходила от благочестивых родителей — христиан, Антония и Хрисанфы, живших на острове Эгине[3]. Эта благочестивая чета жила в то время, когда святая Церковь была волнуема ересью иконоборческою, в царствование императора Михаила[4]. Но благочестивые супруги не были смущены учением иконоборческим, а, как светильники, сияли своим правоверием. От таких-то благочестивых родителей и происходила преподобная Феодора.

По достижении совершенного возраста Феодора вступила в брак; вскоре у нее родилась дочь. По случаю нашествия неприятелей молодые супруги переселились в Солунь.

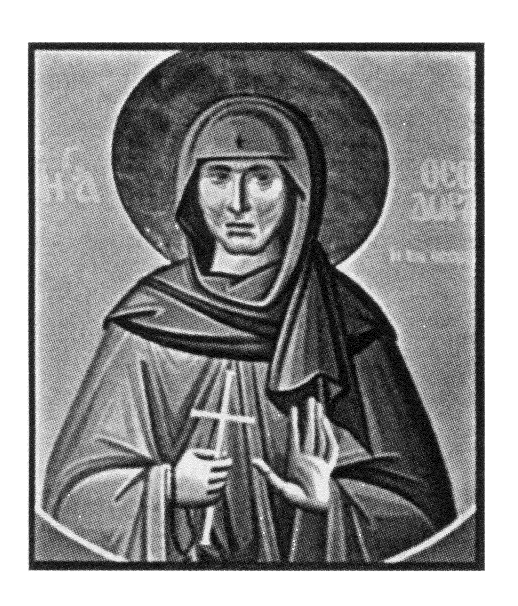
Когда дочь Феодоры достигла совершенного возраста, преподобная Феодора посвятила ее на служение Богу в одном из солунских монастырей; а потом, по смерти мужа своего, и сама поселилась в

[1] Это было в 807 году.

[2] Кончина преподобного Платона последовала в 814 году, в Лазарево воскресенье, на семьдесят девятом году жизни святого.

[3] *Эгина* — остров в Сароническом заливе Архипелага, между Арголидой и Аттикой.

[4] *Михаил I Рангав*, император византийский, царствовал с 811 по 813 год.

том монастыре, приняв здесь сан иноческий.

Живя в монастыре, преподобная Феодора проводила строго подвижническую жизнь. Укрепляемая благодатью Божиею, она трудами послушания и смирения своего, постом и молитвою столь угодила Господу, что совершала чудеса не только при жизни, но и по смерти своей[1]. Так, когда, по преставлении преподобной, скончалась игумения обители той и когда полагали тело ее близ гроба святой Феодоры, то совершилось великое чудо: преподобная Феодора, как живая, подвинулась вместе с гробом своим, как бы уступая место своей начальнице и показывая свое смирение даже и по смерти. Все, видевшие это чудо, пришли в ужас и громко взывали:

— Господи, помилуй!

От святых мощей преподобной Феодоры истекло благовонное миро, которым творились многие чудеса: бесы изгонялись, слепые прозирали и многие больные получали исцеления от недугов своих во славу Христа Бога нашего.

В тот же день **память преподобных отцов Феоны, Симеона и Форвина**.

[1] Кончина преподобной Феодоры последовала в 879 году.

День шестой

ЖИТИЕ
ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО
ЕВТИХИЯ,
архиепископа Константинопольского

Родиною святого Евтихия было находившееся во Фригии[1] селение, называвшееся «Божественное». Впоследствии святой Евтихий оградил это селение каменными стенами, построил здесь обширную церковь во имя сорока мучеников и поселил добродетельных мужей и, главным образом, иноков, проводивших жизнь подобно Ангелам, — он желал, чтобы селение то не только по наименованию, но и на самом деле было *божественным*. И так заботами святого все превратилось в крепкий город. Родители святого Евтихия были воин Александр и Синесия, дочь честного и добродетельного священника Исихия, служившего в Августопольской церкви. Однажды Синесия, когда носила во чреве этот благословенный плод, почивая на постели, увидала себя осияваемою неизреченным светом; она ужаснулась и размышляла, что́ бы это значило? Видение же это предуказывало на имевший родиться от нее духовный свет — просветителя многих остававшихся во тьме заблуждения.

Господь освятил как некогда пророка Иеремию[2] раба Своего, прежде рождения предназначив его быть светом мира и великим святи-

---

[1] *Фригия* — малоазийская область между Галатией к северу, Писидией и Памфилией к югу. Просвещена святым апостолом Павлом.

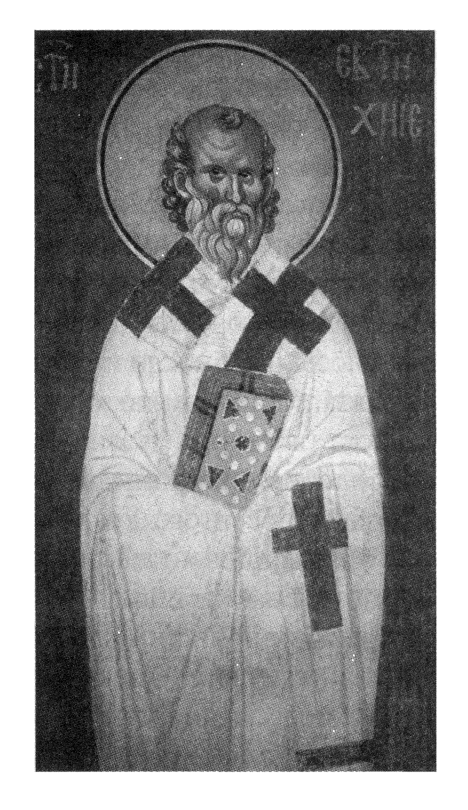
[2] В книге пророка Иеремия (1, 5) Господь говорит к пророку следующее: «Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя: пророком для народов поставил тебя».

телем. Отрок был окрещен своим дедом, вышеупомянутым священником Исихием, и у него же получил первоначальное обучение книгам. Уже в детском возрасте имелись предзнаменования будущего сана Евтихия. У пресвитера Исихия училось много детей, сверстников Евтихия, и вот, во время игр они начали писать на стене свои имена, называя себя, кто пресвитером, кто каким-либо другим чином; блаженный Евтихий написал себя с титулом патриарха, — «Евтихий патриарх»; этим он как бы пророчески предуказывал на дарование ему от Бога в будущем патриаршеской чести. Когда святому Евтихию исполнилось двенадцать лет, он был отправлен родителями и дедом для дальнейшего образования в Константинополь. Отличаясь пред прочими своими успехами в изучении светской науки, он ясно понял, что сама по себе внешняя премудрость не есть, по слову святого апостола Иакова, нисходящая *свыше*, но *земная*, *душевная, бесовская* (Иак. 3,15), то есть ищущая земных благ, служащая для чувственных похотей любострастной души, не приносящая любящим ее ни одного духовного плода, тогда как *мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов* (Иак. 3, 17), которыми насыщаются усвояющие эту премудрость. Таким образом благоразумный юноша Евтихий, как муж по уму, старательно отыскивал сходящую свыше премудрость; найдя ее, он положил в своем уме благое намерение трудиться не для мира, но для Бога в сонме иноков. Когда же он достиг лет зрелого мужа и размышлял о иночестве, как непоколебимом намерении, то, по божественному усмотрению, случилось небольшое препятствие, которое удержало его на некоторое время от принятия монашества. Оно состояло в следующем: митрополит Амасии[1] и некоторые другие из почетных лиц этого города усердно убеждали блаженного, чтобы он без иночества принял на себя епископство над городом Лазихиею[2]. Повинуясь воле митрополита и прочих как решению Самого Господа, блаженный Евтихий отдал себя, как агнец стригущему, Амасийскому архиерею, замедлившему в то время в Константинополе по церков-

---

[1] *Амасия* — город в Азиатской Турции, в Сивасском вилайете с пятнадцатью тысячами жителей, имеет восемнадцать медресе (высшие школы), в которых обучаются две тысячи софтов (студентов). Прежде Амасия была резиденцией царей Понта; в ней много древностей; родина историка Страбона.

[2] На юго-запад от Амасии, в пределах Галатийских.

ным делам. Взяв Евтихия, он ввел его в церковь Пресвятой Девы Богородицы, называвшуюся Урбикиевой, от имени ее создателя восточного воеводы Урбикия, и здесь в отдельном месте, в крещальне, постриг его в церковного клирика. Случайно, во время пострижения Евтихия, остриженные волоса его упали в находившуюся в крещальне святую воду, и предстоящие с удивлением говорили, что породившая его духовным рождением (то есть крещением) матерь (святая купель), приняв в себя его волосы, сама становится для него восприемницею при пострижении в клирика. Затем блаженный Евтихий был поставлен во диакона, а потом на тридцатом году своей жизни хиротонисан во пресвитера. И когда блаженному Евтихию оставалось только возложить на себя сан епископа, промысл Божий, устрояя рабу своему лучшее будущее, изменил обстоятельства, и епископство Лазихийское получил другой муж. Тогда святой Евтихий, опять возвратясь к первоначальному намерению, удалился в один из Амасийских монастырей и облекся здесь в иноческий чин. Этот монастырь был основан святыми мужами: Мелетием, Уранием и Селевкием[1], из которых первый и последний, каждый в свое время, некогда были епископами церкви Амасийской и почили о Господе в святительском сане, чудесно подавая от своих гробниц исцеление болящим. О том великом Селевкии рассказывается, что он был чудотворцем и при жизни своей. Некогда в области Амасийской был сильный голод и к святому Селевкию приходило бесчисленное множество нищих и убогих, так что, наконец, все его хлебные запасы истощились. Заведывавший раздачей хлеба, не имея никакой возможности помочь просящим и не вынося их жалоб, пришел к святому и

---

[1] *Мученик Селевкий* был растерзан зверями в Галатии — малоазийской области. Память его празднуется 13 сентября.

отдал ему ключи от житниц. Взяв ключи, святой положил их на своей постели и всю ту ночь молился Богу, дабы Он сжалился над близким к смерти от голода народом, всесильною Своею рукою послал ему из источников, Ему одному ведомых, пищу. Наутро нашли житницу наполненную пшеницею настолько, что даже нельзя было отворить дверей. Все люди стали тогда брать невозбранно пшеницу, кому сколько было нужно и кто сколько мог, причем разбираемая пшеница не оскудевала. Некоторые забирали пшеницу мерою и по счету, и по записи оказалось, что число мер, вынесенных из Селевкиевой житницы, умноженной Богом по молитвам святого, доходило до десяти тем (то есть ста тысяч мер); так повествуется о святом Селевкии.

Подобно этому подавались исцеления от всякого рода недугов и у гробницы святого Уравия, некогда занимавшего престол Иверийского епископа и там погребенного. Такими-то великими мужами был устроен Амасийский монастырь, в котором потом преподобный Евтихий, принявший на себя, с облачением в одежду чернеца, ангельский образ, препоясал истиною свои чресла и, восприяв всеоружие Божие, был поставлен архимандритом над всеми находящимися в Амасийской митрополии монастырями, причем он явился для иночествующих надежным руководителем.

В то время царствовал Юстиниан Великий[1], и когда святители созывались на V Вселенский собор[2], то митрополиту Амасийскому случилось заболеть, и он стал просить преподобного архимандрита

---

[1] *Император Юстиниан* управлял с 527 по 565 год. Родился в 482 или 483 году, был сыном иллирийского крестьянина. Взятый своим дядей — впоследствии императором Юстином I — в Константинополь ко двору императора Анастасия, Юстиниан получил хорошее образование, а после смерти дяди, еще ранее усыновленный им, вступил на престол. Прославил свое царствование подчинением вандальского и остготского государства, присоединением к империи Италии, Северной Африки и нескольких испанских городов. В 532 году при нем был народный мятеж, с трудом подавленный супругою его и Велизарием. По его повелению был издан сборник законов (Corpus iuris civilis).

[2] *V Вселенский собор* был созван в мае 553 года в Константинополе. На нем присутствовало сто шестьдесят пять епископов. Среди них были все восточные патриархи, но с запада было только пять африканских епископов. Председателем был Евтихий, патриарх Константинопольский; собор был созван для окончательного решения вопроса о Федоре Мопсуетском, блаженном Феодорите и Иве Едесском. При этом собор утвердил вероопределение всех прежних Вселенских соборов, в том числе Халкидонского.

Евтихия отправиться вместо него на собор в Константинополь. Когда блаженный Евтихий готовился в путь, во сне ему было следующее видение. Он увидал простертым с тверди небесный перст Божий, указывавший на очень высокую, находившуюся над монастырем гору, на которой стоял храм святого мученика Фалалея[1], при этом был голос свыше, обращенный к Евтихию: «там ты будешь епископом». Пробудившись от сна, святой удивлялся видению и недоумевал, — что могло означать оно. А оно предзнаменовывало ему высокую степень патриаршества Константинопольского, на которую, по благословению Божию, ему вскоре должно было возвестись. Когда преподобный Евтихий прибыл в Константинополь, то престарелый святейший патриарх Мина[2], уже близкий к смерти, увидав блаженного, пророчески сказал о нем своему клиру, что он будет после него патриархом; он приказал святому Евтихию проживать в своем патриаршем доме, где вел с ним сердечные беседы, наслаждаясь богодухновенными его речами. Сообщив царю о благоразумии и благонравии преподобного Евтихия, Мина отправил его к нему. Случайно в тот же самый час у царя находились некоторые из еретиков, и они стали препираться со святым по вопросам о догматах веры, но не имели силы противостоять премудрости и духу, с которыми говорил преподобный Евтихий. Вопрос состоял в том, — следует ли анафематствовать еретиков и после их смерти. Некоторые утверждали, что не следует налагать анафему на тех из еретиков, ересь которых была обнаружена уже после их смерти. Святой же Евтихий, напротив, утверждал, что еретиков всячески, даже и после их смерти, следует предавать анафеме. Он приводил из Писания в при-

---

[1] *Преподобный Фалалей* — сирийский отшельник. Скончался около 460 года. Память его празднуется 27 февраля.

[2] *Святой патриарх Мина* управлял Константинопольскою кафедрою с 536 по 552 год. Память его празднуется святой Церковью 25 августа. Он был рукоположен из пресвитера и надзирателя дома святого Сампсона (27 июня) в патриарха Константинопольского папою Агапитом, бывшим в Константинополе в 536 году. Он перенес много скорбей от преемника Агапита папы Вигилия, который происками достигнув папского престола по случаю монофелитских споров, подверг святого Мину отлучению. При нем случилось чудное происшествие: один еврейский мальчик по неведению принял святые Тайны в церкви; родитель его, узнав об этом, бросил его в огонь, но он остался невредим; мать его приняла крещение, а отец, и после того упорный, был наказан позорною смертью при Юстиниане.

мер Иерусалимского царя Иосию, который вынул из гробов и сжег в огне кости умерших идолопоклонников, по прошествии многих лет после их смерти; подобным образом, — утверждал святой, — следует предавать наказанию еретиков и после их смерти. С того времени преподобный Евтихий начал пользоваться расположением царя, и все хвалили его и почитали. В то время (еще до начала собора) заболел святейший патриарх Мина, и в весьма преклонном возрасте отошел ко Господу. И вот, многие из лиц, облеченных духовным саном, путем подарков и ходатайств домогались для себя у царя этой почести; царь, сердце которого в руке Божией, помышлял о блаженном Евтихии; он дал приказание одному из своих советников — именитому мужу Петру, чтобы он незаметно следил за Амасийским архимандритом, — как бы последний, избегая людской славы, тайно не убежал из Константинополя. Тогда святому было во сне другое видение, о котором впоследствии он сам рассказывал своим домашним. Мне казалось, — говорил он, — будто я вижу большой и весьма светлый дом, и в нем постель, покрытую драгоценным украшением. На этой постели сидела какая-то почтенная женщина, по имени София, которая, подозвав меня к себе, стала показывать мне свое убранство. Вслед за этим я увидел, что крыша дома наполнена снегом, а в снегу стоит отрок, по имени Сотерик, который готов был поскользнуться и упасть вниз с крыши, но я, предупредив это, свел его с крыши и снега и избавил от падения. Это видение было ему ночью накануне избрания его на патриаршество и совершенно сбылось. Ведь не иное что знаменовало собою виденная женщина, по имени София, как Константинопольскую соборную церковь святой Софии, а наряды ее — дела церковные. Отрок Сотерик, готовый упасть с крыши, знаменовал собою догматическое исповедание, которое близко было к склонению и ниспадению в ересь и требовало поспешной помощи со стороны хорошего защитника. Царю точно так же было Божественное откровение о преподобном Евтихии, как об этом он сам сообщал с клятвою всему своему правительству и клиру великой церкви. Раз, рассказывал царь, находился я на молитве в церкви святого апостола Петра в Афире[1], где задремал и увидал этого верховного апостола, показывающего рукою на Евтихия и говорящего ко мне: «Пускай этот да будет поставлен вам епископом».

[1] *Афир* — город на берегу Мраморного моря.

Выслушав это, все едиными устами взывали: «достоин, достоин!» И таким образом, по Божественному изволению и откровению, святой Евтихий был возведен на престол Константинопольского патриаршества на сороковом году своей жизни. В самом начале его патриаршества, после того как святые отцы собрались в Константинополь, был открыт V Вселенский собор. На нем присутствовали древнего Рима папа Вигилий, Александрийский патриарх Аполлинарий, Антиохийский Домн, которые вместе со святейшим патриархом нового Рима Евтихием и с прочими святыми отцами утвердили благочестие, предав анафеме еретиков и их злочестивые мудрования. В то время как святой Евтихий благополучно управлял Христовой Церковью, диавол с слугами своими еретиками возбудил против него гонение. По прошествии нескольких лет император Юстиниан, будучи незаметно обольщен еретиками, склонился на их сторону и под видом благочестия стал сеять ересь автартодокетов[1], то есть нетленномнителей, утверждавших, что плоть Христова по причине соединения с ней Божества раньше своей смерти и воскресения пребывала нетленна и была не причастна человеческим страданиям. Распространяя это еретическое учение, царь возмущал церковь, принуждая всех веровать и исповедовать, как он сам. Святейший патриарх Евтихий сопротивлялся этому, указывая, что такое учение не принадлежит Православной Церкви, но еретикам. На основании Священного Писания и писаний святых отцов он выяснял, что плоть Христова во всем, кроме греха, была подобна нашей тленной плоти и доступна для страданий. Ибо, родившись от Пречистой Девы, она была повита пеленами, питалась молоком, претерпела обрезание и в течение всей своей земной жизни требовала пищи и пития. И каким же образом нетленная и не причастная страданиям плоть могла бы претерпеть за нас гвозди и копие? Если только одно понимать под ее нетлением, — что она была свободна от тления гре-

[1] Среди разнообразных мнений, возникших из монофизитского спора, выдавалось одно, поддерживавшееся Юлианом Галикарнасским. Он исповедовал, что тело Спасителя было нетленным, что оно было изъято от смерти, подобно тому, как было бы изъято от нее тело Адама, если бы он оставался в своей невинности; что оно было тем же самым, как прежде и после воскресения, что его голод, жажда, усталость вытекали отнюдь не из состава его человеческого естества, но были чувствами, которым Он добровольно подвергал самого Себя. Автартодокеты своих противников называли *фтартолатрами* (то есть поклонниками тленного).

ховного и не истлела во гробе. Но царь не только не желал слушать православного учения патриарха, но и всяческим образом склонял его подтвердить своею подписью справедливость его еретического учения. И так как патриарх не соглашался дать подпись на неправославное мудрование царя, то последний сильно гневался на него. После многих пререканий с обеих сторон император Юстиниан по наущению еретиков, в особенности начальников областей Еферия и Аддея, собрал из единомысленных с ним епископов беззаконное сборище (это происходило на двенадцатом году патриаршества Евтихия); царь представил этому сборищу на неповинного и святого патриарха ложные обвинения и, с подтверждением последних лжесвидетелями, добился несправедливого осуждения, лишив таким образом престола доброго пастыря, святого мужа, православного архиерея Евтихия, а на его место он избрал некоего лжепастыря Иоанна, по прозванию Схоластика[1], нечестивца и человекоугодника. Святой же Евтихий двадцать второго января, в день памяти святого апостола Тимофея, руками солдат был выведен из церкви: областеначальник Еферий, придя с оружием и копьем и рыкая как лютый зверь, приказал насильственно вытащить святого, причем он совлек с него святительскую одежду и отослал в ссылку в Амасийскую область. Впрочем, впоследствии Еферий и сам не избежал Божия отмщения, в свое время, вместе с единодушным другом своим Аддеем; Еферий лишился сана, богатства и жизни; в один и тот же день, 3 октября, оба они за свою злобу справедливо были осуждены на смерть: им были отрублены топором головы.

Между тем святитель Христов Евтихий, будучи отведен в Амасийскую область, пребывал в посте и молитве в своем монастыре, где творил много чудес, исцеляя, по благодати Христовой, людские немощи. Некоторые из этих чудес святого Евтихия приведем здесь. В городе Амасии проживал вместе с своей женой некий человек по имени Андрогин; муж и жена сильно скорбели, так как у них рождались мертвые дети; ребенок умирал раньше появления на свет; с мольбою и слезами, подобно тому как некогда соманитянка к Елисею (4 Цар. 3, 4), пришли супруги к святителю Божию, прося его помолиться за них Богу, чтобы Он даровал им видеть живыми детей

---

[1] *Иоанн III Схоластик* управлял Константинопольской кафедрой с 565 по 577 год.

своих. Святой, помазав обоих супругов святым елеем, истекшим от животворящего Креста и от находящейся в Созополе иконы Пресвятой Богородицы, сказал им: «Младенца, который имеется во чреве (жена была беременна) назовите Петром, и он останется жив». Находившийся же в это время при святителе пресвитер Евстафий (составитель этого жития) спросил: «Если же родится ребенок женского пола, то каким именем его назвать?» Святой же пророчески утверждал, что родится младенец мужеского пола, который должен быть наименован Петром. В должное время жена родила младенца мужеского пола, его назвали Петром, и ребенок оставался живым и возрастал. Потом она родила и второго сына, и, принесши его на руках к архиерею Божию, спрашивала: как назвать новорожденного. Пусть назовется «Иоанн», отвечал святой, так как Господь услышал молитву вашу в церкви святого Иоанна. Оба младенца доросли до мужеского возраста и сделались наследниками своих родителей.

Один пресвитер с церковного поселка привел к угоднику Божию Евтихию своего четырнадцатилетнего глухонемого сына, по имени Нунехия. Помазав его святым елеем, святой отверз слух его, развязал язык, так что глухонемой стал слышать и говорить. Еще другой какой-то из церковных клириков, по имени Кирилл, имел пятилетнего сына, который также был немой и от болезни находился между жизнью и смертью; святитель Божий молитвою и его соделал здоровым и даровал ему способность речи. Однажды принесен был к святому четырехлетний младенец из города Зела[1] совершенно высохший, почти не имевший тела, а только лишь одни покрытые кожею кости. Он не мог также ничего и есть, кроме того, что немного сосал из материнских грудей. Он также получил от рук святого исцеление, будучи помазан святым елеем.

Молитвой угодника Христова святого Евтихия и помазанием святого елея изъят был из самых врат смерти и еще один, внезапно заболевший и готовый умереть ребенок, — сын одного Амасийского художника. Одна женщина шла по делам с своим семилетним сыном и другим народом в город. От встретившегося им лука-

---

[1] *Зела* на юге от Амассии, на реке Ирис, в царстве Понтийском, построен на холме. В войну римлян с понтийцами в 67 году до Рождества Христова римский претор Триарий здесь был разбит Митридатом. Ныне селение *Зелех* в Малой Азии в турецком вилайете Сивас.

вого беса невинный ребенок был ужален в ноги и валялся на земле, будучи совершенно не в состоянии подняться. Мать вместе с своими попутчиками, подняв ребенка, принесла его в монастырь к блаженному патриарху, со слезами умоляя его оказать свое милосердие и исцелить младенца. Посредством своего обычного врачевства — молитвы и святого елея святитель возвратил здоровье ребенку, который стал также хорошо ходить, как и прежде, до несчастного случая.

Близ города Амасии находился женский монастырь, именуемый Флавия. Из этого монастыря к святому была приведена юная отроковица, которая не могла причаститься Божественных Тайн. Пред причащением на нее внезапно нападал страх и трепет, и она отворачивалась от святых Тайн с ужасным криком. Когда же пытались вложить в ее уста святые Тайны насильственно, то она немедленно выплевывала их как нестерпимую горечь, ибо в ней находился лукавый дух. Усердно помолившись о ней к Богу, архиерей Божий изгнал из нее лукавого беса. Отроковица, получив исцеление, спокойно приняла из рук архиерея Божественные Тайны. Один юноша, умевший прекрасно украшать храмы мозаикою, в доме амасийского гражданина Хрисафия, отбивая от стен старую мозаику, на месте ее новой изображал святые иконы. Тут, между прочим, находилось древнее изображение обнаженной Венеры[1]. Когда юноша стал уничтожать со стен это изображение, то находившийся при последнем бес поразил руку его мучительнейшею болезнью, называемою канцер[2]. Рука отекла, страшно загноилась и получилась неисцельная рана. Все видевшие больную руку говорили, что ее необходимо отнять, чтобы не сгнило все остальное тело. Находясь от столь ужасной болезни в большой скорби, юноша с сильным рыданием прибыл к угоднику Божию Евтихию, испрашивая излечения своему безвозвратно потерянному здоровью. Совершая о нем молитву к Богу и помазуя святым елеем больную руку, святой на третий день исцелил юношу и отпустил его здоровым. Уничтожив исцеленной рукой изображение бесстыдной Венеры, юноша на том самом месте, где получил болезнь, изобразил своего безмездного врача,

---

[1] *Венера* — у римлян, у греков — *Афродита*: богиня любви и красоты, жена Гефеста, родилась из морской пены. Она изображалась нагою.

[2] *Канцер* — рак.

святейшего патриарха Евтихия. Подобным же образом святой и у другого юноши исцелил поврежденную неизлечимою болезнью руку, которую врачи советовали отрезать. Однажды к святому был приведен бесноватый юноша, постоянно испытывавший жесточайшие мучения. Когда блаженный назнаменовал его крестным знамением с молитвою и помазал святым елеем его чело, то бесовская сила, как бы пронзенная огненным копьем, начала кричать страшным голосом, испуская пену и скрежеща зубами. Тогда можно было понять, что юноша был мучим не одним, но многими бесами. Затем оцепенев, юноша лежал на земле как мертвый, а спустя немного времени он снова в течение многих дней начал испытывать те же самые и даже гораздо более сильные страдания. Святой изумлялся, почему беснование не оставляет юношу в течение столь долгого времени, и святитель велел своему пресвитеру Евстафию (составителю этого жития), спросить юношу, кто он, откуда, где живет, чем занимается, как началось с ним беснование. На эти вопросы юноша рассказал все подробно о себе. «Я, — говорил он, — был иноком в монастыре святого Иоанна, находящемся в Акрополи. Затем я сбросил с себя иночество, удалился в мир, женился, содеял множество грехов и вот, за это-то самое, как вы видите, наказываемый Богом, я ныне страдаю, — но если вы имеете какую-либо возможность, — помогите мне». Выслушав это, святой по своему обыкновению сотворил усердную молитву к Богу, причем увещевал юношу снова возвратиться в прежний монастырь и сделаться иноком. Когда же юноша с искренней готовностью обещал это сделать, то по молитвам архиерея Божия Евтихия немедленно освободился от бесовского мучительства. К преподобному некогда явился с просьбою об исцелении один прокаженный, и он получил здоровье с заповедью от святого — никогда не пить вина. Другой человек во время тяжбы с своим соседом ложно поклялся на суде и по отмщению Праведного Судии — Бога, потерял зрение, целый год не видал света. Водимый другими, он пришел с раскаянием к этому чудотворцу, исповедуя пред ним свой грех и в то же время ища исцеления своему душевному, а с ним вместе и телесному недугу. Божественным милосердием, архиерейскою властью, угодными Господу молитвами этого святителя Христова он получил то и другое и возвратился к себе, глядя глазами, как и раньше.

К доброму врачу святителю Евтихию стекалось бесчисленное множество страждущих многоразличными болезнями мужчин, женщин и детей, и по молитвам его все получали скорое исцеление. Во время нашествия персов в Амасию собралось из окрестных плененных и опустошенных неприятелем местностей и городов множество народа; скопление его вызвало здесь сильный голод; тогда угодник Божий устроил так, что в его монастыре не оскудевала пища. Ежедневно в его монастырь приходило за получением пищи бесчисленное множество народа, и наконец монастырские экономы сообщили однажды святому, что за оскудением жита и муки не только нечего додавать приходящим, но и сами они не имеют чем бы им питаться. Тогда преподобный, войдя в житницу и закром и действительно заметив полное оскудение, помолился Богу и, утешая братию, сказал: «Уповайте на Бога и веруйте, что все то, что вы отдаете нуждающимся, Бог вдвойне возвратит вам. Я твердо надеюсь на милость Божию, — подобно тому как во дни пророка Илии в Сарепте Сидонской у вдовы не оскудела кадка (см.: 3 Цар. 17, 16), так точно и у нас в настоящее время не будет недостатка в необходимом, но все будут есть и насытятся и восхвалят Господа Бога нашего». По вере и словам святого так действительно и случилось, ибо не только не убывали непрестанно раздававшиеся хлебы, но раз от разу увеличивалось их количество: чем больше раздавалось хлеба приходящим, тем более умножалось всего в житнице и закроме, так что в дни голода в довольстве питались все странники, пришельцы и свои домашние.

Угодник Божий Евтихий был не лишен и дара пророческого. За три года до смерти императора Юстиниана случилось быть в Амасии племяннику императора Иустину, имевшему тогда придворный чин и отправлявшемуся куда-то на службу царскую. Уединившись с ним, блаженный Евтихий сказал ему: «Выслушай меня, господин киропалат! Если я и грешен, тем не менее я раб и священник Бога моего, Который возвестил мне, что по смерти своего дяди царствовать будешь ты. Итак, остерегайся, как бы занимаясь множеством дел, ты не замедлил, но наблюдай за собою, дабы тебе оказаться достойным к исполнению служения вскоре возлагаемого на тебя волею Господней». Иустин, выслушав, возблагодарил Бога и просил у святого пророка молитвенной помощи. Таким же точно образом впоследствии он предвозвестил своим письмом о том же и имев-

шему вступить на царство после Иустина градоначальнику Тиверию. Святой Евтихий написал к нему в Сирию следующее: «Бог ныне лишь отчасти даровал тебе управление народом, но в самом скором времени и все кормило царского управления вручит тебе», что потом вскоре и сбылось.

По смерти императора Юстиниана, на царский престол вступил его племянник Иустин; и когда умер вышеупомянутый патриарх Константинопольский Иоанн Схоластик, Святейший патриарх Евтихий, после двенадцати лет и восьми месяцев своего пребывания в изгнании, был к несказанной радости всего народа возвращен на престол, причем его встречали на суше и на море, восклицая — «благословен грядый во имя Господне!» Он принял свой престол в воскресенье третьего октября, в каковое число незадолго пред этим по приказанию нового царя были осуждены и казнены смертью враги святого Евтихия областеначальники Еферий и Аддей.

Остальные дни своей жизни святейший патриарх Евтихий прожил в мире, украшая церковь православным учением и чудесами: он своею молитвою остановил внезапно наступившую моровую язву и уврачевал больных. — После этого и сам он, отдавая долг природе, впал в болезнь в праздник пресветлого Воскресения Христова. Благочестивый император Тиверий пришел навестить его, и святой предсказал царю скорую кончину после своей собственной смерти, что и сбылось. Болея в течение Светлой седмицы святейший Евтихий в Фомино воскресенье созвал весь свой клир и, преподав всем мир, благословение и последнее целование, с наступлением ночи уснул о Господе сном временной смерти; святая же его душа удалилась в немерцающий вечный день к святым иерархам. Святой Евтихий занимал патриарший престол после своего возвращения из заточения четыре года и шесть месяцев; всех же лет от рождения он имел семьдесят. Святой Евтихий с честью был погребен в апостольской церкви под ступенями алтаря, где находились мощи святых апостолов Андрея, Тимофея и Луки[1].

После преставления святейшего патриарха Евтихия благочестивый император Тиверий прожил только четыре месяца и восемь дней

---

[1] *Патриарх Евтихий* скончался в 582 году. Тело святого Евтихия в 1246 году из цареградского храма апостолов перенесено в Венецию. Управлял Константинопольскою патриархиею первый раз с 552 по 565 год, а вторично — с 577 по 582 год.

и, согласно пророчеству святого, скончался в мире. Мы же за все это прославим Отца и Сына и Святого Духа, Единого Бога в Троице. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОЙ ПЛАТОНИДЫ

Святая Платонида первоначально была диакониссою[1]. Потом, стремясь к подвигам уединенной жизни, она оставила мир и удалилась в пустыню Низибийскую[2], где и основала обитель для дев.

Своею благочестивою и истинно подвижническою жизнью преподобная Платонида давала добрый пример для подражания сестрам обители.

Устав обители, основанной Платонидою, отличался особенною строгостью: сестры вкушали пищу только один раз в день и все свободное от молитвы время проводили в разного рода работах и занятиях, особенно в рукоделии. Но в пятницу, как в день воспоминания спасительных страданий и крестной смерти Господа за нас, все занятия в монастыре прекращались и весь день посвящался только молитве и богомыслию. В этот день сестры с утра до вечера пребы-

---

[1] *Диаконисами* (διακονέω — служу, прислуживаю) в древнехристианской Церкви назывались лица женского пола, наблюдавшие за порядком в храме во время богослужения и прислуживавшие епископам при совершении над женщинами таинства крещения. Обязанности диаконис заключались в следующем: они приготовляли женщин ко крещению, научая их, как и что они должны отвечать на вопросы крещающего, и как должны вести себя после крещения; помогали епископу при крещении женщин; наблюдали за порядком в женской половине храма (древние храмы разделялись на две отгороженные друг от друга половины, одна из которых предназначалась для мужчин, а другая — для женщин), а также наблюдали за дверью, в которую входили в храм женщины, не допуская сюда лиц недостойных; присутствовали при беседах епископов или пресвитеров с женщинами и т. п. Диаконисы причислялись к клиру и потому поставлялись на свою должность чрез особое рукоположение. В диаконисы обыкновенно выбирались женщины честной, святой жизни — обыкновенно девы или вдовицы и притом не моложе сорокалетнего возраста.

[2] *Низибия* находилась в Месопотамии и лежала по течению реки Мигдонии.

вали в храме, где в промежутках между молитвою слушали чтение и изъяснение Священного Писания.

Уча всех не словом только, но и делом и угодив Богу добродетельною жизнью своею, преподобная Платонида скончалась и отошла ко Господу от жизни этой временной, дабы радоваться вечно в обителях небесных[1].

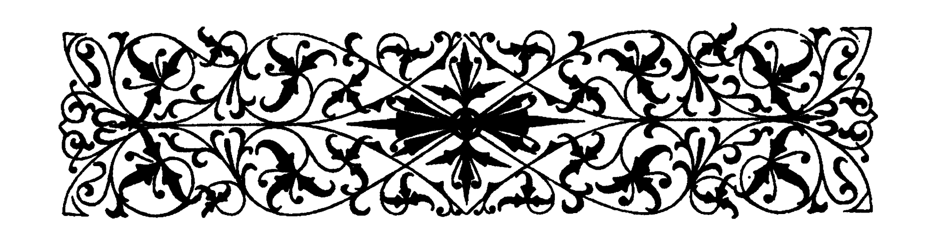
В тот же день **память святого равноапостольного Мефодия**, архиепископа Моравского (житие см. 11 мая).

В тот же день память **ста двадцати мучеников** в Персии, в IV веке сожженных царем Сапором.

В тот же день **память святых мучеников Иеремея и Архилия** иерея.

[1] Кончина преподобной Платониды последовала около 308 года.

День седьмой

ПАМЯТЬ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ГЕОРГИЯ ИСПОВЕДНИКА,
митрополита Митиленского

С юных лет возлюбив Христа, преподобный отец наш Георгий сделался монахом, вел подвижническую добродетельную жизнь и, как никто другой, усовершенствовался в смиренномудрии. В царствование Льва Исаврянина[1] он соделался исповедником за Христа, претерпев от иконоборцев гонения и притеснения. Затем в царствование православных Константина и Ирины[2] он был возведен на

---

[1] *Лев Исаврянин* царствовал с 717 по 741 год. Он происходил из класса зажиточных крестьян и настолько выделился своей военной службой при Юстиниане II, что в 717 году при всеобщем одобрении был возведен на императорский престол. Обратив внимание на церковные дела и, между прочим, на иконопочитание, он решился уничтожить последнее полицейскими мерами. Сначала он (726 г.) издал эдикт только против поклонения иконам, для чего приказал поставить их в церквах повыше, чтобы народ не лобызал их. В 730 году был издан эдикт, повелевавший вынести иконы из храмов. Лев Исаврянин достиг того, что иконы временно были выведены из церковного употребления.

[2] *Император Константин V Копроним* с 741 по 775 год преследовал иконопочитание с еще большею, чем его отец Лев Исаврянин, жестокостью. Он хотел торжественно уничтожить иконопочитание, как ересь, и для того в 754 году составил в Константинополе собор, который назван Вселенским. На нем было 338 епископов, но ни одного патриарха. Здесь положено было, что иконопочитание — идолопоклонство, что единственный образ Христа Спасителя — Евхаристия. Собор предал анафеме всех защитников иконопочитания и иконопочитателей, особенно святого Иоанна Дамаскина. *Святая Ирина* с 780 по 790 год и с 797 по 802 год управляла за малолетством своего сына Константина Порфирородного. Она объявила себя за иконопочитание. В 787 году Ириной в Никее был созван II Никейский и VII Все-

архиерейскую кафедру в городе Митилене[1], митрополии острова Лесбоса[2]. Святой Георгий был весьма милостив, щедрыми подаяниями питая алчущих. За свое великое воздержание он соделался другом Ангелов и, отгоняя нечистых духов и врачуя неизлечимыя недуги, явил себя чудотворцем. Дожив до времени царствования императора Льва Армянина, возобновившего иконоборчество[3], он снова, будучи уже глубоким старцем, претерпел гонение за святые иконы. Еще раньше правления императора Льва Армянина, возобновление иконоборства и изгнание святого Георгия, в Митилене были некоторые знамения, предуказывавшие на скорое появление в Церкви Христовой смут и бедствий. Однажды в храме святой великомученицы Феодоры, что близ пристани, за вечерней во время всенародного пения «Кирие, елеисон» — Господи помилуй — стоявший на престоле святой крест внезапно и с сильным шумом какой-то невидимою силою был взят со своего места и вознесся кверху под потолок, а затем, склонив свой верхний конец книзу, упал на землю. Народ, видевший это, был охвачен великим страхом и ужасом; подняв вверх свои глаза и руки, все громогласно, в течение продолжительного времени, взывали:

ленский собор под председательством патриарха Константинопольского Тарасия. На соборе, состоявшем из 367 отцов, было восстановлено иконопочитание.

[1] *Митилена*, город на острове Лесбосе (величайший в Эгейском море), близ древней Трои и Мизии (Малой Азии), имеет до тридцати шести тысяч жителей; остров горист, плодороден, богат лесом, хлебом, вином. К Турции присоединен в 1462 году, при Магомете.

[2] В древности особенно процветали города этого острова — Крезос, Пирра, Митилена.

[3] *Лев Армянин* царствовал с 813 по 820 год.

«Кирие, елеисон» и не желали выходить из церкви, так как ожидали, что остров Лесбос посетит какая-нибудь внезапная гибель. В то время в церкви находился преподобный Симеон вместе с своим младшим братом Георгием, который впоследствии в свое время наследовал престол первого Георгия[1]. Симеон, будучи прозорливцем, со слезами говорил народу:

— Братия, будет не так, как ожидаете вы. Бог не погубит окончательно этой страны, но на днях вступит на престол богоненавистный и богопротивный царь, который, ниспровергши на землю святые иконы, отнимет от церкви красоту ее.

По прошествии нескольких дней в церковь и в алтарь вошел — дверь церкви случайно не была заперта — огромный и страшный вепрь, у которого уши и хвост были обрезаны, и лег здесь на горнем месте. Заметив это, церковные сторожа немедленно стали прогонять вепря, но безуспешно, так как он был свиреп и кидался на всех, пытавшихся выгнать его из алтаря, обращая их тем в бегство. После этого, принесши огромный кол, стали до крови бить животное в продолжение долгого времени и, обессилев, с трудом смогли прогнать его. Узнав об этом, тот же блаженный Симеон сказал:

— Чада, поверьте, что этот вепрь знаменует имеющего, — по попущению Божию, — быть здесь епископа, который по жизни и нраву будет подобен свинье.

Все это скоро и сбылось. Вышеупомянутый император Лев Армянин, вступив на царский престол, предпринял гонение против Церкви Божией и в то же время созвал в Константинополь многих епископов, склоняя их к принятию иконоборческой ереси. Преподобный отец наш Георгий, митрополит Митиленский, будучи также

---

[1] В городе Митилене, на острове Лесбосе, митрополитами были два Георгия. Первый из них, о котором написано настоящее житие, претерпел изгнание в царствование Льва Армянина в 816 году, второй же Георгий — брат Симеона прозорливца. Он был рукоположен в пресвитера первым Георгием, в царствование Константина и Ирины (в 752 г.), на престол же вступил в царствование императора Михаила Косноязычного с 820 по 829 год, который по воцарении даровал свободу православным. Второй Георгий был изгнан за православие иконоборческим императором Феофилом с 829 по 842 год; по смерти же Феофила блаженная царица Феодора с 842 по 855 год со святейшим патриархом Константинопольским Мефодием утвердила Православие и в 842 году возвратила второго Георгия из изгнания; после богоугодной жизни он скончался мирно на своем престоле.

призван с прочими епископами, явил себя неустрашимым воином Христовым. В то время как многие одобряли царево неправоверие, он своей истинною премудростью посрамил царя, лжепатриарха Феодота, по прозванию Касситера[1], и прочих единомысленных с ними еретиков, и некоторых из них довел до сознания их собственного заблуждения.

Царь и патриарх, не перенося его обличений, отправили его в изгнание в Херсон[2], а на его место поставили в Митилену митрополитом некоего еретика, который подобно луговому вепрю (кабану) опустошил и осквернил виноградник Христов: он попирал святые иконы, бессмысленно смущая словесных овец. Святой же Георгий, прожив в изгнании остальные дни своей жизни, по благодати Христовой совершил многие чудеса. При наступлении времени его преставления воссияла на небе пресветлая звезда, — провозвестница блаженной его кончины — которая была видима и на Лесбосе. По этой звезде в Митилене было познано словесными овцами отшествие ко Господу их пастыря святого Георгия.

Жизнь святого при его добрых делах являлась светом для мира. Блаженную же кончину его Бог прославил светлою звездой и после его кончины для прославления Своего угодника источил от его мощей чудесные целебные источники.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА КАЛЛИОПИЯ

В Памфилийской Пергии[3] жила благочестивая и богобоязненная женщина Феоклия; как она, так и ее семейство были проник-

[1] *Феодот I Касситер* управлял патриархиею с 815 по 821 год.

[2] *Херсон*, или *Корсунь*, — греческая колония, важнейший из городов Херсонеса Таврического, близ нынешнего Севастополя — место крещения великого князя Владимира.

[3] *Памфилия* — в древности часть малоазийского побережья, заключенная Ликией и Киликией и пролегавшая вдоль Памфильского моря (ныне залив Адалия). Разделяя исторические судьбы всей Малой Азии, Памфилия была последовательно под Персидским, Македонским и Сирийским владычеством, затем вошла в

нуты страхом Божиим; ведя добродетельную жизнь, Феоклия раздавала щедрую милостыню. Находясь в супружестве за почетным, происходившим из сенаторского и патрицианского рода[1], человеком, Феоклия в течение многих лет не рождала детей. Прилежными молитвами испросив у Бога разрешение своему неплодству, она, спустя долгое время по выходе замуж, зачала. В это время скончался муж ее, оставив ее наследницею огромного состояния. Родив сына, она назвала его Каллиопий[2]. Обучая его наукам, Феоклия главным образом старалась внушить ему страх Божий и научить его премудрости Божественного Писания. В те времена сильно было распространено служение кумирам, истина была скрываема ложью и большинство людей поклонялись и приносили жертвы скверным идолам. Постоянными же спутниками жизни святого Каллиопии были молитва и пост. Когда о святом юноше сообщили судье, что он христианин, то его мать, блаженная Феоклия, снабдив своего сына достаточным количеством денег, одеждою, а так же послав с ним некоторых слуг, отправила его на корабле в другую страну, чтобы избежать несправедливого осуждения. Таким образом, блаженный Каллиопий отплыл в Помпеопель Киликийский[3]. Увидав здесь, что нечестивый вождь Максим устрояет в честь скверных кумиров жертвы, пение и пляски, святой юноша удивлялся и спросил у кого-то: «Что за причина такого вашего ликования?»

— Ныне праздник в честь богов наших, — отвечали они ему, — подойди и ты и присоединись к нашему пиршеству.

— Я — христианин, — сказал святой, — и в посте провожу праздники в честь моего Христа, и неприлично, чтобы уста, славящие Христа, воспринимали оскверненные жертвы нечестивых богов.

состав Персидского царства и в 120 году до Рождества Христова сделалась Римской провинцией. Население, представлявшее смесь туземцев с пришлыми киликийцами и греками, нравами и обычаями напоминало киликийцев и в широких размерах промышляло морским разбоем. Важнейшие города этой гористой по преимуществу страны, наполненной системою Тавра: Аталейя (Адалия), Сиде (Эски-Адалии), Кибира, Аспеид, Пергия, Солион.

[1] *Патриции* были в Риме лица знатного происхождения; *сенатор* — должностное лицо, замещавшее высшее служебное место в государстве.

[2] *Каллиопий* — слово греческое и в переводе на русский язык значит — миловидный, с хорошим взглядом.

[3] *Киликия* — малоазийская провинция.

Эти слова святого дошли до слуха военачальника Максима и последний, пылая гневом, приказал схватить и представить святого юношу к себе для допроса.

— Как зовут тебя? — спросил военачальник святого Каллиопия, когда его привели на суд.

— Я — христианин, — отвечал святой, — а имя мое Каллиопий.

— Ныне, когда вся вселенная, — сказал военачальник, — устрояет пиршество по случаю праздника богов, почему ты один, не желая разделить с нами праздника, пребываешь в каком-то заблуждении?

— Вот вы-то, — ответил святой Каллиопий, — и суть те самые, которые ходят во тьме и обольщении, так как вы оставили живого Бога, создателя неба и земли, все сотворившего Своим словом, и поклоняетесь произведению рук человеческих, — бесчувственному дереву и растрескавшемуся камню.

— Твоя юность делает тебя дерзким, — возразил военачальник, — подвергая тебя самого опасности испытать немалочисленные мучения! Ответь нам, из какой ты страны и чьего рода?

— Я — из памфилийской Пергии, — ответил святой, — сенаторского и патрицийского рода, но больше всего и почетнее всего для меня то, что я — христианин.

— Есть ли у тебя родители? — спросил военачальник.

— Да, у меня есть мать, — отвечал святой, — а отец мой давно умер.

— Клянусь великим солнцем и всеми божествами, — отвечал военачальник, — что если ты поклонишься богам, то я выдам за тебя замуж единственную дочь, которую имею.

— Если бы я захотел жениться, — отвечал святой, — то мог бы взять за себя твою дочь и ввести ее во владение матери моей. Но знай, что я обещался Богу моему Христу, создавшему меня по Своему образу, соблюсти бренное это тело в чистом девстве и представить его непорочным пред праведным судом Его. Ты поступай, как тебе угодно, но я — христианин.

— Скверный и злобный, — закричал военачальник, — ты, вероятно, думаешь этими речами возбудить во мне бешенство, чтобы я скорее убил тебя? Так знай же, что я буду мучить тебя в течение долгого времени, раздробляя на части твое тело, а остаток его предам огню для сожжения.

— Чем более продолжительны, — отвечал святой, — будут мои мучения, тем более светлый венец сплетется мне Христом за мои страдания. Ведь и Писание говорит, что никто не увенчается, если не будет замучен по закону (см.: 2 Тим. 2, 5).

— Разложите его, — обратился военачальник к палачам, — и оловянными прутьями переломайте ему все кости!

Во время побоев святой Каллиопий произнес: «Благодарю Тебя, Христе, что Ты сподобил меня ради прославления Твоего имени претерпеть мучения».

— Принеси жертву богам, — продолжал военачальник, — чтобы увидать тебе твое отечество и не лишаться твоего имущества. Видишь, сколь жестоко мучат тебя!

— Я созерцаю сладость обещанного мне Христом будущего покоя и не ощущаю мучений, — сказал святой. — И хотя я в настоящее время нахожусь и в чужой стране, но я тем не менее знаю, что *Господня земля и что наполняет ее* (Пс. 23, 1). И здесь я вижу матерь мою и свое отечество. Матерь моя — Православная Христова Церковь, а отечество — небесный Иерусалим, согласно слову апостольскому, *наше жительство — на небесах* (Флп. 3, 20). Если же ты напоминаешь мне о моей плотской матери, то есть Божественный голос, утверждающий: *Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня* (Мф. 10, 37). Я ни во что не ставлю изобилие богатств и почитаю за лучшее страдать со Христом распятым, чем со грехом иметь кратковременное удовлетворение безумного мира.

— Так как он уже положен, — сказал военачальник слугам, — то поверните его и бейте по животу сырыми жилами, приговаривая: нечестивец, не отвечай ни то, ни се, но — на вопрос!

— Лишенный благ небесных и более свирепый, чем зверь, безумец! — сказал святой мученик военачальнику: — Я и говорю тебе слова истины, а ты, имея ослепленные душевные очи и закрытые уши, чтобы не слыхать слов Господних, несправедливо подвергаешь меня мучениям, убивая как разбойника!

— Поставьте, — приказал тогда военачальник палачам, — мучительское колесо с острыми железами, и разведите под ним сильный огонь, и туго, хотя бы даже до разрыва суставов, растянув на колесе Каллиопия, в таком виде привяжите его к колесу и повертывайте, чтобы он погиб, разрезаемый железом и поджигаемый огнем.

Когда таким образом начали мучить святого юношу, он в тяжких страданиях возопил ко Господу, говоря: «Прииди, Христе мой, на помощь рабу Твоему, — да прежде конца прославится чрез меня Твое святое имя, и дабы все знали, что уповающие на Тебя не посрамятся вовеки!» И вот немедленно предстал Ангел Господень, погасил огонь, остановил колесо и сделал его неподвижимым, и палачи не могли его повернуть. Молодое тело мученика обливалось на колесе кровью и сквозь глубокие раны заметны были кости, так как колесо имело на себе обоюдоострые, пилообразные мечи. Военачальник приказал развязать мученика и снять его с колеса. Зрелище страданий умилило всех смотревших и народ возопил, говоря: «О несправедливый судья! И какой юноша гибнет жестоко!»

— Не говорил ли я тебе, — сказал военачальник святому, — что молодость твоя делает тебя дерзким, подвергая тебя через это жестоким мучениям?

— Бесстыдный пес, — отвечал святой, — ужели ты думаешь, что я испугался твоих мучений?

— Ты, окаянный, — заметил военачальник, — оскорбляешь меня, чтобы я скорее погубил тебя, но того не будет! Итак, подойди и принеси жертву богам для избежания еще более жестоких мучений!

— Я уповаю, — отвечал святой мученик, — на Христа моего, и ты не в состоянии осквернить во мне исповедание Божие. Тело мое предоставляется тебе: мучь его, как хочешь, получишь за это отмщение от Бога в день страшного суда, *ибо... какою мерою мерите, такою и вам будут мерить* (Мф. 7, 2).

— Сковав его железными веригами, — приказал военачальник палачам относительно святого Каллиопия, — стерегите его во внутренней темнице, не имейте о нем никакого попечения и не допускайте никого из близких к нему христиан входить к нему, чтобы кто-нибудь не восхвалил его за его терпение!

Палачи немедленно сковали святого страдальца и бросили его во внутреннюю темницу.

Блаженная Феоклия, узнав о таком страдании за Христа своего единородного сына, святого Каллиопия, написала завещание относительно своего дома и всего своего имущества: она освободила своих рабов и рабынь, — числом двести пятьдесят человек и раздала нищим все золото и серебро и драгоценное одеяние, которое имела.

Все же остальное имущество и недвижимое имение, селения, поля, виноградники отдала святейшей церкви и, покинув свое отечество, отправилась в Киликию к своему страждущему за Христа сыну. Заплатив деньги темничным сторожам, она вошла во внутреннюю темницу и, увидав сына, припав, поклонилась ему и обтирала гной его струпьев. Святой же Каллиопий, будучи весь скован железом и отекший от бесчисленных ран, не мог встать пред своею матерью и только проговорил:

— Хорошо сделала, что пришла ты, мать моя и свидетельница моих страданий за Христа!

Феоклия, видя тело сына истерзанное ранами, говорила к нему:

— Блажен и благословен плод чрева моего, потому что я представила тебя, как Анна Самуила освященным сосудом для Бога, и как Сарра Исаака предоставила тебя Христу в благоприятную жертву!

Всю ту ночь мать пробыла в темнице, сидя при ногах сына, воспевала и славословила вместе с ним Бога. В полночь же заблистал в темнице яркий свет и слышен был голос, восклицавший:

— Вы — святые исповедники Христовы, истребители идолов, оставившие отечество и имущество для страданий со Христом!

С наступлением утра военачальник Максим, сев на судилище, вывел из темницы для допроса святого мученика Каллиопия. Поставив его пред собою, он спросил:

— Оставил ли ты свое безумие и соглашаешься ли для сохранения жизни исполнить царское повеление и поклониться богам? Или же, напротив, ты желаешь покорно погибнуть, как и учитель твой Христос?

— Я удивляюсь, — отвечал святой, — твоему бесстыдству! Ты много раз слышал от меня один и тот же ответ: я — христианин и умру за Христа; снова теперь о том же спрашиваешь меня и не стыдишься ополчаться против истины. Я горячо желаю пострадать подобно Учителю моему Христу и стремлюсь беззаветно умереть за Него!

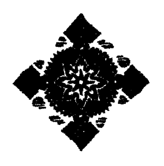
Выслушав это и поняв непреклонное намерение мученика и убедившись в его непоколебимой душевной крепости, военачальник приказал распять его подобно Христу на кресте. Тогда был Великий четверток, когда совершается воспоминание святой Тайной Христо-

вой вечери. Святая Феоклия, видя ведомого своего сына, дала воинам пять золотых монет, умоляя их, чтобы они распяли Каллиопия не как Христа, но вниз головой. Это она сделала по смирению, считая недостойным делом, чтобы сын ее в образе распятия был подобен своему Господу Христу. И так святой Каллиопий был распят за Христа вниз головой, в Четверток спасительной вечери. В Великий же пяток в третий час дня он предал дух свой в руки Божии, при сошествии к нему с неба Божественного голоса, «войди Христов согражданин и сонаследник святых»[1].

Когда мертвое тело святого Каллиопия было снято со креста, блаженная мать его, прославляя Христа, обняла за шею сына, а затем немедленно предала и свою душу. Братия христиане, придя взяли тела обоих и похоронили их в почетном месте в одной могиле, восхваляя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

В тот же день **память святого Руфина** диакона, **святой мученицы Акилины**, и с ними **двести воинов**, в Синопе скончавшихся около 310 года.

В тот же день **память преподобного отца нашего Даниила** Переяславского.

[1] Святой мученик Каллиопий скончался 7 апреля 304 года, в пятницу, в киликийском (в Малой Азии) городе Помпеополе.

День восьмой

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
НИФОНТА,
епископа Новгородского

Блаженный Нифонт был иноком святого Печерского монастыря в то время, когда над монастырем этим начальствовал игумен Тимофей[1]. Живя в монастыре, святой Нифонт преуспевал в молитве, посте и всех прочих добродетелях, стараясь подражать во всем жизни великих угодников Божиих.

Когда блаженный Иоанн, епископ Новгородский, после двадцатилетних трудов своих по управлению паствою, ослабев в силах, оставил епископский престол и удалился в монастырь[2], — тогда блаженный Нифонт, уже просиявший лучами добродетелей своих по всем странам, по воле Божией был избран всеми на епископский престол новгородский и был рукоположен во епископы в Киеве[3] митрополитом Михаилом II[4].

Взойдя на престол, быв поставлен как *светильник на свещнике*, святой Нифонт еще более просиял своими усердными заботами о благоустроении Церкви Православной; он заботился об умножении славы Божией и ревновал о благополучной жизни своих словесных овец, как временной, так и вечной. Заботясь об умножении славы Бо-

---

[1] *Тимофей* был игуменом Печерского монастыря с 1124 года; † в 1131 году.

[2] *Иоанн* правил Новгородскою епархиею с 1110-го по 1130 год.

[3] Рукоположение Нифонта относится к тому же 1130 году.

[4] *Митрополит Михаил*, грек, правил Киевской митрополией с 1130-го по 1145 год.

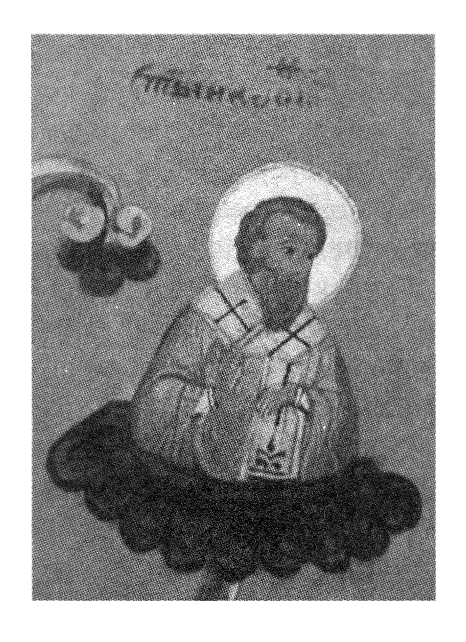
жией, преподобный своим усердием заложил посреди Новгорода каменную церковь в честь Пресвятой Богородицы, которую, при помощи Божией, вскоре и создал; кроме того, он украсил иконописью престольную новгородскую церковь в честь святой Софии, а крышу ее покрыл оловом[1]. Заботясь же о благополучном земном жительстве своих словесных овец, этот архипастырь отличался, например, такими добродетелями: если среди православных начиналось какое-либо междоусобие, он всячески старался примирить их. Так, когда однажды преподобный узнал, что киевляне и черниговцы, собрав много воинов и придя к Новгороду, хотели идти на него войною, то он тотчас, взяв с собою вельмож новгородских, пошел к ополчившимся на брань и при помощи Божией заставил их положить оружие[2]. Подобно этому и в других случаях преподобный заботился о мирном житии людей Божиих, ревнуя о благополучии временной жизни их.

Но еще больше заботился преподобный о вечной жизни своих словесных овец. Помня слова Господа, сказанные Им о Боге Отце, что заповедь Его есть *жизнь вечная* (Ин. 17, 2), преподобный Нифонт всегда поучал православных — не удаляться от закона Божия и церковного предания, чтобы не лишиться вечной жизни; тех же, кто удалялся от закона Божия и творил грехи, преподобный обличал, предсказывая таким людям погибель за их грехи, проповедуя *во время и не во время,* обличая, запрещая, увещевая *со всяким долготерпением и назиданием* (2 Тим. 4, 2), по повелению апостола.

Эта великая ревность архипастыря о спасении душ своих чад видна из следующего обстоятельства. — После того как новгородцы в 1132 году изгнали своего князя Всеволода Мстиславича, на княжение к ним пришел, призванный ими, Святослав Ольгович, женившийся противно церковным канонам. Тогда этот блаженный архипастырь не только не венчал этого князя, но и всему клиру своему запретил видеть то беззаконное венчание (князь тот был повенчан священниками, пришедшими вместе с ним). Преподоб-

[1] Новгородцы высоко ценили попечение епископа Нифонта о храмах Божиих. «Об этом знает каждый из нас, — говорит новгородский летописец: Кто из епископов так украсил святую Софию? Он расписал притворы, устроил иконостас, а снаружи обмазал известью и облил свинцом. Во Пскове создал церковь Святого Спаса каменную на Завеличьи, а в Ладоге — святого Климента». IV новгор. летопись.

[2] Это событие произошло в 1135 году.

ный Нифонт[1] дерзновенно обличал князя того за его преступление, ревнуя псалмопевцу, сказавшему: *буду говорить об откровениях Твоих пред царями и не постыжусь* (Пс. 118, 46).

Велика также была ревность этого архипастыря, когда он старался предохранить от преступления самую Церковь Русскую, что случилось при следующих обстоятельствах.

Когда скончался митрополит Киевский Михаил II, от которого принял рукоположение во епископа святой Нифонт, то великий князь Киевский Изяслав Мстиславич[2] на его место избрал Климента философа, бывшего тогда черноризцем и принявшего схиму. Не желая посылать Климента для рукоположения во епископа за дальностью расстояния в Константинополь, князь тот собрал для этой цели собор из русских епископов. На этом соборе были: Онуфрий Черниговский, Феодор Белгородский, Евфимий Переяславский, Дамиан Юрьевский, Фео-

---

[1] *Святитель Нифонт* был знатоком канонических или церковных правил и ревностным, самоотверженным их блюстителем. Эта ревность к соблюдению церковных правил видна не только из отношения святого Нифонта к неканоническому браку Святослава Ольговича, но и из дальнейшего повествования об отношении Нифонта к митрополиту Киевскому Клименту Смолятичу, занявшему митрополичий престол без благословения Константинопольского патриарха. К святителю Нифонту обращались другие епископы и разные лица за разрешением недоуменных канонических вопросов и разных случаев церковной жизни. Из «Вопрошения Кирикова», или собрания ответов, полученных иеромонахом и доместиком (начальником певчих) Новгородского Антониева монастыря Кириком от разных лиц, к которым он обращался со своими вопросами, преимущественно от трех епископов Новгородских: святых Нифонта и Илии (с 1165-го по 1185 год) и неизвестной епархии Саввы, узнаем, что к Нифонту обращался некто Клим по поручению епископа Полотского. Вопросы Кирика главным образом обращены к епископу Новгородскому, Нифонту, который и давал здравые и практичные ответы для разрешения недоумений. «Вопрошение Кириково» напечатано в «Русской Исторической Библиотеке», изд. Археограф. Комиссией, т. 6, ст. 21 и след. *Павловым* и ранее в «Памятниках Российской Словесности XII века», стр. 173 и след. *Калайдовичем*.

[2] *Изяслав Мстиславич* великим князем Киевским был с 1146-го по 1154 год.

дор Владимирский, святой Нифонт Новгородский, Мануил Смоленский, Иоаким Туровский, Козьма Полоцкий. Когда собор начал свои заседания, блаженный Нифонт много говорил о том, что сами русские епископы ни в каком случае не могут избирать себе митрополита без благословения Константинопольского патриарха; он дерзновенно заявил во всеуслышание всего собора, что это противно преданию святой Православной Восточной Церкви, которая просвещена святым крещением от престола Константинопольского, соделавшего нас, таким образом, сынами Божиими, сынами Востока, посетившего нас свыше; и первый митрополит Киевский, Михаил, был поставлен оттуда же (из Константинополя); с тех пор было постоянным правилом митрополиту Киевскому принимать благословение на постановление от Константинопольского патриарха.

Говоря это, преподобный Нифонт дерзновенно увещевал сынов российских не уклоняться своим противлением от усыновления Востоку и вместе с тем Богу, потому что, говорил он: *приходит гнев Божий на сынов противления* (Еф. 5, 6).

Мнение преподобного Нифонта разделяли еще пять епископов: Козьма Полоцкий, Иоаким Туровский, Мануил Смоленский, Евфимий Переяславский, Феодор Белгородский. Но князь, из гордости не желая отказаться от своего намерения, не послушал блаженного Нифонта, но, что́ задумал, то и исполнил, будучи поддержан остальными епископами. Таким образом, по повелению князя и по совету Онуфрия, епископа Черниговского, Климент вместо благословения Константинопольского патриарха, был посвящен во епископы главою мощей святого Климента, папы Римского (эту главу принес из Херсона святой Владимир, получивший ее в дар от епископа Херсонского после принятия святого крещения); вслед за тем Климент воссел незаконно на архиерейском престоле митрополии Киевской.

Климент требовал, чтобы блаженный Нифонт служил вместе с ним Божественную литургию, но этот ревнитель православия говорил ему:

— Так как ты не принял благословения от патриарха Константинопольского, то я, как раньше, так и теперь, не одобряю твоего поставления и не могу по этой причине служить вместе с тобой.

Разгневавшись за это на святого Нифонта, Климент подговаривал князя Изяслава и послушных себе епископов, сослать в заточе-

ние преподобного. По этой причине князь Изяслав не допустил блаженного Нифонта на епископский престол в Новгород, но повелел ему пребывать все время в Печерском монастыре, как бы в месте заточения. Преподобный же пребывал здесь с радостью великою, хваля и благодаря Бога за то, что Он сподобил его возвратиться к прежнему его безмолвному житию вместе со святыми.

Когда же христолюбивый царь Георгий Мономахович[1] победил Изяслава Мстиславича и принял в свои руки княжение в Киеве, — тогда он с великою честью возвратил блаженному Нифонту Новгородский епископский престол. Новгородцы, бывшие доселе как бы смятенными и отверженными, как овцы, не имеющие пастыря, с великою радостью приняли блаженного Нифонта. В то же время Константинопольский патриарх, услышав о том, сколь великое мужество показал преподобный, ратуя за предания отеческие, прислал к святому Нифонту послание, в котором восхвалял его за его разум и мужество и приравнивал его к древним святым отцам, твердо стоявшим за православие[2]. Преподобный же, прочтя патриаршую грамоту, воспламенился еще большею ревностью о Православии. Помимо этого, не лишен был за свои труды достойного возмездия преподобный и от начальника пастырей — Иисуса Христа, как показывает это история его блаженной кончины, о которой и будет наше слово.

Спустя некоторое время после того как святой Нифонт возвратился на свой епископский престол, он услышал, что из Константинополя идет в Россию митрополит Константин[3], посланный патриархом Константинопольским в Россию с тою целью, чтобы низложить митрополита Киевского Климента и занять его место. Узнав об этом, преподобный весьма возрадовался по двум причинам: во-первых, он надеялся принять благословение от святителя, а, во-вторых, надеялся поклониться в обители Печерской Пресвятой Богородице и прочим святым. Для этой цели он отправился в Киев и здесь ожидал прибытия митрополита Константина, уже вышедшего

---

[1] То есть *Юрий Владимирович Долгорукий*, сын Владимира Мономаха. Это было в 1150 году.

[2] Одна из патриарших грамот к Нифонту напечатана в житии Нифонта в Памятниках Русской литературы *Кушелева-Безбородко*, IV, 5 и в Истории Русской Церкви *преосвященного Макария*, т. 3, изд. 2, стр. 297.

[3] *Митрополит Константин*, грек, прожил на Руси недолго, правил митрополией с 1156-го по 1158 год, скончался в 1159 году в Чернигове.

из Константинополя. Проживая в монастыре Печерском, преподобный обнаруживал великую любовь к Пресвятой Богородице и к прочим святым. Вскоре преподобный впал здесь в тяжелую болезнь, предварившую его честную кончину. За три дня до болезни, преподобный имел дивное видение, которое он и передал братии.

— Когда я пришел, — говорил он, — после утреннего пения в свою келию, я почувствовал необходимость немного уснуть. Вскоре я впал в тонкий сон: и вот, мне показалось, что я нахожусь в этой святой обители Печерской, на месте Николы Святоши[1]; здесь я много и усердно молился Пресвятой Богородице, прося Ее показать мне преподобного Феодосия, строителя доброго, и по смерти имевшего попечение об умножении добродетелей во обители своей. Между тем, в церковь собирались братия; один из них, подойдя ко мне, сказал:

— Хочешь ли видеть преподобного отца нашего Феодосия?

Я же отвечал:

— Да, хочу, и, если можно, покажи мне его.

Тогда, взяв меня за руку, он повел меня в алтарь и здесь показал мне святого Феодосия. Увидав святого, я с радостью подошел к нему, пал к ногам его и поклонился ему до земли. Он же, подняв меня, благословил и сказал:

— Хорошо сделал ты, брат и сын, Нифонт, что пришел сюда; отныне ты будешь неразлучно пребывать с нами.

Святой Феодосий держал в руке своей свиток, который я попросил у него; взяв свиток, я разогнул его и прочел. Начинался свиток тот такими словами: *Вот я и дети, которых дал мне Господь* (Ис. 8, 18). После того как видение окончилось, — повествовал блаженный Нифонт, — я пришел в себя и понял, что болезнь моя — есть посещение мне от Бога.

Проболев тринадцать дней, преподобный почил с миром о Господе, в двадцатый день месяца апреля, в субботу светлой седмицы. Тело его было положено с честью в пещере преподобного Феодосия, духом же он предстоит с этим достознаменитым преподобным пре-

---

[1] *Никола Святоша* (уменьшительное имя от мирского имени Святослав, как он назван был при рождении) — сын Давида Святославича, князя Черниговского, внук Святослава Ярославича, при котором была основана в Киеве Великая Печерская церковь; оставив мирскую блестящую жизнь, сделался великим печерским подвижником к удивлению всех современников. Скончался около 1143 года.

столу Владыки Христа, наслаждаясь неизреченных благ небесных. Да помолятся сии святые и о нас, чадах своих. Богу же, в Троице нераздельной восхваляемому, Отцу вместе с Сыном и Святым Духом, подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и всегда и в бесконечные веки. Аминь.

ПАМЯТЬ ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО **КЕЛЕСТИНА**, папы Римского

Этот преподобный был епископом города Рима при императоре Феодосии Младшем[1]. Он отличался высоким совершенством в жизни и слове, почему и удостоился избрания на епископскую кафедру Рима после того, как скончался папа Зосима и после него блаженный Вонифатий, преемник Иннокентия Великого[2]. Говоря и поступая во всем согласно апостольскому преданию, Келестин своими посланиями низложил нечестивого Нестория, в чем ему содействовал и блаженный Кирилл[3]. Составив множество и других достойных памяти словесных наставлений, он мирно скончался, переселившись в вечную блаженную жизнь, и торжествует в сонме апостолов и отцов[4].

---

[1] *Феодосий II Младший* царствовал с 408 по 450 год.

[2] Здесь, очевидно, ошибка. Папа Иннокентий I занимал Римскую епископскую кафедру с 402-го по 417 год, а за ним следовали: Зосима с 417 по 418 год, Бонифаций I — с 418-го по 422 год и Келестин — с 422-го по 432 год.

[3] В 430 году после Поместного Римского собора, осудившего Нестория, Келестин написал архиепископу Александрийскому Кириллу послание, в котором было сказано, что если Несторий через 10 дней после получения этого послания не признает веры, содержимой в Риме и Александрии, то будет низложен и отлучен. В то же время Келестин послал послание Константинопольской Церкви и архиепископу Антиохийскому Иоанну, в которых обличал заблуждение Нестория и извещал о том осуждении, которое будет произнесено, если Несторий будет упорствовать. Кириллу же Келестин поручил привести этот приговор в исполнение, как уполномоченному римского епископа.

[4] Кончина преподобного Келестина последовала в 432 году.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ПАВСИЛИПА

Святой мученик Павсилип пострадал при императоре Адриане[1] в то время, когда Евтропийскою провинциею управлял префект Луций[2]. Сперва святой был приведен к императору и объявил себя христианином, за что избит был железными палками. После этого его отдали на суд префекту Прецию, который долго склонял его принести жертву идолам и, не успев в этом, велел заключить его в оковы и усечь мечом. Когда святого мученика вели на казнь, то он разорвал оковы и убежал от стражей. Преследуемый ими, он молился, чтобы Господь принял дух его. И случилось по молитве святого: во время бегства он скончался. Тогда пришли христиане и с почестями, воспевая псалмы и священные песнопения, торжественно похоронили святое тело его.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ
ИРОДИОНА, АГАВА, РУФА, АСИНКРИТА, ФЛЕГОНТА и ЕРМИЯ

Святой апостол Иродион[3], родственник по плоти святого апостола Павла, происходил из киликийского города Тарса[4]. Он был спутником и сотрудником святых апостолов Петра и Павла и был ими же поставлен во епископа города Патары[5]. В сане епископа

[1] *Император Адриан* царствовал с 117 по 138 год.

[2] Здесь евтропийский префект неверно назван вместо европейского. Провинция Европа находилась во Фракии, в северо-восточной части Балканского полуострова.

[3] *Святой апостол Иродион*, как и прочие пять апостолов, воспоминаемые ныне, принадлежат к числу семидесяти апостолов. Память всех семидесяти апостолов совершается святой Церковью 4 января.

[4] *Тарс* — большой в древности город, находившийся в малоазийской области Киликии. Остатки этого города сохранились и теперь.

[5] *Патары* — ныне *Патрас* — большой торговый город в королевстве греческом на берегу Патрасского залива.

святой Иродион деятельно распространял учение христианское среди еллинов-язычников. Так как святой Иродион многих из язычников обратил ко Христу, то иудеи из зависти к этому служителю Божию, сговорившись с идолослужителями-еллинами, взяли святого силою и предали многоразличным мукам; при этом одни из мучителей без милосердия били святого, другие кидали в него камни, третьи ударяли его палками по голове. Один из мучителей ударил святого ножом настолько сильно, что он упал замертво; думая, что святой умер, мучители оставили его. Но святой апостол по благодати Божией остался живым и потом немало потрудился в Риме, проповедуя слово Божие вместе со святым первоверховным апостолом Петром. Святой апостол Павел, отправляя римлянам послание из Коринфа[1], приветствует в этом послании и Иродиона, бывшего тогда в Риме вместе со святым апостолом Петром: *Приветствуйте Иродиона, сродника моего* (Рим. 16, 11). Когда же святой апостол Петр был распят, тогда и святой Иродион, как свидетельствует Метафраст, вместе со святым Олимпом[2] и многими другими верующими, был усечен мечом[3].

Святой апостол Агав был исполнен дара пророческого. О нем упоминается в книге Деяний апостольских. Здесь сказано о нем, что, когда собрались из Иерусалима пророки во Антиохию, из числа их восстал один, *по имени Агав, предвозвестил Духом, что по всей вселенной будет великий голод, который и был при кесаре Клавдии* (Деян. 11, 27–28). В Кесарии[4] святой Агав предсказал апостолу Павлу об имеющих постигнуть его страданиях в Иерусалиме: *взял пояс Павлов и, связав себе руки и ноги, сказал: так говорит Дух Святый: мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме Иудеи и предадут в руки язычни-*

[1] *Коринф* — знаменитый в древности город древней Греции, лежавший в юго-восточном углу Коринфского залива между Ионическим и Эгейским морем. В настоящее время на месте древнего Коринфа существует местечко Куронто с пятью тысячами жителей. — Послание к Римлянам написано апостолом Павлом из Коринфа в 58 году.

[2] *Святой Олимп*, или *Олимпан*, — один из семидесяти апостолов. Память его — 4 января.

[3] Кончина святого апостола Иродиона последовала около 67 года.

[4] *Кесария Палестинская* — город на восточном берегу Средиземного моря, построенный царем иудейским Иродом на месте древнего города Стратон и названный так в честь кесаря Августа.

ков (Деян. 21, 11). Святой апостол Агав проповедовал Христа в разных странах и многих из язычников обратил к вере Христовой.

Святой апостол Руф, которого приветствует апостол Павел в послании к Римлянам такими словами: *Приветствуйте Руфа, избранного в Господе* (Рим. 16, 13), был епископом города Фив[1], в Греции.

Святой апостол Асинкрит, упоминаемый в том же послании апостола Павла к Римлянам (см.: Рим. 16, 14), был епископом в Гиркании — области Малой Азии.

Святые апостолы Флегонт и Ермий[2], упоминаемые в том же послании, были епископами: первый — во фракийском городе Марафоне, а второй — в Далмации[3].

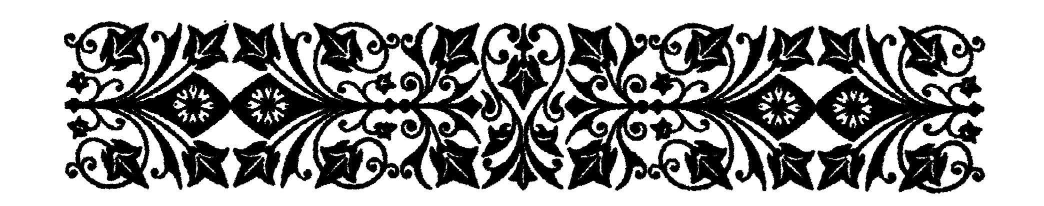
Все упомянутые апостолы от семидесяти много подвизались, благовествуя Евангелие Христово по всей вселенной и приводя ко Христу многих язычников. В разное время почти все они были подвергаемы различным мукам со стороны как иудеев, так и еллинов, и, приняв венец мученический, со славою отошли ко Господу.

[1] *Фивы* — главный город греческой области Беотии.

[2] Воспоминаемого ныне святого апостола от семидесяти по имени Ермия следует отличать от другого апостола от семидесяти по имени Ерма, бывшего епископом во фракийском городе Филиппополе. Память последнего совершается святой Церковью 4 января.

[3] *Далмация* — южная часть Иллирии, граничившая на севере с Паннонией, на западе с Италией и Адриатическим морем.

День девятый

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ЕВПСИХИЯ

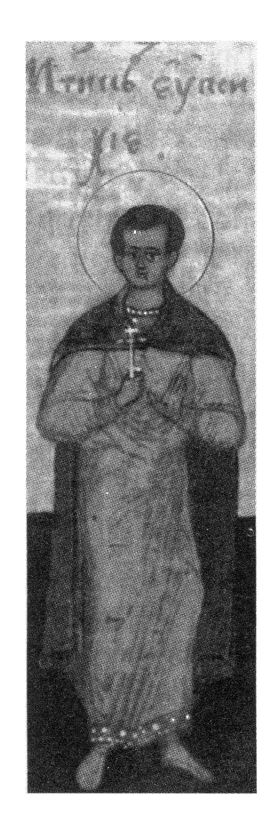
Святой мученик Евпсихий был сын знатных родителей, родился и получил воспитание в Кесарии Каппадокийской[1] и годы юности своей проводил непорочно в целомудрии христианском, седину имея мудрость и возраст старости — беспорочную жизнь (см.: Прем. 4, 9). В царствование богопротивного Юлиана Отступника[2] он вступил в законный брак и, когда еще не кончилось брачное торжество, показал великую ревность и любовь по Христе Иисусе.

В городе Кесарии было капище нечистого идола, которого называли Тихи, что значит фортуна, или счастье. Это капище было весьма почитаемо, и в нем царь Юлиан, когда бывал в Кесарии, ежедневно приносил свои нечестивые жертвы. Случилось так, что торжество по случаю брака Евпсихиева совпало с нечестивым идольским праздником. Увидев эллинов, идущих в капище для принесения жертв, святой Евпсихий воспламенился ревностью по Господе: взяв с собою множество христиан, он пошел и сокрушил идолов и храм идольский разорил до основания. Эллины тотчас донесли об этом царю Юлиану, а святой Евпсихий, имея в виду предстоящие ему за это страдания, раздал свое имущество нищим и приготовлялся к мученическому подвигу, пребывая в посте и молитвах. Царь же Юлиан,

---

[1] Имя *Кесарии* носило несколько городов. *Кесария Каппадокийская* — главный город римской провинции Каппадокии — в Малой Азии.

[2] *Юлиан Богоотступник* занимал императорский престол с 361 по 363 год.

услышав о разорении храма богов своих, исполнился великой ярости, гневаясь не только на Евпсихия, но и на весь город. Он тотчас повелел захватить всех почетных граждан и одних из них предал смертной казни, а других отправил в заточение и лишил имущества; отнял он также имущество и у всех церквей кесарийских, а духовных лиц велел записывать в военную службу и насильно отводить в полки. У города было отнято почетное имя «Кесария»[1], которое он получил в царствование Клавдия[2], и велено было называться прежним его именем «Маза»; он был исключен из числа городов и низведен в разряд селений, а на жителей его, верных христиан, была наложена великая дань с строжайшим приказанием непременно восстановить разоренное капище. Юлиан с клятвою угрожал, что он не перестанет держать город под опалою и не оставит в живых галилеян (так он называл христиан), если они не выстроят заново разоренного храма богов эллинских, — и эта угроза была бы приведена в исполнение, если бы богоненавистного царя не постигла скорая погибель[3].

Святого же Евпсихия, как главного виновника разрушения храма, Юлиан велел предать мучениям и принудить его к принесению жертв идолам. И вот святого мученика стали держать в узах, часто выводить на истязание и принуждать к идолослужению: ему давали обещание простить то, что он дерзнул разорить храм, если только он поклонится идолам. Но Христов воин не уступал и мужественно стоял в исповедании имени Христова. Его повесили на виселице и железными гребнями строгали до внутренностей, но он был укрепляем Ангелом, явившимся ему среди мучений. Наконец, после дол-

---

[1] Имя «Кесария» происходит от слова «кесарь» — титул римских императоров.

[2] Разумеется Римский император *Клавдий I*, царствовавший с 41 по 54 год.

[3] *Юлиан Богоотступник* скончался во время похода в Персию, пронзенный стрелою. Пред своею смертью он воскликнул: «Ты победил меня, Галилеянин!» — разумея под Галилеянином Господа нашего Иисуса Христа».

гих и тяжких истязаний, он был усечен мечом во главу[1], и из раны вместо крови чудесно истекло молоко с водою. Верные взяли святое тело его и похоронили с честью.

В это время Юлиан, отправляясь в поход на персов, проходил чрез Каппадокию и приближался к Кесарии; городу угрожала великая опасность, так как беззаконный мучитель уже явно высказывал намерение разорить город до основания. Тогда святой Василий Великий[2], воздавая Юлиану честь, как царю, вышел ему навстречу и поднес на благословение три ячменных хлеба, какими сам питался.

Царь велел своим оруженосцам взять эти хлебы, а святому Василию дать горсть сена со словами:

— Ты дал нам ячмень, скотскую пищу, получи же от нас сено.

Святой Василий Великий отвечал:

— Мы, царь, принесли тебе то, чем сами питаемся, ты же дал нам пищу скотскую; ты насмехаешься над нами, ибо не можешь властью своею претворить сено в хлеб — естественную пищу человеческую.

Юлиан же гневно сказал ему:

— Знай, что этим сеном я буду кормить тебя, когда возвращусь сюда из Персии. Я разорю город этот до основания и место его вспашу плугом и обращу в поле. Ибо мне небезызвестно, что по твоему совету народ дерзнул разорить изображение и храм Фортуны.

Сказав это, царь пошел в путь свой и вскоре погиб: он был убит святым великомучеником Меркурием[3], как о том говорится в житии святого Василия Великого.

По смерти Юлиана, народ кесарийский создал прекрасную церковь над гробом святого мученика Евпсихия, и святые его мощи источили струи исцелений во славу Христа Бога нашего, со Отцом и Духом славимого вовеки. Аминь.

---

[1] Это было в 362 году.

[2] Знаменитый отец и учитель Церкви, бывший в это время архиепископом Кесарии Каппадокийской. Скончался в 379 году. Память его — 1 января.

[3] *Святой Меркурий* воин пострадал мученической смертью в Кесарии Каппадокийской. Память его — 24 ноября.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА
ВАДИМА АРХИМАНДРИТА

Во время убиения святых сорока мучеников персидских, по приказанию царя Сапора[1], взят был и заключен в темницу святой архимандрит Вадим с семью своими учениками.

Святой происходил из города Вифлапата (в Персии), из очень богатого рода, но когда он решил быть иноком, то все свое богатство раздал нищим и, построив за городом монастырь, жил в нем добродетельно, стараясь во всем угодить Богу и исполнить святую волю Его. Ибо он был муж, исполненный благодати и истины и избранный сосуд Божий. Этот преподобный отец, водимый Божественною и совершенною мудростью, восшел на пустынную гору и, обитая на ней, получил благословение от Бога Спасителя своего и видел лицо Бога Иаковлева[2]. Он был для Персии в те времена как бы закваскою, — тою закваскою мученичества и твердого исповедания Христа, которая утверждала немощных в вере. Он поистине был камень веры, подобный древним христианам, — изрядный священник Божий, наставивший многих на путь спасения, мужественно и непоколебимо решившийся на мученичество за Христа и показавший великую ревность по Боге. Он был чист от всякой скверны и никакому злому делу не было в нем места: корыстолюбие далеко было от него, вожделения угасли и не могли вредить ему. Он был чужд всякой страсти к приобретению и не способен соблазниться золотом. Гордость пред ним смирилась, высокомерие было попрано им, как прах, нищета же и кротость возлюбили его. Правда приникла к нему и истина воссияла в нем; любовь объяла волю его, и мир облобызал его и возрадовался о нем (ср.: Пс. 84, 11–12). Согласие и единомыслие обитало в сердце его, и всяких плодов праведных был исполнен муж сей, и от плодов его духовных все насыщались всласть.

Четыре месяца пробыл он в темнице в узах, вместе с учениками своими, и каждый день был подвергаем жестоким побоям, но переносил их терпеливо, укрепляемый надеждою и искренней верой в Бога.

---

[1] Разумеется *персидский царь Сапор II*, прозванный Великим. Царствовал с 310 по 381 год.

[2] Выражение псалма 23, ст. 3–5.

В то время был некто Нирсан, начальник города Арии в области Видгерми. Этот Нирсан был христианин, и когда царь принуждал его поклониться солнцу, то он не хотел отречься от святой Христовой веры и был заключен в узы. Но потом он ослабел духом, устрашился предстоявших ему мучений, и не пребыл до конца в исповедании Христовом, но, возлюбив маловременную жизнь эту и суетную почесть от царя, лишился жизни Божественной и славы вечной. Однако, как покажет дальнейшее повествование, ему не пришлось воспользоваться удовольствиями мира сего: избегая мученичества, он впал в муки и ища земной славы, получил бесчестие за то, что временного и тленного царя предпочел небесному и вечному, дав обещание исполнять все, что повелит царь Сапор. Царь, услышав о таком решении его, весьма обрадовался и, вспомнив о святом Вадиме, тотчас приказал освободить его от оков и привести к нему из темницы, сказав предстоявшим ему вельможам:

— Если Нирсан собственными руками убьет Вадима, то будет освобожден от уз и получит все имущество Вадимово.

Эти слова царя были тотчас переданы Нирсану, и он согласился в точности исполнить царскую волю. Святой Вадим приведен был к Нирсану, и окаянный Нирсан, взяв обнаженный меч, приготовился убить мученика Христова, но, объятый страхом, он стал недвижим, как камень.

Тогда Христов раб, посмотрев на него, сказал:

— До того ли простерлась злоба твоя, Нирсан, что ты не только отрекся от Бога своего, но начинаешь убивать и рабов Его? Горе тебе, несчастный! Что будешь ты делать, когда предстанешь на страшный суд дать ответ вечному Богу? Я готов умереть за Христа моего, но мне не хотелось бы принять смерть от твоих рук.

Нирсан не устыдился этих слов, но не был в состоянии исполнить и царское приказание, и продолжал стоять в страхе. Наконец, утвердив лицо свое как камень и ожесточив сердце как железо, ударил мечом в выю мученика. Но так как руки убийцы дрожали, то он не мог убить святого сразу; только после многих ударов он едва отсек главу святому.

В таком страдании предал преподобный Вадим святую душу свою Богу, и все неверные, присутствовавшие при его кончине, удивлялись терпению мученика, ибо он, принимая многократные удары

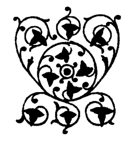
мечом, стоял неподвижно, как столп каменный. Над убийцей же все смеялись, как над трусом, и относились к нему с презрением.

Спустя немного времени Нирсан получил достойное возмездие за дела свои: от многих и различных душевных страданий он в отчаянии покончил жизнь свою самоубийством!

Святой Вадим принял мученическую кончину о Христе Иисусе в восьмой день апреля. Тело его, брошенное за городом, тайно взяли благоговейные мужи и погребли с честью. А семь учеников его остались в темнице и пробыли там четыре года, до смерти царя Сапора.

Когда они были отпущены с миром, им позволено было исповедовать христианскую веру, благодатью Господа нашего Иисуса Христа, Которому да будет слава вовеки. Аминь.

В тот же день **память святых мучеников: Дисана** епископа, **Марива** пресвитера, **Авдиеса и прочих двухсот семидесяти**, пострадавших от персидского царя Сапора, в 362–364 годах.

День десятый

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ТЕРЕНТИЯ
и прочих с ним

Нечестивый римский царь Декий[1], желая всех обратить в свою пагубную идолопоклонническую веру, послал во все области своего царства указ — всех христиан принуждать к идолослужению и вкушению идоложертвенного, а непослушных подвергать суду и казни. Когда этот указ был получен правителем Африки Фортунатианом, он, сев на судейском месте и созвав к себе весь народ, объявил:

— Принесите жертву богам, в противном случае будете жестоко мучимы и погибнете злою смертью.

При этих словах правитель показал орудие пыток, и многие при виде их устрашились и отреклись от веры Христовой. Некоторые же из верных, числом сорок, твердо решились умереть за Христа и со дерзновением говорили друг другу:

— Будем тверды, братия, не отречемся от Христа Бога нашего, чтобы и Он не отрекся от нас пред Отцом Своим небесным и святыми Ангелами Своими. Будем помнить, что сказал Господь: *не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне* (Мф. 10, 28). Когда рабы Христовы ободряли друг друга такими словами, Фортунатиан сказал им:

---

[1] *Император Декий* — известный гонитель христиан; царствовал с 249 по 251 год.

— Удивляюсь, каким образом вы, люди зрелого возраста и разума, дошли до такого безумия, что признаете за единого Бога и царя Того, Кого иудеи распяли как злодея.

Святой Терентий отвечал ему за всех:

— Если бы ты, правитель, оставив идольское заблуждение, познал силу Христа распятого, то поклонился бы и служил Ему; ибо Он есть Сын Божий благоутробный, милосердый и милостивый; по благоволению Бога, Отца Своего, Он сошел на землю, соединил Божество Свое с человечеством и для спасения нашего добровольно претерпел крест.

Правитель сказал:

— Принесите жертву богам, иначе сожгу ваше тело и погублю вас.

— Страхом ли думаешь устрашить нас? — отвечал святой Терентий. — Нет, мы не настолько слабы, чтобы оставить бессмертную жизнь и Подателя ее и поклониться идолам. Делай скорее, что хочешь делать, изобретай для нас мучения, ибо мы, рабы Христовы, тверды и постоянны.

Тогда правитель с гневом приказал раздеть их и вести в идольский храм. Идолы же были украшены золотом и серебром и дорогими одеждами. Войдя в храм, правитель сказал святым:

— Принесите жертву могущественному богу Геркулесу, ибо велика его сила и славно величие.

— Заблуждаешься, — сказал святой Терентий, — боги твои — камень и дерево, медь и железо, и украшены золотом, чтобы прельщать людей и отводить их от вечной жизни; ибо они не видят, не говорят, не слышат и не ходят, потому что слиты и обработаны руками человеческими: *Подобны им да будут делающие их и всякий кто надеется на них* (Пс. 134, 18). Скажите, могут ли ваши боги помочь себе самим или наказать своих обидчиков? А если они себе помочь не могут, то каким образом будут помогать нам?

Услышав эти слова, правитель приказал Терентия, Африкана, Максима и Помпея заключить во внутренние отделения темницы и крепко стеречь их, сказав:

— Завтра изведу их на испытание.

Блаженного же Зинона, Александра, Феодора и других, всего числом тридцать шесть, велел привести в судилище близ идольского храма и сказал им:

— От первого вашего словопрения не получилось никакого успеха и пользы, поэтому ныне послушайте меня и принесите жертвы великому богу Геркулесу.

Святые отвечали:

— Мы много раз говорили, что мы — христиане; это ты узнал с первых вопросов, и ты никогда не можешь убедить нас поклониться нечистым идолам.

Правитель сказал:

— Если не хотите послушаться моих увещаний добровольно, то заставлю вас силою исполнить повеление непобедимых царей, — и приказал их беспощадно бить сучковатым хворостом и сухими жилами.

Святые же мученики, воздев руки к небу, единогласно воззвали:

— Призри на нас, Господи Боже наш, помоги рабам Твоим и избавь нас от сопротивного.

Услышав это, правитель велел бить их сильнее, так что слуги много раз переменялись и не хватило хвороста и жил. Тогда правитель велел бить их палками, и хотя обнажились уже самые внутренности мучеников, но лица их были столь светлы и веселы, что все дивились непобедимому терпению и мужеству святых. После бичевания правитель сказал им:

— Принесите жертву богам, тогда я отпущу вас.

Святые молчали, а он в гневе приказал раскалить железные прутья и жечь плечи их, а раны поливать уксусом, смешанным с солью, и растирать суконными тряпками. Тогда святые Христовы мученики, воззрев на небо, сказали:

— Господи Боже наш, спасший от пещи огненной трех отроков: Ананию, Азарию и Мисаила, и избавивший от уст львовых Даниила, спасший Моисея от рук фараона и святую Феклу[1] защитивший от огня и зверей, дающий возлюбленным Своим совершенное торжество над врагами, воздвигший из мертвых Пастыря овец великого

---

[1] Разумеется *святая первомученица Фекла*, память которой празднуется 24 сентября.

Господа нашего Иисуса Христа (см.: Евр. 13, 20), явивший нам многие и разнообразные благодеяния, создавший свет и простерший небо как кожу, исчисляющий количество звезд; всех их называющий именами их (см.: Пс. 146, 4), распространивший истинное учение веры до пределов земли, — услышь нас молящихся Тебе и избавь нас от бед наших, ибо Твоя есть слава вовеки. Аминь.

Еще не окончили они молитву, как правитель, исполнившись ярости, опять повелел повесить их и строгать железными когтями, и полилась потоками кровь из ребер их; но, несмотря на лютость мучений, они нимало не ослабевали, ибо Бог утверждал их и подавал им крепость и силу. И сказал им правитель:

— Вразумили ли вас муки и готовы ли вы отступить от безумия своего? Или еще пребудете в вашем нечестии?

Святые ничего не отвечали, а правитель с яростью сказал:

— Вам говорю, нечестивые!

Тогда святые, воззрев на небо, сказали:

— Боже всесильный, проливший некогда огонь на город Содом за беззаконие его, разори и ныне этот нечестивый храм скверных богов ради истины Твоей.

При этих словах они сотворили крестное знамение на челах своих и дунули по направлению к капищу, и тотчас идолы пали в нем с великим грохотом и рассыпались в прах. Тогда святые мученики сказали правителю:

— Видишь, каковы боги твои; где ныне крепость и сила их? Могли ли они защитить себя?

Вскоре упал и храм и разрушился до основания. Тогда правитель, в страшном гневе за разорение храма и идолов, приказал святым мученикам отрубить головы. Они же обрадовались такому приговору, славили Бога и с радостью пошли на место казни, и здесь, преклонив колена, охотно простерли выи свои под меч ради Христа, и умерли от меча. Верующие взяли святые их тела и погребли на святом месте.

По убиении этих святых мучеников, правитель приказал привести к себе святого Терентия, Африкана, Максима и Помпея и сказал им:

— Принесите жертву богам, а иначе погибнете злою смертью, и никто вас не может избавить из рук моих.

Святые отвечали:

— Мы — христиане, и на Христа возложили надежду нашу; бесам же не поклонимся и не послужим богам твоим, и мук твоих не боимся. Назначай нам муки, какие хочешь; мы веруем Богу нашему, что ты будешь побежден нами, как диавол побежден Христом, Который даст нам силу победить злое твое намерение.

Правитель приказал святых мучеников отвести опять в темницу, возложить на выи их тяжелые железные колоды и заковать их руки и ноги в железные цепи, и в таком виде положить их на железные трезубцы, постланные на полу, в темницу же никого не пускать, чтобы кто не принес им пищи. Когда святые находились в таком мучении и молились Богу, в полночь воссиял в темнице свет, и Ангел Господень явился им и сказал:

— Терентий, Африкан, Максим и Помпей, рабы Бога вышнего, встаньте и подкрепите тела ваши.

Сказав это, Ангел прикоснулся к оковам их, и они тот час спали с них, и явилась пред ними трапеза, полная всяких яств.

И сказал Ангел:

— Отдохните и приимите пищу, которую Христос послал вам.

Святые, благословляя Христа Бога, подкрепились пищей и питием и воздали благодарение Владыке своему. Стражи, увидев свет в темнице, вошли внутрь и увидели святых мучеников радующихся и веселящихся и донесли о том правителю. Правитель, утром приведши мучеников на суд, сказал им:

— Не вразумили ли вас муки и не готовы ли вы отступить от безумия вашего? Приступите к богам и поклонитесь им.

Святой Терентий отвечал:

— Сохрани нас Бог от этого безумия, — нас и всех любящих Бога: ибо *немудрое Божие премудрее человеков* (1 Кор. 1, 25), и человеческая мудрость есть безумие пред Богом. Безумны были бы мы, если бы, оставив Бога, поклонились бесам, как делаешь ты.

Правитель, разгневанный этими словами, велел повесить их на виселице и строгать железными когтями. Претерпевая такое истязание, святые молились Богу и говорили:

— Иисусе Христе, Сыне Бога, живущего вовеки, свет христиан, крепкая надежда наша, будь с нами и помоги нам и не посрами нас, страждущих ради имени Твоего святого.

Молясь так, они не чувствовали мук, ибо Христос облегчал им боли.

Потом правитель велел опять ввергнуть их в темницу и, призвав волхвов и чародеев, умеющих заговаривать зверей и гадов, приказал им посредством заклинаний собрать самых лютых животных — аспидов, ехидн и змей и заключить вместе с мучениками в темнице. Но гады, ползая у ног святых мучеников, не прикасались к ним и не причиняли им вреда; святые же воспевали и славили Бога. Так они провели в темнице с гадами три дня и три ночи, а на четвертые сутки ночью правитель послал узнать, умерщвлены ли мученики гадами. Посланные, подойдя к темничным дверям, услышали, что святые узники поют и славословят Бога. Желая точнее узнать, что происходит в темнице, они взошли на кровлю и, раскрыв ее, увидели, что святые сидят, а Ангел Божий не допускает гадов приблизиться к мученикам. Увидев это, они ужаснулись и тот час сообщили о виденном правителю.

Рано утром правитель велел заклинателям удалить из темницы змей, аспидов, ехидн и всех гадов своих, а мучеников привести на суд. Когда заклинатели пришли к темнице и стали говорить обычные свои заклинания, гады не послушали их, но с великою яростью все устремились из открытых дверей на своих заклинателей и поразили их до смерти, а также и всех бывших там людей. После этого святые были приведены в судилище, и правитель, увидев их невредимыми, пришел в ярость и приговорил их к усечению мечом. Тогда страстотерпцы исполнились неизреченной радости и, идя с веселием на смерть, пели:

— Ты избавил нас, Господи, от обижающих нас, и посрамил ненавидящих нас.

Слуги, приведши их на место казни, исполняли то, что им было приказано, и исповедники Христовы восприяли венец мученический. Благоговейные мужи убрали святые тела их и с честью погребли за два поприща от города во славу Спасителя нашего Иисуса Христа, Который живет и царствует во веки веков. Аминь.

В тот же день **память святых мучеников Иакова** пресвитера, **Азадана и Авдикия** диаконов, в Персии, при Сапоре пострадавших около 380 года.

День одиннадцатый

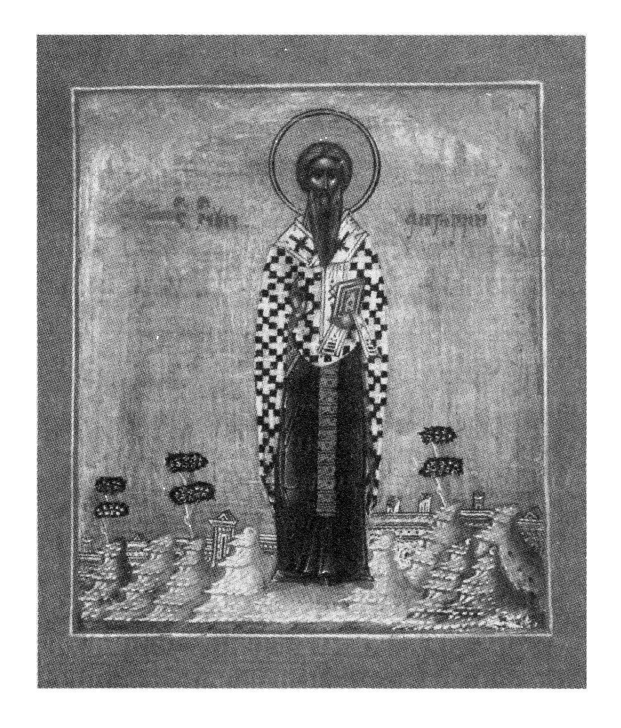
СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
АНТИПЫ,
епископа Пергамского

В царствование императора Домициана[1] открылось великое гонение на христиан, и ко всем князьям и правителям были разосланы указы, чтобы христиане беспрекословно повиновались царским велениям, приняли языческую веру и поклонились идолам. Тогда явилось множество верных, небоязненно исповедовавших слово Божие, и открылось великое мужество мучеников, подвизавшихся за Христа Спасителя. В это время был заточен на остров Патмос[2] и великий апостол, святой Иоанн Богослов, — этот столп Церкви, основание христианской истины и проповедник предвечного божества единородного Сына Божия. На Патмосе в откровении среди семи светильников явился ему Господь и повелел написать семи Ангелам, то есть епископам семи малоазийских церквей, и укрепить сонмы мучеников. При этом Господь воспомянул и о святителе Антипе, о котором предлежит настоящее повествование. Сказал Господь Своему ученику: *знаю твои дела, и что ты живешь там, где престол сатаны, и что содержишь имя Мое, и не отрекся от веры Моей даже в те дни, в которые у вас, где живет сатана, умерщвлен верный свидетель Мой Антипа* (Откр. 2, 13). Ибо святой Антипа

---

[1] *Римский император Домициан* царствовал с 81 по 96 год.

[2] *Патмос* — бесплодный, скалистый остров в Эгейском море, на юго-западе от Ефеса, между Самосом и Наксосом.

был епископом Пергамской церкви[1]. Из этих слов откровения Иоаннова видно, каков верный свидетель Христов был Антипа и каковы были жители города Пергама, который был жилищем сатаны. Среди них святой Антипа был как свет среди тьмы, как роза среди терния, как золото в грязи или, лучше сказать, в огненной печи по написанному: *испытал их как золото в горниле* (Прем. 3, 6). Там и закон природы не соблюдался и не было никакой рассудительности, но каждый мстил за себя, и сильный обижал слабого, и тот считался мужественным, добрым и праведным, кто бил или умерщвлял христиан. И когда неверные так притесняли и беспокоили общество христианское, блаженный Антипа, муж непоколебимый в вере и постоянный в добродетели, нимало не смущался, но, как бы переменив естество человеческое на ангельское, крепко и небоязненно стоял против врагов. Пренебрегая угрозами мучителей, он часто выходил в народ, и среди него сиял, как заря, и светом чистой и правой веры прогонял тьму идолопоклоннического заблуждения. Поэтому бесы (которых эллины считали за богов) все бежали оттуда, и ни один из них не смел пребывать в городе Пергаме, в коем жил святой Антипа. Бесы являлись своим жрецам в сновидениях и говорили, что они уже не вкушают жертв их и не обоняют курения жертвенного, так как их прогоняет начальник христиан. Тогда эллины

---

[1] *Пергам* — город в великой Мизии (в северо-западной части Малой Азии) был столицею Пергамского царства. В древности он славился богатством, роскошью и обширной библиотекой, также изобретением, или, вернее, усовершенствованием обработки пергамента (кожи для письма). Впоследствии этот город был присоединен к Римской империи.

разгневались и устремились на Антипу и, схватив его, повлекли на то место, где они обыкновенно приносили свои скверные жертвы. И сказал ему правитель:

— Ты ли тот Антипа, который и сам не исполняет царских повелений и других учит тому же, и так препятствует нашим жертвоприношениям, что ни одному из богов не дает насытиться туком жертвенным? Из-за тебя боги оставили наш город, и есть опасность, как бы какая беда не постигла его, так как они не захотят более охранять его. Довольно тебе коснеть в христианском волшебстве; теперь покайся и подчинись нашим законам, чтобы боги, обладающие этим прекрасным городом, не перестали иметь о нас попечение и охранять нас. А если не захочешь этого сделать, и не отречешься от своей веры и будешь презирать наше богопочитание, то по римскому закону подвергнешься достойному наказанию.

Святой Антипа ответил на это:

— Одно знай, правитель, что я — христианин и повиноваться безумному и нечестивому повелению царя отнюдь не желаю. Но так как на твои вопросы следует дать приличный ответ, то выслушай меня. Если ваши боги, которых вы называете владыками всей вселенной, прогнаны, как они сами говорят, смертным человеком, и если те, которых вы считаете за своих защитников и заступников, сами ищут вашей помощи, то отсюда легко можете познать свое заблуждение. Если они не могут наказать за причиненное им оскорбление и признают себя побежденными от одного человека, то каким образом могут избавить от беды весь род человеческий или хотя один город? Приняв это во внимание, вы должны хотя теперь отстать от пагубного своего заблуждения и уверовать во Христа, сошедшего с небес спасти род человеческий. Этот Христос в скончании веков воистину приидет судить всех и воздать каждому по делам его или муку, или почесть.

После такого благоразумного ответа правитель опять начал говорить святому Антипе:

— Вы повинуетесь новым, изобретенным вами, законам и уставам и пренебрегли богопочитание древнее, которое мы изначала приняли от предков наших и которое от них по наследству дошло до нас. Нехорошо отступать от обычаев праотцов наших, ибо старое лучше нового, и благонадежнее, и большей похвалы достойно то,

что утверждено древностью времени. Поэтому и ты должен переменить свое верование и не следовать Человеку, Который явился в недавнее время и некоторыми волхвованиями смутил жизнь человеческую, и был распят при Понтии Пилате. Итак, подчинись царским повелениям, и будешь жить с нами безбедно, и мы будем во всем помогать тебе и любить тебя сыновнею любовью; ибо старость твоя достойна того, чтобы мы любили и почитали тебя, как отца.

На это святой Антипа ответил:

— Хотя бы ты и бесчисленные доводы представлял мне, я не буду настолько безумен и бессмыслен, чтобы, достигши глубокой старости и приближаясь к смерти, переменить свою веру и ради этой несчастной и бесчестной жизни отступить от утвержденного исповедания веры. Итак, не прельщай ума моего, постоянно упражняющегося в чтении Божественных книг. Ибо сначала не было ни одного из богов ваших; они явились впоследствии и никакого добра не сделали и пользы от них нам никакой не произошло; но как сами они были гнусные и негодные, то так же и для других сделались виновниками злой и любострастной жизни. А если нужно хранить древние недобрые установления, то следует подражать и Каину братоубийце. Почему вы не последуете тем, которые хотели взойти на небо и не постыдились кровосмешения с своими сестрами, за что они и были истреблены потопом? Если и вы будете подражать беззакониям их ради их древности, то уже не водою, а огнем вечным и червем неусыпающим наказаны будете, если не покаетесь.

После этих слов нечестивые схватили святого мужа и повлекли к храму Артемиды[1], где находился медный вол: раскалив этого вола, они бросили в него святого мученика. Он же, сотворив крестное знамение, молился Богу, взывая:

— Боже, явивший нам сокровенную от века тайну Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого Ты открыл нам недоведомые глубины совета Твоего, благодарю Тебя за все благодеяния Твои, — за то, что Ты спасаешь нас, уповающих на Тебя, и сподобил меня чести в час этот быть вписанным в число святых мучеников, постра-

[1] *Артемида* — иначе *Диана* — известная языческая богиня у греков, олицетворяла луну и считалась покровительницею лесов и охоты. Служение этой богине отправлялось с великолепием и блеском.

давших за имя святое Твое. Приими дух мой, отходящий ныне от жизни этой, и дай мне обрести благодать у Тебя и у единородного Сына Твоего, — и не только меня, но и тех, которые будут жить после меня, сделай участниками милости Твоей, да всеми славится имя Твое святое вовеки. Аминь.

Этими и подобными словами долго молился святой Антипа, мучимый в раскаленном воле. Потом, сотворив молитву и обо всем мире, он предал дух в руки Божии, как бы уснув сладким сном, и восшел на небо, украшенный славным мученическим венцом[1]. Благочестивые мужи взяли святые мощи его и с честью похоронили их в том же городе Пергаме, и истекло от них миро, исцеляющее всякие болезни человеческие во славу Христа Бога нашего, со Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ПРОКЕССА и МАРТИНИАНА

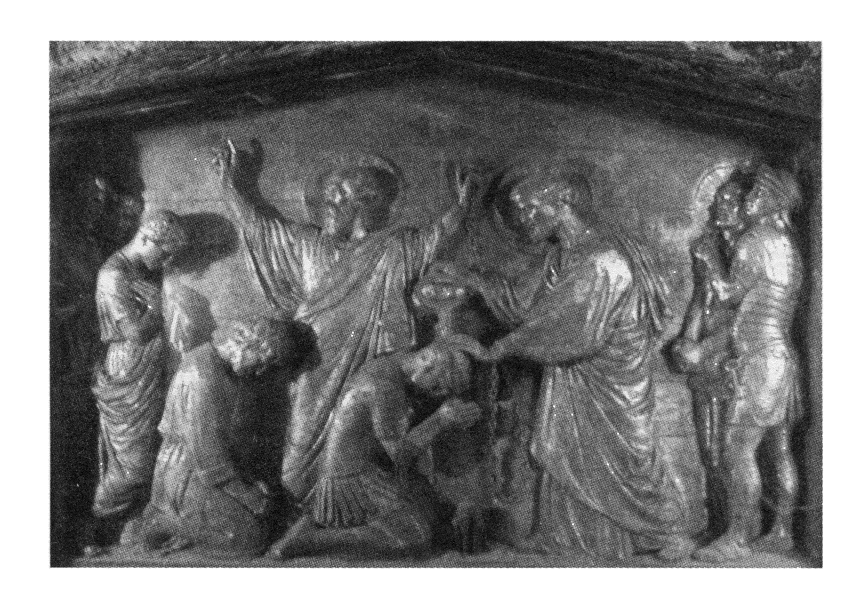
Святые мученики Прокесс и Мартиниан первоначально были язычниками и исполняли должность надзирателей в Мамертинской темнице[2], находившейся в Риме.

В ту темницу были заключены за проповедь христианства святые апостолы Петр и Павел. Видя чудеса, совершаемые апостолами в темнице, Прокесс и Мартиниан уверовали во Христа; когда же апостол Петр после молитвы, начертав крест на Тарпейской скале[3], из-

[1] *Священномученик Антипа*, епископ Пергама Асийского, скончался в 95 году, память его 11 апреля была особо чтима в Царьграде, куда при Феодосии Великом (379–395 гг.) был перевезен из Пергама бык, в котором сожжен был святой Антипа.

[2] *Мамертинская темница* находилась в северной части города Рима. Она предназначалась главным образом для государственных преступников, к числу которых относили и христиан. Эта темница в реставрированном (восстановленном) виде сохранилась и теперь, причем те отделения темницы, где были заключены апостолы Петр и Павел, как священное место, охраняется католиками с особенным вниманием.

[3] *Тарпейская скала* находилась на западной стороне Капитолийского холма в Риме. В древнем Риме эта скала служила местом, откуда сбрасывали приговорен-

вел из горы воду, то крестились не только Прокесс и Мартиниан, но и все прочие, заключенные в темнице, в числе сорок семь человек.

Прокесс и Мартиниан, уверовав во Христа и приняв крещение, отпустили апостолов из темницы; но Сам Господь явился апостолу Петру на пути его из Рима, сказав ему, что Он опять идет на распятие, и заставил его этими словами возвратиться в Рим, где он снова был взят воинами.

Между тем начальнику Прокесса и Мартиниана, Павлину, было донесено, что они сделались христианами. Призвав к себе святых, Павлин начал увещевать их оставить христианство; когда же они стали возражать ему и хулить идолов, он приказал бить их по устам. Вслед за тем, когда после новых — сколько настойчивых, столько же бесплодных и тщетных увещаний, святые остались твердыми в своем исповедании, они были повешены на мучилищном древе, жестоко сечены острыми орудиями и опаляемы огнем по бокам. Но святые

ных к смерти преступников. По сказанию римской легенды, эта скала получила свое наименование по следующему поводу: Тарпея, весталка (девственница, служившая при языческом алтаре), во время войны Ромула с сабинским царем Титом Тацием, соблазнившись обещанием золота, впустила сабинян в Капитолий. Так как по условию сабиняне должны были дать Тарпее то, что носили на левой руке, то взойдя на Капитолий, они закидали изменницу, вместо ожидавшихся ею браслетов, щитами, под тяжестью которых она и умерла. С тех пор этот утес и стал называться Тарпейской скалой.

мужественно переносили все эти страдания, причем их ободряла и утешала одна римская женщина по имени Люцина.

Между тем наказание Божие не замедлило постигнуть нечестивого мучителя. Павлин, отдавший приказание мучить святых, был тут же наказан от Бога лишением левого глаза и, будучи мучим злым духом, чрез три дня умер.

Сын Павлина настоял пред префектом[1] Рима, чтобы предать тотчас святых мучеников казни, почему они и были усечены за стенами города Рима[2]. Честны́е тела их были взяты упомянутою Люциною и погребены с подобающими святым мученикам почестями.

В тот же день **память преподобного Фармуфия**, жившего в IV веке в той же пустыни, где подвизался в колодце преподобный Иоанн, воспоминаемый 29 марта, которому Фармуфий служил, питая его.

[1] *Префект* — начальник города.

[2] Кончина святых мучеников последовала во второй половине I столетия. Мощи их покоятся ныне в Ватиканском соборе апостола Петра, в приделе их имени.

День двенадцатый

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОЙ МАТЕРИ НАШЕЙ
АФАНАСИИ

Описание жизни и подвигов святых для назидания читающих или слушающих есть не только заслуживающее похвалы и спасительное дело, но и исполнение апостольской заповеди, повелевающей совершать воспоминание в честь их. Это и заставляет нас предложить, хотя бы краткое, повествование о жизни блаженной Афанасии, тем более, что добрые примеры ее жизни, как события уже давно минувшего времени, могут забыться, и многие лишились бы таким образом весьма назидательных уроков для своей души.

Эта достойная восхваления и соименная бессмертию жена[1], явившаяся в своей добродетельной жизни верной и благой рабой небесного Владыки, происходила от благочестивых и благородных родителей — Никиты и Марии; они жили на острове Эгине[2], где и родилась отроковица, ставшая впоследствии избранным сосудом Святого Духа. Еще в семилетнем возрасте она быстро выучилась чтению Псалтири и, отличаясь любовью к книгам, особенно прилежно занималась чтением святого Писания. Однажды, во время работы за ткацким станком, она увидела спускавшуюся к ней сверху блестящую звезду, которая, дойдя до ее персей и осветив ее всю, исчезла. От этого времени отроковица просветилась душою: возненавидев суету мира, она решила идти в монастырь. Но родители сильно вос-

---

[1] *Афанасия* с греческого языка в переводе на русский значит «бессмертие».

[2] Остров этот находится близ Греции.

противились благому намерению своей дочери и принудили ее, вопреки желанию, выйти замуж. В браке она прожила лишь шестнадцать дней, после чего неожиданно овдовела: внезапно на ту страну напали дикие мавры, так что муж Афанасии должен был идти на войну, где и был, по неисповедимому промыслу Божию, убит. Овдовев, Афанасия снова решила удалиться в монастырь, но, прежде чем она успела привести в исполнение свое желание, пришел указ царя, требующий, чтобы девы и молодые вдовы вступали в брак с его воинами. Убеждаемая своими родителями, Афанасия вторично вышла замуж. И в новом замужестве она не оставляла заботы о своем спасении: не прельщаясь удовольствиями и не предаваясь излишней заботе о временных благах, она почти все время проводила или в чтении святого Писания, или в пении псалмов. Кротость и искреннее смирение составляли ее главное украшение, поэтому домашние не могли не относиться к ней иначе, как с любовью, а соседи, знавшие ее добродетельную жизнь, — не отзываться о ней с похвалою. Она так любила помогать бедным, что иногда в ее богатом доме не находилось уже ничего для подаяния: она с честью принимала приходящих к ней иноков и странных, с любовью давая им приют; вдовым, сирым и всем нуждающимся она щедро раздавала необходимое для жизни. Одно время, когда настал в той стране сильный голод, многих доведший до нищеты, Афанасия кормила не только единоверных, но и живших там язычников: умирая от голода, приходили они к блаженной Афанасии, и она давала им не только пищу и одежду, но и все остальное, в чем они нуждались, исполняя таким образом слово Господне: *будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд* (Лк. 6, 36), *да будете сынами Отца вашего небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных* (Мф. 5, 45).

В воскресные и праздничные дни Афанасия радушно приглашала к себе своих соседок и читала им святое Писание, внушая им любовь к Богу и наставляя их в добродетельной жизни. Так, постоянно возрастая в богоугодной жизни, Афанасия украшалась добродетелями подобно тому, как поле весной украшается цветами. По истечении нескольких лет замужества, она убедила своего мужа отречься от мира с его соблазнами и пойти в монастырь: он внял наставле-

ниям своей супруги и, сделавшись истинным, проводившим достойную своего звания жизнь иноком, с миром, спустя некоторое время после пострижения, отошел ко Господу.

Оставшись свободной, блаженная Афанасия посвятила всю свою жизнь исключительно на служение Богу. Найдя других благочестивых жен, обладавших такою же любовью к Богу и имевших одинаковые с нею намерения, она с радостью примкнула к ним. Вскоре, раздав свое имение нищим и постригшись от одного благочестивого старца, жены удалились от мира, избрав для безмолвной жизни некоторое уединенное место. Спустя три или четыре года, несмотря на отказ блаженной Афанасии, жены убедили ее принять над ними начальство.

Но она, хотя и носила звание игумении, считала себя за последнюю между ними по заповеди Господней: *кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою* (Мф. 20, 26). И трудно подыскать слова для выражения всей высоты ее смирения: считая себя недостойной даже пребывания среди жен, она тем более считала себя недостойной принимать от них услуги: она, поэтому, не позволяла никогда ни одной из них прислуживать себе, хотя бы возлить на руки воду. Воздержание ее было очень велико: только вечером вкушала она немного хлеба и воды пила не более того, сколько нужно для утоления жажды; елей и вино, сыр и рыбу она употребляла с благодарением Богу только лишь в праздники Рождества Христова и Светлого Христова Воскресения; во святую Четыредесятницу и остальные посты пищею ей служила одна невареная зелень, которую она принимала лишь через два дня; воды же в те дни она употребляла как можно меньше. Камни, положенные на земле и покрытые острою власяницею, были для нее постелью, которую каждую ночь, подобно Давиду (см.: Пс. 6, 7), она обливала своими слезами; и эти слезы, возбуждаемые любовью к Богу и сознанием своей греховности, при молитвах и псалмопениях лились из ее очей, как потоки. Верхняя одежда Афанасии состояла из овечьей шерсти; на теле же она носила острую власяницу. Спала она очень немного, но большую часть ночи проводила в усердной молитве к Богу и в благочестивых размышлениях, а днем или одна или вместе с другими женами она занималась пением псалмов. Она забо-

тилась о том, чтобы ни один час не проходил без молитвы, постоянно славословила Господа, подражая Давиду, который говорит: *Благословлю Господа во всякое время; хвала Ему непрестанно в устах моих* (Пс. 33, 2).

До самой кончины своей, с того дня как вошла в монастырь, она ни разу не вкусила ни одного садового плода. Много горя видела Афанасия, управляя сестрами и заботясь о них, и однако, по смирению и кротости, она ни одной из них никогда не сказала укоризненного или оскорбительного слова; никто не слышал от нее чего-либо обидного, ни малый, ни большой, ни раб, ни свободный; многократные преслушания со стороны сестер она переносила кротко и спокойно, надеясь на воздаяние в будущей жизни. После четырехлетнего управления сестрами блаженная Афанасия пришла к мысли переселиться из этого места в другое, где было бы более удобно служить Богу в безмолвии. По Божию усмотрению она нашла одного инока — старца, бывшего священником и игуменом, по имени Матфея, человека добродетельного и святого. Узнав о благом намерении жен, он указал им желаемое место на том же эгинском острове: это была одна пустынная гора, в которой сохранялась и древняя церковь во имя святого первомученика Стефана. Увидя это место, преподобная Афанасия сказала: я давно уже духом знала о нем и думаю, что мы проживем здесь до самой смерти. Преподобный Матфей, с благословения епископа той страны устроил при церкви святого Стефана обитель для блаженной Афанасии с сестрами.

Достойна упоминания, хотя в немногих словах, жизнь преподобного Матфея. Этот преподобный отец возложил на себя великий подвиг: каждую ночь он прочитывал Псалтирь, присоединяя к чтению еще молитвы; когда же наставала необходимость подкрепиться сном, то он спал не лежа, но сидя и то самое малое время. При пении псалмов, чтении молитв или при принесении бескровной жертвы он приходил в столь сильное умиление, что не мог удержаться от слез, и присутствовавшие не могли не извлечь для себя пользы из такого трогательного зрелища. Преподобный Матфей носил одну только острую власяницу и совершенно иссушил великим воздержанием и подвигами свою плоть. Особенную любовь имел он ко свя-

тому евангелисту Иоанну Богослову, возлюбленному ученику Господа Иисуса Христа. Однажды летом, в день памяти святого апостола, преподобный Матфей, приступая к совершению Божественной литургии, сказал одному из сослуживших ему пресвитеров: «Кто достоин ныне того, чтобы быть во Ефесе и видеть там святого евангелиста Иоанна Богослова?»[1] После этих слов он вздохнул от всего сердца и сильно заплакал. И произошло чудесное событие: преподобный и два его сослужителя-священника узрели святого Иоанна Богослова, стоящего при престоле; видение продолжалось до конца литургии. От этого зрелища святой Матфей пришел в такое умиление и исполнился такой духовной радости, что не мог в течение трех следующих дней вкушать пищи. Однажды к преподобному был приведен совершенно расслабленный человек: сжалившись над ним, он снял с себя мантию и одел ею расслабленного, и тот тотчас выздоровел. Другой человек пришел к нему, имея по действу диавола перекошенное лицо, и когда преподобный прикоснулся рукою к его лицу, творя над ним крестное знамение, то оно приняло сейчас же свой обычный вид. Также одна старица, мучимая нечистым духом, пришла ко святому и по его молитвам освободилась от мучителя. Подобным же образом исцелена была и другая жена — инокиня, тоже страдавшая от нечистого духа.

Но этот, как видно из сейчас рассказанного, великий угодник Божий, получивший от Господа дар исцелений, по неисповедимым судьбам Божиим скончался в воде насильственной смертью. Корабль, на котором ехал преподобный, направляясь в Царьград, утонул со всеми бывшими на нем людьми. Остров Эгина поэтому лишился мощей преподобного отца, которые для многих бы явились источником исцелений. После него пресвитером и игуменом был скопец от рождения по имени Игнатий; по своей добродетельной жизни и дарам, полученным от Господа, он был подобен преподобному Матфею; не уклоняясь от пути богоугодной жизни до самой смерти, он честно отошел ко Господу; при гробе его изгонялись бесы и получались исцеления от болезней.

---

[1] Преподобный Матфей потому упоминает об Ефесе, что последние годы своей жизни святой апостол провел в этом малоазийском городе, управляя малоазийскими церквами (Откр. 1, 11; 2 и 3).

Теперь возвратимся опять к повествованию о житии преподобной Афанасии.

Было сказано, что преподобная Афанасия обладала великою кротостью и смирением: почти постоянно молясь Богу, она, взирая на небо, видела иногда удивительное, возбуждавшее в ней ужас, зрелище: она видела рассеивающее солнечные лучи светлое облако и посредине его какого-то мужа, блиставшего неизреченною красотою. Это многократное видение возбуждало в ней удивление и заставляло спрашивать себя: кто одарил мужа такою красотою? За какие добродетели он удостоился столь великого прославления? Во время этих размышлений ей послышался как будто бы голос, обращающийся к ней с такими словами: мужа, которому ты дивишься, украсило подобным образом смирение, соединенное с кротостью; знай, что через эти добродетели и ты достигнешь того же.

Ежедневно, созерцая указанное чудесное явление, преподобная с такою ревностью украшала себя смирением и кротостью, что трудно было подыскать подобного ей в этом отношении человека: в ней не было заметно и малейшего следа гнева или превозношения, она преуспевала и в остальных добродетелях, почему и могло ее неомраченное грехом душевное око созерцать на небе чудесные явления. Вместе с тем Господь удостоил ее и дара чудотворений. Однажды, когда она наедине предавалась благочестивым размышлениям, пришел к ней человек, у которого сильно болели глаза, и просил ее помолиться о нем Богу. Она же со смирением и, как бы утешая его, сказала:

— Я также терплю глазную болезнь, терпи и ты, и Бог тебе поможет.

Но он не отходил от нее, прося с верою исцеления. Тогда блаженная Афанасия возложила ему на глаза свою руку со словами:

— Господь наш Иисус Христос, исцеливший слепого от рождения, да дарует и тебе, брат, совершенное исцеление.

И тотчас человек избавился от своей болезни. Слава о блаженной Афанасии распространилась по всей стране: множество больных приходило в монастырь, получая здесь по молитвам преподобной исцеление. При церкви святого Стефана преподобная Афанасия устроила еще три: одну — во имя Пресвятой Богородицы,

другую — во имя святого Иоанна Предтечи, и третью — во имя святителя и чудотворца Николая; особенно она украсила церковь Пресвятой Богородицы, получая все необходимое для ее устройства от благочестивых людей, глубоко уважавших преподобную.

Но слава и почет от людей, стеснение от приходящих породили в ней недовольство и желание уединиться в каком-либо ином месте. Взяв двух сестер, Марину и Евпраксию, она тайно удалилась в Константинополь, где и пробыла в одном женском монастыре семь лет. Сильно тоскуя по любимой, созданной ее трудами, церкви Пресвятой Богородицы, она часто говорила со слезами:

— Стеснения и тщетное почитание человеческое заставили меня удалиться от церкви Владычицы моей Богородицы; избегая суетной славы, я покинула великолепный храм Ее и сижу теперь здесь как странница.

Однако преподобная и там не могла остаться в неизвестности, и здесь Бог прославил рабу Свою: она начала изгонять бесов и исцелять больных. Молва о ней дошла и до сестер ее, живших в эгинском монастыре: придя к блаженной Афанасии, они умоляли ее возвратиться с ними в свой монастырь, к чему побуждало ее и некоторое видение. Преподобная сказала сестрам Евпраксии и Марине: «Пора нам возвратиться к себе: в видении я зрела открытую церковь Пресвятой Богородицы, откуда повелевалось нам войти в нее».

И, оставив Царьград, она возвратилась с сестрами на остров Эгину в свой монастырь. Здесь, спустя короткое время после возвращения, она сильно разболелась и за двенадцать дней узнала о своей смерти: она видела двух мужей, одетых в белые ризы, которые, приблизясь к ней, подали ей написанную хартию и сказали: «Вот освобождение твое; возьми и возвеселись». Придя в себя после видения, она узнала, что скоро ей должно будет отойти ко Господу, и поэтому она двенадцать дней пребыла в молитве и благочестивых размышлениях, не употребляя ни пищи, ни питья; окружавшим же ее сестрам она говорила:

— Пойте, сестры мои, и непрестанно хвалите Бога, чтобы Он был милостив ко грехам нашим.

Когда настал двенадцатый день, преподобная сказала, обращаясь к ним:

— Помогите мне, так как я уже очень ослабела, — идите в церковь и докончите чтение Псалтири, а я уже более не могу, потому что почти совсем лишилась сил.

Они с плачем вопрошали ее:

— До которого псалма ты дочитала? Откуда мы должны начать чтение?

Она тихо отвечала:

— Сейчас читаю девяностый псалом и более не в состоянии.

Сестры пошли и докончили чтение Псалтири. Затем они пришли и пали пред одром преподобной, прося у нее последней о себе молитвы. Она помолилась за всех и, обняв Марину и Евпраксию, сказала:

— Сестры мои возлюбленные, вот в этот день мы разлучаемся, но в будущем веке Бог опять соединит нас; да даст вам Господь мир любви, единодушие и да ниспошлет на вас Свои щедроты.

Во время этих и других ее прощальных слов лицо ее просияло как свет, так что присутствовавшие исполнились удивления и ужаса. Между тем приближался праздник Успения Пресвятой Богородицы, и преподобная говорила сестрам:

— Смотрите не забудьте чего-либо нужного к празднику; пусть и служение совершается благочинно и сиротам, нищим и вдовым устройте праздничную трапезу; после же Божественной литургии предадите земле убогое мое тело.

Сказав это и обняв указанных сестер, она почила в Господе, как бы уснув обычным естественным сном. Она была точно живая: сама смежила очи и сомкнула уста, так что не было нужды в обычном по смерти служении. Сестры же, припадая к ее телу, так оплакивали сиротство свое:

— Куда, — говорили они, — удалилась ты, святая матерь наша, соименная бессмертию? Неужели ты совсем оставила нас осиротелых, удалившись от глаз наших? Где мы увидим еще твое ангелоподобное лицо? Где услышим твой голос, утешающий в скорбях и наставляющий на добрые дела? Угас светильник, вселявший в нас бодрость и надежду! Вот ты спишь, а мы близки к смерти от тоски по тебе; мы более не увидим тебя, участвующую с нами в богослужении и поучающую нас словами и собственным примером. Господь взял тебя в Свои бессмертные обители.

С таким плачем убирали они честнóе тело преподобной.

Блаженная Афанасия скончалась 14 августа, в навечерие праздника Успения Пресвятой Богородицы; в самый же праздник она после совершения Божественной литургии была с честью погребена при неутешных рыданиях сестер. Сестра, принявшая после преподобной власть игумении, не отходила день и ночь от ее гробницы, и явилась ей во сне святая Афанасия, говоря: «Верь, не сомневаясь, что в сороковой день по своей кончине я прииму уготованное мне от Господа». Игумения, проснувшись, недоумевала, что означают видение и слова преподобной. В сороковой день сестры забыли, как иногда бывает, сотворить обычное поминовение, думая, что он настанет еще через двое суток. В этот день вечером явилась святая игумения и сказала:

— Зачем вы забыли сороковой день и ничего не сотворили для моего поминовения — не подали нищим и не приняли, как следовало, желавших помянуть меня.

Игумения, встав, тщательно сосчитала дни и убедилась, что действительно настал уже вечер сорокового дня, в который надлежало совершать поминовение. Утром на следующий день, когда совершали поминовение, во время Божественной литургии две инокини, начальницы хора, которым Бог отверз душевные очи, увидели в храме дивное зрелище: в храм вошли два благолепных мужа, одетые в светлые ризы, ведя преподобную Афанасию; поставив ее пред святым алтарем, они надели на нее украшенную драгоценными камнями царскую порфиру и возложили на главу ее царскую корону, увенчанную сзади и спереди крестом, и дали в руку, также украшенный драгоценными камнями, золотой скипетр, затем, взяв ее под руки, ввели Царскими вратами во святой алтарь.

В Прологе повествуется еще следующее о блаженной Афанасии. Отходя ко Господу, она заповедала сестрам ежедневно, в течение всего сорокоуста, ставить нищим поминальную трапезу. Но они исполняли ее повеление лишь до девятого дня, а потом перестали. Тогда святая явилась им с двумя Ангелами и сказала:

— Зачем вы забыли мое завещание? Знайте, что милостыня и молитвы иерейские, приносимые за душу в течение сорока дней, умилостивляют Бога: если души усопших были грешны, то Господь дарует им отпущение грехов; если же они праведны, то молящиеся за них будут награждены благодеяниями.

Сказав это, преподобная воткнула в землю свой жезл и стала невидима; сестры, встав утром и видя жезл ее расцветший, прославили Творца всего Бога. Так повествует Пролог.

Спустя год после преставления преподобной Афанасии, в день ее поминовения, пришли, как рассказывает Метафраст, в монастырь два священных мужа, приведя с собою женщину, мучимую злыми духами. Сняв с гробницы покров, они раскопали землю и вынули самый гроб с телом преподобной, и тотчас удалились нечистые духи, и женщина сделалась здоровой. От гроба же распространялось благоухание, и окружающие увидели каплющее из него миро. Тогда открыли гроб и глазам присутствовавших явилась преподобная точно сейчас только уснувшая: лицо ее сияло благолепием; тело, источавшее миро, было мягко, так что руки сгибались; ничто не подверглось тлению. Это зрелище исторгло у всех из очей невольные, радостные слезы. Священные мужи, закрыв гроб, решили не полагать мощей в землю, но поставить их открыто в храме, что́ и исполнили: потом, устроив новую гробницу, переложили в нее честны́е мощи блаженной Афанасии. Инокини же, сняв с мощей власяную одежду, приготовили новую, шелковую, но когда хотели облечь в нее честные мощи, то не могли этого сделать по нежеланию святой Афанасии. Она, как живая, крепко держала руки при персях, противясь намерению сестер: она не желала шелковой одежды, и по смерти любя нищету. Одна из инокинь, за свою добродетельную жизнь ставшая избранным сосудом Святого Духа, преклонила колена и молилась, обращаясь к преподобной как бы живой:

— Госпожа наша, как во время своей жизни с нами ты всегда оказывала беспрекословное послушание, так и теперь благоволи послушать нас и облачиться этою, приносимою нами, смиренною одеждою.

Когда она помолилась, преподобная Афанасия послушала ее, и, о, чудо! Поднявшись, села, простерши руки для одеяния; после же облечения она опять легла во гроб. И много чудес совершалось при ее святых мощах: получались исцеления от всякого рода болезней, бесы оставляли людей по ее святым молитвам; недостанет даже времени для подробного описания всех ее чудес, и пусть не сожалеют об этом читающие или слушающие ее житие: будем довольствоваться хотя и кратким, но все-таки полезным повествованием о преподобной.

Ты же, блаженная Афанасия, почтенная именем бессмертия, сожительница Божественных Ангелов и Евангельски ради Христа обнищавшая, и обогатившаяся божественными дарами, всегда плакавшая и ничем не нарушимое утешение обретшая, в жажде и алчбе временную жизнь проводившая и вечное блаженство получившая, к нищим милостивая и от Бога помилованная, ты, за чистоту сердечную приявшая свет Святого Духа и мир в душу свою, соделавшаяся храмом Святого Духа и сокровищницею добродетелей на земли, за что и сподобилась неизреченного прославления на небеси, ты, водворившаяся в сонме святых и разделяющая блаженство с ними, помяни и нас, восхваляющих твое добродетельное житие и с радостью духовною почитающих твою память. Призри на житие наше, проводимое среди мятежных мирских волн, чтобы молитвами твоими праведно пожив, мы избежали диавольских сетей и сподобились вместе с тобою вечного блаженства благодатью Господа нашего Иисуса Христа, с Ним же Отцу и Святому Духу слава, честь и поклонение и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ИСААКА СИРИНА

Святой Григорий Двоеслов, папа Римский, в своем диалоге с диаконом Петром[1] рассказывает следующее о святом Исааке. Во времена древних готов близ города Сполето жил весьма праведный муж по имени Исаак; он пробыл здесь до конца владычества готов[2], и его знали многие жители Рима. Из них особенно чтила святого

[1] Этот диалог, или разговор, содержится в известном сочинении святого Григория Великого (540–604 гг.): «Собеседование о жизни и чудесах италийских отцов», за которое он и получил название Двоеслова. Сочинение состоит из четырех книг и содержит в себе рассказы о подвигах благочестивых людей, совершаемых ими при содействии благодати Божией; сведения для этих рассказов святой Григорий заимствовал частью из собственных разговоров с италийскими отцами, частью их доставлял ему епископ Сиракузский Максимилиан.

[2] Приблизительно до начала второй половины VI века, когда окончательно пало владычество готов в Италии.

Исаака одна девица Грегория, жившая в Риме при храме Пресвятой Богородицы. Во дни своей юности Грегория была обручена, но, когда настало время бракосочетания, она поспешила в церковь, желая получить иноческий образ; преподобный Исаак избавил Грегорию от родственников, хотевших силою извлечь ее из церкви, и, при содействии Божием, постриг ее в инокини; таким образом Грегория, презрев земного жениха, удостоилась обручения небесному. О святом Исааке святой Григорий Двоеслов узнал особенно много от честного отца Елевферия, находившегося в близких отношениях с преподобным, и то, что он передавал о святом Исааке, вполне подтверждалось другими сведениями о его жизни. Святой Исаак был родом не из Италии, но мы опишем здесь лишь те чудеса, которые он содеял в этой стране.

Когда преподобный Исаак пришел из Сирии в Сполето, то он прежде всего вошел в церковь; здесь он попросил пономарей разрешить ему молиться в церкви столько времени, сколько он хочет, хотя бы даже он пожелал остаться на ночь в храме, когда уже будут закрыты церковные двери. И, став на молитву, он без отдыха провел в ней двое суток с половиной. Заметив это, один из пономарей, отличавшийся гордостью, — последняя и довела его до согрешения, возбудив в нем несправедливое негодование на преподобного, — начал поносить святого Исаака бранными словами, называя его лицемером, притворно молившимся почти трое суток для приобретения известности; затем, подойдя к преподобному, он ударил его по щеке, требуя, чтобы тот, как лицемер, оставил с бесчестием храм. Тотчас же этого пономаря постигло наказание: по Божию попущению на него внезапно напал нечистый дух и, причиняя ему сильные мучения, поверг его к ногам Божия человека с криком: «Исаак меня изгонит!»

Никто до этого объявления имени нечистым духом не знал, как называется странник. Преподобный наклонился над мучимым, и его тотчас оставил нечистый дух. Весть о происшедшем в церкви быстро разнеслась по городу, и тотчас мужи и жены, богатые и бедные поспешили ко храму, чтобы пригласить в свой дом угодника Божия; одни обещали ему устроить монастырь с селами и имениями, другие желали его снабдить пищею и всем необходимым для

жизни. Но раб всесильного Бога отринул все обещание предлагавших: выйдя из города, он нашел невдалеке пустынное место, где создал себе маленькую келию. Сюда к нему стало стекаться много народа: видя его добродетельное житие, некоторые из приходивших возгорелись любовью к вечной жизни и под руководством преподобного посвятили себя исключительно на служение Богу; таким образом создался монастырь. Когда ученики святого Исаака просили его, чтобы он ради монастырских нужд принимал приносимые ему дары, то он, твердо сохраняя нищелюбие, отвечал: монах, приобретающий имения, уже не монах; он так же боялся утратить свою нищету, как богатые скупцы опасаются потерять свои сокровища.

Святой Исаак был одарен духом пророческим; благодаря своим чудесам и своей, сиявшей как свет, добродетельной жизни, он сделался известен всем жителям той страны. Однажды, когда день уже склонялся к вечеру, он велел братии бросить в огород все заступы, какие только имелись в монастыре, и, когда на другой день братия встали для утреннего молитвословия, преподобный сказал: с восходом солнца приготовьте для наших работников пищу. После того как в указанное время была приготовлена пища, святой Исаак велел захватить ее, отправился с братией в огород; здесь они нашли столько работников, сколько вечером было брошено заступов. Последние были воры и проникли в огород с целью грабежа; но, войдя в него, они оставили свое дурное намерение и, взяв находившиеся здесь заступа, начали работать с первого часа, когда проникли в огород, до времени прихода к ним преподобного; за это время они вскопали всю невозделанную в огороде землю. Подойдя к ним, святой Исаак сказал: «Радуйтесь, братия! Оставьте работу, потому что вы много потрудились за ночь». Отдав им принесенную с собою пищу, он просил их подкрепиться и отдохнуть от трудов. Когда они насытились, преподобный обратился к ним с такими словами: «Оставьте с этого времени всякое желание творить злые дела; если вам понадобится что-нибудь из огородных растений, то входите открыто, просите нужного и берите с благословением; а воровство бросьте». Потом преподобный приказал собрать им столько ярового хлеба, сколько они желали. Таким образом вошедшие в огород с

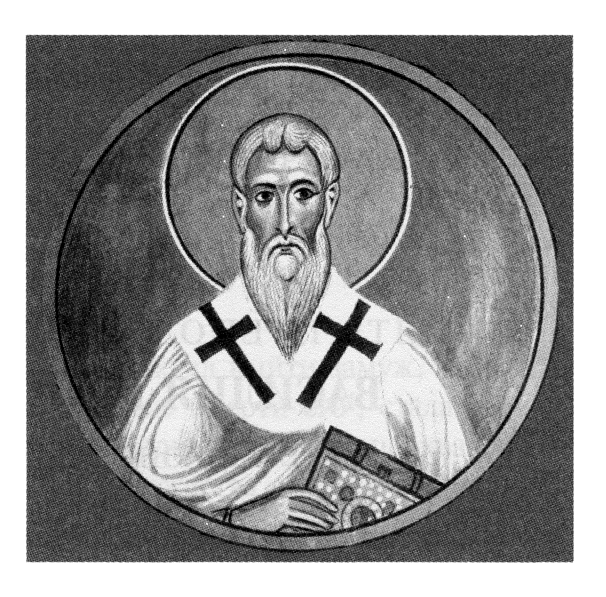
дурным намерением, отягощавшим грехом душу, удалились из него без греха, с благословением, неся награду за свой труд. В другое время ко святому Исааку пришли какие-то странники, одетые в ветхое рубище, и просили у него одежды. Велев им немного обождать, преподобный призвал одного из своих учеников и сказал ему тайно: поди в рощу за монастырем, там в одном месте есть дерево с дуплом; те одежды, которые найдешь в нем, возьми и принеси сюда. Брат отправился куда было указано и, поискав, действительно нашел в дупле спрятанные одежды; захватив, он отдал их наедине учителю. Получив одежды, угодник Божий отдал их странникам со словами: так как вы наги, то вот возьмите и оденьте. Они взяли и узнали в одеждах свои собственные, нарочно спрятанные ими; их объял великий стыд, потому что, думая обманом получить чужую одежду, они принуждены были принять свою. Случилось также, что один благочестивый человек послал преподобному со слугою две корзины с яствами, прося святого помолиться о нем. Слуга одну корзинку спрятал дорогой, а другую принес угоднику Божию, передав просьбу пославшего. Молча приняв корзину, святой Исаак затем дал такое наставление слуге: я приемлю дары, ты же смотри, прикасайся осторожнее к скрытой тобою на пути корзине: в нее влезла змея, и если ты, не остерегшись, протянешь руку, она ужалит тебя. Эти слова сильно устыдили слугу и возбудили в нем, с одной стороны, боязнь, а с другой — радость при мысли, что узнал о змее, от которой мог бы умереть.

Так повествует святой Григорий Двоеслов о преподобном Исааке Сириянине. От него сохранилась книга «подвижнических слов», заключающая в себе весьма полезные наставления для иноков; за свою жизнь он и сам удостоился от Бога вписания в книгу и живота вечного и с сонмом святых предстоит одушевленному Слову Отчу, Христу Сыну Божию, Ему же со Отцом и Святым Духом слава вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА **ЗИНОНА,** епископа Веронского

Святой Зинон был родом грек и происходил из Сирии. Путешествуя по разным странам с намерением получить христианское образование, он пришел в Италию и поселился здесь в городе Вероне[1]. Жители этого города, видя добродетельную жизнь святого, избрали его своим епископом.

Хотя гонения на христиан в это время уже прекратились, но еще повсюду было множество язычников, которых Зинон и просвещал светом учения христианского. Сверх того, ему пришлось вести борьбу с арианами[2]. В этой борьбе он оказался твердым исповедником истин православия, не отступившим от него несмотря на гонения, воздвигнутые на православных императорами, покровительствовавшими арианству, Констанцием[3] и Валентом[4].

Потрудившись много на пользу Церкви Божией и достаточное время руководив своею паствою, святой Зинон отошел с миром ко Господу[5].

---

[1] *Верона* — один из древнейших городов Италии, выстроенный в I веке до Рождества Христова. В настоящее время Верона — первоклассная итальянская крепость.

[2] *Ариане* учили, что Сын Божий не равен Богу Отцу и есть Его творение. Основателем этой ереси был александрийский пресвитер Арий. Учение его было осуждено на I Вселенском соборе, происходившем в Никее в 325 году.

[3] Император римский, *Констанций* царствовал с 353 по 361 год.

[4] Валент управлял Римской империею с 364 по 378 год.

[5] Кончина священномученика Зинона последовала около 380 года.

За свои великие подвиги святой Зинон был удостоен от Бога дара чудотворений. Святой Григорий Великий[1] повествует о следующем чуде, случившемся в день памяти святого в 558 году.

В этом году в Италии было необыкновенное наводнение. Главная река Италии, Тибр[2], вышла из берегов, так что все окрестности Рима были залиты водою. Река Атесис, протекавшая близ города Вероны, также вышла из берегов своих; воды ее окружили храм, построенный в честь святого Зинона, и, поднимаясь все выше и выше, достигли, наконец, до самых окон церкви. Двери церковные были отворены, но вода не вошла в храм а стала как бы стеною при дверях, так что многие из бывших в храме подходили к дверям и утоляли жажду, черпая воду руками своими.

Много и других чудес было совершено по молитвам угодника Божия Зинона.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО **ВАСИЛИЯ ИСПОВЕДНИКА,** епископа Парийского

В Парии, древнем городе Малой Мизии, со времени распространения в нем христианства была учреждена епископская кафедра, подчиненная кизическому митрополиту. Среди епископов Парии числился и преподобный Василий, избранный епископом за свою добродетельную, богоугодную жизнь. При возникновении иконоборческой ереси преподобный Василий явился истинным исповед-

[1] *Святой Григорий Великий (Двоеслов)* — знаменитый учитель Западной Церкви, живший в VI веке. Из его сочинений особенно замечательны: «Диалог о жизни италийских отцов» (за это сочинение, написанное в диалогической, то есть разговорной, форме, святой Григорий и получил прозвание «Двоеслов»); «Правило пастырское», содержащее в себе рассуждения о том, каков должен быть пастырь и как он должен исполнять свои обязанности; Чин литургии преждеосвященных Даров; беседы на Евангелие и книгу пророка Иезекииля и др. См. житие его под 12 марта.

[2] *Святой Зинон* оставил после себя некоторые сочинения, — именно шестнадцать пространных и семьдесят семь кратких наставлений, или бесед, касавшихся разного рода религиозно-нравственных вопросов.

ником Христовым: избегая всякого общения с еретиками, он не дозволял им действовать в своей епархии и не согласился, несмотря на все принуждения, подписать письменного постановления об уничтожении икон. За эту ревность по вере он принужден был переносить гонения и поругания со стороны еретиков, проводя, подобно апостолу Павлу, жизнь в скорбях, бедах и теснотах, постоянно переселяясь из одного места в другое. При своем благочестии и стремлении охранять чистоту учения Церкви преподобный Василий не мог не ненавидеть нечестивые соборы еретиков, и поэтому он не вступал в сношение с ними. Благоугодив Господу своею жизнью, преподобный Василий с миром отошел к Нему.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОЙ
АНФУСЫ

Святую Анфусу отец ее долго побуждал выйти замуж, но она не согласилась на это и, когда, после смерти его[1], стала свободною, то все имущество свое раздала бедным, а также церквам и монастырям. Она была матерью для множества сирот и защитницею вдов. Благочестивая императрица Ирина[2] не раз усиленно просила ее жить вместе с нею и участвовать в управлении империей, но она решительно от этого отказалась. Во время своего пребывания во дворце она снаружи носила богатые одежды царской дочери, а под ними власяницу[3], употребляла скудную пищу и пила одну только воду, причем в глазах ее всегда были слезы, а в устах — церковные песнопения. Приняв потом пострижение в Омонийской обители[4] от

[1] *Император Константин Копроним* скончался в 775 году, вступив на престол после зятя своего Артабазда в 743 году.

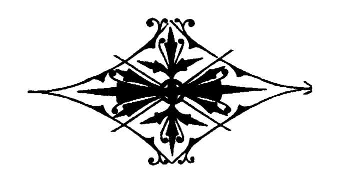
[2] *Императрица Ирина*, супруга Льва Хозара, управляла государством за малолетством сына своего Константина Порфирородного с 780 по 802 год. Ревностная почитательница святых икон, она содействовала созванию VII Вселенского собора, утвердившего в Церкви догмат иконопочитания.

[3] *Власяница* — нижняя одежда, сплетенная из конского волоса и носимая подвижниками на голом теле.

[4] *Омонийская обитель* находилась в Константинополе. Известна тем, что в храме ее происходили заседания II Вселенского собора.

руки святого Тарасия[1], она стала инокиней и с тех пор ни сама не выходила из обители, ни другой кому-либо из сестер не дозволяла этого[2]. Не пропуская ни одного церковного богослужения, лишая себя отдыха, она не теряла бодрости в молитве и не ослабевала в молитвенных бдениях, причем слезы сокрушения всегда текли из глаз ее. Смирение ее было выше всякой меры, так как она служила всем сестрам, убирала церковь, носила воду, во время трапезы никогда не садилась за стол и прислуживала другим. Проведши таким образом всю свою жизнь, преподобная с великим богатством добродетелей отошла ко Господу, имея от роду пятьдесят два года[3].

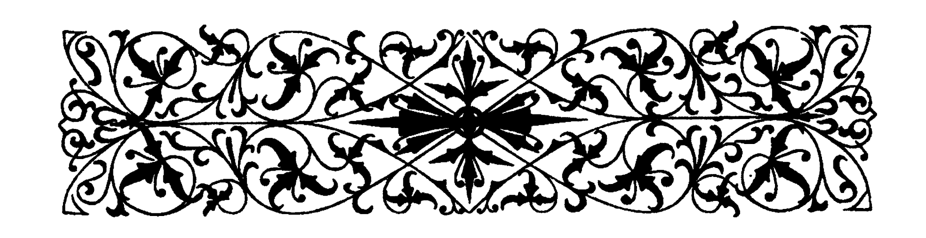
В тот же день **памяти преподобномучеников Мины, Давида и Иоанна**, от сарацин стрелами пронзенными в Палестине.

[1] *Святой Тарасий* был патриархом в Константинополе с 784 по 806 год. Память его празднуется 25 февраля.

[2] *Преподобная Анфуса* приняла иноческое пострижение в Константинопольском монастыре святой Евфимии, а потом перешла в Омонийский монастырь, где была игуменией.

[3] Преподобная Анфуса скончалась 12 апреля 811 года.

День тринадцатый

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
АРТЕМОНА

В царствование Диоклетиана возникло великое гонение на христиан[1]: по всем городам и областям римского государства были разосланы мучители, чтобы принуждать христиан приносить жертвы и поклоняться идолам, противящихся же предавать казням и смерти. Между прочими такой посланец, по имени Патрикий, пришел и в

---

[1] В царствование Диоклетиана с 284 по 305 год было издано четыре указа против христиан. *Первый* был объявлен в феврале 303 года. Этим указом предписывалось разрушение церквей и сожжение святых книг, вместе с тем христиане лишались гражданских прав, чести, покровительства законов и своих должностей; рабы христиане утрачивали право на свободу, если, получив ее по какому-либо случаю, оставались в христианстве. Вскоре был издан *второй* указ, которым повелевалось всех предстоятелей церквей и других духовных лиц заключать в темницы; таким образом указ касается одних только духовных лиц; последних обвинили пред императором как зачинщиков восстания в Сирии и Армении, к несчастию для христиан начавшегося вслед за появлением первого указа. В том же 303 году последовал *третий* указ: всех заключенных на основании второго указа велено было принуждать к принесению жертв под опасением пыток за сопротивление. Наконец, в 304 году был обнародован последний, *четвертый* указ, которым объявлялось повсеместное гонение на христиан; «великое гонение», о котором говорится в данном житии, очевидно, относится к гонению, последовавшему за четвертым указом. Из-за этого указа пролилось более всего христианской крови: он действовал целых восемь лет, до 311 года, когда император Галерий особым указом объявил христианство дозволенной религией. Гонение Диоклетиана было последним; в нем христианство почти после трехвековой борьбы одержало окончательную победу над язычеством.

Лаодикийскую область[1], где и приступил, не медля, к исполнению повеления царева. Еще до прибытия Патрикия, узнав о его скором пришествии, епископ Лаодикийский, блаженный Сисиний, в сопровождении святого пресвитера Артемона и некоторых христиан, проник ночью в капище богини Артемиды[2] и сжег, предварительно разбив, всех находившихся в нем идолов. Затем, возвратившись в свою христианскую церковь, находившуюся на расстоянии пяти поприщ от города, он совершил обычное богослужение и обратился к верным с таким наставлением:

— Дети мои, носятся слухи о приближении к городу антихриста для избиения христиан: не бойтесь, чтобы ничто — ни огонь, ни меч, ни звери, ни другие лютые смертные казни не могли отлучить вас от любви Христовой.

Когда Патрикий прибыл в город, то прежде всего принес жертву в капище Аполлона; в тот же день он устроил зрелища для народа и объявил царский указ, запрещавший исповедание христианства. После пятидневной забавы зрелищами и охотой Патрикий захотел принести жертву Артемиде, но, войдя в капище ее, он не нашел там, к своему удивлению, идолов.

— Где они? — спросил он.

Некоторые из окружавших его греков отвечали, что изваяние Артемиды и других идолов уничтожил епископ Сисиний при участии своего священника Артемона и других христиан. На вопрос Патрикия, где теперь находится епископ с христианами, ему сказали, что все христиане собрались в свою церковь. Патрикий тотчас сел на коня и отправился в сопровождении вооруженных воинов к христианской церкви, намереваясь христиан умертвить, а Сисиния с Артемоном предать смертной казни чрез рассечение на части. Но когда Патрикий был уже близок к цели своего путешествия и до церкви оставалось не больше одного поприща, вдруг его объяла такая силь-

---

[1] Эта область находится в Малой Азии.

[2] *Артемида* — богиня охоты у греков, первоначально, вероятно, богиня луны.

ная дрожь, что он упал с коня; эта дрожь сменилась чрезмерным жаром, и Патрикия принуждены были внести на носилках в первый попавшийся на пути дом. Ночью, окруженный воинами, сидевшими со свечами и ожидавшими смерти своего начальника, он сказал своим наиболее близким слугам:

— Христиане меня прокляли, и их Бог меня мучит.

Те отвечали:

— Сильные боги и светлая богиня Артемида возвратят тебе здоровье.

Испытывая сильные боли и не думая уже остаться в живых, Патрикий сказал воинам:

— Идите в христианскую церковь и скажите епископу Сисинию: так говорит царский посол — Патрикий: велик Бог христианский! Помолись Ему, чтобы мне избавиться от моей тяжелой болезни; тогда я сделаю из золота твое изображение и поставлю его посредине города.

Воины пошли и передали слова Патрикия епископу. Последний велел передать ему следующий ответ:

— Золото твое пусть останется при тебе; если уверуешь в Господа нашего Иисуса Христа, будешь здоров.

Патрикий вторично отправил к епископу послов, говоря:

— Верую в твоего Бога, только бы мне исцелиться.

Епископ помолился о нем, и тотчас Патрикий сделался здоров, совершенно избавившись от болезни.

Спустя несколько дней по своем выздоровлении Патрикий отправился в палестинский город Кесарию. Когда он отошел от Лаодикии приблизительно на три поприща, то встретил на пути святого пресвитера Артемона, возвращавшегося с молитвы: он ловил диких зверей словом Христовым, и за ним следовало два оленя и шесть диких ослов. Святой Артемон вел их к епископу Сисинию, которому очень хотелось иметь диких зверей в своем саду. Приказав остановиться колеснице, Патрикий спросил раба Божия Артемона:

— Как ты поймал этих зверей?

— Я поймал их словом Христа моего, — отвечал он.

— Мне думается, — спросил снова Патрикий, — что ты, старец, христианин?

Святой Артемон сказал на это:

— От юности моей я христианин.

Тогда Патрикий приказал заковать святого двумя цепями и передал его двум воинам, чтобы они вели святого Артемона за ним до Кесарии. Не имея возможности продолжать свой путь, святой Артемон обратился к следовавшим за ним зверям и приказал идти к епископу Сисинию. Те пошли и остановились при дверях церковной ограды. Епископ спросил привратника:

— Откуда пришли эти звери?

Один из оленей, получивший от Бога дар слова, сказал:

— Раб Божий Артемон взят нечестивым царским послом, и его связанного ведут теперь в Кесарию; нас же он послал к тебе.

Епископ ужаснулся, слыша человеческую речь от оленя, и вместе с тем опечалился, узнав о взятии святого Артемона. Призвав диакона Филеа, он сказал ему:

— Явилось новое чудо! Вот из этих зверей, которых ты видишь сейчас, один олень человеческою речью передал мне, что раб Божий Артемон схвачен нечестивым Патрикием и, связанный, отправлен в Кесарию; я не могу удержаться от ужаса, видя оленя, обладающего даром слова, и — от скорби при мысли о случившемся с Артемоном. Возьми просфору и иди со слугою в Кесарию; разузнай, справедливо ли переданное оленем.

Диакон взял просфору и, помолившись, отправился в сопровождении слуги в дорогу. Придя в Кесарию, он действительно нашел там святого Артемона, заключенного в темницу. Сердечно приветствовав его, он сказал ему:

— Раб Бога Вышнего и пастырь словесных овец, мы до сих пор не знали бы, как ты разлучился с нами и впал в руки мучителя, если бы не рассказал епископу об этом олень; по этой причине он послал меня сюда, чтобы проверить справедливость сказанного им; епископ очень скорбит о тебе.

Святой Артемон отвечал:

— Иди, слуга Божий, и возвести моему владыке, святому епископу, что я взят на мучение за Христа и сижу в темнице; пусть он помолится о мне, чтобы я мог победить козни христоненавистника мучителя и удостоился, таким образом, сделаться сопричастником Христу.

Поцеловав друг друга, они расстались: диакон возвратился к себе, а святой Артемон остался в темнице. Когда диакон, возвратившись, передал епископу слова святого Артемона, то последний со слезами помолился, говоря:

— Господи Иисусе Христе, избавивший Даниила из уст львовых, спасший трех отроков от огненной пещи Навуходоносора, избавь и раба Твоего Артемона от враждебного Патрикия, дай ему силы для преодоления козней мучителя и сопричти его к лику святых мучеников.

В один день, устраивая в Кесарии зрелища, Патрикий приказал привести к себе святого Артемона и спросил его:

— Скажи нам, старец, как тебя зовут?

Он ответил:

— Я называюсь рабом Христа Бога моего и есть Артемон.

— Это ты разбил изваяние великой богини? — сказал Патрикий.

— Я именно, — ответил святой.

— Скажи мне, — спросил снова Патрикий, — как ты преодолел силу богини и не пощадил ее изображения? Как не убоялся наказания: ведь она лишь по кротости своей еще не отняла у тебя жизни?

— Молясь моему Богу, — возразил святой Артемон, — я одержу победу даже над тобою и мучениями твоими; тем более я мог преодолеть мертвого и немого идола.

Патрикий сказал:

— Услыхав твое имя — Артемон, я подумал, что ты раб богини Артемиды; полагаю, что она и жизнь тебе сохранила за твое тезоименитство с нею.

Святой Артемон воскликнул на это:

— Беззаконный, нечестивый и потемненный умом сын диавола, если хочешь знать об имени моем, то пусть тебе будет известно, что оно даровано мне Богом еще в то время, когда я находился во чреве матери.

Патрикий продолжал, увещевая:

— Пожалей твою старость и седины, принеси жертву великому в этом городе богу Асклипию[1].

— Шестнадцать лет, — отвечал святой, — я был чтецом в церкви моего Бога, двадцать восемь лет был диаконом, читая святое Еванге-

---

[1] *Асклипий*, или *Асклепий*, — бог врачевания.

лие; тридцать три года я носил пресвитерский сан, уча и наставляя с помощью Христовою людей на путь спасения, и теперь ты требуешь, чтобы я, подражая тебе, принес жертву бесу, находящемуся в бесчувственном идоле, но все-таки я хочу посмотреть твоего бога и испытать силу его.

Патрикий сказал:

— Великой силой и славой обладает бог Асклипий: кто не принесет ему курение с молитвою пред дверями его храма, тот не может войти внутрь.

В капище же Асклипия жили змеи, которым однажды в год приносили жрецы сладкую пищу.

— Пойдем ко храму Асклипия, — сказал святой Артемон, — и если он не дозволит мне войти в него, то я принесу ему курение.

И вот когда святой приближался в сопровождении Патрикия и народа к капищу Асклипия, то змеи, точнее заключавшиеся в них злые духи, не вынося приближения одаренного силою Христовою мученика, подняли страшный свист и смятение в капище, так что оно колебалось точно дерево от ветра; видя это, Патрикий и народ бежали от страха. Патрикий сказал святому:

— Смотри, как велика сила Асклипия, который никому не допускает войти к себе без предварительного вознесения ему курения.

— Вели жрецу открыть храм, чтобы мне войти туда, — попросил святой Артемон Патрикия.

Тот велел одному из жрецов сделать это. Жрец, по имени Виталий, сказал, обращаясь к Патрикию:

— Дозволь сказать твоей пресветлой власти, что я не могу открыть храма, прежде чем не вознесу курение с молитвой, ибо велик гнев бога Асклипия.

Взяв кадило и вознеся обычное курение, он открыл двери капища, а сам тотчас отбежал прочь. Тогда Патрикий, стоя вдали, сказал святому:

— Старец, если можешь войти, то войди!

Святой Артемон приблизился к дверям и, сотворив крестное знамение, безбоязненно вошел внутрь, и змеи сделались неподвижны. Святой же обратился к истинному Богу с такою молитвою:

— Господи Боже мой, чрез раба Своего Даниила сокрушивший вавилонского Вила и змея убивший, Ты и теперь силою Твоею чрез

меня грешного сокруши главы змей этих, чтобы прославилось Твое святое имя!

После этого он запретил змеям вредить кому-либо и, приказав им следовать за собою, вышел вместе с ними вон. Увидав вышедших из храма змей, народ и Патрикий пришли в ужас и бросились бежать. Святой же Артемон воскликнул вслед им:

— Что вы бежите? Не бойтесь, остановитесь и поглядите теперь, как силою истинного Бога, в Которого я верую, умрут перед вашими глазами эти змеи.

Затем он дунул на них, и они тотчас стали мертвы, простершись пред ногами его, как пораженные молнией. И сказал святой Артемон Патрикию:

— Видишь, как почитаемые вами боги умерли силою Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа.

Ужасался народ и Патрикий, видя убийство змей без какого-либо орудия; из них один был так велик, что имел пять локтей в ширину и двадцать пять в длину. Жрец же Виталий воскликнул громким голосом:

— Велик Бог христианский и велика сила мужа сего, одним дуновением убившего змей этих!

Потом, припав к ногам святого, он говорил:

— Раб Господа вышнего, я не отступлю от тебя, умоляя: знаменай и меня силою Бога твоего, чтобы мне сделаться совершенною овцою твоего стада; до сих пор я пребывал в обольщении, веря в идолов и этих змей, а теперь я познаю истинного Бога.

Нечестивый же Патрикий, будучи слеп душою, хотя и видел столь великое чудо, не хотел познать истинного Бога: он полагал, что святой Артемон убил змей не силою Божиею, но силою волшебства. Не вынося стыда и исполнясь гнева за свое посрамление и убийство змей, он велел снова схватить святого мученика и представить на свой несправедливый суд для истязаний. Здесь он с гневом сказал святому:

— Если ты не откроешь, какою силою убил змей, клянусь великой богиней Артемидой и светозарным Аполлоном[1], я рассеку тебя на части.

---

[1] *Аполлон* — бог солнца, покровитель искусств.

— Силой Христовой, при содействии посланного от Бога Архангела Рафаила я убил ваших змей, — отвечал святой Артемон.

— Может ли Распятый жидами иметь такую силу? — усомнился Патрикий.

Тогда святой воскликнул:

— Обезумевший от злобы, наследник ада и древний змей, ты уже слышал, так услышь и еще, что силою моего Бога умерли ваши змеи.

После этих слов Патрикий исполнился ярости и приказал раскалить железную сковороду; потом он велел протянуть на ней обнаженного мученика и колоть его раскаленными железными прутьями, обрезая острым железом члены; при этом он говорил святому Артемону:

— Видишь, непокорный старец, как страдает твое тело от мук.

Страдалец же, подняв очи к небу, молился:

— Господи Иисусе Христе, не попусти язычнику посмеяться надо мной, рабом Твоим; Тебе известно, что я за Тебя терплю страдание; даруй мне терпение для их перенесения, чтобы посрамился враг. Услышь, Боже, молитву мою и приими моление мое, Боже Саваоф! Ты сотворил небо и землю и исполнил чудес всю вселенную; Ты — Господь всего, и никто не может противостоять Тебе; по милости Твоей спаси меня, Господи. Ты показал невинность беззаконно убитого незлобивого отрока Авеля, Ты вознаградил угодника Твоего Еноха, взяв его на небо, Ты сохранил Ноя в ковчеге и чрез благословение возвысил священника Мелхиседека[1], Ты прославил за жертву Авраама, умножил чад Иакову, избавил от огня содомского Лота, возвеличил за терпение Иова. С Твоей помощью Иосиф победил плотские страсти и восторжествовал над врагами. Моисей, раб Твой, и все праведные, над которыми Ты явил силу Твою, показывающую их благочестие, восхваляют Тебя, прославившего их Бога. И я, Господи, раб Твой, молю Тебя: помилуй меня по милости Твоей и помоги мне силой Твоей.

---

[1] Святой Артемон упоминает здесь о следующем событии ветхозаветной истории. Когда Авраам возвращался после победы над царями, захватившими в плен его родственника Лота, то ему навстречу вышел с хлебом и вином Мелхиседек, царь Салимский и священник Бога Вышнего, и благословил Авраама (Быт. 14, 1–20; Евр. 7, 1); в этом благословении выразилось более высокое достоинство Мелхиседека пред Авраамом, ибо, говорит святой апостол Павел: «Без всякого же прекословия меньший благословляется большим» (Евр. 7, 7).

Во время молитвы святого в Кесарию прибежал олень, говоривший в Лаодикии с епископом человеческим голосом; выйдя на переполненную народом площадь, он припал к честным стопам мученика и лизал их. Потом, получив опять по Божию повелению дар слова для обличения нечестивого и его посрамления, он стал против Патрикия и начал говорить:

— Познай, нечестивец, что нет ничего невозможного для Бога: чтобы показать Свою силу, Он может одарить речью и бессловесных. Знай, что раб Божий Артемон скоро избавится от мучений, а ты будешь схвачен двумя птицами и ввергнут в кипящий котел за то, что бесчеловечно мучишь праведного человека и отвергся от Бога, Которого признал истинным и в Которого уверовал.

Видя в обличении диким животным не что иное, как только волхвование, нечестивый Патрикий пришел в ярость и приказал убить воинам оленя; один из них взял копье и с силою бросил его в последнего, но олень отскочил, а копье ударило в одного приближенного Патрикия и пробило ему чрево, так что тот сейчас же умер. Патрикий сожалел о нем и удалился с судилища в дом свой, приказав опять свести в темницу мученика.

Утром же он велел наполнить смолою большой котел и разварить ее, чтобы бросить в него вниз головою мученика. Когда приказание было исполнено, то Патрикию доложили о том, что все готово; он же, желая сам видеть казнь святого Артемона, сел на коня и поехал к котлу, но в то время, как он уже приблизился к нему, два Ангела, сошедшие с неба в виде орлов, схватили Патрикия и бросили в кипящую смолу, в которой разварились даже его кости. Воины и народ при виде этого в ужасе разбежались; святой же, приведенный к котлу, остался один, славя Бога; преклонив колена, он помолился и источил из земли, на которой стоял, родник. Сюда к нему пришел жрец Виталий и многие другие язычники; наученные вере Христовой, они все крестились от святого Артемона.

В ту же ночь был святому мученику голос свыше:

— Оставь город и иди в Асию, на место, известное под именем Вули, которое находится на побережье моря; там ты найдешь Александра и его матерь Пиронию: с ними вместе ты будешь многих избавлять от бесов и исцелять от болезней, и многие, просвещенные тобою светом Христова учения, прославят Бога.

С наступлением утра собрались ко святому все новообращенные: он же, взяв Божественные Тайны, преподал им честнóе Тело и честнýю Кровь Христову, говоря:

— Этот хлеб есть Тело Христово, а это чаша есть Кровь Христова, пролитая за ваши души; блюдитесь, чада, чтобы кто-нибудь из вас не отпал от любви Христовой, пребывайте непоколебимы в вере, а мне повелено идти в Асию.

Епископ же кесарийский, услыхав о всем происшедшем со святым Артемоном и узнав, что он крестил многих и учит, проповедуя Евангелие, пришел к нему с христианами и приветствовал его целованием; потом, сотворив молитву, он отметил место, где страдал мученик, и впоследствии выстроил здесь церковь; из крещенных же святым Артемоном он одних поставил во пресвитеры, других во диаконы, а Виталия поставил епископом и подчинил ему палестинскую область. Святой же Артемон, простившись с епископом и народом, отправился в указанную ему асийскую страну; дорогою он был восхищен Ангелом и поставлен на месте, которое было открыто в видении; здесь, с помощью Божиею, он сотворил много великих чудес и многих обратил ко Господу, научив истине Евангельской. Во время своей проповеди святой Артемон был схвачен язычниками и, по усечении мечом, отошел в вечные обители для принятия венца от Христа Бога нашего, Ему же со Отцом и Святым Духом слава и поклонение во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
ФОМАИДЫ

Святая мученица Фомаида родилась в городе Александрии от благочестивых родителей, давших своей дочери истинно христианское воспитание и обучивших ее чтению книг. На пятнадцатом году они выдали ее замуж за одного юношу-христианина. В доме своего мужа святая Фомаида жила честно, всеми уважаемая за целомудрие, кротость, незлобие и другие добрые черты характера. Вместе с ними под одной кровлей жил и отец мужа святой Фома-

иды, ее свекор. Прельщаясь красотою своей снохи и разжигаясь плотским вожделением, он, по действу сатаны, замышлял по отношению к ней недоброе: он искал удобного времени для греховного пребывания с нею и, не находя, ограничивался тем, что ежедневно, под видом отеческой ласки, обнимал и целовал ее. Святая же Фомаида по своему целомудрию не предполагала существование у свекра нечистых помыслов и потому не находила ничего предосудительного в подобном обращении с нею с его стороны: она была уверена, что оно вытекает из его любви к ней, как дочери, и, почитая свекра как отца, она держала себя с ним с особенно строгою стыдливостью.

Муж святой Фомаиды был рыболов, и вот в одну ночь пришли товарищи его по промыслу и увели с собою на ловлю. Воспользовавшись уходом сына, отец его пришел к святой Фомаиде и стал склонять ее на грех. Столь неожиданная опасность привела ее в ужас, и она начала сопротивляться безумному старцу, говоря:

— Что ты делаешь, отче? Сотвори крестное знамение и уйди: твой замысел внушен тебе сатаною.

Но старец не внимал ее увещаниям и старался склонить ее, прибегая к бесстыдным словам и действиям. Святая же Фомаида, исполненная страха Божия и целомудрия, оказывала свекру твердое сопротивление: она молила и убеждала его оставить беззаконное и нечестивое желание. Но чем сильнее она противостояла ему, тем настойчивее он понуждал ее, разжигаясь, как огнем, нечистою похотью. Над одром на стене висел меч; сняв его и извлекши из ножен, старец начал устрашать святую Фомаиду, обращаясь к ней с такими угрозами:

— Если не послушаешь меня, то я этим самым мечом отсеку тебе голову.

Она же отвечала:

— Если даже рассечешь меня на части, то я все-таки никогда не соглашусь на такое беззаконное дело.

Старец, придя после этих слов в сильную ярость, с такою силою ударил мечом свою сноху, что убил ее, рассекши надвое. Блаженная Фомаида предала душу свою в руки Божии и прияла славный мученический венец за свою чистоту и целомудрие: она боролась со грехом до пролития собственной крови и положила душу свою за закон

Божий, соглашаясь лучше умереть, чем прогневать Бога и осквернить свое тело и ложе своего мужа.

Убийцу же тотчас постигло наказание Божие: ослепленный душою, он потерял и зрение и, бросив меч, искал дверей, хотя выйти из дома и убежать без вести, но, ощупывая стены, никак не мог найти выхода и поэтому принужден был оставаться в комнате. Между тем пришли другие рыбаки и, стучась, звали сына его на ловлю. Отец же отвечал:

— Мой сын ушел уже ловить рыбу; покажите мне двери, потому что не могу их найти.

Они, отворив дверь, вошли и увидели старца с окровавленными руками и одеждой, старавшегося ощупью найти выход, и — лежащую в крови на земле, рассеченную надвое, жену. От этого зрелища они пришли в ужас и спрашивали:

— Что это значит? Кто и для чего совершил подобное злодеяние.

Тогда старец рассказал им о своем грехе и просил свести его к судье для того, чтобы принять достойное по делам наказание. Когда же муж святой Фомаиды возвратился с работы и узнал о происшедшем, то почувствовал неутешную скорбь и стыд: он оплакивал свою целомудренную супругу и стыдился за своего беззаконного отца, который, не боясь Бога, совершил гнусное преступление и покрыл срамом свои седины. Старец был предан суду и наказан чрез усекновение мечом. А к телу убиенной стекалось множество народа из жителей Александрии; все они дивились столь невероятному и ужасному событию и восхваляли целомудрие святой Фомаиды.

Случайно в это время был в Александрии преподобный Даниил скитский; он сказал своему ученику:

— Сын мой, пойдем и взглянем на святую отроковицу.

Исполнив свое желание, они отправились в октодекатский, то есть восьмидесятый, монастырь. Монахи этого монастыря встретили с честью преподобного отца, искренно приветствуя его. Рассказав им о страданиях святой Фомаиды, он дал им такое повеление:

— Идите и принесите сюда ее честнóе тело, ибо оно не должно лежать с мирскими людьми, но с честны́ми отцами.

Некоторые из братии возмутились повелением положить тело женщины с отцами. Преподобный сказал им на это:

— Отроковица, которую вы не желаете принести сюда, есть мать мне и вам: ведь она умерла за свое целомудрие.

Тогда монахи не осмеливались более противиться святому отцу, пошли и, взяв тело святой Фомаиды, погребли его с честью в монастырской усыпальнице. Простившись после этого со всеми отцами, преподобный удалился с учеником в свой скит.

Один брат в его монастыре испытывал сильные нападения со стороны плотских искушений; придя к преподобному Даниилу, он открыл ему свою сильную борьбу с плотскими страстями. Преподобный сказал ему:

— Иди в Октодекатский монастырь и так помолись там в монастырской усыпальнице: Боже, молитвами мученицы Фомаиды помоги мне и избавь меня от блудной похоти! Надейся на Бога, и ты избавишься от искушений, — прибавил преподобный отец.

Брат пошел и в точности исполнил все, что велел ему преподобный Даниил, и действительно совершенно освободился от плотских искушений. Возвратившись в скит, он припал к ногам преподобного Даниила и сказал ему:

— Молитвами святой мученицы Фомаиды и твоими, отче, Бог избавил меня от блудных похотей.

Старец спросил:

— Каким образом ты освободился от них?

Брат отвечал:

— Сотворив двенадцать молитв и помазавшись елеем из лампады, находящейся при гробнице святой мученицы, я положил голову на ее гробницу и уснул, и вот явилась мне светлая отроковица, святая Фомаида, и сказала: отче, приими это благословение и иди с миром в твою келию; я принял благословение и пробудился, чувствуя окончательно освобождение от плотской страсти; не знаю, что собственно означает преподанное мне во сне святою благословение, но хорошо сознаю свое избавление от страстей.

Преподобный Даниил сказал, по окончании братом своего повествования:

— Столь великое дерзновение имеют пред Богом подвизающиеся за целомудрие.

В остальное время своей жизни брат никогда не испытывал искушений со стороны плоти и славил Бога и святую мученицу Фо-

маиду, свою исцелительницу. Так же поступали и другие, смущаемые подобными же страстями: приходя ко гробу святой мученицы Фомаиды, они получали облегчение и освобождение от плотских страстей по ее святым молитвам; они славили святую мученицу, прославляя в то же время Христа Господа, Ему же со Отцом и Святым Духом честь и поклонение вовеки. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА КРИСКЕНТА

Этот святой мученик родился в городе Мирах Ликийских[1], происходил из знатного рода и был человеком весьма известным. Видя, как многие поклоняются идолам, он однажды вошел в толпу идолослужителей и стал убеждать их оставить языческие заблуждения, обратиться ко Христу и спастись. Когда узнал об этом правитель области, то приказал схватить его и привести к нему для суда. На суде он стал расспрашивать святого о том, как зовут его отца и как его имя, но Крискент называл себя только христианином и ничего другого не отвечал ему. Тогда правитель сказал ему:

— Принеси жертву идолам только для вида, а в душе оставайся почитателем Бога твоего.

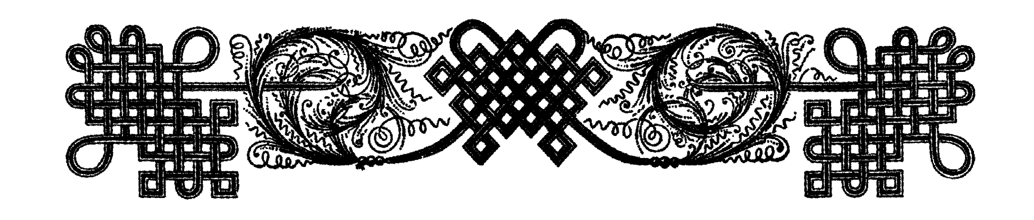
Но святой мученик с негодованием отверг такое предложение и, исповедав пред всеми истину, ответил правителю:

— Невозможно, чтобы тело делало не то, что мыслит душа, так как душа управляет и движет телом.

После этого святого Крискента повесили и строгали тело его, а потом затопили печь и, когда она раскалилась, бросили его в нее. Так и предал он дух свой Господу.

[1] *Миры*, ныне *Мири*, у турок *Дембре*, были главным городом древней Ликии и находились близ моря, на реке Андрак.

День четырнадцатый

СТРАДАНИЕ
ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО
МАРТИНА ИСПОВЕДНИКА,
папы Римского

По кончине Римского папы Феодора в 649 году его место по единогласному избранию занял блаженный Мартин. В это время на Востоке в Греции царствовал Констанс[1], сын царя Константина и внук Ираклия; в те годы греческие цари еще владели древним Римом и в хападной части империи имели поэтому своих наместников. На Востоке тогда все более и более распространялась ересь монофелитов, то есть единовольников, признававших в Господе нашем Иисусе Христе единую волю и единое хотение[2]. Эта

---

[1] С 642 по 668 год.

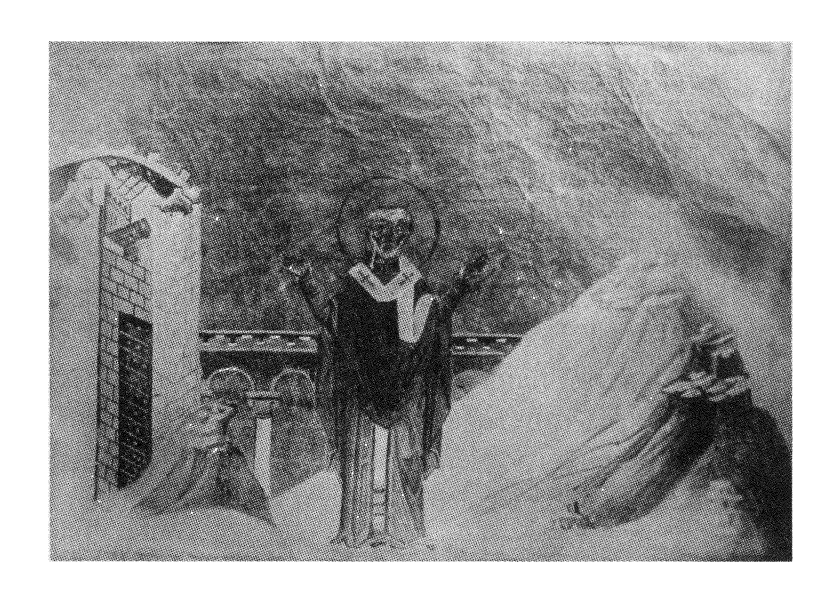
[2] *Монофизиты* — единоестественники; были еретики, учившие об одной Божественной природе в Господе Иисусе Христе — о полном слиянии в Иисусе Христе Божественной и человеческой природы с поглощением последней первою; иначе эта ересь называется *евтихианством* от имени Константинопольского архимандрита Евтихия, который первый заявил это учение и положил начало монофизитским спорам. Впервые эта ересь была осуждена на Поместном Константинопольском соборе (448 г.), причем Евтихий был низложен; председательствовавший на соборе Константинопольский патриарх Флавиан сообщил о его постановлениях Римскому папе святому Льву Великому. Последний согласился на осуждение Евтихия и написал послание, в котором изложил православное учение о соединении в Иисусе Христе двух естеств. Между тем Евтихий нашел поддержку в императоре Феодосии II и Александрийском патриархе Диоскоре. Созванный императором собор в Ефесе (449 г.), за свои беззаконные действия известный в истории под именем «разбойничьего», осудил патриарха Флавиана и оправдал Евтихия. Присутствовавший на соборе папский посол диакон Иларий заявил несогласие

ересь возникла из предшествовавшей ей ереси Евтихия, хульно утверждавшего существование во Христе Иисусе только одного естества вопреки православному учению, исповедующему в воплотившемся Господе нашем Иисусе Христе два естества и две воли, два хотения и действа; у каждого естества своя воля, свое хотение и свое действо в едином Лице Христовом: Господь Иисус Христос не может быть разделяем на два лица, но познается в двух лицах без их смешения. Родо-

---

с постановлением собора и бежал в Рим, где папа немедленно объявил Диоскора отлученным от церкви, а постановления Ефесского собора недействительными; Диоскор в свою очередь анафематствовал в Александрии папу Льва. Окончательно вопрос о соединении двух естеств в Господе Иисусе Христе был решен по смерти императора Феодосия II (450 г.). Императрица Пульхерия и соправитель Маркиан выступили против еретиков; в 451 году был созван IV (Халкидонский) Вселенский собор, который низложил патриарха Диоскора и так определил догмат об образе соединения в Лице Господа Иисуса Христа двух естеств: «последующе Божественным отцам, все единогласно поучаем исповедывать... единого и того же Христа, Сына, Господа единородного, в двух естествах, неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого... не на два лица рассекаемого, но единого в того же Сына и единородного Бога Слова». Решение Халкидонского собора не было принято в Египте, Армении, а также отчасти в Сирии и Палестине. В этих странах еретики монофизиты существуют еще и теперь; общее число их достигает пяти миллионов: сирийских монофизитов, или иаковитов — шестьсот тысяч, армян грегориан двести восемьдесят тысяч, коптов около трехсот тысяч и абиссинцев более двух миллионов.

Монофелитство, или единовольническая ересь, возникло в начале VII века под влиянием стремления византийских правителей присоединить к церкви широко распространившееся монофизитство: раздоры между православными и монофизитами были не только церковным, но и государственным бедствием. Монофизитские епископы, главным образом Кир, епископ Фазиса в Колхиде, подали императору Ираклию (611–641 гг.) мысль, что соединение между ними и православными может состояться, если Православная Церковь признает во Христе Иисусе единую волю, едино действие. В 633 году стараниями императора и Кира, сделанного патриархом Александрийским, удалось устроить единение между египетскими монофизитами и православными; к этому единению примкнули почти все восточные и греческие епископы с Константинопольским патриархом Сергием во главе. Против подобного незаконного соглашения открыто выступил любимый ученик Александрийского патриарха Иоанна Милостивого монах Софроний, доказывая, что учение о единоволии есть тоже монофизитство, или признание в Господе Иисусе Христе единой Божественной природы, ибо если едина природа, то, естественно, едина и воля. Сделавшись в 634 году патриархом Иерусалимским, он еще с бóльшей ревностью защищал Православие: он созвал в Иерусалиме собор, на котором осудил монофелитство. Желая положить конец распрям, император Ираклий в 638 году издал, состав-

начальниками ереси были патриархи: Александрийский Кир и Цареградский Сергий; им в распространении ереси содействовал и дед царя Константа Ираклий. По смерти Сергия патриархом Константинопольским был сделан Пирр, а после него Павел — оба ерети-

---

ленное патриархом Сергием, «изложение веры» (эктесис), где содержалось православное учение о двух естествах во Иисусе Христе и запрещалось говорить о Его волях, хотя в то же время добавлялось, что православная вера требует признания одной воли. После издания «изложения веры» горячим защитником Православия выступил Константинопольский монах Максим Исповедник, который с успехом действовал против монофелитов в Северной Африке и Риме. Преемник Ираклия Констанс II, желая уничтожить, еще более возбудивший раздор эктесис, или «изложение веры», в 648 году издал «типос» — образец веры, где запрещал говорить как об одной, так и о двух волях, заставляя верить согласно бывшим пяти Вселенским соборам. Но «типос» не положил конца спорам, как видим из данного жития. Наконец, император Константин Пагонат (668–685 гг.) созвал в Константинополе VI (Трулльский) Вселенский собор, на котором монофелитство было осуждено как ересь и определено, что во Христе Иисусе должно исповедовать два действия, две воли, причем человеческая следует и подчиняется во всем воле Божеской, не уничтожаясь чрез это. Остатки монофелитов сохранились до настоящего времени в виде секты маронитов. Сначала они нашли убежище (с 680 г.) на Ливанских горах; во время крестовых походов (1182 г.) учение монофелитов проникло на Запад, в Европу, но, благодаря деятельности пап, не нашло многих последователей, хотя продолжалось до 1736 года, когда еврейские монофелиты присоединились к Католической Церкви. На Востоке в Сирии (в округе Кесраван) они существуют до сих пор.

ка-монофелиты. По совету Павла, царь Констанс написал книжку, содержавшую в себе еретическое учение монофелитов и названную им «Типос»; он разослал ее повсюду, повелевая содержать согласное с ней вероучение относительно Лица Господа нашего Иисуса Христа. Многие из православных, не разделявших ереси, за свое сопротивление нечестивому повелению царя подверглись изгнанию, или побоям, или даже смерти; к числу их принадлежит преподобный Максим Исповедник, как это подробно изложено в его житии (см. 21 января), и святой папа Мартин, о котором сейчас наша речь. Тотчас, по занятии им престола Римского папы, царь прислал ему исполненную еретического учения книжку, желая, чтобы новопоставленный папа согласился с его ересью и подтвердил ее на соборе. Но блаженный Мартин отверг ее, говоря:

— Если бы даже весь мир принял это противное Православию учение, то и в таком случае я бы его не принял, и хотя бы пришлось претерпеть смерть, не отступлю от евангельского и апостольского учения и святоотеческого предания.

Затем он послал к Цареградскому патриарху Павлу с некоторыми честными мужами из церковного причта письмо, в котором с любовью увещевал его не творить раздора в единстве церковном, не сеять еретических плевел среди пшеницы благочестивой веры, а, напротив, убеждать царя оставить противное церкви учение. Патриарх же Павел не только не послушался блаженного Мартина, но и посланников его, предав бесчестным побоям, отправил в заточение на границы империи. Тогда святой Мартин, следуя совету бывшего в то время в Риме аввы[1] Хрисополитанского преподобного Максима, составил из ста пяти западных епископов Поместный собор и предложил ему на рассмотрение заблуждение Кира, Сергия, Пирра и Павла вместе с книгой царя «Типос»; собор предал ересь анафеме и издал ко всем православным послание, утверждая их в православии, изъясняя всю пагубность ереси и повелевая остерегаться ее самым тщательным образом[2]. Услыхав о таком поступке со стороны святого Мартина, царь пришел в сильнейший гнев: он послал в Рим в каче-

[1] *Отец*, слово еврейское.

[2] Этот собор был в год вступления святого Мартина на папский престол, то есть в 649 году.

стве своего наместника одного военачальника, по имени Олимпия, чтобы он захватил папу Мартина. Но Олимпий, прибыв в Рим, принужден был отказаться от мысли открыто взять папу, потому что он застал еще указанный собор, на который собралось множество епископов и народа, так что город был переполнен духовными и мирскими лицами; поэтому Олимпий подучил одного воина убить как бы нечаянно святого Мартина в церкви. Когда же воин со спрятанным под одеждой острым мечом приблизился в церкви к папе, намереваясь убить его, то вдруг неожиданно ослеп: ибо Господь, не *оставляющий жезла нечестивых над жребием праведных*[1] (Пс. 124, 3), не допустил убийцу поднять мучительскую руку на Своего верного раба. Видя, что Сам Господь хранит Своего служителя, Олимпий оставил папу в покое и удалился в Сицилию, где и умер в битве против сарацин. Царь же, следуя внушениям патриарха Павла, послал в Рим другого наместника, тоже военачальника, по имени Феодора и прозванного Каллиопой. Ему было поручено взять святого Мартина, ложно обвинив предварительно папу в том, что будто бы он, желая начать войну против царя, сносится с сарацинами, побуждая их к восстанию и что будто бы он неправильно содержит преданную отцами веру и хулит Пречистую Богородицу. Достигнув Рима, наместник открыто перед всеми обвинил папу в указанных преступлениях. Ни в чем не повинный святой Мартин начал оправдываться от возводимой на него клеветы:

— Никогда я, — говорил он, — не имел никаких сношений с сарацинами, кроме тех случаев, когда посылал жившим среди них бедным и убогим братьям по вере милостыню; кто же не почитает Пречистую Богородицу, не признает Ее за Матерь Божию и не поклоняется ей, тот да будет проклят в этот век и будущий; веру же святую, заключил он в свое оправдание, не мы, но несправедливо разномыслящие с нами сохраняют неправо.

Наместник же царя, не слушая оправданий папы, по-прежнему утверждал справедливость высказанных обвинений и даже присоединил еще новое, — неправильное будто бы занятие святым Мартином папского престола. И в одну ночь тайно при содействии воинов он

[1] То есть Господь, допуская временное торжество нечестивых над праведными, окончательную победу всегда дарует благочестивым.

взял папу, свел его на пристань и оттуда в лодке отправил на остров Наксий, находившийся среди далеких островов, известных под именем цикладских[1]. На этом острове святой Мартин пробыл целый год, терпя голод и другие лишения в самом необходимом для жизни. Если же кто из благочестивых жителей острова, сожалея изгнанного папу, приносил ему что-нибудь для облегчения его нужды, то стража не допускала приходивших до узника и силою отбирала себе у приносивших их дары; вместе с тем она укоряла последних, говоря:

— Если кто из вас любит его и жалеет, тот враг отечеству, ибо изгнанный еретик, противник Богу и возмутитель греко-римского государства.

И много оскорблений причиняла святому Мартину стража, подвергая его брани и издевательствам. Но он, ослабевая телесными силами от ежедневных оскорблений, лишений и прилучившейся ему болезни, все-таки не терял твердости душевной, все перенося с благодарностью ради Бога. По истечении года, со времени поселения на острове, святой Мартин был отвезен в Византию[2].

Корабль достиг Византии осенью и рано утром остановился на пристани Евфимия, близ Архандии. Тотчас святого, уже сильно разболевшегося, начали беспокоить посланцы от царя и патриарха; лишенные всякого сострадания, они целый день с утра до вечера бесчестили столь честного архиерея Божия, всячески злословя и понося его. При наступлении вечера пришел со множеством воинов патриарший нотарий[3] Саголива; взяв святого Мартина с корабля, они положили его на носилки (вследствие болезни он не мог уже ходить) и снесли на один двор, называемый прандиариа; здесь они заперли святого Мартина в темную и тесную комнату и тщательно стерегли, наблюдая, чтобы никто из городских жителей не узнал о его местопребывании. В этом узилище святой пробыл девяносто три дня, не имея возможности ни с кем побеседовать. Затем святого Мартина отнесли в дом сакеллария[4], где собрались сенаторы[5]; когда его внесли

[1] Острова эти, числом шестьдесят, находятся в Эгейском море.

[2] Нынешний Константинополь.

[3] Секретарь патриарха.

[4] *Сакелларий* — высший церковный сановник, стоявший во главе особого совета, управлявшего константинопольскими монастырями, заведовавшего монастырским хозяйством и наблюдавшего за жизнью монахов.

[5] *Сенатор* — высший государственный сановник.

туда, то один из старейших сенаторов с криком приказал святому Мартину встать с носилок, на которых он был принесен в собрание; один из несших слуг сказал, что папа не может встать, так как сильно болен; но сенатор, не обращая внимания на болезнь святого Мартина, с гневом опять велел ему встать, приказав его ввиду слабости сил поддерживать. Тогда святой Мартин, поднявшись, стал посредине, поддерживаемый по бокам; встали и нарочно призванные заранее подученные лжесвидетели, возводя на святого Мартина вышеизложенные несправедливые обвинения, присоединяя к ним и другие; в доказательство справедливости своих слов они клялись святым Евангелием. Когда же святой Мартин, не умея говорить по-гречески, начал оправдываться чрез переводчика, то собрание не только не слушало его, но и прямо запрещало ему говорить; переводчика же оскорбляли бранными словами. Видя это, святой Мартин сказал:

— Господу известно, насколько великое благодеяние окажете вы мне, если предадите меня вскоре смерти чрез какую-либо казнь.

После этого святого вывели вон и посадили, так как он не мог стоять, на особо устроенном для подобных случаев возвышении, находившемся на площади, где обычно собиралось много народа. Царь тайно наблюдал за ним из одной верхней комнаты своего дворца и послал к нему сакеллария; последний, приблизившись к святому Мартину, с угрозою сказал ему:

— Вот, ты оставил Бога и Бог оставил тебя.

Сказав это, он обратился к народу, приказывая проклинать святого Мартина, и окружавшая толпа начала громко кричать:

— Анафема папе Мартину.

Те же из присутствовавших, которые знали совершенную невинность папы, уходили от этого зрелища с печальным лицом и полными слез глазами. После этого сакелларий сказал начальнику претории[1]:

— Возьми его и рассеки на части, ибо он недостоин жизни.

Тотчас спекуляторы[2] схватили святого, сняли с него верхнюю одежду, а нижнюю разодрали пополам; надев тяжелые железные

[1] *Претория* — присутственное место, где главным образом решались судебные дела и приводили в исполнение постановления по ним. *Претор* — высший судья в древнем Риме; позднее круг обязанностей их расширился.

[2] *Спекулятор* — помощник претора, исполнитель его приказаний.

цепи на шею и все тело святого Мартина, они поволокли его через весь город в преторию, неся впереди обнаженный меч, которым его намеревались убить. Из народа некоторые поносили святого и, издеваясь над ним, говорили, качая головою:

— Где Бог его? Где содержимое им вероучение?

Другие же не могли удержаться от плача и рыданий при виде подобного бесчестия и мучения, причиняемого святителю Божию. А преподобный испытывал двойное страдание: он страдал телом от болезни, тяжелых уз и ударов влекущих его мучителей и в то же время страдал душою, от обнажения и бесчестных насмешек перенося стыд и сердечную боль. Придя в преторию, спекуляторы повлекли связанного святого в темницу вверх по лестнице: спотыкаясь на ступени последней, святой Мартин падал и ушибался, так что тело его покрылось кровоподтеками и ссадинами; здесь бросили его вместе со злодеями и разбойниками. Спустя некоторое время его отсюда перевели в другую темницу — Диомидову, где он от болезни и сильного холода (был январь месяц) чуть не умер. Жена одного из темничных стражей сжалилась над святым Мартином: придя тайно ко святому узнику, она взяла его к себе в дом и, обвязав ему раны, положила на своей постели, одев его теплым покрывалом; святой Мартин лежал до вечера, не издавая, подобно мертвецу, ни одного звука. Поздно вечером начальник царских евнухов[1] Григорий послал управляющего своим домом с небольшим количеством снедей и велел ему передать их святому Мартину со словами:

— Не изнемогай в скорби; мы надеемся, что Бог не попустит тебе умереть.

Услыша это, преподобный Мартин вздохнул от всего сердца: пожелание не соответствовало его чаяниям, ибо святой Мартин, испытывая страдание за свое православие, желал скорее умереть; тотчас с преподобного были сняты оковы.

---

[1] *Евнух* — оскопленный слуга, которому поручался надзор за женами; первоначально обычай иметь таких слуг с этою целью возник в Малой Азии; евнухи известны в древнем Риме. В Византии, придворный быт которой сложился под влиянием Востока, были также евнухи; поставленные в возможность действовать на властителей через их жен, евнухи приобретали иногда сильное влияние на ход государственных дел, поэтому должность начальника евнухов была почтенной.

Утром царь пошел навестить смертельно больного патриарха Павла и рассказал ему все происшедшее с папой Мартином. Павел отворотился к стене и сказал, тяжело вздохнув:

— Горе мне! Еще новое деяние для моего осуждения.

Царь спросил:

— Что это значит?

— Разве малое, государь, злодеяние, — отвечал Павел, — заставлять папу переносить подобные страдания?

И он молил царя, заклиная его, чтобы он прекратил дальнейшее издевательство над папой. Спустя восемь дней, уже по смерти Павла, царь послал ко святому Мартину в Диомидову темницу нотария Демосфена в сопровождении других нарочито отряженных мужей. Они, войдя в темницу, сказали:

— Наш царь говорит тебе: вот ты после такой славы находишься в таком бесчестии, но в этом никто не виноват, кроме тебя самого.

Святой Мартин ничего не отвечал им на это; возведя очи к небу, он сказал: «Благодарение и слава за все единому Царю бессмертному».

Посланные стали спрашивать святого Мартина о предшественнике Павла патриархе Пирре, — по своей ли воле последний пришел в Рим и отрекся здесь от монофелитской ереси, и как принял его в общение с церковью папа Феодор, после которого занял престол святой Мартин. Святой Мартин рассказал им подробно о патриархе Пирре, как он по своей воле, придя в Рим, подал письменное отречение от своей ереси, к которой, впрочем, он опять возвратился, — и как он был принят папой Феодором с подобающею его епископскому сану честью, получая средства для прожития. Святой Мартин заключил свою речь следующим обращением к посланным от царя:

— Я в ваших руках, — делайте со мною, что хотите и что попустит вам Бог, но будьте уверены, что если бы вы меня даже рассекли на части, то и тогда я не буду в общении с Константинопольскою Церковью, доколе она не оставит своего еретического заблуждения; испытайте на деле справедливость моих слов, и вы увидите, сколь велика благодать Господа в Его рабах.

Выслушав ответ святого Мартина, посольство возвратилось к царю, удивляясь величию и крепости душевной святого, не боящe-

гося мук и самой смерти. Спустя восемьдесят пять дней ко святому Мартину пришел в темницу нотарий Саголива и сказал ему: «Мне приказано взять тебя отсюда в свой дом, откуда ты будешь отправлен в некоторое место».

Святой Мартин спросил:

— Куда же меня пошлют, в какое именно место?

Но Саголива не отвечал на этот вопрос. Тогда святой Мартин сказал:

— Оставьте меня в темнице до того времени, когда нужно будет отправить.

Нотарий ушел. При солнечном заходе папа сказал находившимся с ним вместе узникам:

— Подойдите, братия, и дадим друг другу последнее целование: тотчас придет за мною посланец для взятия меня отсюда.

Все с плачем прощались с ним, но святой Мартин, выражая на лице своем радость, говорил им:

— Не плачьте, но радуйтесь — видите я радуюсь, что иду на страдание за Православие.

После этого снова пришел упомянутый нотарий, который и взял святого из темницы; все присутствовавшие неутешно рыдали, сожалея о разлуке с преподобным. Святой Мартин был посажен на корабль и отправлен в заточение в Херсон[1]; здесь его морили голодом, лишали всего необходимого, так что через два года он отошел ко Господу[2]. Честно́е тело его было погребено вне города Херсона в храме Пресвятой Богородицы, именуемой Влахернской. Скоро гробница его стала привлекать множество народа: самые разнообразные и многочисленные исцеления получали болящие по молитвам святого и благодати Господа нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцом и Святым Духом слава вовеки. Аминь.

---

[1] Мыс на западном берегу Крыма; здесь в V веке до Рождества Христова основан город Херсонес; в нескольких верстах от Севастополя видны развалины этого города.

[2] В 655 году.

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ ЛИТОВСКИХ
АНТОНИЯ, ИОАННА и ЕВСТАФИЯ

Эти святые мученики происходили из литовского города Вильны[1] и, по тогдашнему нечестивому обычаю, были огнепоклонниками[2], подобно тому как и другие жители той страны. Антоний и Иоанн, родные братья, всей душой возлюбили христианскую веру и, когда однажды в Литву прибыл некий пресвитер, по имени Нестор, они приняли от него Божественное крещение. При этом старший из них по летам был назван Иоанном, а младший — Антонием[3]. Оба брата по крещении проводили жизнь, подобающую истинным христианам.

Находясь на службе у Литовского князя Ольгерда[4], Антоний и Иоанн старались скрыть от него свою принадлежность к христианству, но не могли достигнуть этого, потому что они слишком заметно отличались от язычников своими христианскими обычаями и поступками. Так, они не желали, подобно другим, ни стричь волос на голове и бороде так, как стригли язычники, ни есть по постным дням скоромной пищи; не исполняли они и других нечестивых обычаев, противных христианству. И когда однажды князь спросил их, — почему они не следуют древним литовским обычаям,

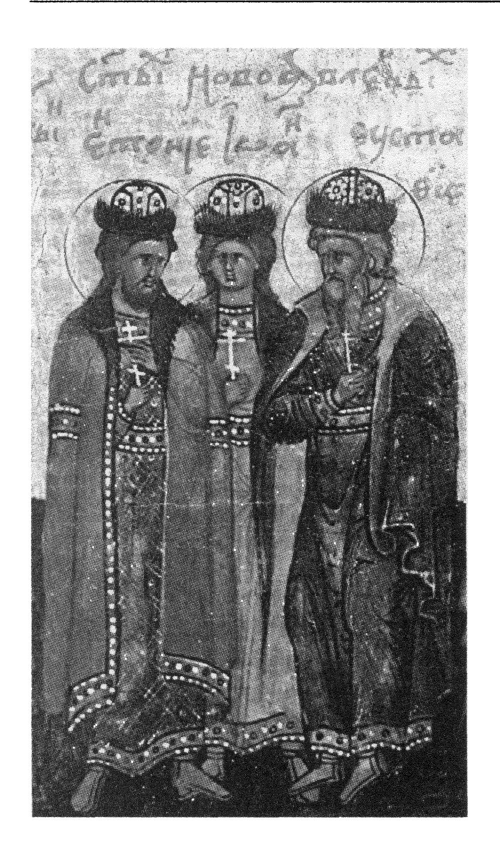
---

[1] Город *Вильна* основан в XII веке, а по другим известиям, даже в X веке. Но исторически известным он становится только в начале XIV века (около 1323 года), как столица великого князя литовского и русского Гедимина. В настоящее время Вильна представляет собой большой, со стотысячным населением губернский город, принадлежащий России.

[2] Поклонение огню, вообще распространенное в древности, имело место и в языческой Литве. Оно состояло собственно в поклонении богу огня, грома и молнии — Перуну, в честь которого в Вильне был выстроен в 1285 году довольно обширный храм.

[3] До принятия христианства Антоний и Иоанн носили языческие имена: *Нежило* и *Кумец*.

[4] *Ольгерд*, князь Литовский, правил с 1341-го по 1377 год. Незадолго до вступления на княжение, Ольгерд принял христианство, но сделал это из житейских расчетов, желая завладеть княжеством Витебским, принадлежавшим русской княжне Марии Ярославне, на которой Ольгерд и женился с этою целью. Когда умерла его супруга — христианка (это было около 1346 года), Ольгерд оставил христианство и снова стал язычником.

святые безбоязненно исповедали себя христианами.

Князь стал принуждать их отказаться от христианской веры и вкусить предложенных за трапезой мясных блюд. Но они, твердо сохраняя христианскую веру, не хотели вкусить мясного, так как тогда был постный день. Тогда князь приказал посадить их в мрачную темницу, куда святые отправились с радостью, как будто шли не в темницу, а на царский трон, хваля и благодаря Бога за то, что Он сподобил их пострадать за Его святое имя.

После пребывания святых в темнице в течение целого года, Иоанн, истомленный темничным заключением, убоявшись мучений, послал к князю просьбу освободить его из заключения, обещая исполнять все княжеские приказания. Обрадованный князь повелел выпустить обоих братьев и поставил их в числе первых лиц при своем дворе.

Иоанн по внешности был подобен нечестивым, исполняя все обычаи их и поступая по воле их князя; в сердце же своем он сохранял христианскую веру, тайно молясь Христу Богу, Коего он не дерзал исповедовать открыто, боясь мучений. Антоний же нисколько не изменил своих христианских обычаев, но открыто поступал так, как подобает поступать истинному христианину. Брата своего Иоанна он укорял за его малодушие и страх и всячески увещевал его покаяться и, не страшась мучений, снова открыто исповедать Христа. Язычники же, видя, что старший брат Иоанн во всем повинуется князю, не обращали внимания на младшего брата Антония.

Однажды, когда, по обыкновению, эти оба брата — Иоанн и Антоний были у князя, Иоанн вкусил от поданных ему мясных блюд,

— хотя и был постный день, — блаженный же Антоний не хотел вкусить этой пищи, открыто исповедуя себя христианином. Тогда Антоний, по повелению князя, снова был заключен в темницу; Иоанн же был в презрении у всех — христианами он был не любим, как вероотступник, язычниками же был укоряем, как человек непостоянный, который не сохранял ни старой, языческой веры, ни новой христианской, в которую перешел, оставив язычество.

Сознав свой великий грех, Иоанн начал со слезами каяться в своем падении и, придя к вышеназванному пресвитеру Нестору, стал молить его, чтобы он был ходатаем за него пред братом, дабы тот простил его грех и принял его в общение с собой. Выслушав от пресвитера просьбу брата, Антоний дал такой ответ:

— У меня может быть общение с братом только в том случае, если он открыто исповедует Христа и христианскую веру. Когда он сделает это, тогда и будет у нас все общее.

Иоанн раскаялся и с любовью принял слова брата. Теперь он стал искать удобного времени, когда бы он мог открыто исповедать свою веру христианскую.

Случилось однажды, что князь мылся в бане, а Иоанн прислуживал ему. Увидав, что настало удобное время, Иоанн смело и безбоязненно исповедал себя пред князем христианином. Но князь пока не показал своего гнева Иоанну и ничего не сделал ему, потому что, кроме них, в бане никого не было.

Тогда Иоанн, спустя ненекоторое время, в присутствии многочисленных вельмож князя, громогласно объявил себя христианином. Тотчас, по повелению князя, он был схвачен и без пощады бит различными орудиями и руками всех, бывших здесь; и избиение это продолжалось немалое время; потом святого заключили в темницу.

Узнав о происшедшем, блаженный Антоний исполнился великой радости. Оба брата снова были в темнице вместе, прославляя Бога; там же они сподобились приобщиться пресвятых и животворящих Христовых Таин от вышеназванного иерея.

По прошествии нескольких лет святой мученик Антоний был осужден на позорную смерть, как бы какой преступник: его приговорили к повешению на дереве. Когда накануне казни ему объявили об этом, он всю ночь пред смертью пребыл без сна, прославляя Бога в молитве и укрепляя брата к безбоязненному перенесению страда-

ний за Христа. Антоний увещевал брата, чтобы он снова не отступил от веры и пророчески предсказал ему скорую смерть.

— После моей кончины, — сказал он, — и ты, брат, спустя немного времени чрез таковую же смерть отойдешь ко Христу.

Когда наступило утро, оба брата причастились Божественного, Животворящего Тела и Крови Христовых; около же полудня святой мученик Христов Антоний был выведен из темницы и, по повелению князя, был повешен на дереве, месяца января в четырнадцатый день. Так непобедимый Христов воин предал свою святую и непорочную душу в руки Христа Бога своего, Коего он возлюбил всем сердцем своим.

Святой же мученик Иоанн был оставлен в темнице, ибо нечестивые надеялись снова соблазнить его и отвратить его от исповедания христианской веры. Но когда увидали, что он твердо хранит святую веру и безбоязненно исповедует Христа и в темнице, осудили и его на такую же смерть, какою умер его брат. Через некоторое время язычники умертвили его (через удавление) и тело его повесили на том же дереве, на котором был повешен его брат. Произошло же это, месяца апреля в двадцать четвертый день. Так и этот страстотерпец, окончив свой мученический подвиг, отошел к Подвигоположнику Христу, ради Коего принял мученическую кончину. Святые тела Антония и Иоанна были погребены с честью верующими и положены в одном месте.

Спустя несколько времени по кончине святых мучеников Антония и Иоанна пострадал и блаженный Евстафий. Он хотя и был юн возрастом, но мужеством и доблестью превосходил многих. Будучи прекрасен лицом, он был еще прекраснее душою и разумом. Познав Истинного Бога, Евстафий отверг языческое безбожие и, возлюбив Христа, пришел к вышеназванному пресвитеру Нестору. Наученный им святой вере, Евстафий принял от него Божественное крещение[1].

Сделавшись христианином, Евстафий проводил богоугодную жизнь, как и подобает истинному христианину: он проводил все время в посте, молитвах и доброделании.

---

[1] *Святой мученик Евстафий* был родственником святых Антония и Иоанна и до принятия христианства носил языческое имя — *Круглец*.

Евстафий также состоял на службе у князя Ольгерда. Однажды Ольгерд рассматривал и решал дела своего княжества, а Евстафий, как полагалось ему по его должности, предстоял пред ним. Взглянув на Евстафия, князь увидел, что у него на голове длинные волосы (надо заметить, что у тех язычников, воздававших божеское поклонение огню, был обычай особенным образом часто остригать голову и бороду; блаженный же Евстафий, так как отвергся их нечестивой и безумной веры и принял крещение, носил длинные волосы на голове своей). Князь спросил его: не христианин ли он. Когда Евстафий в ответ на это открыто исповедал себя христианином, то князь сильно разгневался и, желая отвратить Евстафия от Христовой веры, стал принуждать его съесть мясо. Святой же не только не съел предложенного, но даже не захотел и посмотреть на мясо, так как тогда был пост пред праздником Рождества Христова и, кроме того, была пятница[1].

Тогда князь пришел в еще большую ярость и повелел без милосердия бить святого юношу железными палками. Святой переносил эти мучения столь мужественно, что не только не вскричал, но не издал даже ни одного стона и из его глаз не скатилось ни одной слезы; — он только благодарил Бога, что Он сподобил его пострадать за Свое святое имя.

Такое мужественное и терпеливое перенесение страданий святым снова привело князя в сильнейший гнев, и он повелел лить в уста мученику самую холодную воду (в это время была суровая зима), так что тело его посинело от сильного холода. Тем не менее святой не повиновался княжескому повелению и не вкусил мяса. Затем князь повелел подвергнуть мученика более тяжким мучениям: ему разбили и раздробили кости на ногах — на ступенях и голенях, содрали волосы с головы вместе с кожей и отрезали нос и уши.

Так мучили святого три дня; однако он как бы не ощущал никакой боли, не стонал и даже лицо его не обнаружило ни малейшего страдания; он все время с любовью беседовал с христианами, плакавшими при виде его страданий, и говорил им:

---

[1] *Пятница* (и *среда*) как день, посвященный святою Церковью воспоминанию крестных страданий Господа, по церковному уставу, должна быть днем пощения.

— Не плачьте, братия, о мне, видя, что мое тело земное раздробляется среди мучений, ибо я надеюсь получить от Христа Господа Бога нашего тело нерукотворенное, пребывающее вечно на небесах.

Между тем князь, видя, что ничего не может достигнуть мучениями, осудил мученика на смерть, повелел повесить его на том же дереве, на котором были повешены в том же году вышеназванные два святые мученика — Антоний и Иоанн. Слуги взяли святого Евстафия, уже едва живого, и повели на смерть. Святой же мученик Евстафий, несмотря на то, что его бедра, ступни и колени были раздроблены, укрепляемый помощью Божиею, шел как совершенно здоровый, бодро и скоро, не только не отставая от ведущих его, но даже и обгоняя их.

Когда все приблизились к вышеназванному дереву, то слуги мучителя обвили шею святого веревкой и повесили его. Так и этот страдалец за Христа предал свою святую душу в руки Божии, 13 декабря[1]. Его честное тело было оставлено висеть на дереве близко от земли, чтобы его могли съесть звери и хищные птицы, но ни один зверь и ни одна птица не приблизились к телу, ибо Бог охранял его. Спустя же три дня оно в целости было взято верующими и с честью предано погребению, недалеко от того места, где были погребены ранее пострадавшие, упомянутые выше, два святых мученика.

Достойно примечания то обстоятельство, что после кончины святых никто из преступников, осужденных на смерть, не был повешен на дереве том, ни похоронен около него (так как Бог прославляет всегда Своих мучеников). Хотя это место и было предназначено для казни и все осужденные на казнь умирали там, однако после страдания и смерти святых на том месте не был казнен ни один преступник.

По прошествии нескольких лет, когда в том городе умножилось число христиан и святая вера со дня на день росла и крепла, верующие собрались вместе и, придя к князю, просили его отдать в их распоряжение то место, где приняли блаженную кончину три упомянутых святых мученика. Князь, по устроению Божию, согласился

---

[1] Кончина святого Евстафия и упомянутых ранее Антония и Иоанна последовала в 1347 году.

на просьбы христиан и отдал им просимое место. Христиане, срубив дерево то, построили на его месте Церковь во имя Пресвятой Троицы, в честь и славу Отца и Сына и Святого Духа[1], причем поставили святой престол на том самом месте, где раньше росло дерево. В эту церковь и были внесены мощи святых мучеников Христовых — Антония, Иоанна и Евстафия, для прославления Бога, в Троице Святой славимого, Коему подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и во веки веков. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА **АРДАЛИОНА**

Святой мученик Ардалион пострадал в царствование императора Максимиана[2]. Будучи мимическим актером, он на народных зрелищах и в других местах представлял страдания и различные действия людей. Случилось однажды, что он представлял мучения христиан так, как они происходили в действительности. Его повесили и стали строгать тело его как бы за то, что он не хотел принести жертву идолам. Когда среди присутствовавших на этом зрелище раздались крики одобрения и послышались похвалы его искусству, то он обратился к зрителям и громким голосом приказал им замолчать и подождать с выражением своего одобрения, а затем, когда все смолкли, открыто признал себя на самом деле христианином. Бывший на зрелище правитель города долго восхвалял его искусство, желая этим заставить его изменить свое решение. Но святой отказался это сделать и решил остаться в истинной вере. Тогда правитель велел раскалить железную сковороду и бросить на нее святого Ардалиона. Так и скончался святой мученик.

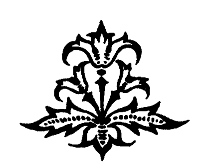
---

[1] Мощи святых мучеников в настоящее время покоятся в Виленском Свято-Духовом монастыре, куда они были перенесены в 1826 году.

[2] Здесь надо разуметь *Максимиана Галерия*, сперва соцарствовавшего Диоклетиану, а потом — с 305 по 311 год — его преемнику. Гонение на христиан по эдикту Диоклетиана началось в 303 году.

СТРАДАНИЕ ТЫСЯЧИ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ и АЗАТА

Наступил спасительный день святой и Великой пятницы, когда христиане, празднуя, прославляли и благодарили Христа, ради нас претерпевшего искупительные страдания. В этот день был схвачен и предан смерти епископ Симеон[1] и вместе с ним были казнены и многие христиане. После сего, начиная со дня Великой пятницы, в течение десяти дней стали брать и предавать смерти всех христиан[2]. Тогда же были схвачены и эти святые мученики числом тысяча человек, а с ними вместе и евнух[3] Азат, занимавший высокое положение при царском дворе и пользовавшийся особенною любовью и уважением царя Сапора. На допросе все они смело исповедали свою веру во Христа и немедленно же все были за это казнены[4]. Сапор был сильно огорчен смертью святого Азата. После его кончины он издал эдикт, которым запрещал предавать смерти христиан, и этот эдикт некоторое время имел силу[5].

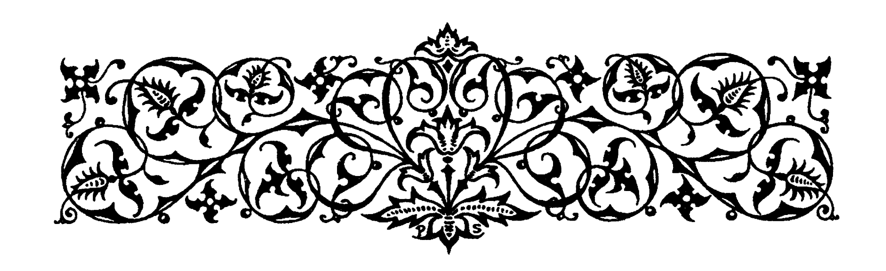
[1] Память священномученика Симеона празднуется 17 апреля.

[2] *Персидский царь Сапор II* в 343 году особым эдиктом обложил христиан своего царства за их отказ содержать древнюю религию Зороастра большими, сравнительно с прежним податями и, когда они от этих налогов отказались, он счел это возмущением и открыл жестокое гонение сначала на христианское духовенство, а потом и на всех христиан.

[3] *Евнух* с греческого языка значит «хранитель постели». Так назывались особые придворные чиновники, заведовавшие царской спальней. Обычно они были самыми приближенными лицами к царю.

[4] Кончина святых мучеников падает на 13–23 апреля 344 года.

[5] Известно, что преследование христиан в Персии продолжалось до конца царствования Сапора, до 381 года.

День пятнадцатый

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА САВВЫ ГОТФСКОГО

«Церковь Божия, находящаяся в Готфии[1], Церкви Божией, пребывающей в Каппадокии[2], и всем христианам Православной Церкви, живущим среди всех народов вселенной, милость, мир и любовь Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа, — да умножится». Так начинается послание от Готфской Церкви к Церкви Каппадокийской[3], в котором предложено повествование о нижеследующем житии. Сказанное некогда святым апостолом Петром: *во всяком народе боящийся* Бога *и поступающий по правде приятен Ему* (Деян. 10, 35), вполне исполнилось на святом Савве, мученике Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа. Святой Савва, будучи родом готфянин и живя среди нечестивых и развращенных жителей Готфии, так подражал святым мужам и так, подобно им, был украшен добродетелями, что как яркая звезда блистал в мире.

---

[1] *Готфы* — народ германского племени, живший первоначально по течению реки Вислы, а потом расселившийся по реке Дунаю. В начале IV века среди готфов стало распространяться христианство. Первым проповедником и насадителем его здесь был *Вульфила*, или *Ульфила*, — епископ готфов.

[2] *Каппадокия* — область в Малой Азии.

[3] Послание это написано Асхолием, епископом Солунским, и Сараном, военачальником Скифии, родом каппадокиянином, около 374 года по поводу отправления мощей святого мученика Саввы из Готфии в Каппадокию. Предстоятелем Церкви Каппадокийской в это время был святой Василий Великий, который, получив святые мощи и послание, благодарил за них отправителей письмами, дошедшими до нас в его творениях.

Ибо он, от дней своей юности возлюбив закон Господень, поставил целью своей жизни и деятельности — достигнуть совершенства добродетели, прийти чрез познание Сына Божия в мужа совершенного (см.: Еф. 4, 13). Любящим же Бога все содействует ко благу (см.: Рим. 8, 28). И действительно, мужественно противоборствуя диаволу и отрекшись от суеты мирской, святой Савва, сохраняя мир со всеми людьми, достиг горнего Царствия и награжден был от Бога блаженством вечным. В воспоминание об этом святом мученике и в назидание благочестивых христиан, мы рассудили не умолчать о славных делах этого святого мученика, но предать записи историю его страданий.

Святой Савва твердо исповедовал святую веру христианскую, был скор к деланию добра, отличался благочестием, кротостью, простотою речи, но не разума, жил в мире со всеми, безбоязненно защищал истину, заграждая тем уста язычникам-идолослужителям, не был горд, но, как подобает смиренным, всем покорялся, был молчалив, на вопросы отвечал всегда спокойно, без гневливости, принимал участие в пении церковном и заботился о благоустройстве церкви, не прилагал сердца своего к приобретению имения и денег, довольствуясь только необходимым для насущных потребностей, — был трезвен, воздержан во всем, не имел никакого общения с женщинами. Все время он проводил в усердной молитве и посте, был чужд тщеславия, своим примером всех возбуждал к богоугодной жизни, так как сам творил только добро, и избегал того, что было противно добродетели. До конца жизни своей он сохранил веру, *действующую любовью* (Гал. 5, 6), и никогда не переставал безбоязненно проповедовать имя Христово. Прежде чем увенчаться венцом мученика за исповедание святой веры христианской, святой Савва неоднократно своими делами показал себя твердым поборником истинного благочестия.

Когда готфские князья и судьи начали преследовать христиан и склонять их к ядению идоложертвенных приношений, то некоторые из язычников сговорились между собою — предложить своим родственникам и знакомым, исповедующим христианскую веру, вместо идоложертвенных мяс не идоложертвенные, дабы и христиан предохранить от вкушения идолопоклонных мяс, и язычников-гонителей удовлетворить. Святой Савва, узнав об этом, не только

сам не пожелал вкусить от тех мяс, которые, хотя и не были идоложертвенными, но предлагались как идоложертвенные, помня слово апостольское: *если кто скажет вам: это идоложертвенное, — то не ешьте* (1 Кор. 10, 28), но, став среди народа, безбоязненно сказал во всеуслышание:

— Если кто-либо вкусил этих мяс, не может оставаться христианином.

Таковым увещанием святой воспрепятствовал всем впасть в сеть диавола. Поэтому придумавшие указанный обман выгнали святого Савву из своего селения, но вскоре попросили его вернуться назад. Когда же снова началось гонение, то некоторые идолопоклонники того же селения, приносившие жертвы идолам, захотели известить князя, что в их селении нет ни одного христианина, и намеревались клятвою подтвердить свои слова. Тогда снова святой Савва, безбоязненно став посреди народа, громким голосом воскликнул:

— Пусть никто не клянется за меня, ибо я христианин!

Упомянутые же идолопоклонники, утаив своих родственников, исповедующих христианскую веру, пришли к князю и клялись пред ним, что в их селении нет христиан, кроме одного.

Услышав об этом, беззаконный князь повелел привести к себе этого христианина (а это был святой Савва). Когда же он был приведен, князь спросил предстоящих:

— Имеет ли этот христианин какое-либо имущество?

Ему отвечали:

— Он ничего не имеет, кроме того, во что он одет.

Посмотрев с презрением на святого, князь сказал:

— Этот человек едва ли в состоянии оказать кому-нибудь какую помощь, равно как и повредить кому-либо.

Сказав так, князь повелел увести святого оттуда.

Спустя некоторое время в Готфии снова было воздвигнуто язычниками большое гонение на христиан. Приближался день празднования святой Пасхи, и блаженный Савва пожелал пойти в другое селение к христианскому священнику, по имени Гуфину, чтобы вместе с ним отпраздновать праздник святой Пасхи. Когда он шел туда, по дороге ему явился муж, большого роста и с сияющим лицом, который сказал ему:

— Возвратись и иди в свое селение к священнику Сапсалу.

Савва отвечал:

— Его нет дома, ибо он по причине гонения ушел из селения и проживает в греческой стране (святой Савва не знал, что в то время этот пресвитер возвратился в свой дом, дабы встретить праздник Пасхи дома).

Затем, пройдя мимо явившегося мужа, Савва направился к священнику Гуфину.

День этот был очень ветреный; внезапно нашло большое облако и выпал столь глубокий снег, что Савва был не в состоянии идти дальше. После этого Савва, уразумев, что он по Божиему промышлению был остановлен в своем путешествии, возвратился обратно, прославляя Бога.

Придя в дом священника Сапсала, он весьма возрадовался, увидав его, и поведал ему и другим все, что случилось с ним на пути. И они все вместе отпраздновали праздник Пасхи.

На третью ночь праздника внезапно напал на то селение Афарид, один из нечестивых начальников, сын князя Ротеста, с большим полчищем воинов-язычников. Застав священника мирно спящим в своем доме, он схватил его, а также и Савву, взяв его нагим прямо с постели, и связал обоих. Пресвитера посадили на телегу и везли, а Савву нагого, как младенца только что родившегося, влачили по терновнику, немилосердно ударяя его палками и бичами, и так влекли до самого города. Так безжалостны и жестоки были мучители к рабам Христовым! Но самая жестокость мучителей еще более способствовала тому, чтобы во всей силе явилось терпение и вера мужа Праведного.

При наступлении дня святой Савва прославлял во всеуслышание Господа своего и так говорил мучителям: «Не по терновнику ли вы меня нагого и босого гнали и влачили? Посмотрите же теперь, в язвах ли мои ноги? Или есть ли следы на моем теле от ваших ударов?»

Они, не видя ни малейшего знака от побоев на теле святого, весьма удивлялись этому. Затем они взяли оси от телеги и одну из них положили ему на плечи, протянув его руки к концам оси и привязав их к ней; другую же ось мучители привязали таким же образом к ногам святого. После этого мучители повалили святого на землю и

сильно мучили его весь этот день до самой глубокой ночи. Когда же мучители уснули, пришла женщина, вставшая ночью, чтобы приготовить своим домашним пищу; она освободила святого, и он, встав, стал помогать ей в ее деле.

При наступлении дня Афарид снова повелел связать святому руки и повесить его на перекладине в доме. Спустя некоторое время пришли посланные от Афарида с идоложертвенным мясом к пресвитеру и к Савве и сказали:

— Так говорит вам великий Афарид: вкусите этих мяс — и избавитесь от смерти.

Священник ответил посланным:

— Не вкусим, ибо не подобает нам есть этого оскверненного бесами. Мы согласимся скорее, чтобы Афарид распял нас или другим каким-либо образом предал смерти.

А блаженный Савва спросил пришедших:

— Кто прислал это?

Они отвечали:

— Господин наш Афарид.

На это святой сказал им:

— Один есть Господь — Бог, сущий на небесах. Нечисто и мерзко ваше пагубное мясо, как сам тот Афарид, от которого вы присланы.

Лишь только святой произнес эти слова, как один из слуг Афаридовых, придя в сильную ярость, с такой силой ударил в грудь святого копьем, бывшим в его руках, что все стоящие там подумали, что мученик умрет. Но мученик, хранимый Божественным провидением, не получил никакого следа от удара и не чувствовал никакой боли, и сказал ударившему:

— Ты думаешь, что сильно ранил меня своим копьем; а я почувствовал твой удар не более того, как если бы кто меня ударил мягкою шерстью.

Узнав обо всем происшедшем, Афарид повелел предать смерти святого мученика Савву. Тогда нечестивые слуги оставили связанным священника Сапсала, взяли Савву и повели к реке, называемой «Муссова»[1], чтобы там утопить его. Святой мученик, помня заповедь Господню о любви к ближнему своему, как к самому себе (см.: Мф. 22, 39), спросил ведущих его слуг:

[1] Река *Муссова* находилась во Валахии.

— Почему же пресвитер не предается смерти со мною?

Те отвечали святому:

— Это не касается тебя.

Он же, исполнившись радости, воскликнул:

— Благословен Ты, Боже, и прославлено имя Сына Твоего вовеки, аминь. Ибо Афарид сам предал себя смерти и вечной гибели, а меня отослал в жизнь вечную, нескончаемую. Так угодно Тебе, Господи Боже наш, чтобы было с рабами Твоими.

Таким образом и ведомый на смерть, святой не переставал хвалить и благодарить Бога, считая *нынешние временные страдания ничего* не стоящими *в сравнении с тою славою, которая откроется* (Рим. 8, 18).

Между тем слуги говорили друг другу:

— Почему нам не отпустить этого неповинного человека? Ведь Афарид не узнает об этом, если мы отпустим его.

Но святой Савва сказал им:

— Для чего вы говорите безумные речи? Исполняйте лучше сказанное вам. Ибо я вижу то, чего вы не можете видеть: вот стоят святые Ангелы, пришедшие со славою взять мою душу.

Тогда привели святого мученика на реку и, привязав к шее его большой кусок дерева, бросили святого в глубину речную и потопили. Так преставился святой Савва, до конца жизни своей сохранивший в чистоте святую веру. Прожил он тридцать восемь лет, увенчан венцом мученическим в пятый день после праздника Пасхи (то есть 12 апреля[1], в царствование Валентиниана на Западе, Валента на Востоке[2] и при правлении анфипатов[3] Модеста и Аринфия).

Спустя некоторое время палачи извлекли из воды тело мученика и бросили его на берег без погребения. Однако ни звери, ни птицы не прикоснулись к этому честно́му телу, так как оно было скрыто руками благочестивых христиан.

Один из скифских военачальников, Иуний Саран, почитавший истинного Бога, послав преданных мужей, взял честное тело мученика из земли готфов и перенес в страну греческую. Желая украсить

---

[1] Кончина святого мученика последовала в 372 году.

[2] Император *Валентиниан* царствовал с 364 по 375 год, а брат его Валент — с 364 по 378 год.

[3] *Анфипат* — проконсул, правитель более или менее обширной государственной области (провинции).

свое отечество, он этот чудный дар и славный плод веры послал, по совету пресвитеров, в Каппадокию к вашему благочестию, — заключает послание — согласно воле Господа, дарующего благодать Свою боящимся Его. Совершая память мученика в тот день, в который он был увенчан мученическим венцом[1], возвещайте об этом и прочим братиям, дабы вся Православная Апостольская Церковь, духовно радуясь, прославила Господа, избравшего Себе таковых рабов Своих. Приветствуйте всех святых; целуют вас лобзанием святым все братия, терпящие вместе с нами гонение. Могущему же нас благодатью и человеколюбием Своим привести в небесное Царство слава, честь и поклонение, с Единородным Его Сыном и Пресвятым Духом вовеки, аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ
АРИСТАРХА, ПУДА и ТРОФИМА[2]

Святой Аристарх, о котором упоминается в книге Деяний апостольских (см.: Деян. 19, 29) и в посланиях святого апостола Павла к колоссянам (см.: Кол. 4, 10) и к Филимону (см.: Флп. 1, 24), был епископом в сирийском городе Апамее[3].

Святой Пуд, о коем говорит апостол Павел во втором послании к Тимофею: *Приветствую тебя Еввул и Пуд* (2 Тим. 4, 21), был членом римского сената[4]. Будучи благочестивым и добродетельным человеком, он принимал в доме своем святых апостолов Петра и Павла; у него также собирались и другие верующие для молитвы, так что его дом впоследствии обратился в церковь, получившую наименование

---

[1] Святой Димитрий Ростовский в послесловии к житию святого Саввы замечает, что память этого мученика приличнее было бы совершать именно 12 апреля, но так как в прологе она положена под пятнадцатым числом, то под ним же он поместил в Минеи-Четьи и повествование о страдании святого Саввы.

[2] *Святые Аристарх, Пуд и Трофим* — апостолы из числа семидесяти.

[3] *Апамея* находилась на юго-западе Сирии и была расположена на берегу реки Оронта.

[4] *Сенат в Риме* — высшее правительственное учреждение, ведавшее все государственные дела.

«Пастырской». Предание говорит, что в этой церкви священнодействовал сам апостол Петр.

Святой Трофим, о коем упоминает книга Деяний апостольских (см.: Деян. 20, 4), и апостол Павел в том же втором послании к Тимофею в таких словах: *Трофима же я оставил больного в Милите* (2 Тим. 4, 20), вместе с апостолом Пудом и Аристархом сострадал с апостолом Павлом при всех бывших на него гонениях.

Все упомянутые три апостола скончались в Риме вместе с апостолом Павлом[1], будучи усечены мечом по повелению императора Нерона[2].

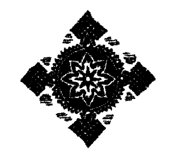
ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИЦ
ВАСИЛИССЫ И АНАСТАСИИ

Просвещенные верою христианскою святыми апостолами Петром и Павлом, святые Василисса и Анастасия посвятили себя на служение Господу, погребая тела святых мучеников, умерщвля-

[1] Кончина святых апостолов последовала около 65 года.

[2] *Нерон* — император римский, царствовал с 54 по 68 год и оставил по себе память как один из самых жестоких преследователей христианства.

емых за Христа. Когда императору Нерону[1] было донесено о них, то, по повелению его, они были взяты воинами и заключены в темницу. После того они приняли многие мучения за Христа: их били без милосердия, строгали железом, опаляли свечами, но они оставались твердыми и непреклонными в вере христианской. Наконец, им усечены были главы[2], после чего они отошли ко Господу, чтобы предстать пред Ним на небесах в сонме прочих святых мучеников и мучениц.

---

[1] Император римский *Нерон*, жестокий гонитель христианства, царствовал с 54 по 68 год.

[2] Кончина святых мучениц последовала во второй половине I века. Мощи их покоятся в Риме, в храме, построенном в честь Божией Матери, умиротворительницы.

День шестнадцатый

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ МУЧЕНИЦ
АГАПИИ, ХИОНИИ и ИРИНЫ

Когда император Диоклетиан[1] находился в итальянском городе Аквилее[2], ему было возвещено из Рима, что все римские темницы переполнены христианами, которые хотя и предаются многоразличным мучениям, однако не отрекаются от своего Христа. Они все имеют учителем Хрисогона и слушают его, твердо держась его учения. В ответ на это известие Диоклетиан повелел предать смерти всех христиан, кроме одного Хрисогона, которого велел привести к себе на мучение.

Когда святого исповедника Христова Хрисогона вели связанного из Рима в Аквилею к императору Диоклетиану, святая Анастасия Узорешительница[3] следовала за ним, как за своим учителем, издали.

---

[1] *Диоклетиан*, император римский, царствовал с 284 по 305 год.

[2] *Аквилея* — в древности большой и знаменитый город в Северной Италии, основанный римлянами за два столетия до Рождества Христова. В истории христианской Церкви город Аквилея замечателен как место нескольких Поместных соборов и как колыбель особого Символа веры (так называемого «аквилейского»).

[3] Святой Анастасии присвоено наименование «Узорешителницы» потому, что она обходила христиан, заключенных в темницах (находившихся «в узах»), и подавала каждому свою посильную помощь, как, например, лечила их раны, выкупала их из темницы или утешала их в страданиях. Впоследствии она сама скончалась мученически, быв умерщвлена за исповедание имени Христова в 304 году. Память ее празднуется святою Церковью 22 декабря.

По прибытии к Диоклетиану мученик Христов был предан жестоким мукам, как не повинующийся нечестивому царскому повелению; потом он был осужден на смерть и обезглавлен[1] вне города в отдаленном пустынном месте. Честно́е тело его лежало на морском берегу, брошенное на съедение зверям и птицам.

Недалеко от того места имел пребывание один священник, по имени Зоил, благочестивый старец. Близ него жили три девы, сестры по телу и по духу, Агапия, Хиония и Ирина. Священник, узнав, по откровению Божию, о местонахождении тела святого мученика Хрисогона, взял его вместе с главою и, вложив в деревянный гроб, скрыл в своем доме. На тридцатый день после этого ему явился в видении святой Хрисогон и сказал: «Знай, что до истечения девяти дней живущие недалеко от тебя три девы Христовы будут взяты на мучение. Поэтому скажи рабе Господней Анастасии, чтобы она позаботилась о них, возбуждая их к мужественному перенесению подвига, пока они не будут увенчаны страдальческим венцом. Будь и ты в доброй надежде, что получишь сладкие плоды твоих подвигов, ибо вскоре освободишься от земных уз, с радостью отойдешь ко Христу и упокоишься вместе со святыми».

Такое же откровение было и святой Анастасии. Подвигнутая Божественным Духом, она пришла к дому пресвитера, которого раньше совсем не знала, и спросила его:

— Где те девы, о мученической кончине коих было открыто тебе в видении?

Узнав, где находится их жилище, она пришла к ним, с любовью приветствовала их и пробыла у них одну ночь, ведя с ними душеспа-

[1] Кончина святого мученика Хрисогона последовала около 304 года. Память его празднуется святой Церковью 22 декабря.

сительную и исполненную Божественной любви беседу, в которой возбуждала их мужественно, до крови, постоять за Жениха своего — Христа. Увидав в дому священника мощи святого мученика Христова Хрисогона, своего любимого учителя, Анастасия долгое время плакала над ними, обливая их слезами и поручая себя молитвам этого святого. После этого она снова вернулась в город Аквилею, и там продолжала совершать обычное свое служение узникам Христовым, заключенным в темницах, помогая им от своего имущества.

Действительно, все так и произошло, как сказал в видении святой Хрисогон священнику Зинону: спустя десять дней святой пресвитер преставился ко Господу, а три святые девы — Агапия, Хиония и Ирина были схвачены и отведены к императору Диоклетиану на мучения.

Увидав их, император спросил:

— Какое безумие научило вас последовать жалкому и скверному заблуждению, унижая справедливый закон наш и презирая, как нечто нечистое, наших богов? Но так как я вижу, что вы знатного рода, молоды и прекрасны, то, сожалея вас, советую вам пощадить себя. Отрекитесь от вашего Христа и принесите жертву богам, и я дам вам из своей свиты трех юношей знатного рода, вполне достойных вашей красоты, чтобы вы имели славных мужей, ради которых и сами будете в почести.

На эти царские прельщения ответила старшая сестра, святая Агапия:

— Царь, тебе надлежит заботиться о народных делах, о иноплеменниках, о войсках, а ты говоришь многое несправедливое, унижая Живого Бога, помощь Коего тебе весьма необходима и благость Коего долготерпит о тебе; ты же Его хулишь.

Тогда Диоклетиан сказал:

— Эта девица безумна; приведите ко мне другую.

После того к нему привели ее сестру, святую Хионию, которая сказала царю следующее:

— Моя сестра, царь, не безумна. Наоборот, рассуждая здраво, она показала неправоту твоего увещания — поклониться идолам.

Царь же, не желая далее слушать и эту сестру, повелел подвести к себе поближе третью сестру, святую Ирину, и сказал ей:

— Так как твои сестры обезумели, то ты, юнейшая из них, преклони свою голову пред богами, дабы и сестры твои, смотря на тебя, сделали и то же самое.

Но и святая Ирина с твердостью отвечала:

— Пусть преклоняют свои головы пред идолами все обезумевшие в своем нечестии противники истинного Бога. Что может быть суетнее и безумнее сего, как поклоняться произведению художника, сделанному им за известную плату? Ибо сначала ты советуешься с художником, за какую цену и какого сделать идола, стоящего ли или сидящего, лежащего или скачущего, смеющегося или плачущего, из какого сделать материала — из дерева ли, или из камня, или из меди, или из иного какого материала. И если он сделает плохо, ты нарушаешь условие, а если хорошо, то отдаешь обещанную плату. А потом этому купленному и сделанному ты поклоняешься, называя своим богом истукана, которого скорее подобает называть купленным рабом, нежели богом.

В ответ на такие речи святых дев Диоклетиан сказал:

— На таковые слова надлежит отвечать мучениями, — и повелел бросить святых дев в темницу. Между тем святая Анастасия (по своему обыкновению обходившая заключенных в темницах) пришла и к этим святым девам и утешала их упованием на помощь Божию и надеждою славной победы и торжества над врагами.

По прошествии некоторого времени царю было надобно отправиться в Македонию[1] для устроения некоторых народных нужд. За ним туда были отведены все христиане, находившиеся в заключении в Аквилее, вместе с коими были и три святые девы — Агапия, Хиония и Ирина; святая Анастасия также последовала за ними. Когда прибыли в Македонию, царь приказал игемону[2] Дулкицию подвергнуть пыткам христиан, дабы принудить их к принесению идольских жертв; непокорных же приказал после различных мучений предавать смерти. Так как невозможно описать страдания множества святых мучеников, в то время там преданных различным мукам, то мы скажем только о страдальческих подвигах вышеназванных трех святых дев.

---

[1] *Македония* — страна на Балканском полуострове, примыкающая к северо-западному углу Эгейского моря (Салоникский залив).

[2] *Игемон* — областной правитель.

Когда эти невесты Христовы были приведены на мучения пред игемона Дулкиция, тотчас он, увидав их необыкновенную красоту, воспылал к ним нечистым желанием. Он повелел заключить их под стражу и велел передать им через стражника, что они получат свободу и многие дары, если согласятся исполнить нечестивое желание князя. Но святые девы лучше желали тысячу раз умереть, нежели хотя один раз быть опороченными, так что ни ласками, ни угрозами, ни подарками, ни мучениями игемон не мог склонить их согласиться исполнить свое нечестивое желание. Не будучи в состоянии преодолеть сжигавший его пламень похоти, игемон задумал прийти ночью к ним в комнату, в которой они содержались, чтобы опорочить их.

При наступлении ночи святые девы стали на молитву, воспевая Богу всенощное славословие и псалмы. Игемон, желая войти к ним, лишь только коснулся порога их комнаты, тотчас обезумел и не мог идти дальше. Вблизи того помещения, в котором находились три сестры, была поварня, где стояло множество сосудов — горшков, котлов и сковород, черных от сажи. Не будучи в состоянии войти в комнату, в которой находились святые девы, игемон, обольщенный бесами, вошел в поварню, причем выпачкался здесь в саже, загрязнив ею свое лицо, руки и всю одежду, и в таком виде вышел к ждавшим его слугам, стоявшим около той комнаты с зажженными светильниками в руках. Слуги, увидав игемона всего черного, страшного, как эфиопа, сильно испугались и, бросив светильники, убежали оттуда. Игемон же, недоумевая, отчего побежали слуги при виде его, подумал, что они смеются и издеваются над ним, и пришел в сильный гнев. В это время стало уже рассветать, и где бы ни проходил князь, всюду все разбегались при виде его — и слуги, и стражи, и воины, спасаясь от него как бы от какого страшилища. Тогда игемон отправился во дворец царский, намереваясь пожаловаться царю на воинов, бывших под его начальством, за то, что они не слушались его и даже насмехались над ним. Но лишь только он подошел к царскому жилищу, как услышал громкий и продолжительный смех, доносившийся до него оттуда, причем, некоторые из бывших там предались бегству, испугавшись его, другие же стали бить его, отгоняя от дверей царского жилища, так как никто не мог подумать, что это — игемон Дулкиций, но все думали, что это был какой-нибудь юродивый. Однако игемон все еще не мог понять того, что он весь в саже, так как

глаза его, по действу диавола, омрачились. Ему казалось, что он был бел лицом и одежда и руки его были чисты. Но когда, наконец, слуги его догадались, что господин их обезумел, тотчас побежали за ним и отвели его домой, говоря: «Посмотри на себя, каков ты!»

Когда же он вошел в дом, то жена его и все домашние рабы и рабыни стали сильно плакать, думая, что он сошел с ума, а прочие сторонились его и не вступали с ним в общение. Сам же он все еще недоумевал и удивлялся, почему одни плачут о нем, а другие даже гнушаются им. Потом нечестивые глаза его открылись и он увидал себя загрязненным, заметив в зеркале, что лицо его было черно, как у эфиопа, и поняв, что был посрамлен бесом. Тогда он сильно разгневался на святых дев, думая, что они посредством своего волшебства соделали с ним все это, и придумывал, как бы им отомстить. Вымыв свое тело и переменив одежду, он сел на судейском месте в виду всего народа. Затем игемон повелел, приготовив орудие для мучений, снова привести святых дев.

Когда же святые девы были приведены, игемон приказал обнажить их, дабы увидать их тела. Но лишь только начали совлекать с них одеяния — не могли ничего соделать, ибо, по Божиему изволению, одежды святых так крепко пристали к их телам, как бы кожа к телу, — и все дивились такому чуду. Слуги, хотя и долгое время старались снять со святых одежду, не могли этого сделать.

Игемон же, сидя на судилище, внезапно задремал и вдруг уснул таким крепким сном, что его никак не могли разбудить: его и толкали и громко кричали, около него, но он спал как мертвый. Тогда, взяв его спящим, отнесли его в его дом. Но лишь только он был внесен в дом, как тотчас проснулся.

Узнав обо всем случившемся с игемоном Дулкицием, царь сильно разгневался на него и повелел отдать святых дев на истязание судье Сисинию. Этот судья начал свой допрос с младшей сестры, Ирины. Он спросил:

— Повинуешься ли ты царскому повелению?

Святая отвечала:

— Нет, не повинуюсь, ибо я — христианка, раба Всемогущего Бога.

Тогда судья приказал отвести ее в темницу. Потом, повелев привести пред судилище Агапию и Хионию, сказал им:

— Младшая сестра ваша прельщена и научена вами презирать Божественные законы; поэтому я решил пока отложить мучения ее, дабы она, видя ваши мучения, убоялась и послушалась нас. Если же вы желаете избавиться от мучений, принесите жертву богам, как приносим мы, повинуясь царскому повелению.

Святая Агапия ответила судье:

— Вера наша непоколебима.

Тогда судья сказал Хионии:

— А ты что скажешь?

Хиония отвечала:

— Вера наша останется неизменною.

Тогда судья спросил:

— Есть ли у вас какие-либо христианские книги?

Святые девы отвечали:

— Есть книги, но они сокрыты в нашем уме, откуда их невозможно взять врагам Христовым.

Судья спросил:

— Кто научил вас добровольно предать себя на такие мучения?

Святые девы отвечали:

— Мучения эти временны и приносят большую пользу, ибо через них можно достигнуть вечной славы.

Судья строго сказал:

— Исполните царское повеление и принесите жертвы богам.

Но святые девы сказали:

— Мы приносим Богу жертву хвалы, диаволу же никогда не принесем жертвы. Не думай отвратить нас от Бога Господа нашего Иисуса Христа, но исполняй приказанное тебе твоим царем земным, как и мы исполняем повеления нашего Царя небесного.

Тогда, разгневавшись, судья Сисиний дал такое приказание относительно святых:

— Повелеваю Агапию и Хионию, не согласившихся после судебного увещания исполнить царское повеление, сжечь живыми.

Услыхав такой приговор, святые девы исполнились радости и громко воскликнули:

— Благодарим Тебя, Господи Иисусе Христе, что сподобил нас быть исповедницами Твоего пресвятого имени. В руки Твои, Владыко, приими наши души!

Брошенные в огонь, святые девы молились там и с молитвой предали души свои в руки Господа своего[1]. Между тем сильное пламя нисколько не повредило не только телам святых дев, но не коснулось даже и их одежд, так что никакого следа от огня не осталось на них. Произошло это в знамение язычникам, что святые девы не от огня умерли, но своими молитвами испросили себе от Бога блаженную кончину. Честные тела их, не поврежденные огнем, слуги святой Анастасии Узорешительницы ночью взяли и принесли к своей госпоже. Святая же Анастасия, помазав святые тела их ароматами, с честью положила в новом гробе, радуясь духом и моля Господа, да сподобит Он и ее быть участницею в блаженстве тех святых дев.

На другой день судья Сисиний снова сел на судилище и приказал привести святую Ирину. Когда она была приведена, он сказал ей:

— Принеси жертву богам, чтобы и тебе не погибнуть на огне так же, как погибли твои сестры.

Но святая мужественно отвечала:

— Не принесу жертвы, ибо весьма желаю быть участницею в блаженстве моих сестер, да не буду вдали от них, когда они предстанут пред лицо Божие.

— Послушайся нашего увещания, — сказал судья, — в противном случае ты будешь подвергнута еще более жестоким мукам, чем твои сестры.

— Я готова на всевозможные мучения, — отвечала святая, — ибо желаю умереть за истину и чрез смерть получить жизнь вечную; я желаю, пройдя сквозь огонь, достигнуть утехи.

Тогда судья сказал ей:

— Я прикажу отвести тебя, нагую, в блудилище, дабы ты была там предана поруганию, пока не умрешь.

Святая отвечала:

— Тело мое также будет страдать от блудника, как от кусающегося пса, или от волка, или от медведя, или от жала змеи. И для меня гораздо лучше, если будет страдать мое оскверненное тело, нежели я оскверню идолопоклонством свою душу, ибо грех, соделываемый поневоле, когда душа не соизволяет на это, не поставляется в вину пред Богом. Разве осквернились святые, раньше пострадав-

---

[1] Кончина святых дев-мучениц Агапии и Хионии последовала в 304 году.

шие за исповедание имени Иисуса Христа, коим насильно мучители вливали в уста кровь идоложертвенную?

— Неужели не осквернились вкусившие от наших жертв, — спросил судья.

— Не только не осквернились, — отвечала святая, — но были увенчаны от Бога за это, так как им, имеющим связанные руки, насильно открывали уста и насильно же вливали в них идоложертвенную кровь. Грех, совершенный добровольно, заслуживает наказания, а совершенный против воли, не вменяется. Также и мне, отдавшей свое тело Христу моему, если сделаете что-либо насилием, — надеюсь, что не буду посрамлена пред моим бессмертным Женихом, но получу он Него награду, так как ради Него я терплю от вас насилие. Я не обращу внимания на то, что вы захотите сделать с моим телом: предадите ли вы его осквернению, или ранам, или огню, я готова все претерпеть ради имени Господа Бога моего. Но Бог мой имеет власть и силу и не допустит вам сделать то, что замыслили сделать со мной.

Тогда судья повелел воинам отвести юную деву в блудилище и приказал, чтобы там она была отдана на поругание до тех пор, пока не умрет. На дороге, когда святую вели воины, их догнали другие два воина, весьма величественные по виду и светлые лицом, и сказали воинам, ведущим святую:

— Судья послал нас сказать вам, чтобы вы отвели эту деву туда, куда мы вам покажем.

И отвели их за город и, возведя на один, весьма высокий, холм, сказали воинам:

— Ступайте, скажите судье Сисинию, что вы поставили деву на холме, как вам было велено.

Воины отправились к судье, а два светлые мужа стали невидимы, ибо это были Ангелы Божии.

Святая же дева Ирина стояла на холме, хваля и благодаря Христа Бога, избавившего ее от рук блудников.

Когда судье было донесено о случившемся, он сильно разгневался на то, что его повеление не было исполнено, и, сев на коня, поехал к тому холму.

Подъехав, судья увидал святую деву, стоящую на холме, но не мог взойти на холм, ибо ему показалось, что холм был как бы огражден

высокою стеною, которую невозможно было переступить. Объезжая вокруг холма, он пылал сильным гневом на то, что не мог приблизиться к святой деве, и так ездил он от утра до вечера, ничего не добившись. Некоторые же из бывших при нем воинов, натянув свои луки, пустили в святую стрелы и ранили ее. Она же воскликнула, обращаясь к судье:

— Я смеюсь над тобою, окаянный, что ты, как бы на какого сильного мужа, вышел на меня, слабую женщину, с оружием. Но вот я, чистою и неоскверненною вами, отхожу ко Господу моему Иисусу Христу, Который ныне сопричислит меня к моим сестрам.

Сказав так и воздав благодарение Богу, святая легла на землю и предала свою душу Господу. Случилось же это за день до праздника святой Пасхи[1].

Когда наступила ночь, святая Анастасия послала своих слуг взять честно́е тело святой мученицы Ирины с холма и, помазав его ароматами, положила его вместе с телами сестер ее.

Так совершили свой страдальческий подвиг святые мученицы три сестры девы — Агапия, Хиония и Ирина и предстали со славою престолу Пресвятой Троицы — Отцу и Сыну и Святому Духу, Единому Богу, Ему же слава вовеки. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
ИРИНЫ

Святая мученица Ирина пострадала во время праздника святой Пасхи в Греции[2]. Вместе со многими другими христианами она проживала в одной пещере, и все они проводили время в постоянных молитвах. Нечестивые служители идолов донесли на них правителю, и святая Ирина по его повелению была схвачена, приведена в оковах и заключена в темницу. Представ затем пред правителем, она на допросе смело исповедала Христа истинным Богом, Творцом и

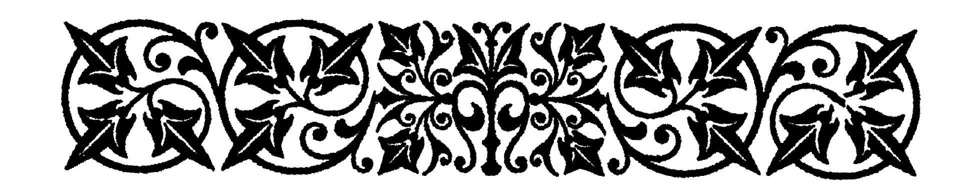
[1] Кончина святой мученицы Ирины последовала в 304 году.

[2] По Прологу, святая мученица пострадала в городе Коринфе, а по Четьей-Минее — в Македонии. Мученическая кончина ее относится или к 205 году (ко времени гонения Декия), или к 304 году, ко времени гонения Диоклетиана.

Спасителем всего сущего, Искупителем людей и разрушителем идолов. За это она была избита и снова заключена в темницу. После этого правитель занялся разбором дел, поступивших от городских жителей, а потом, освободившись от них, приказал опять вывести святую из темницы. Когда она была приведена к нему, то он стал принуждать ее отречься от Христа, но она и слушать об этом не хотела. Тогда, по повелению мучителя, ее предали жестоким мучениям: отрезали ей язык, выбили зубы и, наконец, отсекли мечом голову.

В тот же день **память святого мученика Леонида** и с ним **святых жен: Хариессы, Нунехии, Василиссы и Феодоры**, в Коринфе страдавших и в море потопленных в 251 году.

День семнадцатый

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
СИМЕОНА,
епископа Персидского

Когда в Персии[1] сильно умножилось число христиан и они имели свои церкви, епископов, священников и диаконов[2], языческие волхвы, видя это, пришли в большую ярость и гнев на христиан. Эти волхвы, ведя свое происхождение от древнейших волхвов, были защитниками и охранителями нечестивого персидского лжеверия. Вместе с ними восстали на христиан и иудеи, всегдашние враги христианства. Сговорившись с волхвами, они научили Персидского царя Сапора[3] воздвигнуть гонение на христиан[4]. А еще раньше этого они оклеветали пред ним святого Симеона, который был епископом города Селевкии-Ктезифона[5], сказав, что этот христианский епископ враждебен Персидскому царству и дружит с Греческим царем,

---

[1] *Персия* занимает западную часть Иранской возвышенности. Современными границами ее являются: с запада — Турция, с востока — Афганистан и Белуджистан, с юга — Индийский океан и с севера — Закаспийская область. Основателем персидской монархии был Кир, царствовавший с 558 по 529 год до Рождества Христова, известный своими завоеваниями (он завоевал почти всю Западную Азию).

[2] Это было в IV веке по Рождестве Христовом.

[3] *Сапор II*, царь персидский с 310 по 381 год.

[4] Гонение на христиан было поднято Сапором II на 32-м или 33-м году его царствования, следовательно, в 343–344 годах.

[5] *Селевкия-Ктезифон* — наименование персидского города, разделенного рекою Тигром на две противолежащие части. Город этот был основан Селевком I Никатором, царствовавшим с 353 по 281 год до Рождества Христова.

которому он будто бы доносил обо всем, совершавшемся в Персии.

Тогда царь Сапор, прежде всего, наложил на христиан большую и очень тяжелую подать и приказал строгим мужам наблюдать за уплатою подати. Потом он стал открыто умерщвлять священников и служителей Божиих, стал грабить церковные имущества и разорять самые церкви, срывая их до основания; епископа же Симеона, как мнимого врага Персидского царства и противника нечестивого суеверия персидского, он повелел схватить и привести к себе на суд.

Согласно царскому распоряжению, к царю был приведен святой Симеон с двумя священниками, Авделаем и Ананием. Епископ, взятый воинами и скованный железными узами, не только не устрашился гнева царя, но даже и не поклонился ему. Поэтому царь, весьма разгневавшись, спросил святого:

— Почему ты не кланяешься мне, как прежде кланялся?

Святой отвечал:

— Раньше меня не приводили к тебе так, как я приведен теперь, — и я преклонялся пред тобою, воздавая достойную честь твоему сану. Теперь же, когда я приведен, чтобы отречься от моего Бога и отступить от своей веры, мне не подобает кланяться тебе, врагу моего Бога.

Царь стал его убеждать поклониться солнцу[1] и обещал ему за это многие подарки и почести, угрожая в противном случае истребить совершенно христианство в своем царстве. Когда же царь увидал, что святой мужественен и ни ласками, ни угрозами не склоняется к его нечестию, то повелел посадить его в темницу.

---

[1] Поклонение солнцу было принадлежностью почти всех языческих религий.

В то время, когда святого вели из царских палат в темницу, его увидал евнух[1] Усфазан[2], уже преклонный летами, воспитавший царя Сапора от дней детства его и пользовавшийся от всех большим почетом, так как был самым близким человеком к царю. Этот евнух сидел тогда около царских палат и, увидав, что выводят святого Симеона епископа, тотчас встал с своего места и низко поклонился архиерею Божию. Но святой Симеон отвернул от него свое лицо и громко укорял его за отступничество, ибо он сначала был христианином, а потом поклонился солнцу из страха пред царем. Усфазан после этого начал сильно сокрушаться, стал плакать и рыдать, снял с себя драгоценные одежды, облекся в простую и грубую одежду и, сидя у дверей царского дворца, со слезами говорил себе: «Горе мне окаянному! Как я предстану пред Богом моим, от Которого я отрекся? Вот, Симеон, и тот отвернул от меня свое лицо за мое отступничество; как же посмотрит на меня Создатель мой?»

Говоря так, он неутешно рыдал. Узнав об этом, царь Сапор тотчас призвал его к себе и, увидав, что он плачет, спросил его:

— Какая причина твоей печали? Что такое скорбное произошло с тобою в царском дворце?

Усфазан отвечал:

— Нет, со мной ничего не произошло худого или печального в твоем дворце, хотя я и желал бы перенести все несчастия мира, печали и беды, нежели одно то, о чем теперь я сокрушаюсь сердцем и плачу, — именно, что доселе живу на земле: я так стар годами и давно уже мне дóлжно бы умереть, а я еще смотрю на солнце, которому поклоняюсь как богу. Лучше бы я умер, нежели отступил от Бога, Создателя всей твари, поклонившись созданию вместо Творца. Но это соделал я не по искреннему своему желанию, а лицемерно, желая быть угодным тебе, а потому я достоин смертной казни по двум причинам — во-первых, я отрекся от Христа, Бога моего, а во-вторых, оказался неверным в старости моей тебе. Но, клянусь Бо-

---

[1] *Евнух* — оскопленный слуга, предназначавшийся обыкновенно для службы в гаремах Востока. Поставленные в возможность действовать на восточных властителей и непосредственно, и через любимых ими жен и наложниц, евнухи часто приобретали сильное влияние на ход государственных дел.

[2] Языческим именем Усфазана было *Гугсциатазад*.

гом, Создателем неба и земли, что я уже более не сделаю такого греха. Не прогневаю более Господа и Бога моего Иисуса Христа, Бессмертного Царя, ради царя смертного; не преклоню уже более колен моих пред солнцем, созданием Божиим, но буду поклоняться Самому Создателю с нынешнего дня до конца.

Выслушав Усфазана, царь Сапор весьма удивился такой неожиданной перемене в нем и начал еще более гневаться на христиан, думая, что они каким-либо волшебством обольстили Усфазана. Жалея же старца, он стал просить его, как отца, чтобы он не делал их богам такого унижения, себе бесчестия и царскому дому печали, и увещевал его к этому то ласками, то угрозами. Но Усфазан отвечал царю:

— Довольно с меня и того безрассудства, которое я допустил ранее; теперь же не буду делать так, не буду почитать творения вместо Творца.

После долгих и разнообразных увещаний царь, видя, что Усфазан непреклонен, осудил его на усечение мечом.

Ведомый на смертную казнь, блаженный Усфазан подозвал к себе одного своего верного друга, евнуха и царского кубикулария[1], и просил его, чтобы он пошел к царю и передал ему последние слова его. Он сказал так:

— Царь, — так говорит Усфазан, — вспомни мою службу, вспомни, как от дней моей юности я служил сначала отцу твоему, а потом тебе до последнего времени со всяким усердием. Для подтверждения этого не надобно свидетелей, потому что ты сам хорошо знаешь это. За всю эту службу я прошу у тебя одну награду: сделай известным всем, за что я умираю. Повели глашатаю громогласно возгласить об этом, дабы все князья, знатные люди и весь народ знали, что не за какое-либо преступление и вину пред царем умирает Усфазан, но что он умирает за то, что он христианин и не захотел отречься от своего Бога.

Когда была передана эта просьба царю Сапору, он согласился исполнить ее, так как надеялся привести в большой страх всех христиан, если они услышат, что и старца Усфазана, честного и крот-

[1] *Кубикуларий* (от лат. cubiculum — спальня) — постельник, наблюдатель за царской спальней.

кого мужа, царского воспитателя, царь не пощадил, но за исповедание имени Христова без милосердия предал смерти. Святой же Усфазан думал иначе: он думал, что христиане, коих он устрашил и опечалил своим отступничеством от христианства, узнав о его обращении и мученической смерти за Христа, возрадуются и укрепятся к твердому перенесению подобных же страданий.

Таким образом, святой мученик был усечен во главу, при громком восклицании глашатая, что Усфазан пошел на казнь не за какую другую вину, кроме той, что он исповедует Христа.

О таковой кончине Усфазана узнал святой епископ Симеон, пребывавший в темнице со священниками и с прочими христианами. Они исполнились неизреченной радости и прославили Бога, обратившего Усфазана от заблуждения и увенчавшего его мученическим венцом.

Спустя некоторое время, будучи вторично призван к царю, святой Симеон много с дерзновением говорил пред ним о вере христианской и не хотел поклониться солнцу, а также преклониться пред царем.

Тогда, разгневавшись, царь повелел всех христиан, которые содержались в темницах и в узах, вывести на умерщвление в день спасительного страдания Господа нашего Иисуса Христа. Всех выведенных на казнь было числом сто человек, среди которых было много священников, диаконов и клириков. Все они были осуждены царем на усечение мечом пред глазами Симеона, а после всех должен быть умерщвлен и Симеон. Когда вели связанных христиан на смерть, старейший из волхвов громогласно восклицал: «Если желает кто-либо из вас остаться в живых, то пусть вместе с царем поклонится солнцу, и тотчас отпущен будет на свободу».

Но ни один христианин не отозвался на его зов — никто ничего ему не ответил, ибо никто не желал предпочесть жизнь временную вечной, но каждый хотел с радостью умереть за Христа Жизнодавца. Святой же епископ укреплял всех к безбоязненному перенесению мучений и смерти, наставляя всех словами Священного Писания и укрепляя всех к перенесению страданий надеждою на вечную жизнь в Царствии небесном. И все они были усечены мечом. Потом же и святой Симеон, пастырь своего словесного стада, пославший пред

собою стадо свое ко Христу, Начальнику пастырей, после всех и сам положил свою главу под меч и отошел ко Господу[1]. Вместе с ним были умерщвлены и оба пресвитера, взятые с ним, Авделай и Анания, оба состарившиеся летами.

Когда дошла очередь до Анания преклонить свою главу под меч, то он начал бояться и трепетать от страха. Стоявший же около него некий знатный муж, по имени Фусик, бывший начальником всех низших служителей во дворце, исповедовавший тайно христианство, увидав, что священник Анания испугался усечения мечом, воскликнул, обратившись к нему:

— Не страшись, старец! Закрой глаза твои и будь тверд, ибо тотчас увидишь Божественный свет.

Лишь только этот муж сказал это, тотчас узнали, что он был христианином; его схватили и привели к царю. Он же безбоязненно исповедал себя пред царем христианином и отрекся от нечестивой веры персидской.

Слыша его слова, царь пришел в сильный гнев и повелел умертвить его, но не чрез усекновение мечом, а другим каким-либо мучительным способом. Разрезав его шею назади, вынули оттуда язык его, и отрезали его, потом содрали кожу со всего тела святого; в таких мучениях и был умерщвлен святой.

В то же время мучители схватили и его дочь девицу, по имени Аскитрею, и после мучительного истязания умертвили и ее. При этом были умерщвлены и многие другие исповедники веры в Господа Иисуса. Спустя же год после этого события, также в Великий пяток, был умерщвлен святой Азат, скопец, любимейший царский слуга, и с ним тысяча святых мучеников. Святая Церковь исчисляет число замученных за Христа за все это время в тысячу сто пятьдесят человек. Церковные же историки Созомен[2] и Никифор Каллист[3] в своих сочинениях повествуют, что в это время было умерщвлено

[1] Кончина святого Симеона и других мучеников с ним последовала в 343–344 годах.

[2] Церковный историк *Созомен* жил в V веке и исполнял в Константинополе должность адвоката. Им продолжена История христианской Церкви (начатая историком Евсевием) с 323 по 439 год.

[3] *Никифор Каллист* — церковный историк XIV века, монах Софийского монастыря в Константинополе. Его «Церковная История» (в 18 книгах) доведена до кончины византийского императора Фоки (около 611 года).

бесчисленное множество христиан, в самый день страдания Христова и в день святой Пасхи. Ибо как только вышло повеление нечестивого царя Сапора – умертвить всех христиан в его стране, тотчас верующие обоего пола, старые и юные, сами с поспешностью выходили из своих домов и без страха отдавали себя на умерщвление, с радостью умирая за своего Господа.

Когда же был умерщвлен святой Азат-скопец, царь весьма сожалел о нем, так как сильно любил его, и потому приказал прекратить убийства; только предписал своим волхвам отыскивать и предавать мучениям учителей и наставников христианских, епископов и пресвитеров, а остальных христиан повелел щадить. Мы же, почитая память всех святых мучеников, прославляем Подвигоположника и Венцедавца Христа, Спасителя нашего, со Отцом и Святым Духом прославляемого вечно. Аминь.

ЖИТИЕ ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО **АКАКИЯ**, епископа Мелитинского

Святой угодник Божий Акакий был уроженец армянского города Мелитины[1] и происходил от благочестивых и богобоязненных родителей, которые, не имея детей, молитвою и постом испросили себе у Бога этот благословенный плод. Воспитав сына в учении книжном, родители отвели его к епископу того города и отдали на служение Богу, ибо так обещали, когда просили у Бога себе дитя.

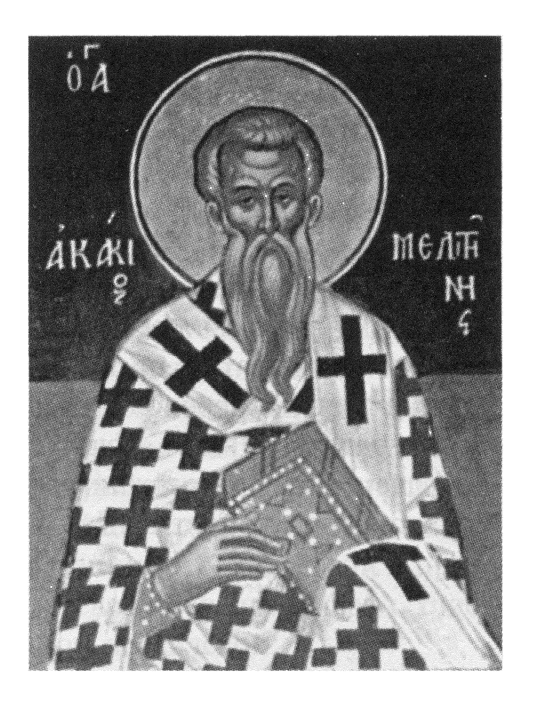
Епископом города Мелитины тогда был блаженный Отрий. Это был тот самый Отрий, который на II Вселенском соборе святых отцов, собранном в царствование Феодосия Великого[2] против духоборца Македония[3], из числа ста пятидесяти отцов был особенно

---

[1] Город *Мелитина* находился в северной части Малой Армении.

[2] *Феодосий I Великий*, император римский, царствовал с 379 по 395 год.

[3] Еретик *Македоний*, имевший до соборного низложения сан Константинопольского епископа, нечестиво учил о неравенстве третьего Лица Святой Троицы первым двум, признавая Духа Святого за творение Бога Отца. Ересь Македония была осуждена на II Вселенском соборе, бывшем в 381 году в Константинополе.

твердым поборником благочестия. Вместе со святым Григорием Богословом[1] и с другими ревнителями и защитниками православия, он крепко защищал его и ратовал против ереси. Такому-то благочестивому мужу, святому Отрию, и был поручен родителями блаженный отрок Акакий.

Святой епископ Отрий, провидя в отроке Божественную благодать, поставил его в церковные клирики. Акакий же возрастал от силы в силу, преуспевая в добродетелях, ревностно исполняя церковные труды, совершенствуясь в добродетели и святости, стараясь быть каждому полезным. У него учился наукам и преподобный Евфимий Великий[2], будучи отроком. Но святой Акакий был учителем не детей только, но и взрослых, назидая всех и словом, и примером своей добродетельной жизни, особенно когда достиг священнического сана и обязан был заботиться о спасении порученных ему душ человеческих. Как избранный сосуд Святого Духа, он был в свое время возведен в архиерейский сан, как вполне этого достойный. Когда святой Отрий, епископ Мелитинский, перешел из этой жизни ко Господу, то вместо него всеми единогласно был избран блаженный Акакий и по чину возведен на святительский престол, как горящая свеча, по-

---

[1] *Святой Григорий Богослов* — знаменитейший отец и учитель Церкви IV века, живший с 328 по 390 год. Им написаны: 243 письма, 507 стихотворений (бесед в стихотворной форме) и 45 речей, из которых особенно замечательны пять слов о богословии, направленные против лжеучения ариан. Память его празднуется 25 января.

[2] *Преподобный Евфимий Великий* жил с 376 по 477 год и подвизался в трудах поста и покаяния в Палестине (сначала около Иерусалима, а потом — в пустыне Зиф, находившейся на берегу Мертвого моря). Память его празднуется святою Церковью 20 января.

ставленная в золотом подсвечнике для просвещения всей вселенной (см.: Мф. 5, 15–16). Епископ этот так угодил Богу и был столь велик по своей святости, что сподобился дара чудотворений. Мы расскажем здесь в кратких словах некоторые из многих чудес его.

Однажды случилась великая засуха, вследствие чего ожидался сильный голод. Весь народ был в большой скорби. Святитель Христов вместе с голодающим народом пошел к церкви святого великомученика Евстафия, находившейся за городом, и там умолял Христова мученика вместе с ними помолиться Господу и испросить у Него дождь для насыщения иссохшей земли. Потом он поставил неподалеку от церкви на возвышенном и открытом месте жертвенник и Божественный престол, и начал здесь совершать бескровную жертву, со слезами молясь Господу. При сем преподобный не растворил в святой чаше вино водою, как обыкновенно это совершается, но, устремив свой ум к Богу, усердно молился, дабы Сам Бог послал воду свыше и сею дождевою водой растворил в чаше вино, а вместе с тем напоил бы и иссохшую землю. И молитва святого так была сильна и действенна, что тотчас пошел сильный дождь, который не только растворил в чаше вино, но достаточно напитал и землю. Печаль всех людей, бывших там, превратилась в радость, и все прославляли и благодарили Бога. В этот год был обильный урожай плодов, по молитвам угодника Божия Акакия.

В той же стране была одна многоводная река, весьма часто выходившая из своих берегов и затоплявшая окрестные селения. Однажды эта река так необычно разлилась, что даже большие здания, бывшие невдалеке от нее, были совершенно затоплены ею, а некоторые даже были разрушены; час от часу разливаясь все более и более, река эта угрожала затопить множество окрестных жилищ. Тогда святитель Христов Акакий, видя, что люди весьма страдают от этого наводнения, подошел к реке и, сотворив молитву к Богу, положил недалеко от берега камень, причем запретил реке переходить положенный им предел. Тотчас же вода вошла в свои берега; несмотря на то, что воды в ней значительно прибыло, так как русло ее сделалось уже, река эта не выступала из берегов далее того камня, которым, как бы каким препятствием, святитель заключил реку в ее берегах.

В восемнадцати стадиях[1] от упомянутого города было одно место, принадлежавшее грекам и называвшееся Миасина, — весьма красивое и ровное. Среди этого места тянулась большая равнина, через которую по направлению к востоку протекала быстрая и чистая река, называвшаяся Азор, или Азур; эта река протекала через несколько озер. На самом же красивом и высоком месте там находилось идольское капище, окруженное садом из плодовых деревьев, орошаемым водами одного из озер реки Азура. Это место было осквернено бесовскими мерзостями, так как здесь часто собирались греки, поклонявшиеся идолам, и приносили своим богам нечестивые жертвы.

Святой Акакий, возревновав о Христе, захотел очистить это место и освятить для прославления на нем истинного Бога. Для этого дела ему пришлось весьма много потрудиться, ибо языческие жрецы сильно противились его намерению, не отдавая своего идоложертвенного места. И когда святой стал строить там церковь, во имя Пресвятой Богородицы, то те злые люди всячески препятствовали ему в этом: то, что выстроено было верующими за день, ночью нечестивыми идолопоклонниками было разрушаемо. Но святой угодник Христов Акакий, вооружившись против них молитвою, победил врагов своих. Он, с Божией помощью, разрушил идольское капище и построил храм в честь Божией Матери. Освятив храм, он сделал обиталищем святых Ангелов то место, которое прежде служило жилищем бесов, и устроил обитель при храме Пресвятой Богородицы для жития добродетельных иноков. Таким образом, там, где прежде совершались кровавые нечестивые жертвы диаволу, теперь стала приноситься бескровная чистая жертва истинному Богу и каждодневные славословия и молитвы. По благодати Пречистой Богоматери и по молитвам чудотворца Акакия на этом месте совершались чудеса, видя которые греки оставляли свое нечестие и обращались к вере во Христа Бога. Вспомним одно из бывших там преславных чудес.

Случилось, что строители упомянутой церкви, по нерадению своему, непрочно устроили церковный свод, и когда святитель Христов Акакий совершал в алтаре Божественную службу, свод этот на-

---

[1] *Стадия* — мера длины, равнявшаяся приблизительно 88 нашим саженям.

клонился вовнутрь церкви и уже был готов упасть туда. Видя это, весь бывший в церкви народ в беспорядке начал выходить из храма; святитель же воззвал:

— *Господь — крепость жизни моей: кого мне страшиться?* (Пс. 26, 1).

И тотчас было удержано падение свода церковного, и он, по молитве святого, как бы повис в воздухе, поддерживаемый молитвою святого как бы каким твердым основанием. И так было до тех пор, пока святитель совершил всю службу и вышел со своим клиром из церкви. Лишь только он вышел оттуда, свод с великим грохотом упал на землю, не причинив никому вреда.

Однажды в другом храме, в селении, называемом Самурия, тот же добрый пастырь словесных овец предлагал духовную пищу своему стаду, проповедуя слово Божие. Во время его беседы с народом множество бывших там ласточек своим громким криком заглушали голос святого и мешали народу слышать слова его, так что иногда почти совсем не было слышно слов, исходивших из богоглаголивых уст епископа. Тогда, остановившись на короткое время среди беседы к людям, святой обратился к ласточкам и повелел всем им именем Создателя умолкнуть и прекратить свой крик. И тотчас ласточки умолкли, будучи не в состоянии произнести ни одного звука, и совершенно улетели оттуда, оставив свои гнезда. С того времени ласточки не вили там гнезд, и если какая-либо из них случайно прилетала к тому храму, то не могла здесь щебетать, но как немая, немного полетав около храма, улетала оттуда, как бы кем гонимая.

Неподалеку от города у святого Акакия был дом, в котором он жил еще до принятия епископского сана. Когда же он вступил на святительский престол, то обратил дом свой в больницу и убежище для нищих и убогих. Святитель часто навещал свою больницу, принося больным необходимое и сам прислуживая им.

Однажды, придя к больным во время жатвы, он спросил их, всем ли они довольны и нет ли у них в чем-нибудь недостатка. Они ответили, что у них всего в изобилии, и что только одно их мучает, это — множество мух, которые причиняют им большие страдания, садясь на их язвы и струпья и больно кусая их тела. Святой тотчас помолился Богу, прогнал оттуда молитвою мух, и повелел мухам не

являться туда более никогда. И так было до самой кончины угодника Божия: с того времени в том дому не видно было ни одной мухи. Таково чудо, которое этот дивный муж сотворил по благодати Божией.

Подобным же образом он повелел жабам, сильно кричавшим в озере и раздражавшим слух больных, умолкнуть. Спустя же немного времени он помиловал жаб и снова разрешил их от молчания, но только не всецело. Ибо он дозволил им издавать свой крик тихо, а не так громко, как они кричали раньше. В безводном месте святитель извел из сухого камня источник студеной воды и напоил жаждущих; многими и иными чудесными действиями удивил мир этот великий чудотворец.

Святой Акакий присутствовал на III Вселенском соборе, бывшем в городе Ефесе в царствование императора Феодосия Младшего[1]. Там вместе со святым Кириллом, патриархом Александрийским, и с другими святыми отцами, Акакий низложил нечестивого Нестория, патриарха Цареградского[2], хулителя Пречистой Девы Богородицы, и предал его анафеме. Святой Акакий был любим и восхваляем всеми святыми отцами и пользовался уважением самого императора.

Мудро управляя Церковью Христовою долгое время и сотворив множество чудес, святой Акакий мирно отошел ко Господу. Честное тело его было погребено рядом с телом святого мученика Полиевкта[3]. С ним он предстоит ныне Господу и с ликом прочих святых прославляет Отца и Сына и Святого Духа — Единого Бога, всею тварью и славимого вечно. Аминь.

---

[1] *Феодосий II Младший*, император римский, царствовал с 408 по 450 год, III Вселенский собор был созван при нем в 431 году.

[2] *Несторий* несправедливо учил о соединении в Иисусе Христе двух естеств — божеского и человеческого. Он говорил, что Иисус Христос родился от Девы Марии как простой человек, следовательно, с одним человеческим естеством; божеское же естество будто бы вселилось в Него только впоследствии и по временам оставляло Его.

[3] *Святой мученик Полиевкт* пострадал в 259 году при императоре римском Валериане (253–259 гг.), был усечен мечом в том же городе Мелитине. Память его празднуется 9 января.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА **АДРИАНА**

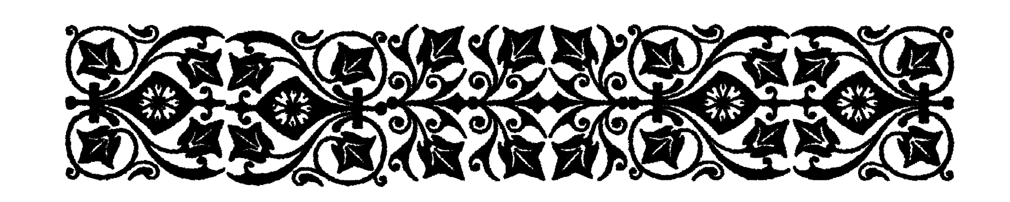
Святой мученик Христов Адриан был одним из тех христиан, которые задолго до суда над ними были схвачены и заключены в разные темницы. Он был выведен из темницы в то время, когда приносилась жертва языческим богам и когда в жертвоприношении участвовали все преданные идолам язычники[1]. Святого мученика также стали принуждать подойти к жертвеннику и повергнуть на него ладонь, но он не только не согласился сделать этого, но смело и мужественно подошел к жертвеннику, разрушил его, сверг лежавшие на нем жертвы и разбросал огонь. Таким своим поступком он возбудил гнев правителя, а присутствовавшие при этом почитатели идолов пришли в такую ярость, что схватили святого и стали без милосердия избивать его. И одни били его палками, другие — железными прутьями, а некоторые, схватив камни, выбили ему зубы и, наконец, раскалили огромную печь и бросили в нее святого мученика. Мучители сожгли тело его; духом же своим он взошел на небеса к Богу[2].

---

[1] Надо думать, что в то время, когда святой мученик был выведен из темницы, происходило какое-нибудь языческое празднование и приносилась всенародная жертва языческим богам.

[2] По месяцеслову Василия, святой мученик Адриан пострадал в одно время с Леонидом и Ириною, память которых празднуется 15 апреля, и, вероятно, в Коринфе же.

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ЗОСИМЫ,
игумена Соловецкого

Спустя один год по преставлении преподобного Савватия благоугодно было Господу прославить то место на Соловецком острове, где подвизался этот святой муж, устроением здесь славной и великой обители. На это дело был избран Господом муж, подобный в подвигах преподобному Савватию, — преподобный Зосима, о котором и будет наше слово.

Преподобный Зосима происходил из области Новгородской; его родиною было село Толвуя, находившееся на берегу Онежского озера. Родители его, Гавриил и Варвара, проводившие жизнь строго благочестивую, с юных лет воспитали отрока в добродетелях христианских, а также выучили его грамоте. Отрок Зосима был тих нравом, кроток и смирен сердцем и чуждался всех дурных юношеских обычаев. Возрастая телом и духом, Зосима тщательно изучал священные книги, познавая из них богатство благости Божией.

Желая сохранить чистоту душевную и телесную, целомудренный отрок решил не вступать в брак; хотя он не гнушался его, как чего-либо скверного самого по себе, но решил избежать его как препятствия к богоугождению, согласно словам апостола, говорящего: *Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене* (1 Кор. 7, 32–33). Итак, для того, чтобы единому Богу угождать, он решил отречься от угождения своей плоти. Когда же родители его начали убеждать его вступить в брак, преподобный, глубоко восскорбев об этом, оставил дом отеческий, отрекся от мира и, приняв на себя образ иноческий, поселился

в одном уединенном месте, неподалеку от дома отеческого, как отшельник, где и начал подвизаться в молитве и посте.

Преподобный восхотел иметь и наставника себе, так как он сам еще не в достаточной мере изучил Священное Писание и не был научен еще житию строго подвижническому и потому нуждался в таком искусном наставнике, который бы показал ему самым делом то, что следует изучить юноше, ревностно стремящемуся к добродетели. Кроме того, преподобный опасался какого-либо препятствия своим подвигам от своих родных, близ которых он находился. Поэтому он решил уйти отсюда в какое-либо более уединенное место, где бы он мог всецело посвятить себя жизни строго подвижнической, тем более, что в его сердце все более и более разгорался огнь любви божественной и побуждал его еще более совершенствоваться в добродетелях.

Но первоначально преподобный не знал, где и как ему основать монастырь, и усердно молил Бога указать ему место для монастыря, а также ниспослать ему все средства для осуществления его намерения.

По устроению Божию преподобный Зосима встретил одного добродетельного инока, по имени Германа, жившего ранее с преподобным Савватием на острове Соловецком. Этот инок передал преподобному Зосиме историю жизни и подвигов преподобного Савватия, а также сообщил ему, что остров Соловецкий удален от селений мирских и удобен для поселения иноков, так как изобилует лесами и озерами, наполненными рыбами.

Услышав об этом, преподобный Зосима весьма возрадовался духом и пожелал быть жителем того острова и преемником преподоб-

ного Савватия, почему и стал усердно просить Германа довести его до того пустынного острова и научить его там житию иноческому.

Около этого времени родители преподобного Зосимы окончили жизнь свою. Предав погребению тело их и раздав нищим имение их, блаженный Зосима вместе с Германом отправились на остров Соловецкий. При помощи Божией они благополучно достигли острова и высадились на том месте, где обычно останавливались мореплаватели; волнения здесь не было и вода была пресной. Неподалеку от берега святые поставили себе шалаш[1] и в нем совершили всенощное бдение, воспевая псалмы Давидовы и молясь Христу Богу и Пресвятой Богородице о ниспослании им свыше помощи и благословения на вселение их на том пустынном острове.

На следующее утро преподобный Зосима, выйдя из шалаша, увидел ярко сияющий луч света, осветивший его и все то место; подняв же глаза на восток, он увидел на облаках церковь, великую и красивую; так как преподобный не навык еще к таким откровениям Божиим, то не мог долго смотреть на эту церковь и вскоре же устремился в палатку. Герман, видя его смущенным в лице, подумал, что он узрел что-либо особенное и спросил его: «Почему ты, любезнейший, изменился в лице? Чего ты устрашился? Разве ты увидел что-либо новое и необычное?»

В ответ на эти слова Германа Зосима рассказал ему, как он видел луч света, нисходивший свыше и осиявший то место, а также Церковь, покоившуюся на облаках. Размышляя об этом видении, Герман вспомнил об удалении мирян с этого острова (что произошло при игумене Савватии), и пророчестве Савватия об основании монашеской обители на острове и сказал Зосиме:

— Не страшись и не бойся, возлюбленный, но внимай себе, так как мне кажется, что благоугодно Господу тобою собрать здесь множество монахов.

Затем Герман сказал ему о происшествии, случившемся с женой рыболова и с мужем с Корельского берега, пришедших на остров этот, чтобы удержать его из зависти за собой, — именно, рассказал, как женщину ту били два светлые юноши, сказавшие:

---

[1] В первый раз на остров Соловецкий преподобный Зосима прибыл в 1429 году преподобный Зосима вместе с Германом высадились близ горы Секирной, в десяти верстах от места нынешней обители, где и водрузили деревянный крест.

— Нет вам места на этом острове; уйдите отсюда, потому что это место уготовано Богом для поселения здесь иноков.

Святой же Зосима, услышав эти слова от Германа, исполнился духовной радости и еще более укрепился в намерении своем устроить здесь монастырь.

Помолившись усердно Богу, да споспешествует делу их и поможет довести его до конца, подвижники принялись за труд: прежде всего, они начали рубить деревья, необходимые для постройки келий, затем построили келии и обнесли оградою двор, подвизаясь одновременно как в телесном, так и в духовном труде, — именно: телом подвизаясь по постройке монастыря, духом же ополчаясь на бесов во всеоружии поста и молитвы. Пищу себе преподобные добывали в поте лица своего, обрабатывая землю и засевая ее семенами. Бог же укреплял рабов Своих, свыше на них милостиво призирая и поспешествуя всем делам их.

Спустя некоторое время Герман отправился для приобретения жизненных потребностей на другую сторону моря[1]; пробыв здесь несколько дней, он уже хотел идти обратно, но не мог сделать этого, потому что наступила осень, воздух сделался холодным, пошел снег, начались бури, море волновалось и было наполнено льдами; на ладье, таким образом, уже нельзя было приплыть обратно к Соловецкому острову. Поэтому блаженный Герман на всю зиму остался на том берегу, преподобный же Зосима остался один на острове.

Первоначально преподобный, будучи одинок, сильно скорбел о старце Германе, но потом возложил все упование свое на Бога, говоря вместе с Давидом: *На Тебя оставлен я от утробы; от чрева матери моей Ты — Бог мой. Не удаляйся от Меня* (Пс. 21, 11–12). И еще: *в Тебе утвердихся от утробы, от чрева ма́тере моея́ Ты еси мой покровитель* (слав. Пс. 70, 6). Преподобный начал еще усерднее подвизаться, прилагая труды к трудам, предаваясь непрерывно подвигам поста и молитвы. Бесы же, не будучи в состоянии выносить по своей злобе и зависти святую жизнь подвижника, поднимали на него брань, причем иногда наводили на него уныние, иногда пугали его разными привидениями и дикими криками, намереваясь устрашить доблестного воина Христова и поколебать непоколеби-

---

[1] Это было в 1435 году.

мого; иной раз, приняв вид диких зверей и змей, они с яростью устремлялись на него как бы собираясь его растерзать. Раб же Божий противоборствовал им крестным знамением и молитвою и, посмеиваясь им, говорил:

— О ничтожная сила вражия! Если вы имеете от Бога власть, то делайте со мною, что хотите; если же не имеете, то понапрасну трудитесь, — и воспевал из псалмов Давидовых стих: *Обступили меня, окружили меня; но именем Господним я низложил их* (Пс. 117, 11); и еще: *Да восстанет Бог, и расточатся враги Его* (Пс. 67, 2).

Затем святой воссылал к Богу усердную молитву, во умилении сердца своего взывая:

— Боже вечный, Царь безначальный, Творец и Владыка всякого создания! Ты — Царь царствующих и Господь господствующих; Ты — Спаситель душ и Избавитель верующих в Тебя; Ты — надежда труждающихся и упование плавающих по морю; Ты — Наставник рабов Твоих; Ты — Покровитель всякого добра, Утешитель плачущих, радость святых; Ты — жизнь вечная и свет незаходимый; Ты — источник святыни; Ты — слава Бога Отца, полнота Святого Духа; Ты сидишь со Отцом и владычествуешь вечно. Тебя я молю, раб Твой, смиренно к Тебе припадая: услышь мольбу мою, Пресвятой Царь, Преблагий Господь, и не отврати лица Твоего от молитвы моей, но избавь меня от уст всепагубного змия, готовящегося меня поглотить, сохрани меня невредимым от наветов диавола, чтобы я, ограждаемый и охраняемый святыми Твоими Ангелами, спасся от ярости его и получил спасение у Тебя, моего Владыки и Господа, в Которого я верую, на Которого я уповаю и Которого прославляю со Отцом и Святым Духом вечно.

Так молясь, преподобный дерзновенно отгонял от себя все вражьи нападения; от его молитвы и крестного знамения демоны бегали как пыль от ветра; он же пребывал без вреда от них, хваля и славословя Бога.

Случилось еще следующее искушение преподобному. Во время продолжавшейся тогда суровой зимы запас пищи, собранной летом, оканчивался, и преподобный начал смущаться в мыслях, не зная, чем он будет питаться до лета (это враги его невидимые вселяли в душу его скорбь, смущая его страхом имеющего наступить голода и призраком преждевременной смерти). Преподобный же,

размышляя сам в себе, приводил себе на память слова, сказанные Самим Господом в Его Евангелии святом: *Не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам: потому что Отец ваш небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом* (Мф. 6, 31, 34, 33, 32). Все упование свое возложив на Бога-Промыслителя, преподобный утешал себя словами псалмопевца: *возвéрзи на Господа печаль твою, и Той тя препитáет* (слав. Пс. 54, 23). Так утешая себя, преподобный отгонял от себя всякое уныние, влагаемое в сердце его врагом нашего спасения.

И действительно, Бог не оставил угодника Своего, уповающего на Него. Он послал к нему двух мужей, имевших с собой корзину с хлебами, мукой и маслом (люди, жившие на берегу моря, имели обычай брать с собою в зимнее время запас пищи, если уходили куда-либо в глубь страны). Предложив корзину с пищею преподобному, эти два неизвестных мужа сказали ему:

— Бери и ешь из этой корзины, честны́й отец, сколько хочешь; мы же придем к тебе, когда повелит нам Бог.

Сказав это, неизвестные мужи тотчас же исчезли, так что преподобный не успел спросить их, кто они такие и откуда пришли.

Прошло много времени, но неизвестные мужи не приходили к преподобному. Тогда преподобный Зосима понял, что это было Божие посещение его, и от всего сердца возблагодарил Господа за Его промышление о нем и неожиданный дар свыше.

Когда окончилась зима, пришел старец Герман и привел с собою некоего мирского человека, именем Марка, по роду занятий — рыболова; вместе с тем Герман привез достаточное количество пищи, а так же и сети, необходимые для ловли рыбы.

Спустя некоторое время Марк принял на себя чин иноческий; вслед за тем многие мирские люди начали приходить к подвижникам и созидали себе здесь келии, питаясь трудами рук своих.

Вскоре после этого преподобный Зосима построил небольшую церковь во имя Господа нашего Иисуса Христа, в воспоминание Его славного преображения. Храм этот был построен на том самом месте, где преподобный видел в воздухе Церковь и осиявший ее луч света. Затем преподобный пристроил к церкви небольшую трапезу и, таким образом, основал на острове общее иноческое житие.

После этого преподобный послал одного из братии в Новгород к архиепископу Ионе[1] просить у него благословения на освящение храма, а также и игумена новоустрояемой обители. Архиепископ вскоре же послал к преподобному благословение и игумена — иеромонаха Павла. Получив благословение архипастырское и игумена, преподобный Зосима, блаженный Герман и все братия возрадовались радостью великою. Вскоре же после этого была освящена церковь во славу Божию, и таким образом начала свое существование честная и славная обитель Соловецкая.

Однако спустя некоторое время игумен Павел, не будучи в состоянии выносить трудов пустыннических, оставил обитель и возвратился в Новгород. После него игуменом был Феодосий, но и он спустя некоторое время также оставил пустыню. Тогда братия условились с преподобным не брать себе игумена из других монастырей, но избрать игумена из своей среды. При этом братия решили избрать игуменом преподобного Зосиму.

Между тем некоторые из братии отправились в Новгород и просили архиепископа Новгородского призвать к себе избранного ими игумена и рукоположить его с возведением в священный сан, если бы он даже и не хотел принять на себя эту почетную обязанность.

Архипастырь, исполняя желание братии, отправил послание к преподобному, которым призывал его к себе; затем, когда Зосима прибыл к нему, убедил его принять на себя сан игумена, после чего, сказав напутственное слово, отпустил его с честью.

Когда преподобный уходил из Новгорода в свою обитель, многие из граждан новгородских снабдили преподобного всем потребным для общежительного жития монастырского: сосудами, одеждами, деньгами и пищею. Придя в свою обитель в сане игумена, преподобный был встречен братиею с великою радостью.

Во время совершения преподобным первой литургии, во обители случилось чудо, видимое всеми: лицо преподобного просветилось благодатью Святого Духа и стало светлым, как лицо Ангела; вместе с тем и храм наполнился благоуханием. Это было как бы свидетельством того, что преподобный по достоинству воспринял сан священства и игуменства. И вся братия возрадовалась о таком пастыре своем, исполненном благодати Божией.

[1] *Святой Иона* был архиепископом Новгородским с 1459-го по 1470 год. Память его празднуется святой Церковью 5 ноября.

Случилось в то время быть в церкви той некоторым купцам. Преподобный дал им просфору от священнодействия своего; они же по небрежности уронили ее на землю. Брат Макарий, проходя дорогой, заметил просфору, лежавшую на земле, и увидел пса, стоявшего около просфоры и намеревавшегося пожрать ее, но опаляемого огнем. Взяв просфору, брат принес ее к преподобному и рассказал обо всем виденном братии, которая удивилась происшедшему и прославила Бога.

Видя, что число братии все более и более увеличивается, так что и церковь не могла уже вмещать всех, собиравшихся на молитву, преподобный создал большую церковь, которая вмещала уже всех, а также поставил много новых келий.

Спустя несколько лет преподобный вспомнил о блаженном Савватии, много подвизавшемся на том же острове, и сожалел, что честны́е мощи его почивают в другом месте, при реке Выге, где он преставился, а не там, где преподобный Зосима уже многие лета провел с братиею в пустынных подвигах и потому стал советоваться с братиею о том, как бы перенести сюда мощи преподобного Савватия. Когда еще преподобный советовался об этом с братиею, к нему пришло послание из обители Пресвятой Богородицы, с Белого озера, принесенное одним из иноков монастыря преподобного Кирилла[1], написанное от имени игумена Кирилла и братии. Послание это гласило следующее:

— Благодать и милость от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа, возлюбленному о Христе пастырю духовному, боголюбивому игумену Зосиме с братиею, всегда радоваться.

Мы слышали от людей, приходивших от вас к нам, что остров Соловецкий, никогда ранее с тех пор как воссияло солнце на небе, не заселенный людьми по причине трудности морского плавания к нему, теперь заселен иноками по Божию промышлению и ходатайству Пресвятой Богородицы; мы слышали, что вашим трудолюбием устроен на острове монастырь в честь Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, в котором подвизается уже много братии; мы слышали, что у вас все, по молитвам Пресвятой Богородицы, устроено; недостает вам только одного — около вас нет мощей преподобного Савватия, который еще ранее вас подвизался во

[1] Память его празднуется 4 февраля.

многих трудах иноческих на острове том и проводил жизнь высоко добродетельную, подобно древним отцам-подвижникам; возлюбив Христа всею душою, он удалился от мира и получил блаженную кончину о Господе. Некоторые из братии нашего монастыря, бывшие в Новгороде, слышали от одного благочестивого мужа, по имени Иоанна, что, когда он плыл по морю для торговли и был на реке Выге, то удостоился видеть живым преподобного Савватия и слышать от него поучение духовное. Иоанн сказал, что, когда преподобный Савватий отошел душою к Богу, то честное тело его было погребено игуменом Нафанаилом с приличными почестями. Иоанн сообщил также братии о чуде, бывшем на море, когда Бог, по молитвам преподобного Савватия, спас от потопления его и его брата Феодора; передал также Иоанн и о многом другом, а также и о том, что у гроба преподобного совершаются многоразличные исцеления и чудеса, ибо преподобный Савватий угодил Богу, и мы сами — свидетели его добродетельной жизни, так как этот блаженный отец прожил вместе с нами достаточное число лет в обители Пречистой Богородицы в Кирилловом монастыре. Поэтому мы ныне пишем к вашей святости и даем вам совет — не лишать себя такового дара, но перенести к себе с благоговением честны́е мощи преподобного Савватия, дабы они были положены там, где он сам потрудился много лет. Радуйтесь о Господе Иисусе Христе и о нас молитесь, да избавит нас Бог по ходатайству преподобного от всех бед, обстоящих нас.

Когда блаженный Зосима, игумен соловецкий, прочитал это послание вслух всей братии, то он и вся братия возвеселились духом и все вместе как бы едиными устами сказали:

— Это не от людей, а от Самого Бога!

И тотчас же, приготовив для плавания корабль, отправились на нем на другой берег, которого и достигли скоро при попутном ветре. Прибыв к храму, построенному на берегу реки Выги, братия раскопали могилу преподобного Савватия, и тотчас воздух наполнился благоуханием. Когда же открыли гроб, то увидели, что тление не коснулось ни тела, ни одежды святого. Удивившись, братия прославили Бога и понесли честны́е мощи на корабль с пением священных песней. Затем при попутно возвеявшем ветре бра́тия отправились в плавание и вскоре достигли своей обители, радуясь и благодаря Бога, даровавшего им такое сокровище духовное — мощи

преподобного Савватия. Они были положены за алтарем церкви Успения Пресвятой Богородицы в особо устроенной часовне[1]. И все болящие, с верою приходившие ко гробу преподобного, получали исцеления от недугов своих. Блаженный Зосима каждую ночь приходил на гробницу преподобного Савватия и молился здесь усердно, полагая многочисленные поклоны до самого утра. Упомянутый же выше купец Иоанн, послуживший некогда погребению святого Савватия, имея великую любовь к нему за спасение его и его брата Феодора от погибели на море, написал икону преподобного и принес ее игумену Зосиме, пожертвовав вместе с тем в обитель и много потребных для братии предметов. Игумен Зосима, приняв честный образ преподобного Савватия, облобызал его и поставил его над мощами преподобного. Затем, обратившись к образу как к самому преподобному, сказал:

— Раб Божий! Хотя ты и окончил временную жизнь эту, скончавшись телом, но духом твоим не отступай от нас! Руководи нас ко Христу Богу, научая нас идти по пути заповедей Господних и терпеливо нести крест свой по следам нашего Владыки и Господа. Ты, преподобный, имея дерзновение к Господу Иисусу Христу и Его Пречистой Матери, будь молитвенником и ходатаем о нас недостойных, обитающих во святом монастыре, основателем которого был ты. Будь помощником и заступником нашим пред Богом, чтобы мы, проживая на месте этом, пребыли бы невредимыми от бесов и злых людей по твоим молитвам, прославляя Святую Троицу — Отца, и Сына, и Святого Духа.

Видя процветание обители Соловецкой, умножавшейся день ото дня новыми пришельцами и украшавшейся новыми добродетельными иноками, а также и подвигами преподобного Зосимы, диавол, враг всякого добра, распалялся завистью к инокам, но так как ничего не мог сделать обители сам, ибо всегда был прогоняем и посрамляем блаженным Зосимою и прочими доблестными подвижниками, то прибег к помощи злых людей, возбудив в них желание сделать зло и обиду святой обители. По наущению от диавола, на Соловецкий остров начали приходить многие из боярских слуг вельможеских и насельников земли Карельской, которые ловили рыбу на озерах, за-

[1] Честны́е мощи преподобного Савватия были перенесены в 1465 году.

прещая в то же время инокам ловить рыбу на потребу монастырскую. Эти люди называли себя господами острова того, преподобного же Зосиму и прочих иноков поносили укорительными словами и доставляли им много неприятностей, обещая разорить монастырь и совершенно изгнать отсюда иноков. Поэтому преподобному Зосиме необходимо было идти в Новгород к архиепископу Феофилу для того, чтобы просить у него помощи и заступления от обидчиков. Взяв некоторых из учеников своих, он отправился с ними в Новгород и, придя к архиерею, поклонился ему и передал ему просьбу свою от обители, терпящей беды от злых людей. Архиерей сказал ему: «Я при помощи Божией, честной отец, всегда готов всячески помогать обители твоей; но прежде всего тебе необходимо попросить помощи у бояр и вельмож, управляющих городом нашим».

Преподобный Зосима отправился к боярам и, обходя дома их, усердно просил их защитить монастырь и не попустить злым людям разорить его. Все бояре, управлявшие городом, обещали свою помощь преподобному.

Пришлось преподобному Зосиме быть и у одной боярыни — вдовы, по имени Марфы, так как ее слуги, а также поселяне, жившие на ее землях, сильно притесняли иноков. Когда слуги ее сказали ей о том, что к ней пришел преподобный, она велела прогнать его от дома с бесчестием. Смиренный раб Божий терпеливо перенес эту обиду и сказал своим ученикам: «Настанут дни, когда обитатели дома этого не будут более ходить по двору своему: затворятся двери дома этого и более не отворятся, и дом этот опустеет».

В свое время сбылось то, что предрек преподобный.

Между тем архиепископ созвал к себе бояр и передал им обо всех обидах и неприятностях, которые делались обители преподобного Зосимы слугами и насельниками боярскими. Бояре, единогласно решив оказать свою помощь и содействие преподобному, передали во владение его весь остров тот; право на владение островом бояре закрепили грамотою, к которой приложили восемь печатей: первую — от архиепископа, вторую — от посадника, третью — от тысяченачальника и еще пять печатей от пяти концов города. Кроме того, бояре одарили преподобного всем, необходимым для обители: сосудами для богослужения, священными одеждами, золотом и серебром, а также большим запасом пищи, и впредь всячески обещались помогать монастырю.

Услышав обо всем этом, а также узнав о добродетельной жизни преподобного Зосимы, упомянутая боярыня Марфа поняла, что у нее был истинный раб Божий, и, раскаявшись, послала своего человека к преподобному, призывая его на пир к себе. Как только преподобный вошел в дом ее, она вместе с детьми своими приняла от него благословение и посадила его на почетном месте. В то время как все, приглашенные на пир, пили и ели много, увеселяя себя, преподобный, по обычаю своему, вкушал очень немного пищи и все время сидел тихо и кротко. Взглянув же на бояр, сидевших за столом, он весьма удивился, ибо он увидел страшное зрелище, затем опустил лицо свое и никому ничего не сказал. Посмотрев другой раз, преподобный увидел то же и опять опустил лицо свое и, наконец, в третий раз он увидел то же страшное зрелище, именно: видел без голов шестерых наиболее важных бояр, сидевших вместе с ним за столом. Преподобный удивился виденному, недоумевая, каким образом могли те люди пировать без голов? Но тотчас же понял, что означало это видение, и, опустив голову, вздохнул, прослезился и с этого времени уже ничего более не вкушал из того, что предлагали ему, несмотря на настойчивые просьбы угощавших.

После пира Марфа попросила прощения у преподобного за оскорбление, нанесенное ей ему, и подарила обители его участок земли при реке Суме и, затем, отпустила его с миром. Когда преподобный вышел из дома ее, один из учеников его, по имени Даниил, особенно любимый преподобным, спросил его с настойчивостью:

— Почему ты во время пира, три раза взглянув на сидевших за столом бояр, опустил лицо свое и, вздохнув, прослезился и потом уже не вкусил ничего из предложенного тебе?

Преподобный ответил ему:

— Чадо! Ты слишком настойчиво просишь, подобно как и пророк Елисей просил пророка Илию[1]; поэтому я не скрою от тебя неизреченных судеб Божиих, имеющих совершиться в будущем, однако то, что я скажу тебе, ты должен будешь сохранить в тайне до тех пор, пока судьбы Божии не исполнятся. Я видел шестерых самых важных бояр, сидящими на пиру без голов; и увидев это, я ужаснулся и потому не мог ни есть, ни пить. Я думаю, что эти мужи

---

[1] О даровании ему духа пророческого в сугубой степени сравнительно с духом Илии см.: 4 Цар. 2, 9–13.

будут обезглавлены вскоре. Но смотри, чадо, никому не рассказывай то, что ты слышал от меня.

Затем преподобный прибыл в свою обитель с крепостной грамотой и со многими дарами, пожертвованными ему в Новгороде.

Спустя некоторое время преподобный услышал, что великий князь Московский Иоанн Васильевич[1], придя в Новгород с большим войском, подверг смертной казни некоторых из числа бояр, чтобы устрашить прочих; именно, были усечены мечом те шесть бояр, которых преподобный на пиру у боярыни Марфы видел сидящими без голов. Сама же боярыня Марфа, по приказанию великого князя, вместе с детьми своими была сослана на заточение в Нижний Новгород; имение ее было разграблено. Таким образом, запустел дом ее по предсказанию преподобного Зосимы, как о том предрек преподобный в тот час, когда был изгнан с бесчестием из дома ее.

Когда уже преподобный достаточно пожил на земле, много потрудился и навык ко всякой добродетели, приблизилось время блаженной кончины его. Преподобный заблаговременно уготовал себе гроб и, часто взирая на него, плакал, всегда помышляя о смерти и постоянно приготовляясь к ней. Предчувствуя свою близкую кончину, изнемогши от трудов и старости, преподобный созвал к себе братию и сказал им:

— Вот, я, чада и братия, отхожу из этой временной жизни, поручая вас Всемилостивому Богу и Пречистой Богородице. Скажите мне: кого вы хотите иметь игуменом после меня?

Все же братия, громко возрыдав, в один голос сказали:

— Мы хотели бы, отец и пастырь наш, умереть вместе с тобою. Но это не в нашей власти, потому что суд Божий не одинаков с судом человеческим. Тот же, Кто возвестил Тебе о твоем отшествии к обителям небесным, Владыка Христос, Бог наш, Тот может дать нам и наставника, который будет руководить нами ко спасению. Но пусть твои молитвы охраняют нас, и твое благословение да почиет над нами, ибо ты — наш отец в Господе. И как в этой жизни ты заботился о нас, так, молим тебя, ходатайствуй за нас и по твоем к Богу отшествии. Не оставь нас сиротами.

[1] *Иоанн Васильевич IV (Грозный)* княжил с 1533-го по 1584 год.

Сказав это, братия умолкли, но не переставали плакать и рыдать. Преподобный же снова сказал им:

— Чада! Опять повторяю, что поручаю вас Господу и Его Пречистой Матери, игуменом же да будет вам Арсений, так как это достойнейший муж и наиспособнейший для управления монастырем и братиею.

Сказав это, преподобный вручил игуменство Арсению и сказал ему:

— Вот, брат, я избираю тебя строителем и руководителем святой обители этой и всей братии, собравшейся здесь. Наблюдай внимательно, чтобы не было забыто ни одно из монастырских законоположений, содержащихся по учению апостольскому и преданию от отцов, как, например, о соборном пении церковном, о ядении и питии в трапезе, и о всем вообще уставе монастырском, мною преподанном. Наблюдай, чтобы в обители все было неповрежденным. Господь же пусть направит всех вас к деланию заповедей Его, по молитвам Пресвятой Госпожи и Владычицы нашей Богородицы и всех святых, а также по молитвам угодника Своего, преподобного Савватия. Господь наш Иисус Христос да сохранит вас от всех наветов вражьих и да укрепит вас в Божественной любви Своей. Я же сам, хотя отхожу от вас телом, отдавая естественный долг смерти, но духом пребуду с вами неотступно. И я очень бы хотел, если я обрел благодать пред Богом, чтобы по моем отшествии от вас обитель эта увеличилась еще более, чтобы здесь собралось множество братии, соединенных любовью ко Христу, чтобы здесь преизобиловали как духовные дары, так был бы достаток и в предметах, необходимых для существования тела.

Сказав так, преподобный еще достаточное время поучал братию жизни добродетельной. Затем, облобызав и благословив каждого из братии, блаженный поднял руки свои к небу и начал молиться об обители и о всей пастве своей, а также и о себе. Потом, осенив себя знамением креста, преподобный, обращаясь к братии, сказал:

— Мир вам!

Затем, подняв очи свои к небу, святой сказал:

— Владыка Человеколюбец, сподоби меня стать по правую сторону Тебя, когда Ты придешь во славе Своей судить живых и мертвых и воздать каждому по делам его.

Сказав эти слова, святой лег на одр и предал святую душу свою в руки Господа своего, Которого возлюбил всею душою и всем сердцем своим и Которому с самых юных лет своих работал, трудясь в подвигах доброделания[1].

Кончина преподобного была горько оплакана братиями обители его; наконец, воспев песнопения, приличные погребению, братия положили честное тело преподобного в могилу, которую он, еще будучи живым, выкопал своими руками, за алтарем церкви Преображения Господня. Здесь же потом братия построили и часовню над мощами преподобного, поставили здесь иконы и светильники и, приходя сюда, творили молитву к преподобному. При гробе преподобного неоднократно совершались знамения и чудеса, так как сам преподобный, отходя душою ко Господу, сказал братии, что он не оставит того места, на котором он подвизался, но обещал духом пребывать с учениками своими; и действительно, преподобный исполнил обещание свое, посещая с горних обителей свою земную обитель и присутствуя около нее невидимо: иногда же святой являлся в видимом образе и на земле, и на море, помогая всем нуждающимся. Много раз преподобный являлся плавающим по морю, когда они находились в опасности, останавливал бурю и спасал корабли от потопления; иногда преподобный являлся в храм молящимся в рядах прочей братии. Вскоре после преставления своего преподобный явился на девятый день по своей кончине иноку Даниилу и рассказал ему, как он, по милости Божией, безбоязненно прошел мимо воздушных духов, избег их козней и был причтен к лику святых.

Затем, преподобный явился, видимо, старцу Тарасию на своем гробе, также и Герасиму, своему ученику. Последнему преподобный явился в день воскресный, после утрени, и представился как бы шедшим от гробницы преподобного Савватия к своей гробнице, причем святой, взглянув на Герасима, сказал ему:

— Подвизайся, чадо, и ты восприимешь награду за труды твои.

Тому же самому Герасиму преподобный явился второй раз во время Божественной литургии в Великий четверг; при этом препо-

---

[1] Кончина преподобного Зосимы последовала в 1478 году. В 1566 году, 8 августа, мощи его были торжественно перенесены в придел соборного храма во имя Зосимы и Савватия, где покоятся и доныне в серебряной раке.

добный был в числе молящихся в храме. Когда же братия начали причащаться, преподобный Зосима сказал Герасиму:

— Иди и ты и причастись.

Затем преподобный стоял все время около чаши, из которой причащались братия, когда же все причастились, внезапно стал невидимым.

Однажды, когда священноинок Досифей, стоя за вечерней молитвой в притворе церковном, молился за одного брата бесноватого, ему явился преподобный и сказал:

— Исцеление брата, о котором ты молишься, не послужит к духовной пользе его; необходимо тому брату пробыть еще некоторое время в том же страдании.

Некий старец Феодул, случайно поскользнувшийся, упал на землю и сильно ушибся, так что не мог уже ходить на обычное молитвенное правило, но принужден был все время остаться в постели. Преподобный Зосима однажды поздно вечером пришел к келии его и, войдя в нее, после молитвы исцелил его.

Из этих и многих подобных им случаев братия убедились воочию, что преподобный не забывал того места, на котором он подвизался во время земной жизни своей, так как не оставлял без помощи всех бедствующих братий, но всякому, призывавшему его с верою, подавал скорую помощь.

Один из монахов обители, по имени Митрофан, рассказал о себе братии, что когда он был еще в миру и, будучи купцом, плавал по морю, поднялась один раз такая сильная буря, что корабль его почти совсем покрывало волнами, и все, находившиеся на нем, уже отчаявшись в жизни своей, начали слезно молиться Господу и Его Пречистой Матери о помощи. Корабль носило по волнам тридцать дней. Путешествующие вспомнили о преподобном Зосиме, Соловецком чудотворце, и призвали его к себе на помощь. Вскоре же они увидели преподобного сидящим на корме корабля и ударяющим по волнам своею мантию; вследствие этого волнение останавливалось. И до тех пор преподобный управлял кораблем, пока он не пристал к берегу. После этого дивный кормчий исчез с корабля.

Случилось, что инок Елисей во время плавания по морю сильно заболел и хотел принять схиму, но, не успев доехать до берега, скончался. Преподобный Зосима воскресил его из мертвых, и тот инок

был жив до тех пор, пока не принял на себя схиму и не причастился святых Тайн; затем инок опять почил о Господе.

Одного мирянина, именем Никона, сильно мучили бесы. Когда же он был приведен к мощам преподобного, последний явился ему и, освободив его от болезни, отослал домой здоровым.

Один земледелец, ослепший, пришедши на гроб преподобного, получил исцеление и стал видеть. Однако за маловерие свое земледелец тот ослеп во второй раз. Пришедши снова на гроб преподобного и помолившись с раскаянием, земледелец получил вторичное исцеление. Много и других больных исцелил преподобный, так как никогда не отказывал в своей помощи всем, кто с верою прибегал к нему.

Преподобный Зосима являлся многим не только один, но и вместе с преподобным Савватием; так, например, однажды брат Иосиф, находясь на острове Кузове (в тридцати верстах от Соловецкого острова), ночью взошел на гору для молитвы; посмотрев по направлению к монастырю Соловецкому, он увидел посредине монастыря два столпа огненных, восходивших от земли и доходивших до неба; когда брат этот рассказал о виденном другим братиям, то они сказали: «Это основатели и начальники монастыря Соловецкого Зосима и Савватий, воссиявают от гробов своих, потому что они духовные столпы, просвещенные зарею благодати Божией».

Два брата, Савватий и Ферапонт, по прошествии Великого поста были посланы для монастырских потребностей в Вирму, потому что здесь был монастырский двор, где хранились различные припасы. Плавая, путешественники приблизились к острову Шужмуй, отстоявшему от Соловецкого острова на шестьдесят верст; в это время один из путников, Савватий, увидел на том острове два огненных столпа, не особенно великих. Подплыв к острову, путешественники увидели небольшую хижину и в ней двух человек нагих и голодных, сильно болевших ногами, бывших едва живыми. В начале зимы эти два человека плыли по морю, но когда поднялась на море буря, их корабль разбило волнами; пристав к берегу, они высадились на нем и зазимовали, так как не встретили никого, кто бы взял их отсюда. Когда же эти несчастные увидели иноков, то спросили их:

— Кто вы такие? Уж не соловецкие ли старцы прислали вас к нам?

Савватий же и Ферапонт спросили их:

— О каких старцах соловецких вы говорите?

Больные отвечали им:

— Нас посещали два честны́х старца, приходившие сюда; одному из них имя — Савватий, а другое — Зосима. Когда они приходили к нам, то страдания наши облегчались; мы не чувствовали ни голода, ни холода. Сегодня они были у нас перед вашим приходом и сказали нам: «Не печальтесь, скоро мы пришлем за вами».

Услышав это, иноки те удивились и, подкрепив пищею больных, перенесли их на свой корабль, а потом отвезли их в обитель.

Преподобные Зосима и Савватий исцелили одну женщину, одержимую бесом, по имени Марию, имевшую мужа Онисима. Точно так же преподобные воскресили другую женщину, дочь Иеремии, бывшего слуги Зосимы, которая, по внушению бесов зарезала сама себя. Даже раны ее совершенно исцелились, ибо преподобные явились во сне ей, после того как воскресили ее, дали ей в руки сосуд с некоей мазью и сказали:

— Помажь свои раны, ибо ради слез отца и матери твоей мы пришли исцелить тебя.

Девица та, исполнив приказание святых (что было во сне), через три дня совершенно выздоровела.

Некто Василий, бывший ранее разбойником, покаявшись, пришел в Соловецкий монастырь и принял здесь чин иноческий. Но, спустя некоторое время, искушаемый диаволом, он замыслил убежать из монастыря. Приготовив лодку, он тайно положил в нее некоторые из вещей монастырских — книги, одежды и сосуды, — и намеревался ночью бежать из монастыря. Затем он пристал к острову Анзерскому, находившемуся в пятнадцати верстах от монастыря; здесь на него напал непреодолимый сон; привязав лодку к берегу, инок тот лег на землю и уснул. В сонном видении ему явились оба преподобных; один из них — Зосима, посмотрев на него с гневом, сказал ему:

— Окаянный! Ты меня обкрадываешь! Я создаю, а ты разоряешь!

Василий же в видении том просил у преподобного прощения, на что преподобный ответил ему:

— Прощение получишь, но пребудешь на этом месте три дня.

Проснувшись, Василий никого не увидел, не нашел также и лодки, привязанной у берега; затем, сев на землю, горько заплакал, не намереваясь уходить отсюда до истечения трех дней.

Между тем некоторые купцы, плывшие мимо того острова, взяли инока оттуда и привезли его в монастырь, где последний, раскаявшись, оплакал пред братиею свой грех и рассказал о явлении ему преподобных.

Около этого времени монастырские рыболовы ловили рыбу на реке Умбе, в расстоянии верст пятисот от острова. Начальником их был старец Фотий. Явившись ему во сне, преподобные сказали:

— Вот, мы привезли к вам лодку для рыбной ловли, потому что нам известно, что вам нужна еще лодка для рыбной ловли; только смотрите, ничего не потеряйте из того, что в ней находится, но все в целости доставьте в монастырь.

Проснувшись, Фотий передал другим рыболовам о своем видении. Отправившись к берегу, рыболовы действительно увидели здесь лодку и в ней много вещей, принадлежавших монастырю. Эти вещи рыболовы впоследствии привезли в монастырь и рассказали здесь о явлении преподобных.

Некто, по имени Феодор, живший на берегу моря около реки Сумы, передал следующее:

«Случилось мне, — сказал он, — плыть по морю с товаром. Внезапно поднялась сильная буря; опустив якорь и став на месте, сильно смущенные, мы обратились с молитвою к Богу, призывая в то же время на помощь и преподобных Зосиму и Савватия. Я же, войдя внутрь корабля, задремал, и вдруг увидел двух старцев, благовидных лицом, стоявших на корабле и говоривших рулевому: «Поверни корабль к ветру носом». Тотчас проснувшись, я подошел к людям, выливавшим воду из корабля. Один из них, сильно уставший, задремал, а проснувшись, сказал мне: «Я видел сейчас двух старцев в корабле, беседовавших друг с другом, причем один из них сказал другому: „Постереги, брат, корабль этот, а я спешу в Соловки к обедне“. Мы же, услышав это, удивились и возрадовались весьма, так как теперь начали надеяться на спасение от погибели. И действительно, вскоре буря прекратилась, наступила тишина, и мы отправились в путь, славя и благодаря Бога и Его святых угодников».

Старец Филимон передал следующее:

— Когда я жил в пустыне в отшельничестве, на меня иногда нападало, по действу диавола, сильное уныние; причина же этого уныния следующая: один из братий положил у меня на сохранение свои

деньги, двенадцать монет; спустя некоторое время деньги те, неизвестно как, пропали. Брат тот, узнав об этом, весьма опечалился; опечалился и я и был скорбен несколько дней. Однажды после того как я окончил правило свое и, сев, задремал немного, в мою келию вошли два старца. Я сказал им: «Почему вы вошли сюда без молитвы?» Они же ответили мне: «Нет, мы совершили молитву; может быть, ты не слышал ее». Тогда я сказал им: «Сядьте, государи мои». — Затем сказал: «Кто вы такие; не нашего ли монастыря старцы? Я не знаю вас». Один из них сказал мне: «Я называюсь Зосимой, а вот он — Савватием. Не скорби, брат, о пропавшей у тебя вещи, потому что она найдется». Эти преподобные говорили мне и многое другое, утешая меня, и потом стали невидимы. Я же, проснувшись, уже никого не увидел, но скорбь моя прошла и я ощутил на сердце у себя радость. Деньги же пропавшие нашлись на том самом месте, где они были положены. Утешился и я, и брат мой, и мы вместе воздали хвалу и благодарение Богу и преподобным отцам Зосиме и Савватию.

Много и других чудес совершено было этими преподобными отцами, начальниками обители Соловецкой; здесь же упомянутые да послужат к нашей душевной пользе и к прославлению угодников Божиих, а также к прославлению Господа нашего Иисуса Христа, с Отцем и Святым Духом прославляемого вечно. Аминь.

ПАМЯТЬ ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО
АГАПИТА,
папы Римского

Святой Ага́пит, папа Римский[1], был послан готским царем Теодорихом Великим[2], владевшим тогда Италиею, в Константинополь к императору Юстиниану[3] для переговоров о мире. Отправившись,

[1] *Святой Ага́пит* был папой Римским с 535 по 536 год.

[2] *Теодорих Великий*, король ост-готов, царствовал с 485 по 536 год. Ост-готы жили между реками Днепром и Доном и составляли восточную ветвь готского народа, распавшегося в IV столетии на ост-готов и вест-готов.

[3] Император римский *Юстиниан I* царствовал с 527 по 565 год.

он встретил на пути человека, страдавшего двумя недугами — немого языком и хромого ногами. Взяв его за руку, святой Агапит исцелил его от хромоты; причастив же его святых Тайн Тела и Крови Христовых, разрешил язык его.

Пребывая в Константинополе, святой Агапит увидел там слепого, сидевшего у так называемых Золотых ворот и просившего милостыню. Сжалившись над ним, святой Агапит возложил ему на глаза свою правую руку, после чего слепой прозрел.

Во время пребывания святого Агапита в Константинополе здесь, по повелению императора Юстиниана, собрался Поместный собор[1], на котором был низложен патриарх Анфим[2], возведенный на патриарший престол незаконно, противно церковным правилам[3]. На место низложенного Анфима был возведен некоторый пресвитер, по имени Мина[4], проводивший жизнь святую и строго подвижническую. Вместе с тем на этом же соборе была предана осуждению ересь Северова[5].

Вскоре после этого святой Агапит преставился ко Господу[6] и был погребен в Константинополе.

---

[1] Это было в 536 году.

[2] *Анфим I* патриаршествовал с 535 по 536 год.

[3] *Анфим* был убежденным монофизитом и лицемерно принял Православие для того только, чтобы получить Константинопольский патриарший престол. *Монофизиты* неправильно учили о соединении в Иисусе Христе двух естеств; они говорили, что Божеское естество в Иисусе Христе поглотило человеческое. Ересь монофизитов называется еще *евтихианством*, по имени своего основателя — Константинопольского архимандрита Евтихия. Эта ересь была осуждена на IV Вселенском соборе, происходившем в 451 году в Халкидоне.

[4] *Святой Мина* патриаршествовал с 536 по 552 год. См. житие его под 25 августа.

[5] *Север*, патриарх Антиохийский (с 512 по 519 год) принадлежал к числу «умеренных» монофизитов; отличием его учения от учения других монофизитов было то, что он признавал тело Иисуса Христа «подобосущным» нашему и подверженным тлению.

[6] Кончина святого Агапита последовала в 536 году.

День восемнадцатый

Память преподобного отца нашего Иоанна, ученика святого Григория Декаполита

Мы знаем две страны с именем Декаполиса[1]. Одна из них находилась в Палестине, близ Галилеи[2]; о ней упоминает святой евангелист Матфей, говоря: *и следовало за Ним множество народа из Галилеи и Десятиградия, и Иерусалима, и Иудеи, и из-за Иордана* (Мф. 4, 25). Именем Декаполиса называлась еще одна небольшая страна, находившаяся в Исаврии[3]. Из этого-то последнего исаврийского Декаполя и происходил преподобный Григорий[4], учитель преподобного Иоанна, память которого совершается в настоящий день. С юных лет отрекшись от этого мира и возлюбив Христа, преподобный Иоанн удалился к упомянутому своему учителю Григорию Декаполиту и, приняв от него пострижение в чин иноческий, подвизался вместе с ним, добродетельною жизнью своею угождая Богу. Он достиг такого смирения, послушания и вообще духовного совершен-

---

[1] *Декаполис* — десятиградие, союз нескольких городов.

[2] *Галилея* (от евр. halil — область, округ) — страна, лежавшая на севере Палестины. Границами ее были: на севере — Сирия и горы Ливанские, на западе — Финикия, на востоке — река Иордан и на юге — Самария. Галилея делилась на верхнюю (или северную) и нижнюю (или южную).

[3] *Исаврия* — южная гористая часть Ликаонии, малоазийской области.

[4] Память святого Григория совершается Церковью 20 ноября.

ства, что за него радовался и прославлял Бога и сам учитель его святой Григорий.

Когда нечестивый император Лев Армянин[1], возобновив иконоборческую ересь, воздвигнул гонение на Церковь Христову, то вместе с своим учителем Григорием и святым Иосифом Песнописцем[2] в Византию[3] прибыл в это время и преподобный Иоанн. Обходя город, они укрепляли православных, увещая их твердо хранить и мужественно исповедовать святую веру христианскую. Вскоре после этого Иосиф отправился в Рим[4], но по дороге был схвачен еретиками и заключен в темницу в Крите[5]. Преподобный же Григорий Декаполит скончался в Риме после удаления Иосифа[6].

Пребывая в Византии, преподобный Иоанн подвизался, как и ранее, заботясь не только о своем спасении, но и о спасении других людей.

По прошествии нескольких лет, когда блаженный Иосиф, будучи освобожден из заключения, возвратился в Византию, преподобный Иоанн уже отошел ко Господу[7], дабы получить от Него награду за свои труды, и был похоронен руками Иосифа около гробницы отца своего именем также Иосифа. Затем тело его было перенесено в другое место, о чем так сообщается в житии святого Иосифа Песнописца:

— Войдя в город, — говорится здесь, — Иосиф не застал в живых своего любезного наставника, святого Григория Декаполита. Последний отошел уже ко Господу. Он видел только ученика Григория, блаженного Иоанна, а по Григории долго плакал, потому что не сподобился еще раз свидеться с ним. Он пребывал около его гробницы вместе со святым Иоанном; но по прошествии некоторого времени отошел ко Господу и Иоанн, и Иосиф похоронил его близ гробницы святого Григория. После этого преподобный Иосиф переселился в

---

[1] *Император Лев V Армянин* управлял Византийскою империею с 813 по 820 год.

[2] Память преподобного Иосифа Песнописца празднуется 4 апреля

[3] *Византия* — столица Греческой империи, славившаяся в древности своей образованностью и торговлей.

[4] *Рим* — главный город итальянского государства, стоящий на реке Тибре.

[5] *Крит* — один из больших островов Средиземного моря.

[6] Кончина святого Григория Декаполита последовала около 820 года.

[7] Кончина святого Иоанна последовала около 820 года.

другое уединенное и безмолвное место, находившееся за городом недалеко от церкви святого Иоанна Златоустого. Поселившись здесь, преподобный Иосиф создал церковь во имя святителя Христова Николая и в нее перенес мощи святых Григория и Иоанна.

Некоторые утверждают, что преподобный Иоанн, ученик святого Григория Декаполита, после преставления своего учителя удалился в Палестину и здесь подвизался в обители святого Харитона[1], где и почил о Господе. Но это относится к другому святому с именем Иоанна, который действительно и подвизался в обители святого Харитона в то время, когда эта обитель находилась в цветущем состоянии[2]. Воспоминаемый же ныне святой Иоанн жил спустя много лет после того Иоанна, в царствование императора иконоборца Льва Армянина, когда в Палестине не было уже и обители святого Харитона. Эта последняя была окончательно разорена магометанами в царствование Константина и Ирины[3], живших за много лет до Льва Армянина; об этом разорении упоминается в повествовании о страдании преподобных отцов, избиенных в обители преподобного Саввы[4]. Здесь сообщается, что в то время, когда произошло избиение отцов обители святого Саввы, была окончательно разорена и обитель святого Харитона, которая после этого уже никогда не возобновлялась, но пришла в окончательное запустение; отсюда видно, как мог пребывать воспоминаемый ныне преподобный Иоанн в той окончательно разоренной и опустевшей обители Харитоновой и умереть в ней; к тому же в житии преподобного Иосифа Песнописца повествуется, что этот блаженный Иосиф своими руками предал погребению тело воспоминаемого ныне святого Иоанна в Византии и потом перенес его на другое, недалеко от первого, место.

---

[1] Память преподобного Харитона празднуется 28 сентября. Он подвизался в IV веке в Палестине, где основал три обители: Фаранскую, Иерихонскую и Суккийскую. В данном случае разумеется последняя обитель, носившая еще название «Ветхой Лавры».

[2] Здесь имеется в виду Иоанн ветхопещерник, подвизавшийся в VIII веке. В Сукхийской обители святого Харитона, Ветхой Лавре. Память святого Иоанна ветхо-пещерника совершается 19 апреля.

[3] *Император Константин VI* управлял Византиею с 780 по 797 год, а *святая Ирина* (мать его) — с 797 по 802 год.

[4] Память святых отцов, в обители Саввы избиенных, совершается 20 марта.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ

ВИКТОРА, ЗОТИКА, ЗИНОНА, АКИНДИНА и СЕВЕРИАНА

В то время, когда нечестивый император Диоклетиан[1] воздвиг на христиан жестокое гонение, был схвачен и подвергнут без милосердия мучениям святой Георгий[2]. Во время мучений силою Божиею святой Георгий творил дивные чудеса, видя которые многие из язычников уверовали во Христа. Но уверовавшие немедленно подвергались мучениям от рук нечестивых, причем одни из них отсылались в темницы, другие были сожигаемы огнем, третьи — усекаемы мечом. Из числа таковых-то и были эти святые мученики: Виктор, Зотик, Зинон, Акиндин и Севериан. Они, увидав святого Григория привязанным к колесу (которое должно было терзать его тело) и не потерпевшим от того никакого вреда, уверовали в Господа нашего Иисуса Христа, за что мучители немедленно и отсекли им головы[3].

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА

ИОАННА НОВОГО

Родиной блаженного Иоанна был город Иоаннина[4], находившийся в греческой области, именовавшейся Эпиром[5]. Некогда этот город был местом постоянного пребывания греческого царя

---

[1] *Император Диоклетиан* управлял Римской империей с 284 по 305 год.

[2] Имеется в виду *святой великомученик Георгий*, бывший первоначально языческим военачальником и любимцем императора Диоклетиана. Честная кончина святого мученика последовала в Никомидии в 303 году. Память его — 23 апреля.

[3] Кончина святых мучеников последовала в 303 году.

[4] Город *Иоаннина*, или *Янина*, находился в Эпире, между Триккою Фессалоникийскою и Амвракиею Эпирской, к югу.

[5] *Эпир* — восточная часть Северной Греции, простиравшаяся от Акрокеруанских гор до Амброкийского залива Ионийского моря.

Пирра[1]. Родители святого Иоанна были благочестивые христиане. Оставшись после их смерти в юных летах сиротою, Иоанн пришел в Константинополь, с намерением трудами рук своих добывать себе здесь необходимые средства к жизни. Он имел здесь так же, как и прочие ремесленники и торговцы, место на общественной площади и таким образом содержал себя своим ремеслом, имея достаток во всем необходимом. Бог споспешествовал ему во всех делах его, так как он проводил добродетельную жизнь и строго исполнял закон Божий. Жителями Константинополя он был прозван «Эпиратом», так как был родом из Эпира.

В то время Константинополь уже находился под властью мусульман[2], исповедовавших магометанскую веру. Многие и из христиан, соблазнившись магометанским нечестием, уклонялись в магометанство; в особенности же много было ремесленников и купцов, ранее исповедовавших христианскую веру, но потом перешедших в магометанство.

Истинному христианину, блаженному Иоанну и пришлось жить среди таких-то людей. Со всех сторон его соседями по торговле были отвергнувшиеся от Христа и присоединившиеся к магометанству отступники; Иоанн часто открыто с ними препирался, изобличая их отступничество, так как это был юноша разумный, смелый в речах, говоривший за истину без страха. За все это соседи Иоанна стали ненавидеть его. Они были недовольны также и тем, что видели преуспеяние в торговых делах святого. Так как Иоанн приобретал все более и более успеха в делах торговых, то прочие торговцы и ремесленники стали ему завидовать и начали замышлять, какое бы возвести на него обвинение, дабы погубить его. Блаженный же Иоанн, видя замышляемые против него козни, не устрашился их, но еще сильнее, всею душою, возжелал пострадать за истину Христову.

И вот, отправившись однажды в Великую пятницу[3] к своему духовному отцу — константинопольскому протопресвитеру, он исповедал ему свои грехи, а также сообщил ему о вражде злобствовавших на него и искавших его погибели соседей, передал также и о своем

---

[1] *Пирр* — царь Эпира с 295 по 272 год до Рождества Христова. Этот царь известен своими войнами против Рима и Спарты.

[2] Константинополь был взят мусульманами в 1453 году.

[3] Это было в 1500 году.

желании пострадать за Христа и просил от духовного отца своего полезного совета и утешения. Видя молодые годы святого, протопресвитер не советовал ему отдаваться на мучение, сказав ему:

— Чадо, исследуй прежде внимательно, не внушен ли тебе диаволом таковой помысл: ведь диавол многих людей возбуждал к мученичеству, намереваясь предать их на посрамление всему миру, после того как они не в состоянии были перенести мучений и отпадали от веры.

Святой же Иоанн отвечал ему:

— Я надеюсь на Христа моего и твердо верую, что Он не отдаст меня на поругание врагам моим, но укрепит меня Своею силою, дабы я был в состоянии победить силу вражью.

— Чадо, — сказал на это протопресвитер, — в слове Божием сказано: *дух бодр, плоть же немощна* (Мф. 26, 41). То дело, на которое ты идешь, требует большого приготовления, требует непрестанного поста и молитв; когда ты очистишься подвигами поста и молитвы от всякого греха, тогда Бог Сам скажет тебе, как поступать тебе, ибо Бог обычно вселяется в чистых душах. Итак, возлюбленный, внимай себе и иди с миром, а я буду молить Бога, дабы Он сохранил тебя от всех твоих видимых и невидимых врагов — от людей и бесов, и дал бы тебе победу над ними.

Сказав это, протопресвитер с миром отпустил юношу.

На следующий же день утром блаженный Иоанн снова с светлым лицом и радостным духом явился к своему отцу духовному и сказал ему:

— Честны́й отче! В минувшую ночь я видел себя во сне стоящим посреди пламени, и не опаляемым, но веселящимся и ликующим, подобно трем отрокам в вавилонской печи (см.: Дан. 3). Итак, я надеюсь, что замышляемое мною дело с помощью Всевышнего дойдет до благополучного окончания. Я умоляю и тебя, честный отче: подкрепи меня своими молитвами!

Отец духовный на это сказал ему:

— Да укрепит тебя, чадо, Бог победить адского волка, — я разумею невидимого змия, — и да сподобит Он тебя увенчаться мученическим венцом.

Укрепив многими и другими ласковыми речами юношу на его подвиг, протопресвитер отпустил его, обещая молиться за него Богу.

Когда блаженный Иоанн пришел на рынок к своей лавке, то ненавистники его, наперед составив план его погибели, стали говорить друг к другу:

— Этот человек не тот ли самый, который открыто отвергся Христа в Трикке[1]; для чего же он здесь держит себя как истинный христианин?

Услыхав эти слова, юноша грозно посмотрел на говоривших и спросил их:

— О мне ли вы говорите или, может быть, о ком-либо другом?

— О тебе, — отвечали они, — а не о ком другом, и разве не правду мы говорим?

— Со мною никогда не было и не будет того, — отвечал святой, — чтобы я отрекся от Христа Бога моего, в Трикке ли, в другом ли каком-либо месте. Я живу и всегда буду жить для Христа, Бога моего, и готов всегда умереть за Него.

Придя в сильную ярость от таких слов святого, враги его быстро устремились к нему, как бы готовые сейчас же умертвить его, и тотчас же повлекли его к судилищу. Святой юноша шел поспешно, сияя лицом своим, как бы отправляясь на пир. Когда святой был приведен пред судилище, то враги его явились здесь и клеветниками, и свидетелями, и судиями святого. Они обвиняли его единственно в том, что он в фессалийском городе Трикке будто бы открыто отвергся Христа и принял магометанскую веру, а пришедши в Константинополь, снова притворяется христианином и хулит магометан. Начиная допрос, враги святого прежде всего стали выказывать притворное и лицемерное сострадание к нему, как бы жалея его, и стали ласково увещевать его отречься от Христа. Затем, увидав, что он стоит непоколебимо в христианской вере, они стали устрашать его к отречению от христианства угрозами, но не достигнув ничего и этим путем, стали немилосердно бить его, после чего ввергли его в темницу, намереваясь держать его здесь до тех пор, пока не решат, что делать с ним далее.

На другой день утром, выведя святого из темницы, нечестивые судьи его стали его спрашивать: не решил ли он отречься от Христа и принять их веру. Но увидав, что он по-прежнему непреклонно ис-

[1] *Трикка* — город в Фессалии, области на северо-востоке Греции.

поведует христианство, они снова начали бить его без пощады толстыми палками. Святой же, как твердый адамант, молчаливо претерпевал наносимые ему побои, как будто били не его, а кого-то другого. Он только тихо молился Богу, говоря:

— Я ни за что в мире не отрекусь от своей веры; никогда не будет со мною того, дабы я стал веровать по-иному, а не так, как это прилично христианину; никогда не будет того, чтобы я был обольщен ласками или побежден мучениями. Делайте со мною, что хотите, дабы скорее я перешел от этой кратковременной жизни к жизни вечной. Как Христов раб, я следую за Христом и за Христа умираю, дабы жить с Ним вовеки.

Неправедные судьи повелели снова бросить святого в темницу. Мученика теперь уже не вели, но влекли по земле, рвали его за волосы, ударяли по щекам и попирали ногами. Наконец, он снова был заключен в узы.

На другой день святой был снова выведен на суд, но так как он дерзновенно продолжал говорить то же самое, что и раньше, то его опять начали бить без милости. В то время когда его били, мученик радостно воспевал церковную песнь: «Христос воскресе из мертвых!»[1], и прочее, ибо тогда были дни Пасхи. Все тело святого было изъязвлено ранами и земля около него обагрилась кровью. Между тем святой мученик как бы не своим телом терпел страдание, но во время мучений, то пел, то обращался к своим мучителям со словами:

— Бейте, бейте меня, из всех сил ваших, бейте и насколько можете увеличивайте побои: но тем не менее вы никогда не будете в состоянии отвратить меня от Христа моего и соделать своим единомышленником.

После этого, устыдившись, мучители снова ввергнули мученика в темницу и здесь мучили его в продолжение нескольких дней голодом и жаждою, потом снова вывели его из темницы и, видя, что он, несмотря на все мучения, не изменяет вере Христовой, осудили его на сожжение.

Когда святой, закованный железными цепями, был веден на смерть, *как овца на заклание* (Ис. 53, 7), то во время пути мучители его били его руками, ударяя по лицу, и оскорбляли его бранными

[1] Тропарь святой Пасхи.

словами: но некоторые из бывших здесь выражали ему свое соболезнование и просили его не губить свою юность. Но Христов мученик шел на смерть с великим торжеством, как бы готовясь получить какие-либо великие почести.

Наконец святой Иоанн дошел до места, где был разложен мучителями большой костер. Святой, не дожидаясь, пока его бросят на костер, мужественно сам вошел на него и стал в самое пламя. Тогда мучители, ухватив конец цепи, которою был скован святой Иоанн, вытащили его из пламени. Святой же мученик сказал мучителям:

— Зачем вы не даете мне сгореть в пламени? Зачем препятствуете тому, чтобы я стал благоугодною для Христа жертвою?

Тогда судьи, хотя и знали, что смерть путем сожжения огнем весьма мучительна, но как святой сам сильно желал такой смерти, то переменили свое решение и осудили святого на смерть не через сожжение, а через усекновение мечом. Они приказали палачу отсечь голову непобедимому юноше, а затем бросить отрубленную голову вместе с туловищем в костер. Таким образом святой новый мученик Христов Иоанн-Эпират восприял 18 апреля[1] венец мученический.

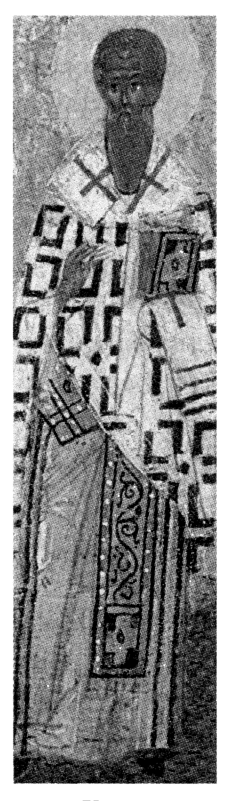
Несмотря на то, что тело святого было сожжено на костре, верующие нашли некоторые части его костей, уцелевшие от огня; взяв их, они с благоговением хранили их у себя, прославляя Христа Бога нашего, восхваляемого со Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО **КОСМЫ ИСПОВЕДНИКА**, епископа Халкидонского, **и преподобного АВКСЕНТИЯ**

Святитель и исповедник Христов Косма происходил из города Константинополя[2]. С юных лет возлюбив Христа, он оставил

[1] Кончина святого мученика последовала в 1526 году.

[2] *Константинополь* — знаменитый в древности город, столица Византийской империи, ныне город Стамбул в Турции. Константинополь расположен на берегу

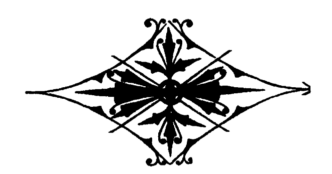

Косма Исповедник

этот суетный мир и постригся в монахи. Проводя строго подвижническую жизнь и достигнув совершенства во многих добродетелях, святой Косма сделался обителью Святого Духа.

Впоследствии святой Косма был назначен епископом в город Халкидон. В сане епископа он усердно защищал православное учение, которое гонимо было в это время еретиками-иконоборцами.

Еретики-иконоборцы неоднократно принуждали святого не поклоняться святым иконам. Но он мужественно защищал православное учение и не подчинялся еретикам.

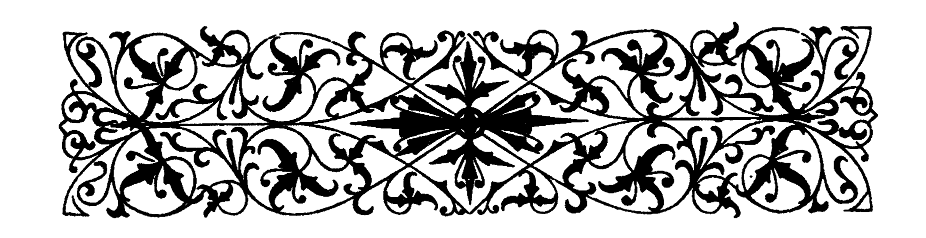
За свою твердость в Православии святой перенес много мучений от гонителей и был сослан в заточение. Вызванный из заточения и снова понуждаемый к непочитанию икон, святой Косма вновь оказал твердость в Православии. За это он был опять подвергнут многочисленным мучениям и огорчениям, которые разделял с ним и преподобный Авксентий[1]. Среди этих огорчений святой Косма и принял блаженную кончину[2].

Босфора — пролива Средиземного моря и славился в древности своею образованностью и торговлею.

[1] Память его совершается в тот же день. Упоминаемого здесь Авксентия не следует отождествлять с преподобным Авксентием, память которого празднуется 14 февраля. Этот последний Авксентий подвизался на горе Оксии близ Халкидона и присутствовал на IV Вселенском соборе. Скончался он около 470 года.

[2] Кончина святого Космы последовала в начале IX века (около 816 года) при императоре-иконоборце *Льве V Армянине* (царствовавшем с 813 по 820 год).

День девятнадцатый

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ВЕТХОПЕЩЕРНИКА

Именем «Ветхой лавры» называлась обитель преподобного Харитона, находившаяся в палестинской пустыне близ Иерусалима. Она называлась «Ветхой лаврой» потому, что устроена была святым Харитоном прежде других лавр, как о том подробно написано в житии его. В этой-то Ветхой Харитоновой лавре и подвизался в постничестве воспоминаемый ныне преподобный Иоанн. Горя с юных лет любовью ко Господу, святой Иоанн прилепился к Богу всею своею душою, согласно с написанным в Священном Писании: *мне же прилепля́тися Богови благо есть* (слав. Пс. 72, 28). Презрев суетную мирскую жизнь, святой Иоанн удалился из отечества и, приняв на себя крест иноческой жизни, странствовал по разным местам во имя Господа, Который, со дня Своего рождения и до самой смерти, не имел где главы приклонить (см.: Мф. 8, 20).

Достигнув святых мест иерусалимских, святой Иоанн поклонился живоносному гробу Господню, потом пришел в вышеупомянутую Лавру блаженного Харитона, где за свою добродетельную жизнь удостоен был священного сана иерея. Обуздывая плотские страсти великим воздержанием, святой Иоанн явился и здесь подражателем великих древних постников: всенощными бдениями и непрестанным памятованием о смерти святой достиг совершенного умерщвления своей плоти и был как бы Ангелом во плоти.

Прожив довольно много лет и все время благоугождая Богу, святой преставился ко Господу[1]. На руках святых бесплотных Ангелов душа его была отнесена в вечные обители небесные.

Святой Иоанн называется «Ветхопещерником», вместо «ветхолаврата», потому, что «Ветхая лавра» преподобного Харитона первоначально находилась в разбойнической пещере. В эту пещеру был заключен разбойниками преподобный Харитон. Но после того, как разбойники, выпив вина, отравленного ядом змеи, умерли, преподобный Харитон освободился от них. Найдя в пещере много золота, награбленного разбойниками, преподобный Харитон устроил при пещере церковь; когда же собрались к нему братия, то устроил над пещерой и обитель. А так как преподобный Иоанн проживал в той древней пещере, совершая богослужение в пещерной церкви, то потому он и был прозван «Ветхопещерником».

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ХРИСТОФОРА, ФЕОНЫ и АНТОНИНА

Воспоминаемые ныне святые мученики Христофор, Феона и Антонин были воинами-копьеносцами царя Диоклетиана[2]. Однажды, присутствуя при мучениях святого великомученика Георгия и увидав совершаемые святым Георгием[3] чудеса, они сбросили с себя оружие и свои воинские пояса[4] и, став пред царем, мужественно исповедали свою веру во Христа. За это, по приказанию императора, они были скованы цепями и заключены в темницу.

На другой день они были выведены из темницы и приведены пред судилище нечестивого императора, который и принуждал их

[1] Кончина святого Иоанна Ветхопещерника последовала во второй половине VIII века.

[2] *Император Диоклетиан* царствовал с 284 по 305 год.

[3] См. житие его под 23 апреля.

[4] *Пояс*, как знак царской милости, носили обыкновенно воины, занимавшие высокий пост или особенно приближенные к царю (каковыми и были воспоминаемые ныне святые мученики, исполнявшие первоначально обязанности копьеносцев, или телохранителей, императора Диоклетиана).

отречься от Христа. Когда же святые мученики не повиновались мучителю, но открыто прославляли Бога истинного, то мучитель приказал повесить тела их, строгать их железными орудиями и жечь огнем. Но когда и после этого святые мученики остались непреклонными, то император повелел сжечь их на огне.

Так окончили свои страдания за Христа эти святые мученики[1].

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ГЕОРГИЯ ИСПОВЕДНИКА,
епископа Антиохии Писидийской

Исповедник Христов, преподобный Георгий жил во времена иконоборчества. Возлюбив с юности Христа, он постригся в иноческий образ и, благодаря своей благочестивой жизни и многим трудам и подвигам, соделался обителью и вместилищем Святого Духа. Он был назначен епископом Антиохии Писидийской[2] и в этом сане усердно руководствовал вверенным его водительству стадом. Когда же по внушениям диавола усилилась ересь иконоборческая и, по приглашению императора, все епископы спешили собраться в Константинополь, тогда и этот святитель, придя туда же, мужественно стоял за Православие и советовал царю повиноваться соборным церковным постановлениям, преданным нам святыми отцами, наставниками Православия, и увещевал подражать их вере, учениями различными и чуждыми (см.: Евр. 13, 9) не совращаться, по заповеди святого апостола Павла. Его и самого принуждали отречься от поклонения святым иконам, но он не повиновался нечестивым иконоборцам, за что был отрешен от епископства и сослан в заточение, где и окончил жизнь свою[3].

---

[1] Кончина святых мучеников последовала в 303 году.

[2] *Писидия* — область Малой Азии.

[3] Кончина святого Георгия последовала в царствование императора-иконоборца Льва V Армянина (813–820 гг.).

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ТРИФОНА, патриарха Константинопольского

Византийский император Роман[1], тесть императора Константина Багрянородного[2], имея младшего сына по имени Феофилакт, которого он обещал, как только тот родился, посвятить в духовный сан, восхотел сделать его патриархом Константинопольским по случаю смерти тогдашнего патриарха Стефана[3]. Но так как Феофилакт был еще тогда молодым юношей, имевшим от роду всего только шестнадцать лет и по церковным правилам не мог принять на себя такой сан, то на время был избран местоблюстителем и правителем патриаршего престола монах Трифон[4], который должен был управлять патриаршим престолом до тех только пор, пока сын царя, Феофилакт, не достигнет возраста, дававшего ему право на замещение святительского престола.

Быстро возводимый по иерархическим степеням, монах Трифон был посвящен во епископа и принял патриаршее управление, будучи человеком поистине достойным такового сана, так как проводил непорочную жизнь. Управляя патриаршеством немного более трех лет, он при следующих обстоятельствах был отрешен от этого управления.

Когда Феофилакту исполнилось всего только еще двадцать лет, император Роман стал добиваться, чтобы Трифон уступил патриарший престол его сыну. Но блаженный Трифон не считал возможным уступить молодому и неопытному юноше таковой высокий сан, которого мог быть удостоен только муж совершеннейший и летами, и разумом, хорошо знающий Божественное Писание и вообще способный как дóлжно управлять кормилом Церкви.

Тогда император Роман весьма опечалился, не зная, как поступить, так как он не имел ни одного обвинения на Трифона, по кото-

[1] *Император Роман (Лакапен)* управлял Византиею с 917 по 944 год.

[2] *Константин VII Багрянородный* царствовал с 912 по 959 год.

[3] *Святой Стефан II* был Константинопольским патриархом с 925 по 928 год.

[4] *Святой Трифон* управлял Константинопольскою патриархиею с 928 по 931 год.

рому можно было бы устранить его с патриаршего престола, тем более, что преподобный Трифон был человеком святой, безукоризненной жизни. При таких обстоятельствах друг императора, кесарийский епископ Феофан, человек коварный, сказал императору:

— Царь, поручи мне это дело, и я отлично устрою его согласно твоему царскому желанию.

Царь весьма обрадовался предложению Феофана и стал просить его поскорее окончить дело, за какое он взялся.

Отправившись к святому Трифону, Феофан вступил с ним в беседу, лицемерно притворяясь преданным ему человеком. Он говорил ему следующее:

— Владыко, император замышляет против тебя великие козни: он с своими единомышленниками ищет повода и предлога, чтобы низложить тебя с престола патриаршего. Впрочем, несмотря на все свои хлопоты, они едва ли достигнут чего-либо, так как они выставляют против тебя такое обвинение, в котором ты неповинен. Так, они говорят, что ты будто бы человек неграмотный и совершенно не умеешь писать; и потому они считают тебя недостойным патриаршества. В виду этого позаботься заблаговременно посрамить их и заградить их уста, дабы они умолкли. Если ты хочешь меня послушать, то поступи так. В присутствии всего собора напиши на чистой бумаге твое имя и патриарший титул и отошли написанное императору, дабы были посрамлены клеветники твои, говорящие, что будто бы ты не умеешь писать.

Блаженный Трифон, будучи незлобив, не понял коварства Феофанова и полагал, что совет его хорош, почему и исполнил его. Когда начались заседания собора, патриарх обратился ко всем со следующею речью:

— Служители алтаря Божия напрасно отыскивают против меня обвинения те, кои желают свергнуть меня с престола. Я уповаю на Бога моего, что они ничего не найдут против меня такого, за что меня можно было бы лишить вверенного мне Богом престола, если даже и усиленно будут добиваться этого. Между прочим они выставили против меня то ложное обвинение, что будто бы я неграмотен и совершенно не умею писать. Вот я в присутствии всех вас пишу эти строки, дабы клеветники мои постыдились и перестали на меня лгать.

Сказав это, блаженный Трифон взял чистую бумагу и на глазах всех написал на ней следующее:

— Трифон, милостью Божиею архиепископ Константиноноля, Нового Рима, вселенский патриарх.

Полученная затем бумага была передана императору. Император, по совету вышеупомянутого Феофана, епископа кесарийского, приказал на ней другой рукой приписать следующие слова:

— Я уступаю патриаршее место не по другой какой-либо причине, а единственно лишь потому, что считаю себя недостойным этого сана.

Приписав эти слова, император приказал прочитать эту бумагу в присутствии князей, бояр и всех должностных лиц. Затем при помощи своих единомышленников он насильственно вывел святейшего патриарха Трифона из патриаршего дворца и приказал назначить на патриарший престол своего сына Феофилакта. Вследствие этого в Церкви начались большие смуты и нестроения, потому что многие из служителей Церкви продолжали считать патриархом Трифона, а не Феофилакта.

Между тем блаженный Трифон, терпеливо перенесши такое поругание над собой, удалился в тот монастырь, где он пребывал до назначения на патриарший престол, и, прожив здесь два года и пять месяцев, преставился ко Господу[1]. Его честно́е тело было перенесено в Великую престольную церковь, где и было положено при гробнице патриархов.

После его смерти смуты и нестроения церковные прекратились, ибо после преставления святого Трифона все согласились с избранием на патриаршество Феофилакта и присоединились к общению с ним[2]. Память же святого Трифона почтили, славя и благодаря Бога.

[1] Кончина святого Трифона последовала в 933 году.

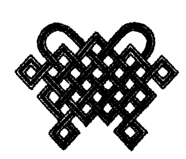
[2] *Патриарх Феофилакт* управлял Константинопольскою церковью с 933 по 956 год.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО НИКИФОРА

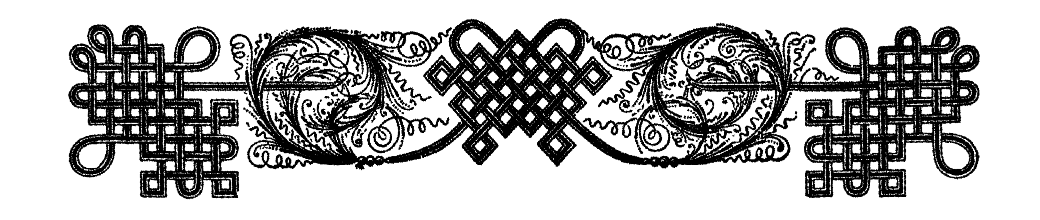
Великий отец наш блаженный Никифор был родом из города Константинополя. Родители его, Андрей и Феодора, были люди знатные и весьма богатые. Они научили своего сына страху Божию. После их кончины Никифор, познав суету мира, почувствовал в себе желание посвятить себя на служение Богу. Поэтому, раздав все свое наследство бедным, он удалился из Константинополя в Халкидон[1]. Тут он зашел в монастырь святого Андрея и, увидев совершенную жизнь подвижников, решился остаться на жительство с ними. Вскоре после этого игумен монастыря послал его на Финикийский остров, где находился монастырь Пресвятой Богородицы, с тем, чтобы он был там игуменом и пас стадо Христово. Прибыв на остров, преподобный множеством чудес обратил к вере во Христа живших там язычников, разрушил их капища и построил вместо них церкви. Своею постническою жизнью он превзошел всех. Прожив в монастыре тридцать три года и почувствовав близость своего отшествия ко Господу, он сообщил об этом братии и поставил вместо себя игуменом благочестивого инока, Иосифа, а сам поспешил отправиться в Халкидон. Сев на корабль, он занемог и сказал корабельщикам:

— Будьте мужественны и спокойны, ибо я отхожу ко Господу. Довезите тело мое в Халкидон.

С этими словами святой скончался. При попутном ветре корабль скоро приплыл в Халкидон, и корабельщики положили тело преподобного во гроб и с честью похоронили его.

[1] *Город Халкидон* находится против Константинополя на азиатском берегу Босфора, в римской провинции Вифинии, которой он был главным городом.

День двадцатый

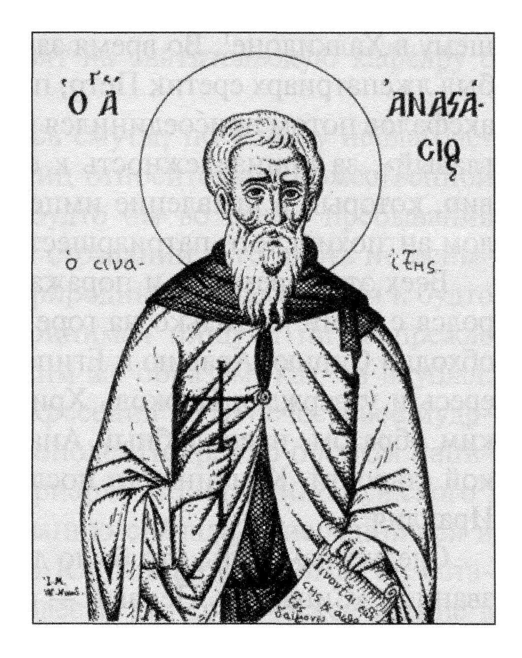
ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО **АНАСТАСИЯ**, игумена Синайской горы

Святой Анастасий был воспитан еще с самой юности своей в великом благочестии, что видно из следующих им самим сказанных слов:

— Видевшие Христа во плоти считали Его за пророка; но мы, хотя и не видали Его телесными очами, тем не менее с ранних лет, будучи еще младенцами и отроками, всегда признавали Его за Бога, всесильного Владыку, Создателя веков и научились исповедовать Его как сияние славы Отчей. Святое же Его Евангелие мы выслушиваем с такою любовью, как будто видим пред собою Самого, обращающегося к нам, Христа; принимая же непорочную жемчужину пречистого Тела Его, веруем, что принимаем Самого Христа. А когда видим на иконе только лишь изображение Его, то поклоняемся, припадаем и почитаем Его, как бы видя Его Самого, взирающего на нас с небес.

Из этих слов преподобного Анастасия ясно видно, что он с самого детства своего научен был познавать Христа Бога истинного, веровать в Него, бояться Его непритворным страхом, всем сердцем любить Его и почитать Его приличествующим Ему поклонением.

Достигнув совершеннолетнего возраста, святой Анастасий оставил мир и, взяв, по евангельской заповеди, крест (см.: Мф. 16, 24), самоотверженно последовал за Христом. Удалившись в монастырь, Анастасий принял здесь монашество. Но желая достигнуть возможно выс-

ших подвигов добродетели и стремясь подражать совершенным в добродетели мужам, святой Анастасий отправился в Иерусалим и поселился на Синайской горе, где подвизался вместе со многими святыми мужами, преуспевавшими в подвигах иноческого жития.

В это время игуменом Синайской горы был преподобный Иоанн Лествичник[1]. За свое смиренномудрие он получил от Бога дар духовного разумения и премудрости. Он составил много душеполезных бесед, написал житие некоторых святых отцов и сподобился получения пресвитерского сана.

После святого Иоанна Лествичника и брата его Георгия святой Анастасий был игуменом Синайской горы. Он весьма много потрудился в обличении еретиков, называвшихся акефалами[2], то есть безглавыми, много писал против них и, состязуясь с ними, обличал, и посрамлял их. Ересь акефалов зародилась в Александрии[3] в правление императора Зенона[4]; основателями ее были лица, враждебные и противившиеся IV Вселенскому собору святых отцов[5], происходив-

---

[1] *Святой Иоанн Лествичник*, игумен Синайской горы, великий подвижник благочестия, автор сочинения «Лествица», где начертаны как бы ступени восхождения по пути нравственного совершенства. Жил святой Иоанн в VI веке, — См. житие его под 30 марта.

[2] *Акефалы* (от греческого слова «кефали» — голова) — наименование, прилагавшееся к некоторым церковным партиям, как например, к той, которая на соборе Ефесском (III Вселенском) не хотела идти ни за Кириллом, ни за Иоанном Антиохийским, а также и к той партии, которая отделилась от патриарха Александрийского, когда он подписал энотикон, — и к некоторым другим.

[3] *Александрия* — город на севере Египта, славившийся в древности своею образованностью и торговлею.

[4] *Император Зенон* царствовал с 474 по 491 год.

[5] IV Вселенский собор был собран по распоряжению императора Маркиана (450–457 гг.) в Халкидоне в 451 году. На этом соборе был окончательно определен догмат об образе соединения в лице Господа Иисуса Христа двух естеств.

шему в Халкидоне[1]. Во время зарождения этой ереси в Александрии был лжепатриарх еретик Петр, по прозванию Могос[2]. К той же ереси акефалов потом присоединился Севир, получивший прозвание «Безглавый», за принадлежность к ереси безглавых; это тот самый Севир, который в правление императора Анастасия[3] завладел престолом антиохийского патриаршества[4].

Всех этих еретиков и поражал святой Анастасий, причем он боролся с ними не только на горе Синайской, но, кроме того, он сам обходил Сирию, Аравию и Египет, повсюду искореняя и изгоняя эту ересь и утверждая Церковь Христову. Много послужив Господу таким образом, преподобный Анастасий отошел ко Господу в глубокой старости. Кончина его последовала в царствование императора Ираклия[5].

Следует заметить, что было два Анастасия с одним и тем же прозванием «Синаита». Первый — старший годами и саном Антиохийский патриарх, претерпевший неповинно изгнание от императора Иустина, а другой — сейчас упомянутый, живший несколько позднее того и бывший игуменом Синайской горы.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО АНАСТАСИЯ СИНАИТА, патриарха Антиохийского

На тридцать пятом году царствования императора Юстиниана Великого[6], после кончины Антиохийского патриарха Домна Младшего[7], на патриарший престол вступил Анастасий, по прозва-

---

[1] *Город Халкидон* находится в Вифинии (малоазийской области), у Босфорского пролива.

[2] *Петр Могос*, или *Монг*, — монофизит, был патриархом с 477 по 490 год.

[3] *Анастасий (Дикор)* управлял империей с 491 по 518 год.

[4] *Севир* — ересеначальник, был патриархом с 512 по 519 год.

[5] *Император Ираклий* царствовал с 610 по 641 год.

[6] *Император Юстиниан Великий* царствовал с 527 по 565 год.

[7] *Патриарх Антиохийский Домн II* управлял патриаршею кафедрою с 546 по 560 год.

нию Синаит, потому что он был взят на святительскую кафедру с Синайской горы.

В это время в Церкви начинались смуты, по поводу неблагочестивого мудрствования некоторых лиц относительно Божественной Христовой плоти, именно, — что будто бы во время пребывания Спасителя среди людей, до вольных страданий, Его плоть не испытывала страданий, не подчинялась природным потребностям и будто бы Господь наш Иисус Христос принимал пищу и питье прежде Своих страданий и воскресения таким же образом, как он вкушал, являясь Своим апостолам после воскресения[1]. Это нечестивое мудрствование зародилось в Константинополе. Подробно об этом написано в житии святого Евтихия, патриарха Константинопольского[2].

К этому еретическому мудрствованию сначала присоединился и соблазненный еретиками император Юстиниан (но потом он оставил эту ересь), который и хотел возвести это еретическое учение в догмат веры. Вследствие этого произошло в Церкви большое смятение, так что был низложен с патриаршего престола и святой патриарх Евтихий, воспротивившийся ереси.

Все колебавшиеся, по незнанию, — принять это учение или нет, ждали совета и указания от патриарха Антиохийского Анастасия Синаита, так как святой Анастасий был муж весьма сведущий в Божественном Писании, стойкий в исповедании православной веры и святой по жизни. Еретики приложили все усилия, чтобы склонить святого Анастасия на свою сторону, в надежде, что если он склонится к их учению, то все православные последуют его примеру. С этою целью они обращались за помощью к царю, но впрочем, успеха не имели, так как святой Анастасий письменно обличил царя в его заблуждении. Он посылал также свои пастырские послания и во все сирийские области к духовенству и мирянам, поучая всех оберегаться от означенной ереси. Кроме того, в Антиохии он ежедневно поучал в церкви, повторяя это апостольское наставление: *если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема* (Гал. 1, 8).

---

[1] Таких мыслей придерживались так называемые еретики *афтартодокеты* (от греческого ἀφθαρτός — *нетленный*) — отрасль ереси монофизитов.

[2] См. житие его под 6 апреля.

Узнав обо всем этом, император Юстиниан разгневался на святейшего патриарха Анастасия и восхотел низвергнуть его с престола, как и Константинопольского патриарха Евтихия, но вдруг почувствовал приближение своей смерти и оставил свое намерение. Умирая, царь покаялся в ереси и написал в завещании, чтобы святой патриарх Евтихий был возвращен из заточения на свою кафедру. Таким образом Юстиниан умер в раскаянии и был сопричтен к благочестивым царям; в Церкви же снова водворился мир.

По смерти Юстиниана управление государством принял на себя его племянник, Иустин Младший[1]. По наущению еретиков, последний низложил с престола Антиохийского архиерея Божия Анастасия Синаита, взведя на него несправедливые обвинения. Так святого Анастасия обвиняли прежде всего в том, будто бы он не берег церковных денег и тратил их понапрасну; затем, в том, будто он злословил царя, выразившись о нем на обращенный к нему вопрос: почему он не щадит церковного имущества, так: «потому, чтобы последнего не отнял всемирный губитель Иустин». Находились еще говорившие, что когда Анастасий был возводим на Антиохийский престол, в то время Иустин, заведовавший у своего дяди Юстиниана царскими палатами, ждал от Анастасия подарка золотом, так как был алчным сребролюбцем. Но святой Анастасий не дал ему ничего, справедливо рассуждая, что нехорошо давать золото за получение духовного сана, не за золото приобретаемого, но подаваемого благодатью Святого Духа. С того времени Иустин стал гневаться на Анастасия. Когда же он по смерти своего дяди принял управление государством, то стал искать обвинений против ни в чем неповинного святителя Анастасия и, воспользовавшись ложными обвинениями, низвергнул его с престола.

После низвержения Анастасия на Антиохийский патриарший престол был назначен против его воли игумен фаранской лавры Григорий[2], муж также преукрашенный благочестием, с похвалою вос-

---

[1] *Иустин II* царствовал с 565 по 578 год.

[2] *Лавра Фаранская* получила свое наименование от близлежащего селения Фаран. Место этой обители указано в житии преподобного Евфимия следующими словами: «Прииде Евфимий в лавру, нарицаемую Фара, отстоящую в расстоянии шести миль от святого града». — Григорий II управлял Антиохийским патриархатом с 573 по 596 год.

поминаемый в Лимонаре святейшего патриарха Иерусалимского Софрония[1]. По смерти Григория блаженный Анастасий Синаит, после двадцатитрехлетнего своего пребывания в изгнании в царствование императора Маврикия[2], снова был возвращен на Антиохийский патриарший престол[3]. В то время папою в Риме был святой Григорий Великий, по прозванию Двоеслов, или Собеседник[4]. Этот святой пребывал в искреннейшем духовном общении с этим блаженным Анастасием, находясь с ним в переписке. Когда святой папа Григорий услышал, что Анастасий возвратился к своему престолу, то немедленно, сорадуясь его возвращению, послал к нему послание, в котором писал ему следующее:

«Слава на небесах Богу, на земли же да будет мир и радость, так как обширная река, некогда оставившая сухою антиохийскую каменистую почву, ныне снова возвратилась в свое русло и напояет собою омываемые ею долины».

В другом письме он снова говорит:

«Ты сообщаешь мне, святой отец, что если бы было возможно, то ты желал бы вести со мною беседу без бумаги и пера и соболезнуешь, что сему препятствует слишком большое расстояние между Востоком и Западом. Но я говорю правду, что и на бумаге со мной мысль твоя ведет собеседование — как бы без бумаги. Из слов твоей беседы я вижу твою любовь ко мне, и мы, соединенные по благодати всесильного Бога союзом любви, — не разделены расстоянием. К чему ты желаешь иметь позолоченные голубиные крылья, кото-

---

[1] *Патриарх Иерусалимский святой Софроний I* управлял патриаршей кафедрой с 634 по 644 год. Память его празднуется святою Церковью 11 марта. — *Лимонарь* (от греческого λειμών) — луг, цветник. Названная таким именем книга Иоанна Мосха и Софрония, патриарха Иерусалимского, содержит в себе собрание повестей о деяниях некоторых пустынножителей, просиявших святостью. Книга эта переведена на славянский язык и была напечатана в первый раз в 1628 году.

[2] *Святой Маврикий* управлял Византиею с 582 по 602 год.

[3] *Святой Анастасий Синаит* в первый раз управлял патриаршею кафедрою с 561 по 572 год, а во второй раз — с 596 по 601 год.

[4] *Святой Григорий I Двоеслов* был Римским папой с 590 по 604 год. Память его совершается Церковью 12 марта. Мощи его покоятся в Ватиканском соборе апостола Петра в придельном храме, посвященном его имени. — Из сочинений святого Григория особенно замечательны: «Диалог о жизни италийских отцов» (за это сочинение ему и усвоено наименование «Двоеслова») и «Правило пастырское», в котором говорится об обязанностях пастыря.

рые ты уже имеешь? Ибо эти крылья — суть любовь к Богу и ближнему. На этих крыльях возлетает святая Церковь, ими она превосходит все земное. Если бы ты, святой отец, не имел этих крыльев, то не прилетел бы ко мне с такою любовью в письме. Итак, умоляю тебя, молись о мне немощном, дабы твоими молитвами Господь скорее освободил бы меня от столь великих (причиняемых Риму лангобардами[1]) бедствий и волнений, и привел бы к пристанищу вечного покоя. Я с благодарностью принял твои добрые благопожелания, которые ты, человек Божий, будучи смирен духом, выражал мне и относительно которых ты говоришь: чтó в состоянии отдать нищий, кроме того, что принадлежит нищему? Но, если бы ты не соделал себя нищим духом, то не были бы столь щедрыми твои благословения. Всесильный Бог да защитит тебя Своим покровом от всякого зла. И так как твоя жизнь весьма важна для всех добрых людей, то по прошествии лишь многих лет да переселит тебя Всевышний в вечные обители отечества небесного».

Из этого послания святого Григория, папы Римского, к блаженному Анастасию, патриарху Антиохийскому, становится очевидною взаимная о Святом Духе любовь их обоих и вместе с тем в этом послании свидетельствуется благочестие и святость жизни Анастасия.

Блаженный Анастасий, прожив шесть лет после своего возвращения на престол, преставился ко Господу на четырнадцатом году царствования императора Маврикия.

После этого святого Анастасия Синаита на патриаршество вступил другой Анастасий, но уже без этого наименования Синаит[2]. Последний был убит иудеями в царствование императора, гонителя христиан, Фоки[3] и был почитаем верующими как Христов мученик.

---

[1] *Лангобарды* — германское племя; в древнейшее время обитали между нижнею Эльбою и Аллером; с IV века постепенно начали переходить на юго-восток к Дунаю и в VI веке овладели Паннонией. Отсюда в 568 году они пошли в Италию и покорили ее всю в войне против восточных римлян, за исключением Лигурии, Экзархота, Пентополя, Римского Дуката, области Неаполя и обоих южных полуостровов. Из покоренных областей Средней Италии было образовано Лангобардское королевство, которое в 774 году было покорено Карлом Великим, принявшим титул короля Лангобардов. Позднейшие немецкие короли и императоры, в качестве владетелей Италии, носили титул королей Лангобардских.

[2] *Анастасий II* управлял Антиохийским патриархатом с 602 по 610 год.

[3] *Император Фока* царствовал с 602 по 610 год.

Следует заметить, что было два Анастасия с наименованием «Синаита». Первый — Антиохийский патриарх, преставившийся в царствование императора Маврикия, а другой, празднуемый ныне же, был игуменом горы Синайской и скончался в царствование императора Ираклия[1], который был преемником гонителя Фоки, убившего Маврикия. В те времена были также и другие преподобные отцы с именем Анастасия, прославившиеся добродетельною жизнью, но не Синаиты, как этот Анастасий, который, вступив на престол патриарший в Антиохии после Анастасия Синаита, был убит иудеями. Кроме того, в Лимонаре в главах 48, 49 упоминается авва Анастасий, бывший в Иерусалиме ключарем живоносного Гроба и церкви Воскресения Христа Бога нашего.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО **ГРИГОРИЯ**, патриарха Антиохийского

Преподобный Григорий был игуменом монастыря, называвшегося Фаран и находившегося между Синайской горой и Раифом. По особому Божию промышлению он чудесным образом был предуказан Богом как человек, достойный патриаршего престола. Об этом так повествуется в Лимонаре святейшего Софрония, патриарха Иерусалимского.

Авва Георгий армянин, ученик аввы Сергия, сообщил нам следующее: так как авва Григорий, бывший игуменом лавры Фарана, неоднократно просил меня привести его к авве Сергию, то я отправился с ним к старцу, пребывавшему в то время в пустыне около Мертвого моря[2]. Старец, увидев его, приветствовал его и принял

---

[1] *Император Ираклий* царствовал с 610 по 641 год.

[2] *Мертвое море* — Соленое, Асфальтовое, на юге Палестины, образовавшееся в долине Сиддим после гибели Содома и Гоморры. Длина его семьдесят верст, ширина двадцать пять. На севере оно глубже, а на юге мельче. Уровень его на тысяча двести футов ниже Средиземного моря. Обилие в воде этого моря горько-соленых частиц производит то, что ни в самом море, ни в окрестностях его нет никакой жизни: нет ни рыб, ни птиц, ни растений. Попытки проникнуть до сре-

весьма любезно. Он принес воды, омыл ему ноги и весь день беседовал с ним о спасении души, а на другой день отпустил его. Когда авва Григорий удалился от аввы Сергия, я спросил старца:

— Знаешь ли ты, отче, что я соблазнился; потому что многих епископов, пресвитеров и иных отцов приводил я к тебе, и ты никому из них не умыл ног, только авве Григорию?

На эти слова старец отвечал мне:

— Я не знаю, кто такой Григорий, но знаю, что я принял патриарха в мою пещеру, ибо я видел, что он носит омофор[1] и держит в руках Евангелие.

Это Авва Сергий говорил об авве Григории в пророческом духе, потому что по прошествии пяти лет, по судьбам Божиим, авва Григорий был поставлен патриархом в городе Антиохии[2].

Об авве Григории, патриархе Антиохии, некоторые из старцев передавали, что он имел в особенности следующие добродетели: милостыню, непамятозлобие, покаяние, смирение. Он имел также и большое сострадание к согрешающим, приобрел и многие другие добродетели. Святейший Софроний, патриарх Иерусалимский, дает о нем такое свидетельство:

— Такой муж, как Антиохийский патриарх, блаженный Григорий, достоин сопричисления к лику святых и преподобных: он против воли был взят на патриаршество и проводил святую жизнь о Христе Господе нашем, Ему же слава вовеки. Аминь.

дины озера были безуспешны, а для многих гибельны. Вода Мертвого моря отличается особенною плотностью; погрузиться в нее трудно; волны ударяют в скалистые берега подобно обломкам камней.

[1] *Омофор* (греч. «о́мос» — плечо и «фе́ро» — ношу) — нарамник, принадлежность облачения архиерейского. Омофор представляет собою длинный и широкий плат, с изображениями креста, одеваемый поверх других архиерейских одежд и опускающийся вниз одним концом спереди, а другим сзади. В символическом смысле омофор знаменует собою заблудшую овцу, которую Добрый Пастырь возложил на плечи Свои (Лк. 15, 4–7).

[2] *Святой Григорий I* управлял антиохийской кафедрой с 573 по 596 год.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ФЕОДОРА ТРИХИНЫ

Преподобный Феодор Трихина, то есть власяничник[1], был сыном богатых родителей и происходил из города Константинополя. Оставив для Бога родителей, и богатство, и славу, он удалился из отечества и принял монашество в одном пустынном монастыре.

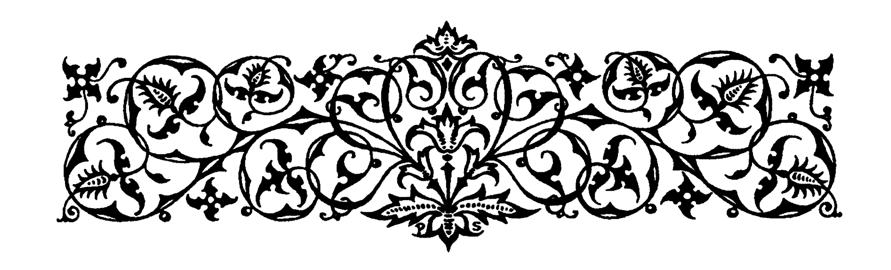
Здесь он проводил столь строгий образ жизни, что весьма истощил плоть свою, так что по лицу сделался похожим на мертвеца. В течение целых ночей он стоял на молитве и, несмотря на холод и мороз, никогда не покрывал своей головы и носил только одну колючую волосяную одежду, за что и был прозван, как сказано, власяничником, или трихиною. Затем его же именем стал называться и тот монастырь, в котором святой проводил свою суровую жизнь. За свои подвиги святой Феодор получил от Бога власть над бесами и, сотворив много чудес, с миром отошел ко Господу[2]. Он совершал чудеса не только при своей жизни, но и после своего преставления, ибо от его святых мощей истекало благовонное целебное миро, которым во славу Христа Бога нашего излечивались многие болезни и изгонялись нечистые духи.

---

[1] От греческого «трикс» — волос.

[2] Время жизни святого Феодора точно неизвестно. Достоверно только, что он жил между IV и IX веками.

День двадцать первый

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ИАННУАРИЯ

В то время как нечестивые императоры Диоклетиан и Максимиан[1] яростно преследовали христиан, был схвачен и представлен для допроса к правителю Кампании[2] Тимофею епископ Ианнуарий. Когда военачальник увидал, что Ианнуарий, принуждаемый различными способами к поклонению идолам, — то обольщаемый ласками, то устрашаемый угрозами, — остается непоколебимым в христианской вере, то приказал ввергнуть его в раскаленную печь для сожжения. Но святой, подобно трем отрокам в пещи вавилонской (см.: Дан. 3), оставался невредимым от опаления огнем, так как к нему сошел Ангел Божий, уничтоживший силу огня, и святой ликовал среди огня, воспевая и славословя Бога.

Когда же он вышел из печи, то все заметили, что огонь не коснулся даже и одежды его, и весьма удивлялись этому. Военачальник же, полагая, что христианский епископ вышел невредимым из огня, будучи охраняем какой-то волшебной силой, исполнился сильнейшего гнева на святого и приказал растянуть его на мучительском станке столь крепко, что даже члены тела его отделялись от своих суставов, и затем приказал святого бить без милости до тех пор, пока не истерзалось все тело его и не были видны обнаженные кости его, земля же около него обагрилась кровью.

---

[1] *Диоклетиан* управлял Римской империей с 284 по 305 год, а Максимиан Галерий — с 305 по 311 год.

[2] *Кампания* — самая южная из областей Средней Италии, расположенная по берегу Тирренского моря — от горы Массика до реки Силара.

На это страшное зрелище пришли два клирика — диакон Фест и чтец Дизидерий, которые, стоя в толпе народа, с благоговением взирали на страдание своего епископа. А так как они то радовались в душе по поводу обнаруживаемого мучеником терпения, то плакали по поводу причиняемых ему жестоких страданий, то язычники по этим признакам догадались, что они были христианами. Тогда нечестивые схватили их обоих и, связав, вместе со святым мучеником епископом Ианнуарием, повели вслед за военачальником в город Путеолы[1], где бросили их в темницу.

В этой же темнице находились заключенные сюда за исповедание Христа Прокл и Соссий — диаконы города Путеолы и два мирянина — Евтихий и Акутион, осужденные на растерзание зверями.

С наступлением дня они все вместе с епископом были выведены на площадь и отданы зверям. Прославляющийся же среди Своих святых Бог заградил уста зверям, подобно тому, как некогда заградил уста львам во рву, в который был брошен Даниил (см.: Дан. 6). Ни один из зверей тех не прикоснулся к святым мученикам, но все, на время изменив свою природную свирепость на овечью кротость, подошли к святому епископу Ианнуарию и припали к ногам его. Это необычайное происшествие привело в изумление и ужас всех бывших там людей. Между тем военачальник, приписывая и это мнимой волшебной силе христиан, обдумывал, каким бы способом предать смерти святителя Божия и всех тех, которые находились с ним.

В то время как он, слепотствовавший духовными очами, размышлял об этом, то внезапно лишился и телесного зрения и почувствовал нужду в проводнике, ощупывая стены. Когда же святитель и мученик Христов Ианнуарий по своему незлобию помолился о своем мучителе военачальнике Тимофее, то последний немедленно прозрел телесно, но не душевно. Народ, в количестве около пяти тысяч человек, взиравший на все эти чудеса, уверовал во Христа. Прозревший же по молитвам мученика от внезапной слепоты, неблагодарный и окаменелый сердцем, военачальник не только не познал истины, но пришел в еще большее безумие и вместо того, чтобы воздать хвалу Христу, Господу нашему, произносил на Него хулы; воспылав злобою по поводу обращения ко Христу такого количества людей, он приказал усекнуть мечом святых мучеников. Таким обра-

---

[1] *Путеолы* — приморский город в Кампании, недалеко от Неаполя.

зом священномученик, святитель Божий Ианнуарий со своими страдальцами-диаконами Фестом, Проклом и Соссием, с чтецом Дизидерием и с Евтихием и Акутионом — мирянами восприял венец мученический, будучи убиен ими мечом за стенами города Путеола[1].

Тела же этих святых мучеников взяли к себе жители окрестных городов, причем каждый город взял по одному мученику, желая иметь каждый своего ходатая пред Богом. Тело священномученика Ианнуария взяли жители города Неаполя; с честью принеся его в свой город, они положили его в своей церкви. В то время, когда брали тело святого из города Путеола, то, собрав с земли запекшуюся там же кровь святого, положили ее в стеклянный сосуд и благоговейно хранили ее у себя. Когда сосуд с этою кровью ставили на голову мученика, то она немедленно растворялась и делалась горячею, как будто только что пролитая. В Неаполе также соделывались различные чудеса по молитвам священномученика Ианнуария. Особенно же там прославлялось следующее чудо.

Некогда гора Везувий[2] извергла в столь большом количестве огненную лаву, что страх и трепет охватил жителей не только ближайших, но и отдаленных городов. Но когда народ, придя ко гробу святого, начал со слезами взывать к нему о помощи, то огненная лава немедленно сокрылась в той горе, и не случилось никакого вреда людям. Совершилось еще и другое преславное чудо над умершим отроком.

Одна женщина вдова, по имени Максимилла, имела единственного сына и, когда он умер, неутешно плакала о нем. Придя в церковь, она заметила над церковными дверями икону, имеющую на себе изображение святого епископа Ианнуария; припомнив о бывшем некогда в Ветхом Завете чуде, именно как святой пророк Елисей воскресил сына соманитянки (см.: 4 Цар. 4), она возложила твердое упование на Бога и на угодника Божия и поступила по примеру

---

[1] Кончина святых мучеников последовала около 305 года.

[2] *Везувий* — вулкан в Италии близ города Неаполя. В 79 году по Рождестве Христовом было первое извержение Везувия, засыпавшее города Геркулан, Помпеи и Стобию. С этого времени извержения Везувия периодически повторялись, иногда по несколько раз в десятилетие. В 1906 году, например, было довольно сильное извержение, разрушившее несколько городов.

Елисея: взяв икону святого мученика Ианнуария, она положила ее на своем умершем отроке, приложив глаза к глазам, уста к устам и остальное подобие изображенного тела к телу мертвеца и помолилась со стенанием и горячими слезами, говоря:

— Угодник Божий! Помилуй меня и утиши мою печаль: воскреси единственного сына моего.

Когда она молилась так, сын ее немедленно ожил и встал здоровым. Все собравшиеся на его похороны, увидав столь преславное чудо, удивились, прославляли и благодарили Бога, творящего чрез святых Своих дивные чудеса, и возвеличили похвалами святого мученика Ианнуария, как своего скорого помощника, святыми молитвами которого да ниспошлет и нам Господь милости Свои вовеки. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА **ФЕОДОРА**

В царствование императора Антонина[1], когда Пергией Памфилийской[2] управлял военачальник Феодот, для военной службы были набираемы здесь красивые и крепкие телом юноши. Вместе с другими юношами хорошего рода взят был и воспоминаемый ныне прекраснейший видом блаженный Феодор, который и был приведен к военачальнику Феодоту. Военачальник положил на него, как и на остальных юношей, воинский знак. Но святой Феодор немедленно сбросил его с себя, сказав:

— Я знаменован от чрева матери моей моим небесным Царем Господом Иисусом Христом и не желаю быть воином для другого царя!

Тогда военачальник спросил святого:

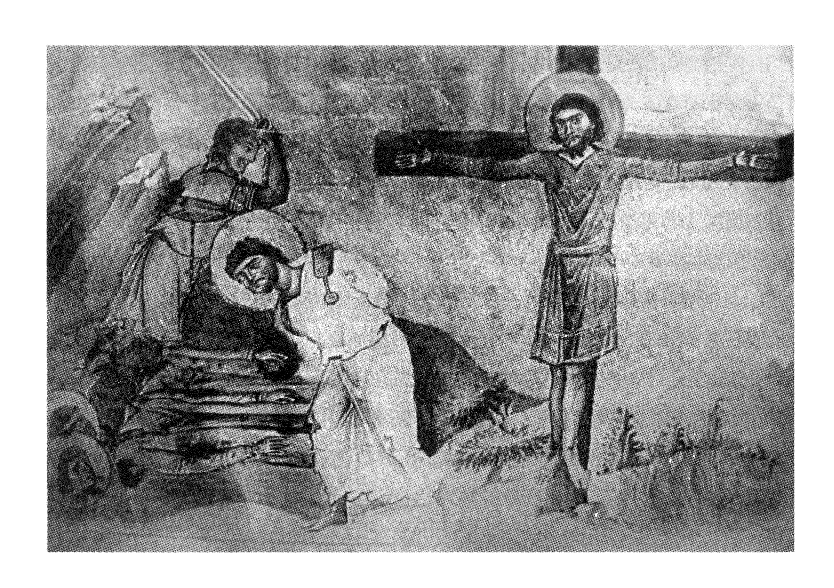
— Какого царя воином ты состоишь?

— Я — воин Того Царя, Который сотворил небо и землю!

---

[1] *Антонин Пий* — был императором с 138 по 161 год.

[2] *Памфилия* — узкая береговая страна на юге Малой Азии, ставшая в 78 году до Рождества Христова римской провинцией.

Военачальник, догадавшись, что Феодор христианин, спросил его:

— Принесешь ли ты жертвы нашим богам?

— Я никогда не приносил и не принесу жертв нечистым бесам, — отвечал святой.

Тогда военачальник приказал жестоко бить его, после чего снова позвал его на допрос и спросил:

— Одумался ли ты теперь, будешь ли ты мне послушен и поклонишься ли богам?

— Если бы ты, — отвечал святой, — познал Сотворившего тебя Бога, то и сам пожелал бы поклоняться Ему.

Военачальник приказал после этого разложить костер, принести огромную железную сковороду, растопить большое количество смолы, серы и воска, положить мученика нагим на сковороду и поливать его кипящею смолою. Когда все это готовилось, Бог внезапно сотворил дивное чудо: послышался оглушительный шум, и сделалось землетрясение на том самом месте, где был огонь и сковорода; затем земля на том месте расступилась и из земной расселины в изобилии истекла вода, которая и погасила огонь и сковороду. Святой же мученик остался совершенно невредимым и сказал военачальнику:

— Вот, ты видишь, что это дело не мною совершено, но Христом, Богом моим, Которому я служу. Если же ты желаешь познать

силу твоих богов, то приготовь другой костер, снова разожги сковороду и прикажи во имя твоих богов положить на ней одного из твоих солдат, тогда ты увидишь бессилие своих богов и познаешь все могущество моего Бог.

Услыхав это, бывшие здесь воины сказали правителю:

— Нет, господин, не делай этого с нами, но поступи так со служителями (жрецами) наших богов. Сковорода одинаково послушается жреца, как и Феодора, и не опалит того, как и первого.

Приказав немедленно пригласить жреца, военачальник спросил его:

— Как твое имя?

— Диоскор, — отвечал жрец, — мое имя.

Затем военачальник спросил жреца:

— Какими волшебными травами намазываются христиане, когда отправляются безбоязненно на огонь и остаются не опаленными там, как, например, это было сегодня с Феодором?

— Христиане не волхвы, — отвечал на это Диоскор, — но Христово имя столь сильно, что где оно с верою призовется, там разрушаются всякие волшебные чары и трепещут бесы.

— Неужели, — спросил военачальник, — Христос сильнее нашего Зевса?[1]

— Зевс и все остальные боги суть бесчувственные и глухие идолы, — отвечал Диоскор, — и я умоляю тебя не принуждать меня ложиться на сковороду, но если ты желаешь познать могущество Зевса, то лучше положи на огонь его самого.

— Да кто же может это сделать, — продолжал военачальник, — кто осмелится класть на костер бога?

— Прикажи мне, — отвечал Диоскор, — и я это исполню. Если Зевс окажет мне сопротивление, тогда я поверю ему, что он бог и может освободить себя из огня.

— Ты действительно уже не жрец после того, как произносишь такие речи относительно богов, — заметил военачальник.

— Я, — отвечал Диоскор, — пребывал подобно тебе в нечестивой вере жрецом, но ныне, видя блаженного Феодора непобедимым

---

[1] *Зевс* — главный бог древнегреческой религии, считавшийся властителем неба и земли.

от возлагаемых тобою на него мучений, видя его неопаляемым огнем, я познал силу Христову и уразумел бессилие ложных богов, утвердился в Христовой вере и желаю ныне подражать Феодору.

— Если ты так говоришь, Диоскор, — сказал военачальник, — то взойди на сковороду, как Феодор.

Тогда Диоскор, припав к мученику Христову, сказал ему:

— Раб Христа, Бога истинного, Феодор, помолись о мне.

И святой помолился о Диоскоре. Когда же Диоскор был раздет и положен на раскаленной сковороде, он сильным голосом возопил:

— Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, что Ты сопричисляешь меня к числу рабов Твоих. Итак, приими же с миром мою душу.

При этих словах он испустил дух свой, в столь короткое время приняв венец мученический, подобно тому как разбойник на кресте получил рай.

После кончины блаженного Диоскора святой Феодор был заключен в темницу. Потом отсюда его снова вывели для другого мучения: ему связали ноги и привязали к диким лошадям, которые влачили мученика по городским улицам, причем их сильно разгоняли. Погоняемые кони в одном месте у городской стены упали и разбились, а мученик между тем был спасен невидимою силою Божиею и, будучи развязан, оставался цел и невредим к всеобщему удивлению. Двое из привязывавших святого к коням воинов, Сократ и Дионисий, при этом рассказали всем о своем следующем удивительном видении: в то время как кони были гонимы, они видели сошедшую с небес к мученику огненную колесницу, которая взяла его и поставила невредимым в месте судилища. Рассказывая всем об этом, воины взывали:

— Велик Бог христианский!

Услыхав эти слова, военачальник приказал заключить в темнице со святым Феодором и этих воинов и приготовлял для мучения их печь, раскаляя ее сильным огнем в течение трех дней. Затем он ввергнул в эту печь мученика и обоих уверовавших во Христа воинов — Сократа и Дионисия. И немедленно свыше ниспала некая Божественная роса, которая оросила мучеников и охладила пламень. Святые пребывали посредине печи, как бы в каком прохладном месте, и вели между собою беседу. При этом святой Феодор вспомнил

о своей блаженной матери, плененной иноплеменниками за три года до этого и отведенной вместе с другими пленниками в Эфиопию[1], и помолился о ней Богу, сказав:

— Господи Иисусе Христе, Боже, творящий чудеса! Покажи мне, какими Сам Ты знаешь путями, Божественною силою Твоею, матерь мою, ибо я желаю ее видеть. Для Тебя же все возможно. Покажи же мне ее, дабы и прочие познали величие Твое.

Когда святой молился такими словами, пламень понемногу угасал и к тому же, по молитвам мученика, нисшел дождь и совершенно охладил раскаленную печь, святые же стали готовиться в ней ко сну, ибо уже была ночь. Затем Ангел предстал во сне святому Феодору и сказал ему:

— Не скорби, Феодор, о твоей родительнице: ты увидишь ее.

Пробудившись от сна, святой рассказал сновидение своим друзьям; и еще в то время, как он о том рассказывал, посредине печи выступила мать его по имени Филиппия и, увидав своего любезного сына, обрадовалась, с любовью облобызала его и находившихся с ним воинов и сообщила, откуда и как она пришла сюда, ведомая невидимою рукою. В это время святой мученик Феодор, воздев руки к небу, воздал подобающее благодарение Богу.

Утром военачальник, пробудившись от сна, сказал своим приближенным:

— Я думаю, что от Феодора и вверженных с ним в печь воинов не осталось ни одной кости.

В то время как он говорил это, один из сторожей, охранявших печь, пришел к военачальнику с известием, что мученики, брошенные в печь, живы и что еще с вечера погас весь огонь, потушенный пролившимся свыше дождем; затем сказал, что внезапно появившаяся из плена мать Феодора сидит в печи как в чертоге, беседуя о Боге христианском с сыном своим и с воинами. Услыхав это, военачальник пришел в страх и ужас, сам подошел к печи и, позвав блаженную Филиппию, спросил ее:

— Ты ли мать Феодора?

— Да, я, — отвечала она.

Тогда военачальник сказал:

---

[1] *Эфиопия*, или *Нубия*, — область в Африке, лежавшая к югу от Египта.

— Увещевай твоего сына, дабы он поклонился богам, чтобы он не погиб и не сделал тебя бездетной.

— Мой сын, — отвечала она, — как я получила о нем извещение от Господа моего раньше его зачатия, будет распят тобою и принесет Богу жертву хвалы.

— Так как ты сама назначила своему сыну крестную смерть, — сказал военачальник, — то пусть так и будет.

Потом военачальник приказал немедленно распять святого Феодора, а святой Филиппии отсечь мечом голову; двух же воинов, Сократа и Дионисия, усечь мечами.

Таким образом святые мученики получили свои венцы. Святой же Феодор в течение трех дней живым висел на кресте, а затем также отошел ко Господу[1]. Тогда некоторые из благочестивых, взяв телеса святых, обвили их дорогими полотнами и, помазав их ароматами, с честью положили их в особом приготовленном для этого месте, прославляя Отца и Сына и Святого Духа — Единого в Троице Бога, славимого вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ИСАКИЯ, АПОЛЛОСА и КОДРАТА

Первоначально эти святые были слугами императора Диоклетиана[2]. Видя чудеса святого великомученика Георгия[3], они, по примеру царицы Александры[4], оставившей земную славу и обратившейся ко Христу, обратились также и сами ко Господу. Святые мученики дерзновенно обличили царя за его нечестие и жестокосердие, указав на то, что он не пощадил даже своей супруги, родившей ему

[1] Кончина святых мучеников последовала в середине II века.

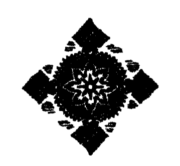
[2] *Император Римский Диоклетиан* — жестокий гонитель христианства, царствовал с 284 по 305 год.

[3] См. житие его под 23 апреля.

[4] *Царица Александра* — супруга императора Диоклетиана, была тайною христианкою. Будучи поражена твердостью и мужеством святого великомученика Георгия, она открыто исповедала себя христианкой и была императором осуждена на казнь, однако скончалась ранее совершения ее. См. житие ее под 23 апреля.

дитя. По повелению нечестивого императора эти святые мученики были первоначально заключены в темницу, где томились голодом и жаждою, а потом были усечены мечом за исповедание Христа[1].

В тот же день **память святого отца нашего Максимиана**, патриарха Константинопольского, управлявшего Церковью в царствование Феодосия Младшего два с половиною года и в мире преставившегося в 431 году, 12 апреля.

[1] Кончина святых мучеников последовала в 303 году.

День двадцать второй

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ФЕОДОРА СИКЕОТА,
епископа Анастасиопольского

В стране Галатийской[1] есть селение, именуемое Сикея, в двенадцати стадиях[2] от Анастасиополя — главного города Анкирской области. В этом селении родился преподобный Феодор Сикеот, от матери своей Марии и мужа известного, по имени Космы, служившего в то время у царя Юстиниана Великого[3] скороходом[4]. Когда совершилось зачатие Феодора, то матери его Марии в ту ночь во время сна явилось чудное знамение: она увидела сошедшую в ее утробу большую, яркую звезду. Проснувшись, она сообщила о том своей матери Елпидии и сестре Диспении, жившим с ней, потом пошла к одному прозорливому старцу, спасавшемуся в отшельническом безмолвии, в шести стадиях от того селения, и рассказала ему о своем странном видении. Старец тот, преподав ей духовные наставления о богоугодной жизни, сказал:

— Зачавшийся в тебе отрок воистину будет великий муж, не только среди людей, но и у Бога, звезда же светлая знаменует собой царскую славу, как это объясняют мудрые толкователи снов; но для

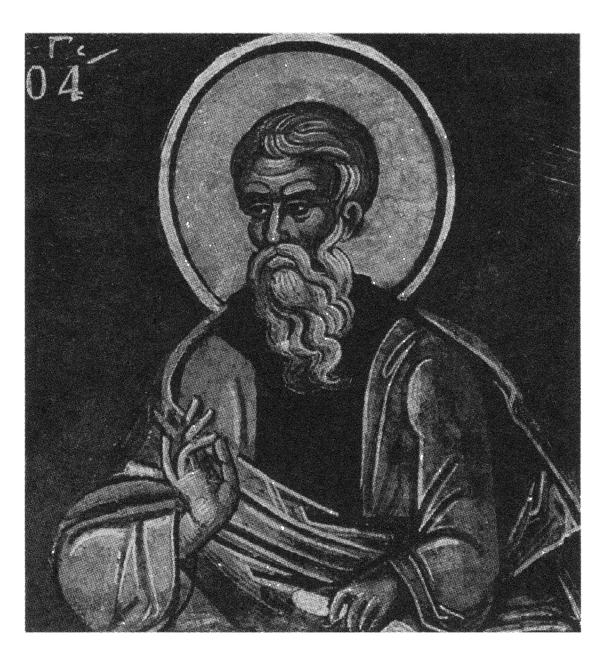
---

[1] *Галатия* — малоазийская область.

[2] *Стадия* — мера длины, равнявшаяся приблизительно 88 нашим саженям.

[3] *Юстиниан Великий* — император римский, царствовал с 527 по 565 год.

[4] *Скороходы* — телохранители императора, обыкновенно сопровождавшие его во время путешествий.

тебя виденное тобою не должно иметь значение царской власти на земле, а звезда, которую ты видела, предвещает ту славу добродетелей и благодати Божией, которой Бог одарит твое чадо. Ибо Господь обыкновенно рабов Своих освящает во утробе матерней прежде их рождения.

Так предсказал Марии прозорливый старец и, дав ей несколько советов, отпустил ее с миром. Стало все это известно епископу Анастасиопольскому Феодосию, и тот так же понял видение, что рожденный младенец будет служить светом миру.

Мария, возвратившись от старца, последовала его советам и проводила жизнь богоугодную, в целомудрии, вместе с своею матерью и сестрой. Когда же исполнилось время рождения, Мария родила сына, и по христианскому обычаю он был крещен и наречен Феодором (что значит с греческого «Божий дар»), самым своим именем означающим, что отрок будет великим даром миру от Бога.

Когда ему исполнилось шесть лет, мать пожелала записать его заранее в военную службу, и для этого приготовила ему драгоценные одежды, золотой пояс и другие, нужные для этой службы вещи, и хотела отправиться в Константинополь, чтобы там отдать его царю на службу; но в сонном видении явился ей святой великомученик Георгий, говоря:

— Зачем ты такое намерение замыслила о детище своем? О жена, не трудись напрасно, — Царь небесный Себе требует сына твоего.

Пробудившись, Мария начала плакать и говорить, что близка смерть сыну ее, думая, что он умрет скоро; но отрок возрастал летами и разумом. Восьми лет мать отдала его в учение, и, с помощью благодати Божией, он учился лучше прочих детей и был любим

всеми за свое добронравие. Даже в детских играх проявлялся сильный ум Феодора: он воздерживался от клятвы, хулы и предостерегал других детей от всего этого, усмиряя их споры и ссоры.

В доме этих женщин жил один старец — Стефан, богобоязливый и благочестивый, которого любили и почитали как отца за его добродетельную жизнь. Отрок Феодор, видя, что он постится во святую Четыредесятницу до вечера и вкушает только небольшой ломоть хлеба с водой, воспламенился любовью к Богу и начал подражать его посту, так же воздерживаясь до вечера. Когда же в обеденное время он шел из училища домой, то мать заставляла его есть с ними, но он отказывался и, чтобы не принуждали его, перестал в обычное время приходить домой, а старался приходить только к вечеру. И сейчас же из дома он шел со Стефаном в церковь на обычное пение; с ним причащался Пречистых Таин Тела и Крови Христа Бога нашего, поздно возвращался домой и подкреплялся только куском хлеба с водой. Мать и все домашние пытались убедить его есть вареную и всякую другую пищу, но он не соглашался на это. Она просила учителя отпускать домой во время обеда отрока из училища, чтобы хотя этим способом заставить его что-нибудь есть, так как от постоянного поста он стал очень худ телом. Феодор же, отпускаемый из училища, не шел домой, но всходил на бывшую недалеко от того места гору, на вершине которой воздвигнут был храм в честь великомученика Георгия, где святой великий мученик, видимо являясь ему в образе прекрасного юноши, вводил его внутрь храма. Там юный Феодор много упражнялся в чтении книг и проводил все свое обеденное время; выходя из церкви как бы из дому, он снова шел в училище. Вечером, на вопрос матери, почему не пришел обедать, отвечал, что не выучил стиха и потому был оставлен. И снова мать шла к учителю с просьбой отпускать его домой, учитель же с клятвой уверял ее, что по первому же ее прошению он отпускает в час обеда Феодора вместе с прочими учениками. Однажды она, увидав, что он не шел домой, а взбирался на гору к церкви, послала слугу привести его оттуда силой и многими угрозами убеждала приходить обедать, он же, не слушая ее, хранил обычное воздержание.

Когда ему было десять лет, в селении том случилась ужасная болезнь, так что многие от нее умирали; также заразился этой болезнью и блаженный отрок Феодор. Все близкие были в отчаянии, так

как он был уже при смерти: тогда его полуживого принесли в ближайшую церковь святого Иоанна Крестителя, где положили его перед алтарем. Вверху церкви, под крестом, находилось изображение лица Спасителя, от Которого упали две капли росы на больного отрока и исцелили его; он встал и пошел домой здоровым, прославляя Бога. По ночам, когда он и все его домашние спали, приходил к нему святой великомученик Георгий и будил его, говоря:

— Встань, Феодор, заря воссияла и настало время утренней молитвы, идем в церковь святого Георгия.

Феодор поспешно и с радостью тотчас вставал. Вначале святой Георгий являлся ему во образе Стефана, который жил у них в доме, затем сам в своем образе показывался ему, пробуждая его каждую ночь и водя к своей церкви. Дорогою бесы хотели устрашить отрока, являясь ему в виде волков и различных зверей и устремляясь прямо на него; но святой мученик, идя впереди Феодора и имея в руках копье, отгонял те страшные привидения и убеждал его не бояться. Это повторялось всякую ночь, и мать и другие с ней женщины, вставая от сна и не находя Феодора на его постели, приходили в недоумение; узнали они, что он ходит ночью в церковь, и удивлялись, что никто не слышит, когда он встает, хотя он с вечера и ложился среди них. Боялась мать за него, как бы его не растерзали звери, так как в то время прошел слух, что один волк похищает не только скот, но и маленьких детей; поэтому она под угрозами запретила ему выходить из дому в церковь прежде восхода солнца, потому что место то было пустынно. Несмотря на угрозы, блаженный отрок никак не слушался матери и в обычное ночное время, побуждаемый к молитве святым Георгием, уходил в церковь никем не замеченный. Однажды на рассвете, проснувшись, мать Феодора и другие женщины не нашли отрока на его постели и, сильно разгневавшись, поспешили к церкви; там мать, схватив его за волосы, вывела оттуда, влача с побоями к дому, и не пустила его никуда, а на ночь крепко привязала к постели, чтобы никакими способами Феодор не мог уйти. В эту ночь святой великомученик Георгий явился в сонном видении матери его и прочим женщинам, имея меч, препоясанный при бедре, пригрозив которым грозно сказал:

— Головы ваши отсеку вам, если вы еще будете бить отрока и запрещать ему ходить ко мне.

Пробудясь от сна со страхом и ужасом, женщины рассказали одна другой страшное явление мученика и угрозы его, поражаясь особенно тем, что все видели одно и то же видение, и они тотчас же развязали святого отрока, ласкали его и смиренно просили, чтобы он на них не гневался за то, что они били его. Они спрашивали его, каким образом, выходя из дома раньше дневного света, он не боится зверей? Он отвечал им, что всякую ночь светлый юноша пробуждает его и водит в церковь, защищая дорогой от страшных привидений. Тогда поняли женщины, что святой великомученик Георгий, которого они видели в видении, является ему и защищает его. С тех пор ни в чем не возбраняли Феодору и предали его промыслу Божию, говоря:

— Да будет воля Господня.

Была у этого святого отрока маленькая сестра, именем Влатта, родившаяся от второго мужа матери Феодора, по уговорам родственников вышедшей в молодых летах вторично замуж. Эта отроковица очень любила своего брата Феодора и часто днем следовала за ним в церковь, молясь с ним вместе и стараясь подражать его жизни. Дух Божий действовал в ней так же, как и в Феодоре. Недалеко от дома их была церковь святого мученика Емилиана, который в стране Галатийской, в городе Анкире, в царствование беззаконного Юлиана Отступника[1], после долгих мучений был распят на кресте[2]. Блаженный Феодор взошел в церковь этого мученика и провел здесь ночь в молитве. В полночь он задремал, и ему было такое видение: представилось Феодору, что стоит он перед царем, сидящим на престоле в большой славе, окруженном множеством воинов, а около царя была пресветлая жена, одетая в порфиру, и услышал он голос царя, говорящий ему:

— Подвизайся, Феодор, чтобы принять в Царствии небесном совершенную награду, я же тебя и на земле сделаю достойным чести и прославлю пред людьми.

Это видение было ему в двенадцатилетнем возрасте. С того времени он возгорелся большим желанием и любовью к Богу и начал сильнее трудиться. Затворившись в одной из комнат своего дома, он

---

[1] *Юлиан Отступник* царствовал с 361 по 363 год.

[2] Кончина святого мученика Емилиана последовала в 362 году. Память его совершается святой Церковью 18 июля.

оставался в ней от праздника Крещения до Вербной недели, упражняясь в посте, молитве, чтении книг и беседуя только с одним Богом. В первую же и среднюю недели Великого поста он ни с кем не говорил и находился в глубоком молчании, углубляя весь свой ум в мысль о Боге. Так окончились святые дни Великого поста и наступил праздник Воскресения Христова; ненавистник диавол не терпя более видеть такого добродетельного отрока, придумывал, как бы его погубить, и замыслил такую хитрость: в один из дней, приняв вид юноши Геронтия, учившегося вместе с Феодором в училище, пришел к нему и, позвав его с собой как бы на прогулку, привел его на высокий холм, называемый «Тзидрама», а сам, встав на большой камень, начал его искушать так же, как искушаем был диаволом Христос в пустыне (см.: Мф. 4, 1–11), говоря:

— Если хочешь, добрый Феодор, показать мужество свое, то прыгни отсюда вниз.

Феодор же отвечал:

— Боюсь, потому что очень высоко.

Сказал ему диавол:

— Ты был мужественнее всех нас в училище, а теперь и этого боишься? Вот, я не боюсь, но тотчас соскочу вниз.

Отвечал ему Феодор:

— Не делай этого, чтобы упавши не разбиться.

Диавол продолжал уговаривать, что никакого вреда не может быть; тогда сказал ему Феодор:

— Если ты первый сделаешь это и я увижу тебя целым, то брошусь также.

Диавол бросился с высоты в страшную глубину и, встав там, звал к себе Феодора. Ужаснулся Феодор, увидев его целым, и подумал, как же это Геронтий, никогда не имея столько смелости, вдруг мог броситься со столь высокого холма вниз без вреда. Как только эта мысль пришла ему в голову, — а диавол снизу кричал и звал к себе Феодора, — так тотчас же явился святой великомученик Георгий и, взяв за руку Феодора, сказал:

— Уйди отсюда и следуй за мной! Не слушай искусителя, ищущего души твоей, это не Геронтий, а враг рода нашего.

И привел его в свою церковь, где Феодор долго оставался, так что пришла к нему мать и бабка, умоляя блаженного идти в дом, так

как многие родные и соседи, собравшись к ним на пир, ждут его. Зная Писание, *что дружба с миром есть вражда против Бога и кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу* (Иак. 4, 4), не послушал их, но снял свой золотой пояс[1], драгоценную верхнюю одежду и гривну[2], говоря:

— Я знаю, вы боитесь, что я не сберегу их, возьмите все это, меня же оставьте.

И не пошел на пир.

Услышал Феодор об одном добродетельном старце, именем Гликерии, который жил в десяти поприщах, в пустынном месте, и отправился к нему, имея желание поучиться у него и получить благословение. Гликерий был человек прозорливый, узнал в отроке присутствие Духа Божия и, приняв его радостно, спросил, улыбаясь:

— Чадо, любишь ли ты иноческий образ?

Отвечал отрок:

— Весьма люблю, отец, и усердно желаю удостоиться его.

Было же тогда в стране той бездождие и сильная засуха. Оба они вышли из кельи и пошли, и встали перед церковью святого Иоанна Крестителя; и сказал преподобный Гликерий, обратясь к блаженному отроку Феодору:

— Чадо, преклоним колена и помолимся Господу, чтоб Он умилосердился и послал дождь напоить иссохшую землю, и таким образом мы узнаем, в числе ли мы праведных.

Старец сделал это не потому, что хотел искушать Господа, но потому, что он надеялся, что молитвы Феодора особенно благоприятны перед Богом. Преклонив колена, они стали молиться, и тотчас небо покрылось облаками, а когда они окончили молитву, то прошел очень большой дождь и достаточно напоил сухую землю. Радости исполнился старец о благодати Господней и сказал любезно Феодору:

— Отселе, чадо, все, чего бы ты ни попросил от Бога, даст тебе, ибо Он будет с тобой, укрепляя тебя, чтобы ты и телесным возра-

---

[1] *Расшитый золотом пояс* носили обыкновенно воины, служившие около царя (телохранители), а также — главные начальники войска. Родители святого Феодора еще от юных лет приготовили ему такой пояс (как повествует житие), так как предназначали его к воинской службе при царском дворе.

[2] *Гривна* — золотая цепь, носившаяся в качестве украшения на шее.

стом и духовным о Боге житием возрастал от силы в силу; ты же исполни желаемое, когда для этого наступит время.

Феодор, приняв благословение от старца, возвратился в свой дом.

Четырнадцати лет от рождения, он замыслил окончательно оставить свой дом, чтобы жить на горе при церкви святого Георгия, и умолил мать и всех домашних не препятствовать его намерению и не приходить смущать его. Они не смели запретить ему, зная, что с ним Бог. Феодор пошел, выкопал себе пещеру в горе под алтарем и пребывал там, постоянно ходя в церковь для молитвы. Мать посылала ему хлеб чистый и разных вареных и печеных птиц, но он клал все это на камни по дороге в церковь, чтобы их съедали или птицы, или звери, или же брали себе люди, проходившие мимо, сам же питался, приносимыми в церковь, просфорами, съедая только по одной вечером.

В восьми поприщах от пещеры было место, обитаемое демонами, называемое «Арея»[1], о котором рассказывали, что живет там нечестивая богиня Диана[2] со множеством бесов, так что никому нельзя было миновать того места без беды, в особенности же в полдень, в июле и в августе месяце, и много людей от тех бесов было мучимо до смерти. Слышал об этом блаженный Феодор и в те месяцы приходил каждый день на то место и проводил там весь день, возвращаясь к вечеру, никакого несчастия не потерпев от бесов, ибо они, завидев его, бросались бежать, прогоняемые силою Божиею. В январе месяце, в праздник Богоявления, он ходил с прочими людьми и клириками на освящение воды, входил в воду босой и так стоял неподвижно до окончания всего пения. После праздника затворялся в своей пещере и безвыходно оставался в молчании, даже до Вербной недели. Бабка его Елпидия, любившая его больше нежели обеих дочерей, утешалась такой его жизнью и приносила ему в пищу овощи и яровой хлеб, которые он вкушал каждую неделю по субботам и

---

[1] Таким именем обозначалась у древних римлян сухая, плотно утоптанная (а иногда и вымощенная) площадка, предназначавшаяся обыкновенно для сушения и молотьбы зерна (лат. area, от arere — быть сухим). Здесь же устраивались иногда и общественные игры.

[2] *Диана* (греч. *Артемида*) — греко-римская богиня света и жизни. Почиталась как раздаятельница свежей, цветущей жизни природы. Диана считалась также богинею родов и покровительницею животных.

воскресеньям. Все изумлялись такой благодати Божией в столь юном отроке и, прославляя Бога, говорили:

— *Утаил сие от мудрых и разумных и открыл то сему младенцу* (Мф. 11, 25).

Также и епископ Анастасиопольский Феодосий, слыша все это о Феодоре, радовался и, всем восхваляя его, говорил:

— От Бога научается этот отрок таковому житию.

Однажды Феодор заболел от стужи и, когда воздремал, явился ему святой великомученик Георгий и сказал:

— Какая причина твоей болезни, чадо?

Феодор посмотрел и увидел нечистого духа, стоявшего вдалеке, и, показывая на него мученику, говорил:

— Вот, тот скверный и мерзкий нагнал на меня эту болезнь.

Святой Георгий, схватив беса, сильно мучил его и отогнал, а Феодору, взяв за руку, сказал:

— Встань и будь здоров; теперь тот скверный и коварный не явится пред твое лицо.

Тотчас же Феодор встал и почувствовал себя вполне здоровым.

Человеколюбивый Бог, давший святым апостолам Своим власть над духами нечистыми изгонять их и исцелять всякие болезни в людях, подобную же власть даровал и Своему возлюбленному отроку Феодору, и он начал творить чудеса во славу Божию.

Один человек привел к нему в церковь бесноватого сына своего, умоляя исцелить его. Феодор, будучи еще слишком юн, не знал, что делать, и отказывался; тогда пришедший начал плакать и, дав Феодору в руки бич, сказал:

— Раб Божий, возьми бич этот и, угрожая, бей сына моего, со следующими словами: отойди, дух нечистый, от отрока во имя Господа моего.

Блаженный Феодор поступил так, как научил его этот человек, и начал бес кричать в отроке:

— Уйду, уйду, только на один час оставь меня.

Когда Феодор отошел к алтарю, то бес закричал:

— О мучение! О великая сила Назорея! С того времени как сошла на землю, она вооружила на нас людей, и теперь этому ничтожному отроку дала власть над нами. О горе мне! Таким еще юным отроком изгоняем я, будучи не в силах сносить благодать, данную ему

с неба. Великая беда будет нашему роду от малейшего этого, ибо многих нас он изгонит из тел человеческих, а самая лютая для меня беда — начало данной ему власти он начинает на мне испытывать, и я не смею возвратиться к отцу моему диаволу, изгнанный малым этим детищем. Если бы от какого-нибудь старого человека со мной это случилось бы, не такой был бы мне за это укор и стыд. Проклят день, в который родился этот страшный для нас отрок!

В то время, как вопиял бес, святой Феодор взял елея от лампады, помазал им голову бесноватому отроку, сотворил над ним крестное знамение и запретил бесу, говоря:

— Выйди теперь, коварный дух, и не произноси подобных слов более.

Бес вскричал громким голосом и, кинув отрока к ногам Феодора, вышел; отрок же благодатью Божиею стал здоров. Об этом чуде узнали все жившие в той стране и прославили Бога.

Пожелал Феодор подражать в пустынной жизни святому Иоанну Крестителю и святому Илии пророку[1] и раздумывал, где бы он мог скрыться от людей. Для этого он поднялся на высокую часть горы и нашел там уединенное место, где увидал большой камень, под которым ископал себе пещеру и затем попросил одного из клириков, добродетельного диакона, приносить ему в известное время немного хлеба и воды, заклиная его именем Божиим, никому не говорить о нем. Он взял от клирика жесткую власяную одежду, а до тех пор всегда ходил в мягких одеждах, даваемых ему матерью, и затворился в этой пещере. Клирик по просьбе его и вход землею засыпал, оставив только небольшое отверстие, чтобы можно было подать ломоть хлеба и кружку воды. Так провел два года жизни в полном затворе святой Феодор, как погребенный мертвец, и никто о том не знал, кроме клирика. Люди того селения приходили в церковь и, не видя

---

[1] *Илия* и *Иоанн Креститель* — два наиболее суровых подвижника благочестия. *Илия* — израильский пророк из города Фесвы в Галааде, за Иорданом, жил и действовал во дни нечестивого израильского царя Ахава и жены его Иезавели, которых обличал за их нечестие и идолопоклонство. За свою святую жизнь он был взят живым *яко на небо*. История его жизни рассказана в конце 3-й и начале 4-й книги Царств. Память его совершается святой Церковью 20 июля. — *Святой Иоанн*, предтеча и креститель Господа нашего Иисуса Христа, — последний из ветхозаветных пророков, стоящий на рубеже Ветхого и Нового Завета. Память его совершается 7 января, 24 июня и 29 августа.

там Феодора, удивлялись и недоумевали, куда он скрылся. Случилось в это время проходить там воинским полкам, и некоторые думали, что воины взяли и увели Феодора с собой, и просили князя своего отправить в полки за поисками слугу его, но, искав там прилежно, не нашли и думали, что он был съеден зверями. Плакали по нем мать и все домашние его неутешно как по мертвом, и все люди того селения жалели о нем. По прошествии двух лет клирик, побуждаемый отчасти неутешными рыданиями матери Феодора, отчасти боясь, чтобы он не умер от такой тесноты, рассказал о нем. Тогда пошли все с поспешностью и радостью и, отворив пещеру, извлекли его оттуда почти мертвым. Он же, как только увидел дневной свет, был безгласен на много часов. Голова его покрылась струпьями и червями, и плакали, смотря на него, домашние и привели его в церковь святого Георгия. Мать хотела взять Феодора к себе в дом, чтобы полечить его, но он никак не хотел и оставался по-прежнему при церкви мученика, голова же его через несколько дней совершенно исцелилась. Узнал об этом Анастасиопольский епископ Феодосий и прибыл с причтом в это селение, чтоб увидать раба Божия Феодора, и, увидав, удивился житию его. Побуждаемый внушением Святого Духа, он сначала благословил Феодора на низшие степени клира, а потом посвятил в сан пресвитера, хотя он имел только семнадцать лет[1]. Епископ говорил о нем так:

— Таковой человек, в котором благодать Божия живет, восполняя время, достоин быть рукоположен и раньше надлежащего времени, ибо святой апостол Павел, святого Тимофея еще совсем юного удостоил сана пресвитера.

К Феодору же обратился со словами:

— Господь, удостоивший тебя священства, дарует тебе и архиерейство, чтобы тебе пасти словесное стадо Его; прежде же прими монашеский чин, возрастай верой, добрыми делами и помолись о мне.

Сказав это и благословив Феодора, епископ отправился к себе, а блаженный Феодор начал совершать бескровные жертвы, достойно предстоя пред престолом Божиим. Имея желание видеть святые места в Иерусалиме и найдя себе доброго спутника, он по-

---

[1] Согласно церковным канонам, во пресвитера обыкновенно рукополагались люди, достигшие тридцатилетнего возраста, а во епископа — тридцатипятилетнего.

шел туда и достиг Иерусалима. Там он с большим усердием и благоговением поклонился животворящему Древу Крестному, святому Гробу Господню и, обойдя прочие святые места, поклонился им и молился. Посетил святых отцов, живших там в затворах и в пустынном отшельничестве, сподобился от них молитв и благословений, после этого пришел в Хозевитскую лавру, находящуюся при церкви Пресвятой Богородицы близ Иордана, в которой о Феодоре было уже возвещено Богом архимандриту. В Лавре по повелению Божию он был облечен в иноческий образ и с благословением отпущен к себе.

Возвратившись, он продолжал жить при церкви святого великомученика Георгия, свято служа Богу, сияя как славный пророк Моисей благодатью Господней, обильно пребывающей в нем. С помощью ее он исцелял всякие болезни, случавшиеся с людьми, и как власть имеющий, изгонял духов нечистых. Бабка его Елпидия, тетка Диспения и юная сестра Влатта не хотели разлучаться с ним, но, взирая на богоугодную жизнь его, по силе своей, старались подражать ему как постом, так и молитвой, и от трудов рук своих нищим подавали милостыню. В скором времени преставилась ко Господу в добром исповедании тетка его Диспения, по погребении которой он взял свою двенадцатилетнюю сестру Влатту, привел в девичий монастырь и оставил там, уневестив ее Христу, а блаженную Елпидию устроил пока в доме близ себя. Проводя жизнь святую и непорочную, дева Христова Влатта, по истечении трех лет, перешла в чертог своего бессмертного Жениха. Узнав о ее кончине, святой Феодор с радостью возблагодарил Бога. Елпидия же по совету святого удалилась в близстоящий женский монастырь при церкви святого мученика Христофора, куда присылал к ней преподобный, приводимых к нему за исцелением бесноватых и больных девиц, чтобы Елпидия давала им наставление как молиться, поститься и чтобы поучала их добронравию. По отшествии блаженной матери его в монастырь, не имея никого во служении у себя, он нанял работника, чтобы служил ему. Промысл Божий хотел сделать Феодора *ловцом человеков* (Мф. 4, 19) и начал посылать ему некоторых людей для жительства. Во-первых, некто Епифаний, молодой летами, побуждаемый боголюбивыми стремлениями, пришел к нему. Рад был блаженный Феодор, что Бог не оставил его одного. Приняв Епифания,

он облек его в иноческий образ и наставил его на столь святое житие, что он и над бесами имел власть, изгоняя их из людей. Также одна благочестивая женщина, получившая от преподобного Феодора исцеление от своей болезни, привела к нему своего малолетнего сына именем Филумена, умного и хорошо знающего читать и писать. И были эти три сверстника рабы Христовы, подобны древним трем отрокам в Вавилоне (см.: Дан. 3), соединенные одной любовью и усердием к Богу, а между ними был Сам Господь, говорящий: *Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18, 20).Через несколько лет, когда скончался о Господе блаженный Епифаний, пришел вместо него очень усердный в добродетели Иоанн. В то время прибыли люди из селения, называемого Протомария, к преподобному, умоляя прийти к ним, потому что недалеко было место, обитаемое множеством нечистых духов, и никому нельзя было без вреда миновать его, ни людям, ни скоту, а в особенности в час полуденный и по захождении солнца. Пошел раб Божий Феодор на это место и велел там выкопать малую пещеру, затворился в ней на всю зиму и оставался там, пребывая в посте и молитве, до Пасхи. Бесы, не вынося пребывания его там, бежали, гонимые как оружием, молитвами святого и много раз от многих людей слышны были плачевные вопли бесов, стонавших о том, что их изгнал Феодор. Народ того селения имел столь сильную веру в него, что, приходя, брал землю из пещеры, в которой жил преподобный, и, примешивая ее к пище или питью, подавал больным людям и скоту как верное врачевство и по вере своей получал исцеления.

Жил в том месте один верующий муж, ремеслом кузнец, которому преподобный велел сделать железную клетку без крыши, такую узкую, чтобы только человеку возможно было стоять, и в ней он придумал необычайное мучение для своего тела. Об этом узнали многие люди и стали приносить к кузнецу железные орудия, так что железа стало достаточно для дела, и когда скована была клеть, то ее отнесли с крестами в Сикею к преподобному. Он поставил ее над своей пещерой и затворялся в ней часто на продолжительное время и стоял там, как столп недвижимый, перенося всякую непогоду. Поскольку клетка та была без крыши, то летом знойное солнце жгло его, зимой жестокие морозы леденили и сковывали тело свя-

того. Бури и ветры на него ополчались, снег и дождь омочали его, но он оставался как камень нечувствителен и тверд как адамант. Всемогущий Бог послал ему столь великое терпение, превосходящее человеческий ум и природу, на изумление людям и прославление святого имени Божественного. Феодор не только клетку ту железную избрал себе как добровольную темницу, но и тело все свое заключил в железные узы: ноги свои обувал в кованые сапоги и носил такие же нарукавницы, надевал тяжелую железную броню, опоясывался толстыми веригами и носил железный жезл с изображением на верху его креста. Жизнь свою он расположил так: после праздника Рождества Христова, до Крещения, входил в пещеру обложенный тяжкими железными веригами, оставаясь в ней безвыходно до Пасхи, после же Пасхи затворялся в клетке. Такой тяжестью железной и произвольной темницей терзал он свою плоть, мучая и угнетая ее как раба и пленника, чтобы она не возбуждала внутренней брани. Во святую Четыредесятницу отнюдь не вкушал пищи, кроме овощей и ярового хлеба, и то только в субботу и воскресенье. Бог покорил ему диких зверей, бывших в пустыне; так, например, страшный медведь три года приходил к нему и брал из его рук пищу, также и волк питался от него. Приходившие и уходившие от святого звери не делали никакого зла ни людям, ни животным, если бы и случалось кому-либо встретиться с ними. Было это по чудесному действию Божию, Который прославлял угодника Своего, Его прославляющего.

Однажды, к Феодору, затворившемуся в клетке, пришел человек, прокаженный всем телом, желая получить исцеление от святых его молитв. Преподобный велел больному снять свои одежды, взял воду и так помолился Богу:

— Господи Иисусе Христе Боже наш, очистивший пророком Твоим Елисеем Неемана Сириянина от проказы[1] и Сам благоутробием Твоим к нам сошедший и бывший Человеком, словом исцелял прокаженные: призри ныне на нас и на воду эту и, благословив ее, подай ей целебную силу, да возможет очистить от проказы этого предстоящего человека, в прославление святого имени Твоего.

[1] *Нееман* — военачальник сирийского царя Венадада. Повествование об исцелении его от проказы пророком Елисеем см. в 4 Цар. 5, 1–19.

Помолившись и осенив воду крестным знамением, он полил водой на голову человека и на все тело, после чего тотчас же больной избавился от проказы и отошел здоровым, восхваляя Бога. Также и один священник прокаженный, по имени Коллирий, пришел к святому и только что надел на себя одежду его, в ту же минуту получил исцеление. Видя такую жизнь и чудеса Феодора, блаженная Елпидия радовалась духом. Многих женщин она привела в монашество и наставила в богоугодной жизни, ибо сама была весьма добродетельна и подражала своему внуку в духовных подвигах. О приближении кончины своей узнала Елпидия из откровения ей бывшего и пришла для последнего посещения и прощального приветствия к преподобному своему внуку и рассказала ему свое видение, говоря:

— Дитя мое и свет очей моих! Я видела в видении прекраснейшего юношу, одетого в светлую одежду, имевшего золотистые волосы и похожего на святого великомученика Георгия, как мы видим его изображенного на иконе. Он пришел ко мне, спрашивая о тебе, желая узнать от меня образ твоего жития и псалмопения. Я рассказала ему все подробно. Он мне сказал:

— Когда поете псалмы, говорите так: *Благословите, горы и холмы, Господа!* (Дан. 3, 75).

И потом сказал:

— О жено, ты получила большую милость от Бога, что удостоилась видеть своего внука в таком состоянии; мне же, помощнику его, ты много обязана, больше же всего подобает благодарение общему Владыке и Содетелю Богу, Который удостоил твоего внука быть в числе святых рабов Его. Успокойся же, ибо ты до этого времени трудилась.

Блаженная Елпидия, сказав о своем видении преподобному Феодору и дав ему последнее целование, отошла в келию свою; там, поболев немного, преставилась ко Господу и была погребена преподобным с честью. После ее погребения прибыл некто из города Анкиры и принес преподобному весть, что умерла мать его Мария, и советовал ему, чтобы послал взять ее имение, ибо она скончалась, не имея наследника. Святой ответил ему:

— Ты говоришь неправду, потому что мать моя не умерла.

Но посланный уверял, что видел ее мертвою своими глазами, он же снова сказал:

— Это неправда, не умерла она для меня, не умрет душой, но и теперь жива и будет жить вечно.

И не обратил никакого внимания на оставшееся имущество, сам же, постясь целую неделю, приносил Богу усердные молитвы о душе ее. Во время пребывания преподобного в пещере пришел к нему из Илиополя Галатийского церковный эконом и чрез служащего его передал ему слезную просьбу свою, говоря:

— Сжалься надо мной, раб Божий, в случившейся со мною печали: я отправил за сбором денег для церкви слугу, он же, собрав деньги, бежал; я гонялся за ним всюду, искал и не мог найти его, помолись Господу, да покажет мне его, потому что всего моего имения недостанет отдать церкви за все то, что унес мой слуга.

Ответил ему святой:

— Если ты обещаешь твоего слугу отпустить не наказывая и не брать у него ничего больше, а только то, что он взял, то утешит тебя Господь и даст его в твои руки. Если не обещаешься, то ты его не найдешь.

Эконом обещал не только не бить его и не брать больше, но дать и от себя, лишь бы вернуть церковное достояние, и сказал:

— Я и дети мои останемся нагими, если не в состоянии буду воздать церкви ее похищенное достояние.

Тогда ответил ему святой:

— Иди с миром домой и будь беспечален, уповай на Бога, ибо Он скоро утешит тебя.

Успокоенный эконом отправился домой, имея полное доверие к словам преподобного. Беглец, похитивший церковное имущество, встал на пути, как бы связанный, на месте близ селения, называемого Никея, и не мог ни шагу ступить далее; ему представлялось, что бежит скоро, тогда как на самом деле оставался на том же самом месте. Люди, случайно шедшие по той дороге, узнали преступника, схватили его и привели к эконому. Таким образом было возвращено церкви все, что он взял, и эконом сдержал обещание не делать никакого зла, отпустил его и опять пришел к преподобному и принес благодарение.

Однажды, в дни святой Пятидесятницы, один человек привел свою бесноватую жену, и когда преподобный Феодор изгонял нечистого, то бес кричал:

— О горе! За что гневаешься на меня, сокрушитель железа[1], виноват ли я, ибо не по своей воле вошел в нее. Я послан от Феодора волхва, прозываемого Караппос, который живет в Мазамии.

Угодник же Божий, именем Иисуса Христа запретив злому духу, изгнал его из той женщины. И в то же лето, в июне месяце, жители селения Мазамия, слышавшие о чудесах, совершаемых преподобным Феодором, пришли к нему, со слезами умоляя прийти к ним, отогнать саранчу, слетевшую подобно облаку на их нивы и сады. Святой пошел с ними, вошел в храм их и провел там ночь в молитве, а наутро он пошел в поле на нивы, совершил там общественное моление и, взяв в руки три саранчи, вознес молитвы Богу о народе, и во время молитвы саранча стала мертвою в руке его. Он же, возблагодарив Бога, сказал народу:

— Возвратитесь, чада, в церковь, ибо Господь скоро явит нам милость Свою.

И возвратившись в церковь, святой совершил Божественную литургию, а наутро народ увидал, что вся саранча вымерла.

Феодор Караппос, обитавший в тех местах, воспылал завистью к святому Феодору, ибо уже и прежде гневался на него за изгнание из женщины беса, которого тот волхв наслал в нее. Гневаясь на святого и завидуя чудотворной в нем Божией силе, волхв, призвав подручных ему бесов, велел идти на святого Феодора Сикеота и замучить его до смерти. Но они не могли приблизиться к нему, потому что преподобный всегда имел на устах своих молитву и бесы должны были дожидаться, пока он уснет; но когда святой спал, благодать Божия, как огонь от него исходящая, опаляла и прогоняла бесов; они снова возвращались и устремлялись на преподобного и опять, опаляемые и прогоняемые, с позором возвращались к пославшему их, а тот с досадой укорял их, говоря:

— Поистине ничтожна ваша сила; если вы к спящему не могли подойти, то что же можете сделать ему бодрствующему?

И утверждали бесы, говоря:

— Как только мы приближаемся к нему, так пламень огненный из уст его исходит и опаляет нас, чего мы не можем стерпеть.

---

[1] Такое наименование усвояется святому Феодору за его подвиги умерщвления плоти разными железными орудиями, как об этом повествуется в житии его.

Волхв, распаляемый еще большею злобой и завистью, вложил в рыбу смертоносный яд и послал ту рыбу в дар преподобному. Угодник Божий, хранимый благодатью Христовой, во время своей обычной трапезы вкусил от той рыбы и остался невредим. Волхв Феодор Караппос этому очень удивился и, уразумев Божию силу и немощь бесовскую, умилился душой и, придя к преподобному, припал к ногам его святым, исповедуя грехи свои со слезами и сжегши волшебные книги, отвергся дел сатанинских и принял святое крещение.

По возвращении в обитель преподобный впал в тяжкую болезнь и ожидал смерти, ибо он видел пришедших к нему святых Ангелов и подумал, что они хотят уже взять его душу; он плакал и рыдал о том, что не готов к смерти. Над ним была икона святых врачей бессребреников Космы и Дамиана[1]; они явились ему в видении и по обычаю врачебному осязали жилы рук его и беседовали между собой, как бы отчаиваясь в его жизни, потому что силы его уже ослабели. Они сказали ему:

— О чем плачешь и скорбишь, брат?

Больной отвечал:

— О том, что не покаялся Богу, отцы мои, и что оставляю это малое стадо, еще не совершенно направленное на истинный путь и требующее еще многих наставлений.

Говорили ему святые:

— Хочешь ли, мы умолим за тебя Бога, чтобы Он продлил жизнь твою?

Отвечал больной:

— Если вы это сделаете и испросите мне время для покаяния, то будете виновниками многих мне благ и получите награду за мое покаяние.

Святые, обратившись к Ангелам, просили их, чтобы помедлили немного, пока они, шедши к Царю и Богу, попросят Его о Феодоре. Ангелы обещали, и святые страстотерпцы Косма и Дамиан идут к Всесильному Царю Христу Богу нашему, некогда приложившему Езекии пятнадцать лет жизни[2], и, умолив Его о приложении лет жизни Феодору, возвращаются в скором времени, имея среди себя

[1] Память их совершается святой Церковью 3 декабря.

[2] *Езекия* — царь иудейский, живший в VIII веке до Рождества Христова. О его чудесном исцелении пророком Исаиею повествуется в 4-й книге Царств (20, 1–11).

юношу, подобного Ангелам тем, но сиявшего большей славой. Этот юноша сказал Ангелам так:

— Оставьте Феодора в живых, о нем умолили Владыку всех Царя славы, и Он повелел ему быть во плоти.

И тотчас святые Ангелы с тем пресветлым юношей отошли на небо. Святые же Косма и Дамиан сказали Феодору:

— Восстань, брат, и внимай себе и своему стаду: благий и милостивый Владыка принял молитвы наши о тебе и даровал тебе жизнь, да делаешь брашно негиблющее, но пребывающее в жизнь вечную, чтобы многим душам устроить спасение.

Сказав ему это, святые врачи стали невидимы. Блаженный Феодор пришел в себя и, почувствовав себя вполне здоровым, встал тотчас, прославил Бога и с большим усердием предался псалмопению и посту.

Дарованной ему благодатью Божиею, он творил чудеса, исцелял различные болезни и бесов изгонял словом. Слух прошел о его чудесах повсюду, многие удивлялись и умилялись, оставляли дома свои и к нему приходили для иноческих подвигов. Также многие из получивших от него исцеления не разлучались с ним, но оставались здесь и служили монастырским нуждам, ибо когда собралось множество братий, то составился большой монастырь, и Феодор был в своем монастыре архимандритом, но так как церковь святого великомученика Георгия была слишком мала и не могла вмещать всех приходивших для обычных песнопений, то преподобный позаботился создать другую церковь, недалеко от прежней, во имя святого архистратига Михаила, более просторную, и, там устроив братию, послал ученика своего Филумена к епископу Анастасиопольскому принять рукоположение в сан пресвитера и поставил того игуменом этого монастыря; сам же усиленно предался безмолвию.

Была нужда в серебряном сосуде для совершения Божественной литургии, ибо до тех пор таинство совершали в каменном мраморном сосуде. Преподобный отправил своего диакона в Константинополь купить серебряный сосуд для священнослужения; когда был куплен и принесен к нему сосуд чистый, отлично сделанный, то святой отверг его, не желая совершать в нем священнодействие, ибо он прозрел, что сосуд был негоден, черен и смраден. Диакон хвалил его хорошую работу и чистое серебро, но преподобный сказал:

— И я вижу, чадо, что сосуд сделан красиво и хорошего серебра, но он осквернен невидимой нечистотой, и если ты мне не веришь, то помолимся, чтобы Господь открыл твои душевные очи и ты увидишь.

Как только они, преклонив колена, помолились, то тотчас же не только диакон, но и все находившиеся там братья увидали сосуд черным как уголь, вынутый из печки и удивились. Когда же диакон взял его в руки, сосуд стал сейчас же по-прежнему чист и светел. Взяв его, он понес в Константинополь к золотых дел мастеру, у которого купил, и рассказал ему, почему преподобный Феодор не принял его. Златарь стал припоминать о серебре, откуда оно и вспомнил, что оно было из вещей одной блудницы и ее неправедного имущества, удивился прозорливости преподобного отца и просил прощения, а сосуд принял обратно и переменил на другой чистейший, прося святых молитв о себе.

Диакон возвратился, принес сосуд в монастырь, рассказал отцу и братьям, из какого серебра был первый сделан, и все прославили Бога и удивлялись прозорливости святого.

Однажды из селения Вузийского, недалеко от Грацианополя, пришли люди к преподобному Феодору по следующему поводу: они у себя строили каменный мост через реку, и когда выкапывали из земли на соседнем холме камни и тесали доски, то видели множество выходивших из ямы бесов, которые нападали на людей и животных и мучили их; иные же как разбойники, устраивая засады на пути, ранили проходящих. Пришедшие умоляли преподобного прийти в их селение и избавить их от бесовского нападения, и Феодор пошел с ними, уповая на Бога. И только что он приблизился к селению их, бесы, находившиеся в людях, чувствуя приближение его, выходили навстречу к нему, крича:

— О горе, о беда! Зачем, оставив Галатию, идешь сюда, сокрушитель железа? Знаем, зачем пришел, но не послушаем тебя, как это сделали духи в Галатии; мы гораздо злее и сильнее их!

Преподобный, запрещая им, повелел молчать, наутро же собрал народ, обошел крестным ходом все селение и, поднявшись на вершину холма, изливал горячие молитвы в Богу долгое время. И тотчас бесы, которые оттуда вышли, силой Божией опять там показались в образе мух, мышей, зайцев, и их всех он выгнал в яму, запе-

чатлел крестным знамением и велел завалить землею и камнями, и так освободил он селения от напасти бесовской. Подобным образом он и многие другие селения, и страны, и домы избавил от бесов, а также из множества людей изгнал лукавых духов, которые при одном имени его трепетали.

Из учеников преподобного многие были известны и велики своими добродетелями. Так, например, блаженный Арсин затворник, живший в тесной келье, пребывал в молчании, лишь на третий день принимая пищу: немного хлеба и сырой зелени или вареных овощей и воды в меру, в святую же Четыредесятницу он питался только в субботу и по воскресеньям и то сухоядением. Подобное житие проводили и другие два мужа, Евагрий и Андрей, имея свои затворы недалеко от Арсина. О честнóм их житии очень радовался преподобный Феодор и благодарил Бога. Все трое они согласились пойти в Иерусалим на поклонение святым местам и просили отца отпустить их с благословением. Он разрешил, и они прибыли туда и посетили все окрестные лавры и отшельнические обители. Евагрий пожелал остаться там, и, придя в лавру преподобного Саввы[1], он жил свято, самыми делами показывая себя учеником Феодора. Арсин же и Андрей возвратились к отцу в Галатию и просили его отпустить их жить в разных местах для молчания. Андрей с благословения отца поселился на холме Вриана, в восьми поприщах от монастыря. Арсин удалился в горную часть Потамии, где избрал себе место вдали от селений человеческих, про которое говорили, что там жилище бесов. Там он помолился, говоря:

— Боже, молитвами отца моего Феодора, соблюди меня грешного и защити от козней бесовских, и помоги мне угодить Тебе на этом месте.

Прежде всего он построил себе келийцу деревянную и перезимовал в ней, потом поставил высокий столп и, сорок лет проведши в нем в великом терпении, отошел ко Господу. И Елпидий по наставлению преподобного Феодора немало преуспел в добродетели. После нескольких лет пребывания с отцом он ушел с его благослове-

---

[1] *Святой Савва* подвизался в Палестине во второй половине V века и первой VI века, где и основал славную многими подвижниками обитель. См. житие его под 5 декабря.

нием к востоку, поселился близ горы Синайской и, долгое время прожив в безмолвии, праведно скончался; после него это место названо было святыми отцами Синая: *Елпидиево молчание*.

Также и Леонтий, ученик отца нашего Феодора, был дивен в отшельничестве; он безмолвствовал близ Перматии и, удостоившись дара пророчества, предсказывал будущее. Так, он предрек нашествие персов, свое убийство ими, что и сбылось, ибо когда он не захотел выйти из своей безмолвной кельи, то был убит в ней персами. Затем Феодор, постившийся на горе Драконийской, и Стефан при реке Псилии и многие другие ученики преподобного Феодора просияли добрыми делами; одни жили при нем, а другие поселялись по разным пустынным местам.

Преподобному Феодору пришло желание еще раз посетить святые места Иерусалима, и он, взяв своих двоих учеников, пошел. В то время, в Палестине, где город Иерусалим, было бездождие и засуха, и люди и животные терпели лишение вследствие безводия, все рвы и водохранилища, в которых собирается вода, высохли. Народ много молился, прося дождя у Бога, но не получал, потому что Господь благодать ту хранил для угодника Своего Феодора и потому привел его в Палестину. Были там некоторые из Галатийской страны, знавшие преподобного Феодора и слышавшие о его чудотворениях; они говорили народу:

— Мы знаем одного святого отца в нашей стране, могущего одной молитвой наполнить дождем всю вселенную, как некогда пророк Илия.

Когда преподобный пришел в Иерусалим, поклонился животворящему древу Крестному и живоносному Гробу Христову, пришельцы из Галатии узнали его, и скоро пронеслась о нем молва во святом городе и в окрестных монастырях и лаврах. Во множестве собрались монахи, и все клирики обступили святого, радуясь его приходу к ним, и просили именем патриарха испросить у Господа дождя на иссохшую землю. Святой отказывался, сознавая себя грешным и недостойным, но они умоляли его и говорили:

— Мы надеемся, отец, что когда ты молитвы свои соединишь с молитвами других отцов, тогда Бог смилуется над нами и пошлет дождь на землю.

И сказал им святой:

— Если вы так верите, то пусть будет вам по вере вашей.

После совершения литии, когда народ шел с крестным ходом, преподобный обратился к нему, сказав:

— Перемените ваши одежды, о чада, вы измокнете, потому что ради веры вашей Господь явит милость Свою скоро.

Когда они были вне города, то на одном месте он повелел остановиться и, простирая руки к небу, начал усердно молиться; и тотчас же явилось с запада небольшое облако и, увеличиваясь, в один час покрыло все небо. Святой, окончив молитву свою, велел молящемуся народу скорее возвращаться, чтоб избежать дождя. Внезапно пролился чрезмерно большой дождь, и все поспешили в город к церкви, потому что все сильно измокли. Дождь не переставал до тех пор, пока не напоил всю землю и не наполнил все рвы, водохранилища и углубления. Преподобный Феодор, боясь, чтобы за таковое чудо его не стали славить и почитать люди, скрылся от всех со своими двумя учениками из города и пошел в свой Галатийский Сикеотский монастырь. Но и в своей стране во многих окрестных местах по просьбам народа творил он подобные чудеса: низводил дожди, очищал воздух, умножал плоды полей и садов, прекращал разливы, наводнение и предсказывал будущее.

Воеводе Маврикию, возвращавшемуся в Константинополь после персидской войны через Галатию и пришедшему к преподобному просить молитв и благословения, предсказал, что он будет царем. И когда то сбылось, то Маврикий[1] написал своему пророку, святому отцу, прося молитв о себе и своем царстве, и еще прибавил: «проси у меня чего хочешь». Преподобный Феодор послал к нему блаженного Филумена и написал, чтобы царь дал хлеба монастырю для множества бедных, приходящих к нему каждый день. Царь тогда написал своим приставникам в Галатию, чтобы они отпускали всякий год монастырю Феодора пшеницы по шестисот четвериков, и, кроме того, пожертвовал драгоценные сосуды в церковь.

Видя день ото дня умножающуюся паству свою и множество народа, стекающегося в его монастырь ради молитв и исцелений, он разобрал церковь святого великомученика Георгия, которая была очень мала, и построил бóльшую чудесным образом: он повелел сдвинуться

[1] *Маврикий* царствовал с 582 по 602 год.

огромному, неподвижно стоящему камню и идти с своего места на другое. А когда из близлежащей местности Еварзии везли нерастворенную известь для постройки храма, то внезапно нашла дождевая туча и работники боялись, как бы известь не загорелась и не попалила воза и животных, тогда преподобный Феодор своей молитвой разделил надвое тучу, и сильный дождь лил по обеим сторонам пути, а на известь и на воз не упала ни одна капля до тех пор, пока все не было привезено к месту церковного здания и сложено с возов.

Когда постройка церкви приходила к концу, преставился Анастасиопольский епископ Тимофей, бывший после Феодосия, и граждане пошли к архиепископу Анкирской митрополии Павлу просить его поставить в их город епископом преподобного Феодора, архимандрита Сикеотской лавры. Архиепископ был рад и послал за блаженным Феодором, чтобы его привели к нему с честью. В то время преподобный, затворившись в пещере, пребывал в безмолвии и усердно творил свои обычные молитвы. Когда клирики и анастасиопольские граждане пришли к нему просить, чтобы он согласился быть у них епископом, он и слышать не хотел, но они силою отворили его келью, вывели преподобного, посадили на святительскую колесницу и привезли в Анкиру с радостью и веселием. Когда же братия его плакали и рыдали об отце своем, что отлучался от них, то он послал сказать им:

— Не скорбите, братия, но верьте мне, что не оставлю вас. Нет на земле ничего, что могло бы меня разлучить с вами.

И так преподобный был поставлен во епископа Анастасиопольского митрополитом Анкирским Павлом, хотя и не желал принять такого сана. Когда же он принял его, то одному известному мужу было такое видение: пресветлая, превеликая звезда спустилась с неба на церковь и своими лучами осветила не только город и страну, но и все окрестные страны и города. Воистину этот преподобный на престоле архиерейском, как свеча на свещнике, явился светом миру, бесчисленными чудесами и образом своего предивного жития просвещая и удивляя вселенную. Часто он посещал свою Сикеотскую лавру и утешал братию, а храм святого великомученика Георгия, созданный его усердием, освятил. Какие и сколько чудес он совершил, будучи епископом, подробно сказать невозможно; он нес усиленные труды, имея прилежное попечение о вверенной ему пастве. Впро-

чем, немало преподобный и скорбел, что прервано было его безмолвие, и всегда носил в душе непременное желание оставить епископство и снова возвратиться в монастырь на безмолвие.

Спустя несколько лет блаженный Феодор опять возымел желание поклониться святым местам в Иерусалиме и, взяв двух братий из своего монастыря — архидиакона Иоанна и Мартина, пошел с ними в путь; обходя же святые места, не показывал своего епископского сана, но ходил как простой старец.

Пришла ему мысль не возвращаться к себе, а жить там в каком-нибудь монастыре, ибо он видел, что ради епископского сана был вынужден оставить иноческие подвиги. И так он пошел в лавру святого Саввы, испросил себе келью и жил в ней в безмолвии от праздника Рождества Христова до Пасхи. После Пасхи два брата, с ним пришедшие, Иоанн и Мартин, непрестанно говорили ему о возвращении домой, но он не хотел их послушать. И в одну ночь в сонном видении явился ему святой великомученик Георгий, дал ему в руки посох и сказал:

— Поспеши выйти отсюда и возвратимся в отечество; не надобно тебе, оставив отечество, здесь медлить.

Феодор сказал:

— Не могу идти к себе, потому что не желаю епископства.

Мученик ответил ему:

— Я тебя скоро освобожу от этого сана; только возвратись, потому что многие скорбят по тебе.

После такого увещания преподобный взял своих двух учеников и пошел в свою страну. Приближаясь к Галатии, он зашел в попавшийся ему на пути Друйнийский монастырь и приказал спутникам своим не сказывать кто он. Монахи этого монастыря давно уже слышали о преподобном Феодоре, как о необыкновенном человеке, и желали его увидать. Неузнаваемый теми иноками, преподобный спокойно пребывал в монастырской гостинице, будучи принят странноприимцем Аникитою, и когда ученики Феодора были допрашиваемы о старце, кто он, то они говорили, что он странствует из некоторой дальней стороны. Во время вечерней трапезы он посмотрел на учеников, евших пищу с особенным наслаждением, ибо они были голодны, и сказал им:

— Воистину, чада, едим как галаты.

И через час повторил то же самое. Услышав это, Аникита подумал про себя, не из Галатии ли этот старец. Вечером, когда, по обыкновению, на ночь старец лег на землю, Аникита взял отдельно обоих учеников и убеждал их сказать, кто этот старец; тогда они открыли ему, что — это Феодор, Сикеотский чудотворец, епископ Анастасиопольский, и тотчас поспешил Аникита возвестить о том игумену Стефану и братии. Великая была им радость, что увидали того, кого сильно желали видеть. Наступило время для утреннего пения, и, когда старец встал и направился к церкви, в дверях встретили его игумен с братиею и, припадая к ногам его, поклонились ему как чудотворцу и епископу, прося благословения. Они упросили святого остаться у них на несколько дней, чтобы насладиться созерцанием ангелоподобного лица его, насытиться сладкими беседами, и преподобный остался у них довольно долго. Скоро пронесся слух о нем по всей стране, и многие из народа приходили в монастырь, принося своих больных к святому и он благодатью Христовою всех исцелял.

После этого вернулся преподобный к своей пастве и, пребывая в обычных пастырских трудах, не переставал думать о том, как бы оставить епископство. К тому же и блаженный Антиох пустынножитель, возвращаясь из Константинополя к себе, быв у него случайно, советовал ему то же, ибо этот Антиох послан был из восточной страны к царю Маврикию просить городу Синофрину защиты от врагов. Антиох был муж старый и имел от роду лет сто: шестьдесят лет не пил ни вина, ни елея, а тридцать лет не ел хлеба и питался только горькими травами с солью и уксусом и пил воду. Этого блаженного отца, шедшего через Галатию и Анастасиополь, преподобный принял у себя с честью и радостью, успокоил его и много утешился духовными беседами с ним. Блаженный Антиох сказал о Феодоре своим ученикам:

— Не видал я подобного святого мужа до сих пор. Господь открыл мне житие его.

Также и Феодор говорил братьям своим об Антиохе:

— Во всей восточной пустыне не видал и не слышал о таком рабе Божием.

У преподобного Антиоха святой Феодор просил полезного совета, сказав ему о своем намерении оставить епископство; Антиох же похвалил его за такое намерение и советовал ему вскоре совершить желаемое.

Когда Антиох ушел, преподобный Феодор был опечален хищениями церковного имущества; к тому же он имел некоторых тайных врагов в епархии, которые были возбуждаемы невидимым врагом на зависть и ненависть; они ему однажды, Божиим попущением, дали яд, и преподобный лежал три дня безгласен и недвижим как мертвый, так что в городе уже распространился слух о смерти святого. После трех дней явилась ему Пресвятая Владычица наша Богородица и возвестила ему причину болезни от яда, данного ему тайно, и указала ненавистников, давших яд, и взяв из платка, который был у Нее в руках, три зерна, дала ему и сказала:

— Съешь это и впредь уже не будешь страдать ни от какого зла.

Съев эти зерна, преподобный пришел в себя, почувствовал себя всего здоровым и, встав, благодарил Христа Бога и Пречистую Его Матерь. Злобных врагов своих он не обличил и не сказал о них никому, но молитву сотворил за них Богу, чтоб не поставил им это в грех. Святому великомученику Георгию он всегда молился, чтобы он освободил его от епископства, как об этом обещал в видении, когда преподобный не желал возвратиться из Палестины в Галатию.

Нельзя умолчать о том, что в Анастасиополе был установлен налог, уплачиваемый в течение года на архиерейскую трапезу из имений церковных, в количестве трехсот шестидесяти пяти золотых монет. От этого налога преподобный Феодор тратил только сорок золотых монет на трапезы всего года, остальные же отдавал святой Церкви, а те подаяния, которые поступали из иных источников, он раздавал бедным. Решившись наконец окончательно оставить сан епископа, преподобный Феодор прежде всего обратился к Богу с усердной, долгой молитвой в продолжение многих дней, да не поставлено ему будет в грех его намерение, и, получив от Бога в откровении разрешение просимого, он собрал весь клир, всех граждан и сказал им:

— Вы знаете, братия, что вы меня насильно отторгнули от монастыря и заставили принять бремя епископства, и я говорил вам тогда, что недостоин вами править, но вы меня не послушали и сделали по своей воле. И вот, уже одиннадцатый год, как я огорчаю вас и сам огорчаем вами. Умоляю вас, поищите себе пастыря, могущего угодить вам; я же теперь более не могу вам быть епископом и возвращаюсь, как худой чернец, к себе в монастырь, в котором обещался до конца жизни работать Богу.

После этих слов он взял из своего монастыря архидиакона Иоанна и отправился к митрополиту Анкирскому Павлу с просьбой поставить Анастасиополю другого епископа. Произошел и между ними великий спор: митрополит ни за что не хотел отпустить преподобного Феодора, потому что говорил он — невозможно было найти другого достойного этого сана мужа. Феодор же усиленно отказывался и говорил, что это бремя выше меры и силы его. Нужно было дать знать о том в Константинополь святейшему патриарху Кириаку[1] и благочестивому царю Маврикию. Они по внушению Божию написали к митрополиту Анкирскому, чтобы он не стеснял угодника Божия, стремившегося к безмолвию, и отпустил его, как он просит.

Итак, преподобный Феодор, избавившийся от тяготы епископства, исполнился радости, увидя себя свободным от многих забот, и, ушедши в монастырь свой, пребывал в своей келии в безмолвии и проводил жизнь в постнических подвигах. Часто он совершал богослужение, принося бескровные жертвы, и удостаивался во время литургии своими очами видеть благодать Святого Духа в виде светлой пурпуровой порфиры, спускающейся сверху и покрывающей Святые Дары: об этом он поведал одному из своих сослужителей, иеромонаху Иулиану, мужу добродетельному, по усиленным просьбам его. Когда он видел это, то исполнился несказанным, духовным веселием, и прекрасное лицо его просветлялось дивным светом и изменялось, так что служащие с ним священники и диаконы видели на лице преподобного Божественное сияние и изумлялись.

Однажды произошло следующее: 16 июля, в день памяти святого мученика Антиоха, в храме, когда святитель Божий Феодор служил литургию и когда наступило время возношения Святых Даров, он, по обычаю, поднял дискос со святым Агнцем вверх и провозгласил: «Святая Святых». Божественный Агнец сам собой на дискосе поднялся выше на воздух, возносимый невидимой рукой, и затем опустился снова на дискос на свое место. Видя такое чудо, все совершавшие тогда Божественную трапезу исполнились великого страха и удивления, а преподобный Феодор проливал потоки слез и, неизреченно радуясь, прославлял Христа Бога, истинно пребывающего в Пречистых Тайнах Своих.

---

[1] *Кириак* патриаршествовал с 595 по 606 год.

Благочестивый царь Маврикий и святейший патриарх Кириак желали увидать преподобного Феодора, о котором много слышали, и писали ему, чтобы он приехал к ним в Константинополь, дабы удостоиться его молитв и благословения. Преподобный не мог ослушаться их и отправился туда, где и был встречен всеми с великим почетом. Немного времени прожил он в Константинополе, но сотворил много чудес силою Божией: возвратил зрение слепому отроку, расслабленную женщину с одра восставил, многих бесноватых от мучительства диавольского освободил, кровоточивую молитвой исцелил, царского сына очистил от проказы, неплодным в супружестве своим благословением даровал чадородие и много других славных дел совершил и всех утешил благодатью Господней; после чего возвратился в свой монастырь. Но потом не скоро и второй раз он призван был в Константинополь во время царствования императора Фоки[1], по вызову святейшего патриарха Фомы[2], — который занял престол после Кириака.

Причина вызова его была такая: в стране Галатийской случилось необыкновенное происшествие: в одном из городов ее, во время всенародного хождения с крестами, деревянные большие кресты вдруг сами по себе какой-то дивной силой сильно заколебались, ударялись один о другой и разбивались. Об этом чуде пронесся слух повсюду и даже в Константинополе; тогда святейший патриарх Фома послал к преподобному Феодору, прося его поскорей прийти к нему, и когда святой прибыл, то святой патриарх расспрашивал его о чуде том и что бы могло оно предзнаменовать. Святой ответил, что действительно чудо было, но сказать о том, что оно предвещало, он отказался, говоря, что не знает той неведомой тайны Божией. Тогда святейший патриарх припал к ногам его с мольбой и этим своим смирением убедил преподобного предсказать будущее. Старец сказал, что колебание крестов, ударение и сокрушение их друг о друга знаменуют будущие великие беды на церковь Божию и на греческое царство, с одной стороны, от внешних врагов и, с другой стороны, от внутренних. Извне предстоит страшное нашествие врагов, с внутренней же стороны последует разделение веры среди христиан, бу-

---

[1] *Император Фока* царствовал с 602 по 610 год.

[2] *Фома* патриаршествовал с 607 по 610 год.

дет всеобщее гонение, люди будут друг у друга все разорять, истреблять, многие храмы разорятся, опустеют, и все это случится вскоре. Услыхав это, патриарх ужаснулся и просил преподобного помолиться о нем Господу, чтобы принял его душу раньше, нежели наступит предсказанное разорение, чтобы ему не быть свидетелем бедствий, грядущих на Церковь.

Спустя немного времени, когда преподобный Феодор еще находился в Константинополе в церкви святого Стефана, заболел патриарх и послал к преподобному, в то время затворившемуся и постившемуся, объявить о болезни своей, прося испросить ему у Бога скорую кончину. Святой же отказывался и не хотел; тогда вторично просил его патриарх усердно о том, чтоб умереть ему до нашествия смут на Церковь. Преподобный сотворил волю святителя, помолился Богу о его кончине и послал к нему, говоря:

— Велишь ли мне прийти к тебе или же там вместе предстанем перед Господом нашим?

Патриарх через посланника отвечал:

— Не прерывай, отец, молчания твоего; довольно мне и того, что ты сказал — там увидимся перед Господом нашим.

В тот же день святейший патриарх Фома перед вечерним часом, радуясь, разлучился от тела и отошел ко Господу. После смерти патриарха, преподобный Феодор возвратился в свой монастырь, и через несколько лет приблизилась кончина и его самого, перед которою он совершил много великих и славных чудес и много пророчествовал о будущих событиях. Перед кончиной он видел два раза святого великомученика Георгия, являвшегося ему в сонном видении: первый раз он явился ему, подавая дорожный жезл и призывая с собой в далекий путь, потом явился ему, сидя на коне, ведя другого и говоря:

— Садись, Феодор, на этого коня и следуй за мной.

Из этого преподобный Феодор уразумел свое скорое отшествие от земли, сообщил о том ученикам своим с радостью и предвозвестил кончину свою после Пасхи. Так и сбылось. Когда он умирал, то видел святых Ангелов, которые шли, чтобы взять его, и с радостным лицом предал в их руки душу свою.

Кончина его произошла в третий год царствования Ираклия[1].

---

[1] *Император Ираклий* царствовал с 610 по 641 год. Кончина святого Феодора Сикеота последовала в 613 году.

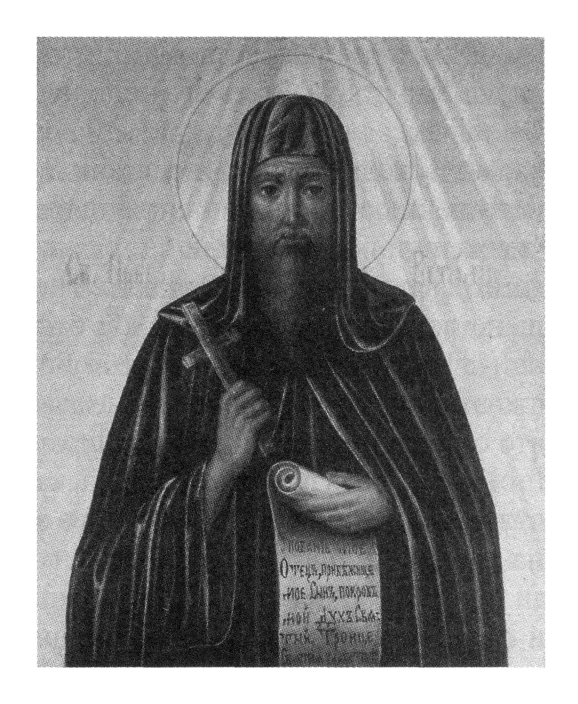
Житие его и чудеса описал ученик его Елевсий, получивший от преподобного в иночестве имя Георгия. Он рассказывает о себе, что родители его, долгое время быв в супружестве, не имели детей и просили преподобного Феодора, чтобы молитвами и благословением могли бы они быть родителями детям; преподобный, взяв пояса их, благословил и, отдав им, предсказал о разрешении неплодства; у них действительно родился Елевсий, которого они, воспитав, привели к преподобному и отдали на служение Богу. Двенадцать лет живя с преподобным, он был очевидцем неизреченных чудес, о которых и написал очень пространно, но мы у него заимствовали и вкратце изложили только немногие, для нашей душевной пользы. Прославим же чудного Бога, в чудотворцах Своих прославляемого, Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ВИТАЛИЯ МОНАХА

В то время, когда Александрийский патриарший престол занимал святейший патриарх Иоанн Милостивый[1], в Александрию[2] пришел один инок, по имени Виталий, из монастыря преподобного Сирида. Этот инок, будучи шестидесяти лет от роду, избрал себе такой род жизни, который для людей, видящих только внешнее в человеке, казался нечистым и греховным, для Бога же, взирающего на внутреннее и испытующего сердца человеческие (см.: Пс. 7, 10), был угоден и благоприятен: ибо тот старец, желая тайно обращать к покаянию грешников и людей нечестивых, сам во мнении людей являлся грешником и нечестивцем. Он составил себе список всех блудниц, живших в Александрии, и о каждой из них особо усердно молился Богу, дабы Он отклонил их от их грешной жизни. Старец нанимался на работу в город от утра до вечера и брал за свой труд

[1] *Святой Иоанн II Милостивый* патриаршествовал с 609 по 620 год. Память его празднуется 12 ноября.

[2] *Александрия* — город в Египте, расположенный на берегу Средиземного моря. Александрия славилась в древности как центр торговли, наук и искусства.

двенадцать медных монет. За одну монету он покупал себе боб и по закате солнца съедал его, ибо, работая весь день, он постился; затем, придя в блудилище, остальные деньги он отдавал какой-либо блуднице и говорил ей:

— Умоляю тебя, за эти деньги всю эту ночь соблюсти себя в чистоте, не делая ни с кем греха.

И так сказав, затворялся с ней в ее комнате. Она спала на своей постели, а старец, став в углу, всю ночь пребывал без сна, тихо читая псалмы Давида и до утра молясь за нее Богу. Наутро, уходя от нее, он с клятвою просил ее никому не рассказывать о его поступке.

Так поступал он долгое время, во все дни трудясь в посте, а ночью входя к блудницам и пребывая без сна в молитвах. Каждую же ночь он входил к иной, пока, обойдя всех, снова не начинал с первой.

Господь Бог, видя такой подвиг Своего раба, споспешествовал ему, ибо некоторые из блудниц, пристыженные таковыми добродетелями Виталия, сами вставали на молитву и вместе с ним, преклонив колена, молились. Святой убеждал таких покаяться, угрожая им страшным судом Божиим и вечными гееннскими мучениями по смерти и обнадеживая их милосердием Божиим и надеждою на получение вечных благ на небе. Тогда те, приходя в страх Божий, смирялись и обещались исправить свою жизнь. И многие из них оставляли свою прежнюю греховную жизнь и выходили замуж за законных мужей. А иные, желая жить в совершенной чистоте, поступали в женские монастыри и там в посте и слезах проводили свою жизнь. Другие в миру проживали без мужа в чистоте, питаясь трудами своих рук. И ни одна из блудниц никому не рассказала про целомудренное житие святого Виталия, потому что лишь только какая-нибудь из них начинала говорить людям, что Виталий приходит к ним не для

греха, но ради их спасения, то Виталий, услыхав о том, сильно печалился, что открывается его непорочная жизнь, и молился Богу, чтобы Он наказал ту женщину, дабы и все прочие пришли бы в страх и не рассказывали бы о его подвигах людям. Тотчас, по Божественному попущению, та женщина приходила в бешенство, видя каковое прочие женщины приходили в страх и не дерзали что-либо открыть людям о святости жизни Виталия. Народ же говорил пришедшей в бешенство женщине:

— Видишь, как воздает тебе Бог за то, что ты сначала говорила, что этот монах входит к вам не для блуда; — вот ясно открывается, что он блудник.

И все соблазнялись о нем и каждый день укоряли его, говоря:

— Ступай, окаянный, — тебя ожидают блудницы, — и плевали на него.

Святой же, претерпевая все с кротостью, радовался, слыша брань и обличения от людей, духом утешаясь, что люди считают его великим грешником. Иногда же обличавшим его он говорил:

— Разве я не имею тела, как и все люди? Разве Бог монахов создал бесплотными? Поистине и монахи такие же люди.

Некоторые советовали ему:

— Отец, — говорили они, — возьми себе одну из блудниц в жены и сними монашескую рясу, чтобы не хулилось чрез тебя монашество.

Он же, как бы сердясь, отвечал им:

— Не желаю вас слушать; что хорошего мне взять себе жену и заботиться о ней, о детях, о доме и все дни проводить в заботах и в трудах? Зачем вы осуждаете меня? Ведь не вам придется отвечать за меня пред Богом. Заботьтесь каждый о себе, а меня оставьте. Есть один Судия всех — Бог, Который и воздаст каждому по делам его.

Так преподобный Виталий утаивал свою добродетель от людей.

Некоторые из клириков оклеветали его пред святейшим патриархом Александрийским Иоанном Милостивым, говоря, что один старец соблазняет весь город, каждую ночь входя в дома блудниц. Но святейший патриарх не поверил клеветникам, так как он уже раньше был введен клеветниками в заблуждение, когда одного целомудренного и святого инока, бывшего притом евнухом[1], крестившего еврейку, невинного, предал побоям, поверив оклеветавшим

[1] То есть скопцом.

его. Помня тот случай, патриарх не послушал доносивших на Виталия и сказал им:

— Перестаньте осуждать, а особенно не осуждайте иноков. Разве вы не знаете, что произошло на I Вселенском соборе[1], когда блаженной памяти императору Константину Великому[2] некоторые из епископов и клириков отдали написанные друг на друга доносы о грехах? Император, повелев принести зажженную свечу, сжег их писания, даже не прочитав их, и при этом сказал:

— Если бы я своими собственными глазами увидал епископа или инока, совершающих грех, то покрыл бы такового своею одеждою, дабы никто не увидал его согрешающим.

Так, святейший патриарх пристыдил доносчиков. Раб же Божий Виталий не переставал заботиться о спасении грешных душ, и никто не знал о таковой его добродетельной жизни до самой его кончины.

Однажды, когда преподобный Виталий на рассвете выходил из дома блудниц, его встретил один юноша блудник, который шел к блудницам, чтобы согрешить с ними. Увидав Виталия, юноша сильно ударил его по щеке и сказал:

— Окаянный и нечестивый, доколе ты не покаешься и не отстанешь от своей нечистой жизни, чтобы еще более не было поругано тобой имя Христово?

Святой ответил ему:

— Поверь мне, человек, что за меня смиренного получишь и ты удар по щеке такой, что сбежится вся Александрия на твой крик.

Спустя немного времени преподобный Виталий заключился в своей малой и тесной келии, которую он построил около ворот, называемых «Солнечными», и там с миром отошел ко Господу. Никто в городе не знал об этом. В то время явился пред упомянутым юношей блудником, ударившим в щеку преподобного старца, бес, в виде страшного эфиопа, сильно ударил его по щеке и сказал:

— Прими удар, который прислал тебе монах Виталий.

Тотчас юноша пришел в беснование и, упав на землю, валялся по ней в исступлении, так что изо рта его шла пена; при этом он рвал на себе одежду и кричал столь громко, что жители всей Александрии

---

[1] *I Вселенский собор* был созван в 325 году в Никее по поводу лжеучения пресвитера Ария, нечестиво признававшего Сына Божия творением Бога Отца.

[2] *Император Римский Константин Великий* царствовал с 324 по 337 год.

сбежались на его ужасный крик. Он же долгое время мучился от беса. По прошествии же нескольких часов, немного придя в себя, юноша поспешил к келии Виталия, взывая:

— Помилуй меня, раб Божий, что я согрешил против тебя, сильно оскорбив тебя ударом по щеке. Теперь я, по твоему предсказанию, получил достойное возмездие.

Так крича, он быстро бежал, сопровождаемый народом. Когда же он приблизился к келии старца, то бес, бросив юношу на землю, скрылся.

Юноша, совершенно придя в себя, начал рассказывать народу, как он ударил по щеке старца и как старец предсказал ему, что он получит возмездие за это. Затем постучали в дверь келии старца, но не получили никакого ответа. Когда же сломали дверь, то увидали его стоящим среди келии на коленях, как бы молящимся; святая же душа старца отошла ко Господу. В руке своей он держал хартию, на которой было написано:

— Мужи александрийские! Не осуждайте прежде времени, пока не придет Господь, Праведный Судия.

В это время пришла туда одна бесноватая женщина, которая ранее хотела рассказать людям о святой жизни Виталия, как о том было упомянуто выше. Она пришла, извещенная о кончине преподобного Ангелом, явившимся ей, и, прикоснувшись к честны́м останкам святого, тотчас получила исцеление от беснования. Точно так же начали получать исцеление многие слепые и хромые, при прикосновении к телу преподобного.

Услыхав о преставлении преподобного, все те женщины, которых он своими увещаниями обратил к раскаянию в своих грехах, с зажженными свечами и лампадами стеклись к его гробу, плача и скорбя по своем отце и учителе. При этом они вслух всего народа рассказывали о добродетели старца, который не прикоснулся ни к одной из них даже своей рукой, и приходил к ним не для греха, а чтобы спасти их. Народ, услыхав их рассказ, разгневался на них и говорил:

— Зачем же вы скрывали от нас святость жизни этого честного старца, ибо мы, находясь в неведении, много грешили против него, осуждая и укоряя его?

Женщины отвечали на укоры народа так:

— Мы боялись, потому что этот старец с великими клятвами запрещал нам кому-либо рассказывать о его жизни, и лишь только одна из наших подруг начала рассказывать его тайну людям, то пришла в бешенство. Поэтому каждая из нас, боясь такого наказания, молчала.

И весь народ дивился такому рабу Божию, так смиренно утаившему святость своей жизни от людей. В то время как все люди думали, что он великий грешник, он был другом Божиим и чистым сосудом Святого Духа. Люди укоряли друг друга, стыдясь своего неразумия, что они осуждали такого угодника Божия и причиняли обиды и оскорбления неповинному и чистому сердцем человеку.

Когда обо всем происшедшем дошла подробная весть до Святейшего патриарха Иоанна Милостивого, он со всем своим клиром пришел к келии старца и, увидав вышеупомянутое письмо, в котором старец увещевал не осуждать его, а также увидав совершающиеся чудеса, сказал тем клирикам, которые доносили ему на преподобного:

— Видите, если бы я поверил вашим словам и оскорбил бы невинного святого старца, то и я получил бы удары по лицу, подобно тому как получил их, оклеветавший святого, юноша. Но я, смиренный, благодарю Бога за то, что я не послушал ваших доносов и тем избегнул греха и отмщения.

Все же клеветавшие и осуждавшие преподобного были сильно пристыжены.

После этого святейший патриарх, взяв честные останки преподобного Виталия, пронес их чрез весь город и в присутствии всех покаявшихся во грехах женщин, плачущих и рыдающих, с честью предал их погребению, прославляя Бога, имеющего многих неведомых людям верных рабов Своих.

Тот же человек, который получил удары от беса, отрекся от мира и сделался монахом. И многие из жителей Александрии, наученные добродетельною жизнью Виталия, положили для себя правилом — никого никогда не осуждать. Будем подражать им в этом и мы, споспешествуемые молитвами преподобного отца нашего Виталия и благодатью Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается слава вовеки. Аминь.

День двадцать третий

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА
ГЕОРГИЯ ПОБЕДОНОСЦА

Недостойный правитель Римского царства, нечестивый Диоклетиан[1] был ярым последователем и покровителем идолослужения. Выше всех богов чтил он Аполлона[2], слывшего за прорицателя будущего. Ибо бес, обитавший в его бездушном идоле, пророчествовал о будущем, но предсказания эти никогда не сбывались.

Однажды Диоклетиан вопросил Аполлона о некоей вещи[3]. Бес же ответил ему:

— Не могу истинно провозвещать будущее, ибо мне препятствуют люди праведные, почему и лгут в капищах волшебные треножники[4]: праведники уничтожают нашу силу.

Диоклетиан стал спрашивать жрецов, что это за праведники, ради которых не может пророчествовать бог Аполлон. Жрецы отвечали, что на земле праведными являются христиане. Услышав это, Диоклетиан исполнился гнева и ярости на христиан и возобновил

---

[1] *Император Диоклетиан*, ярый гонитель христианства, царствовал с 284 по 305 год.

[2] *Аполлон* — один из наиболее почитаемых греко-римских языческих богов. Аполлон считался богом солнца и умственного просвещения, а также охранителем общественного благополучия и предсказателем будущего.

[3] Во всех затруднительных случаях жизни языческие императоры имели обычай обращаться за советом к жрецам — служителям идолов, которые будто бы открывали им волю богов. Особенно развит был этот обычай в древней Греции. Здесь между прочим славился дельфийский оракул (прорицалище), где имелись специальные женщины — предсказательницы (пифии).

[4] На треножники садились языческие жрецы, когда вопрошали своих богов.

прекратившееся гонение на них. Обнажил он меч свой на праведных, неповинных и непорочных людей Божиих и послал повеление о казни их во все страны своего царства. И вот, темницы вместо прелюбодейцев, разбойников и негодных людей наполнились исповедующими истинного Бога. Обычные способы мучений были отменены как неудовлетворительные и были изобретены лютейшие муки, которым и подвергали множество христиан вседневно и повсюду. Со всех сторон, особенно с Востока, к царю было доставлено много письменных клевет на христиан. В этих доносах сообщалось, что людей, не исполняющих царских повелений и именующихся христианами, такое множество, что следует или оставить их пребывать в своей вере, или ополчиться на них войною. Тогда царь созвал отовсюду своих анфипатов и игемонов на совет в Никомидию[1], собрал князей, бояр и весь свой сенат и, открыв им свою ярость против христиан, повелел каждому дать по своему разумению совет, как поступать с отпавшими от язычества. После многих речей присутствовавших на совете, мучитель заявил, что ничего нет честнее и благопотребнее почитания древних отеческих богов. Когда все согласились с высказанным царем, он продолжал:

— Если вы все так думаете и желаете усердно исполнять, и если дорожите моею любовью, то постарайтесь всеми способами истребить по всему нашему царству христианскую веру, противную нашим богам. Чтобы вы могли это совершить успешнее, я сам буду помогать вам всеми силами.

---

[1] *Никомидия* — большой в древности малоазийский город, находившийся в северо-восточном углу залива, образуемого Мраморным морем. Свое название этот город получил от имени своего основателя, вифинского царя Никомеда I, жившего в III веке до Рождества Христова. Ныне на месте некогда славной Никомидии находится небольшое местечко *Исмид*.

Все приняли это царское слово с похвалою. Диоклетиан и сенат собрались на совет об искоренении христианства и второй и третий раз. Затем возвестили о решении народу с тем, чтобы оно стало непременным повелением.

В то время в римском воинстве был чудный Христов воин, святой Георгий, родом из Каппадокии[1], сын христианских родителей, из млада воспитанный ими в благочестии. Еще в детстве он лишился отца, который скончался замученный за исповедание Христа. Мать же Георгия переселилась с ним в Палестину, так как там была ее родина и богатые владения.

Придя в возраст, святой Георгий отличался красотою лица, мужеством и крепостью тела, почему и был поставлен трибуном[2] в знаменитом воинском полку. В этом чине он проявил такую храбрость на брани, что царь Диоклетиан, еще не знавший о его христианстве, почтил его саном комита[3] и воеводы. Мать же Георгия в то время уже скончалась.

Когда Диоклетиан замыслил мучительски истребить христиан, святой Георгий состоял при царе. С первого дня, как только святой Георгий убедился, что этот неправедный замысел никоим образом не может быть отменен, и узнал о лютости нечестивых против христиан, он решил, что наступило время, которое послужит ко спасению его души. Тотчас все свое богатство, золото, серебро и драгоценные одежды святой Георгий раздал нищим, бывшим при себе рабам даровал свободу, а о тех рабах, которые находились в палестинских его владениях, распорядился, чтобы одни из них были освобождены, а другие переданы неимущим. На третий день, когда должно было состояться окончательное совещание царя и его князей о беззаконном убиении неповинных христиан, мужественный Христов воин святой Георгий, отвергнув всякий страх человеческий и имея в себе только страх пред Богом, с лицом светлым и мужественным умом явился на то нечестивое и беззаконное сборище и обратился к нему с такою речью:

---

[1] *Каппадокия* — малоазийская область.

[2] *Трибун* — начальник войска.

[3] *Комит* — у древних римлян старший военачальник, сопровождавший императора в его путешествиях. Так как комиты составляли свиту императора и вместе с тем были его советниками, то должность эта считалась очень почетною.

— О царь, и вы, князья и советники! Вы установлены для соблюдения добрых законов и праведных судов, а неистово воздвигаете вашу ярость против христиан, утверждая беззаконие и издавая неправильные постановления о суде неповинных и никого не обидевших людей. Вы гоните их и мучаете, принуждая к вашему безумному нечестию и тех, кто научился быть благочестивым. Но нет, ваши идолы — не боги! Не прельщайтесь этою ложью. Иисус Христос — единый Бог, един Господь во славе Бога Отца, Которым все сотворено и все существует Духом Его Святым. Или вы сами познайте истину и научитесь благочестию, или не смущайте безумием вашим познавших истинное благочестие.

Изумившись таким словам святого Георгия и его неожиданному дерзновению, все обратили очи свои на царя, с нетерпением ожидая, что тот ответит святому. Царь же от удивления не мог прийти в себя и, точно оглушенный громом, сидел в молчании, удерживая в себе гнев. Наконец царь знаком указал присутствовавшему на совете, другу своему, Магненцию, саном анфипату, чтобы тот отвечал Георгию.

Магненций подозвал к себе святого и сказал ему:

— Кто побудил тебя к такому дерзновению и велеречию?

— Истина, — отвечал святой.

— Что же это за истина? — спросил Магненций.

Георгий сказал:

— Истина это — Сам Христос, гонимый вами.

— Значит, и ты христианин? — спросил Магненций.

И отвечал святой Георгий:

— Я — раб Христа, Бога моего, и, на Него уповая, своею волею явился среди вас, чтобы свидетельствовать об истине.

От этих слов святого заволновалось все сонмище, все заговорили: один — одно, другой — другое, и поднялся нестройный крик и вопль, как это бывает в многочисленной толпе народа.

Тогда Диоклетиан приказал восстановить молчание и, обратив очи свои на святого, узнал его и сказал:

— Я и прежде дивился твоему благородству, о Георгий! Признав твою наружность и твое мужество достойными чести, я почтил тебя не малым саном. И сегодня, когда ты говоришь дерзкие слова себе во вред, я, из любви к твоему разуму и храбрости, как отец даю тебе совет и увещаю тебя, чтобы ты не лишился воинской славы и чести

сана своего и не предавал своим непокорством цвета твоей юности на муки. Принеси же богам жертву и получишь от нас еще больший почет.

Святой Георгий отвечал:

— О если бы ты сам, царь, через меня познал истинного Бога и принес Ему любимую Им жертву хвалы! Он сподобил бы тебя лучшего царства — бессмертного, ибо то царство, которым ты теперь наслаждаешься — непостоянно, суетно и быстро погибает, а вместе с ним гибнут и его кратковременные наслаждения. И никакой пользы не получают те, кто обольщен ими. Ничто из этого не может ослабить моего благочестия, и никакие муки не устрашат душу мою и не поколеблют ума моего.

Эти слова святого Георгия привели царя в неистовство. Не дав святому окончить свою речь, царь повелел своим оруженосцам изгнать кольями Георгия из собрания и заключить его в темницу.

Когда воины стали исполнять приказание царево и уже одно копье коснулось тела святого, тотчас его железо стало мягко, как олово, и согнулось. Уста же мученика исполнились хваления Бога.

Введя мученика в темницу, воины распростерли его на земле, лицом вверх, забили ему ноги в колоды и положили ему на грудь тяжелый камень. Так велел мучитель. Святой же все это терпел, непрестанно воздавал благодарение Богу вплоть до следующего дня.

Когда наступил день, царь снова призвал мученика на испытание, и, видя Георгия подавленного тяжестью камня, спросил его:

— Раскаялся ли ты, Георгий, или все еще пребываешь в своем непокорстве.

Святой Георгий, угнетенный тяжелым камнем, который лежал у него на груди, едва мог проговорить:

— О царь, неужели ты думаешь, что я пришел в такое изнеможение, что после столь малого мучения отвергнусь от веры своей. Скорее ты изнеможешь, мучая меня, нежели я, мучимый тобою.

Тогда Диоклетиан велел принести великое колесо, под которым были помещены доски, истыканные железными остриями, подобными мечам, ножам и спицам; некоторые из них были прямые, другие искривлены наподобие удилищ. На том колесе царь велел привязать обнаженного мученика и, вращая колесо, срезать все тело его железными остриями, утвержденными на досках. Святой Георгий,

разрезаемый на части и сокрушаемый как тростник, доблестно переносил свои муки. Сначала он молился Богу громким голосом, затем тихо, про себя, благодарил Бога, не испустив ни одного стенания, а пребывая, как спящий или нечувственный.

Сочтя святого умершим, царь в радости принес хвалу богам своим и обратился к Георгию с такими словами:

— Где же Бог твой, Георгий; почему он не избавил тебя от такой муки?

Затем он велел Георгия, как уже умершего, отвязать от колеса, а сам пошел в капище Аполлона.

Вдруг затемнился воздух и прогремел страшный гром, и многие слышали глас свыше:

— Не бойся, Георгий, Я с тобою.

Появилось сияние, великое и необычное, и Ангел Господень во образе юноши прекрасного и ясноликого, озаренного светом, показался стоящим у колеса и, возложив руку на мученика, сказал:

— Радуйся!

И никто не смел приступить к колесу и к мученику, пока продолжалось видение. Когда же Ангел исчез, сошел с колеса сам мученик, отрешенный от колеса Ангелом и исцеленный им от ран. И стал святой Георгий невредим телом и призывал Господа.

При виде этого чуда воины пришли в великий ужас и недоумение и возвестили о случившемся царю, который тогда присутствовал в капище на совершении нечистой службы идолам. Последовал за воинами и святой Георгий и предстал царю в капище.

Царь сначала не верил, что пред ним святой Георгий, но думал, что это кто-нибудь похожий на него. Окружавшие царя пристально смотрели на Георгия и убедились, что это именно он, да и сам мученик громким голосом возвестил:

— Я — Георгий.

Ужас и недоумение надолго сковали уста всем. Два же мужа, находившиеся там, Антоний и Протолеон, почтенные преторским[1] саном, которые уже ранее были оглашены в христианской вере, видя это дивное чудо, совершенно утвердились в исповедании Христа и воззвали:

---

[1] *Претор* — городской судья.

Царица Александра

— Един Бог великий и истинный, Бог христианский!

Царь тотчас велел схватить их, без допроса вывести за город и предать усекновению мечом.

Царица Александра, также присутствовавшая в капище, видя чудесное исцеление мученика и услыхав о явлении Ангела, познала истину. Но когда она хотела со дерзновением исповедать Христа, епарх ее удержал и прежде, чем узнал это царь, повелел отвести ее во дворец.

Злодейственный же Диоклетиан, не способный творить добро, повелел Георгия ввергнуть в обложенный камнем ров с негашеною известью и ею засыпать мученика на три дня.

Ведомый ко рву, святой так велегласно молился Господу:

— Спаситель скорбящих, прибежище гонимых, надежда безнадежных, Господи Боже мой! Услышь молитву раба Твоего, призри на меня и помилуй меня. Избавь меня от коварств супротивного и дай мне соблюсти до конца моей жизни исповедание имени Твоего святого. Не оставь меня, Владыко, за мои грехи, чтобы не сказали мои враги: «Где Бог его?» Покажи силу Твою и прославь имя Твое во мне, непотребном рабе Твоем. Пошли Ангела, недостойному мне хранителя, — Ты, претворивший печь Вавилонскую в росу и сохранивший Твоих отроков невредимыми (см.: Дан. 3), ибо Ты благословен вовеки. Аминь.

Так помолившись и оградив все тело свое крестным знамением, Георгий вошел в ров, радуясь и славя Бога. Связав мученика и, согласно повелению, засыпав его во рву негашеной известью, слуги царевы удалились.

На третий день царь повелел извергнуть кости мученика из рва с известью, ибо он думал, что Георгий сгорел там. Когда пришли слуги и разгребли известь, то нашли святого вопреки ожиданию, невредимым, живым, здоровым и разрешенным от уз. Он стоял с лицом светлым, простирал руки к небу и благодарил Бога за все Его благодеяния.

Слуги и народ, присутствовавшие при этом, пришли в ужас и удивление и, как бы едиными устами, прославляли Бога Георгиева, называя Его Великим.

Узнав о случившемся, Диоклетиан тотчас велел привести к себе святого и с удивлением сказал:

— Откуда в тебе, Георгий, такая сила, и какими волшебствами ты пользуешься, — скажи нам. Я думаю, что ты нарочно притворился верующим во Христа, чтобы показать волшебную хитрость, удивить всех своим чародейством и явить себя через него великим.

— О царь, — отвечал святой, — я полагал, что ты не возможешь открыть свои уста на хуление всесильного Бога, для Коего все возможно и Кто избавляет от бед уповающих на Него. Ты же, будучи прельщен диаволом, впал в такую глубину заблуждения и погибели, что называешь волхвованием и чарами чудеса Бога моего, зримые вашими очами. Плачу я о вашей слепоте, называю вас окаянными и считаю недостойными моего ответа.

Тогда Диоклетиан повелел принести сапоги железные, раскалить длинные гвозди, вбитые в подошву их, обуть мученика в эти сапоги и так гнать его с побоями до темницы. Когда гнали мученика, обутого таким образом, мучитель, надругаясь, говорил:

— Какой ты быстрый скороход, Георгий, как скоро ты идешь!

Мученик же, бесчеловечно влачимый, подвергаясь жестоким ударам, говорил в себе:

— Иди, Георгий, чтобы достигнуть, потому что ты идешь не к чему-то неизвестному (см.: слав. 1 Кор. 9, 26, то есть к вечному спасению).

Затем, призывая Бога, говорил:

— Призри с небес, Господи, погляди на труд мой и услышь стенание окаянного раба Твоего, ибо умножились враги мои и *лютою ненавистью они ненавидят меня* (Пс. 24, 19), но Ты Сам исцели меня, Владыко, ибо сокрушаются кости мои, и дай мне терпение до конца, чтобы не сказал враг мой: я силен против него.

С такой молитвой шел святой Георгий в темницу. Заключенный там, изнемогал он телом, имея ноги растерзанными, но не изнемог духом. Весь день и всю ночь не переставал он возносить благодарение и молитвы Богу. И в ту ночь, Божиею помощью, исцелился от язв, ноги его и все тело снова стали невредимыми.

Утром святой Георгий был представлен царю на месте позорищном, где пребывал царь со всем синклитом. Видя, что мученик ходит правильно и не хромает ногами, как будто ему и не причиняли язв, царь с удивлением сказал ему:

— Что же, Георгий, — нравятся ли тебе сапоги твои?

— Очень, — отвечал святой.

И сказал царь:

— Перестань быть дерзким, будь кроток и покорен и, отвергши волшебную хитрость, принеси жертву милостивым богам, чтобы не лишиться тебе сладкой жизни многими муками.

Отвечал Георгий святой:

— Как безумны вы, называющие силу Божию волхвованием и без стыда гордящиеся бесовскою прелестью!

Воззрев на святого гневными очами, Диоклетиан свирепым криком прервал речь его и велел предстоящим бить во уста его; пусть, сказал мучитель, он научится не досаждать царям. Затем повелел Георгия бить воловьими жилами до тех пор, пока плоть его с кровью не прилипнет к земле.

Люто мучимый, святой Георгий не изменил светлости лица своего. Сильно удивляясь этому, царь говорил окружающим:

— Воистину это не от мужества и крепости Георгия, а от волшебной хитрости.

Тогда Магненций сказал царю:

— Есть здесь некий муж, искусный в волхвовании. Если ты прикажешь его привести, вскоре будет побежден Георгий и придет тебе в повиновение.

Тотчас волхв был призван пред царя, и Диоклетиан сказал ему:

— Что скверный этот человек Георгий сотворил здесь, очи всех присутствующих видели; но как он это сотворил, только вы знаете, искусные в той хитрости. Или победи и уничтожь его волхвования и сделай его покорным нам, или тотчас лиши его жизни чародейными травами, чтобы он принял подобающую себе смерть от той хитрости, которой научился. Поэтому-то я и оставлял его в живых до сих пор.

Волхв, именем Афанасий, обещался исполнить все повеленное на другой день.

Повелев сторожить мученика в темнице, царь оставил судилище, а святой вошел в темницу, призывая Бога:

— Прояви, Господи, милость Твою на мне, направь стопы мои к Твоему исповеданию и сохрани путь мой в вере Твоей, чтобы везде прославилось имя Твое пресвятое.

Утром царь снова явился на судилище и воссел на высоком месте в виду у всех. Пришел и Афанасий волхв, гордясь своей мудростью, неся чародейные пития в разных сосудах на показ царю и всем предстоящим. И сказал Афанасий:

— Пусть сейчас приведут сюда осужденного, и узрит он силу наших богов и моих чар.

Затем, взяв один сосуд, Афанасий сказал царю:

— Если хочешь, чтобы тот безумец во всем тебя послушался, пусть он выпьет это питие.

Взяв другой сосуд, волхв продолжал:

— Если же угодно будет суду твоему видеть горькую смерть того, пусть он это выпьет.

Тотчас, по повелению царя, святой Георгий был приведен на суд. И сказал ему Диоклетиан:

— Сейчас твои волхвования, Георгий, будут разрушены и прекратятся.

И повелел насильно напоить святого чародейственным питием. Испив без колебания, Георгий остался невредимым, радуясь и насмехаясь над бесовской прелестью. Кипя яростью, царь велел насильно напоить его и другим питием, исполненным яда смертного. Святой же не стал ожидать насилия, а сам добровольно взял сосуд и выпил смертоносный яд, но остался невредимым, будучи сохранен от смерти помощью благодати Божией.

Удивился царь и весь синклит его; Афанасий волхв также пришел в недоумение. Через некоторое время царь сказал мученику:

— До каких пор, Георгий, будешь ты удивлять нас деяниями твоими, доколе не поведаешь нам истины, какими волшебными кознями ты дошел до презрения причиняемых тебе мук и остаешься невредимым от смертоносного пития? Скажи все поистине нам, желающим тебя выслушать с кротостью.

Отвечал блаженный Георгий:

— Не думай, о царь, что я не обращаю внимания на муки, благодаря человеческому умышлению. Нет, я спасаюсь призыванием Христа и Его силою. Уповая на Него, по таинственному Его научению, мы ни во что считаем муки.

И сказал Диоклетиан:

— В чем же состоит таинственное научение Христа Твоего?

Георгий отвечал:

— Он, зная, что ваша злоба будет все возрастать, научил Своих слуг не бояться убивающих тело, так как они не могут убить души. Ибо сказал Он: *и волос с головы вашей не пропадет* (Лк. 21, 18), *и если что смертоносное выпьют, не повредит им* (Мк. 16, 18). Услышь, о царь, это неложное Его обещание нам, о котором я вкратце говорю тебе: *Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит* (Ин. 14, 12).

— Какие же это дела Его, о которых ты говоришь? — спросил Диоклетиан.

Отвечал святой:

— Слепых просвещать, очищать прокаженных, подавать хождение — хромым, слух — глухим, духов нечистых изгонять, воскрешать мертвых — вот сии и подобные этим дела Христовы.

Обратившись к Афанасию волхву, царь спросил его:

— Что ты скажешь на это?

— Удивляюсь, — отвечал Афанасий, — как он надругается над твоей кротостью, говоря ложь в надежде избежать державной руки твоей. Мы, наслаждающиеся ежедневно многими благодеяниями бессмертных богов наших, еще никогда не видали, чтобы они воскресили мертвого. Этот же, уповая на человека мертвого и веруя в распятого Бога, без стыда говорит, что Он совершил великие дела. Так как Георгий перед всеми нами исповедал, что Бог его — совершитель таковых чудес и что верующие в Него прияли от Него неложное обещание, что и они будут творить такие дела, какие и Он сотворил, то пусть Георгий воскресит мертвеца пред тобою, о царь, и пред всеми нами. Тогда и мы покоримся его Богу, как всемогущему. Вот отсюда издали видна могила, в которой недавно положен мертвец, которого я знал при жизни. Если Георгий воскресит его, то воистину победит нас.

Изумился царь такому совету Афанасия. Гробница, указанная им, стояла от судилища на половину стадии[1]. Ибо суд происходил на месте бывшего театра, у ворот города. Гробница же та была за городом, так как, по обычаю еллинов, мертвецы их погребались вне города. И повелел царь мученику, чтобы он для показания силы Бога своего воскресил мертвого. Магненций же анфипат упросил царя освободить Георгия от оков. Когда оковы были сняты с Георгия, Магненций сказал ему:

— Покажи, Георгий, чудесные дела Бога твоего, и ты приведешь всех нас к вере в Него.

И сказал ему святой:

— Бог мой, сотворивший все из ничего, имеет силу воскресить через меня мертвеца того; вы же, помрачившие свой ум, не можете разуметь истины. Но Господь мой ради присутствующего народа сотворит то, что вы, искушая меня, просите, — чтобы вы не приписали этого волхвованию. Справедливы слова волхва, приведенного вами, что ни волхвование, ни сила ваших богов никогда не могли воскресить мертвого. Я же пред лицом всех стоящих кругом и во всеуслышание призову Бога моего.

Сказав это, Георгий преклонил колена и долго молился Богу со слезами; затем встав, Георгий громким голосом воззвал к Господу:

— Боже вечный, Боже милостивый, Боже всех сил, Всемогущий, не посрами уповающих на Тебя, Господи, Иисусе Христе; услышь меня, смиренного раба Твоего, в час сей, Ты, услышавший святых апостолов Своих во всяком месте, при всяких чудесах и знамениях. Дай роду этому лукавому знамение просимое и воскреси мертвеца, лежащего во гробе, на позор отрицающих Тебя, во славу Твою, Твоего Отца и Пресвятого Духа. О Владыко, покажи предстоящим, что Ты — Бог Един для всей земли, дабы они познали Тебя, Господа всесильного, Коему все повинуется и слава Коего вовеки. Аминь.

Когда же он сказал: «Аминь», вдруг загремел гром и потряслась земля, так что все ужаснулись. Тогда крыша гробницы пала на землю, открылся гроб, и мертвец встал живым и вышел из гроба. Все, видевшие это, помертвели от ужаса. Тотчас разнеслась в народе молва о случившемся, и многие рыдали и прославляли Христа, как великого Бога. Царь же и все с ним бывшие, исполнившись и страха, и

---

[1] *Стадия* — мера длины; равнялась приблизительно 88 нашим саженям.

неверия, сначала говорили, что Георгий, будучи великим волхвом, восставил из гроба не мертвеца, а дух некий и привидение, чтобы прельстить видевших это. Затем, убедившись, что пред ними не привидение, а действительно человек воскресший из мертвых и призывающий имя Христово, царь и вельможи пришли в великое недоумение и изумление и молча окружили Георгия, совершенно не зная, что делать. Афанасий же припал к ногам святого, исповедуя, что Христос есть Всесильный Бог, и моля мученика, чтобы тот простил ему согрешения, содеянные в неведении. Спустя долгое время Диоклетиан наконец повелел народу умолкнуть и сказал:

— Видите ли прельщение, о мужи; видите ли злобу и лукавство волхвов? Нечестивейший Афанасий, помогая волхву, подобному себе, дал Георгию выпить не яд, но некое очарованное питье, которое помогло бы ему прельстить нас. Они живому человеку придали кажущийся вид мертвого и волшебством перед глазами нашими восставили его, как бы воскресшим из мертвых.

Сказав это, царь повелел без допроса и предварительных мук отсечь головы Афанасию и воскресшему из мертвых; святого же мученика Христова Георгия велел держать в темнице и в оковах, пока он сам не освободится от дел народного правления и не придумает, как поступить с мучеником.

Войдя в темницу, святой Георгий радовался духом и благодарил Бога:

— Слава Тебе, Владыко, не посрамляющий тех, кто на Тебя уповает. Благодарю Тебя за то, что Ты мне помогаешь повсюду и с каждым днем проявляешь мне все большие благодеяния и благодатью Твоею украшаешь меня недостойного. Сподоби же меня, Боже, Боже мой, вскоре узреть славу Твою, посрамив диавола до конца.

Когда великомученик Георгий пребывал в темнице, к нему приходили люди, от его чудес уверовавшие во Христа, давали страже золото, припадали к ногам святого и наставлялись им во святой вере. Призыванием имени Христова и знамением крестным святой исцелял и больных, во множестве приходивших к нему в темницу. Среди приходивших был некий муж, именем Гликерий, простой землепашец, у которого вол свалился с горы в лес и разбился до смерти. Услыхав о чудодеяниях святого, Гликерий пошел к нему, горюя о издохшем воле. Святой же улыбнулся и сказал ему:

— Иди, брат, и не печалься. Христос, Бог мой, возвратит вола твоего к жизни.

Землепашец пошел с твердою верою в слова мученика и действительно увидал своего вола живым. Тотчас же он возвратился к Георгию и, идя посреди города, громко взывал:

— Воистину велик Бог христианский!

За это его схватили воины и возвестили о нем царю. Диоклетиан исполнился гнева, не пожелал его видеть, и приказал тотчас отсечь ему голову за городом. На смерть за Христа Гликерий пошел с радостью, как на пир впереди воинов, громким голосом призывая Христа Бога и моля, чтобы Он излияние крови его принял как крещение. Так скончался Гликерий.

Тогда некоторые мужи, принадлежавшие к синклиту, возвестили царю, что Георгий, находясь в темнице, возмущает народ, многих отвращает от богов к Распятому и чудодействует волхвованием так, что все идут к нему. Они при этом советовали, чтобы Георгий снова был предан пыткам и, если не покается и не обратится к богам, то чтобы был тотчас осужден на смерть. Призвав анфипата Магненция, царь повелел наутро приготовить судилище при капище Аполлона, чтобы на глазах народа испытать мученика. В ту ночь, когда святой Георгий молился в темнице, задремав, узрел он во сне явившегося Господа, Который поднимал его рукою, обнимая, лобызал его и возлагал ему на главу венец, говоря:

— Не бойся, но дерзай и сподобишься со Мною царствовать. Не изнемогай, ты скоро придешь ко Мне и получишь уготованное тебе.

Очнувшись от сна, святой радостно возблагодарил Господа и, позвав стража темничного, сказал ему:

— Прошу тебя, брат, об одном благодеянии; прикажи войти сюда слуге моему. Мне надо сказать ему нечто.

Страж позвал слугу, который постоянно стоял у темницы и тщательно записывал деяния и речи святого. Войдя, слуга до земли поклонился господину своему, сидящему в оковах, и приник к его ногам и залился слезами. Святой поднял его с земли, велел ему укрепиться духом и возвестил ему свое видение, говоря:

— Чадо! Скоро Господь призовет меня к Себе, ты же по моем исходе от этой жизни, возьми мое смиренное тело, и, согласно заве-

щанию, которое я написал раньше моего подвига, отнеси с помощью Божиею в палестинский дом наш, и исполни все по завещанию моему, имея страх Божий и твердую веру во Христа.

Слуга со слезами обещался исполнить повеленное. Святой любовно обнял его, дал ему последнее целование и отпустил с миром.

Наутро, как только взошло солнце, царь воссел на судилище и, сдерживая гнев, стал кротко беседовать с Георгием, приведенным пред лицо его:

— Разве ты не думаешь, о Георгий, что я исполнен человеколюбия и милости к тебе, с благосердием перенося твои преступления? Боги мои свидетели тому, что я щажу юность твою, ради твоей цветущей красоты, разума и мужества. И хотел бы я иметь тебя соправителем, вторым по чести в царстве моем, если бы ты только пожелал обратиться к богам. Скажи же нам, что ты об этом думаешь?

Святой Георгий сказал:

— О царь, тебе сначала бы следовало проявить ко мне такую милость, а не мучить меня такими лютыми муками.

Услышав с удовольствием эту речь мученика, царь сказал:

— Если ты захочешь с любовью повиноваться мне, как отцу, за все муки, которые ты перенес, я воздам тебе многими почестями.

Георгий отвечал:

— Если тебе угодно, царь, войдем внутрь храма, чтобы увидеть богов, почитаемых вами.

Царь с радостью восстал и пошел со всем синклитом и народом во храм Аполлона, с честью ведя с собою святого Георгия. Народ криком приветствовал царя, прославляя могущество и победу своих богов.

Войдя в храм, где было приготовлено жертвоприношение, все с молчанием взирали на мученика, без сомнения ожидая, что он принесет богам жертву. Святой же подошел к идолу Аполлона, простер к нему руку и спросил его безумного, как бы живого:

— Ты ли хочешь принять от меня жертву, как бог?

При этих словах святой сотворил крестное знамение. Бес же, обитавший в идоле, воскликнул:

— Я не бог, не бог и никто из подобных мне. Един Бог Тот, Кого ты исповедуешь. Мы же — отступники из Ангелов, служивших Ему; мы, одержимые завистью, прельщаем людей.

Святой тогда сказал бесу:

— Как же вы смеете обитать здесь, когда сюда пришел я, служитель истинного Бога?

При этих словах святого поднялся шум и плач, исходившие от идолов. Затем они пали на землю и сокрушились. Тотчас жрецы и многие из народа, как неистовые, яростно устремились на святого, стали его бить и вязать, и взывали к царю:

— Убей этого волхва, о царь, убей его прежде, чем он погубит нас!

Слух об этом смятении и вопле распространился по всему городу и дошел до слуха царицы Александры. До сих пор таившая в себе веру во Христа, царица не имела сил дольше скрывать своего исповедания и немедленно отправилась туда, где находился святой великомученик Георгий.

Видя народное смятение и узрев издалека мученика, которого держали связанным, царица тщетно старалась пройти к нему через толпу и стала громко взывать:

— Бог Георгиев, помоги мне, так как Ты Один Всесилен.

Когда крик народный стих, Диоклетиан велел подвести мученика к себе и, уподобившись в своей ярости бесноватому, сказал святому:

— Такую-то благодарность воздаешь ты, мерзкий, за мое милосердие, таким-то образом ты привык приносить жертву богам!

Отвечал ему святой Георгий:

— Да, я так привык почитать богов твоих. О безумный царь, стыдись приписывать твое спасение богам, которые ни себе не могут помочь, ни могут стерпеть присутствие Христовых рабов!

Когда святой говорил это, царица наконец прошла через толпу на средину, дерзновенно исповедуя перед всеми, что Христос — истинный Бог. Она припала к ногам мученика и, надругаясь над безумием мучителя, укоряла богов и проклинала поклоняющихся им. Видя свою супругу, которая у ног мученика с такой смелостью славила Христа и уничижала идолов, царь пришел в великое изумление и сказал ей:

— Что с тобою случилось, Александра, что ты присоединяешься к этому волхву и чародею и столь бесстыдно отрекаешься от богов?

Она же, отвернувшись, не ответила царю. Диоклетиан исполнился еще большей ярости и уже не стал пытать ни Георгия, ни царицу, но тотчас изрек такой смертный приговор обоим:

— Злейшего Георгия, который объявил себя последователем Галилеянина[1] и много хулил меня и богов, вместе с Александрою царицею, развращенною его волхвованием и подобно ему безумно укорявшею богов, повелеваю усечь мечом.

Воины схватили мученика, опутанного оковами, и повели за город. Повлекли они и благороднейшую царицу, которая без сопротивления последовала за Георгием, молясь в себе и часто взирая на небо. На пути изнемогла царица и попросила позволения присесть. Сев, она прислонилась головой к стене и предала дух свой Господу. Видя это, мученик Христов Георгий прославил Бога и пошел, молясь Господу, чтобы и его путь окончился достойно. Когда Георгий приблизился к месту, назначенному для его казни, то громким голосом изрек молитву:

— Благословен Ты, Господи Боже мой, ибо не предал меня в добычу ищущих меня, не возвеселил врагов моих и избавил душу мою, как птицу от сети. Услышь меня и ныне, Владыко, предстань мне рабу Твоему в последний этот час и избавь душу мою от козней воздушного князя и от духов его нечистых. Не поставь во грех согрешившим против меня по неведению, но подай им прощение и любовь, чтобы и они, познав Тебя, получили участие в Твоем Царстве, с избранниками Твоими. Приими и мою душу со благоугодившими Тебе от века, презрев мои грехи, совершенные в ведении и неведении. Помяни, Владыко, призывающих славное имя Твое, ибо Ты благословен и препрославлен вовеки. Аминь.

Помолившись, святой Георгий с радостью преклонил под меч свою главу и так скончался в двадцать третий день месяца апреля, достойно совершив свое исповедание и сохранив веру непорочную. Поэтому он и увенчан избранным венцом правды[2].

Таково торжество великих подвигов храброго воина, таково ополчение его на врагов и славная победа, так подвизаясь, сподобился он нетленного и вечного венца. По молитвам его и мы да сподобимся удела праведных и стояния одесную в день второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа, Коему подобает всякая слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

---

[1] То есть Иисуса Христа.

[2] Кончина святого великомученика Георгия последовала в 304 году. В IV веке в честь святого Георгия была построена в Риме церковь, в которой хранится часть мощей его, его копье и хоругвь.

Чудеса святого великомученика Георгия

В странах сирийских был город, называемый Рамель, в котором созидалась церковь каменная во имя святого великомученика Георгия. И не случилось в том месте подходящих камней, из которых возможно было бы сделать великие каменные столпы ко утверждению здания церковного. Такие столпы обыкновенно покупались в далеких странах и привозились по морю. Многие из боголюбивых граждан Рамеля отправились в различные страны, чтобы купить каменные столпы для созидаемой церкви. С той целью поехала и некая благочестивая вдова, имевшая усердие и веру ко святому великомученику Георгию, желая купить из своих небольших средств один столп для храма Георгия. Купив в некоей стране прекрасный столп, она привезла его к морскому берегу, где градоначальник Рамеля, приобретший несколько столпов, грузил их на корабль. И стала та женщина умолять сановника, чтобы он взял на свой корабль и ее столп и доставил бы его к церкви мученика. Богач не послушал ее просьбы, не взял ее столпа, но отплыл, нагрузив корабль только своими столпами. Тогда женщина пала от жалости на землю и со слезами призывала на помощь великомученика, чтобы он как-нибудь устроил доставку ее столпа в Рамель к своей церкви. В печали и в слезах она уснула, и явился ей в сонном видении святой великомученик Георгий, на коне во образе воеводы, поднял ее с земли и сказал:

— О женщина, расскажи мне, в чем дело?

Она поведала святому причину своей печали. Тот сошел с коня и спросил ее:

— Где ты хочешь поставить столп?

Она ответила:

— На правой стороне церкви.

Тотчас святой начертал перстом на столпе следующее:

— Столп этой вдовицы пусть будет поставлен вторым в ряде столпов на правой стороне церкви.

Написав это, Георгий сказал женщине:

— Помоги мне ты сама.

И вот, когда они взялись за столп, камень стал легким, и они ввергли столп в море. Вот что видела женщина во сне. Проснув-

шись, она не нашла столпа на своем месте и, возложив надежду на Бога и на раба Его, святого Георгия, отправилась на родину. Но прежде, чем она прибыла туда, и прежде, чем приплыл корабль, на другой день после ее видения столп ее нашли лежащим на берегу Рамельской пристани. Когда градоначальник, по имени Василий, привез на корабле свои столпы и вышел на берег, то увидел столп вдовицы и надпись на нем, изображенную перстом святого. Изумился муж тот и, уразумев чудо святого великомученика, познал свое согрешение и раскаялся в том, что презрел просьбу вдовицы. Многими молитвами просил он Георгия о прощении и получил его от святого, явившегося ему в видении. Столп же вдовицы был поставлен на том месте, где было указано надписью на нем, в память о благочестивой женщине во удивление чуда, содеянного святым великомучеником, и во славу Христа Бога нашего, Источника чудес.

Спустя много лет, когда Сирию завоевали сарацины, в городе Рамеле в церкви святого великомученика Георгия совершилось такое чудо.

Некий знатный сарацин в сопровождении других своих единоплеменников вошел во храм во время церковного правила и, увидев икону святого Георгия, а также священника, стоявшего пред иконою, поклонявшегося ей и воссылавшего молитвы ко святому, — сказал своим друзьям по-сарацински:

— Видите ли вы, что делает этот безумец? — Доске молится. Принесите же мне лук и стрелу, и я прострелю эту доску.

Тотчас был принесен лук, и сарацин, стоя позади всех, натянул лук и пустил стрелу в икону великомученика. Однако стрела не полетела к иконе, но поднялась кверху и, упав вниз, вонзилась в руку тому сарацину, сильно ранив его. Немедленно же сарацин отправился к себе домой, чувствуя сильную боль в руке. Боль увеличивалась все более и более, рука сарацина отекла, надулась как мех, так что от сильных страданий сарацин стонал.

У этого сарацина дома было несколько рабынь-христианок. Призвав их, он сказал им:

— Я был в церкви вашего бога — Георгия и хотел прострелить его икону. Однако я пустил стрелу из лука столь неудачно, что, упав вниз, стрела сильно ранила меня в руку, и вот теперь я умираю от нестерпимой боли.

Рабыни же те сказали ему:

— Как думаешь ты: хорошо ли сделал ты, дерзнув нанести такое оскорбление иконе святого мученика?

Сарацин отвечал им:

— Имела ли эта икона силу сделать так, что я теперь стал болен?

Рабыни ответили ему:

— Мы не сведущи в книгах и потому не знаем, что ответить тебе. Но позови нашего священника, и он скажет тебе о том, что ты спрашиваешь.

Сарацин послушался совета своих рабынь и, призвав священника, сказал ему:

— Я хочу знать, какую силу имеет та доска, или икона, которой ты поклонялся.

Священник ответил ему:

— Я поклонялся не доске, но Богу моему, Создателю вселенной. Начертанного же на доске святого великомученика Георгия я молил о том, чтобы он был мне ходатаем пред Богом.

Сарацин спросил его:

— Кто же Георгий, как не ваш бог?

Священник отвечал:

— Святой Георгий — не бог наш, но только слуга Бога и Господа нашего Иисуса Христа. Он был человеком, подобным нам во всем. Он претерпел множество мучений от язычников, принуждавших его отречься от Христа; но, мужественно противостав им и сделавшись исповедником за имя Христово, он получил от Бога дар — творить знамения и чудеса. Мы же, христиане, почитая его, уважаем и его икону, и, взирая на нее, как бы на самого святого, поклоняемся ей и лобызаем ее. То же самое и ты делаешь; так, когда умирают дорогие твоему сердцу родители или твои братья, ты, смотря на их одежды, плачешь пред ними, целуешь их, представляя себе в этих одеждах как бы тех самых людей, которые умерли. Точно так и мы почитаем иконы святых, — не как богов (да не будет этого!), — но как изображение слуг Божиих, которые чудодействуют и самыми иконами своими; тебе самому, дерзнувшему пустить стрелу в икону святого мученика, случилось познать его силу в научение и назидание другим.

Выслушав это, сарацин сказал:

— Что же я теперь должен делать? Ты видишь, что рука моя сильно отекла; я нестерпимо страдаю и приближаюсь к смерти.

Священник сказал ему:

— Если хочешь остаться живым и выздороветь, то прикажи принести к тебе икону святого великомученика Георгия, поставь ее над своею постелью, устрой пред иконою лампаду с елеем и возжги в ней светильник на всю ночь; утром же помажь больную руку твою елеем от лампады, твердо веруя, что ты исцелеешь, — и ты будешь здоров.

Сарацин тотчас же стал просить священника принести к нему икону Георгия и, приняв ее с радостью, сделал так, как научил его священник. Утром он помазал руку свою елеем от лампады, и тотчас боль в руке его остановилась, и рука его стала здоровою.

Будучи удивлен и поражен таковым чудом, сарацин тот спросил священника, — не написано ли что в его книгах о святом Георгии?

Священник принес ему повествование о житии и страданиях святого и начал читать его сарацину. Сарацин же, со вниманием слушая чтение, все время держал в руках икону мученика и, обратившись к святому, изображенному на иконе, как к живому человеку, со слезами воскликнул:

— О святой Георгий! Ты был юн, но разумен, я же стар, но безумен! Ты еще в молодых годах угодил Богу, я же дожил до старости, и все еще не знаю истинного Бога! Помолись же о мне к Богу твоему, чтобы Он сподобил и меня быть Его рабом!

Затем, припав к ногам священника, сарацин начал просить его о том, чтобы он сподобил его святого крещения.

Священник сначала не соглашался на это, ибо боялся сарацин. Но видя его веру и будучи не в силах противостоять его просьбам, крестил его ночью, тайно от сарацин.

Когда наступило утро, новокрещеный сарацин вышел из дома своего и, став посреди города на глазах у всех, начал с великим усердием громко проповедовать Христа, Бога истинного, веру же сарацин стал проклинать. Тотчас его обступило множество сарацин: исполнившись гнева и ярости, они устремились на него, как дикие звери, и мечами своими рассекли его на мелкие части.

Таким образом сарацин тот в столь непродолжительное время совершил добрый подвиг исповедничества за Христа и принял венец мученический, по молитвам святого великомученика Георгия.

На острове Митилене[1] был храм, великий и славный, созданный в честь святого великомученика Георгия. Жители этого острова имели благочестивый обычай — в день памяти святого мученика собираться в этом храме для общего торжественного чествования святого Георгия. Об этом узнали агаряне[2], жившие на острове Крите[3], которые однажды вечером и напали на то место. Те из христиан, которые были вне храма, спаслись бегством от рук агарян; находившиеся же в храме были взяты агарянами и отведены в плен. В числе этих последних был взят в плен и один юноша-христианин, который был отведен на остров Крит и взят начальником агарян к себе в услужение.

Родители этого юноши, хотя и лишились сына своего, однако не изменили своему благочестивому обычаю: когда наступил годовой праздник памяти святого мученика, они отправились в храм для молебствия святому мученику, а потом устроили у себя дома пиршество в честь и память святого Георгия. Когда гости начали уже собираться на пиршество, мать того плененного юноши, придя в храм (бывший неподалеку от ее дома), со слезами упала здесь на колени и горячо молила святого — избавить сына ее из плена судьбами, какими самому святому было ведомо. Ее горячая молитва была услышана. Когда она, окончив свою молитву, возвратилась к гостям на пиршество, то в тот момент, когда муж ее, призвав молитвенно святого великомученика и восхвалив его, как помощника и заступника, уже собирался чествовать гостей и виночерпии уже стояли наготове, — вдруг в это мгновение юноша тот был взят святым Георгием из места пленения своего и принесен в дом его родителей;

---

[1] Остров *Митилена* находился в северной части Средиземного моря.

[2] *Агаряне* — то же, что сарацины. Именем агарян обозначалось первоначально кочующее племя аравийских бедуинов, по преданию, происшедших от Агари, рабыни Авраамовой. Но впоследствии это наименование было распространено христианскими писателями на всех арабов вообще, а также и на мусульман.

[3] *Крит* — один из больших островов Средиземного моря; он находится в восточной части Средиземного моря, к югу от Греции. За 1000 лет до Рождества Христова здесь поселились выходцы из Греции. В 70-х годах по Рождестве Христовом Крит попал во власть римлян. Начиная с 650 года по Рождестве Христовом Крит сильно страдал от набегов сарацин, овладевших островом с 823 года. В настоящее время Крит находится под временным управлением греческого королевского дома (под наблюдением европейских держав).

при этом юноша держал в руке своей сосуд с вином, которое и предлагал матери своей. Оказалось, что в эту минуту юноша тот, находясь в Крите, прислуживал начальнику агарян, вкушавшему пищу, и уже приготовился подать ему вино, как внезапно, подобно древнему Аввакуму[1], был восхищен на воздух и перенесен на остров Митилен с сосудом, наполненным вином. Все, сидевшие за столом, увидев юношу того, сильно изумились и в один голос спросили его:

— Где ты был, откуда пришел и каким образом оказался здесь?

Он же ответил им:

— Я наполнил этот сосуд вином, чтобы подать его моему начальнику. Но в это мгновение был внезапно взят каким-то славным мужем, сидевшим на коне, который посадил меня также на коня. Одною рукою я держался за пояс этого мужа, а в другой я держал вот этот сосуд с вином, и потом оказался здесь, как вы видите сами.

Услышав это, все удивились о столь преславном чуде и, встав из-за стола, воздали благодарение Богу и Его угоднику, святому великомученику Георгию.

Подобное этому чуду рассказал также и Косма монах:

— В царствование греческого царя Василия[2] (я был тогда еще юношей) начальник мой, воевода, у которого я служил, был послан царем на остров Кипр[3]. Пришед сюда, мы услышали повесть о чуде, сотворенном святым великомучеником Георгием в храме, созданном во славу и честь его имени, в день праздника его, именно: сын священника, служившего в этом храме, был пленен сарацинами, ныне же — в день памяти святого Георгия, оказался близ отца своего, во время совершения литургии. Воевода, призвав к себе упомянутого священника и сына его, спросил последнего:

— Каким образом ты спасся от сарацин?

---

[1] *Аввакум* — восьмой из числа так называемых «малых пророков». Его пророческое служение относят ко временам царя Манассии (с 699 по 644 год до Рождества Христова). Книга, написанная им, состоит из трех глав. Величественная песнь — молитва пророка Аввакума, находящаяся в 3-й главе его книги, послужила основанием 4-й песни церковных канонов. Она содержит в себе живое изображение могущества Божия и непостыдной надежды на Бога праведника. — Память святого Аввакума совершается 2 декабря. Святой Аввакум прославляется Церковью как тайновидец, предстоявший «на Божественной страже».

[2] *Василий I (Македонянин)* царствовал с 867 по 886 год.

[3] *Кипр* — находится в северо-восточном углу Средиземного моря.

Юноша же тот рассказал о себе следующее:

— Богу благоугодно было, чтобы святой Георгий освободил меня. Я же сам не знаю, каким образом я пришел сюда; знаю только, что я находился в плену уже третий год. Меня послал однажды отец мой на корабле сделать некоторые закупки вместе с несколькими спутниками. Но на нас напали сарацины, пленили нас всех и отвели меня в Палестину (в это время Иерусалим и вся вообще Палестина уже находилась в руках сарацин). Здесь я служил, — повествовал юноша, — моему господину три года; нынче вот уже восемнадцатый день, как господин мой приказал мне принести его постель в баню, намереваясь здесь мыться. Когда же он вымылся, то сказал мне:

— Не принес ли ты мне напитка, чтобы я испил его?

Я же сказал ему (повествует юноша):

— Нет, не принес, господин мой.

Он же уже намеревался меня ударить, но я, избежав его рук, направился в дом госпожи моей и, взяв у нее сосуд с тем напитком, возвращался уже в баню, к господину своему. Дорога, по которой я шел, пролегала мимо храма христианского, в котором в это время совершалась Божественная литургия. Я слышал кондак, который пели святому Георгию: *Возделан от Бога показался еси* и прочее. Пение это тронуло меня до слез, и я сказал от глубины сердца:

— Святой великомученик Георгий! Неужели до Бога и до тебя не дошли воздыхания отца моего? Неужели ты презришь слезы его, которые он проливает в храме, посвященном твоему имени, умоляя тебя за меня, дабы ты спас меня от этого плена и избавил меня от этого рабства?

Сказав это, я пошел в баню. Господин мой, увидав слезы на моих глазах, начал бранить меня и с гневом сказал мне:

— Налей мне напитка этого.

Я налил напитка в сосуд. Потом господин сказал мне:

— Прибавь еще немного.

Когда я взял сосуд, чтобы из него налить напитка, мне показалось, что я начинаю плохо видеть своего господина. Я воскликнул:

— Господин, я не вижу!

В это время меня восхитила от земли какая-то сила, и потому я уже не слышал, что говорил мне господин мой, но услышал пение слов: *Един Свят, един Господь, Иисус Христос, во славу Бога Отца.*

Аминь. Тотчас я увидел себя в алтаре, увидел также и отца моего, державшего в руках своих святой потир и говорившего церковным служителям:

— Дайте напитка.

Стоя около отца, я хотел было влить напиток, который был у меня в руках, во святой потир, потому что в то самое мгновение, когда я был в бане и стоял около сарацина, держа в руке своей сосуд с напитком, — в это же мгновение я внезапно оказался в алтаре вблизи своего отца, совершавшего литургию. Отец мой, посмотрев на меня, спросил сослужащих:

— Кто этот юноша?

Те же отвечали с удивлением:

— Не знаем, кто таков и откуда он пришел сюда, — так как я был острижен и имел на себе сарацинскую одежду.

Я же сказал отцу:

— Отец! Неужели ты не узнаешь меня? Я Филофей — сын твой.

Тогда отец мой сказал мне:

— А для чего этот сосуд в руках твоих, и что в нем находится?

Я сказал:

— Это — напиток сарацинский. Я находился сию минуту с своим господином в бане, близ Иерусалима, и в тот момент, как я хотел ему подать это питье, внезапно оказался около тебя в этом храме.

Услышав это, отец мой весьма ужаснулся и едва не выпустил из рук святого потира. А я в этот момент выпустил из рук своих сосуд с напитком и, поддержав руки отца, сказал ему:

— Не смущайся, отец мой, но окончи службу.

Затем отец мой, поставив потир на святой трапезе, поднял руки свои к небу и возблагодарил Бога и Его святого угодника Георгия. Сосуд же, который я уронил на мраморный пол, не разбился.

Окончив службу, отец мой обнял меня и облобызал со слезами; затем мы пошли домой.

Все наши родственники и друзья, услыхав обо всем, происшедшем со мною, собрались к нам в дом и, увидев меня, возрадовались и прославили Бога и Его угодника, святого Георгия, избавившего меня от сарацин в мгновение ока.

Воевода и все, бывшие с ним, выслушав это повествование сына священника, прославили Бога и святого Георгия; затем, дав юноше и отцу его большие подарки, отпустили его с честью.

Повествуют еще об одном подобном же чуде святого великомученика Георгия следующее.

В Пафлагонии[1], в городе Амастриде, жила благочестивая чета — Леонтий и Феофана. Оба они имели великую веру ко святому великомученику Георгию и часто приходили в храм его имени, находившийся неподалеку от них, близ реки, называвшейся Партениос (от имени реки и храм тот носил прозвище: «Партениэ»). Эта благочестивая чета по своей любви ко святому украшала храм этот из своего достатка, считая этого святого мученика охранителем и промыслителем всего своего имущества. Каждый год благочестивые христиане честно и благоговейно совершали празднование памяти святого мученика, причем творили в этот день много милостыни и устраивали пиршество для нищих и убогих, а также и для своих родственников и друзей. Они имели сына, по имени Георгия; постоянно имея в мысли святого мученика, они и сына своего нарекли именем Георгия.

В это время над греками царствовал Константин VII[2], — сын царя Льва Мудрого. Тогда началась война между болгарами и греками; болгары, вступив в союз с венграми и скифами, подошли к греческим областям и опустошали их, пленяя жителей; по этой причине необходимо было готовиться к войне и грекам. А так как Леонтий — житель города Амастриды в Пафлагонии — был воином, то необходимо было и ему идти на войну с болгарами. Но ввиду того, что Леонтий был уже в преклонных летах, а сын его — Георгий — в летах юношеских, он решил вместо себя послать в войско своего сына. Взяв его, Леонтий и Феофана прежде всего отправились с ним в вышеупомянутый храм и, молясь здесь пред иконою великомученика, говорили так:

— Тебе, святой великомученик Георгий, мы вручаем своего единородного сына, которого мы, любя тебя, нарекли твоим именем! Будь ему вождем в пути, охранителем в брани, и возврати нам его

---

[1] Малоазийская область.

[2] *Константин VII Порфирородный* — сын Льва VI Мудрого, царствовал с 912 по 959 год.

живым и здоровым, дабы мы, получив от тебя благодеяние по вере своей, многими благими делами прославляли всегда твое попечение и заботу о нас.

Помолившись так, они отпустили сына своего в полки войска греческого.

Затем началась война. Первоначально греки одолевали болгар, но потом болгары, собравшись с силами, стали побеждать греков, по попущению Божию. Между противниками произошло решительное сражение, причем весьма многие из греков пали от меча врагов.

В это время Георгий, сын Леонтиев, был взят некиим болгарянином в плен и, по молитвам святого Георгия, был сохранен от смерти, ибо, сожалея юность его и красоту лица, болгарянин тот пощадил Георгия и увел его в свою землю, где Георгий служил своему господину в качестве раба.

Леонтий же и Феофана, услышав, что греческое войско было побеждено болгарским, и видя, что сын их к ним не возвращается, плакали и рыдали неутешно, думая, что сын их убит на поле битвы. Придя в упомянутый храм, они обратились к иконе святого великомученика с такими словами:

— Для того ли, Христов мученик, мы доверили тебе своего сына, чтобы он был пищею птицам небесным и зверям земным? Так ли ты слышишь наши ежедневные молитвы и воздыхание к тебе? Если ты не умилосердился ради нас, пришедших уже в старость, то по крайней мере пожалел бы цветущую юность того отрока. Ради чего презрел ты смирение наше, угодник Божий?

Это и другое подобное говорили старцы с великим воплем и многими слезами, так что все, бывшие в этом храме, не могли удержаться от слез. Особенно же мать того юноши непрестанно плакала каждый день.

Упомянутая победа болгар над греками произошла в месяце августе. Когда же прошла осень и зима, наступил месяц апрель и приближался день памяти святого великомученика Георгия. Леонтий с супругою своею, хотя уже отчаялись в жизни сына своего, думая, что он погиб на поле битвы, однако не забыли своего усердия к святому мученику и, по обычаю, приготовили на день памяти его богатый обед.

Когда окончились церковные службы, Леонтий и Феофана позвали к себе многих гостей — родственников, знакомых, нищих,

убогих. Во время обеда гости беседовали все время только о Георгии, сыне Леонтия и Феофаны, не возвратившемся с битвы. Родители юноши все время рыдали, гости же старались утешить их, и особенно утешали сильно печалившуюся мать.

Между тем Георгий, находясь в плену, исполнял у господина своего обязанность повара. В этот день, приготовляя пищу, он вспомнил о доме своих родителей, о празднестве, которое совершалось в доме их, вспомнил также и своих родных, друзей и знакомых, и в мыслях своих подумал:

— Хорошо бы узнать: каков нынче обед в доме моих родителей? Кто приглашен на обед? Как обо мне думают: жив я, или умер?

Думая так про себя, Георгий горько плакал.

Между тем наступило время обеда господина его, и необходимо было, чтобы сам Георгий нес одно из яств в горшке к господину своему. Георгий утер слезы и, взяв из печи горячий горшок, понес его. Вдруг он почувствовал себя стоящим в доме родителей своих посреди всех гостей. Великое чудо! Все, бывшие здесь, увидя Георгия, сына Леонтиева, с горячим горшком, пришли в великий ужас; родители же его подумали, что видят привидение пред собою; затем, догадавшись, что это не привидение, а действительность, с великою радостью устремились к сыну своему и, припав к груди его, обнимали и целовали его, плача от столь неожиданной и великой радости. Когда же начали спрашивать Георгия — как он остался живым, где он был и каким образом оказался здесь, — то он подробно рассказал все: как о своем пленении, так и об избавлении от плена. Именно, он сказал следующее:

— Эту минуту я работал на кухне господина моего. Мне было приказано принести к моему господину вот эту пищу в горшке. Взяв горшок, я отправился к господину моему, но, сделав несколько шагов по лестнице, ведущей в горницу, в которой обедал мой господин, я неожиданно увидал какого-то воина, сидевшего на коне и сиявшего несказанным светом; он взял меня вместе с этим горшком и поставил меня здесь перед вами, не знаю уже каким образом.

Услыхав это, все бывшие там, а особенно родители Георгия, воздали усердное благодарение Богу и Его святому угоднику великомученику Георгию.

Когда, затем, все начали вкушать пищи из того горшка, то случилось новое чудо: сколько вкушали из горшка, столько в него снова

прибавлялось, хотя горшок был настолько мал, что содержимое его мог съесть и один человек, обедавших было весьма много, но все ели до сытости, хваля Бога и говоря:

— Вот, святой великомученик Георгий на праздник свой прислал нам от болгар хорошую пищу!

Затем горшок тот был передан вместе со многими дарами и приношениями в храм святого великомученика и хранился там среди священных сосудов, в воспоминание славного чуда, совершенного святым великомучеником Георгием.

Упомянутый храм святого Георгия был очень древний и сильно уже обветшал, так что каждую минуту мог упасть; но не было никого, кто бы выстроил новую церковь, или бы обновил тот ветхий храм: ибо по причине бедности жителей того места, церковь та была оставлена без внимания. Однажды в ней совершилось такое чудо.

Дети, собираясь около этой церкви, играли здесь друг с другом, причем поносили и насмехались над одним отроком, которого они всегда побеждали в играх. Потеряв терпение по причине постоянных насмешек, отрок тот, обратившись к храму святого Георгия, сказал:

— Святой Георгий! Помоги и мне одолеть моих противников; в благодарность за это я принесу в храм твой большой пирог.

И, действительно, отрок тот победил своих товарищей в играх, и победил не один, а два и еще много раз.

Пришедши к своей матери, отрок тот сказал ей, что обещал святому в дар пирог и просил его у нее, чтобы исполнить свой обет святому.

Мать его из любви к ребенку, а также из уважения к мученику, приготовила пирог, согласно просьбе своего сына, и передала его сыну еще теплым, не успевшим остыть. Отрок тот принес пирог в церковь и, положив его пред алтарем, поклонился и ушел.

Случилось, что в это время мимо той церкви проходили четыре купца. Они вошли в церковь для того, чтобы поклониться святому Георгию, и увидели на полу вкусный пирог (он еще не остыл и от него шел ароматный пар). Купцы сказали друг другу:

— Это не нужно святому. Съедим пирог, а вместо него положим фимиам.

Когда они съели пирог, то направились к выходу из церкви; но никак не могли найти дверей, потому что двери им представлялись стеной. Тогда они положили на пол по одной серебряной монете; однако не могли найти выхода. Потом положили все вместе одну золотую монету и усердно помолились святому, чтобы он помог им выйти; но и на этот раз не нашли выхода, будучи одержимы как бы слепотой. Наконец, положили все четверо по золотой монете и еще более усердно помолились, и тогда нашли выход, ибо нашли двери церковные открытыми и прошли сквозь них.

Эти золотые и серебряные монеты послужили началом к собиранию денег, необходимых для обновления того храма, ибо слух о чуде том прошел по всей стране той и многие благочестивые люди добровольно приносили туда золото и серебро; на эти деньги был создан новый каменный храм, более обширный, в достаточной мере украшенный и снабженный всеми необходимыми принадлежностями для богослужения. В том храме совершались многие чудеса во славу Христа Бога и в похвалу святого великомученика Георгия.

Повествуют также и о следующем чуде, совершенном святым великомучеником Георгием над отроком, уязвленным смертоносною змеей. Рассказ об этом чуде передал один из благочестивых подвижников, авва Георгий, имевший себе тезоименитого[1] помощника — святого Георгия.

— Когда я шел однажды, поднимаясь в гору, и держал в руках крест, меня встретил какой-то старый монах; взяв у меня крест, он пошел впереди меня. Пройдя немного, он свернул на тропинку. Я пошел вслед за ним. Продолжая идти, я увидел стадо овец и отрока-пастуха, лежавшего на земле и умиравшего от ужаления змеи. Поблизости от того места был источник. Старец сказал мне:

— Зачерпни воды, чтобы облить ею крест.

Затем мы, зачерпнув воды и раскрыв уста отроку, влили ему в рот эту воду, излитую на крест; при этом старец сказал:

— Во имя Пресвятой Троицы исцеляет тебя святой великомученик Георгий!

Наклонившись, отрок тот изрыгнул из себя смертоносный яд и встал на ноги.

Затем старец сказал ему:

---

[1] То есть равноименного, носящего одинаковое имя.

— Скажи мне, не клялся ли ты вчера убогой вдове, овцу которой поручено было тебе пасти, но которую ты продал за три сребреника? Не говорил ли ты ей: волк съел овцу?

Отрок ответил ему:

— Да, отче, действительно было так. Но каким же образом ты узнал это?

Старец сказал ему:

— Когда я сидел в своей келии, ко мне приехал некий муж на белом коне и сказал мне:

— Софроний, встань и иди поскорее к источнику, находящемуся по правую сторону от тебя, на юг. Там ты найдешь отрока, укушенного змеей, увидишь также и монаха, несущего в руке крест, вырезанный из дерева. Взяв крест тот, ты облей его водою и дай выпить ту воду отроку, при этом ты скажи следующие слова: во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, исцеляет тебя раб Божий, мученик Георгий. Затем скажи отроку тому: не клянись больше именем Божиим, ни святыми Его, не поступай ни с кем неправдиво и отдай той убогой вдовице овцу, дабы не случилось с тобою что-либо еще худшее.

Когда юноша услышал это от старца, то, упав к ногам его, сказал:

— Прости меня, отче, ибо все действительно было так: я продал за три сребреника овцу вдовы той и вчера обманул ее, сказав, что волк съел ее овцу. Женщина та сказала мне: «Верно ли это или нет?» Я же сказал ей: «Да, я могу призвать во свидетели Бога истинного». Женщина сказала мне: «Разве ты не знаешь, что я бедная вдова? Впрочем, поступай так, как знаешь. Но смотри, с тебя взыщет Бог и святой Георгий, потому что я обещала дать ту овцу на праздник Георгия убогим». «Я же, — продолжал юноша, — так как прельстился и впал в грех, то молю тебя, отче, помолись обо мне Богу и святому Георгию, дабы был отпущен мне грех мой. А я теперь же дам женщине той трех козлов на день памяти святого Георгия и до конца жизни моей буду давать каждый год в день памяти святого мученика в пользу бедных десятую часть всего того, что я заработаю».

Таким-то образом исцеленный юноша тот, испросив молитву и прощение у блаженного Софрония, приступил к своему занятию, благодаря Бога и угодника Его, святого великомученика Георгия.

Нельзя не упомянуть и о славном чуде убиения змея, совершенном святым великомучеником Георгием близ отечества своего палестинского, в стране сиро-финикийской, в городе Бейруте[1], стоящем на берегу Средиземного моря, невдалеке от города Лидды, где и погребено было тело святого великомученика. Место совершения чуда этого показывается путешественникам по Палестине. Согласно описанию повествователей об этом чуде, оно произошло при следующих обстоятельствах.

Около упомянутого города Бейрута близ Ливанских гор находилось большое озеро, в котором жил змей — губитель, великий и страшный. Выходя из этого озера, змей тот похищал многих людей, увлекал их в озеро и там пожирал их. Много раз народ, вооружившись, выступал против него, но каждый раз змей прогонял народ, потому что, приблизившись к стенам города, наполнял воздух своим губительным дыханием, так что уже от одного этого многие заболевали и умирали. По причине этого в том городе постоянно была скорбь, печаль, вопль и плач великий. В этом городе жили люди неверные — идолопоклонники, здесь же жил и сам царь их.

Однажды жители города того, собравшись вместе, отправились к своему царю и сказали ему:

— Что нам делать, ибо вот мы погибаем от змея того?

Он же ответил им:

— Я вам сообщу то, что мне откроют боги.

Затем царь, по научению живущих в идолах бесов, губителей душ человеческих, возвестил им такое решение: если они не хотят погибать все, то пусть дают в пищу тому змею каждый день по жребию своих детей — сыновей или дочерей. При этом царь прибавил:

— Когда дойдет очередь до меня, то и я, хотя и имею одну только дочь, но и ее отдам.

Жители того города приняли этот совет царский или, лучше сказать, бесовский и давали все, как важные, так и неважные граждане, каждый день на съедение змею одного из сыновей и дочерей своих, хотя весьма сожалели и плакали о них. Отдаваемых на съедение змею ставили на берегу озера, нарядив в лучшие одежды; змей же тот, выходя из озера, похищал их и съедал.

---

[1] *Бейрут* (или *Берит*) — в древности важнейший город финикиян. Ныне принадлежит Турции и составляет важный торговый центр.

Когда очередь обошла всех людей того города, они пришли к самому царю и сказали ему:

— Вот, царь по твоему совету и постановлению отдавали мы детей своих змею. Очередь уже обошла всех. Что же теперь ты нам повелишь делать?

Царь ответил им на это:

— Отдам и я дочь свою, хотя она у меня и единственная. Потом я вам сообщу, что нам откроют боги.

Позвав к себе свою дочь, царь велел ей украситься как можно лучше; он весьма жалел ее и плакал о ней со всем домом своим, но никак не мог нарушить того постановления, как бы Божественного, сообщенного бесами. Приготовясь отправить дочь свою на съедение змею, царь смотрел на нее с высоты своего дворца и со слезами на глазах провожал ее взором своим.

Девица, между тем, была поставлена на обычном месте, на берегу озера. Ожидая смертного часа, в который змей, вышед из озера, пожрет ее, она горько рыдала.

По промышлению Бога, хотящего спасение всех, благоизволившего спасти и город тот от погибели душевной и телесной, в это время к тому месту подъехал на коне святой великомученик Георгий, воин Царя небесного, имевший в руке копье. Увидев девицу, стоявшую у озера и горько плакавшую, он спросил ее:

— Для чего ты здесь стоишь и о чем плачешь?

Она же ответила ему:

— Добрый юноша! Беги скорее отсюда на своем коне, чтобы не погибнуть вместе со мною.

Святой же сказал ей:

— Не бойся, девица, но скажи мне, чего ты ждешь в присутствии всего народа, смотрящего на тебя?

Девица ответила ему:

— Славный юноша! Я вижу, что ты мужественен и храбр. Но для чего ты желаешь умереть со мною? Беги скорее от этого места!

Святой же сказал ей:

— Нет, я не отъеду от этого места до тех пор, пока ты не расскажешь мне, для чего ты здесь стоишь, о чем плачешь и кого ты здесь дожидаешься.

После этого девица рассказала ему все по порядку и про змея, и про себя.

Святой Георгий сказал ей:

— Не бойся, девица, потому что я именем Господа моего, Бога истинного, спасу тебя от змея.

Она же ответила ему:

— Доблестный воин! Зачем ты желаешь погибнуть со мною? Беги и спасай себя самого от горькой смерти. Достаточно и того, если я одна умру здесь, тем более, что и меня ты не спасешь от змея, и сам погибнешь.

В то время как девица говорила эти слова святому, вдруг из озера появился страшный змей и направился к обычной своей пище.

Увидав его, девица закричала громким голосом:

— Беги, человек, вот змей уже идет!

Святой же Георгий, осенив себя крестным знамением и призвав Господа, со словами: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа», — устремился на коне своем на змея, потрясая копьем, и, ударив змея с силою в гортань, поразил его и прижал к земле; конь же святого попирал змея ногами. Затем святой Георгий приказал девице, чтобы она, связав змея своим поясом, повела его в город, смиренного, как пса; народ же, с удивлением взирая на змея, влекомого девицею, обратился от страха в бегство. Святой же Георгий сказал народу:

— Не бойтесь, только уповайте на Господа Иисуса Христа и веруйте в Него, ибо это Он послал меня к вам для того, чтобы спасти вас от змея.

Затем святой Георгий убил змея того мечом посреди города. Жители же города того, извлекши труп змея за город, сожгли его.

После этого царь и народ, живший в городе том, уверовали в Господа Иисуса Христа и приняли святое крещение: крестившихся было двадцать пять тысяч человек, не считая женщин и детей. На том месте впоследствии была построена церковь, весьма обширная и красивая, во имя Пречистой Девы Марии, Дщери Царя небесного, Бога Отца, Матери Сына Его и Невесты Духа Святого, — а также в честь святого победоносца Георгия, сохраняющего Церковь Христову и всякую душу правоверную помощью своею от невидимого поглотителя в бездне адской, а также и от греха — как от

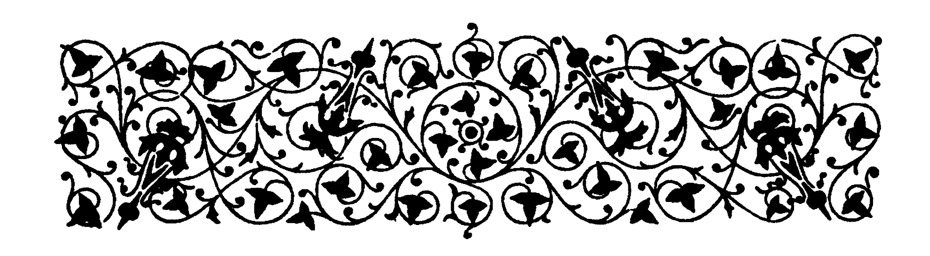
змея смертоносного, — подобно тому как он избавил упомянутую девицу от змея видимого[1].

Случилось здесь также и некое новое чудо. Когда была освящена эта церковь в честь Пресвятой Богородицы и святого великомученика Георгия, тогда в знамение изливаемой здесь благодати Божественной из алтаря этой церкви истек источник воды живой, исцеляющий всякую болезнь всех с верою притекающих в славу Самого Царя славы (у Которого — источник жизни вечной), Бога в Троице, Отца и Сына и Святого Духа, хвалимого во святых Своих вовеки. Аминь.

В тот же день **память святой мученицы царицы Александры и святых мучеников Анатолия и Протолеона**.

[1] На основании этого повествования святой великомученик Георгий часто изображается на иконах в образе всадника, сидящего на белом коне и поражающего копьем страшного змея. Изображение святого Георгия на коне, как знак победы, усвоено нашему отечественному гербу, а также и знаку отличия, возлагаемому на грудь православного воина за его ратные подвиги. — Святой великомученик Георгий считается у нас преимущественным охранителем пастухов и стад на том основании, что, по преставлении своем, он неоднократно оказывал помощь ближним, являясь на коне. Поэтому в Георгиев или, по просторечию, в Егорьев день благочестивые жители сел и деревень России выгоняют обыкновенно впервые после зимы свой скот на пастбище, причем совершают святому великомученику молебствие с окроплением святою водою пастухов и стад.

День двадцать четвертый

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ФОМЫ ЮРОДИВОГО

Святой Фома был иноком в одном из монастырей в Кесарии[1]. Он нес послушание по сбору на нужды своего монастыря. Для этих сборов он был посылаем в Антиохию[2], поблизости к которой находилось одно село, принадлежавшее монастырю. Когда старец приходил в город, то принимал на себя юродство. Однажды некий человек, по имени Анастасий, эконом (строитель) одной церкви, ударил блаженного по щеке, потому что старец наскучил ему своей просьбой о милостыни на свой монастырь. Присутствовавшие при этом вознегодовали за это на Анастасия. Блаженный же Фома, обратившись к ним, пророчески произнес:

— С этого времени ни мне от Анастасия уже ничего не придется принять, ни Анастасий не будет иметь возможности что-либо подать мне.

То и другое вскоре сбылось: Анастасий умер через день, а блаженный Фома, по дороге из города в монастырь, занемог и остановился в больнице в пригороде Дафни, при церкви святой Евфимии, где, сильно разболевшись, преставился к бессмертной жизни и был погребен на том месте, где хоронились странники.

---

[1] *Кесария* — главный город Каппадокии, находившейся на востоке Малой Азии.

[2] Здесь разумеется *Антиохия Сирийская*, некогда великолепная столица Сирийского государства, а ныне бедный городок Азиатской Турции.

Однажды принесли сюда некую умершую странницу и погребли ее над гробом этого блаженного старца; погребли эту женщину во втором часу дня, а в шестой час земля извергла ее, — и все много дивились этому. Вечером же опять погребли ее в том же гробе, но на другой день увидели, что она вторично выброшена из гроба; тогда погребли ее в другом месте.

Спустя несколько дней погребли другую женщину — точно так же близ аввы Фомы, ибо обитатели того места не понимали, что почившему о Господе старцу не угодно, чтобы близ него была погребена женщина. Когда же земля извергла и эту женщину, тогда поняли, что старцу не благоугодно, чтобы кто-либо был погребен близ его мощей.

Обо всем случившемся известили патриарха Домна[1]. По повелению патриарха все граждане со свечами и песнопениями пошли в Дафни, взяли мощи святого, с честью принесли их в город и положили в той гробнице, в которой почивали мощи многих святых мучеников. Над мощами святого устроили малую церковь, и многие исцеления совершались от его святых мощей над болящими. По молитвам его прекратилась моровая язва в Антиохии, ради чего жители Антиохии установили совершать ежегодное празднование его памяти, прославляя Христа Бога, Которому слава вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
САВВЫ СТРАТИЛАТА
и с ним семидесяти воинов

Святой мученик Савва был по происхождению готфянин[2] и проживал в царствование императора Аврелиана[3] в Риме. Он имел сан стратилата, то есть был воеводой и был верен и угоден небес-

---

[1] *Патриарх Домн* управлял Антиохийскою церковью с 546 по 560 год.

[2] *Готфы* — народ германского племени, живший первоначально по течению реки Вислы, а потом расселившийся по реке Дунаю.

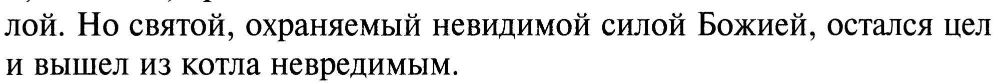
[3] *Аврелиан* — император римский, царствовал с 270 по 275 год.

ному Царю Господу нашему Иисусу Христу. Он часто посещал в темницах страдальцев за имя Христово, оказывал им помощь из своего достатка, укреплял их к терпеливому перенесению страданий и возбуждал их к мужественным подвигам. Такая добродетельная жизнь его была столь угодна Богу, что он, ради чистоты и постничества святого, даровал ему власть над бесами, и он изгонял из людей нечистых духов.

Вскоре было донесено царю, что святой Савва — христианин, и он был приведен к царю на допрос.

Здесь он безбоязненно исповедал Христа и, отвязав свой воинский пояс, бросил его, отвергая и сан воеводский, являя вместе с тем свою готовность идти на всякие мучения за имя Христово.

Тогда, по повелению мучителя, святого повесили и жестоко били, потом жгли огнем и, наконец, бросили в котел с кипящей смолой. Но святой, охраняемый невидимой силой Божией, остался цел и вышел из котла невредимым.

Видя это чудо, во Христа уверовало семьдесят воинов, бывших здесь, которые громко исповедали себя христианами. Тотчас они, по приказанию мучителя, были усечены мечом и, таким образом, получили венец мученический, как бы из рук Самого Христа.

Святой же Савва был заключен в темницу и там сподобился Божественного видения и помощи: когда он в полночь молился, ему явился Христос, осиявший его светом славы Своей и увещавший его не страшиться мучений, но безбоязненно идти на свой подвиг. И когда Савва вторично был приведен на допрос и, будучи принуждаем к поклонению идолам — то ласками, то уговорами, то жестокими мучениями, не повиновался мучителям, то его бросили в реку, где он, утонув, и окончил подвиг своего мученичества[1], достигнув тихого пристанища в Царстве Христовом.

[1] Кончина святого Саввы последовала в 272 году.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОЙ МАТЕРИ НАШЕЙ
ЕЛИСАВЕТЫ ЧУДОТВОРИЦЫ

Преподобная Елисавета еще от утробы матери своей была избрана на служение Богу, ибо прежде рождения ее матери ей было возвещено от Бога, что у нее родится дочь, которая будет избранным сосудом Святого Духа. С юных лет отданная на служение Богу и уневестившись бессмертному Жениху Христу, святая Елисавета в ангельском чине служила Богу, в числе других дев инокинь[1], постом и трудами изнуряя свое тело, и так угодила Богу, что получила от Него дар исцелять недуги людей, не только телесные, но и душевные. Своею молитвою она исцеляла всякую телесную болезнь, своими же речами и богодухновенными наставлениями врачевала души человеческие, наставляя их к покаянию и ко всяким добродетелям. Одеждою для нее служила одна только жесткая власяница, и, хотя тело ее мерзло от холода, дух ее всегда горел пламенем Божественной любви.

Будучи поставлена игумениею над сестрами, святая показала еще большие подвиги, заботясь о спасении душ их.

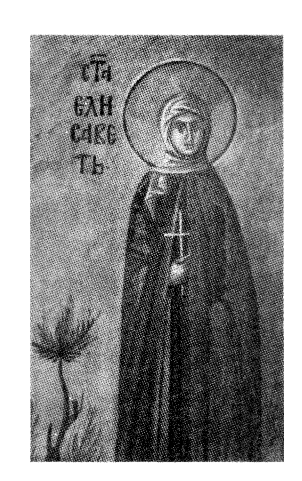
Воздержание ее было чрезмерное, ибо она проводила многие годы, не вкушая хлеба и питаясь только одними плодами и овощами, масла же и вина она никогда не вкушала во всю свою жизнь. Весьма часто она постилась по сорока дней, подобно великому Моисею[2], ничего в это время не вкушая[3]. В течение трех лет она, подражая

---

[1] *Святая Елисавета* была инокинею константинопольского монастыря, построенного в честь святых бессребреников Космы и Дамиана императором Иустином I (царствовавшим с 518 по 527 год). В этом монастыре она впоследствии была игумениею (настоятельницею). Точнее время ее жизни и деятельности указать нельзя, за отсутствием сведений об этом в исторических памятниках. Но на основании того обстоятельства, что в честь ее во второй половине IX века был написан канон святым Иосифом песнописцем (умершим в 883 году), делают вывод, что святая Елисавета жила между VI и IX веками.

[2] *Моисей* — знаменитый вождь и законодатель народа еврейского и написатель первых пяти книг Ветхого Завета: «Бытия», «Исход», «Левит», «Числ» и «Второзакония» *(Пятикнижие Моисеево)*, в которых излагаются исторические судьбы народа Божия. Моисей жил в конце XVI — начале XV века до Рождества Христова.

[3] Моисей постился сорок дней и ночей в то время, когда взошел на гору Синай, где Бог даровал ему заповеди десятословия (Исх. 24, 12–18).

смирению евангельского мытаря (см.: Лк. 18, 13), не возводила своих телесных очей на небо, душевными же своими очами всегда взирала к Живущему на небесах Богу и, созерцая Его своею мыслию сидящим на престоле высоком и преукрашенном, окруженным серафимами, она не обращала своих мыслей к предметам земным. Когда, по обыкновению, она наедине молилась ночью, то была свыше осияваема небесным светом.

Кроме того, святая Елисавета совершала и многие чудеса: однажды она умертвила молитвою свирепого змея; в другой раз она исцелила одну женщину, долгое время страдавшую кровотечением, также изгоняла нечистых духов из людей, совершала много и других чудес. Чудеса совершались ею не только при жизни ее, но и после ее блаженной кончины. На гробнице ее подавались многоразличные исцеления болящим; так, например, на гробе ее получали прозрение многие слепые. Да прославляется чрез нее Христос Бог, дивный во святых Своих!

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ **ПАСИКРАТА и ВАЛЕНТИНА**

Мученики Христовы Пасикрат и Валентин происходили из Родостола, мизийского города, и, будучи воинами, состояли на службе при игемоне той страны Авсолане. В стране той было много идолопоклонников, приносивших жертвы бесам, ибо правители страны угрозою мучений принуждали людей к идолослужению. Христиане той страны, боясь мучений, бежали и скрывались. Эти же два святые мужа открыто и смело заявили себя христианами и, прославляя Единого истинного Бога, проклинали бездушных идолов. За это они были схвачены идолопоклонниками и приведены в судилище, где их принуждали возжечь курение перед идолами. Здесь стоял идол Аполлона. Святой Пасикрат, подойдя к идолу, плюнул ему в лицо и сказал:

— Такова честь подобает этому богу!

Тотчас Пасикрата связали тяжелыми цепями и бросили в темницу. Воин же Христов, этими веригами, как бы золотым царским убранством украшенный, радовался, что сподобился носить эти цепи за Христа. С ним вместе был заключен в темницу и Валентин. Вскоре их опять потребовали на суд к игемону. Когда они явились в судилище, то туда пришел также и брат Пасикрата — Папиан. Он был христианин, но из боязни мучений принес жертву идолам. Папиан начал со слезами умолять брата, чтобы он, по примеру его самого, принес воскурение истукану, дабы, сделавшись на время как бы идолопоклонником, избавиться от лютых мучений, но Пасикрат отверг просьбу брата и назвал его недостойным считаться в его роде за то, что он отступил от веры Христовой. Сам же, подойдя к жертвеннику и положив на огонь свою руку, сказал игемону:

— Тело смертно и, как ты сам видишь, сгорает на огне, душа же, будучи бессмертна, презирает все эти видимые муки.

Святой Валентин, допрошенный тут же игемоном, изрек то же самое и явил свою полную готовность претерпеть все муки за Христа. Их обоих присудили к усекновению мечом. Когда слуги мучителя вели их за город на смерть, то вслед за ними шла мать Пасикрата, которая увещевала его безбоязненно идти на смерть, опасаясь за него, чтобы он не устрашился, ибо был очень юн. Святым мученикам были усекнуты главы. Святому Пасикрату было двадцать два года, а Валентину — тридцать. Мать же с радостью и веселием приняла их тела и с честью погребла их, славя Христа Бога.

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ **ЕВСЕВИЯ, НЕОНА, ЛЕОНТИЯ, ЛОНГИНА** и прочих с ними

Вскоре после кончины славного великомученика Георгия император Диоклетиан[1] издал приказание — всех христиан, где бы

[1] *Император Римский Диоклетиан* царствовал с 284 по 305 год. Жестокие гонения на христиан он начал с 303 года. — Кончина святого великомученика Георгия последовала в 304 году. Память его — 23 апреля.

они ни находились, а особенно тех, которые были в темницах, принуждать к поклонению идолам; тех, которые исполнят это приказание, он повелел отпускать на свободу, не подчиняющихся же повелел предавать смерти.

Воспоминаемые ныне святые мученики — Евсевий, Неон, Леонтий и Лонгин в это время находились в темнице[1]; с ними вместе были многие христиане, числом около сорока человек. Видя чудеса, совершаемые святым Георгием, они уверовали во Христа и дерзновенно исповедали Его во всеуслышание, за что были взяты и в оковах заключены в темницу.

Когда они были выведены из темницы на испытание пред судию, то не отверглись Христа, но посрамили богов языческих. За свое мужественное исповедание имени Христова они были преданы многим мукам, именно: мучители, повесив, били их и строгали тела их различными железными орудиями до тех пор, пока не обнажились их внутренности. Наконец, святые мученики были усечены во главы и, таким образом, получили венцы в Царствии небесном[2].

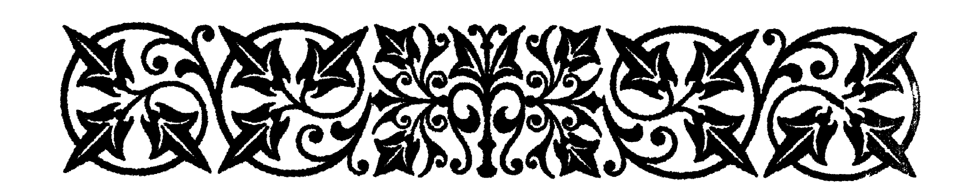
В тот же день **память преподобного Саввы Печерского**, подвизавшегося, по всей вероятности, в начале XIII века. Мощи его — в Антониевых пещерах.

---

[1] Быть может, воспоминаемые ныне святые мученики: Евсевий, Неон, Леонтий и Лонгин исполняли обязанность стражей при темнице, в которой были заключены христиане. Возможно, впрочем, что они пришли в темницу в качестве посетителей, с целью облегчить страдания христиан выражением им сочувствия и ободрения и материальным вспомоществованием.

[2] Кончина святых мучеников последовала в 304 году. — Глава святого мученика Лонгина находится в Италии, в городе Капуе (недалеко от города Неаполя).

День двадцать пятый

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ СВЯТОГО АПОСТОЛА И ЕВАНГЕЛИСТА МАРКА

Святой Марк, родом еврей, происходил из колена Левиина, от племени священнического, и жил первоначально в Иерусалиме. По-еврейски Марк назывался Иоанном; имя же его — Марк — латинское. Это имя он присовокупил к еврейскому[1] уже впоследствии перед отправлением в чужую страну, когда он с апостолом Петром отправился для проповеди Евангелия в столицу тогдашнего мира — Рим. По принятому Православной Церковью преданию, согласному с свидетельством некоторых древних писателей[2], он был из числа семидесяти учеников Господа и, следовательно, сам был свидетелем-очевидцем некоторых событий из жизни Господа Иисуса Христа. В повествовании самого евангелиста Марка о предании Господа нашего Иисуса Христа на смерть в вертограде Гефсиманском[3] упоминается о некоем юноше, который в то время, как все ученики Господа оставили Его, один следовал за Божественным Узником, обернувшись полотном по нагому телу, но, будучи схвачен воинами, оставил в руках их полотно и нагой бежал от них (см.: Мк. 14, 51–52). Одеяние юноши[4] показывало, что он вышел на шум народный ночью внезапно, без сомнения из того дома, коему принадлежал вертоград. Еще в древности составилось предание, что означенный

---

[1] По обычаю евреев того времени.

[2] *Оригена*, пресвитера александрийского III века; *святого Епифания*, епископа Кипрского IV века и других.

[3] *Вертоград* — сад.

[4] Полотно, обернутое по нагому телу.

юноша был сам Марк и что вертоград Гефсиманский принадлежал семье, из коей происходил Марк. Книга Деяний апостольских свидетельствует, что мать евангелиста Марка — Мария имела в Иерусалиме свой дом[1], в котором нашел пристанище апостол Петр после чудесного изведения из темницы Ангелом (см.: Деян. 12, 1–12). После вознесения Господа на небо, во время гонения на христиан, этот дом служил местом молитвенных собраний для многих верующих иерусалимлян и местом пристанища для некоторых апостолов. Таким образом святой Марк в доме своей матери имел возможность постоянно находиться в общении с христианами, участвуя в их молитвенных собраниях, и сблизиться с самими апостолами. В особенно близкое общение вошел он с апостолом Петром, питавшим к нему как бы отеческую любовь и расположение, как видно это из слов самого апостола Петра, который в своем послании называет Марка своим сыном, говоря: *Приветствует вас избранная, подобно вам, церковь в Вавилоне и Марк, сын мой* (1 Пет. 5, 13). Святому Марку доводился дядей святой апостол Варнава[2], по происхождению левит, родом с острова Кипра. Чрез него святой Марк сделался известным и другому верховному апостолу — святому Павлу, когда этот последний, после своего чудесного обращения к вере во Христа (см.: Деян. 9), в первый раз прибыл в Иерусалим[3]. Вступив в близкое общение с этими двумя первоверховными апостолами — Петром и Павлом, святой Марк сделался ближайшим сотрудником и исполнителем повелений, возлагавшихся на него то тем, то другим из этих великих апостолов.

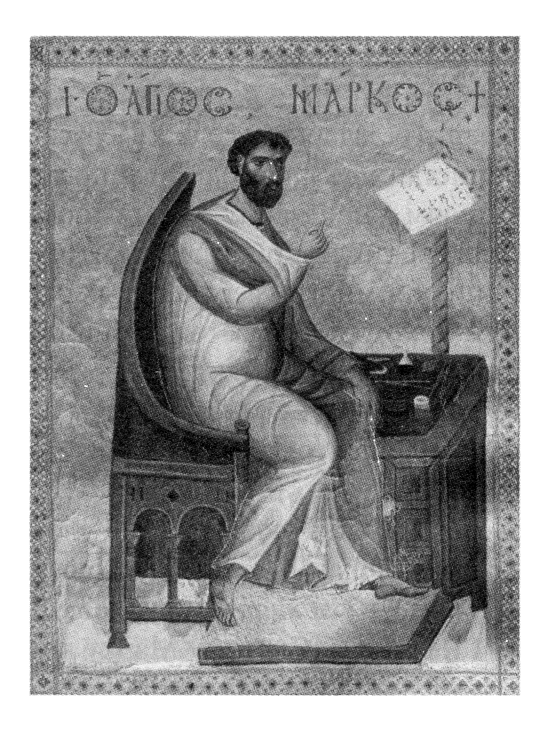
Около 44 или 45 года по Рождестве Христовом христиан иерусалимских постигло большое бедствие. При виде размножения христиан в Иерусалиме, злоба врагов Христовой веры — иудеев достигла высшей степени. Разжигаемые ненавистью к христианам, иудеи набросились на их дома, беспощадно разграбили все их имущество, так что христиане должны были терпеть великий голод. Услыхав о таком бедственном положении братий во Христе, антиохийские христиане тотчас пришли им на помощь и, сделав сбор между собой,

---

[1] Сохранилось предание, что в доме матери Марка — Марии была совершена Господом Иисусом Христом Пасха.

[2] Память его 11 июня.

[3] Приблизительно в 39 или 40 году по Рождестве Христовом.

поручили лично Варнаве и Павлу, пребывавшим в то время в Антиохии, доставить пособие христианам в Иерусалим. Прибыв в Иерусалим и исполнив поручение антиохийских христиан, Варнава и Павел возвратились в Антиохию и на этот раз взяли с собою Марка (см.: Деян. 12, 25). С этого времени Марк, сделавшись сотрудником Варнавы и Павла, взял на себя великий подвиг апостольских трудов по благовестию веры Христовой иудеям и язычникам. Вместе с Павлом и Варнавою святой Марк принял участие в их первом апостольском путешествии из Антиохии, в качестве ближайшего их помощника для проповеди Евангелия[1]. Вместе с Павлом и Варнавою Марк был в приморском городе Селевкии[2], отсюда отплыл на остров Кипр и прошел его с востока на запад от Саламина до Пафа. Здесь в Пафе Марк был очевидцем чудесного поражения слепотою, по слову апостола Павла, волхва иудеянина Вариисуса, по имени Елима, старавшегося отвратить от веры в Господа проконсула Сергия, призвавшего Варнаву и Павла для слушания слова Божия (см.: Деян. 13, 6–12). Но, прибыв в город Пергию[3], Марк оставил апостола Павла и Варнаву и возвратился в Иерусалим в дом своей матери. По прибытии в Иерусалим Марк присоединился к апостолу Петру и в скором времени отправился вместе с ним в апостольское путешествие для проповеди Евангелия в Рим. В это время в Риме уже были верующие во Христа. Книга Деяний апостольских свидетельствует, что между очевидцами необыкновенной перемены, происшедшей в апостолах по сошествии на них Святого Духа, и слушателями первой про-

[1] В 44 или 45 году.

[2] На восточном берегу Средиземного моря.

[3] В Малой Азии.

поведи апостола Петра о Христе Спасителе[1] были пришедшие из Рима иудеи и прозелиты, то есть обращенные в иудейство язычники (см.: Деян. 2, 10–41). Эти люди, по возвращении своем в Рим, несомненно принесли туда веру свою во Христа и сообщили ее там другим. Без сомнения, что и после этого многие иудеи, жившие в Риме в большом количестве, посещая ежегодно на праздниках Иерусалим, уже наполненный учением Евангельским, и слыша там проповедь о Христе, возвращались в Рим христианами. Наконец, в Рим, как столицу мира, отовсюду приходили по гражданским и другим делам многие христиане и содействовали умножению там числа верующих во Христа. Святой апостол Петр своею проповедью и чудесами, при содействии святого Марка, еще более распространил и утвердил Церковь Христову в Риме, обратив ко Христу множество людей как из иудеев, так и язычников. Слыша святые слова проповеди евангельской из уст апостолов и горя верою в Господа Иисуса Христа, римские христиане не удовольствовались одною устною проповедью апостолов об Иисусе Христе, а пожелали иметь у себя и письменный памятник устно преподанного им учения. Они приступили к спутнику апостола Петра святому Марку и с мольбой просили его записать все святые слова, какие он вместе с Петром сказал им о Христе Господе, и оставить им это святое Писание как памятник. Марк исполнил благое желание римских христиан и написал для них свое Евангелие, в котором, как свидетельствует Папий, излагая события из жизни Господа Иисуса Христа, во время Его пребывания на земле, с точностью записал, сколько запомнил, то, чему учил и что творил Господь, тщательно заботясь при этом, как бы не пропустить чего-нибудь из слышанного или не переиначить. Написанное Марк отдал на рассмотрение апостолу Петру, и святой Петр своим свидетельством утвердил истину написанного Марком Евангелия и одобрил его для чтения в церквах[2]. Поэтому Евангелие Марка было принято всеми церквами без всякого противоречия, как писание апостольское, богодухновенное[3].

---

[1] Из коих около трех тысяч мужей приняли крещение.

[2] В своем Евангелии евангелист Марк преимущественно описывает действия Спасителя, особенно чудесные, которые имели бóльшее влияние на умы язычников, чем учение.

[3] Время написания его падает приблизительно на 46 год по Рождестве Христовом.

После трудов в Риме святой Марк по повелению апостола Петра отправился для проповеди Евангелия в город Аквилею, расположенный на северном берегу Адриатического моря. В этом богатом городе, называвшемся вторым Римом[1], Марк основал церковь; причем посетил с проповедью Евангелия и другие места по берегу Адриатического моря, устрояя всюду церкви Божии. После этого святой Марк, по распоряжению же апостола Петра, отправился для проповеди Евангелия в Египет. Это было, как свидетельствует Евтихий, патриарх Александрийский, на девятом году царствования Клавдия[2]. В Египте, смежной с Палестиною языческой стране, еще со времени Александра Македонского[3] и египетского царя Птоломея Лага[4] было очень много иудеев. Они населяли здесь целые города, имели свои синагоги, свой синедрион, даже храм[5] наподобие храма Иерусалимского, а также священников и левитов по закону Моисееву. Здесь, в Египте, по повелению царя Птоломея Филадельфа[6], был сделан перевод книг Священного Писания Ветхого Завета с еврейского языка на греческий, чрез что Божественное откровение о спасении рода человеческого сделалось доступным и самим язычникам. Здесь в памяти народа еще живо было то знаменательное падение идолов одного египетского храма, сопровождавшее, по свидетельству отцов Церкви, прибытие святого семейства с Богомладенцем Иисусом, бежавшего от руки жестокого Ирода. Наконец, могло быть даже, что и в этой стране были свидетели чудесного сошествия Святого Духа на апостолов, принесшие и сюда семена Христова учения. Все это в сильной степени приготовляло жителей Египта к принятию учения христианского и обещало большой успех проповеди святого Марка. И действительно, когда Марк, первый из апостолов прибыв в Египет, начал проповедь Евангелия, возвещая людям свободу от диавола[7], то при самом начале его проповеди[8] уверовало во Христа великое мно-

---

[1] Так как в нем любили жить римские императоры.

[2] Около 49 года по Рождестве Христовом.

[3] Царствовал с 334 по 323 год до Рождества Христова.

[4] С 324 по 284 год до Рождества Христова.

[5] Близ города Илиополя.

[6] Около 271 года до Рождества Христова.

[7] Подобно тому как некогда Моисей возвестил здесь сынам Израилевым избавление от тяжкого ига фараонова.

[8] Как свидетельствует историк Евсевий.

жество мужей и жен. В самой Александрии, главном городе Египта, святой Марк основал церковь и был первым ее епископом.

Здесь святой Марк много потрудился в подвиге просвещения светом Христовой веры как иудеев, так и язычников, пребывавших дотоле во тьме идольского служения. Благоустроив затем церкви в Александрии и смежных с нею городах рукоположением к ним епископов и прочих клириков, святой Марк после того оставил Египетскую страну. Куда отправился он отсюда и был ли он в Иерусалиме на апостольском соборе[1] — неизвестно. Но когда апостол Павел перед отправлением во второе апостольское путешествие[2] был вместе с Варнавою в Антиохии, то, как свидетельствует книга Деяний апостольских, здесь с ними встретился и святой Марк и отсюда вместе с дядею своим Варнавою отправился на родину его в Кипр (см.: Деян. 15, 36–40). Потрудившись вместе с Варнавою некоторое время в подвиге благовестия Христова, Марк в другой раз отправился в Египет, куда в то же время или немного спустя прибыл и апостол Петр. Благовествуя в разных странах Египта и устрояя в них церкви, апостолы в это время между прочим положили основание Христовой Церкви и в египетском городе Вавилоне, откуда Петр и написал свое Первое соборное послание к малоазийским христианам (см.: 1 Пет. 5, 13). В Египте святой Марк пробыл до восьмого года царствования Нерона[3].

В последующее время святой Марк снова соединился с апостолом Павлом и вступил в число сотрудников его. Во время пребывания апостола Павла в узах в Риме[4] святой Марк вместе с некоторыми другими лицами разделял благовестнические труды этого апостола. В своем послании к Колоссянам, написанном из Рима в это время, апостол Павел называет Марка одним из немногих сотрудников своих для Царствия Божия, бывших для него в это время утешением (см.: Кол. 4, 10–11). Как видно из того же послания к Колоссянам, Марк, по распоряжению апостола Павла, из Рима отправился в Малую Азию, во фригийский город Колоссы (см.: Кол. 4, 10), для противодействия лжеучителям, прельщавшим колосских христиан (см.:

[1] Около 50 или 51 года по Рождестве Христовом.

[2] С 52 по 55 год.

[3] Царствовал с 54 по 68 год.

[4] С 61 по 63 год по Рождестве Христовом.

Кол. 2, 8–18). Где святой Марк провел несколько следующих за этим лет — неизвестно. Но ко времени, близкому ко дням кончины апостола Павла[1], святой Марк находился в Малой Азии, именно в городе Ефесе, в отечестве святого Тимофея, епископа Ефесской церкви. В это время апостолом Павлом, находившимся во второй раз в узах в Риме, было написано послание к Тимофею, в котором он, вызывая Тимофея в Рим к себе на помощь, поручал ему привести с собой и Марка, как нужного ему для служения (см.: 2 Тим. 4, 11). Здесь в Риме святой Марк был свидетелем мученической кончины за Христа обоих своих учителей, великих и первоверховных апостолов Христовых Петра и Павла, которые в одно и то же время пострадали за Христа в Риме; Павел — как имевший право римского гражданина — был усечен мечом, а Петр был распят на кресте.

По кончине своих великих учителей — апостолов Петра и Павла, святой евангелист Марк снова отправился в Египет для благоустроения основанной им церкви. Много потрудился он в подвиге проповеди Христовой веры в самой Александрии. Александрия, столица Египта, была средоточием греческой образованности. Здесь было знаменитое книгохранилище, здесь процветала языческая наука; ради нее сюда стекались люди отовсюду, так что город переполнен был учеными, философами, риторами и стихотворцами. Даже иудеи, в большом количестве жившие в Александрии, увлекались языческою ученостью. Для утверждения веры Христовой и с целью противодействовать ученым язычникам и иудеям святой Марк положил в Александрии основание христианскому огласительному училищу. В последующее время это училище сделалось средоточием христианского просвещения и прославилось тем, что из него вышли знаменитые учители Церкви, каковы: Пантен, Климент, и некоторые из отцов Церкви, каковы: Дионисий Александрийский, Григорий Чудотворец и другие.

Заботясь об устроении церковного богослужения, святой Марк составил Чин литургии и передал его христианам Александрийской церкви. Этот Чин литургии сохранялся продолжительное время в этой церкви и в последующие века. В богослужении египетских христиан (коптов) и доселе сохранились некоторые молитвы, приписываемые евангелисту Марку.

---

[1] Около 67 года.

Благоустроив Церковь Александрийскую, святой евангелист Марк в своих заботах о проповеди Христова учения не оставлял своим вниманием и усердием жителей и других городов и местностей Египта, но как крепкий и доблестный подвижник Марк, водимый Духом Божиим, со всем усердием и ревностью всюду спешил с проповедью Христова учения. Он посетил многие внутренние страны Африки, был в Ливии, Марморике, Киренаике и в Пентаполе. Все эти страны погрязали во мраке языческого идолослужения. Всюду по городам и селениям и на распутиях были устроены кумирни, в которых были поставлены идолы и в которых совершались волхвования, провещания и чародейства. Проходя эти города и селения с проповедью Евангелия, святой Марк просвещал сердца людей, пребывавших во тьме и мраке идолослужения, светом Божественного учения, совершая в то же время между ними великие чудеса. Одним словом Божественной благодати он исцелял болящих, очищал прокаженных, изгонял нечистых и лютых духов. И проповедь его, сопровождаемая великими и дивными чудесами, имела громадный успех. Падали кумирни, ниспровергались и разбивались идолы, люди очищались и просвещались, крестясь во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Всюду устроялись при евангелисте Марке церкви Божии, и Церковь Христова процветала в египетских странах. Под действием святых слов проповеди евангелиста Марка и под влиянием высокой чистоты и святости добродетельного жития его самого христиане египетские, под воздействием Божественной благодати, в своих подвигах к достижению спасения проявляли столько чистоты и высоты совершенства, что их жизнь, преисполненная святости христианской добродетели, служила предметом великого удивления и похвалы со стороны даже язычников и неверующих иудеев. Евсевий, епископ Кесарии Палестинской, и Никифор (Ксанфопул) — церковные историки, сохранили в своих книгах свидетельство некоего Филона — иудейского философа[1], который, похваляя добродетельную жизнь христиан египетских, говорит:

— Они (то есть христиане) оставляют всякую заботу о временных богатствах и не пекутся о своих имениях, не считая ничего на земле своим, для себя дорогим. Некоторые же из них, оставляя всякое попечение о житейском, уходят из городов и водворяются в

[1] Современника святых апостолов.

уединенных местах и садах, избегая сопребывание с людьми, несогласными с ними в жизни, чтобы не иметь от них препятствия в добродетели. Воздержание и умерщвление плоти они считают основанием, на котором только одном может созидаться добрая жизнь. Ни один из них раньше наступления вечера не вкушает и не пьет, а некоторые не приступают к пище до четвертого дня. Другие же опытные в толковании и разумении Божественного Писания, будучи исполнены жаждою знания и питаясь духовной пищей богомыслия, проводя время в изучении Писания, забывают о телесной пище до шестого дня. Вина отнюдь никто из них не пьет, и все они не едят мяса, присоединяя к хлебу с водою только соль и иссоп[1]. Среди них живут и женщины, воспитавшие себя в добродетельной жизни и приобыкшие к ней настолько, что остаются девами до старости. Но девство они сохраняют не по принуждению, а по свободному произволению, возбуждаясь ревностью и любовью к мудрости, заставляющей их отказываться от телесных удовольствий и стремиться к приобретению не смертных, а бессмертных порождений, какие может рождать из себя только душа, любящая и стремящаяся к Богу. Священное Писание изъясняется ими иносказательно, чрез нахождение подразумеваемого и сокровенного смысла и таин; ибо Писание, по их мнению, подобно живому существу: словесные выражения составляют его тело видимое, а сокровенная под этими выражениями мысль и тайна составляют его душу невидимую. Они рано встают на славословие Божие и молитву, на пение и слушание слова Божия — отдельно мужчины и отдельно женщины. Некоторые из них пребывают в непрерывном посте в течение семи недель. Седьмой день у них в великом почитании. Приготовляясь к нему и прочим праздникам, они ложатся почивать для отдыха на голую землю. Божественную службу совершают у них священники и диаконы, над которыми начальствует епископ. Такой благоуханный вертоград Христов насадил и возделал многоболезненными трудами своими святой евангелист Марк в странах египетских; там он был и первым епископом, имея святительский престол в Александрии, где он и претерпел страдальческую кончину, быв первым мучеником Александрийской Церкви.

---

[1] Горькая трава.

О страданиях и мученической кончине святого Марка блаженный Симеон Метафраст[1] так повествует. Святой Марк во время своего пребывания в Киринии — городе пентаполийском, где он трудился в подвигах благовестия Христова учения и устроения Христовой Церкви, получил повеление от Духа Святого идти оттуда для проповеди Евангелия в Александрию Фаритийскую[2]. Послушный велениям Святого Духа, Марк поспешил со всем усердием на новый подвиг. Известив братию о повелении Господнем идти в Александрию, он после прощальной трапезы с христианами, напутствованный их благословением, отплыл из Киринии в Александрию. На второй день он достиг Александрии и, выйдя из корабля, пришел на некое место, называемое Мендион. Здесь, при входе в городские ворота, лопнул пополам его сандалий, что святой принял за доброе предзнаменование. Увидев тут же сапожника, починявшего ветхую обувь, святой отдал ему починить свой сандалий. Сапожник, починяя сандалий, случайно проколол своим орудием левую руку свою и, вскричав от боли, призвал имя Божие.

Услышав этот возглас, апостол возрадовался духом, видя в этом указание, что Господь устроит ему благополучный путь. Рана же на руке сапожника была очень болезненна, и из нее обильно струилась кровь. Святой Марк, плюнув на землю, сделал брение и, помазав рану его, сказал:

— Во имя Иисуса Христа, живущего вовеки, будь здрав.

И тотчас же рана у сапожника закрылась и рука его сделалась здоровой. Сапожник, видя такую силу в стоявшем перед ним муже и действие его слов, а равно во взоре его чистоту и святость жизни, обратился к нему с просьбою, сказав:

— Умоляю тебя, человек Божий, войди в дом мой и побудь у меня, раба твоего, хотя день, дабы разделить со мною трапезу, потому что ты ныне оказал для меня милость.

Апостол, с радостью согласившись на его просьбу, сказал:

— Пусть Господь даст тебе хлеб жизни, — хлеб небесный.

---

[1] Церковный писатель IX века.

[2] *Александрия* названа *Фаритийской* потому, что к ней присоединен был небольшой город *Фарос*, где стоял большой высокий столб, на котором по ночам зажигали огонь для указания пути в пристань прибывающим по морю кораблям.

И человек тот, взяв тотчас апостола, с великою радостью ввел его в дом свой. Войдя в дом, святой Марк сказал:

— Благословение Господне да будет здесь! Помолимся, братия, к Богу.

И все вместе сотворили молитву к Богу. Когда после молитвы сели за трапезу, сапожник, любезно начав беседу, спросил святого:

— Отче! Кто — ты? И откуда такая сила в твоем слове?

Святой Марк ответил:

— Я — раб Господа Иисуса Христа, Сына Божия.

Человек тот сказал:

— Хотел бы я видеть этого Сына Божия.

Святой Марк ответил:

— Я покажу тебе Его!

И начал благовествовать Евангелие Иисуса Христа и изъяснять из пророков то, что́ было предречено ими о Господе нашем. Человек тот, слушая его проповедь, сказал:

— Я никогда не слышал того Писания, какое ты мне изъясняешь; я слышал только из «Илиады», «Одиссеи» и из того, что изучают египетские юноши.

Тогда святой Марк, продолжая проповедь о Христе, со всею ясностью показал ему, что мудрость века сего есть «буйство»[1] перед Богом. Человек же тот уверовал во все то, что говорил ему святой Марк, и, видя чудеса его, крестился сам и с ним крестился весь дом его, а вместе с ними крестилось великое множество людей той местности. Имя этому человеку было Анания. Число верующих умножалось там день ото дня. Тогда начальники города, услыхав, что некий галилеянин, пришедший к ним, хулит их богов и возбраняет приносить им жертвы, искали убить святого Марка и собрались для совещания о том, как захватить его. Святой Марк, узнав об этом их решении, поспешил поставить для верующих епископом Ананию и трех пресвитеров — Малеона (или Малха), Савина, Кердона, семь диаконов и одиннадцать клириков для церковной службы и, бежав оттуда, пришел опять в Пентаполь. Пробыв здесь два года, утвердив бывшую там братию и поставив в окрестных странах и городах епископов, пресвитеров и клириков, святой Марк возвратился опять в Александрию. Здесь нашел он братию, умножившеюся в числе и преуспевающею в благо-

[1] *Буйство* — безумие, неразумие (ср.: 1 Кор. 1, 18–22).

дати и вере Господней. В Александрии существовал уже христианский храм, построенный близ моря на месте, называемом «Вукул»[1]. При виде храма святой Марк возрадовался и, преклонив колена, прославил Бога. Святой Марк пробыл в Александрии довольно продолжительное время. Христиане той церкви умножались числом и, укрепляясь в вере, открыто укоряли эллинов в идолослужении. Эллинские градоначальники, узнав о пребывании святого Марка в их городе и слыша о том, что он творит великие чудеса: болящих исцеляет, глухим возвращает слух, слепым подает прозрение, воспылали на него ненавистью и завистью, и искали его. Долго не находя его, они, собираясь в своих языческих храмах, со скрежетом зубов, гневно восклицали:

— О какое беспокойство причиняет нам этот волхв и чародей!

Приближался пресветлый праздник Пасхи. И вот, 24 апреля, в день светлого Христова Воскресения, с которым на этот раз совпал языческий праздник в честь Сераписа, язычники нашли случай захватить святого Марка. Святой евангелист совершал в этот день Божественную службу. Нечестивые язычники увидели в этом удобный случай и, собравшись по случаю своего праздника большою толпою, внезапно напали на церковь. Они схватили святого Марка, обвязали его веревками и, влача по улицам и предместьям города, кричали:

— Поведем вола этого в воловницу, то есть в воловий хлев.

Святой же Марк, терпя мучение, благодарил Господа, говоря:

— Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, что Ты сподобил меня потерпеть за Твое имя эти страдания.

Святого влекли по земле, усыпанной острыми камнями, так что тело его, терзаемое по камням, покрылось ранами, и кровь, обильно истекавшая из них, обагрила весь путь. Истерзанного таким образом святого нечестивые язычники ввергли в темницу, а сами, при наступлении вечера, собрались на совет о том, какой смерти предать его. В полночь апостолу-мученику явился Ангел Господень и укрепил его на подвиг мученичества извещением о предстоящем ему блаженстве на небе; затем и Сам Господь Иисус Христос явился ему, утешив его Своим явлением. На следующее утро неистовая толпа язычников извлекла апостола из темницы и влачила его по улицам города. Святой не вынес таких терзаний и вскоре скончался, благодаря Бога, молясь к Нему и говоря:

---

[1] *Вукул*, то есть место для кормления волов, от греческого слова βοῦς — бык.

— В руки Твои, Господи, предаю дух мой![1]

Неутолимая злоба язычников не удовольствовалась смертью апостола: они решились сжечь его тело. Уже разведен был огонь, как вдруг внезапный мрак, страшный гром, землетрясение, дождь и град рассеяли толпу нечестивцев, а дождь погасил огонь. Благочестивые же христиане, с благоговением взяв тело святого, погребли его в каменном гробе на месте молитвенных своих собраний.

Над мощами святого Марка в 310 году построена была церковь, и они оставались в Александрии до IX века. В первой половине этого века[2], когда владычество арабов-магометан и ересь монофизитов совершенно ослабили православие в Египте, мощи святого евангелиста перенесены были в Венецию, близ которой (в Аквилее) он некоторое время подвизался в проповеди Евангелия: там они почивают и до этого времени в великолепном храме, посвященном его имени. Здесь хранится весьма древняя рукопись Евангелия от Марка, написанная на тонком египетском папирусе, по преданию рукою самого евангелиста[3].

---

[1] Святой Марк скончался в царствование Нерона, около 68 года по Рождестве Христовом.

[2] В 828 году.

[3] От Марка святое Евангелие, по Уставу Православной Церкви, кроме особенных случаев, читается на литургиях с 11 до 17 недели по Пятидесятнице, потом с 29 до 34, исключая дни субботные и воскресные, и в субботные и воскресные дни святой Четыредесятницы, кроме воскресенья первой седмицы.

На иконах евангелист Марк изображается вместе со львом. Об этом изображении сделано примечание к началу Евангелия Марка. Евангелие его начинается повествованием о явлении Иоанна Крестителя, который своею проповедью о покаянии и приближении Царства Божия огласил пустыню иудейскую, был гласом вопиющего в пустыне и в этом отношении уподобился льву, живущему и рыкающему в пустыне.

Александрийские патриархи, справедливо почитающие святого Марка основателем и покровителем своей церкви и первым патриархом Александрийским, в своих посланиях преподают благословение этими словами: «Да будет благословение Владыки Христа, Пресвятой Богородицы и святого евангелиста Марка», а на своей печати имеют изображение крылатого льва, держащего Евангелие.

Евангелие на утрени — в день памяти святого апостола Марка — повествует об избрании и послании 70 апостолов на проповедь, между которыми был и Марк (Лк. 10, 1–21); на литургии Евангелие говорит о послании апостолов на проповедь (Мк. 6, 7–13); чтение Апостола упоминает о евангелисте Марке, как о сыне апостола Петра (1 Пет 5, 6–14).

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО СИЛЬВЕСТРА ОБНОРСКОГО

О происхождении и месте рождения преподобного Сильвестра ничего не известно[1]. Известно только, что иноческое пострижение он получил от преподобного Сергия Радонежского[2] и сначала подвизался в его монастыре. С благословения знаменитого Радонежского подвижника, Сильвестр, жаждавший уединения, отправился на дальний северо-восток и остановился на берегах реки Обноры[3]. Тогда здесь были дремучие леса, и поблизости никакого жилья не было. Устроив себе убогую тесную келью, преподобный Сильвестр стал подвизаться в полнейшем уединении, перенося всякие нужды, но предавшись неустанной молитве и бдению.

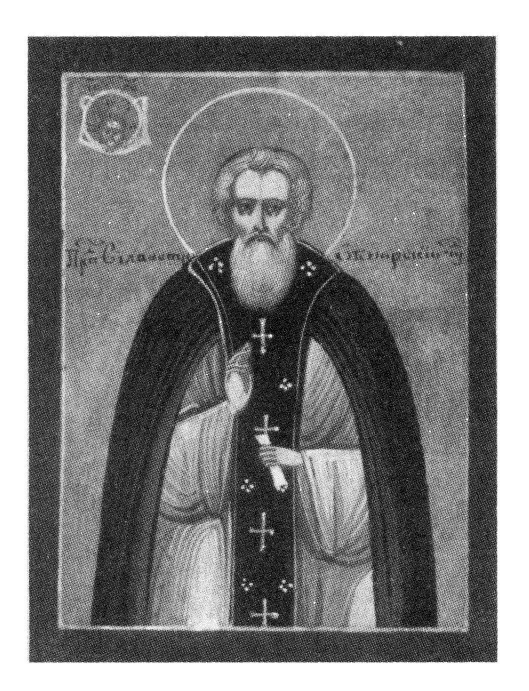
Долго никто не знал, что в глухом лесу подвизается отшельник. Но раз один из жителей того края сбился с дороги и в глухом лесу неожиданно наткнулся на келью пустынника. К изумленному путнику вышел отшельник, одетый в рубище, смущенный появлением человека в таком пустынном месте, где никого до того времени он не видал, да и не хотел видеть. Путник сказал преподобному о себе, кто он и как попал сюда. При этом он сообщил, что над местом, где живет отшельник, он издали нередко видал то светлые лучи, то облачный столп. Преподобный прослезился от скорби, что место его уединения стало известным. Путник упросил отшельника сказать, как его зовут и как он тут живет. Сильвестр рассказал, что он живет тут уже немалое время, питается древесной корой и кореньями. Сначала без хлеба он обессиливал от голода и от изнеможения, падал на землю, но потом раз явился ему некий чудный муж, прикоснулся к нему своей рукой и с тех пор он уже не испытывает бедственного состояния.

---

[1] Жития *преподобного Сильвестра* не сохранилось, да едва ли оно и было написано в древности. Известно по рукописям только сказание о чудесах его. Сведения о его жизни почерпаются только из отрывочных записей и из предания.

[2] *Преподобный Сергий* родился в 1315 году, а преставился в 1391 году, 25 сентября. Память его празднуется 5 июля и 25 сентября.

[3] В ста пяти верстах от Ярославля и в шестнадцати верстах от теперешнего уездного города Ярославской губернии Любиша, выше его по реке Обноре, впадающей в реку Кострому.

Случайно открывший пустынника путник вскоре вернулся к нему нарочно, дал хлеба и муки на запас.

Достаточно было этой одной встречи, чтобы место жительства и подвиги отшельника стали известными в окрестных, хотя и неблизких селениях. Поселяне стали приходить к подвижнику для душеспасительных бесед и духовных советов, причем приносили ему и пищу. Некоторые решались оставаться при нем для спасительного подвига под его руководством. Видя искреннюю любовь к себе и свободное желание подвига, преподобный Сильвестр не препятствовал строить новые кельи, так что около него собралось немало новых подвижников и оказалась настоятельная нужда в создании храма Божия. Тогда сам Сильвестр отправился в Москву и у митрополита Алексия[1] испросил благословение на создание храма, получил антиминс и был поставлен игуменом возникавшей в Обнорском краю первой иноческой обители.

Трудами преподобного и собравшейся около него братии создан был храм во славу воскресения Христа Спасителя.

Теперь еще более стало приходить к Сильвестру как простых людей, так и князей, и бояр. Одни желали видеть преподобного, получить от него благословение и слышать его учительное слово; другие — покаяться в своих согрешениях и получить прощение и утешение; некоторые — с тем, чтобы на всю жизнь посвятить себя иноческому подвигу под руководством опытного подвижника.

Отдаваясь неусыпным трудам по устроению монастыря, преподобный Сильвестр пользовался всяким досугом и удобным временем, чтобы уходить из монастыря в лесное уединение для одиноч-

---

[1] *Святой Алексий* был митрополитом с 1354-го по 1378 год.

ной молитвы и бдения, столь желанных и привычных его душе. Но когда он возвращался из такого уединения, его уже ждала около монастыря толпа народа, желавшего видеть его и получить благословение и поучение[1]. Приносили детей и больных, прося его благословения и целительных молитв. И теперь существует около бывшего монастыря роща, часть того леса, в который преподобный удалялся для уединения; существует и колодезь на спуске к реке Обноре, вырытый преподобным Сильвестром над ключом.

Так в лесной трущобе возникла деятельная жизнь, представлявшая собою соединение труда и бдения, поста и молитвы, телесных скорбей и духовных радостей.

Преподобный состарился и впал в предсмертную болезнь. Братия собрались вокруг постели больного в его келии и со слезами выражали свое горе, лишаясь своего руководителя и попечителя и опасаясь за судьбу обители. «Не скорбите об этом, братия моя возлюбленные, — говорил им в утешение преподобный Сильвестр, — на все воля Божия; сохраняйте заповеди Господни и не бойтесь в этой жизни потерпеть беды, чтобы получить награду на небесах. Если же я буду иметь дерзновение у Бога и дело мое будет Ему угодно, то место это святое не оскудеет и по моем отшествии, молитесь только Господу Богу и Пречистой Его Матери, чтобы избавиться вам от искушений лукавого».

Кончина преподобного последовала 25 апреля 1379 года на память святого апостола и евангелиста Марка. Тело преподобного погребено было подле Воскресенского деревянного храма, с правой стороны.

Основанный преподобным Сильвестром монастырь не прекратил своего существования со смертью создателя: более четырехсот лет текла здесь монастырская жизнь, одни иноки сменяли других, служа просвещению этого глухого края.

По смерти преподобного стали совершаться чудеса при его гробе, так что с течением времени преподобного Сильвестра стали чтить как чудотворца в ближних и отдаленных местах.

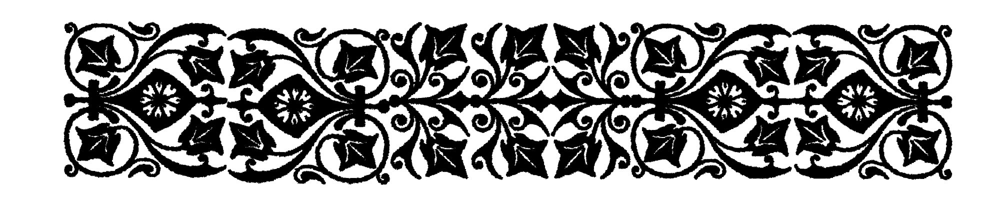
---

[1] Место собеседования с народом было издавна отмечено часовнею, но потом она перенесена была ближе к селу, так как на ее месте предполагалось построить церковь во имя преподобного Сергия Радонежского.

Непрерывных записей таковых чудес не велось в монастыре, между тем на некоторых древних вещах, сохранившихся и доселе в Воскресенском храме, имеются надписи (чеканные, шитые и рукописные) о вкладах этих вещей в обитель преподобного Сильвестра, Обнорского чудотворца[1]. Сохранившиеся рукописи содержат запись чудес, начиная с 1645 года; всего описано двадцать три чуда. Получали исцеление при раке преподобного бесноватые и страдавшие исступлением ума, болезнью глаз или слепотою, глухотою, расслаблением, немотою. Вот один случай. В 1645 году служивший в обители иеромонах, по имени Иов, приказал собраться монастырским крестьянам и рубить находившуюся подле монастыря рощу под огнище. Крестьяне приступили к делу. Со стороны Иова это распоряжение было греховное: он самовольно посягнул на рощу преподобного Сильвестра. Прогневавший Бога Иов был поражен слепотою и перестал видеть. Через четыре недели Иов сознал свой грех и стал каяться пред Господом Богом, Пречистой Его Материю и преподобным Сильвестром, и дал обещание не поступать по своей воле, а все делать по совету братии. Он отправился в церковь, отслужил молебен, со слезами молясь о прощении грехов и о возвращении ему зрения. Приложившись к святым иконам, слепой Иов пришел к раке преподобного, облобызал ее с верою и — прозрел. После такого чудесного исцеления он возблагодарил Господа Бога и преподобного Сильвестра.

[1] Таковы: напрестольный серебряный крест 1593 года, шитый шелками воздух 1599 года, пролог с подписью по листам 1661 года, вышитая шелками икона преподобного 1664 года.

День двадцать шестой

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА **ВАСИЛИЯ**, епископа Амасийского[1]

После погибели нечестивого изверга, римского царя Максенция[2], который, как враг Божий, был сражен силою Креста Господня, явившегося на небе Константину Великому, и погиб, как некогда Фараон, в водной пучине, римское царство на Западе, наконец, вздохнуло после жестоких казней. На Востоке гонения на христиан продолжались со стороны другого врага Божия, императора Максимина[3], хулившего истинного Бога и жестоко преследовавшего верных служителей Христа. Благоверный царь Константин послал против него на Восток Ликиния[4], выдав за него свою сестру. Ликиний веровал тогда в Господа нашего Иисуса Христа и с помощью Божией так поразил Максимина, что последний едва спасся бегством с небольшим отрядом; но спасшись от руки Ликиния, не убежал от руки Божией. Когда он скрывался в киликийском городе Тарсе[5], то внезапно все тело его покрылось неизлечимыми ранами, так что от нестерпимых, как огонь, страданий он кидался на землю, тело, как растаявший воск, отпадало кусками от костей, и грешная

---

[1] *Амасия* — небольшой город в Малой Азии, на берегу Черного моря.

[2] *Максенций* — сын Максимиана, император римский с 306 по 312 год, разбит Константином Великим и утонул в Тибре. Известен своею жестокостью.

[3] *Максимин* — император римский, управлявший Сирией и Египтом с 305 по 313 год.

[4] *Ликиний* — император с 312 по 324 год.

[5] Старинный город в Малой Азии.

душа его держалась только в скелете без тела и крови. Наконец, и кости стали с мучительной болью отпадать одна от другой, и он, сознавшись, что в своем нечестии и жестокости преследовал и убивал неповинных рабов Христовых, проклял своих богов и умер.

Ликиний, овладев всем Востоком, торжественно вступил вместе с своей супругой в Никомидию. Сперва царствовали мир и тишина повсюду на веселие и радость верным, отдохнувшим после жестокого гонения Максимина, но враг всего доброго — диавол снова погрузил христиан в море скорбей. Ликиний, укрепившись на Востоке, отступил от Христа Бога и возвратился к мерзостному идолослужению, в котором был воспитан. Только ради того, чтобы разделить престол с Константином и жениться на его сестре-христианке, принял он Христову веру и клялся Константину никогда не отступать от христианства, но всегда защищать его. Потом, сделавшись восточным императором, забыл милости Христа Бога, помогшего ему победить Максимина и завладеть Востоком, забыл благодеяния царя Константина, отвернулся от него, как и от Христа, сделался его злым врагом. В Никомидии он открыто отвергся от христианства, стал поклоняться идолам и велел повсюду восстановить языческие жертвоприношения, а верных снова начал преследовать. Прежде всего, он изгнал из царских палат всех христиан: и сановников, и слуг, и оруженосцев, стал смеяться над Христовым милосердием, возвратился к языческим верованиям и предался без стыда плотским грехам. Он погряз в разврате и насильно совращал к любодеянию сенаторских жен и дочерей,

особенно христианок, чтобы надругаться над святыми и Самим Христом Богом.

Видя это, супруга его, верная христианка, по имени Констанция, скорбела всем сердцем и тайно в письмах рассказывала обо всем брату своему Константину.

Среди ее служанок во дворце была одна девица, прекрасная лицом и целомудренная, по имени Глафира, христианка, происходившая из благородной итальянской семьи. Ее увидел Ликиний и, разжигаемый нечистою похотью, приказал старшему из постельников-евнухов, по имени Венигну, сообщить ей о своей страсти. Венигн сказал Глафире, что царь, оказывая ей великую честь, полюбил ее, хочет повидаться с нею и приказал приготовиться к принятию царя. Но благочестивая девица, нося в себе страх Божий, возмутилась таким предложением и с позором прогнала евнуха, укоряя его в бесстыдстве и беззаконии. Опасаясь возбудить подозрение и ревность царицы, Глафира рассказала ей все и умоляла ее в таких словах:

— Ради Господа, создавшего небо и землю, Которого ты боишься и Которому верно служит твой брат Константин, не допусти, чтобы мое девство было нарушено беззаконным развратником.

Услышав такие слова, царица горячо полюбила Глафиру за ее целомудрие и страх Божий и стала обдумывать, как бы ее укрыть. Когда царь спросил о ней, то царица приказала пустить во дворце такой слух, что Глафира сошла с ума и лежит больна, при смерти. Слух дошел до царя, и он перестал думать о Глафире. Тогда царица, выждав время, тайно отпустила из дворца благочестивую Глафиру, наделив ее в изобилии золотом, серебром, драгоценными камнями, богатою утварью, лучшими одеждами и всякими другими вещами. Приставив к ней для услуги многих рабов и рабынь, царица поручила ее попечению некоторых из своих честных и благочестивых слуг, приказала им проводить девицу в Армению, никому о ней не говоря ни слова, и там проживать, пока Бог не изменит обстоятельств к лучшему. Слуги дали царице слово исполнить приказание с величайшей осторожностью. Они одели Глафиру и ее прислужниц в мужскую одежду и благополучно вывели их из Никомидии. После долгого путешествия, приближаясь уже к Армении, они дошли до города Амасии, где жил Понтийский митрополит.

Красота города пленила Глафиру; она предложила спутникам остаться в нем, если там найдутся христиане, и приказала расспрашивать прохожих. Навстречу попался один юноша, живший в доме уважаемого амасийского гражданина — Квинтия. Этот юноша догадался, что странники — христиане, ищущие своих единоверцев, и сообщил об этом своему господину. Квинтий тотчас сам вышел к путникам, пригласил их прийти в его дом и там жить, сколько пожелают. Он сказал, что он сам христианин и что в городе есть много христиан, и что они имеют почтенного епископа, подобного апостолам. Странники с радостью слушали эти слова, пошли к Квинтию, который предоставил им для жилья отдельное покойное помещение.

Посетил их и епископ города, по имени Василий, о котором нам предстоит говорить, человек красноречивый, одаренный добродетелями духовными. Он спросил странников, кто они и откуда пришли. Целомудренная Глафира рассказала всю правду — что она родом из Италии, исповедует христианскую веру, была служанкой сестры царя Константина, супруги царя Ликиния, рассказала и о причине своего странствования. Выслушав ее рассказ, святой епископ Василий и Квинтий запретили ей и ее слугам выходить куда-либо из дому и разговаривать с кем-нибудь, чтобы о ней не узнал правитель города, и не потерпели из-за нее беды все амасийские христиане.

В то время святой епископ Василий строил внутри города храм, так как христиане имели только небольшую церковь за городом. Блаженная Глафира отдала епископу на церковное строение много золота и серебра — все, что ей дала царица, ничего себе не оставив. Она написала царице, где скрывается и в чьем доме живет; написала и о постройке церкви, прося прислать еще золота на окончание работ и украшение храма. Царица с радостью исполнила просьбу, послала обильные дары церкви и епископу и в письме поручила целомудренную Глафиру заботам святого Василия.

Через короткое время, кознями диавола, случилось, что письмо Глафиры к царице попало в руки постельнику Венигну, который таким образом узнал, что девица, которую все считали умершей, жива и находится в Амасии. Все это Венигн передал Ликинию, который в страшной ярости написал правителю города Амасии приказ заковать христианского епископа Василия и рабыню царицыну Глафиру в оковы и немедленно прислать в Никомидию. Но волею Божиею бла-

женная и святая дева Глафира скончалась прежде, чем приказ дошел до амасийского правителя. Тогда правитель заковал и послал в Никомидию одного Василия, а о Глафире сообщил, что она уже умерла. Вместе с епископом пошли из Амасии два диакона, Парфений и Феотим, претерпевая на пути много страданий от нечестивых и жестоких воинов. В Никомидии раб Божий Василий был заключен в тюрьму, а Парфений и Феотим поселились недалеко от темницы у одного страннолюбивого христианина, по имени Елпидифора.

Узнав все о святом Василии, Елпидифор подкупил золотом знакомого тюремного сторожа, чтобы получить доступ к епископу и себе, и обоим диаконам. Так приходили они часто к святому Василию, каждый день пели священные песнопения, а ночью усердно молились.

Накануне того дня, когда надлежало предстать перед царем на допросы, святой епископ позвал сторожа и попросил призвать диаконов и Елпидифора. Тюремщик охотно исполнил поручение. Тогда Василий, стал, по обычаю, петь псалмы Давидовы, начиная от псалма: *Вспомни, Господи, Давида и все сокрушение его* (Пс. 131, 1). Когда он дошел до слов: если *переселюсь на край моря, — и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя* (Пс. 138, 9–10), он повторил их трижды, воздев руки. Видя печаль и слезы молящегося, диаконы усомнились, не убоялся ли епископ предстоящих мучений. Но тот знал значение этих слов, предсказывая, что тело его, по усечении главы, брошено будет в море. Окончив пение псалмов, уже на рассвете, епископ сказал диаконам:

— Братья мои, по наущению диавола, нам предстоят жестокие искушения. Но вы не убойтесь, не изнемогайте от страданий, мужественно и непоколебимо стойте за веру, чтобы не посрамиться в день пришествия Господня. Духовными очами бодро обращайтесь к Тому, Кто Один может нас спасти, Кто может обратить печаль в радость, плач в веселье, слезы в смех, труды в покой. Все блага и удовольствия жизни считайте ничтожными ради Сына Божия Иисуса Христа, чтобы вместе со всеми святыми быть наследниками Его Царствия. Знайте, дети мои, что в эту ночь мне явился Сам Господь и объявил, какой конец жизни ожидает меня и сколько славы Его проявится через меня, раба Божия. Итак, вы не скорбите, но возвратитесь обратно к себе и утверждайте братию в духе христианства.

Вместо меня изберите епископом Евтихия, сына Каллиста. Так сказал мне Бог; Он отдаст вам грешное мое тело.

Диаконы горько плакали. Епископ, еще сказав обычное поучение, убеждал их возвратиться в Амасию. К Елпидифору он обратился с такими словами:

— Брат мой! Ты Богом избран на служение странникам и за любовь свою получишь на небе вечную награду. Поручаю тебе этих двух детей моих духовных, не покидай их, но раздели их скорбь. Когда же Бог призовет тебя на служение Свое, то потрудись усердно.

Когда святой отпустил от себя Елпидифора и обоих учеников, царь призвал его к себе на допрос и прежде всего стал обвинять, что он, приняв к себе Глафиру, скрыл ее, а не донес о ней царю. Святой епископ тотчас дал достойный ответ с такою смелостью, что разгневал царя и снова был отведен в тюрьму. Тогда Ликиний послал к нему трибуна[1] с обещанием не только забыть случай с Глафирой, но осыпать почестями, даже назначить старшим над всеми жрецами города, если епископ принесет жертвы богам. Угодник Божий Василий ответил трибуну:

— Передай мои слова царю. Если бы ты захотел дать мне даже все царство, то и это не сравнится с тем, что хочешь отнять у меня: ты соблазняешь меня отступить от истинного Бога и служить бесам — губителям души, отказаться от бессмертной славы и насладиться временными и скоропреходящими почестями, блеск которых для меня противен, которые ведут не к свету, а к тьме беспросветной. Но если хочешь послушать моего доброго совета, то лучше ты повинись мне в своем преступлении и возвратись, как прежде, ко Христу, от Которого ты отвергся. Со смирением припади к стопам Его, Бога милостивого, праведного Спасителя нашего. Покайся, отступи от своего нечестия, чтобы не покарал тебя за твое безумие праведный Судия, Которого ты называл Богом и от Которого ты отрекся.

Услышав от трибуна такие слова святого, Ликиний приказал снова увещевать епископа повиноваться царю, а если откажется, то бросить в море, отсекши голову. «Тогда посмотрим, — сказал он, — спасет ли его Галилеянин»[2].

---

[1] Начальник военного отряда.

[2] То есть Иисус Христос.

Трибун снова пришел к святому и сказал ему:

— Выбирай между жизнью и смертью; послушайся царя и поклонись его богам, или ты немедленно будешь обезглавлен и брошен в море.

Услышав такие угрозы, святой с радостью воскликнул:

— Я хочу послужить только моему бессмертному Царю и Богу и только Его заповедям повинуюсь. А кого вы называете богами, это — бесы, которые вместе с своими почитателями, истинным и единым моим Богом, Владыкой всех, ввергнуты будут в день праведного суда в неугасимый адский огонь, в тьму беспросветную, где будут плакать и скрежетать зубами. Делайте со мною, что хотите. Я готов принять за Христа не только усекновение мечом и потопление в море, но и бесчисленные другие муки. До последнего вздоха я не отрекусь от Бога, Создателя моего, и не буду повинен огню вечному.

Убедившись из этих слов, что увещания бесполезны, трибун приказал бить святого, а потом обезглавить его и бросить в море. Таким же образом очень многие христиане, особенно пастыри стада Божия, предавались смерти и делались добычей рыб. Мученик Христов Василий принял удары с радостью и восклицал:

— Никакие мучения — ни боль, ни темница, ни огонь, ни меч, ни самая смерть не могут отлучить меня от всемилостивого Бога. Он силен избавить меня от всех мучений.

По пути на место казни святой мученик пел псалмы Давидовы. Вслед за ним шел Елпидифор с диаконами и некоторыми христианами. Когда все дошли до назначенного места, Елпидифор дал воинам несколько монет и стал их просить, чтобы они дозволили Василию поговорить немного с друзьями. Воины согласились. Приклонив колена на морском берегу и воздев руки, верный служитель Христов стал молиться такими словами:

— Господи, Боже мой, сотворивший небесные бесплотные силы, простерший, как кожу, небо, установивший на водах землю, создавший море, везде и всегда пребывающий, милостивый к боящимся Тебя и исполняющим заповеди Твои, услышь молитвы мои и сохрани верное стадо Твое, пастырем которого Ты поставил меня, ничтожного раба Твоего, от всякой напасти, от еллинского нечестия, от злоречия людей, хулящих Тебя. Уничтожь, Всемогущий, служе-

ние идолам, разори козни диавола, а Церковь Твою святую возвеличай и приумножь. Этот город и все окрестные приведи к единомыслию и единодушию, чтобы все исповедовали Тебя, истинного Бога. Сделай всех людей ревностными к добру и служению Тебе, чтобы во всех было прославлено имя Отца, Сына и Святого Духа, и ныне, и всегда, во все века. Аминь.

Окончив молитву, святой обнял и поцеловал Елпидифора и обоих диаконов, как некогда великий апостол Павел ефесских священников, лобзанием святым и сказал:

— Благословен Бог, не допустивший нас сделаться добычей невидимых врагов, но сокрушивший их козни и избавивший нас; теперь враги не смогут больше искушать нас. Приветствуйте братию и чад моих, которых в Духе Святом я родил. Благодать Господа нашего Иисуса Христа да будет со всеми вами. Аминь.

Потом святой мученик, сказав палачу: «Друг! Делай что тебе приказано», — снова стал на колена и с радостью протянул шею под удар меча, завершая добрый свой подвиг.

Когда святой был обезглавлен, Елпидифор, давая воинам золото, умолял их не бросать тело мученика в море, а отдать ему для погребения. Но воины не согласились, говоря, что боятся царя, который казнит их за это смертью. Тогда Елпидифор просил дать только голову епископа, но снова получил отказ. И вот воины положили в рыбачью лодку тело и главу мученика, отплыли далеко от берега и бросили в воду в одном месте тело, в другом главу.

С берега смотрели и горько плакали христиане, и среди них священник из Никомидии Иоанн, видевший и впоследствии описавший весь подвиг святого мученика. Верный раб Христов Елпидифор отвел обоих диаконов обратно в свой дом и утешал их, сколько мог.

В ту же ночь во сне было ему Божественное видение; ему явился Ангел и сказал:

— Епископ Василий теперь в Синопе и ожидает вас там. Возьми его диаконов и отправляйся на корабле к нему.

Видение повторялось ночью трижды. Елпидифор рассказал об этом диаконам и спросил их, знают ли они, что это за местность или город Синоп. Парфений отвечал:

— Синоп — это приморский город, где проповедовал Христово учение святой апостол Андрей. И я видел во сне святого Василия. Мне казалось, он подает руку апостолу, входит вместе с ним в церковь и говорит мне: «Сбудется то, что ты видишь».

Тогда Елпидифор, взяв с собою достаточно золота и всего необходимого в пути, сел с диаконами на корабль и отплыл в город Синоп с горячей молитвой, чтобы Бог объяснил сонное видение.

Когда приближался корабль к Синопу, Елпидифор во сне снова увидел Ангела, который сказал:

— В правой стороне от города забросьте в море сеть, и вы найдете ту драгоценность, которую ищете.

Указывая перстом место, Ангел указал и признаки, как его найти. Елпидифору казалось, что он видит там светлый чертог, а в нем Василия со множеством блестящих воинов. «Видишь, — продолжал Ангел, — того, кого искал? Утром возьми его». Встав от сна, Елпидифор рассказал своим спутникам о видении.

Рано утром отправились они на правую сторону города и по признакам, указанным Ангелом, нашли место. Там они увидали рыбаков, приготовлявших сети к ловле рыбы. Елпидифор сказал этим рыбакам:

— Мы заплатим вам, сколько хотите, если вы на счастье каждого из нас забросите сети и отдадите нам, что поймаете.

Рыбаки согласились и сговорились в цене. Елпидифор и диаконы бросили жребий, на чье счастье закинуть первую сеть. Жребий пал на Феотима. Бросили сеть, но ничего не поймали. Потом испытали счастье Парфения, и опять неудачно. Тогда Елпидифор воскликнул:

— Приказываю вам закинуть сеть не на мое имя, а во имя Бога моего и на Него надеюсь, что ловля не будет бесплодна.

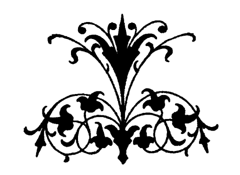
Когда стали вытаскивать сеть, то рыбаки почувствовали тяжесть и стали говорить между собою:

— Бог этого человека счастливее других богов.

Вытащив сеть, ловцы увидали тело мертвеца, и уже, наоборот, стали говорить, что ловля Елпидифора самая несчастливая. Они хотели бросить труп обратно в воду, но Елпидифор и его спутники воспротивились и потребовали, чтобы рыбаки отдали тело для достойного погребения и взяли условленную плату. Ловцы отказыва-

лись от денег, говоря, что поймали труп, а не рыбу, но, наконец, по настоянию Елпидифора взяли. Тело святого было вынесено на берег, причем диаконы и Елпидифор благоговейно, с радостными слезами прикасались к нему. Они удивлялись чуду, видя, что глава, отделенная палачом от туловища и отдельно брошенная в море, оказалась на своем месте, и след меча остался только, как шрам на шее. Чудное благоухание исходило от тела мученика. Христиане обвили останки святого чистыми погребальными одеждами, наняли колесницу, отвезли в Амасию, и там, оплакав, честно погребли в созданном им храме. Такой мученический подвиг совершил святой Василий, епископ Амасийский.

Вскоре после его кончины великий царь Константин, узнав из тайных посланий сестры о разврате, отступничестве и жестокости Ликиния, пошел на него с большим войском и с помощью Божией победил его. Ликиний был взят живым в плен и заточен в Галлию, где умер злою смертью. Весь Восток избавился от насилия мучителей и свободно служил Христу Богу. По всей вселенной распространялась слава Отца, и Сына, и Святого Духа, Бога Единого в Троице, Коему честь и поклонение да будет от всех во все века. Аминь.

ЖИТИЕ
ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО
СТЕФАНА,
епископа Пермского

Святой Стефан родился[1] в городе Устюге. Его благочестивый отец Симеон, по происхождению русский, был чтецом при Богородицкой соборной церкви. Жена его Мария была так же примерной христианкой, в жилах которой текла тоже русская кровь. У прекрасных родителей был прекрасный и сын, с своего раннего детства приводивший их в радость и восхищение. Отданный ими учиться еще маленьким дитятей, он, благодаря своей живой памяти, острому уму и выдающемуся прилежанию, с замечательной быстротой и редкостной твердостью усвоял учение. Не прошло еще и года его обучения, а он уже по достоинству занял должность канонарха и чтеца при том же храме, при котором служил его отец. Превзошедши многих родных и чужих сверстников своим знанием Божественного Писания, он еще более превосходил их своею добродетельной жизнью. Он возрастал в детстве, чистоте, целомудрии и трудолюбии и избегал общения с развращенными и проводящими время в суетных играх и забавах. Многие, прочитанные им, книги Ветхого и Нового Заветов породили в его уме мысль о суете настоящей кратковременной жизни, быстро протекающей как река и скоро увядающей подобно травному цвету. Вместе с тем Священные книги зажгли в его сердце чувство неугасимой любви к Богу. Под давлением господствующей мысли он принял монашество от игумена Максима в Ростовском монастыре святого Григория Богослова. В монастыре было богатое

[1] Временем его рождения был, по всей вероятности, 1340 год.

собрание книг. Здесь Стефан проводил поистине монашескую жизнь, удовлетворяя в то же время свою жажду знания. Пост, молитва, слезы покаяния, смирение, терпение, незлобие, послушание, любовь, изучение днем и ночью закона Господня — вот добродетели, которые украшали новопостриженного. Кроме того, он сам написал много книг, свидетельствующих доныне о его богомыслии и трудолюбии. За свою добродетельную жизнь он поставлен был во диакона Ростовским епископом Арсением[1], при котором было совершено и его пострижение в монашество. Чрез несколько лет он, по повелению правителя Всероссийской митрополии Михаила, прозванного Митяем[2], хиротонисован Коломенским епископом Герасимом во пресвитера.

Новопоставленный иеромонах услышал, что Пермская земля, издавна находившаяся во власти Московского государства, не просвещена еще святым крещением и предана всецело идолопоклонству. При мысли о таком множестве человеческих душ, погибающих во тьме неведения истинного Бога, святого Стефана охватило непреклонное желание идти к пермянам и спасти их от вечной погибели. Но чтобы достойным образом пролить в эту тьму истинный свет познания Бога — Творца мира, новому апостолу нужно было перевести на пермский язык важнейшие священные книги. Стефан основательно изучил этот язык и составил пермскую азбуку[3]. Стремясь к лучшему пониманию Священного Писания и его наиболее точной передаче на пермский язык, преемник апостольской миссии хорошо познакомился и с греческим языком. Теперь он приобрел возможность читать священные книги на трех языках: русско-славянском, греческом и пермском.

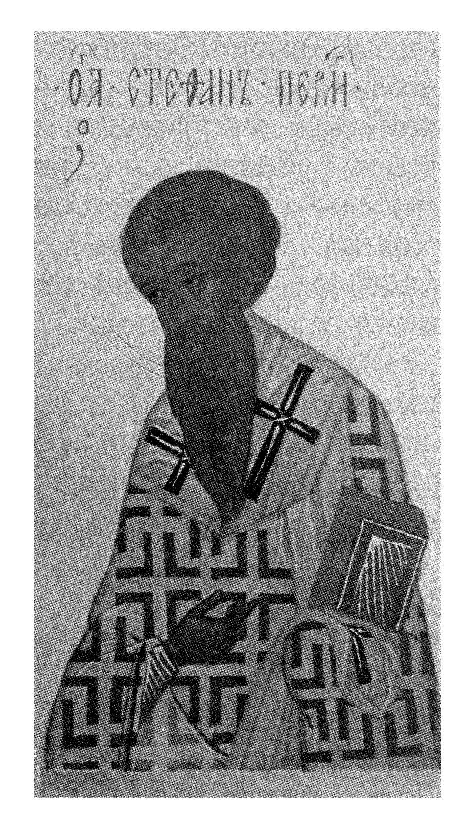
Поскольку в нем день ото дня росло и умножалось Божественное желание идти на проповедь в Пермскую землю, он с постом и слезами молил Бога устроить путь его по Своему благоизволению.

---

[1] *Арсений I*, занимавший Ростовскую кафедру с 1374-го по 1380 год.

[2] *Митяй* — любимый священник и духовник великого князя Димитрия Иоанновича, а затем архимандрит Московского Спасского монастыря, управлял без посвящения Всероссийской митрополией после смерти святого Алексия († 1378) и умер в 1379 году на дороге в Константинополь, куда он отправился за посвящением.

[3] Для составления этой азбуки он воспользовался денежными значками пермян, вырезываемыми на тонких четырехугольных палочках.

Как послушный сын Церкви, не начинающий ни одного важного дела без разрешения ее духовных властей, святой Стефан отправился к тогдашнему наместнику Российской митрополии Коломенскому епископу Герасиму. Представ пред ним, он открыл ему свое пламенное желание: или обратить ко Христу пермян[1], или же пострадать от них и положить свою жизнь за нашего Спасителя во исполнение апостольских слов: *Вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него* (Флп. 1, 29). Епископ удивился его усердию ко Христу и желанию спасения человеческих душ. Уразумев в нем Божие призвание и действие Святого Духа, епископ прославил Владыку Христа и благословил блаженного Стефана на предстоящий ему подвиг. Вместе с тем он дал ему частицы святых мощей, антиминсы, святое миро и все необходимое для освящения церкви.

Получив разрешение от духовной власти, Стефан, как примерный гражданин, озаботился упрочить свое дело законным содействием гражданской власти и получил от великого князя охранные грамоты.

Всесторонне подготовившись, Стефан отправился в путь. По прибытии в безбожную Пермскую землю он принес прилежные ко Господу молитвы и начал, подобно овце среди волков, ходить посреди строптивого и развращенного рода и учить его христианской

---

[1] *Пермяне*, или *зыряне*, — народ Финского или Уральского класса туранского семейства. По большей части, они среднего роста, крепко и правильно сложены, черноволосые с серыми и темно-карими глазами. Смелость, остроумие, терпение, хитрость, любознательность и изобретательность — их неотъемлемые качества. Последняя проявилась, между прочим, во многочисленных и разнообразных способах ловли птиц, зверей и рыб.

вере. Некоторые, слушая его проповедь, сперва удивлялись этому новому учению. Потом же мало-помалу начинали познавать истину, принимали святую веру, крестились и держались наставлений проповедника. Многие же не только не хотели его слышать, но и делали ему множество неприятностей. Одни всячески ругали его. Другие нападали на него с дубинами, намереваясь его убить. Третьи хотели его сжечь. Но рука Господня защищала раба Божия от убийственных рук и смерти ради наибольшего прославления Своего святого имени.

Окрестив и научив христианским истинам несколько душ, он создал для малого стада словесных Христовых овец благолепную церковь близ устья реки Выми, впадающей в большую реку Вычегду, где впоследствии была устроена его обитель. Новосозданную церковь он посвятил воспоминанию честного и славного Благовещения Пресвятой Богородицы. Этим посвящением он выразил мысль, что как Благовещение было началом нашего спасения, так и первая Пермская церковь появилась в начале просвещения Пермской земли.

В этой церкви он днем и ночью со слезами молил Бога об обращении неверующих, говоря:

— Собери, Господи, рассеянных людей Твоих и заблуждших овец, введи их в Церковь Твою святую и причти их к избранному Твоему стаду.

Сам он непрестанно апостольски учил их, наставляя на путь правый и умоляя отвратиться от своих заблуждений. Но по мере того, как он усердствовал благодетельствовать их душам, они все более и более гневались на него.

Однажды Стефан, помолившись Господу, пошел к особо почитаемой ими кумирнице и зажег ее. Так как на этот раз при ней не было никого из идолослужителей, то она сгорела дотла вместе со всеми идолами. Святой сидел у сгоревшего здания, ожидая, что будет ему от неверующих.

Последние, увидав, что горит дорогая их кумирница, поспешили к ней с топорами и рычагами. Прибежав к ней, они увидали сидящего около нее святого Стефана, и с яростью бросились на него, и, обступив его со всех сторон, хотели убить.

Святой ничего не говорил им против, но воздел руки свои на молитву и, готовясь умереть, со слезами взывал к Богу:

— В руки Твои, Господи, предаю дух мой, покрой меня крыльями Твоей благости.

И неожиданно ярость до крайности раздраженного народа сменилась кротостью агнца. Угодник Божий остался невредим, — никто его не ранил и даже не ударил, потому что народ отчасти был побежден кротостью святого, отчасти из боязни Московского правительства опасался погубить человека, пришедшего к ним из Москвы с грамотами, но, главным образом, язычники сдерживались силою Бога, не дающего жезла грешных на жребий праведных.

Тогда блаженный Стефан, став на особо видном месте, воскликнул, обращаясь к неверующему народу:

— Доколе, о люди! Вы не отступите от бесовского прельщения, чтобы тем избегнуть осуждения и вечного огня? Зачем поклоняетесь идолам и называете их вашими богами, тогда как они ваших же рук дело, и если имеют уста, то все равно не говорят, они имеют уши и ничего не слышат, имеют очи и не видят; ноздри их не обоняют, руки не осязают, ноги не ходят и гортань не возглашает; они не принимают приносимых им жертв — не едят, не пьют их; они никому не помогают, потому что и себе, когда огонь, сжигая, обращал их в пепел, не могли помочь. Если они действительно боги, то почему они не угасили огня, не избегли пламени, не обратились со словом прещения к сожигающему их и ничем не наказали его? Да и может ли что сделать бесчувственное дерево? А вы кланяетесь им — немым, слепым, глухим — делу ваших рук. Уразумейте обольщающее вас заблуждение и оставьте эту пагубную суету. Познайте же Единого истинного Бога, в Которого веруют христиане. Приступите к Нему и просветитесь. Ибо Он утвердил небо, основал землю, поддерживает бытие твари и управляет всем миром. Он знает нужду каждого. Он — Промыслитель для всех, помощник и Хранитель, и нет иного Бога, кроме Него. Поэтому, пермские мужи, братья, отцы и дети! Послушайте меня, желающего вам добра, и веруйте в проповедуемого мною Господа нашего Иисуса Христа; истину говорю вам, что, если вы уверуете и креститесь, то будете спасены и получите Царство небесное. Если же не уверуете и не креститесь, то будете осуждены на вечное мучение.

Когда святой Стефан так учил, присоединяя к сказанному и другие поучения, многие убеждались и, начиная веровать, приступали к

крещению; и день ото дня умножалось число верующих, и росла Церковь Христова в Пермии.

Преподобный Стефан, как только замечал где-либо собравшихся язычников, тотчас приближался и, став среди толпы, проповедовал о Христе. Иногда же и сами они со своими старцами, с волхвами и со всеми знатнейшими пермскими мужами, собравшись, приходили к преподобному для прения о вере и бывали во всем побеждаемы словами благочестия, исходившими из богоглаголивых уст проповедника. Особенно часто приходили неверующие пермяне к новосозданной церкви не для спасительной молитвы, но из желания посмотреть на красоту церковного здания и его внутреннее благолепие: никогда не видевшие ничего подобного, они дивились на украшение святого храма и, уходя, говорили между собою:

— Как мы видим, велик христианский Бог, — гораздо больше богов наших.

Иногда же, собравшись, они советовались между собою, говоря:

— Если мы не израним Стефана и не прогоним его от себя, то он всю нашу страну наполнит своим учением и разорит древние храмы и требища наших богов; мы не можем состязаться с ним словесно, и остается только силою изгнать его отсюда.

Другие возражали:

— Как его бить и прогнать, когда он из Москвы и имеет грамоты.

Некоторые добавляли:

— Еще если бы он первый вступил в борьбу, то нам во время боя удобно было бы нанести ему раны, но он держится хитрого обычая, — сам не начинает и ждет, когда мы начнем бой, чтобы иметь повод для жалобы на нас в Москве; если бы он осмелился ударить кого-либо из нас, мы тотчас бы его растерзали и могли бы оправдаться, — ибо он первый сделал на нас нападение. Но так как он, в ответ на наши обиды, не скажет гневного и укорительного слова, все перенося с терпением, то мы не знаем, что нам делать с ним.

Так они много раз советовались, и, не приходя ни к какому соглашению, расходились; в этом исполнялось слово пророка: *иже аще совет совещаете, разорит Господь* (слав. Ис. 8, 10).

И так вся Пермская страна разделилась: одни из насельников ее были новопросвещенные христиане, а другие пребывали во тьме

языческой, причем идолопоклонники ненавидели верных: они поносили их бранными и укоризненными словами, причиняли обиды и тем нарушали их покой. Видя, что верующие терпят обиды от неверных, святой Стефан сильно скорбел и часто днем и ночью, со слезами молил человеколюбца Бога, чтобы Он защитил новособранное стадо Своим Божественным покровом, а нечестивых Своею всесильною десницею исхитил из сетей диавола и привел к познанию истины.

Слыша эти непрестанные слезные молитвы Своего угодника и видя его труды и терпение, человеколюбивый Бог, хотяй всем спастися и в разум истины приити, благоволил на просвещение Пермской земли светом святой веры. Он послал пермскому народу дух умиления, как некогда слушавшим проповедь апостола Петра; о чем пишется в Деяниях: *Услышав это, они умилились сердцем и сказали Петру и прочим апостолам: что нам делать, мужи братия?* (Деян. 2, 37). Так множество пермского народа — старцы и молодые, большие и малые, собравшись, говорили друг другу:

— Видите ли, братия, этого человека, пришедшего из России? Слышали ли его слова? Замечаете ли его терпение? Поняли ли его великую к нам любовь? Вот он в каких пребывает стеснениях и однако не уходит отсюда! Сколько он принял от нас досаждений, уничижений, обид, и все-таки за это не прогневался и никому не сказал даже обидного слова, оставляя все без возражения. Не имея никакой злобы на нас, он никому не нанес удара, но все переносит с крепостью, без великого недоброжелательства и даже более: он радуется, когда мы причиняем ему обиды, и в то же время он не перестает говорить нам о Царстве небесном, вечной муке и о воздаянии каждому по делам его, всегда научая нас как избавиться от мучений и получить Царство. Если бы не было истиной то, о чем он говорит, то он не терпел бы и не трудился бы столько! Поистине он — раб проповедуемого им Великого и Живого Бога, сотворившего небо и землю и уготовившего для добрых Царство, а для злых — мучения, и все его слова — правдивы! Итак, пойдем к нему и упросим его научить нас в совершенстве своей вере и сделать нас христианами.

И пошли в великом множестве ко святому проповеднику мужи, жены и дети.

Преподобный же Стефан, увидав столько народу, идущего ко Христу Богу, невыразимо обрадовался: проливая от радости слезы, он воссылал несказанные благодарения человеколюбивому Владыке, не хотящему смерти грешных. Он встретил их с любовью, как отец детей, и отверзши боговдохновенные уста, долго поучал всем тайнам святой веры. Бог же открыл им ум, чтобы понимать учение святого: они охотно принимали его слова и просили у него крещения, и он крестил их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Таким образом, благодатиею Божиею, трудами и молитвами преподобного Стефана просвещена была земля Пермская.

Новопросвещенные уничтожали своих прежних идолов, стоявших в домах, селах, при дорогах, в лесах и рощах, и разоряли их капища. Особенно трудился в этом сам блаженный Стефан; он ходил повсюду, ссекая топором идолов и сожигая их вместе с дарами неверных.

До́лжно заметить, что у пермских язычников был обычай приносить своим богам шкуры пойманных на охоте зверей, как то: соболей, куниц, горностаев, ласок, бобров, лисиц, медведей, рысей и других, и вешать их на идолов. Кроме этого, они покрывали сверху идолов лучшими полотнами и обвивали их пеленами. И те и другие дары никто не осмеливался брать, потому что если бы кто-нибудь дерзнул прикоснуться к какому-либо из них, то впадал в тяжкую болезнь: по действу сатаны, его корчило и ломало. Святой же Стефан, ревнуя по Боге и не боясь демонской силы, все, принесенное в дар идолам, собирал в одну кучу вместе с рассеченными им же кумирами и сжигал, обращая в пепел; причем он как сам не брал себе ничего из даров, так и другим из верных не позволял этого делать, почитая дары частью бесов. Только своему отроку[1], новопросвещенному пермянину Матфею приказывал делать из идольских полотен и пелен онучи[2] ради бесчестия языческих богов. Пермяне сильно и вдвойне удивились, что преподобный ничего не берет себе из драгоценных вещей, но все предает огню и — что он не терпит никакого вреда от демонов. Это еще более укрепило в них веру во Христову силу, побеждающую силу бесовскую, и утверждало в благочестии.

[1] То есть служителю.

[2] Под *онучами*, или *онучками*, подразумеваются отрезки холста и вообще какой-либо ткани для обертывания ног вместо чулок.

Святой Стефан, сокрушивший множество идолов по различным местам, устроил еще две церкви, ибо с каждым днем и все в большом числе увеличивались верующие во Христа: тогда как неверных с каждым днем становилось меньше. Пермский просветитель устроил при храмах училища, собирая сюда молодых людей, отроков и малых детей, он обучал их пермской азбуке и чтению по Часослову, Псалтири и другим книгам, переведенным им на пермский язык, чтобы приготовить пермянам иереев, диаконов и прочих клириков, и учителей из их племени и языка. Так процветала и сияла в Перми святая христианская вера. Во время этой деятельности святого Стефана, направленной к утверждению в вере новопросвещенных, к нему пришел один волхв, или кудесник[1], начальник чародеев и волшебников; пермяне до крещения уважали его более всех волхвов, почитая его как отца и учителя, который своею волшебною силою управлял всей Пермской землей. Он начал смущать новокрещеных, говоря: «Мужи и братия пермские, зачем вы оставляете отеческих богов и веру? Зачем перестаете приносить им жертвы, как это делали ваши отцы? Кого вы слушаете? Не человека ли, пришедшего из Москвы? А может ли для нас быть что-либо доброе из Москвы? Не оттуда ли на нас налагаются тяжкие подати, причиняются насилия и поставляются судьи и начальники? Не слушайте же этого — россиянина, и притом москвитянина, человека чужого. Но послушайте меня, своего человека, желающего вам добра. Ведь я с вами — одного племени, из одной страны, и говорю одним с вами языком, и более прилично вам слушать меня, старца и отца вашего, чем этого молодого, который по своим летам может быть сыном или внуком мне».

В ответ на это новопросвещенные сказали:

— Ступай препирайся с ним, а не с нами.

Кудесник этот оказался самым ярым противником преподобного, и между ними возгорелась великая борьба; волхв пытался погубить преподобного своим волшебством: он призывал бесов и творил чары, но безуспешно, волхвования его разрушались, так как бесы не могли приблизиться к угоднику Божию. Однако проникнутый злобою кудесник не останавливался, продолжая каждый день причинять неприятности преподобному: он открыто хулил святую

[1] Этого кудесника звали *Памой*.

веру христианскую, смущая этим не утвердившихся в вере и снова привлекая их к прежнему нечестию; и некоторых он обольщал словами, других склонял на свою сторону подарками. Нередко он приходил для препирательств к преподобному, во время которых с бранью и укоризнами всячески пытался победить непобедимого воина Христова. Однажды он сказал святому Стефану:

— Наши боги, поругаемые тобой, не погубили тебя только по своему милосердию. Иначе они давно бы тебя сокрушили или скорчили. Но они щадят тебя по своему незлобию, чтобы ты, познав их благосердие, перестал делать им неприятности. А что наша вера лучше вашей христианской, это я докажу тебе ясно: у вас один Бог, а у нас — многие боги, споспешники и защитники, и они дают нам все: находящееся в водах — рыб и в воздухе — птиц, в лесах и в лугах — соболей, куниц, рысей и прочих зверей, которые от нашей ловли доходят и до вас. Чрез них богатеют ваши князья, бояре и вельможи, одеваются и ходят в них с гордою величавостью, дарят друг другу и торгуют, посылая в соседние страны и в дальние земли, в Орду, в Грецию, к немцам и в Литву, и все это от нашей ловли, которую посылают нам наши многие боги. Наша вера гораздо лучше вашей и вот еще почему. У нас один человек или двое идут на борьбу с медведем и убивают его с помощью богов, которым они обещают за это кожу. А у вас на одного медведя выходят до ста или до двухсот и более человек, и столь многие едва могут одолеть одного зверя, а иногда и не могут, и, будучи сами истерзаны им, возвращаются ни с чем с охоты. А еще наша вера лучше вашей потому, что у нас в тот же день становятся известными события, хотя бы случившиеся в далекой стороне, а у вас не так, но чрез многие дни получаете вы какую-либо весть. По всему этому вера наша лучше вашей.

Возражая на это, святой Стефан говорил, что Единый христианский Бог лучше многих языческих, потому что они — не боги, но бесы, сверженные с неба в бездну и прельщающие безумных людей в бездушных идолах. Они не только не помогают людям, но, напротив, вредят и всегда стремятся делать злое; будучи злыми, немилосердными, гневливыми, полными ярости, завистливыми ненавистниками, они готовы были бы тотчас истребить род человеческий, если бы их не связывала и не удерживала сила Божия. Ловля же всякая дается людям не идолами, неподвижно стоящими на одном ме-

сте, ни бесами, не имеющими никакой власти над Божиим созданием, но от Того Самого Подателя всех благ — Бога, раздающего Свои дары каждому по трудам его. А борьба со зверьми бывает не в одной Пермии, но и во всех землях и странах. Победа же человека над зверями бывает не от помощи ваших богов, но или от телесной силы, или от искусства борца, главным же образом она основывается на том, что небесный Бог покорил под ноги человеку всяких зверей, скотов, птиц и рыб. Находились же многие из христиан, укротившие именем Христа лютых зверей, заградившие уста львам, связавшие словом медведей и пардов[1], попиравшие аспида[2] василиска[3], и всякого змия.

А против ссылки на вести, быстро сообщаемые богами волхвам, святой возразил так: в христианской Церкви много нашлось таких прозорливцев, которые видели своими духовными очами, как пред собою, не только что-либо делающееся вдали, но предсказывали и имевшее случиться спустя много лет после их кончины. Так, и ветхозаветные святые пророки за много лет наперед предвозвестили то, что сбылось потом в новозаветной христианской Церкви.

После долгих и неоднократных прений о вере святой Стефан и кудесник пришли к тому, что лучше делом испытать на чьей стороне истина. По выбору кудесника они уговорились на следующем — пройти сквозь огонь и воду, и кто в огне не сгорит и в воде не утонет, того вера — истинная, и тому должен следовать народ. Это соглашение угодно было всему пермскому народу, собравшемуся послушать прение.

Святой Стефан сказал кудеснику:

— Ты захотел того, что превосходит мои смиренные силы, но я надеюсь на щедроты и милость Всесильного Бога, ищущего спасения всех. Он ради славы святого Своего имени может чудесно сохранить меня живым и целым в огне и в воде. Да утвердится этим чудом в вере предстоящий народ, а ты посрамишься со своими бесами, на которых надеешься.

Сказав это волхву, святой Стефан обратился к народу:

---

[1] *Пард* — то же, что пантера.

[2] *Аспид* — род очень ядовитой змеи.

[3] *Василиск* — самый ядовитый змей, опаляющий, по сказаниям древних, своим дыханием.

— Благословен Господь, возьмите огонь, принесите сюда и зажгите вот эту, особо стоящую, пустую с открытым входом хижину, а я, взявшись за руки с кудесником, войду в нее.

И потом был принесен огонь, и строение зажжено.

Преподобный же Стефан, воздев руки к небу, помолился Богу такими словами:

— Владыко многомилостиве, *подай нам помощь в тесноте, ибо защита человеческая суетна* (Пс. 59, 13), посли милость Твою, яви человеколюбие Твое, покажи силу Твою, да разумеют предстоящие люди истинную веру и познают, яко Ты еси истинный Бог Един, и аз раб Твой: *Ибо вот, враги Твои шумят, и ненавидящие Тебя подняли голову* (Пс. 82, 3), *поднимают к небесам уста свои, и язык их расхаживает по земле* (Пс. 72, 9). Потому *покажи на мне знамение во благо, да видят ненавидящие меня и устыдятся, потому что Ты, Господи, помог мне и утешил меня* (Пс. 85, 17). Ты Бог, утешающий нас во всякой скорби нашей Утешителем Твоим Духом Святым, с Ним же благословен вовеки, аминь.

По окончании своей молитвы, он сказал народу:

— Мир вам, братия, спасайтесь, просите и молите обо мне. Ибо я ради святой веры готов умереть. Теку на предлежащий мне подвиг, уповая на Начальника веры и Совершителя Иисуса.

Обратившись же к кудеснику, он сказал ему:

— Пойдем вместе, взявшись за руки, как обещались.

Но кудесник, испугавшись муки от сильного, пылавшего огня, не хотел идти. Тогда преподобный, схватив его крепко за одежду, тащил с собою в огонь насильно. Он же упирался, пятился назад и, падая на землю, кричал, что сгорит тотчас же в огне, как сено и сухие ветви. Тогда народ с досадою начал кричать ему, чтобы он шел в огонь согласно собственному предложению. Но он умолял оставить его.

В ответ на его мольбы преподобный Стефан сказал ему:

— Не сам ли ты избрал это и захотел искусить Живого Бога, почему же теперь отказываешься?

Кудесник же, кланяясь до земли и припадая к ногам святого, говорил о своем бессилии и, сознавая свою вину, обличил суетность своего обольщения, и открыл, что, желая устрашить святого Стефана, придумал такой способ решения спора, будучи уверен, что раб Живого Бога убоится. Но ухищрения кудесника обратились на его голову

и злодейство его упало на его темя (Пс. 7, 17). Точно так же не пошел старейшина пермских волхвов и в воду, хотя на реке уже приготовили две проруби: одну вверх по течению, а другую вниз; предполагалось войти обоим, держась за руки, в одну прорубь, и идя подо льдом, выйти вон в другую; когда святой Стефан стал понуждать кудесника идти вместе с ним в прорубь, то последний отказался. Так обнаружилось бессилие всех его чародеяний и ложь его, обольщавших раньше, учений. После этого святой Стефан спросил кудесника:

— Хочешь ли веровать и креститься, так как ты уже побежден.

Но он отказывался от принятия христианской веры и святого крещения. Тогда святой сказал народу:

— Вы — свидетели тому, что он, окаянный, сам изобрел способ определить правую веру огнем и водою и не захотел исполнить своего же слова, не желая идти ни в огонь, ни в воду. И теперь все-таки не верует, не требует крещения. Что вы думаете о нем? Скажите.

Народ же закричал:

— Подлежит смертной казни!

И, схватив его, отдали в руки святого Стефана, чтобы он предал его какой хочет смертной казни. При этом они говорили:

— Если отпустить его живым, то он будет причинять тебе еще большие неприятности.

Святой же отвечал им:

— Нет, да не будет рука наша на враге нашем. Не послал меня Христос бить, но благовествовать, не повелел мне мучить, но учить с кротостью и увещевать со спокойствием. Точно так же не завещал мне Владыка мой казнить, но наказывать с милостью по сказанному: *Пусть наказывает меня праведник: это милость; пусть обличает меня* (Пс. 140, 5). А так как он не хочет веровать, будучи ожесточен и ослеплен злобой, то для него будет вечная казнь. Ибо Господь наш говорит: *Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет* (Мк. 16, 16). Достаточно строго запретить ему развращать людей Божиих своим лживым учением. Пусть и не живет посреди Христова стада. Пусть тьма не примешивается к свету, но да извергнется злое от среды всех. Да отсечется гнилой уд мечом духовным, да изгонится из этих пределов этот волк. Если же он опять осмелится появиться здесь и учить, тогда не избегнет смертной казни.

С таким запрещением выгнали кудесника из пермских пределов. И Церковь Христова пребывала в мире и повсюду созидались храмы Божии, а идольские капища разорялись вконец.

Вскоре Церковь умножилась в пермской земле настолько, что для верующих оказалась нужда в особом епископе — и тем более, что за дальностью расстояния очень неудобно было посылать ставленников во священство к Московскому митрополиту. Далекая Пермь настолько же отстоит от Москвы, насколько последняя — от Царьграда.

Преподобный Стефан после предварительного совещания со своими пасомыми отправился в Москву к великому князю Димитрию Иоанновичу и к митрополиту Пимену. Он сообщил им о всем, совершившемся по благодати Божией в пермской земле, и просил дать ей епископа, ибо *жатвы много, делателей же мало* (слав. Мф. 9, 37).

Великий князь, митрополит с епископами и освященным собором обсудили просьбу святого Стефана, которого и решили поставить епископом Пермским, как мужа поистине достойного такой чести.

— Кто наидостойнейший и наиболее подходящий по своим качествам к епископскому служению Пермской земли, как не тот, который просветил эту землю Христовою благодатью и понес при этом столь великие подвиги и труды, переводя священные книги на пермский язык, сокрушив идолов и создав храмы, явясь таким образом апостолом для Перми?

В 1383 году был святой Стефан поставлен во епископа Пермского. Это поставление сильно обрадовало великого князя, который издавна знал святого Стефана и любил его. Одарив новопоставленного епископа дарами, великий князь и митрополит отпустили его в Пермию.

Возвратившись в свою новоучрежденную епархию, он доставил верующим великую радость. В сане епископа святой Стефан так же усердно трудился для Пермской Церкви, как и прежде: обратившихся ко Христу он укреплял в православной вере; оставшихся неверующими приводил к вере и крестил; воздвигал церкви Божии, поставлял иереев, устраивал наилучшим образом весь церковный чин. Он созидал также монастыри. Подавал щедрую милостыню, кормя нищих и убогих, одевая нагих, утешая печальных, и

упокоевая странников[1]. Для всех он был милостивым отцом, великим благодетелем и бдительным пастырем, заботившемся не только о душах своих пасомых, но и об их телесных нуждах: так во время сильного голода в Пермии святой Стефан очень часто привозил сюда на ладьях из Вологды множество хлеба и раздавал его даром бедным людям.

Так угодник Божий, Пермский епископ Стефан, привел всю Пермскую землю к Богу. Благочинно управляя в святой Церкви, он создал все необходимое для руководимого им словесного стада. В этих многолетних трудах, подъятых для спасения столь многих душ и расшатавших его здоровье, святой Стефан, уже достигший маститой старости, приблизился к кончине.

Святой Стефан скончался при митрополите Киприане[2] в дни великого князя Василия[3], сына великого князя Димитрия, прославившего себя победой над Мамаем.

На закате своей жизни ему пришлось еще раз отправиться в Москву по поводу некоторых церковных дел. Пред своим отъездом в столицу Стефан созвал свое словесное стадо и поучал пасомых Божественным Писанием пребывать в вере и нелицемерной любви между собой. Чувствуя скорое наступление своей смерти, он заключил свое архипастырское поучение словами:

— Близко время моей кончины, как открыл мне Господь наш Иисус Христос, Которому вас и вручаю.

Совершив же затем молитву, он отправился в путь. По прибытии в Москву святой захворал и, проболев несколько дней, преставился[4] ко Господу, Которого он с самых юных лет возлюбил.

На его торжественном погребении присутствовали князья, бояре, митрополит со всеми духовными чинами и множество народа. Все провожали с честью его тело в Свято-Спасский монастырь, где ныне царский дворец. В каменной церкви монастыря и были положены мощи угодника Божия на левой стороне[5].

---

[1] Он ходатайствовал пред боярами и начальниками об уменьшении податей пермянам, избавил их от насилий и взяток тиунов (судей) и начальствующих.

[2] Он был митрополитом с 1375-го по 1381 год и с 1383-го по 1390 год.

[3] *Василий Димитриевич* княжил с 1380-го по 1425 год.

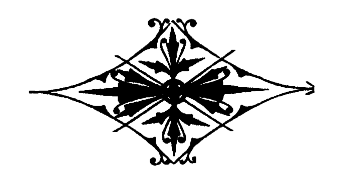
[4] Его смерть последовала 26 апреля 1396 года.

[5] Мощи находятся под спудом в кремлевской Спасской, что на Бору, церкви.

Паства пермская горько оплакивала смерть своего епископа, который и Ангелов Божиих исполнил великой радости, обратив ко Господу души столь многих грешников. Поэтому святая душа его с радостью была взята ангельскими руками и с ликованием несена к престолу благодати. Вместе с ликом святых иерархов предстоя пред Господом, святой Стефан молит Его не только о Пермской земле, но и о всем мире.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ ПРАВЕДНОЙ
ГЛАФИРЫ

Целомудренная и исполненная страха Божия девица Глафира находилась в услужении у супруги императора Ликиния[1] Констанции. Узнав о нечистых намерениях развратного Ликиния, она удалилась из Никомидии[2] в Амасию[3] и здесь проживала под защитою и охранением епископа Василия[4]. Вытребованная Ликинием к себе для наказания, она отправилась к нему вместе с епископом Василием, но по дороге скончалась[5] и отошла в обители небесные.

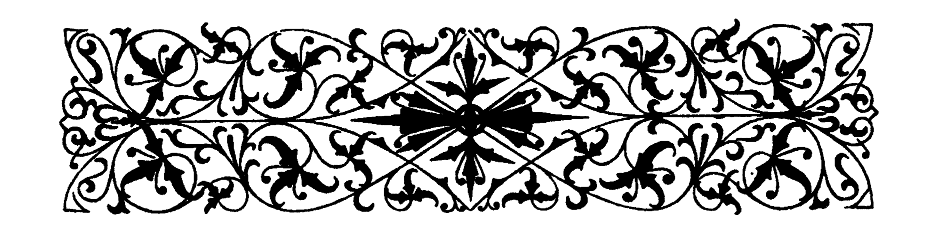
[1] *Император римский Ликиний* царствовал с 311 по 324 год.

[2] *Никомидия* — город в малоазийской области Вифинии, расположенный в северо-восточном углу залива, образуемого Мраморным морем. Никомидия была построена в 264 году до Рождества Христова вифинским царем Никомедом I, по имени которого и была названа. Никомидия была любимым местопребыванием римских императоров и их полководцев, когда они совершали походы на Восток. В настоящее время на месте древней Никомидии находится местечко *Исмид.*

[3] *Амасия* находилась в северной части Малой Азии, на берегу Черного моря.

[4] См. житие святого Василия выше, под этим же числом.

[5] Кончина святой Глафиры последовала около 322 года.

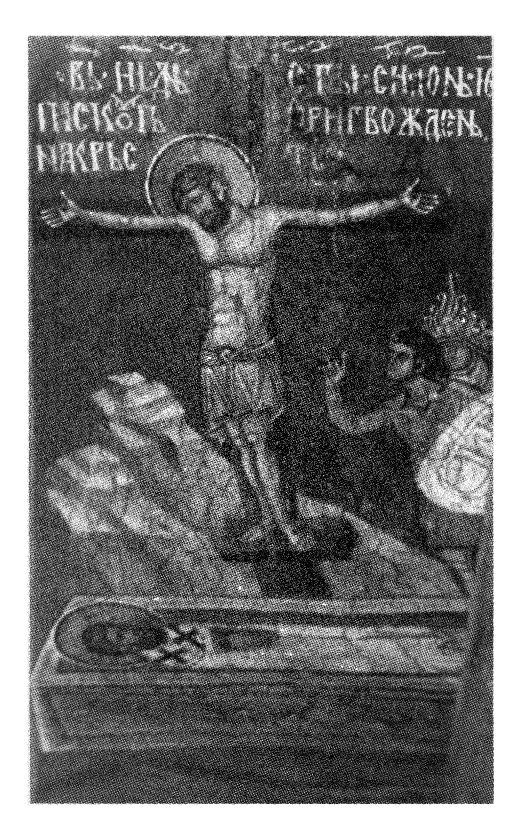
День двадцать седьмой

ПАМЯТЬ СВЯТОГО АПОСТОЛА И СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА СИМЕОНА, сродника Господня

Святой Симеон, называемый сродником Господа нашего Иисуса Христа по плоти, был сын Клеопы, брата святого Иосифа Обручника, как о том свидетельствуют единогласно греческие церковные историки: Евсевий[1] — епископ Кесарии Палестинской, Георгий Кедрин и Никифор, сын Каллиста, Ксанфопул. Иосиф, обрученный с Пресвятой Богородицей, и Клеопа происходили от одного отца и матери: первый был старший брат, второй — младший. Когда Иосиф возвратился из Египта, то на его дочери Марии женился Клеопа. От этого брака родился святой Симеон, который уже в зрелом возрасте, увидев чудеса Господа нашего Иисуса Христа, уверовал в Него. После вольных страданий, воскресения и вознесения на небо Иисуса Христа Симеон был сопричислен к сонму семидесяти святых апостолов и, наравне с другими, проповедовал учение Христово, переходя из города в город, наставляя и творя чудеса, просвещая народы в истинах святой веры и изобличая идолослужение. В то время первым епископом Иерусалимским был святой Иаков, брат Господень, сын Иосифа Обручника. Нечестивые иудеи за прославление Христа сбросили его с паперти храма и убили ударом дубины

---

[1] *Евсевий Памфил* (263–340 гг.) — епископ, участник I Вселенского собора. *Георгий Кедрин* — византийский писатель конца XI или начала XII века. *Никифор Ксанфопул* — патриарх Константинопольский с 1350-го по 1362 год.

по голове. Вскоре после этого убийства Тит, сын Веспасиана, разорил Иерусалим, как было предсказано Самим Господом. Собравшись после разгрома, оставшиеся еще в живых ученики Христа и Его сродники по плоти избрали на место Иакова, брата Божия, вторым епископом Иерусалимским Симеона, сына Клеопы, также сродника Христа, внука и в то же время племянника Иосифа Обручника. Иерусалим снова стал заселяться. Святой Симеон с честью занимал кафедру иерусалимскую, приводя заблуждающихся ко Христу.

Через много лет в царствование Траяна некоторые еретики из зависти донесли Аттику, правителю римскому, о мнимых преступлениях Симеона, — что он происходит из дома царя Давида и что исповедует христианскую веру. За то и другое в то время было гонение со стороны римских императоров. Потомков Давида старательно везде разыскивали и умерщвляли, чтобы не осталось и следа от царского иудейского рода и римские императоры вечно владели бы иудейской землей. Также мучили и убивали верующих во Христа, чтобы вся вселенная почитала только языческих богов. Поэтому святой Симеон, и как потомок царя Давида, и как последователь и родственник Христа, уже достигший столетнего возраста, схвачен был нечестивыми язычниками по приказанию правителя Аттика. После долгих мучений святой был, как и Господь наш Иисус Христос, пригвожден ко кресту и предал свою душу Богу.

ЖИТИЕ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
СТЕФАНА,
епископа Владимиро-Волынского

«Привыкший к терпению, — говорит боговдохновенный Ефрем Сирин[1], — стремится к добродетели, радуется в скорбях, не падает духом в бедствии, во время напасти веселится». Таков был преподобный отец наш Стефан, много пострадавший от братии монастыря. Но если на его долю выпала скорбь, то Бог дал ему великую радость. Помня слова пророка царя Давида: *при умножении скорбей моих в сердце моем, утешения Твои услаждают душу мою* (Пс. 93, 19), он все несчастия считал ниспосланными от Бога и с радостью претерпевал их. Проходя долгий искус добродетельного жития, он с детства находился под руководством достохвального игумена, отца нашего Феодосия Печерского[2], постоянно был его учеником, с наслаждением питаясь боговдохновенными словами из медоточивых уст учителя, как младенец от груди матери. Как достойный сын, он уподоблялся своему добродетельному наставнику. Поэтому Стефан полюбился всей братии, был ею избран в доместики, или наблюдатели, за исполнением церковного устава и вместе с самим игуменом, преподобным Феодосием, достойно наставлял в церкви братию своими поучениями.

Когда преподобный Феодосий приближался к концу временной этой жизни, все умоляли его, чтобы он поставил игуменом Стефана, как самого достойного из братий. Преподобный внял мольбам братии и, призвав своего любимого ученика, блаженного Стефана, по-

---

[1] *Ефрем Сирин* — один из великих учителей Церкви, живший в IV веке. Из его сочинений особенно замечательны многочисленные «Слова», нравственного, догматического и экзегетического (истолковательного) характера. Святой Ефрем Сирин оставил после себя также много умилительных молитв и песнопений. Ему принадлежат некоторые песнопения на Рождество Христово, а также глубокоумилительные стихиры, поемые при погребении. Из молитв, составленных им, особенно замечательна умилительная великопостная молитва: Господи, Владыка живота моего. — Память святого Ефрема празднуется Церковью 28 января.

[2] *Святой Феодосий*, игумен Печерский, подвизался в XI веке. Память его празднуется святой Церковью 3 мая.

ручил ему пасти иноков и умолял окончить построение церкви, основанной при чудесных предзнаменованиях. Затем, преподав наставление хранить монастырский устав, любить от чистого сердца братию, непрестанно обращаться мысленно к Богу, не забывать странников, преподобный отошел в вечную жизнь, обещаясь, однако, не оставлять своею помощью печерскую обитель, порученную им Стефану.

И так после кончины преподобного Феодосия Стефан принял на себя игуменство в святой Печерской лавре и, проходя подвижнический подвиг, с особенным старанием занялся постройкой церкви, начатой преподобным Феодосием и ознаменованной уже Божиим благоволением, и других монастырских зданий.

Божиею благодатью, молитвами преподобных отец наших Антония и Феодосия, Стефан через несколько лет достроил церковь и новый монастырь (Верхнюю лавру), в который перевел братию из старого (Нижней лавры). В последнем он оставил несколько монахов, так как там, по обычаю, погребались скончавшиеся иноки. Стефан установил такое правило, чтобы в монастыре ежедневно совершалась литургия в память умершей братии и блаженных основателей. Милость Божия к обители не оскудевала, и на святом месте этом все яснее проявлялась благодать Божия. Но враг всего доброго и рабов Божиих, диавол возненавидел блаженного игумена за такое попечение о святой обители и своими злыми кознями сделал так, что некоторые из братии подняли смуту и не только низложили с игуменства Стефана, избранного ими единогласно, но и без всякой вины изгнали его из монастыря. Без злобы претерпел все от братии преподобный Стефан и, разлученный с иноками, продолжал любить их. Горячо молился он о них и, подражая одноименному с ним первомученику Стефану, восклицал:

— Господи, не поставь им этого в вину!

Как железо к магниту, неудержимо стремился он к месту упокоения преподобного Феодосия. Многие бояре и вельможи, дети его духовные, врученные ему преподобным Феодосием, узнав о глубокой печали своего наставника, прониклись сожалением к невинно пострадавшему и с усердием приносили ему все необходимое. Тогда преподобный Стефан вспомнил те преславные чудеса, очевидцем которых был он сам: как мастера из Константинополя пришли к преподобным Антонию и Феодосию Печерским, принесли икону

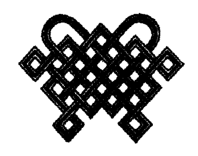
Пресвятой Богородицы и рассказали о видении царицы, последовавшем во Влахернском храме. И вот с помощью Божией и по молитвам преподобных отцов Антония и Феодосия, блаженный Стефан построил монастырь недалеко от Печерской лавры на Кловском урочище и соорудил в нем каменную церковь во имя Пресвятой Богородицы, в память положения честной ризы Ее, по образцу Константинопольской Влахернской. Каждый год преподобный торжественно праздновал день второго июля и, собрав многочисленную братию, вел богоугодную жизнь. Церковный устав и все монастырское устройство он перенял и велел хранить согласно порядку, установленному преподобным Феодосием в Печерском монастыре.

Много трудясь над духовным совершенствованием своим, он приобретал все большую славу, так что даже в самых отдаленных местностях его знали и прославляли за добродетельную жизнь. Поэтому когда скончался епископ славного города Владимира, основанного великим князем Владимиром в честь своего имени, тогда преподобный Стефан избран был на архиерейский престол этого города и посвящен в епископы преосвященным Иоанном, митрополитом Киевским. Он был добрый пастырь порученных ему овец, показывая пример своей пастве словом, добродетельной жизнью, любовью, возвышенным духом, верою и чистотою.

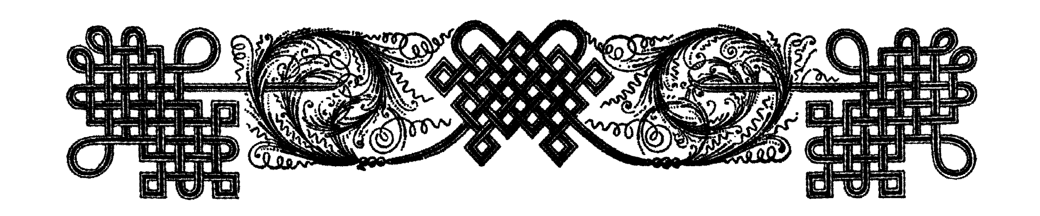
Когда по сочувствию Божию и по мысли блаженного Иоанна, игумена Печерского, намеревались перенести честные мощи преподобного отца нашего Феодосия из пещеры в построенную по указанию Божию церковь, то достохвальный епископ Стефан пришел из Владимира в свой Кловский монастырь. Ночью, увидев за полем над пещерой яркий свет, он подумал, что переносят честные мощи преподобного Феодосия (он знал о намерении), и опечалился, что торжество происходит без него. Тотчас сел он на коня и поскакал к пещере вместе с Климентом, которого поставил после себя игуменом в Кловской обители. Когда они приближались к пещере, то увидели, что яркий свет, виденный ими издали, исходит от множества горящих свечей, но когда подъехали близко, то ничего не увидали и поняли, что сподобились видеть свет Божественной славы, исходящий от честных мощей преподобного Феодосия: уже открыли землю над мощами и вынесли их к выходу из пещеры. На другой день после этого видения между прочими епископами, переносившими чест-

ные мощи отца и учителя своего — преподобного Феодосия, был и блаженный Стефан.

Возвратившись обратно на Владимирский престол, он ревностно наставлял свою паству на путь истины своими добродетелями, которыми заслужил себе неувядаемый венец славы. Чтобы принять этот венец, предуказанный его именем[1] и заслуженный его добрыми делами, он в 1094 году от Рождества Христова отошел ко Христу, Начальнику всех пастырей. Молитвами преподобного венценосца Стефана сподоби, Христе Боже, и нас венца славы, на славу Тебе Самому, с безначальным Твоим Отцом и единосущным Духом ныне, и всегда, и во веки веков. Аминь.

[1] *Стефан* — по-гречески значит «венец».

День двадцать восьмой

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ **ИАСОНА и СОСИПАТРА** и святой мученицы **КЕРКИРЫ ДЕВЫ**

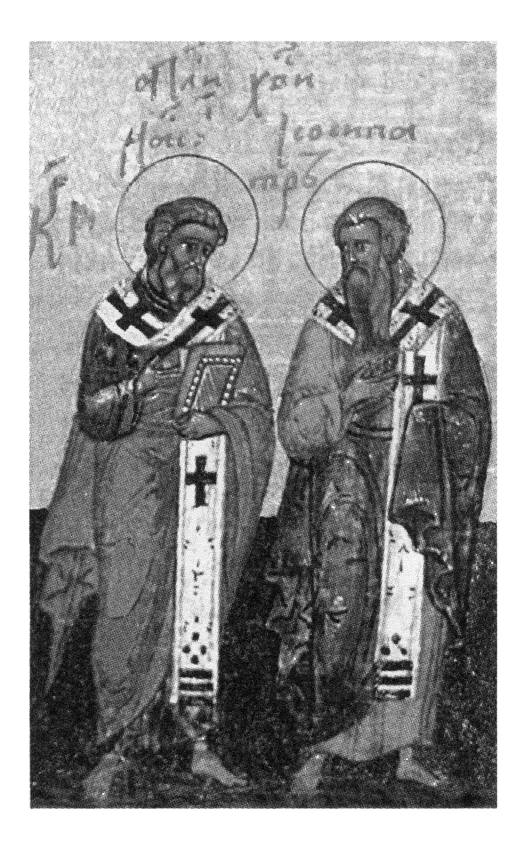
Святой апостол Иасон происходил из города Тарса[1], был первым христианином в этом городе, а святой апостол Сосипатр был родом из Ахаии[2]. Присоединившись к святой вере Христовой, они оба сделались учениками святого апостола Павла, который в послании к Римлянам называет их даже родственниками (см.: Рим. 16, 21). Иасон был поставлен епископом в своем родном городе Тарсе, а Сосипатр принял на себя руководство Иконийской церковью; оба доблестно пасли и приумножали свое стадо. Отправившись на запад, они достигли острова Керкиры[3] и соорудили там прекрасную церковь во имя святого первомученика Стефана, совершали в ней богослужение и многих присоединили к Христовой вере. Оклеветанные перед Керкилином, царем острова, они были заключены в тюрьму, где сидели семь разбойников: Саторний, Иакисхол, Фаустиан, Ианнуарий, Марсалий, Евфрасий и Маммий. Святые апостолы увлекли их своими боговдохновенными беседами к святой вере и сделали овец из волков. Тогда царь приказал разварить в котле

---

[1] Город в Малой Азии, равно как и Икониум.

[2] Лежит в Греции, в северной части Пелопоннеса.

[3] Остров в Ионическом море, близ Греции.

смолу, серу и воск и бросить туда этих семь новопросветленных узников. Так они мученически скончались и получили венцы от Господа. Уверовал во Христа и тюремный сторож. За это ему отсекли сперва левую руку, потом обе ноги и, наконец, когда он не переставал призывать имя Христово, голову. И он сопричислился к лику святых мучеников. А святых апостолов Иасона и Сосипатра царь вывел из темницы и передал на мучение князю Киприану. Тот крепко их связал и отослал опять в тюрьму.

Увидев из своих палат такое страдание святых мучеников и узнав, что они страдают за Христа, дочь царя, по имени Керкира, объявила себя христианкой, сняла с себя драгоценные наряды и украшение и раздала их нищим.

Узнав об этом, отец ее исполнился глубокой печали и приложил все усилия, чтобы отвратить ее от веры Христовой. Когда все оказалось безуспешным, царь в сильной ярости запер ее в отдельной темнице и приказал отдать ее на растление одному блуднику — Мурину. Когда Мурин подошел к дверям тюрьмы, внезапно прибежал медведь, схватил его и стал терзать. Услышав шум и увидев в окно, что происходит, сидевшая в тюрьме царская дочь отогнала зверя именем Христовым, исцелила раны Мурина и, открыв истины святой веры, сделала его христианином.

— Велик Бог христианский! — громко восклицал Мурин и за это, потерпев страшные мучения, скончался среди страданий и предстал перед Господом в сонме мучеников.

Тогда царь приказал воинам обложить темницу дровами и зажечь их, чтобы вместе с темницею сгорела и его дочь. Сделали, как было приказано, и темница сгорела. Но девица оказалась жива и невре-

дима: огонь не коснулся ее. Увидев такое чудо, многие из народа уверовали во Христа.

Наконец, святая была повешена мучителями на дереве, удушена едким дымом, расстреляна стрелами и предала дух свой Богу. После ее кончины царь стал преследовать веровавших во Христа. Те, боясь мучений, бежали на соседний остров и там укрывались. Узнав об этом, царь сам поплыл к тому острову, намереваясь наказать их страшными мучениями. Но когда он был в открытом море, то, преследуемый гневом Божиим, потонул в морской пучине, как некогда фараон. Христиане, избавившись от этого мучителя, вознесли Господу благодарственные песнопения. Святые апостолы Иасон и Сосипатр, освобожденные из темницы, невозбранно учили народ слову Божию.

Когда на престол вступил другой царь и узнал о святых апостолах, то схватил их и приказал разварить в железном котле смолу, серу и воск и бросить туда святых. Но апостолы благодатью Христовой стояли в том котле неопаленными, а многие из стоявших кругом неверных были обожжены огнем. Другие, видя такое чудо, уверовали во Христа. Уверовал и сам царь и, наложив камень на шею, с рыданием воскликнул:

— Боже Иасонов и Сосипатров, помилуй меня!

Тогда святые апостолы, собрав всех уверовавших, научили их слову Божию и, наставив царя, крестили его во имя Отца, Сына и Святого Духа и дали ему имя Севастиан. Через несколько дней сын царя заболел и умер. Тогда святые апостолы, помолившись Богу, воскресили его из мертвых. Много и других чудес совершили они и построили вместе с царем благолепные церкви. Совершив свой святой подвиг и приумножив стадо Христово, апостолы в преклонных летах скончались и отошли радостно ко Христу Богу.

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
МАКСИМА, ДАДЫ и КВИНТИЛИАНА

На второй год царствования нечестивых императоров римских Диоклетиана и Максимиана[1], при наместниках Тарквинии и Гавинии, диавол излил страшный гнев на христиан. От этих царей и наместников вышло такое повеление:

— Хотя мы знаем, что все наши подданные благоговейно почитают богов, однако заботясь о лучшем устроении государства, всех, кто живет в настоящее время в землях Римской империи, просим и убеждаем и самим всемерно почитать и любить богов и стараться прочих приводить к тому же. Если же найдется такой, кто где-либо упомянет имя Христово, то он подлежит нашему гневу.

Слыша такой приказ, все народы спешили, собравшись, принести, согласно повелению, жертвы богам и приветствовать своих начальников такими словами:

— Радость и долголетнее здравие нашим владыкам за такую заботу о почитании богов!

Наместник Тарквиний сказал собравшимся:

— Видя такое ваше усердие, просим вас собраться завтра, чтобы вместе принести жертвы богам; а теперь повеселитесь с нами и отдохните от далекого пути, завтра же после жертвоприношения каждый пусть возвратится в свой город.

Наутро все собрались, устроили богомерзкий праздник, принося жертвы идолам, и были отпущены Тарквинием по домам. На следующий день один из нечестивых идолопоклонников доложил Тарквинию:

— В городе находятся три мужа, которые вчера ослушались вашего приказа и не принесли жертвы, а про себя говорят, что поклоняются Единому Богу, Сущему на небесах.

Тарквиний тотчас послал своих слуг схватить ослушников. Нашедши их в деревне Озовии молящимися Богу, слуги заковали их в оковы и скоро привели в город Доростол, где в это время случайно были оба наместника. Был уже вечер, когда пришли в город и изве-

[1] *Диоклетиан* царствовал с 284 по 305 год, а *Максимиан (Галерий)* — с 305 по 311 год.

стили о захваченных христианах. Тарквиний велел стеречь узников до утра. Святые всю ночь молились и восклицали:

— Господь наш, Иисус Христос! Подай нам с небес Твою силу на помощь, чтобы нам одолеть наших врагов, и сподоби нас по благости Твоей принять венцы победы.

Утром Тарквиний и Гавиний сели на суде и приказали поставить перед собой захваченных христиан. Увидев их, Тарквиний спросил:

— Эти ли люди пренебрегают нашими повелениями и самовольно исповедуют свою веру?

Потом спросил святых, как их имена. Святой Максим ответил:

— По вере — я христианин, как и эти мои братья, а по человечеству я прозываюсь Максимом.

— Ты заявил, — сказал правитель, — что служишь не нашим богам, а какому-то другому. Твой товарищ как называется?

Тот ответил сам, что зовут его Дадой и что он так же христианин, как и его брат. На вопрос Тарквиния, как прозывается третий, Квинтилиан назвал свое имя и заявил, что он тоже христианин. Секретарь Магнилиан записал показание каждого. Наместник Гавиний спросил его, записал ли он имена. Магнилиан сказал, что прочтет, если получит приказание.

— Прочти, — сказал Гавиний.

Секретарь прочитал:

— Имена предстоящих христиан, по их показанию, следующие: Максим, Дада, Квинтилиан.

Тогда Тарквиний обратился к святым с такими словами:

— Жизнь ваша в ваших руках. Если хотите жить, принесите жертву матери богов и сделайтесь ее жрецами, потому что жрец ее умер и отошел к великому небесному царю Зевсу, чтобы там служить ему.

— Нечестивый и бесстыдный человек! — отвечал Максим. — Или ты не боишься Господа, именуя богом и называя царем скверного прелюбодея. Знайте, безумные люди, Царь небесный — Христос, обо всех заботящийся и всем управляющий. Знайте и то, что мы, создание Бога истинного, никогда не исполним пагубного повеления вашего!

Наместник Гавиний призвал к себе Даду и Квинтилиана и без успеха вел с ними долгую беседу, убеждая их признать свое нечестивое и пагубное учение. Святые отвечали:

— Мы стоим за то же, что сказал брат наш Максим. Он чтец в нашей Кафолической Церкви, хорошо понимает Священное Писание и знает, что нам полезно. А ты, пораженный бесовским безумием, не знаешь, что для тебя необходимо. Если бы ты пожелал послушать нас, то узрел бы свет.

Тогда Гавиний и Тарквиний сказал:

— Вот, мы всячески увещеваем вас и советуем, что́ лучше, а вы не покоряетесь и остаетесь при своем сумасбродстве.

— Нет, — отвечал святой Максим, — это вы беснуетесь, желая обратить в бесовскую веру людей, живущих добродетельно и служащих Единому Богу. Делайте с нами, что хотите, но никогда не отвратите нас от истинной веры.

Тогда Гавиний и Тарквиний стали совещаться, что сделать со святыми, и велели отвести их в темницу. Те с радостью пошли, беседуя о своем спасении. Находясь в тюрьме, они вели духовную беседу, и Максим много поучал Даду и Квинтилиана от Священного Писания. В полночь они уснули и видели во сне диавола, ополчившегося на них с оружием. Встав от сна, они увидели Ангела, говорившего им:

— Не бойтесь: Бог, ваша надежда, примет вас к Себе. Он недалеко от вас и поможет вам.

Явление Ангела и его слова подкрепили мучеников; они благословляли Бога, славословя до утра.

Правители, сев на суде, приказали снова привести к себе узников, и Гавиний сказал им:

— Мы призвали вас; опять увещеваем принести жертву богам, и тогда получите от нас немалые почести. Если же не послушаетесь нас, то сами будете виновны в своей смерти. В эту ночь боги наши во сне сказали относительно вас свою волю.

Святые мученики отвечали, что и им Бог приказал потерпеть за Его святое имя всякие мучения. Тарквиний обратился к Гавинию с такими словами:

— Если не отправить их на мучение, то они никогда не послушаются нас.

Гавиний отвечал:

— Сами они это выбрали, пусть сами себя винят.

Тогда правители приказали снять с мучеников одежды. Когда это было исполнено, то Гавиний приказал связать их, растянуть на земле и бить. Когда и это было исполнено, Тарквиний сказал слугам:

— Спросите их, не хотят ли они послушаться нас и принести богам жертвы; если нет, то устроим им другие мучения и погубим их злою смертью.

На вопросы слуг святые мученики единодушно ответили:

— Бог наш подкрепляет нас, мучениями вашими пренебрегаем, лукавого совета вашего не послушаем и жертв бесам не принесем.

Тарквиний приказал слугам отвести святых обратно в темницу, так как наступил час обеда. Когда минул уже седьмой час, наместники снова сели на суде, и снова привели святых мучеников.

Гавиний спросил:

— Максим! Не надумал ли ты послушаться нашего совета и принести жертву богам?

Святой Максим отвечал:

— Совета вашего не принимаем; как уже раньше сказали, так и теперь повторяем, что поклонимся только Господу нашему Иисусу Христу с Богом Отцом и Святым Духом.

Разгневанный Гавиний крикнул:

— Если не хотите образумиться и поклониться богам, то погубим вас: прикажем отвести вас в пустынное место и там обезглавить.

Святые заклинали правителей исполнить угрозу. Тогда наместники велели отвести мучеников в их деревню и там обезглавить. Услышав смертный приговор, святые прославляли Бога и молились:

— Господи Иисусе Христе, избавивший нас от земной грешной жизни, прими нас в чертог Свой и сподоби Царства Твоего небесного.

Молящихся святых мучеников привели в деревню Озовию, там отрубили им главы, и предали дух свой в руки Божии святые мученики Максим, Дада и Квинтилиан 28 апреля, в царствование Диоклетиана и Максимиана, при наместниках Тарквинии и Гавинии. Господу нашему Иисусу Христу, владеющему нами, слава, держава и Царство во все века. Аминь.

ПАМЯТЬ ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО **КИРИЛЛА**, епископа Туровского

Блаженный Кирилл был сын богатых родителей, родился и получил воспитание в городе Турове[1]. Не любя богатства и славы тленного мира сего, он с особенным усердием занимался изучением Божественных книг и в совершенстве изучил Священное Писание. Когда наступило время, он пришел в монастырь[2]. Приняв иноческое пострижение, он стал служить Богу больше всех иноков, постом и бодрствованием изнуряя тело свое, и чрез это сделал себя чистым обиталищем Святого Духа. В это время он многим принес пользу тем, что учил и примером своим поощрял монахов пребывать в повиновении и послушании игумену, почитать его, как Бога, и во всем слушаться его и говорил, что тот монах, который не имеет послушания своему игумену согласно данному обету, не может спастись. Стремясь затем к более совершенным подвигам, блаженный Кирилл заключил себя в столп, где некоторое время и пребывал, подвизаясь в посте и молитве. Тут он составил много благочестивых сочинений, чем приобрел известность во всей окрестной стране. По усердной просьбе князя[3] и граждан города митрополит возвел его в епископский сан и поставил епископом города Турова[4], носившего в то время такое название и находившегося вблизи Киева.

В сане епископа блаженный Кирилл доблестно подвизался в управлении Церковью Божиею. Он, на основании Священного Пи-

---

[1] *Город Туров*, ныне местечко Минской губернии, Мозыревского уезда, находился на реке Припяти, на половине расстояния между нынешними городами Мозырью и Пинском. По свидетельству летописи, он был основан варягом Туром, который в правление Ольги или Святослава пришел из-за моря вместе с другим варягом Рогвольдом, основавшим княжество Полоцкое.

[2] *Блаженный Кирилл* подвизался в Борисоглебском монастыре, находившемся близ Турова. Этот монастырь упоминается в житии блаженного Мартина. Память его празднуется 28 июня.

[3] Тут разумеется *князь Ярослав Георгиевич*, или Ярославич, княживший в Турове с 1146 года.

[4] Год вступления блаженного Кирилла на кафедру неизвестен.

сания, обличил ересь Феодорца[1], названного так в поругание, и предал его проклятию[2]. Много посланий, основанных на словах Евангелия и пророческих книг, он написал и князю Андрею Боголюбскому[3], а также посылал ему поучения, составленные им на Господские праздники, и многие другие душеполезные свои сочинения. Написав все это и составив множество других сочинений, блаженный Кирилл распространил их среди своей паствы. Его трудами и до сих пор пользуются православные русские люди, просвещая и утешая себя[4]. Проведши в таких благочестивых подвигах свою жизнь и достойно управив врученное ему стадо, блаженный Кирилл отошел в вечный покой бесконечной жизни[5].

Приидите же ныне, братия, прославим этого святителя такими словами: радуйся, славный святитель и учитель, больше всех других стяжавший себе славу второго Златоуста в России. Радуйся ты, который своим блестящим словом наставил все страны земли Русской в духовной мудрости. Принося тебе эту малую похвалу, молимся тебе: молись за нас Вседержителю, Которому ты ныне дерзновенно предстоишь, да избавит Он нас от постигших нас бедствий и от безбожных агарян[6], всегда угнетающих нас, да по твоим молитвам получим мы от Господа милость, прощение грехов и вечное блаженство в будущей жизни.

---

[1] Под именем *Феодорца* здесь разумеется любимец князя Андрея Боголюбского Феодор, сперва суздальский игумен, а потом епископ Ростовский, совершивший разные злодейства и около 1169 года казненный. В Новгородской летописи он назван «белым клобучком» за самовольное ношение белого клобука вместо черного.

[2] Святитель Кирилл присутствовал на соборе 1169 года, на котором Феодорец был судим и осужден, как еретик и злодей, и вместе с другими епископами участвовал в его осуждении.

[3] Думают, что послания эти касались и дела Феодорца, но ни одно из этих посланий неизвестно.

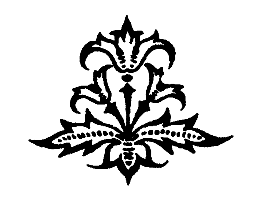
[4] Из сочинений блаженного Кирилла до нас дошли: девять слов, произнесенных в храме пред народом, три статьи, изложенные в форме посланий или наставлений к инокам, и более двадцати молитв и канон молебный. Подлинность этих сочинений несомненна.

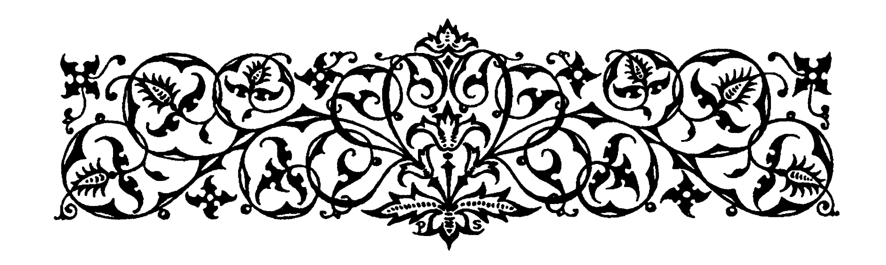
[5] Блаженный Кирилл скончался около 1183 года, оставив кафедру раньше этого года из любви к уединенной жизни.

[6] Разумеются *татары*. Проложная память о блаженном Кирилле составлена несомненно во времена владычества татар над Русью. Эта память из рукописного Пролога XIV века вошла впервые в печатный Пролог издания 1642-го и 1643 года.

ꕥꕥꕥ

В тот же день **память святых мучеников: Саторния, Иакисхола, Фавстиана, Ианнуария, Марсалия, Евфрасия, Маммия** (разбойников, просвещенных в темнице апостолами Иасоном и Сосипатром, вверженных в котел с кипящею смолою), **Зинона**, **Евсевия**, **Неона** и **Виталия** (просвещенных теми же апостолами и сожженных); все эти мученики пострадали на острове Керкире.

День двадцать девятый

ПАМЯТЬ
СВЯТЫХ ДЕВЯТИ МУЧЕНИКОВ,
в Кизике пострадавших

Город Кизик находится в малоазийской области Мизии, на берегу Дарданелльского пролива[1], отделяющего Азию от Европы. Он стоит рядом с городом Троадою, в котором проповедовал святой апостол Павел[2], учитель язычников[3], и был просвещен святою верою христианскою от того же апостола. Хотя этот город и был просвещен светом христианства, но первоначально он имел не очень много христиан, по причине гонения на христианскую веру от язычников. Когда нечестивые римские императоры, правившие до Константина Великого[4], рассылали по всем странам грозные повеления — всех, исповéдовавших имя Христово, принуждать к поклонению идолам, и посылали для этого жестоких игемонов, обязан-

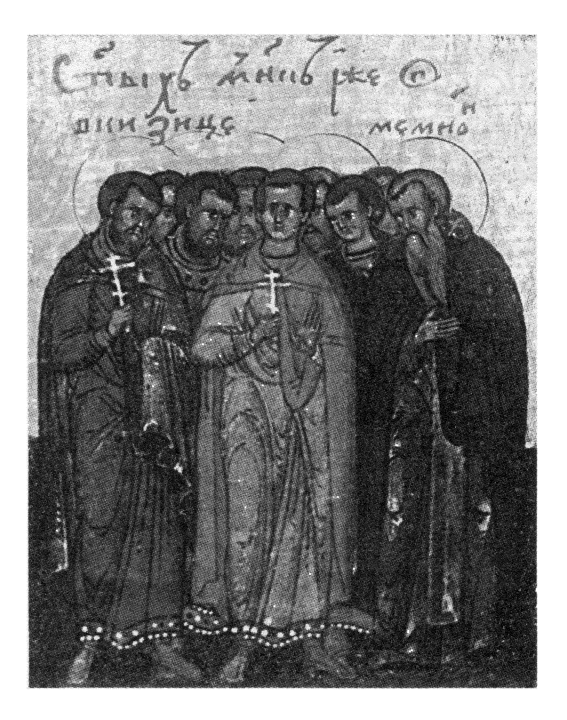
---

[1] *Дарданелльский пролив* (в древности Геллеспонт) соединяет моря: Мраморное и Эгейское.

[2] *Святой апостол Павел* был в Троаде во время своего третьего апостольского путешествия (Деян. 20, 6).

[3] Наименование «учитель языков» (или язычников) усвояется святому апостолу Павлу потому, что он проповедовал преимущественно язычникам, в то время как апостол Петр проповедовал преимущественно иудеям. — Память святых первоверховных апостолов Петра и Павла совершается святой Церковью 29 июня.

[4] *Константин Великий* управлял западною частью Римской империи с 306 года, а западною и восточною вместе — с 324 по 337 год. Начиная с 313 года Константин рядом указов дал христианам различные льготы и преимущества. Константин принял святое крещение и причислен Церковью к лику святых. — Память его совершается святой Церковью 21 мая.

ных казнить различными способами и предавать смерти всех, не повиновавшихся царскому повелению, — тогда многие из христиан бежали из города, скитаясь по горам и пустыням; другие же из христиан жили среди язычников, но скрывали от них свою веру; те же, которые особенно горячо любили своего Бога и Господа Иисуса Христа, явно, во всеуслышание исповедовали имя Христово посреди язычников и охотно шли на многоразличные мучения и смерть за имя Христово. К числу этих последних принадлежат и воспоминаемые ныне девять святых мучеников, доблестных мужей, твердых во святой вере, как гора Сион[1] и горевших ревностью по Боге, как Илия[2]. Имена их следующие: Феогний, Руф, Антипатр, Феостих, Артема, Магн, Феодот, Фавмасий и Филимон.

Эти святые мученики происходили из разных городов. Собравшись вместе в Кизике, они, не страшась ни грозных царских повелений, ни мучений и смерти, велегласно прославляли Христа, дерзновенно исповедуя, что Он — истинный Бог, Творец и Вседержитель всего мира. Вместе с тем они обличали и порицали нечестивое учение язычников-идолопоклонников, которые вместо Бога почи-

---

[1] *Сион* — юго-западная возвышенная часть Иерусалима. Здесь в ветхозаветные времена была выстроена крепость, защищавшая Иерусалим. Сион в Священном Писании часто представляется как бы жилищем Самого Бога и вообще твердынею, оплотом Израиля (Пс. 73, 2; 75, 3; 98, 2; 109, 2; 145, 10 и др.).

[2] *Илия* — израильский пророк, происходивший из города Фесвы в Галааде за Иорданом, живший во дни нечестивого царя Ахава и Иезавели, которых он обличал в идолопоклонстве. За свою строго подвижническую жизнь и ревность о славе Божией был взят живым на небо. История его жизни и деятельности излагается в конце 3-й (с 17-й по 20-ю главы) и начале 4-й (с 1-й по 4-ю главы) книги Царств. — Память его совершается святой Церковью 20 июля.

тали бесов, вместо того, чтобы поклоняться Творцу всего мира, поклонялись твари, вместо Живого Бога поклонялись бездушным идолам, вместо истинного Бога почитали ложных богов, вместо любви к Богу Милосердому, подающему людям всякое благо, приносили жертвы жестокосердым бесам — мучителям людей. Поэтому эти святые мученики и увещевали, ослепленных неверием, язычников оставить свои заблуждения и познать истину, дабы, просветившись светом христианского учения, уверовать во Единого истинного, пребывающего на небесах, Бога, содержащего во Своей власти всю вселенную.

Узнав о такой дерзновенной проповеди святых, нечестивые служители диавола взяли их без милосердия, как волки овец, и, связав, представили их на допрос начальнику города, как бы каких злодеев.

Святые воины Христовы мужественно предстали пред нечестивым судией. Сердца их были воспламенены огнем любви к Богу и ревностью о славе Его. Представ пред мучителем, они облеклись во всеоружие Божие (см.: Еф. 6, 11), дабы мужественно противостать нечестивому судии, а наипаче самому князю тьмы, на борьбу с которым они теперь выступали.

Нечестивый судия предавал их различным мучениям и пыткам; не один раз заключал он их в темницу, затем снова выводил и предавал мукам, требуя, чтобы они отверглись от Христа и принесли жертву идолам. Но доблестные воины Христовы ни в каком случае не соглашались отречься от Христа, своего Бога и Господа; напротив того, они начали говорить о суетности идолопоклонства и укорили в нечестии и самого судию. Вследствие многих различных мук, им были отсечены главы[1]. Около того места были погребены и тела их.

Спустя несколько лет после этого воцарился Константин Великий, который, приняв святое крещение, прекратил гонение на христиан. Свет благочестия христианского теперь всюду разлился по вселенной.

Тогда кизические христиане с благоговением извлекли из земли тела святых мучеников, которые оказались нетленными, затем положили их в новые гробы, построили храм в честь святых мучеников и с благоговением перенесли в него свое многоценное сокровище.

[1] Кончина святых мучеников последовала в конце III века.

От этих святых мощей совершались многоразличные чудеса и исцеления: бесы изгонялись, расслабленные становились здоровыми, страдавшие лихорадкою совершенно исцелялись от своих болезней.

Так, например, один известный в городе муж, страдавший водянкою, исцелился от своей болезни, прикоснувшись с верою к раке со святыми мощами. Равным образом всякий, какой бы ни был одержим болезнью, с верою прикасавшийся ко гробу святых мучеников, тотчас получал исцеление.

Видя это, многие из неверных обращались ко Христу, так что вскоре весь город тот уверовал во Христа; идолы и языческие храмы сокру́шались и вместо них воздвигались храмы христианские; благочестие процветало в городе Кизике, по молитвам святых девяти мучеников, там почивавших.

Когда же по смерти благочестивого царя Константина и сына его Констанция[1], царствовавших довольно продолжительное время, воцарился нечестивый Юлиан Отступник[2], то некоторые из проживавших в том городе эллинов-язычников отправились к этому императору и донесли ему на христиан, что они разорили все их храмы и жертвенники разбили.

Услышав это, царь, хотя и повелел восстановить языческие храмы и идолов, однако не позволил делать никаких притеснений христианам, жившим в городе, так как их было очень много (почему он боялся народного возмущения). Однако нечестивый император приказал заключить в темницу христианского епископа Елевсия. Когда же он отправился в поход против персов и погиб там, то епископ Елевсий был освобожден, и снова в городе Кизике воссиял свет веры Христовой; город тот укреплялся и утверждался, как крепкою стеною, усердным предстательством пред Богом тех святых мучеников. Молитвами их да получим и мы исцеление от болезней наших, как душевных, так и телесных, да сподобимся также и благодати и милости от Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

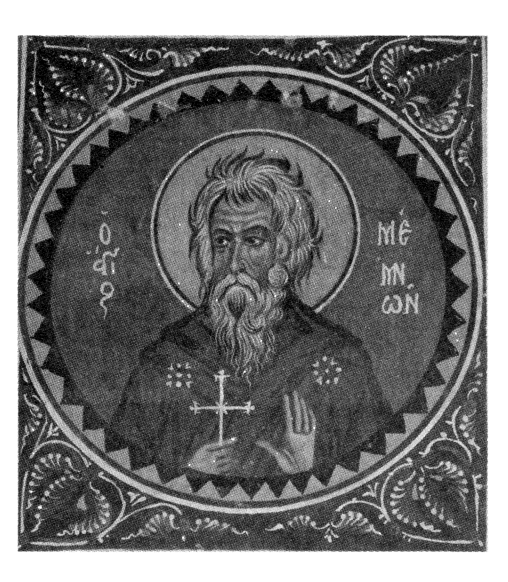
---

[1] *Констанций* управлял восточной половиной Римской империи с 337 по 353 год. Западной половиной империи в это время управляли: Констант (с 337 по 350 год) и Магненций (с 350 по 353 год). С 353 по 361 год Констанций управлял уже обеими половинами Римской империи.

[2] *Юлиан Отступник* управлял Римской империей с 361 по 363 год.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО **МЕМНОНА ЧУДОТВОРЦА**

Преподобный отец наш Ме́мнон от юности своей посвятил себя на служение Богу и соделался чистым жилищем Духа Святого, ибо он покорил плоть свою духу, умертвив страсти телесные многими и тяжкими трудами. Святой Мемнон был поставлен начальником над монахами (игуменом). По причине своего равноангельского жития он восприял от Бога обильный дар чудотворений, исцелял неизлечимых больных, творил также много и других чудес. Так, например, на сухом месте, по молитве святого, появился источник воды; весьма часто он избавлял от потопления корабли, застигнутые сильным морским волнением и уже утопавшие; отгонял саранчу, во множестве прилетевшую в ту страну и пожиравшую все плоды и травы; совершал много и других преславных чудес, — ради чего и был наречен «чудотворцем».

Так, в течение многих лет подвизаясь в постничестве и угодив Богу своим добродетельным житием, Мемнон отошел, радуясь, ко Господу, Которого он возлюбил всем сердцем своим.

Не только при жизни своей, но и по смерти святой творил многоразличные чудеса, ибо от гроба его подавались исцеления болящим, и одним только призыванием имени святого прогонялась саранча и разрушались всякие козни духа нечистого. Так прославил своего угодника Бог, славимый во святых Своих вовеки. Аминь.

В тот же день **память святых мучеников Диодора и Родопиана** диакона, пострадавших при Диоклетиане в Афродисии Карийской.

День тридцатый

ПАМЯТЬ СВЯТОГО АПОСТОЛА ИАКОВА ЗЕВЕДЕЕВА

Святой Иаков, сын Зеведеев и брат святого евангелиста Иоанна Богослова, был одним из двенадцати апостолов, избранных Господом в ученики Себе из простых рыбарей. Позванный Иисусом Христом, Иаков, вместе с своим братом, оставил корабль, отца и рыболовные сети и пошел за Христом (см.: Мф. 4, 21–22), следуя за Ним всюду, внимая речам Его и видя чудеса, совершаемые Им. И Господь так возлюбил обоих братьев, что одному позволил возлежать на персях Своих (см.: Ин. 13, 23), а другому (Иакову) обещал дать пить чашу, которую Сам должен был испить (см.: Мф. 20, 22–23). И сами апостолы так сильно возлюбили Господа своего и показали такую преданность Ему, что хотели низвести на неверующих в Него огонь с неба, чтобы истребить их (см.: Лк. 9, 54); и они сделали бы это, если бы Сам милосердый Господь Иисус Христос не воспретил им. Этим двум апостолам — Иакову Зеведееву и Иоанну, а также апостолу Петру Господь преимущественно пред всеми другими апостолами открывал Свои Божественные свойства и Свои тайны, как это было, например, на Фаворе, когда Господь, пожелав показать славу Своего Божества, взял с Собою Петра, Иакова и Иоанна (см.: Мф. 17, 1 и след.).

После вольного страдания, воскресения и вознесения Господа нашего и по ниспослании Святого Духа святой апостол Иаков прошел Испанию и другие страны с проповедью слова Божия. Потом он снова вернулся в Иерусалим и был здесь грозен для иудеев, как

гром (см.: Мк. 3, 17), ибо мужественно и дерзновенно проповедовал Иисуса Христа, говоря, что Он есть истинный Мессия, Спаситель мира. Иаков побеждал в спорах фарисеев[1] и книжников[2], обличая и укоряя их за жестокосердие и неверие. Они же, не будучи в силах противостать ему, за деньги наняли против него некоего волхва, по имени Гермогена, дабы он вступил в прение с Иаковом и посрамил бы его. Но волхв, будучи гордым, не пожелал сам беседовать с Иаковом, а послал своего ученика, по имени Филита, сказав:

— Не только меня самого, но даже и ученика моего Иаков не сможет одолеть в споре.

Филит пришел и беседовал со святым апостолом Иаковом, но будучи не в состоянии противиться премудрости Духа Святого, которой был преисполнен апостол, молчал, как немой, и не мог совершенно открыть своих уст для возражения апостолу. Познав истину, Филит смирился и, возвратившись к своему учителю-волхву, возвестил ему, что нельзя преодолеть Иакова, который подтверждает слова свои даже чудесами. При этом Филит советовал учителю своему оставить свое мудрование и волхвование и сделаться самому учеником Иакова. Но гордый Гермоген своими чарами призвал бесов и повелел им держать Филита на одном месте связанным так, чтобы он не мог сдвинуться с места, и сказал при этом:

— Посмотрю, как избавит тебя твой Иаков.

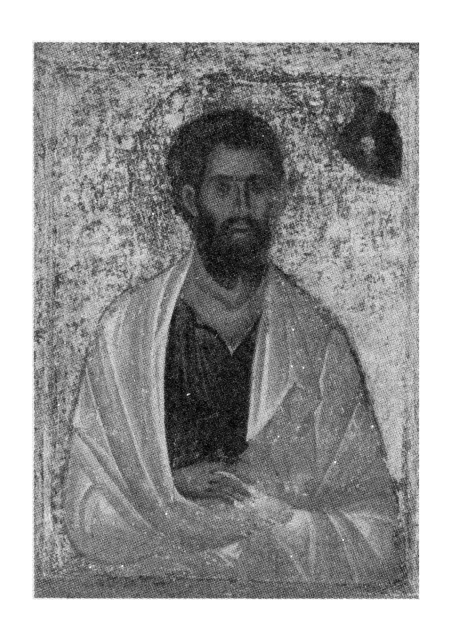
Филит же послал тайно к апостолу известие о том, что он чарами Гермогена связан бесами. Узнав об этом, апостол послал к нему свое полотенце, сказав, чтобы он взял посланное к нему полотенце и произнес такие слова: *Господь реши́т окова́нныя, Господь возводит низве́рженныя* (слав. Пс. 145, 7–8).

Лишь только Филит произнес эти слова, тотчас освободился от невидимых уз, ибо бесы, устрашившись полотенца апостолова и силы произнесенных слов, оставили Филита и убежали от него. Тогда Филит, посмеясь над Гермогеном, пришел к святому Иакову и, наученный им святой вере, крестился.

---

[1] *Фарисеи* — религиозная секта, возникшая в Палестине за два или за три века до Рождества Христова. Своею целью секта поставила точное, доходившее часто до мелочности и скрупулезности, соблюдение всех обрядовых предписаний закона Моисеева.

[2] Народный учитель, раввин.

Гермоген же, исполнившись сильной ярости и гнева, заклял бесов, служивших ему, привести к нему связанными Иакова и Филита. Но когда бесы приблизились к тому жилищу, в котором обитал святой Иаков с Филитом, тотчас Ангел Господень, по повелению Божию, взял тех бесов и, связав их невидимыми узами, стал их мучить. Бесы же в слух всех восклицали, будучи мучимы силою Божиею:

— Иаков, апостол Христов, будь милосердым к нам, ибо мы, по повелению Гермогена, пришли связать тебя и Филита, а вот ныне сами крепко связаны и жестоко страдаем.

Святой Иаков сказал бесам:

— Ангел Божий, связавший вас, да разрешит вас от уз, и вы пойдите и приведите ко мне Гермогена, не сделав ему никакого вреда.

Тотчас бесы, разрешенные от уз, пошли к Гермогену и, схватив его, в мгновение ока поставили связанным пред апостолом и просили апостола, чтобы он позволил им отомстить свои обиды на Гермогене.

Апостол же спросил бесов, почему они не связали Филита, как повелел им сделать это Гермоген. Бесы на это отвечали:

— Мы даже и мухи не можем тронуть в твоем дому.

Тогда апостол сказал Филиту:

— Господь наш повелел за зло воздавать добром, поэтому и ты освободи Гермогена и избавь его от бесов.

После этого апостол сказал Гермогену, освобожденному от бесовских уз:

— Господь наш не желает иметь слуг по принуждению, но желает иметь слуг добровольных; поэтому ты ступай, куда пожелаешь.

Но Гермоген сказал:

— Как только я выйду из твоего дома, меня тотчас убьют бесы, ибо я знаю, как велика их ярость; знаю также, что мне невозможно избавиться от них, если ты не защитишь меня.

Тогда апостол дал ему в руки свой жезл, который он употреблял в пути. Гермоген пошел с тем жезлом в свой дом и по дороге не претерпел от бесов ничего худого. Познав таким образом силу Христову и увидав немощь бесов, Гермоген собрал все свои волшебные книги, принес их к святому Иакову и, припав к ногам его, воскликнул:

— Истинный раб истинного Бога, избавляющий от погибели души людей. Помилуй и меня, и прими твоего врага в ученики себе!

Наученный Иаковом святой вере, Гермоген принял крещение, по повелению апостола, сжег свои волшебные книги и сделался истинным слугою Христовым, так что именем Иисуса Христа творил чудеса.

Иудеи, видя все совершившееся, пришли в сильную ярость и уговорили царя Ирода[1] воздвигнуть гонение на Церковь Христову и умертвить Иакова: *Ирод поднял руки на некоторых из принадлежащих к церкви, чтобы сделать им зло, и убил Иакова, брата Иоаннова, мечом. Видя же, что это приятно иудеям, вслед за тем взял и Петра, — тогда были дни опресноков, — и, задержав его, посадил в темницу* (Деян. 12, 1–4).

Евсевий[2], епископ Кесарии Палестинской, повествуя о святом Иакове, пишет, что когда он был осужден Иродом на смерть, некий человек, по имени Иосия, один из донесших Ироду на апостола, видя мужество и дерзновение святого Иакова и уразумев невинность и святость его, а также истину сказанных им слов (о пришествии Мессии — Христа), уверовал во Христа и сделался исповедником Христовым. Тотчас и он, вместе со святым апостолом Иаковом, был осужден на смерть. Когда они вместе шли на место казни, то на пути встретили расслабленного, лежащего при дороге, и святой апостол исцелил его. Когда же они приклонили свои головы на усечение, Иосия молил святого Иакова, дабы он простил ему грех, соделанный им по неведению, — простил ему, что он донес на него царю. Апостол, обняв и облобызав его, сказал ему: «мир с тобою», — и оба они, преклонив свои головы на усечение, вместе скончались[3].

---

[1] Здесь разумеется *Ирод Агриппа I*, сын Аристовула и внук Ирода Великого, управлявший Иудеею с 40 по 44 год.

[2] *Евсевий Памфил* — знаменитейший церковный историк, живший с 263 по 340 год. Его «Церковная История» доведена до 324 года.

[3] Кончина святого апостола Иакова последовала около 42 года.

После усекновения их ученики святого апостола Иакова, взяв тело его, по Божественному изволению отнесли его в Испанию[1], где и доныне подаются от гроба его исцеления болящим и совершаются чудеса во славу Христа Бога, со Отцом и Святым Духом всей тварью прославляемого вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО ДОНАТА ЕПИСКОПА

Святой Донат жил в царствование благочестивого императора Феодосия Великого[2] и был епископом в городе Эврии, находившемся в древнем Эпире[3]. Близ этого города было место, называемое Сориа, на котором находился источник воды; если кто-либо пил из этого источника воду, то тотчас умирал в жестоких мучениях. Святой епископ Донат, узнав об этом, пошел к тому источнику со своими клириками.

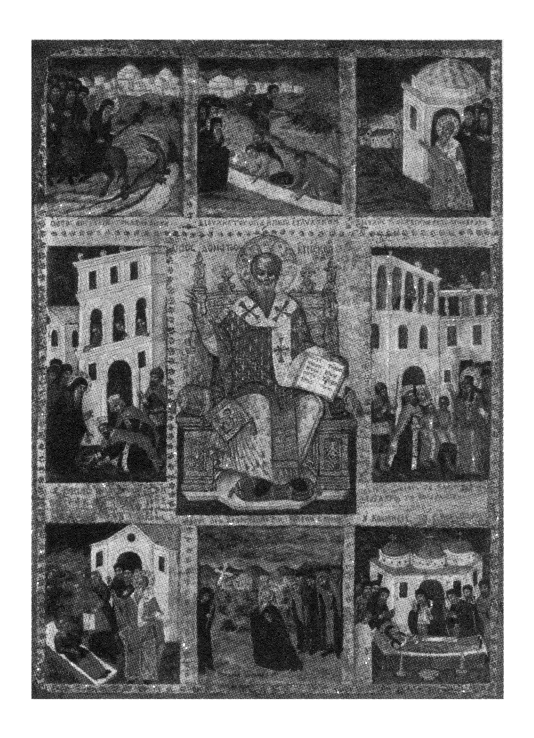
Когда он уже был около источника, послышался сильный гром и из источника вышел большой и страшный змей. Змей направился к угоднику Божию и старался своим хвостом ударить по ногам мула, на котором ехал святитель. Тогда епископ Донат бичом ударил приближающегося змея по хребту, и тотчас змей умер. Бывшие же при епископе клирики и народ, увидав такое чудо, собрали дрова и, разложив большой костер, сожгли на нем змея, чтобы его труп не стал гнить и не отравил бы воздух ядом, тем более, что змей тот был весьма велик; но воды из того источника все же никто не осмеливался пить. Тогда

---

[1] Мощи святого апостола Иакова в настоящее время находятся в Компостелле — главном городе испанского королевства Галиции; они были принесены сюда в начале IX века.

[2] *Феодосий I Великий* — император римский, царствовал с 379 по 395 год.

[3] Словом «Эпир» греки первоначально обозначали вообще материк (сушу), в противоположность островам; в частности, этим именем жители западных греческих островов (морей Ионийского и Адриатического) называли противолежащий берег Эллады, до входа в Коринфский пролив. Впоследствии границы Эпира сузились, и именем Эпира стали обозначать область, смежную на севере — с Иллирией, на востоке — с Фессалией, на юге — с Этолией и Акарнанией.

святой Донат, помолившись, благословил источник и сначала сам почерпнул воду и выпил ее, а затем и всем повелел пить ее без опасения. Все люди, после этого, пили воду, не сделав себе никакого вреда, и, прославив Бога, возвратились в жилища свои.

Однажды святому Донату случилось быть в одном каменистом и безводном месте, и он, видя, что находившиеся около него люди от сильного зноя изнемогали от жажды, выкопал небольшой ров своими руками и помолился к Богу о ниспослании воды. Тотчас потек источник воды, и доныне источающий обильную воду.

В другой раз святой Донат молитвою своею низвел воду с неба. Во время бездождия и сильной от того засухи, он помолился ко Господу, и тотчас пошел сильный дождь, который и напитал землю, так что в том году был обильный урожай плодов, по молитвам святого.

Случилось, что дочь императора Феодосия весьма сильно заболела, будучи мучима нечистым духом. Царь и царица были в сильной печали по причине болезни своей дочери, так как она была у них единственною дочерью. В это время они узнали о том, что епископ Донат творит чудеса. Тотчас император послал в Эпир повеление, чтобы к нему пришли все епископы той страны для благословения его. Когда эпирские епископы прибыли в Константинополь[1], царь с честью и ласкою принял их и спросил:

---

[1] *Константинополь* — столица Византийской империи. Константинополь был основан с именем «Византии» мегарянами в 658 году до Рождества Христова на европейской стороне Босфорского пролива, соединяющего Черное море с Мраморным. Господствующее положение на море и благоприятно сложившиеся исторические условия создали из Византии замечательный в древности центр как торговой, так и вообще культурной жизни. В церковной истории Константинополь известен как место нескольких Вселенских и многих Поместных соборов.

— Кто из вас епископ Донат, который бичом умертвил змея, извел из каменистой почвы воду и испросил у Бога дождь с неба?

Царю указали на святого Доната. Царь облобызал его и повел к царице, и они оба, припав к ногам святого, умоляли его помочь им, говоря:

— Божий угодник! Окажи нам милость: мы имеем одну дочь, и она жестоко страдает, мучимая бесом. Мы сильно скорбим о ней; приводили к ней многих врачей и священников, и никто не мог помочь ей. Поэтому мы, услышав о великой благодати Божией, обитающей в тебе, осмелились просить тебя прийти сюда, дабы ты изгнал из нашей дочери беса, молитвами твоими, действенными пред Богом. Если ты исцелишь нашу дочь, то получишь себе половину ее имущества.

Святой так ответил на просьбу царя с царицей:

— Где отроковица? Покажите мне ее.

Доната привели к отроковице. Тотчас бес, не стерпев присутствия угодника Божия, вскричал и, повергнув отроковицу на землю, вышел из нее; с этого времени отроковица стала здоровою. Царь и царица весьма обрадовались выздоровлению дочери, предлагали святому большие дары, но он не пожелал ничего взять из предложенного ему. Видя же благонравие и благоверие императорской четы, молил их, чтобы ему было отдано в его епископии одно место, находящееся близ села, называемого Омфалия, дабы на том месте он мог построить церковь. Царь тотчас исполнил просьбу святого и закрепил свой дар своей царской грамотой.

В то время как святой был в Константинополе, случилось, что здесь умер некий человек, имевший заимодавца, которому он не отдал долга. Когда его несли на погребение, то заимодавец его, имея расписку умершего, удерживал гроб и не допускал погрести умершего до тех пор, пока ему не будет отдан долг, который составлял двести золотых монет. Святой Донат, бывший в это время около дома этого умершего, услышав вопли и сильный шум, происходивший от большого стечения народа, сказал прибывшим с ним епископам:

— Пойдем и упросим заимодавца, чтобы он дозволил предать погребению тело умершего своего должника.

Но епископы не согласились пойти.

Тогда Донат пошел один. Когда вдова умершего увидала святого, то, припав к ногам его, молила его со слезами:

— Умилосердись надо мной, человек Божий, так как я впала в двоякую беду: лишилась мужа и не могу похоронить тела его, ибо в этом препятствует мне заимодавец. Уговори его, святой человек, чтобы он позволил мне предать земле тело умершего.

Святой спросил женщину:

— Действительно ли известно за достоверное, что твой муж должен этому человеку?

Женщина отвечала:

— Господин мой! За несколько дней до этого времени мой муж сказал мне, что он уже отдал свой долг, но только расписка его осталась у заимодавца.

Тогда святитель Христов сказал заимодавцу:

— Дозволь, чадо, предать погребению тело умершего; долг же твой после тебе будет отдан.

Но заимодавец, будучи жестоким и несправедливым человеком, не только не послушал святого, но еще и бранил его.

Тогда святой епископ, приступив к одру, на котором лежал умерший, и коснувшись своею рукою мертвеца, громко воззвал к нему:

— Слушай меня, человек!

Тотчас мертвый ожил и, открыв глаза свои, произнес:

— Вот я, владыко!

Святой сказал ему:

— Встань и скажи нам, как поступить с твоим заимодавцем, который не дозволяет предать тебя погребению, говоря, что ты не отдал ему долга, на который он имеет у себя твою расписку.

Мертвец поднялся и сел к великому ужасу всех, присутствовавших при этом удивительном зрелище. Взглянув грозно на своего заимодавца, мертвец стал укорять его за обман и уличил его во лжи, сказав, когда и на каком месте он отдал ему двести златниц долга. Заимодавец, не зная, что возразить ему, стоял, трепеща, и молчал, как немой. Оживший же человек требовал от заимодавца свою расписку. Получив ее, он разорвал ее, сидя на одре. Затем, посмотрев на святителя, он сказал ему:

— Хорошо сделал ты, праведник, что пробудил меня для обличения этого грешника; повели теперь мне снова уснуть.

Святой Донат сказал ему:

— Иди с миром в покой, чадо, ибо ты получишь обратно свою расписку.

И тотчас тот муж снова почил сном смерти. Все, видевшие это удивительное чудо и слышавшие о том от других, с великой радостью прославили Бога, удивляясь силе добродетели угодника Божия.

Во время пребывания святого Доната в Константинополе случилось бездождие, и вследствие этого великая засуха. По просьбе царя святой вышел за город и совершил литию[1], умоляя Бога послать необходимый для высохшей земли дождь. Тотчас после молитвы Доната пролился столь великий дождь, что весь народ говорил:

— Это — второй потоп.

Император Феодосий боялся за святого епископа Доната, как бы он не измок сильно, стоя под таким великим дождем, ибо он был в одной только ризе. Когда же святой Донат возвратился после совершения литии в царский дворец, то все видели, что одежды на нем были совершенно сухими и не имели ни малейшего следа влаги, ибо ни одна капля дождя не коснулась их.

Все весьма дивились этому чуду. Император же весьма радовался, видя славные дела святого угодника Божия, и благодарил Бога за то, что Он во время его царствования послал такого светильника миру, этого предивного чудотворца.

После многочисленных бесед с угодником и по принятии от него благословения царь отпустил его к своей пастве. При этом Феодосий дал святому Донату много денег для построения и украшения новой церкви, которую святой хотел построить на вышеупомянутом, испрошенном у царя, месте.

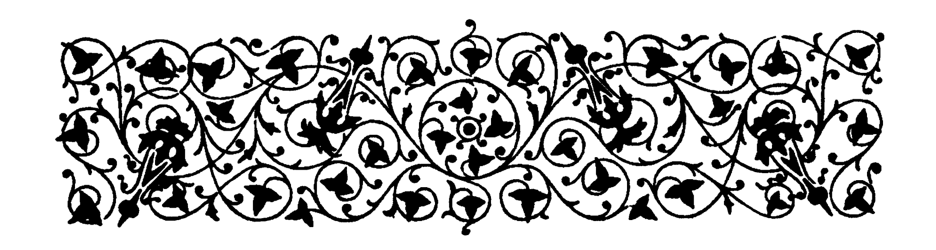
Вернувшись в свою епископию, блаженный Донат на царский дар выстроил прекрасную церковь, где приготовил место для своего погребения. Достигнув глубокой старости, он отошел ко Господу[2], дабы предстоять пред Ним в сонме святых иерархов и вечно прославлять Отца, и Сына, и Святого Духа — Единого Бога, в Троице прославляемого всеми святыми вовеки. Аминь.

---

[1] *Лития* (λιτή) — всенародное моление, совершаемое обыкновенно или в притворе храма, или вне его (на площадях, полях).

[2] Кончина святого Доната последовала около 387 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЯВЛЕНИЯ
ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА
ПО ЕГО ВОСКРЕСЕНИИ

Христос Спаситель по Своем воскресении, венчавшем Его искупительный подвиг, не тотчас покинул землю, освященную Его пребыванием: до славного вознесения с пречистою плотью на небо к Отцу Своему Он в течение сорока дней являлся (см.: Деян. 1, 3), некоторым порознь или всем вместе, небольшому обществу Своих последователей, которые в страшные дни крестных страданий, когда был поражен их Пастырь, рассеялись (см.: Мк. 14, 27) в смятении и скорби.

В истории христианской Церкви эти дни явлений Победителя смерти были великими днями постепенного усвоения апостолами радостной и краеугольной истины христианства — истины воскресения Христова (см.: 1 Кор. 15, 14), проповедниками которой вскоре они сделались для всего мира. С трудом проникала она в душу апостолов: даже для *камня веры* (Мф. 16, 18) святого Петра была непонятна мысль о необходимости крестных страданий *Сына Бога Живого* (Мф. 16, 16; 22–23), а потому для учеников Христовых непонятны были и слова Спасителя о Своем воскресении (см.: Мк. 9, 32), которое неразрывно связано с Его уничижением (см.: Флп. 2, 8–9). Они не верили воскресению Спасителя даже тогда, когда о явлении Воскресшего говорили им удостоившиеся увидеть Господа в Его прославленном состоянии жены-мироносицы (см.: Лк. 24, 11), а наиболее сомневающийся из них — святой Фома только тогда уверовал, когда согласно ранее выраженному желанию вложил перст свой в гвоздинные язвы на теле Воскресшего. Поэтому для апостолов нужны

были самые непреложные доказательства истины воскресения, которые Господь и даровал им во время Своих явлений: апостолы уверились, что Явившийся действительно Христос Спаситель не только потому, что в прославленном Воскресшем узнавали знакомые и дорогие черты смиренного Учителя, но и потому еще, что слышали из уст Его то же самое, только более углубленное, учение о тайнах Царствия Божия (см.: Деян. 1, 3).

Первую весть о воскресении Господа Иисуса получили жены-мироносицы; они же первые узрели Воскресшего и первые пришли с радостною вестью к скорбящим ученикам, явившись, таким образом, как бы апостолами для апостолов. По мысли святого отца (Григория Богослова) это произошло не без особенного смотрения Божия, потому что «Еве, которая пала первая, первой надлежало приветствовать Христа» — Искупителя падшего человечества.

После скорбной субботы (см.: Мк. 16, 1), при наступлении первого дня недели, жены-мироносицы, Мария Магдалина, Мария Иаковля, Иоанна, Саломия и прочие (см.: Мк. 16, 1; Лк. 24, 10) самым ранним утром отправились ко гробу возлюбленного Учителя, неся приготовленные ароматы (см.: Лк. 24, 1). Они не оставили Господа у креста, когда страх от врагов Христовых заставил почти всех апостолов скрыться, но предстояли распятому Спасителю до самой Его кончины; они сопровождали принесение Его тела ко гробу и присутствовали при Его погребении; и теперь, несмотря на тяжелые испытания предшествующих дней, они торопятся воздать Почившему последнюю дань любви и уважения. Мария Магдалина, исцеленная Господом от тяжкого недуга беснования (см.: Мк. 16, 9) и пламеневшая «самою нежною любовью к Учителю» (св. Иоанн Златоуст) опережает на пути прочих жен: «сила любви и благодарности к Божественному Спасителю, сила святого сострадания к Святому, безвинно пострадавшему» (Филарет, митропол. Московск.) неудержимо влечет ее вперед, и она прежде всех, *когда еще было темно* (Ин. 20, 1), достигает гроба; увидев сквозь ночную мглу, что камень отвален от гроба, Мария Магдалина, не теряя минуты, сейчас же побежала с вестью об этом к ближайшим ученикам Господа, Петру и Иоанну.

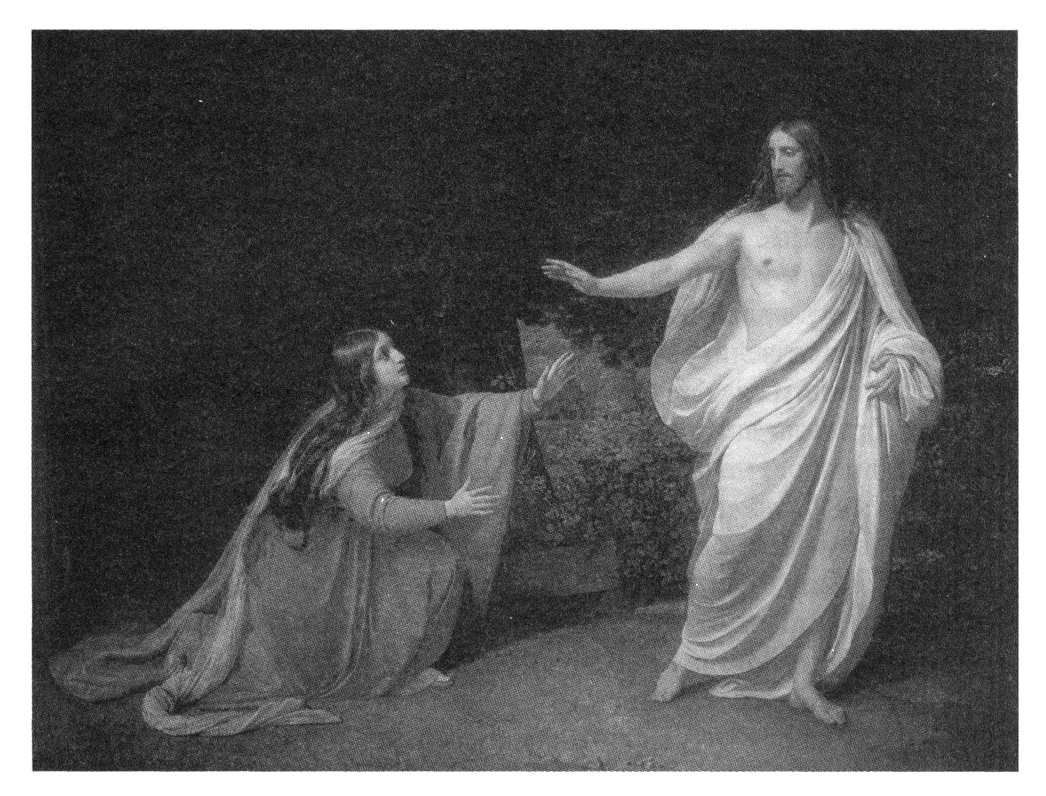
Уже брезжило утро, и золотые лучи солнца, обливая пурпуром вершины Галаадских гор, готовились разогнать предрассветную тьму, висевшую над садом благочестивого Аримафея. С тяжелым сердцем, переполненным скорбью, приближались за Мариею остальные бла-

гочестивые жены ко гробу, где сокрылось Солнце правды; умер их Учитель, но не умерла их любовь к Нему, — она и заставляла их горевать о том, что они никогда уже больше не увидят Его, не услышат Его благостных речей. Эта скорбь увеличилась еще больше, когда святые жены вспомнили, что гроб заложен большим камнем, отвалить который они были не в силах (см.: Мк. 16, 3). Но вот и сад Иосифа. Они входят в него и, приближаясь ко гробу, с удивлением замечают, *что камень отвален* (Мк. 16, 4). Расстроенные и взволнованные вошли жены-мироносицы внутрь гроба *и не нашли тела Господа Иисуса* (Лк. 24, 3), что еще больше увеличило их недоумение. И вдруг в ужасе на правой стороне гроба они увидели юношу, облеченного в белую одежду, который им сказал:

— *Не ужасайтесь. Иисуса ищете Назарянина, распятого; Он воскрес, Его нет здесь. Вот место, где Он был положен. Но идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он предваряет вас в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам* (Мк. 16, 6–7).

Потрясенные жены-мироносицы в ужасе побежали от гроба и сначала от страха *ничего никому не сказали* (Мк. 16, 8). Но потом, когда они успокоились, страх сменился великой радостью, поделиться которой, согласно повелению ангела, они и поспешили с апостолами (см.: Мф. 28, 8).

Между тем весть, принесенная Мариею Магдалиною ближайшим ученикам Господа о похищении тела Учителя заставила обоих апостолов *тотчас* (Ин. 20, 3) пойти ко гробу. Достигнув гроба ранее Петра, Иоанн наклонился и посмотрел внутрь, и увидел, что тела нет, а лежат одни лишь погребальные пелены; в раздумье стоял возлюбленный ученик Христов, ожидая Петра, который вскоре пришел *вслед за ним* (Ин. 20, 6). Апостол Петр вошел *во гроб и видит одни пелены лежащие. И плат, который был на главе Его, не с пеленами лежащий, но особо свитый на другом месте* (Ин. 20, 7). За Петром вошел в пещеру и Иоанн; погребальные пелены и особенно вид головного плата, свитого и лежащего на другом месте, возбудили в нем веру, что Господь воскрес: «В самом деле, — говорит святой Иоанн Златоуст, — если бы кто перенес тело, то сделал бы это не обнажая его, равно как, если бы кто украл его, то не стал бы заботиться о том, чтобы снять плата, свить его и положить на другом месте, но взял бы тело в том виде, в каком оно лежало. Поэтому евангелист предварительно и сказал, что при погребении Христа употреблено было

Явление Господа Марии Магдалине

много смирны, которая не хуже свинца приклеивает пелены к телу». Не с одинаковым чувством покинули ученики опустевший гроб своего Учителя; «Петр не нашел в нем света воскресения и вынес из него только удивление, — *пошел назад, дивясь сам в себе происшедшему* (Лк. 24, 12), Иоанн вошел во гроб и обрел хотя невидимый, но действительный внутренний свет веры в воскресение Христово (см.: Ин. 24, 8; Филарет, митрополит Москов.).

По уходе учеников Мария Магдалина опять возвратилась ко гробу, куда влекла ее *крепкая, как смерть, любовь* (Песн. 8, 6) ко Христу Спасителю. Она *стояла у гроба и плакала* (Ин. 20, 11): страдания, испытанные ею в предшествующие скорбные дни, довершались этою невозвратимою утратою, отнимавшею у нее последнее утешение, — поплакать облегчающими душу слезами над телом Учителя. Как человек, потерявший неоцененное сокровище и не хотящий этому верить, Мария *наклонилась во гроб* (Ин. 20, 11), чтобы посмот-

реть на место, где покоилось тело Спасителя. И необычайное зрелище открылось пред полными слез глазами Марии: она увидела *двух Ангелов, в белом одеянии сидящих, одного у главы и другого у ног* (Ин. 20, 12) смертного ложа Христова.

— *Жена! Что ты плачешь?* (Ин. 20, 13), — спросили скорбящую Марию радостные вестники Христова воскресения.

Всецело поглощенная горем Магдалина нисколько не удивилась неожиданному явлению светоносных Ангелов, хотя самая одежда их «показывала великую радость», и Мария «могла воспрянуть от скорби и утешиться» (св. Иоанн Златоуст). Но горе ее было так велико, что она обратила внимание только на вопрос Ангелов и поспешила поведать им свою печаль:

— *Унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его* (Ин. 20, 13).

В это время Господь «внезапным явлением позади (Марии) привел в изумление Ангелов, и они, узрев Владыку, и видом, и взором, и движением тотчас обнаружили, что увидели Господа» (св. Иоанн Златоуст); Мария Магдалина заметила это и *обратилась назад* (Ин. 20, 14). Господь явился в смиренном виде, так что плакавшая Мария, далеко отстоявшая от мысли о воскресении, приняла Его за садовника, и в ответ на вопрос Господа: *Что ты плачешь? Кого ищешь?* (см.: Ин. 20, 15) — она обратилась к Нему за разрешением раздиравшего ее душу сомнения:

— *Господин! Если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его* (Ин. 20, 15).

Тогда Иисус говорит ей: *Мария!* (Ин. 20, 16).

Знакомый голос Спасителя, исполненный благодатною силою (см.: Ин. 7, 46), проник в душу Марии; быстро обернувшись и всмотревшись внимательнее, она узнала Господа и в восторженной радости воскликнула: *Учитель!* (Ин. 20, 10), и тотчас же хотела припасть к ногам Воскресшего. Но Господь остановил ее:

— *Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему* (Ин. 20, 17).

Запрещая Марии Магдалине прикасаться к Нему, Христос, по толкованию святого Иоанна Златоуста, «возвышает (ее) помышления», потому что «от радости (она) не представляла себе ничего великого», «и через это научает ее более благоговейному с Ним обращению». То же самое высказывает и блаженный Августин о сло-

вах Господа — «не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему»: «Ты (как бы так обращается Господь к обрадованной Марии), видя Меня, почитаешь только человеком, и еще не знаешь равенства Моего со Отцем: не прикасайся ко Мне, как к простому человеку, не принимай Меня такою верою, но уразумей во Мне Слово, равное Отцу. Взойду ко Отцу, и тогда прикасайся. Для тебя взойду Я тогда, когда ты уразумеешь Меня, как равного Отцу. Доколе же почитаешь Меня меньшим, Я еще не взошел для тебя». Удостоившаяся явления Воскресшего, Мария должна была передать ученикам Господа вместе с вестью о воскресении Учителя не менее радостную весть (см.: Ин. 14, 28) о скором отшествии Его к Отцу, за которым, как Он говорил им в прощальной беседе, должно последовать сошествие святого Утешителя Духа (см.: Ин. 16, 17). Отныне, со дня воскресения, все верующие во Христа Иисуса, как искупленные Его спасительными страданиями и крестною смертью, имеют одного Отца небесного вместе со своим Спасителем; но Христос Сын Божий по естеству, а верующие — по благодати. В изречении Господа — *восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему*, по учению святого Кирилла Иерусалимского, и сокрыта именно последняя мысль: «иначе Он Мой Отец по естеству, иначе вам по присвоению; иначе Бог Мне, как приискреннему и Единородному Сыну, и иначе вам как созданиям».

Так любовь Марии Магдалины ко Христу, с особенною силою проявившаяся «на смертном поприще Господнем», была «награждена праведно ускоренным живоносным лицезрением Господа воскресшего» (Филарет, митроп. Московск.): ей именно прежде всех, как говорит святой евангелист Марк (см.: 16, 9), явился Господь Иисус по Своем воскресении[1].

---

[1] Итак, из повествования святых евангелистов о воскресшем Господе видим, что первыми весть о воскресении Христовом от Ангелов получили жены-мироносицы, — что одной из них, Марии Магдалине, было и *первое* явление Воскресшего; при этом Евангелие совершенно умалчивает о Матери Божией. Такое умолчание вызывает невольный вопрос: неужели Господь Иисус Христос, во время предсмертных мук на кресте поручивший Свою Матерь попечениям возлюбленного ученика (Ин. 19, 26–27) и тем исполнивший долг сыновней любви и почтения к Ней, мог забыть о Ней в день Своей славы? Святая Церковь разрешает этот вопрос благочестивого недоумения, содержа в своем предании то верование, что Божией Матери *прежде жен-мироносиц* сообщено было Ангелом о воскресении Господа и — что Ей, восстав от гроба, Христос явился *прежде* всех. Выражение

За этим явлением Марии Магдалине последовало явление воскресшего Спасителя и всем женам-мироносицам, когда они шли к апостолам с полученною от Ангелов вестью воскресения; Господь встретил их на пути со словами: «Радуйтесь!»

Они, приступив, ухватились за ноги Его и поклонились Ему. Тогда, ободряя их, Христос сказал:

— Не бойтесь, пойдите возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня (см.: Мф. 28, 9–10; Мк. 16, 1; Лк. 24, 10).

Когда святые жены-мироносицы с вестью о воскресении Христовом пришли к ученикам Господа, то они не поверили словам их, как ложным (см.: Лк. 24, 11), и продолжали горько оплакивать смерть своего Учителя. Но вот приходит Мария Магдалина, которая также говорит, что Господь «жив», — она сама «видела Его»; однако объятые скорбью апостолы не имели сил для веры (см.: Мк. 16, 10–11), исключая, впрочем, апостола Петра: «слово Марии (что видела Воскресшего), святое сколько по своему предмету, столько же по решительной достоверности, разогнало тьму души его и приготовило его незаметным светом веры и любви принять свет Божественного явле-

---

этого верования Церкви находит в пасхальных богослужебных песнопениях. Верование Церкви ясно выражается в пасхальном богородичном каноне; для примера приведем 2 тр. («и ныне») 1-й песни: *воскресшаго видевши Сына Твоего и Бога, радуйся со апостолы, Богоблагода́тная чистая, и еже радуйся пе́рвее, яко всех радости вина, восприя́ла еси, Богомати всенепорочная.* В Храме Воскресения в Иерусалиме, недалеко от гроба Господня, указывают место явления Спасителя Своей Матери; в настоящее время здесь находится католический придел явления Христа Богоматери. — Как же объяснить, что евангелисты ничего не говорят о явлении Ей Сына? Святой Иоанн Богослов, благовествуя о явлениях Господа по воскресении, вносит в свое повествование два замечания, которые показывают, что святые евангелисты из земной жизни Иисуса Христа передали не все, ввиду невозможности передать всего (Ин. 21, 25), а только то, что наиболее служило к укреплению веры в Него, как Сына Божия (Ин. 20, 30–31). С другой стороны, в Евангелиях после описания обстоятельств, относящихся к Рождеству Христову, о Божией Матери вообще говорится очень редко и очень мало (Лк. 2, 43–51; Ин. 2, 2–5; Мф. 12, 47; Ин. 19, 25–27), и конечно это не потому, что нечего было сообщать о Ней, а потому, что проникнутая в высшей степени духом смирения (Лк. 1, 48), Она жила сосредоточенною, сокровенною от взоров людских жизнью (Лк. 2, 19), и Ей не могло быть приятным ее нарушение. Поэтому-то святые евангелисты, соблюдая желание Богоматери, и не говорили подробно о Ней, ибо Она более всего любила молчание.

ния» (Филарет, митропол. Московск.); и действительно, после этого в тот же день Господь Иисус явился Симону (см.: Лк. 24, 34; 1 Кор. 15, 5). Вместе с тем явление Христа апостолу Петру первому из среды других апостолов было как бы наградой за его исповедание Господа Иисуса *Сыном Бога Живого* (Мф. 16, 16) и утешением ученику, удрученному своим отречением: «Кто первый исповедал Его Христом, тот справедливо первый удостоился видеть и воскресение Его. И не поэтому только Христос явился прежде всех одному Петру, но и потому, что Петр отрекся Его; дабы совершенно утешить его и показать, что он не отвергнут, Христос удостоил его своего явления прежде других» (св. Иоанн Златоуст).

Весть о воскресении Христовом, распространяясь среди святого общества последователей Господа Иисуса, достигла и до членов Синедриона, которым ее принесли воины, по их же настоянию поставленные на страже у гроба Спасителя (см.: Мф. 27, 62–66). Приведенные в трепет землетрясением и явлением молниевидного Ангела (см.: Мф. 28, 3–4), воины от страха самовольно покинули стражу и прибежали в Иерусалим; здесь некоторые из них рассказали первосвященникам о всем, чему они были невольными свидетелями (см.: Мф. 28, 11). Но ожесточенные начальники иудейские, противившиеся Господу во время Его земной жизни, восстали на Него и по Его воскресении, прибегнув к своему излюбленному средству — подкупу: «купив кровь Христа, когда Он был жив, по распятии и воскресении Его (они) опять деньгами же старались подорвать истину воскресения» (св. Иоанн Златоуст). Дав воинам *довольно денег* с обещанием в случае необходимости защитить их пред правителем, члены Синедриона просили стражу распространить среди иудеев такой ложный слух: *скажите, что ученики Его, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали* (Мф. 28, 12–14). «Смотри, — говорит святой Иоанн Златоуст об этом вымысле врагов Христовых, — как они уловляются со всех сторон своими собственными поступками! Если бы они не приходили к Пилату, если бы не просили стражи, то еще могли бы таким образом клеветать; теперь же, напротив, они все так делали, что как будто старались заградить свои уста». Действительно, своими словами члены Синедриона сами себя осудили: могли ли отважиться на похищение тела Спасителя ученики, когда еще недавно все они при виде толпы, вооруженной кольями, бежали, оставив своего Учителя (см.: Мк. 14, 50)? Когда самый твердый из них поколе-

бался от вопроса служанки (см.: Мф. 26, 69–72)? Не говорят ли против членов Синедриона самые пелены и плат, оставшиеся на гробе Спасителя? Если бы, — предположим невозможное, — ученики похитили тело, то неужели бы они стали медлить в пещере — снимать плотно прилипшие пелены с платком и класть их в порядке? Да и как, наконец, спящая стража могла свидетельствовать о том, чего не видала?! Так ничтожны пред истиной Божией ложь и обман, так злоба и неверие в руках Божественного всемогущества свидетельствуют об истинности того, против чего они восстают.

Прошло уже полдня великого воскресения, а из последователей Христовых удостоились видеть Воскресшего только жены-мироносицы и апостол Петр; прочие апостолы, исключая возлюбленного ученика Господня, колебались между сомнениями и верою, не зная, как отнестись к вести о воскресении Спасителя. И Господь, как бы снисходя к их немощи, постепенно подготовлял душевные очи апостолов к Своему светозарному явлению. Последними вестниками воскресения для апостолов из двенадцати были два апостола из числа семидесяти: Клеопа (см.: Лк. 24, 18), вероятно брат Иосифа Обручника и муж Марии, называемой сестрой Богоматери (см.: Ин. 19, 25), и, как говорит древнее предание Церкви, святой евангелист Лука.

В день воскресения Христова, уже под вечер, они шли вместе в селение Еммаус, отстоявшее от Иерусалима стадий на шестьдесят (см.: Лк. 24, 13). Дорогою, естественно, они разговаривали между собою о том, что более всего волновало их душу: о последних событиях жизни своего Учителя и о дивной вести сегодняшнего дня, которой их любящее Христа сердце желало бы верить, но этому препятствовало их еще нераскрытое разумение. Во время задушевного обмена мыслями, делясь общим горем и недоумениями, ученики заметили, что к ним приблизился Кто-то; то был *Сам Иисус* (Лк. 24, 15), но апостолы не узнали Его, потому что *глаза их были удержаны* (Лк. 24, 16), тем более что Господь явился *в ином образе* (Мк. 16, 12), то есть не в том, в каком привыкли видеть Его ученики во время земной жизни. Учитель не желал Своим внезапным явлением резко изменить душевное настроение апостолов, представлявшее собою удобную почву для Его последующих наставлений.

— *О чем это вы идя рассуждаете между собою, и отчего вы печальны* (Лк. 24, 17)? — спросил апостолов присоединившийся к ним Путник.

Для учеников Христовых, всецело поглощенных мыслью о недавней крестной смерти Учителя, вопрос нового Собеседника был удивителен: им казалось, что раздиравшие их душу события должны были волновать всех без исключения — и что теперь ни о чем ином и речи быть не может. Поэтому, принимая Незнакомца за прозелита, ходившего на праздник Пасхи в Иерусалим и возвращавшегося домой, Клеопа с горячим полуупреком ответил на вопрос вопросом:

— *Неужели Ты один из пришедших в Иерусалим не знаешь о происшедшем в нем в эти дни* (Лк. 24, 18)?

— *О чем?* — снова спросил Господь, желая, чтобы ученики сами сообщили Ему причину своей печали. Апостолы были рады случаю облегчить свою скорбь и, ничего не утаивая, раскрыли свою душу: они печальны оттого, что первосвященники и начальники осудили на смерть Иисуса Назарянина, не только ни в чем неповинного, но, напротив, пророка «сильного в деле и слове пред Богом и всем народом»; эта смерть неповинного Праведника для них особенно горька, потому что с нею окончательно разбилась их надежда на открытие славного земного царства Мессии, что было общим верованием иудеев того времени:

— Его распяли, *а мы надеялись, было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля; но со всем тем, уже третий день ныне, как это произошло.*

В заключение ученики передали своему Спутнику удивительную весть, принесенную им сегодня от гроба Учителя женами:

— *Некоторые женщины из наших изумили нас: они были рано у гроба и не нашли тела Его, и пришедши сказывали, что они видели и явление Ангелов, которые говорят, что Он жив; и пошли некоторые из наших ко гробу и нашли так, как и женщины говорили; но Его не видали* (Лк. 24, 19–24).

Господь Иисус Христос неоднократно говорил ученикам о Своей смерти и воскресении, но эти слова Господа не вязались с утвердившимся и среди апостолов воззрением времени на Мессию, как славного земного царя, и это несмотря на то, что в Священном Писании Ветхого Завета содержались довольно ясные указания на то, как *надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою* (Лк. 24, 26): закон Моисея в образных учреждениях представлял страждущего Мессию; пророки в откровениях, — в некоторых из них с порази-

тельной яркостью, — предуказывали на страдания и грядущее за ними прославление Христа. Поэтому апостолы не были неповинны в своих сомнениях в воскресении Учителя. С порицания этого сомнения Господь и начал Свою речь прежде чем выяснить им на основании Священного Писания всю необходимость страданий Мессии и Его воскресения.

— *О несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки!* (Лк. 24, 25), — воскликнул Христос.

Дальнейшие слова Господа, изъясняющие *сказанное* о Христе *во всем Писании* (Лк. 24, 27), падали на скорбные души апостолов живительной росой: согреваемые святым огнем благодатного утешения сердца их трепетали от радостного восторга (см.: Лк. 24, 32).

Незаметно путники приблизились к Еммаусу, и чудный Незнакомец *показывал им вид, что хочет идти далее* (Лк. 24, 28). Но благодарные апостолы не хотели так скоро расстаться с человеком, который, утешая, с такой одушевленной и необычайной убедительностью говорил о предмете их скорбных дум и чувств; они удерживали Его, говоря: *Останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру* (Лк. 24, 29).

Желая наградить учеников окончательным уверением в истине воскресения, Господь исполнил их просьбу: *Он вошел и остался с ними* (Лк. 24, 29). Когда возлегли за трапезу, Христос Спаситель, как старший между возлежавшими, *взял хлеб, благословил, преломил и подал* (Лк. 24, 30) ученикам: что-то неизмеримо дорогое восстало пред открывшимися глазами апостолов; в радостном недоумении они пристально взглянули на Незнакомца и узнали в нем Учителя, но в тот же момент Господь *стал невидим для них* (Лк. 24, 31). Тогда апостолы стали припоминать все подробности встречи с Воскресшим, и им стало понятным то пламя восторга, которым горели сердца их во время Его речи.

— *Не горело ли в нас сердце наше,* — сказали они друг другу, — *когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?* (Лк. 24, 32).

Апостолы сейчас же поспешили в Иерусалим, чтобы поделиться своею радостью и с другими учениками Христа. Здесь они нашли апостолов из двенадцати, кроме Фомы, всех вместе с верующими, в той самой горнице, в которой, по вознесении Господа на небо, они обычно пребывали в ожидании Утешителя (см.: Деян. 1, 13–14). Их

встретили радостною вестью, *что Господь истинно воскрес и явился Симону* (Лк. 24, 34). В свою очередь, и еммаусские путники увеличили общую радость, поведав *о происшедшем на пути, и как Он был узнан ими в преломлении хлеба* (Лк. 24, 35).

Наконец настало для апостолов исполнение обещанного им Господом в прощальной беседе: *Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше* (Ин. 16, 22). Во время повествования еммаусских путников святому собранию о явлении Учителя, *когда двери были заперты из опасения от Иудеев* (Ин. 20, 19), *Сам Иисус стал посреди них* (Лк. 24, 36). Этим явлением в самый день воскресения, Господь, по мысли святого Иоанна Златоуста, «положил основание святому дню Господнему в замену ветхозаветной субботы, которой настал конец». Первыми словами Воскресшего обществу верующих было приветствие мира: *Мир вам*! (см.: Лк. 24, 36; Ин. 20, 19).

Христос Спаситель пред страданиями, прощаясь с учениками, преподал им Свой мир (см.: Ин. 14, 27), но состояние апостолов в настоящую минуту нуждалось в подтверждении этого дара: скорбь об утрате Учителя, сознание одиночества и беспомощности среди возбужденных удивительными слухами иудеев страшно обременяли душу учеников, и одна только любовь к Распятому, пробудившаяся ранее веры в Его воскресение, могла собрать воедино расточенных овец пораженного Пастыря. Явление Воскресшего Учителя, прошедшего притом чрез запертые двери, несмотря на дарование мира, возбудило сначала в учениках испуг и смущение, — они *подумали, что видят духа* (Лк. 24, 37). Поэтому Господь постепенно убеждает их в великой истине воскресения.

— *Что смущаетесь*, — спросил, ободряя их, Сердцеведец, — *и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это — Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите, ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня. И сказав это, показал им руки и ноги* (Лк. 24, 38–40). Апостолы невыразимо обрадовались, и эта радость их была тем сильнее, чем глубже и мрачнее была их печаль; явление Победителя смерти для них служило залогом победы Господа над всем, что враждебно Ему и Его последователям; ученики даже боялись поверить своей радости, и такое состояние их было вполне естественно: «Апостолы, — изъясняет святой Иоанн Златоуст, — увидели воскресшим Перворожденного из мертвых, а такие величайшие

чудеса, обыкновенно, сначала поражают, пока со временем не утвердятся в душах верующих». Желая окончательно рассеять всякую тень сомнений в душах учеников, Господь спросил:

— *Есть ли у вас здесь какая пища?*

Они подали ему часть печеной рыбы и сотового меда. И взяв, ел пред ними (Лк. 24, 41–43). «Вас не убеждают ни ребра, ни раны, — как бы так говорил Он, — пусть же, по крайней мере, убедит трапеза» (св. Иоанн Златоуст); при этом Господь, по мысли того же отца, «вкушал пищу, не имея Сам в ней нужды, потребляя (ее) Божественной силою с тою целью, чтобы исправить немощь учеников». Затем Господь, уничтожая всякую возможность недоумений со стороны Своих учеников, указал им на то, что Его страдания, крестная смерть и воскресение, о которых Он неоднократно предсказывал им ранее, — события, от века предопределенные Божественным домостроительством; они — окончательное завершение Ветхого Завета, говорящего о Христе: *Вот то, о чем Я вам говорил, еще быв с вами, что надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом, и в пророках и псалмах* (Лк. 24, 44).

И в преддверии совершительного действия обещанного Утешителя Духа (см.: Ин. 14, 26) Господь *отверз* ученикам *ум к уразумению Писаний* (Лк. 24, 45). И для апостолов стало действительно ясно, что *так написано, и так надлежало пострадать Христу и воскреснуть из мертвых в третий день и проповедано быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима* (Лк. 24, 47); для просветленного сознания их обнаружилось значение искупительного подвига Христова, открылось в истинном свете все то, чему они были свидетелями, когда сопутствовали своему Учителю, когда видели и слышали то, что услышать и увидеть составляло заветное желание ветхозаветных праведников (см.: Мф. 13, 17).

Это первое явление Господа ученикам закончилось вторичным приветствием мира, после чего Воскресший, зная Свое скорое отшествие к Отцу, преподал дело Своего служения спасению людей здесь, на земле, Своим преемникам — святым апостолам. Иисус сказал им вторично:

— *Мир вам! Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас.*

Сказав это, дунул и говорит им:

— *Приимите Духа Святого* (см.: Ин. 20, 21–22).

Явление Иисуса Христа апостолам

Это дуновение, служившее видимым знаком дарования Святого Духа и посвящавшее апостолов на служение евангельской проповеди, в то же время восстановляло в человеке помраченный грехом образ Божий: «Это — вторичное дуновение, потому что первоначальное уже не было действенно по причине произвольных грехов» (святой Кирилл Иерусалимский). Настоящее «предначинательное» (святой Кирилл Иерусалимский) приятие Святого Духа передавало апостолам ключи Царства небесного, ранее обещанные им в лице апостола Петра (см.: Мф. 16, 19): проповедники мира, низведенного на землю Господом (см.: Еф. 2, 14–18; Кол. 1, 20–22), получили власть вязать и решать совесть людей, чтобы уничтожить корень вражды — грех.

— *Кому*, — сказал Господь апостолам, по даровании Святого Духа, — *простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся* (Ин. 20, 28).

Впрочем, великое служение, врученное Господом апостолам, должно начаться еще не сейчас: ученики должны оставаться в Иерусалиме, пока не облекутся *силою свыше*, когда сойдет на них Обетованный Утешитель (Лк. 24, 49).

При явлении Господа апостолам в вечер воскресного дня не был апостол Фома, иначе называемый Близнец (см.: Ин. 20, 24). Не может быть сомнения, что отсутствие святого апостола было не случайно: промысл Божий этим даровал «для всех языков» Церкви Христовой новое, наиболее неотразимое по силе доказательности, подтверждение истины воскресения. «Почему, — спрашивает святой Кирилл Александрийский, изъясняя евангельское повествование о явлении Воскресшего Господа Фоме, — подробными знаками ум учеников приводится к вере? Не достаточно ли было познания Христа — видеть возраст тела и черты лица Его? Но, — отвечает святой отец на свой вопрос, — это было бы еще сомнительно. Ибо могли они подумать, что некий дух принял образ Спасителя, и к этой мысли легко привело бы их самое прохождение чрез заключенные двери, потому что земное тело по своей природе требует соразмерного себе входа. Итак, необходимо было, чтобы Господь наш Иисус Христос обнажил бок Свой и раны и показал кровавые знаки плоти, дабы утвердить учеников».

Среди святого общества избранных апостолов святой Фома при стремительности чувства, готового на самопожертвование (см.: Ин. 11, 16), отличался особенною пытливостью ума (см.: Ин. 14, 15), мало склонного доверять словам других, пока не увидит подтверждения им на собственном опыте. Развитию этой, вообще свойственной несколько меланхолическому характеру апостола, недоверчивости относительно истины воскресения Христа, кроме ее чудесности, немало содействовало и пребывание удрученного ученика вне общества последователей Господа Иисуса: апостол предпочитал ему уединение, чтобы на свободе оплакать смерть Учителя. В этом уединении недоверчивость святого Фомы, не находившая противовеса, и достигла тех размеров, о которых позволяет судить ответ его апостолам, когда они с радостью сказали ему, что *видели Господа*:

— *Если не увижу,* — сказал сомневавшийся ученик, — *на руках Его ран от гвоздей, не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю* (Ин. 20, 25).

Но это неверие — «неверие доброе» (служб. нед. антипасхи, вел. веч. стихир. на «Господи, воззв.» 4); источником его было не ожесточенное отрицание, а стремление к истине, — под ним скрывалась и горячая любовь к Самому Воскресшему. И они не остались без ответа: *после восьми дней* (то есть в день воскресный) *опять были в доме ученики Его, и Фома с ними. Пришел Иисус, когда двери были заперты, стал посреди них и сказал*:

— *Мир вам!* (Ин. 20, 26).

Господь явился спустя восемь дней, чтобы апостол «Фома, внимая в течение этого времени убеждениям учеников и слыша одно и то же, воспламенился большим желанием и сделался более твердым в вере на будущее время» (св. Иоанн Златоуст). Исполняя желание страдавшего неверием апостола, воскресший Учитель обратился к нему с такими словами:

— *Подай перст твой сюда, и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим* (Ин. 20, 27).

Конечно, «тело столь тонкое и легкое, что вошло сквозь затворенные двери, чуждо было всякой дебелости, но Христос показывает его таким для того, чтобы уверить в воскресении» (св. Иоанн Златоуст), чтобы апостол, «собственными, так сказать, руками взял радость воскресения из живоносных ран Воскресшего тела» (Филарет, митрополит Московский). Апостол исполняет веление Господа и «любопытною десницею» (служб. нед. антипасхи, мал. веч. стихир, на «Господи, воззв.») прикасается «к открытым устьям внутреннего источника жизни» (Филарет, митрополит Московский), что возвращает к жизни почти умершую было веру апостола.

— *Господь мой и Бог мой!* (Ин. 20, 28), — вырвался радостный вопль из облегченной от тяжелого бремени неверия души ученика.

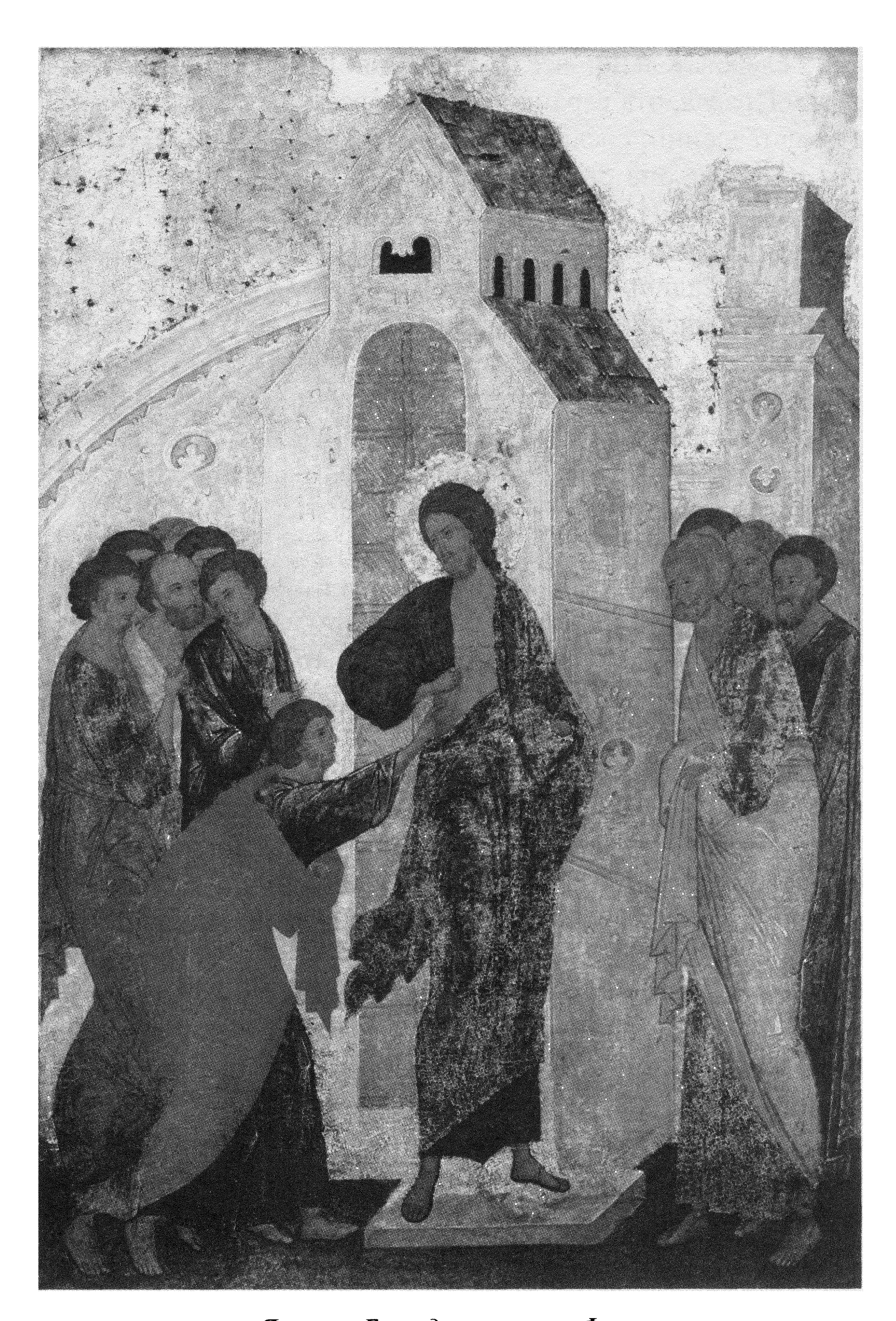
— *Ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны невидевшие и уверовавшие* (Ин. 20, 29), — сказал Христос уверовавшему ученику.

Этим ответом Господь в лице апостола Фомы выразил порицание всем ищущим наглядных и очевидных знамений для своего уверения и указал на превосходство веры тех, которые не нуждаются в этом, ибо «чем очевиднее знамение, тем менее достоинство веры» (св. Иоанн Златоуст). Упрек Господа до известной степени относился и к прочим апостолам, убедившимся в истине воскресе-

ния только после явления им Воскресшего (см.: Лк. 24, 36–48), исключая, впрочем, апостола Иоанна, который от опустевшего гроба Христова унес с собою веру, что жив Господь (см.: Ин. 20, 8). «Кажется, — говорит Филарет, митрополит Московский, — можно видеть, как Господь взором укорения взирает на Фому и глаголет: «Ты поверил, потому что увидел Меня, — потом обращает взор одобрения на Иоанна и, хотя не открыто к его имени, но тем не менее внятно к его сердцу продолжает, — блаженны не видевшие и уверовавшие».

Доселе явления Воскресшего Господа происходили в Иерусалиме или близ его; но еще в ночь пред крестными страданиями Христос Спаситель, утешая апостолов, предсказал им, что по воскресении Своем увидит их в Галилее (см.: Мф. 26, 32); в самый день воскресения Ангел чрез жен-мироносиц напоминает ученикам это обещание Учителя (см.: Мф. 28, 7); его снова повторяет и Сам Господь, сказавший при явлении мироносицам: ***пойдите возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня*** (Мф. 28, 10). Явление Господа в Галилее имело для апостолов особенную радость. С этой страною, славившейся во дни Спасителя плодородием, тучными пастбищами, обилием растительности и красотою природы, у апостолов были связаны наиболее дорогие воспоминания: здесь Божественный Учитель их провел тридцать лет Своей жизни до дня явления Своего миру (см.: Мф. 3, 13); здесь они были призваны Им от сетей рыбарей, чтобы быть ***ловцами человеков*** (Мф. 4, 19); здесь среди зеленых холмов и светлых источников, среди мирного земледельческого населения прошли наиболее счастливые дни их совместной жизни с Учителем, радость которой в Галилее менее всего омрачалась преследованиями со стороны книжников и фарисеев. Галилея была любимым местом проповеди Спасителя и вся исхожена священными стопами Его: ее небольшие города и селения, утопавшие в садах из яблонь, гранатовых и ореховых деревьев, горы и равнины, занятые нивами, озеро, блиставшее как изумруд среди чудных деревьев долины Геннисарета, — все это говорило ученикам об Учителе, о Его чудесах, беседах и притчах.

По окончании праздничных дней апостолы возвратились на родину; явления Господа заменили их скорбь о смерти Учителя радостным сознанием, что Он, хотя они и не ходят с Ним как прежде,

Явление Господа апостолу Фоме

жив, и, следовательно, все обетования Его, Победителя смерти, сбудутся. Правда, эта вера их еще не совсем была свободна от ложных представлений, соединяемых в то время с понятием о Мессии, но тем не менее она была несравненно более глубокою и чистою. Однажды вечером близ Геннисаретского озера, памятного многократными посещениями Господа (см.: Мф. 4, 13–17; 23–25; 8, 23–34; 9, 1–8; 13, 1), собрались Симон — Петр, Фома — Близнец, Нафанаил из Каны Галилейской, сыновья Зеведеевы — Иаков и Иоанн и два других учени-ка Господа. Возвратившись временно, до ниспослания обещанного Господом Утешителя Духа (см.: Лк. 24, 49), к прежнему образу жизни, апостолы возвратились и к прежнему источнику пропитания — занятию рыболовством. Петр сказал, обращаясь к сотоварищам:

— *Иду ловить рыбу.*

— *Идем и мы с тобою,* — отвечали они ему.

И тотчас все вместе отправились к озеру и отплыли в лодке. Целую ночь трудились апостолы, закидывая то здесь, то там сети, но ничего не поймали (см.: Ин. 21, 1–3). Наступало уже утро. Вдруг усталые ученики заметили, что Кто-то стоит на берегу. Это был Христос, но ученики не узнали Его, быть может, от предрассветной мглы, застилавшей берега, а быть может, потому, что Господь явился, как и еммаусским путникам, «в ином образе». Господь Иисус «не тотчас обнаруживает Себя, а сначала вступает в разговор совершенно по-человечески, как бы намереваясь что-нибудь купить у них» (св. Иоанн Златоуст):

— *Дети, есть ли у вас какая пища?* — спросил Христос.

— *Нет* (Ин. 20, 5–6), — отвечали с огорчением апостолы.

Тогда Стоящий на берегу предложил им тоном человека, вполне уверенного в успехе дела:

— Закиньте сеть по правую сторону лодки и поймаете.

Ученики закинули и уже не могли вытащить сети от множества рыбы (см.: Ин. 21, 6). Эта чудесная ловитва, конечно, сейчас же напомнила апостолам другую, подобную ей, тоже после ночи, труды которой были также бесплодны, но тогда они закинули сеть по повелению Учителя (см.: Лк. 5, 4–7), и это совпадение, без сомнения, пробудило в учениках смутную догадку, что Говоривший с ними с берега, быть может, Сам Господь. Впрочем, если остальные апостолы только предчув-

Явление Господа на море

ствовали истину, то апостол Иоанн, прислушиваясь к голосу своего сердца, горевшего любовью к Господу Иисусу, тотчас узнал Его.

— *Это Господь*, — сказал он с уверенностью Петру, который, ***услышав, что это Господь, опоясался одеждою (ибо он был наг) и бросился в море*** (Ин. 21, 7); лодка находилась недалеко от берега, на расстоянии двухсот локтей.

В действиях Петра и Иоанна при настоящем явлении Господа с особенною ясностью обнаружились отличительные черты в характере обоих апостолов: «Тот (то есть апостол Петр) был пламеннее, а этот возвышеннее; тот стремительнее, а этот проницательнее; Иоанн первый узнал Иисуса, а Петр первый пошел к Нему» (св. Иоанн Златоуст).

Между тем и *другие ученики приплыли в лодке, таща сеть с рыбою* (Ин. 21, 8). Выйдя на берег, они увидели разведенный огонь, а на нем рыбу и хлеб.

— *Принесите рыбы, которую вы теперь поймали* (Ин. 21, 10), — сказал Господь ученикам.

Симон-Петр вытащил на землю сеть, в которой оказалось сто пятьдесят три больших рыбы; то было новое чудо, так как *при таком множестве не прорвалась сеть* (Ин. 21, 11). Ученики окончательно уверились, что пред ними Господь. И когда Он пригласил их за трапезу, — *придите, обедайте*, то они молча расположились вокруг разведенного костра; из них *никто не смел спросить Его: кто Ты? зная, что это Господь* (Ин. 21, 12). Так, по словам святого Иоанна Златоуста, при этом явлении Спасителя апостолы «уже не имели своей обычной смелости, не дерзали, как прежде, и не обращались к Нему с речью, но в молчании, с великим страхом и благоговением сидели и смотрели на Него».

В начале трапезы Господь подошел, взял хлеб, разломил и подал ученикам; затем Он разделил рыбу. Когда апостолы обедали, Господь обратился к апостолу Петру с вопросом:

— *Симон Ионин! Любишь ли ты Меня больше, нежели они?*

Называя апостола прежним его именем Симона, хотя за свое исповедание он был удостоен Господом наименования камня с присоединением великого обетования (см.: Мф. 16, 16–18), Христос как бы намекает ему, что, отрекшись от Учителя и обнаружив таким образом слабость, свойственную человеческой природе, он утратил право на это высокое наименование. Последние слова вопроса указывают и на источник этой слабости — излишнюю самонадеянность апостола на свои силы, когда в ночь пред Гефсиманским томлением Учителя и незадолго до своего отречения он горделиво уверял Господа: *если и все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблазнюсь* (Мф. 26, 33). Горькой волной нахлынули на душу апостола воспоминания о том постоянно оплакиваемом событии, когда он, призванный Господом тоже после чудесной ловитвы рыбы (см.: Лк. 5, 10), в страшные часы поругания Спасителя на суде у первосвященника, сидя так же, как сейчас, у костра, троекратно отрекся от Него. Но искреннее и глубокое раскаяние в своем согрешении благотворным образом отразилось на павшем апостоле, воспитав в нем в противовес прежней самоуверенности дух смирения; это выразилось в ответе апостола, в котором он не только не ставит свою любовь ко Христу выше любви других учеников, но и не сравнивает с нею, — он просто говорит: *Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя.*

При этом апостол даже не осмеливается назвать свое чувство совершенною любовью (ἀγάπη): он обозначает его как дружескую привязанность (φίλος), хотя теперь действительно готов был умереть за Учителя. И смирение не осталось без награды.

— *Паси агнцев Моих* (см.: Ин. 21, 15), — сказал Господь апостолу.

Здесь, по изъяснению святого Василия Великого, Христос «агнцами назвал новорожденных в вере». После непродолжительного молчания Господь вторично спросил апостола Петра:

— *Симон Ионин! Любишь ли ты Меня?*

Вопрос Господа уже не содержал в себе укоризненного указания на высказанное некогда опрометчивое уверение апостола в превосходстве своей любви к Учителю пред любовью других учеников. Это, без сомнения, было замечено апостолом, и из благодарной души его вырвался тот же смиренный ответ:

— *Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя.*

— *Паси овец Моих* (Ин. 21, 16), — ответил Христос, вручая апостолу пастырское водительство всех членов Церкви, уже и достигших совершенного духовного возраста, которых Господь неоднократно ранее уподоблял овцам (см.: Мф. 18, 12–14; Ин. 10, 6–14).

— *Симон Ионин! Любишь ли ты Меня?* — спросил Господь в третий раз неожиданно для апостола, успокоенного обетованиями Христа Иисуса.

Этот вопрос Господа сильно опечалил апостола Петра: он увидал в нем выражение сомнения к своему двукратному уверению в любви. Поэтому, указывая на всеведение Господа, он, отрекшись от Христа в третий раз с клятвою, теперь с особенною силою в третий раз исповедует свою любовь к Нему:

— *Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя.*

— *Паси овец Моих* (Ин. 21, 17), — подтвердил Господь уже дарованное обетование, восстанавливая падшего ученика Своего в апостольском чине: «троекратным удостоверением любви ко Христу заглаживалось троекратное отречение от Христа; это была короткая епитимья покаявшемуся и разрешаемому Петру» (Филарет, митроп. Московск.).

Возвратив апостолу утраченное им достоинство, Господь затем обратился к нему с иносказательною речью, которою давал ему понять, в каком он возрасте и *какою смертью прославит Бога* (Ин. 21, 19):

— *Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь* (Ин. 21, 18), то есть апостол умрет за Христа насильственною, мученическою смертью и — в те годы, когда со старцем, ослабевшим под бременем лет, делают, что хотят.

— *Иди за Мной* (Ин. 21, 19), — заключил Господь Свое предсказание, как бы повторив то призывание (см.: Мф. 4, 19), от которого апостол своим отречением уклонился.

Апостол тотчас же встал и последовал за Господом, показывая этим, что он не отступит от Него на своем пути за Ним, хотя бы встретилась мучительная смерть, ибо он уже не Симон более, а Петр.

Обернувшись назад, апостол Петр заметил, что за Господом он идет не один, — за Ним следует, влекомый любовью к Учителю, ученик, *которого любил Иисус* (Ин. 21, 20), то есть Иоанн Богослов. Его увидев, Петр говорит Иисусу:

— *Господи! А он что?* (Ин. 21, 21).

Иначе: что предстоит ему в будущем, — «не пойдет ли и он одним с нами путем?» (св. Иоанн Златоуст).

Излишняя пытливость апостола, желавшего проникнуть в сокрытое Господом от взоров человеческих, была для него бесполезна и Спасителю неугодна. Поэтому Христос с оттенком укоризны сказал ему:

— *Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? Ты иди за Мною* (Ин. 21, 22).

То есть «тебе поручено дело, заботься о нем, совершай его, терпи и подвизайся» (св. Иоанн Златоуст); оставь Иоанна: «Если бы Я захотел, чтобы ученик тот остался жив всегда, даже до второго пришествия Моего, чтó тебе до того? Ты следуй за Мною по пути страданий и смерти, а у него может быть и другой путь» (из толков. на Еванг. Иоанна архимандр. Михаила).

Эти слова, сказанные Господом условно, впоследствии верующими были поняты буквально, в том смысле, *что ученик тот не умрет* (Ин. 21, 23), подтверждением чему могла служить действительно долгая жизнь апостола. Это убеждение настолько твердо укоренилось, что апостол на склоне лет вынужден был его опровергать, выясняя действительный смысл слов Христа Спасителя: *Иисус не*

сказал ему, что не умрет, но: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? (Ин. 21, 23).

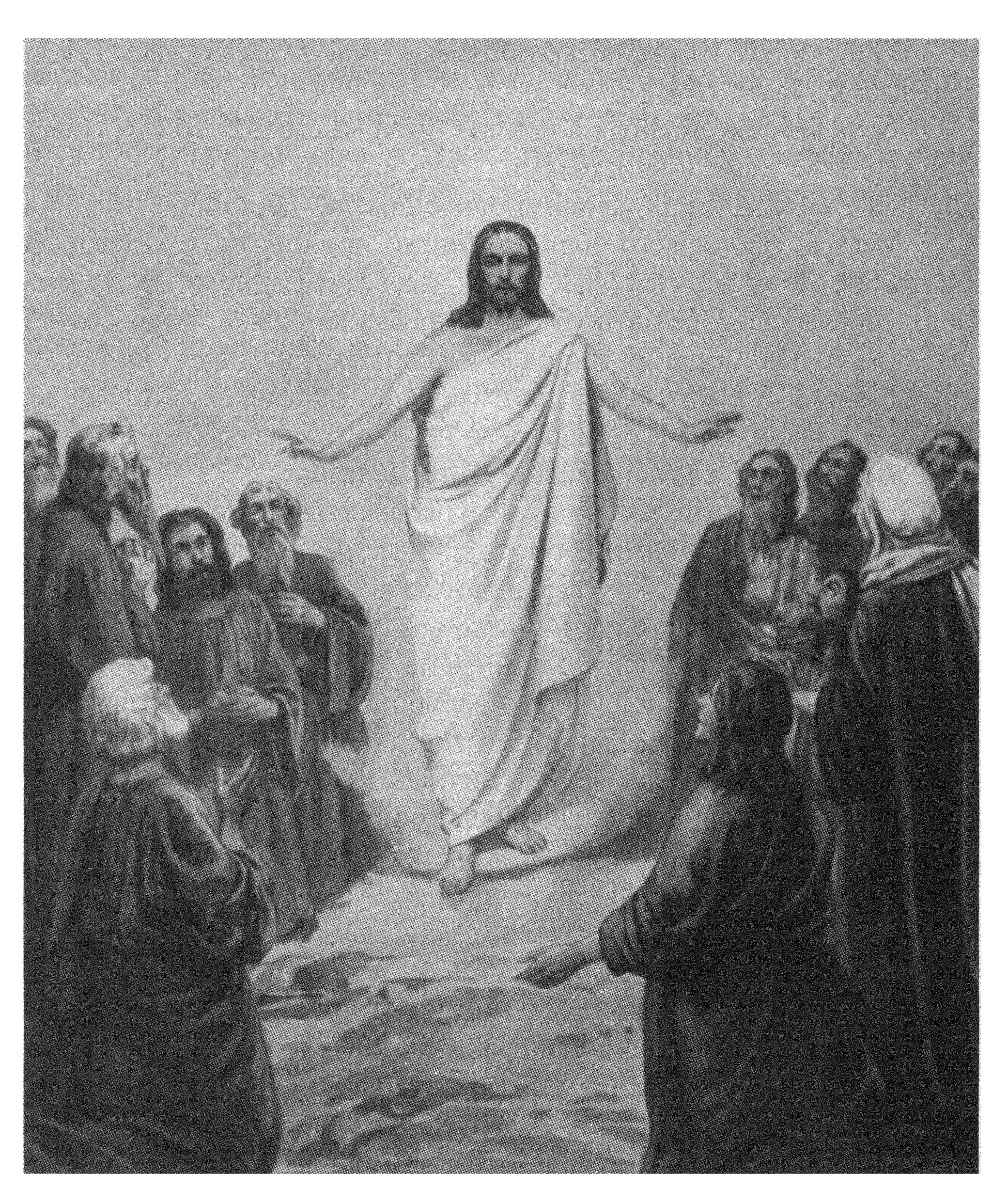
Второе явление Господа в Галилее было многочисленному сонму верующих во главе с апостолами, тогда как до этого времени Воскресшего видели лишь жены-мироносицы да ближайшие ученики Его. Местом настоящего торжественного явления была избранная Самим Господом гора (см.: Мф. 28, 16); здесь к указанному Им же времени собралось более пятисот братий (см.: 1 Кор. 15, 6), и нет сомнения, что большинство их состояло из Галилеян, ходивших за Господом во время Его проповеди на их родине, слушавших Его учение, бывших свидетелями Его чудес и, — нет ничего невероятного, — на себе испытавших благость милосердого Целителя.

Когда Господь явился, то одни из собравшихся на горе Ему *поклонились, а иные усомнились* (Мф. 28, 17); конечно, среди последних не было апостолов, уже утвердившихся в вере предшествующими явлениями Господа: сомнение могло возникнуть лишь в тех последователях Христовых, которые впервые удостоились увидать Воскресшего. Но это сомнение было временно и уступило место твердой вере, так что впоследствии святой апостол Павел, перечисляя свидетелей явлений Воскресшего Господа, упоминает и «более пятисот братий», из коих многие были еще живы.

Приблизившись к апостолам, Христос Спаситель сказал им:

— *Дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века* (Мф. 28, 18–20).

В этих немногих, исполненных поистине Божественного величия, словах воскресшим Спасителем дается апостолам полномочие на всемирную проповедь, полагается таинственное основание Церкви заповедью о крещении (св. Афанасий Александрийский), и верующие в Господа Иисуса всех веков укрепляются радостным обетованием пребывания с ними Победителя ада и смерти. Получив по Своем воскресении такую же власть и по человечеству, какая всегда принадлежит Ему по Божеству, Господь, принесши искупительную жертву *за грехи всего мира* (1 Ин. 2, 2), и проповедь евангельскую не ограничивает тесными пределами иудейской национальности: Он повелевает апостолам идти с нею ко всем народам, запечатлевая ве-

Последнее явление Иисуса Христа ученикам

рующих святым крещением, открывающим двери Царства Божия (см.: Ин. 3, 5), и научая их соблюдать Его заповеди во свидетельство любви (см.: Ин. 14, 21) и живой веры в Воскресшего Господа (см.: Иак. 2, 14). Но проповедь о Христе, являвшая *для иудеев соблазн, а для еллинов безумие* (1 Кор. 1, 23), должна была ожидать себе со стороны тех и других вражды, что и самим проповедникам грозило опасностями всякого рода до мученической смерти включительно. Своим обетованием — *Я с вами во все дни до скончания века* Господь и вселяет мужество в души проповедников Евангелия, которым предстояла тяжелая борьба с миром. Но так как апостолы «имели жизнь не до кончины века», то и обетование Господа «относится не к ним одним, а и ко всем вообще ученикам Его, то есть ко всем верующим в Него и хранящим Его заповеди» (блажен. Феофилакт).

При Господнем содействии (Мк. 16, 20) апостолы, оставившие сети рыбарей, уловили в сети учения Евангельского весь мир, и в этом дано для верующих всех времен непреложное свидетельство действенности великого обетования Господа о пребывании Его в Церкви вечно. Только в этом случае становится объяснимо, что «неученые и простые рыбари заградили уста философам и как бы обтекли всю вселенную, посевая в ней слово благочестия, исторгая терпения, истребляя древние обычаи и повсюду насаждая законы Христовы. Ни малочисленность и простота их, ни строгость повелений, ни привязанность всего рода человеческого к древним обычаям — не могли служить для них препятствием, но все это устранила предшествовавшая им благодать Божия, так что они все делали легко, самыми препятствиями возбуждаясь к большей ревности» (св. Иоанн Златоуст).

Святой апостол Павел, как бы пополняя евангельскую историю о явлениях Господа Иисуса, упоминает еще о явлении Воскресшего Спасителя апостолу Иакову, по мнению святого Иоанна Златоуста, брату Господню, которого, по древнему преданию Церкви, Он Сам рукоположил и поставил первым епископом в Иерусалиме.

Так Господь наш Иисус Христос: *явил Себя живым, по страдании Своем, со многими верными доказательствами, в продолжение сорока дней являясь им* (апостолам) *и говоря о Царствии Божием* (Деян. 1, 3)[1].

---

[1] Евангельские повествования о воскресении Господа и Его явлениях предлагаются Церковью благочестивому вниманию верующих за утренним богослужением каждого воскресного дня, исключая, впрочем, прилучившихся в воскресение

двунадесятых, Господских и Богородичных, праздников, а также праздников храмовых: в первые всегда читаются праздничные Евангелия, а во вторые — или воскресные, или храму. Число утренних Евангелий 11, и все они составляют так называемый «столп Евангелий утренних»: 1) Мф. 28, 16–20; 2) Мк. 16, 1–8; 3) Мк. 16, 9–20; 4) Лк. 24, 1–12; 5) Лк. 24, 12–35; 6) Лк. 24, 36–53; 7) Ин. 20, 1–10; 8) Ин. 20, 11–18; 9) Ин. 20, 19–31; 10) Ин. 21, 1–14; 11) Ин. 21, 12–25. Чтение сейчас указанных Евангелий в известном, определенном церковным уставом, порядке идет, повторяясь, с Недели всех святых; порядок этот несколько видоизменяется для семи недель Пятидесятницы и с 32-й недели по Пасхе по 5-ю неделю Великого поста. Чтение воскресных утренних Евангелий совершается в алтаре, откуда, таким образом, как бы из гроба Господня, раздается радостная весть воскресения; затем следует пение торжественного молитвословия «Воскресение Христово видевше», в котором верующие призываются поклониться «Святому Господу Иисусу». — Явление Господа в восьмой день по воскресении апостолам и осязание язв на пречистом теле Его апостолом Фомою вспоминаются святой Церковью в Неделю о Фоме, 2-ю по Пасхе. Это явление Воскресшего Спасителя составляет предмет нарочитого празднования ввиду его особенно важного значения для уверения в истине воскресения Христова: Господь Иисус, по выражению церковной песни, «простирая неверующему Фоме ребра», тем самым уверяет весь мир в Своем «тридневном восстании» (канон, п. 4). Действительно, образ уверения апостола Фомы Христом Спасителем самым убедительным образом показывает, что Он воскрес с той именно плотью, которую воспринял от утробы пречистой Девы Марии, с которой пригвожден был ко Кресту и которая сохранила следы язв гвоздинных и удара копьем. Неделя о Фоме, по окончании Светлой пасхальной седмицы впервые повторяющая воспоминанием радостное событие воскресения Христова, именуется еще «антипасхою» — то есть вместо Пасхи, или «неделею обновления», потому что в это воскресенье как бы обновляется великий праздник Воскресения, тем более, что и Сам Господь обновил для учеников Своих радость воскресения новым явлением в этот «осьмой день». «Древен и с доброю целью, — поучает святой Григорий Богослов в слове на эту неделю, — установлен закон чтить день обновления, или лучше сказать, с днем обновления чтить новые благодеяния. Но разве не обновления день был и первый воскресный день, последовавший за священною и светоносною ночью? Для чего же даешь это наименование нынешнему дню? То был день спасения, а это — день воспоминания спасения. Тот день разграничивает собою погребение и воскресение, а этот есть чисто день нового рождения. Он есть первый в числе последующих за ним и восьмой в числе предшествующих ему». В древней Церкви неделя антипасхи носила еще и доселе сохранившееся у римско-католиков наименование «недели в белых», то есть новокрещеных: по принятии таинства крещения и миропомазания в навечерие святой Пасхи новокрещеные всю Светлую седмицу ходили в белых одеждах в знак своего обновления во Христе; в неделю же о Фоме они омывали на своем теле миро и слагали с себя в храме торжественные белые одежды.

АЛФАВИТ СВЯТЫХ,
жития и память которых помещены в этой книге

* Звездочка, поставленная около имени святого, означает, что в книге помещено его изображение.

ПРАЗДНИКИ и ПАМЯТИ

Старинные меры длины и денежные единицы

Аршин — мера длины. В XVI–XVII вв. в России делился на 4 четверти и был равен 72 см; при Петре I был установлен = 16 вершкам = 71,120 см = 0,7112 м. Размер аршина в различных странах от 65,2 см до 112 см.

Верста — русская путевая мера длины. В древней русской литературе применяли поприще в том же смысле, что и верста (750 сажень). В XVIII — нач. XX вв. 1 Верста = 500 сажень = 1500 аршин = 1,06680 км.

Вершок — старая русская мера длины. В XVI – нач. XX вв. 1 вершок = 4,4450 см.

Драхма — древнегреческая весовая и денежная единица. В Древней Греции драхма являлась денежной единицей равнялась 1/100 мины, делилась на 6 оболов, 600 драхм составляли 1 талант. Вес драхмы в разных частях Греции был разным. Наиболее распространенной была аттическая драхма равная 4,25 г.

Златник — первая русская золотая монета, обращавшаяся в Киевской Руси в конце X века, масса около 4,2 г.

Золотник — старая русская мера веса (массы). В XVIII в. принято деление на 96 долей, размер остался тем же, 4,26575 г. Золотник применяли при определении пробы драгоценных металлов.

Литра — 1) Древ. сицилийская весовая ед., первонач. равна 1/240 таланта (109,15 г), позднее 1/120 таланта (218,3 г), а с IV в. до н.э. — монета. 2) Византийский фунт — 327,45 г.

Локоть — древняя единица длины. Первоначально локоть определяли как расстояние по прямой от локтевого сгиба до конца среднего (или большого) пальца вытянутой руки (либо сжатого кулака). В древние времена в Вавилоне и Египте царский локоть был равен 0,555 м, народный локоть — 0,45 м, в Сирии локоть был равен 0,370 м, в Риме — 0,4434 м. В России локоть был равен около 51 см, в XVI–XVII вв. — 48 см. В XVIII в. локоть выходит из употребления.

Миля — единица длины. В Древнем Риме милю определяли как «тысячу двойных шагов вооруженного римского воина (легионера)». Она равнялась 1481 м. В России применяли милю, равную 7 верстам или 7467,60 м.

Поприще — мера расстояния. Состояло из тысячи больших шагов, а в каждом таком шаге считается пять стоп. Локтей в поприще 2000; оно равно приблизительно 690 сажень.

Сажень — старая русская мера длины. В XI–XIII вв. сажень содержала 3 локтя и равнялось около 152 см. Это была так называемая прямая сажень, определявшаяся размахом рук человека от конца пальцев одной руки до конца пальцев другой. В XIV в. эта сажень постепенно заменяется мерной (маховой) саженью, которая равнялась 2,5 аршина или 180 см. Применяли также сажень косую (великую), равную 248 см (определялась расстоянием от пальцев ноги до конца пальцев руки, вытянутой по диагонали), и сажень без чети, равную 197 см. В XVIII в. в качестве основной выделяется казенная (косая) сажень, равная 3 аршинам или 216 см. В XVIII — нач. XX вв. 1 сажень = 3 аршинам = 2 полусажени = 48 вершков = 12 четвертям = 100 соткам = 2,13360 м.

Стадий, стадия — древнегреческая мера длины, равная приблизительно 150–190 м.

Фут (буквально — ступня) — единица длины. В России фут начали применять в XVIII в., он равнялся 1/7 сажени или 0,30480 м.

